

Родрик Брейтветт

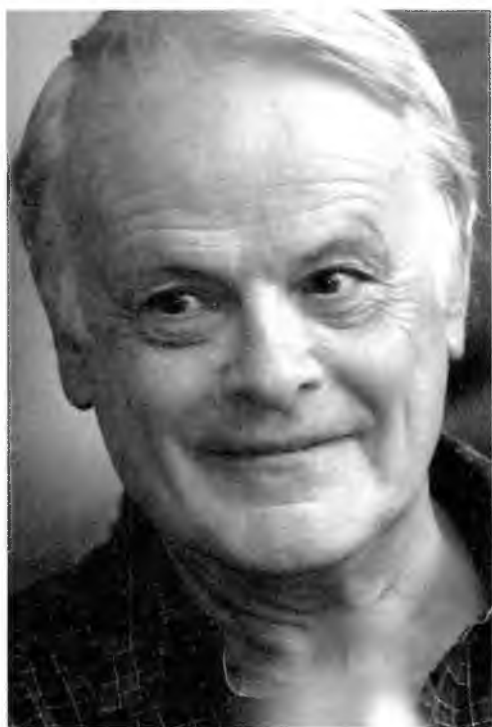
За Москвой-рекой
Перевернувшийся мир

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

**Московская школа
политических
исследований**

Рогвик Брейтвейт

Родрик Брейтвейт

За Москвой-рекой Перевернувшийся мир

Перевод с английского
Валерии Исакович

Московская школа
политических исследований

Москва 2004

ББК 66.3(2)

Б 87

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой
политических исследований и издается под общей редакцией
Ю.П. Сенокосова

Брейтвейт Р.

Б 87 За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир. Перевод осуществлен с английского издания: Rodric Braithwaite. Across The Moscow River. The World Turned Upside Down. — Yale University Press, New Haven and London, 2002. — 372 p. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — 552 с.

Сэр Родрик Брейтвейт (1932) возглавлял британскую дипмиссию в Москве в 1988–1992 годах, был свидетелем, а порой и участником ключевых событий в стране накануне, во время и после второй, по его выражению, революции в ее истории.

Каковы причины распада «советской империи» и краха коммунистических иллюзий? Кто они, главные действующие лица исторической драмы, каковы мотивы их действий или бездействия, личные свойства, амбиции и интересы? В чем, собственно, «загадка русской души», и есть ли у России особая миссия в истории или она обречена подчиниться императивам глобализации? Способны ли русские построить гражданское общество и нужно ли оно им?

Отвечая в своей книге на эти и другие вопросы, автор приходит к принципиально важному заключению: «Россия может надеяться создать жизнеспособную политическую и экономическую систему. Это будет русская модель демократии, существенно отличающаяся от американской или даже от европейской модели».

ББК 66.3(2)

ISBN 5-93895-054-6

© Исакович В., перевод, 2004

© Московская школа

политических исследований, 2004

*Без энтузиазма Джилл,
без ее энергии и безграничной любознательности,
без ее знания языка, истории, культуры и народа России
моя жизнь в Москве была бы совсем иной, и эта книга
не могла бы быть написана. Я посвящаю ее Джилл
со всей моей любовью и нежностью.*

Пролог

Наш последний день в Петрограде! И все же, несмотря на все то, что мы здесь пережили, у нас грустно на душе. Почему это Россия захватывает всякого, кто ее знает, и это непреодолимое мистическое очарование так велико, что даже тогда, когда ее своенравные дети превратили свою столицу в ад, нам грустно ее покидать?

Джордж Бьюкенен,
посол Великобритании в России, 1910–1918

Джордж Бьюкенен, мой непосредственный предшественник на посту посла в России (те, что были между нами, служили послами в Советском Союзе), покинул Петроград в январе 1918-го, измученный тяжелейшими годами войны и революции. Подобно многим иностранцам до и после него, он никак не мог понять, почему так привязался к этой огромной, неповоротливой, грязной, безалаберной и жестокой стране.

Русские, естественно, и не ждут понимания от иностранцев. Они с одобрением цитируют друга Пушкина князя Вяземского, который как-то заметил: «Если вы хотите, чтобы иностранец показал себя дураком, предложите ему высказаться о России». Сегодня, как и в прошлом, русские считают свою страну бесконечно загадочной и не поддающейся определению с помощью нормальных аналитических мерок, непостижимой для ума. Они полностью согласны с поэтом XIX века Тютчевым, написавшим, что «в Россию можно только верить». Не всякий, кто воспитан в традициях западного рационализма, легко согласится с подобным утверждением.

Я провел в Москве четыре волнующих года, в течение которых прошла так называемая (скорее всего, неточно) вторая русская революция, инициированная Горбачевым и продолженная Ельциным¹. То было время, когда Россия вновь выкарабкивалась на свет божий из

под панциря Советского Союза. 17 мая 1992 года, в год моего 60-летия и в последний день пребывания в столице России, я тоже попытался решить задачу, заданную Джорджем Бьюкененом. Но до сих пор не нашел лучших, чем тогда, слов.

«С первого взгляда, — записал я тогда, — тебя поражает физический облик страны, эта бескрайняя равнина, где даже древнейшие города расположены как-то непрочно, словно поселения кочевников. Дело тут и не в искусстве, литературе или музыке, входящих в сокровищницу европейской культуры. Дело даже не в чудесном русском языке, который, по мнению одного из наших русских друзей, является единственным из всего созданного русскими, чья ценность не подлежит сомнению. Все эти вещи вызывают восхищение, которое легче пережить, нежели объяснить. В конце концов, богатство этой страны — это ее народ: утверждение совсем не оригинальное, но все-таки справедливое. Политический гнет, раздробленность общества, жизнь в нищете заставили русских людей полагаться друг на друга. Только в небольших компаниях чувствовали они достаточное доверие друг к другу, чтобы не опасаться доносчика. Только на своих кухнях были свободны говорить сколько хотят — бесконечно, бесплодно и увлеченно — о проблемах жизни и Вселенной, так как существовавшая система не позволяла им обсуждать это открыто. Человеческие отношения в России столь хрупки и уязвимы, что обладают одновременно глубиной и силой, не имеющей аналога на более стабильном Западе. Русские могут вас смутить тем, как щедро они тратят свое время и скудные средства. На Западе нам бы и в голову не пришло разделить с гостем последний кусок колбасы, потому что у нас можно выбежать в ближайший супермаркет и купить другой кусок. Отсутствие этих привычек русские замечают, как только выезжают за границу, поэтому им так трудно переносить изгнание».

«Россия — прежде всего страна эпическая, не только по своим размерам, но и по нравственным качествам. Это страна, где ложь была возведена в принцип поведе-

ния, и потому такие понятия, как Правда, Честь, Преданность, Мужество сохранили свой смысл для самых простых людей, которым постоянно приходится делать выбор, с каким англичане не сталкивались уже лет триста, со времен гражданской войны. Нас эти высокопарные слова смущают. Для русских они — неотъемлемая часть повседневной жизни. Поскольку их родина всегда была страной негодяев и одновременно — страной святых и героев. Без Сталина не появились бы Солженицын и Сахаров».

Когда мы с Джилл покидали Москву, быть уверенным в будущем России было не так-то легко. Общественные здания столицы ветшали, дороги все были в рытвинах, магазины, в буквальном смысле слова, пусты, старые дамы продавали на тротуарах свои фамильные драгоценности, беженцы с Кавказа и из Средней Азии жили в метро. Видавший виды самолет Аэрофлота «ильюшин», на котором мы летели в Пекин, был битком набит такими же русскими с сумками, заполненными дешевыми потребительскими товарами, которые они собирались продать на китайских рынках. Это было выгодное предприятие, потому что Аэрофлот еще не додумался установить коммерческий тариф на свои билеты.

И все-таки мы уезжали уверенные в том, что Россия сохранит свое величие, и что она способна найти, а если ей будет к тому же сопутствовать удача, обязательно найдет, ответ на беспрецедентные задачи, вставшие перед ней. На протяжении последующих десяти лет, несмотря на трудности и поражения, Россия действительно продолжала, пусть не столь быстро, спотыкаясь, отдаляться от своего авторитарного и имперского прошлого в сторону собственного варианта реально действующей рыночной демократии. Так что даже рационально мыслящему человеку Запада придется, пожалуй, согласиться с тем, что Россию и в самом деле полезно не только понимать, но и верить в нее.

Вера, луч надежды и немного доброжелательного понимания — вот чего русские не часто получали от тех, кто созерцал их извне.

Вид через реку

*...перед ними
уж белокаменной Москвы,
как жар, крестами золотыми
горят старинные главы.*

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»

В ту первую ночь в сентябре 1988 года мы с Джилл с опаской легли спать в великолепном особняке Павла Харитоненко на берегу Москвы-реки. Темный, похожий на пещеру, дом этот казался одиноким и неудобным местом, и именно здесь нам предстояло начать почти четырехлетнее пребывание в Москве во время «второй русской революции». Этот дом с его великолепным видом на Кремль стал, однако, для нас обоим символом России, существовавшей и до первой революции 1917 года; России дерзких и становившихся все более самоуверенными предпринимателей, людей, подобных отцу Павла Харитоненко, Ивану, бывшему крепостному, который разбогател на сахарном деле. Он стал для нас символом той России, которая со временем могла бы, подобно Фениксу, возродиться вновь в результате реформ Горбачева и его преемников.

Вопреки первому впечатлению, мы, конечно, никогда не оставались в здании в одиночестве. У нас не было собственного парадного. Готическая лестница вела в главный холл. На ее перилах были выгравированы сидящий на жердочке орел, восседающий дракон, а также год сооружения дома — 1893-й. В начале дня холл напоминал площадь Пикадилли-серкус, люди потоком устремлялись в кабинеты посольства — отгороженные друг от друга клетушки на нижнем этаже. К позднему вечеру все затихало, и в доме оставались только два человека из охраны,

всюду совавшие свой нос, чтобы не дать изобретательным агентам КГБ проникнуть к нам через погреба или двери. То была бесконечная битва за обеспечение безопасности здания, которое по своему устройству было прогниваемым, как сито. Мы жили как бы в аквариуме для золотых рыбок, никак не напоминавшем об английской традиции — «Мой дом — моя крепость». Частная резиденция посла на втором этаже состояла всего лишь из двух основных помещений — большой гостиной и уступавшей ей по размеру спальни. Они соединялись небольшой комнатой, разделенной в свою очередь перегородкой. По другую сторону перегородки находилась ванная, а также умывальник и уборная. Здесь посол и его жена совершали свои омовения почти так же прилюдно, как Король-солнце Людовик XIV. Впрочем, мы не были окружены свитой придворных, хотя был случай, когда один из моих сотрудников проник в ванную по неотложному официальному делу, видимо, не заметив, что Джилл стоит рядом со мной почти раздетая. Гостиная была завалена книгами, газетами и грудami медикаментов, а также инвалидными колясками — все это предназначалось для различных благотворительных дел, в которых участвовала Джилл, и хранить эти вещи было больше негде.

«Общие» комнаты «резиденции», предназначенные для служебных нужд, были обставлены в невероятно эклектичном стиле Федором (Францем) Шехтелем (1859–1926), в свое время модным архитектором. На втором этаже, рядом с лестницей, помещалась роскошная столовая в стиле Второй империи с массивными портретами королевы Виктории, ее сына Эдуарда VII и внука Георга V, а также их жен. Георг был так похож на своего двоюродного брата, что советские гости обычно замолкали, прежде чем набраться мужества спросить, почему у нас на стене висит портрет царя Николая II.

«Белый с золотом» бальный зал в стиле рококо выходил окнами на реку и на Кремль. В нем все еще оставалась мебель Первой империи в квазиегипетском стиле, извест-

ная под названием «Retour de l'Egypte», когда-то принадлежавшая самому Харитоненко. Этот зал, где больше всего бросалась в глаза мало похожая репродукция портрета молодой Елизаветы II работы Аннигони, идеально подходил для больших приемов и концертов. Там дважды играл для нас квартет имени Бородина и один раз английский виолончелист Стивен Иссерлис. Зал служил прекрасной площадкой для моцартовского «Фигаро» в постановке «Павильон Опера». Студенты консерватории исполняли здесь свою камерную музыку, пользуясь возможностью заодно хоть раз прилично поесть, а иногда они разрешали мне сыграть вместе с ними на моем альте.

Ренессансная комната, обшитая тяжелыми панелями, была украшена целой коллекцией картин английских маринистов XVIII века, которые очень нравились генералу Леонову, первому космонавту, совершившему выход в космос и довольно одаренному художнику-любителю. Из этой комнаты можно было выйти на террасу, с которой открывался вид на реку, или пройти в гостиную. Последняя была обшита еще более толстыми панелями, в ней находился громадный камин, на котором были выгравированы средневековые сцены охоты, а на потолке — гротескные садовые гномы. Однако все это было достаточно уютно для повседневной жизни. Наконец вы попадали в еще более разукрашенную ванную, откуда можно было пройти в комнату для гостей, где еще смутно угадывались художества в стиле Art Nouveau. На третьем этаже находились еще комнаты для гостей, переделанные из чердачного помещения. Попасть туда можно было только через кухню.

На первый этаж великолепие не распространялось. Во времена Харитоненко слева от входа в здание находилась столовая и обшитая панелями библиотека с винтовой чугунной лестницей, по которой можно было добраться до верхних полок. Направо находилось еще несколько комнат для приемов. Все это жестоко пострадало от рук нескольких поколений британских чиновников, которых запихивали в большие комнаты, как сардины в банку. Они

навешали полки, просверлили отверстия, протянули проволоку и прикалывали кнопками свои рождественские открытки к тем покрытым элегантной резьбой панелям, которые еще уцелели. Остальное, по слухам, было сожжено одним из послевоенных послов, так как не умещалось на чердаке.

В конце парадного холла начинался коротенький коридорчик, который вел в еще одну большую комнату, выходящую окнами в сад. Это был кабинет посла. Он пострадал по-своему. В 70-е годы он был обставлен новой мебелью, которая, по мнению Министерства общественных работ, представляла собой вершину современного английского дизайна. Мебель была розового дерева, с добавлением нержавеющей стали и черной кожи. Кроме пастельного портрета королевы Виктории в овальной раме и мраморного бюста Уильяма Коббета, картины были современных английских мастеров, по колористике одни — кричаще яркие, другие — тускло-серые. Они вызывали восхищенные замечания знатоков, но мало способствовали украшению комнаты, оставляя общее впечатление неразберихи и дурного либерального вкуса. В течение последующих двух лет, стараниями Джилл, эта комната преобразилась и стала походить на кабинет высокого чиновника Уайтхолла XIX века, с соответствующей мебелью, портретами Чарльза II и других английских знаменитостей, могущих составить достойную компанию королеве Виктории.

Внешний вид особняка был довольно приятным, хотя архитектор Василий Залесский (р. 1847) не был, в отличие от Шехтеля, новатором. Два отдельных флигеля вплотную примыкали к Софийской набережной, где и был возведен весь особняк. Один флигель занимал военный атташе, в другом находилась русская администрация. Оба флигеля стояли впритык к соседним зданиям, что было очень удобно для агентов КГБ. Главная часть здания, выкрашенная в светло-желтый цвет с архитектурными деталями белого цвета, с приподнятым навесом для экипажей и террасой сверху — располагалась в глубине

двора. Сзади находился сад с неухоженным теннисным кортом, на котором в зимние месяцы играли в смертельно опасную игру «брумбол» (от «broom» — метла и «ball» — мяч), — примитивную форму хоккея. Здесь же было множество наземных помещений, являвшихся в прошлом конюшнями.

Когда мы прибыли в Москву в сентябре 1988 года, здание было обречено, — по крайней мере, его судьба в качестве посольства была решена. В конце Второй мировой войны Сталин решил, что неудобно и, вероятно, небезопасно иметь посольства своих бывших союзников так близко к Кремлю. После недолгих препирательств американское посольство было выселено из своего прежнего помещения (напротив Красной площади) и переведено на расстояние нескольких километров в ветхое многоэтажное здание. Англичане — то ли потому, что лучше умели вести переговоры, или же были худшими администраторами, остались там же, где были. Переговоры о переезде в другое помещение продолжались с перерывами на протяжении последующих четырех десятилетий. Но к 1988 году безбожный союз между КГБ (который считал, будто англичане подслушивают Кремль), Британской службой безопасности (которая думала, что КГБ подслушивает нас) и Британским казначейством (которое полагало, что все это — недопустимое мотовство), по-видимому, пришел к согласию. Британский посол должен был переселиться под крылышко импозантной резиденции американского посла (подходящая метафора для характеристики «особых отношений» между США и Англией). Далее, по течению реки должно было быть построено новое здание.

Архитектурный конкурс на лучший проект новой резиденции был в полном разгаре. Его председателем был герцог Глостерский. Через три недели после нашего прибытия в посольстве был выставлен «список» лучших проектов, отобранных для конкурса. Большинство из них не подходило или для выполнения служебных функций помещения, или как сооружение, не вписывающееся в ар-

хитектурный облик Москвы. Архитекторы — члены жюри были сторонниками проекта, напоминавшего ангар для «цеппелинов» 1930-х годов. Когда мы запротестовали, нам было сказано, что мы недостаточно квалифицированы, чтобы судить. Нам же очень нравился дизайн в неоклассическом стиле Джулиана Бикнелла, который был создан с таким расчетом, чтобы соответствовать московскому стилю и успешно функционировать в качестве роскошного отеля с рестораном, концертного зала и зала для заседаний — для чего, собственно, и предназначается посольская резиденция. Джилл провела целую ночь, сочиняя меморандум для герцога, объясняя практические преимущества дизайна Джулиана Бикнелла. Два архитектора в жюри проголосовали против, но герцог использовал свое право решающего голоса и высказался «за». Архитектурная пресса в Англии единодушно осудила его выбор на том основании, что новое здание «не является символом британской архитектуры в центре Москвы». А один комментатор кисло признал, что победивший проект вполне подходящее место, откуда посол и его супруга смогли бы исполнять свои функции. Но сам он, видимо, считал это еще одним критическим замечанием.

Между тем, мы были не одни в борьбе за то, чтобы сохранить за собой прежнее здание. Леонид Замятин, советский посол в Лондоне, тоже хотел сохранить свою большую официальную резиденцию в Кенсингтон Палас Гарденс и считал, что надо договориться. А профессор Арбатов, влиятельный старый директор Института США и Канады, доказывал, что страхи КГБ абсурдны. Во-первых, говорил он, при современной технологии англичане могут подслушивать что происходит в Кремле из любой точки в городе, а во-вторых, ничто из того, что происходит в Кремле, не стоит того, чтобы это подслушивать.

Окончательную победу одержала миссис Тэтчер. «Одним из немногих пунктов, по которым Форин Оффис и я сходились во взглядах, — говорила она позже, — была необходимость для английского посольства выглядеть ар-

хитектурно внушительно и располагать хорошими картинами и мебелью». Или, как она заметила в разговоре со мной: «Ради престижа никакой цены не жалко!». Она отклонила попытки чиновников Уайтхолла продемонстрировать, что в казне нет денег. Она постоянно теребила Горбачева. И в июне 1990 года, во время официального обеда, предприняла последнюю атаку. Горбачев повернулся к Шеварднадзе, своему министру иностранных дел, который нехотя признал, что у него нет серьезных возражений. Чиновники советского министерства иностранных дел, находившиеся снаружи, запротестовали, когда я сообщил им о происшедшем. «Может быть, вы думаете, что Президент Советского Союза и премьер-министр Великобритании только что совершили ошибку?» — спросил я. «Нет, нет, конечно, нет», — хором возразили они. Выцарапать потерянное обратно они попытались позже, но сделка была заключена.

За это пришлось заплатить. В 1931 году дом Харитоненко был достаточно велик, чтобы вместить посла, его семью и небольшой штат. К 1988 году посольство состояло из посла, его заместителя, 6 советников, 9 атташе и других английских сотрудников общим числом 70. Такое количество людей здание и его обитатели могли выдерживать с трудом. Британский Совет, посольский врач, посольский магазин и отдел виз дрались из-за места на задворках, в бывших конюшнях. По два и три сотрудника от политического отдела, отдела связи и архива было втиснуто в одну комнату на первом этаже главного здания.

Это было не только непродуктивно, но еще и небезопасно, и к тому же деморализовало людей, которым приходилось там жить и работать. При всем своем великолепии дом едва ли подходил для выполнения функций хотя и небольшого, но энергично работающего служебного аппарата, включая гостиницу. Перестройка была в моде. Ни один уважающий себя член кабинета не мог себе позволить отправиться в Лондоне на званый обед, если он не побывал перед этим в Москве или вот-вот не собирался туда отпра-

виться. Ко времени нашего отъезда из Москвы нас посетили: Маргарет Тэтчер три раза, Джон Мэйджор — дважды, министр иностранных дел — 6 раз. Кроме того, у нас побывали 9 других членов кабинета, 4 младших министра, 3 члена королевской семьи, директор Английского банка, начальник Штаба обороны, начальник Генштаба, Первый лорд Адмиралтейства, американский Главнокомандующий НАТО и множество других менее значительных сановников. Гостиницы в Москве являли собой что-то страшное: номера ужасные, еда и того хуже, телефоны не работали, факса не было. Так что мы восполняли недостатки питания, помещения, транспорта и связи. Наши домашние дела находились в довольно напряженном состоянии. Закупка продуктов, готовка, составление списков гостей, забота о том, чтобы приглашения были доставлены, проверка получения, — все это создавало ощущение, словно вы идете, все время увязая ногами в какой-то патоке.

Мало-помалу Джилл сколотила кое-какую не слишком устойчивую команду при поддержке моего заместителя Ноэля Маршалла, который был незаменимой опорой в наши первые недели, когда мы чувствовали себя особенно неуверенно. Джилл производила покупки на московских рынках, наблюдала за работой поваров. Горничная, повариха и прачка называли друг друга «девочки», громко окликаемая одна другую: «Нин», «Люд», «Марин». Их обычно полусонный вид сменялся трудолюбивой и умелой активностью, когда у нас бывали приемы. Конечно, они еще и приглядывали за нами «для органов». Я не имел ничего против, если они забирали мою адресную книжку или банковский счет, чтобы сделать с них копии для КГБ. Для меня не имело значения, знали в КГБ или нет, кто мои друзья в Англии, или что у меня все обстоит в порядке со счетом в банке. Однако я очень рассердился однажды на горничных, когда решил, что они забрали несколько не проявленных фотопленок. Я вызвал их, сказал, что прекрасно знаю, что они затеяли, и попросил немедленно вернуть пленки. Они разбежались в разные стороны в па-

нике, смешанной с раздражением, поскольку я нарушил негласную договоренность: о таких вещах не говорят, даже если знают, что они случаются. Пленки не были найдены, но со временем они очутились у нас под кроватью, где, как я прекрасно знал, их никогда не было.

Джилл восстановила пост личной помощницы, и у нас побывали на этом посту три замечательных девушки, говорившие по-русски: Кармел Пауэр, Алисон Уатт и Эйн Браун — все необыкновенно энергичные, исполненные энтузиазма и здравого смысла. Лена, русская повариха, быстро освоила рецепты Джилл. Стивен Болдуин, работавший когда-то в одном мужском австралийском клубе, стал участвовать в покупках, помогал на кухне и работал кондитером. «Девочки» смотрели на него, как на талисман. При всей зыбкости, эта система действовала. К тому времени, когда мы покидали Москву, машина развлечений работала на удивление бесперебойно.

Двумя другими людьми, наиболее сблизившимися со мной, были мои шоферы — Константин Демахин и Саша Мотов. Они исполняли роль греческого хора, комментирующего каждую сцену, или — пожалуй, это будет точнее — роль представителей низов русского общества, фигурирующих в русских операх (я имею в виду Варлаама и Михаила в «Борисе Годунове», Гришу в «Сказании о невидимом граде Китеже», Скулу и Ерошку в «Князе Игоре») и выражающих голоса пьяного, непочтительного народа. Правда, с радостью отмечу, что по профессиональным соображениям ни Саша, ни Константин никогда не были пьяными, во всяком случае, в моем присутствии. Наши разговоры о политике становились все более оживленными по мере того, как мы лучше узнавали друг друга. Их суждения нередко превосходили по глубине мои собственные. Вероятно, мне иной раз стоило бы повнимательнее прислушиваться к ним. Естественно, я полагал, что они оба доносят о наших разговорах в КГБ, но я был почти так же твердо уверен, как леди Петтигрю¹, что я портил их больше, чем они меня.

Старшим из них был Константин: он служил в посольстве 17 лет, из коих большую часть в должности шофера посла. Он мало походил на благоразумного, спокойного, почтительного Сашу. Эти два человека питали друг к другу сильнейшую неприязнь. Константин со своими черными бакенбардами и цыганской внешностью вел себя задиристо, и у него была заговорщическая манера говорить таким тоном, словно все, что он вам говорит, граничит с политической неблагонадежностью. Жизнь его была пестрой. Его дед и бабушка были кулаками из-под Орла. На них донес один из его дядей, что выяснилось, как он утверждал, лишь потом, в годы перестройки. Он работал на космодроме в Казахстане. Был чемпионом по автогонкам, имел приз за езду на мотоцикле по льду и все еще иногда исполнял роль каскадера на московских киностудиях. Он похвалялся своими связями с представителями общественного дна, околачивающимися вокруг советского спорта. По мере того как наши беседы становились все более откровенными, Константин нередко рассказывал и о темной стороне своей жизни. Его отец был офицером в НКВД и, по его словам, возвращался в 1937 году — в год чисток — с работы в 5–6 часов утра, едва отдышавшись после облавы и сбора «урожая» для ГУЛАГа. Только к концу нашего с ним общения он как-то рассказал мне о своей собственной связи с «органами».

Профессиональная ловкость Константина как каскадера не требовалась для водителя посольского «Роллс-ройса». Но он любил покрасоваться, набавляя скорость на избитой колдобинами дороге, и мчался, порой, самым устрашающим образом через сугробы. Вскоре после нашего прибытия в Москву мы поехали провожать Горбачева и его жену, отправлявшихся в поездку, во время которой он должен был посетить ООН и побывать в Англии. Огромный мраморный зал отправления в аэропорту «Внуково» был пуст — не было никого, кроме Горбачева и его жены, а также коллег и чиновников, явившихся засвидетельствовать свое почтение. Мы, иностранцы, толпились в углу за-

ла приемов, пока Горбачев проводил неофициальное совещание с членами политбюро и прочими. Затем, сопровождаемая улыбками и взмахами рук, чета отбыла, мы же, оставшиеся, стояли, согласно строгому протоколу, и делали вид, что нам очень весело. Этот утомительный ритуал повторялся много раз и в дальнейшем. Но в этот раз мы спешили вовремя вернуться к обеду и по глупости попросили Константина поторопиться домой. Он неуклонно следовал в Москву за кортежем черных лимузинов премьер-министра Рыжкова и его коллег. Но когда мы начали обгонять их, грязь и слякоть стали окатывать машины лидеров второй по мощи страны мира. Только после того как машины эскорта начали угрожающе маневрировать впереди нас, Джилл и я, увлеченные разговором, стали замечать, что происходит. Я заставил Константина сбавить скорость, с грустью думая о том, что никогда не встречался с советским премьер-министром, а теперь, вероятно, и вообще с ним уже не встречусь.

Саша Мотов был полной противоположностью Константина. Ярко красивый, франтоватый, плотный, с угольно-черными волосами и глазами, он больше всего старался угождать. У него была больная жена и две дочери, которыми он очень гордился. Подобно множеству русских, ищущих объяснения тому, что мир вокруг них рушится, он верил в экстрасенсорику, летающие тарелки и Кашпировского, модного «духовного» лекаря, демонстрировавшего свои целительские способности доверчивой публике с экрана телевизора. Влияние Кашпировского, который впоследствии стал сторонником националиста-экспансиониста Жириновского, было какое-то время почти всеобъемлющим. Заместитель директора престижного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) считал, что Кашпировский совершил чудо, исцелив его подагру. Одна женщина, которую я встретил в церкви, попросила меня походатайствовать перед Кашпировским, чтобы он занялся ее больной дочерью, — трогательная вера в силу послов, как и в «духовное лекарство».

Вера в летающие тарелки была не менее распространенной. Мать Саши однажды ночью видела летающую тарелку из окна своей спальни. Она нависала над Ярославским шоссе и была похожа на опрокинутое корыто. К сожалению, Саша не успел вовремя найти свой фотоаппарат, чтобы ее сфотографировать. В октябре 1989 года ТАСС, советское информационное агентство, сообщило, что летающая тарелка приземлилась в Парке культуры и отдыха в Воронеже. Какое-то время члены экипажа этой тарелки будто бы бродили по парку, а потом улетели — куда, неизвестно. После этого, сообщало ТАСС, на цветочных клумбах остались отчетливо видимые отпечатки шасси этой машины.

Мой предшественник, Брайан Картледж, предупредил меня, что Саша будет назойливо приставать ко мне с изложением новейших положений линии партии, продиктованных ему его начальством в управлении Дипкорпуса — организации при Министерстве иностранных дел, — снабжавшего наш русский штат средствами контроля КГБ над нами. Я был приятно удивлен. Обычно русские, сокрушаясь по поводу положения своей страны, твердили вам одно и то же: «Что мы можем поделать? Мы люди маленькие. Единственное, на что мы способны, — это страдать, как всегда страдал русский народ». Крайне редко они задумываются над тем, что, возможно, каждый народ получает то правительство, какое заслуживает. С того же начал и Саша. Однако в результате наших многочисленных бесед он постепенно становился менее ортодоксальным. Во время выборов в марте 1989 года он агитировал за оппозицию. За год до запрещения коммунистической партии со страхом и трепетом сдал свой партбилет, простоял положенный срок на баррикадах в августе 1991 года, а впоследствии трудился над тем, чтобы его дочери обучились коммерческим навыкам, которые, по его мнению, будут больше всего нужны в новой России. По мере того как ельцинская Россия начинала выходить из тени Советского Союза, русский патриотизм Саши становился все более ярко выраженным. Он возвратился из семейной поездки по Волге во время летне-

го отпуска 1990 года, кипя негодованием по поводу унадка, в какой пришли древние города за время коммунистического правления. Во время нашего первого уикенда в Москве он удивил меня, сказав в машине, которая, скорее всего, была снабжена устройством для прослушивания: «Жаль, что Горбачева оставили на 19-й партконференции на второй срок. Хватило бы и одного, тогда мы могли бы от него отделаться и посадить вместо него кого-нибудь, знающего дело». В прежние годы ни один официальный шофер не осмелился бы говорить подобным образом. Это была яркая иллюстрация парадоксальности положения Горбачева. Те самые люди, которым он дал свободу выражать свои мысли, чувствовали себя уже достаточно уверенно, чтобы нападать на него.

Павел Иванович Харитоненко (1853–1914), который построил замечательный особняк, и имя которого выгравировано на воротах двух въездов в него, принадлежал к могущественному московскому купеческому классу. Сам особняк был символом трансформации, происходившей в социальной, политической и культурной жизни России в конце XIX века.

Московские купцы того времени были потомками своих предшественников, подвергавшихся строгой регламентации и контролю при царской системе, начиная с XVII века. Они олицетворяли собой преемственность давно сложившегося образа жизни и фактически не изменившегося до последних 30–40 лет царского режима. Русские купцы XVII, XVIII и первой половины XIX века мало походили на банкиров, промышленников, новаторов и авантюристов современной им Западной Европы. Они торговали пушниной, продуктами, текстилем и изделиями кустарного промысла. На их слово при заключении сделки не всегда можно было положиться, так как они стремились к незаконному обогащению и предпочитали получать быструю прибыль вместо установления долгосрочных отношений со своими клиентами. Они были невежественными

людьми, чопорно-благочестивыми и жестокими в домашнем быту. Их возмущали попытки Петра Великого стричь им бороды и надевать европейские платья. Государство разделило их на четко определенные гильдии на предмет сбора налогов и облегчения задач местной администрации. Однако эти гильдии не обрели того политического веса, каким пользовались соответствующие им организации в бурлящих жизнью коммерческих городах Западной Европы. Продвижение из третьей гильдии в первую и, быть может, титул почетного гражданина — таков был предел социальных амбиций этих людей. Их неизменно презирали те, кто стоял выше них — дворяне и интеллигенция, — и ненавидели те, кто был ниже — крестьяне. Жестокие сатиры на них писал первый великий русский драматург Александр Островский (1823–1886).

Однако, несмотря на врожденный консерватизм, наиболее энергичные и предприимчивые среди них наживали промышленные и коммерческие империи со времен XVI века. Некоторые обогатились, став откупщиками, другие — на водочной монополии.

Были среди них и такие, — например, семьи Демидовых и Строгановых, — которые разрабатывали минеральные месторождения Урала при активной помощи царей. К концу XVIII — началу XIX столетия возникло еще одно поразительное явление. Старый купеческий класс, особенно в Москве, начал чувствовать, что его опережают конкуренты из крестьянской среды. Предприимчивые крестьяне необычайно быстро начали откупаться от своих хозяев и искать работу в городе. В одном только 1826 году более полумиллиона крепостных умудрились таким образом получить необходимые бумаги и покинуть землю. Их бывшие владельцы обычно настаивали на отчислении им значительной части прибыли, которую крестьянам удавалось получить. Однако движение продолжало нарастать, пока не достигло своей наивысшей точки накануне освобождения крестьян в 1861 году. Многие из этих людей работали батраками, но немало их занялось бизнесом и промышленнос-

тью на собственный страх и риск в городах на Волге и в самой Москве. Они торговали, производили дешевые потребительские товары и текстиль и давали в ссуду деньги. Это было поразительное проявление социальной мобильности, плохо ассоциировавшейся с негибкостью царского режима. Из числа этих людей в последние десятилетия царской империи вышло немало коммерческих династий.

Многие из них происходили из среды староверов, сектантов, порвавших с официальной православной церковью еще в XVII веке в знак протеста против реформ, проведенных царем Алексеем и патриархом Никоном. Отчаянно независимые, глубоко набожные, эти люди готовы были, если понадобится, умереть за свою веру. А пока что они, подобно раскольникам в Англии, действовавшим примерно в это же время, были не прочь более энергично заняться торговлей и коммерцией.

Первое поколение этих людей, процветавших в середине XIX века, было настроено националистически, анти-семитски, опасалось конкуренции со стороны еврейской, немецкой и польской диаспор. Они также были глубоко консервативны и почитали власть царя и чиновничества. Не только иностранцы, но и царские чиновники отмечали, что они продолжали использовать нечестные деловые методы своих предков. «Ловкая кража, обман рассматриваются ими как победа их гения», — сказал о них один английский торговец.

Однако у их сыновей стали проявляться иные социальные, коммерческие и даже политические амбиции. Они отказались от старой одежды и многих старых обычаев. Когда Россия в последние тридцать лет существования царского режима начала двигаться к чему-то, напоминающему капиталистическую систему, во главе процесса были уже они, а не дворяне, которые прежде задавали тон. Они отошли от традиционных купеческих видов деятельности — производства текстиля, водки, древесины и сахара — и занялись банковским делом, промышленностью, железными дорогами, газетами, издательским делом, тор-

говлей с заграницей. Эти люди усвоили современные методы бизнеса и поощряли коммерческое и профессиональное образование. Многие из них имели европейское образование и отличались более широким мировоззрением, чем их отцы. Но они тоже были русскими националистами. Подобно многим русским — тем, что жили в их время, и даже столетие спустя, — они верили в то, что Россия может найти некий «третий путь», который позволит стране преуспеть, не переживая болезненной социальной ломки, сопровождавшей индустриализацию в Западной Европе. Они покровительствовали новым направлениям в русском искусстве, литературе и театре. Они поддерживали Дягилева и его балет и поощряли блистательную школу русской живописи 1890-х годов и первых лет XX века. Братья Третьяковы основали в Москве Музей русского искусства. Морозовы и Мамонтовы заложили основу Московского художественного театра, где впервые были поставлены чеховские пьесы. В качестве символа своего освобождения многие из них покинули Замоскворечье, район к югу от реки, где традиционно жили староверы, и построили замечательные особняки в стиле Art Nouveau и Русского Возрождения в более модных районах Москвы. Некоторые из этих особняков были сооружены по проекту Франца Шехтеля.

Обогащение и социальное возвышение семьи Харитоненко происходило по этому образцу. Иван Герасимович Харитоненко (1820—1891) родился близ города Сумы на севере Украины. Современники отмечали, что Иван — «выходец из народа». Члены его семьи были государственными крепостными, и он тоже, возможно, был освобожденным крепостным. Это был человек, обязанный всем только самому себе, своему интеллекту, работоспособности, нравственным принципам, выдающейся предприимчивости и поразительной энергии. «Говорят, — писал восхищавшийся им многословный автор некролога, — что колоссальные состояния не могут быть созданы из ничего, они всегда зиждутся на какой-нибудь темной сделке». Однако, продолжал

он, Иван явно опровергал это правило, и даже его враги никогда не пытались доказывать обратное. Начав младшим помощником местного купца, ко времени освобождения крепостных он уже сколотил небольшой капитал. Это высвободило его энергию и толкнуло на независимый путь — он занялся сахарным делом. Украинская сахарная промышленность не процветала в руках пассивных местных землевладельцев, ранее в ней господствовавших. Новые люди типа Ивана Харитоненко превратили ее в один из наиболее динамичных и механизированных секторов индустрии в Российской империи. Отчасти благодаря полученным ими от правительства концессиям, к середине XIX века украинцы производили 4/5 всего сахарного песка империи, а к 1914 году украинское производство сахара уступало по объему только Германии.

Иван тоже процветал. К 1913 году «Харитоненко И. Г. и сын», компания, которую Иван основал в 1884 году в Сумах, владела примерно 65 тысячами гектаров пахотной земли на Украине, рафинадным заводом и восемью сахарными фабриками. В начале 1880-х годов Иван купил на малообещающей песчаной территории к северу от Харькова усадьбу и деревенский дом, который назвал в честь внуки «Наталевка». В 1915 году один модный журнал, все еще выходивший, несмотря на войну, весьма неточно назвал этот дом «смесью швейцарского шале и английского коттеджа»².

Скотоводческие и коннозаводческие предприятия Ивана стали известны далеко за пределами Украины — вплоть до Германии, а его лошади регулярно побеждали на московских бегах. Он построил студенческое общежитие в Киеве, церковь в своей родной деревне, основал гражданские и военные академии, бесплатные приюты для бездомных, открыл больницу, собор и сиротский дом в самих Сумах. За эти общественные благотворительные деяния власти присвоили ему официальное звание действительного статского советника (в армии оно соответствует рангу генерала); звание принесло ему официальное

наследственное дворянство. Осталась его фотография, относящаяся к этому периоду: лысый, с искринкой юмора в глазах человек, явно сильный и волевой. На его похоронах присутствовало 15 тысяч человек. Благодарные жители города Сумы поставили ему памятник на главной площади (половину средств на это предоставил его сын). После революции памятник был снесен, чтобы водрузить на этом месте статую Ленина.

Развиваясь, сахарная промышленность Украины начала конкурировать с такой же отраслью промышленности, давно утвердившейся в Москве и в глубине России. Это было, конечно, отнюдь не по вкусу московским купцам, которые еще в середине XIX века начали жаловаться на несправедливую конкуренцию. Иван Харитоненко уловил общее настроение. В 1879 году он купил дом на Москве-реке, где ныне стоит его особняк. Сначала он использовал двор старого дома, чтобы хранить там сахар. Однако, когда в 1891 году он умер, его сын, Павел Иванович, начал работы по сооружению нового здания, которые были завершены в 1893 году.

Павел продолжил начатое отцом продвижение по социальной лестнице. Его жена, Вера Андреевна Бакеева, происходила из дворянской семьи, имевшей владения недалеко от Курска, ближе к границе с Украиной. Их дочь, Наталья, вышла замуж за князя Горчакова, внука одного из русских министров иностранных дел с особенно продолжительным стажем. Другая дочь стала женой гвардейского офицера. Как видим, с тех времен, когда Харитоненко были крепостными, их семья успела продвинуться весьма далеко. Однако они не последовали примеру видных московских купцов, которые стали участвовать в муниципальной и национальной политике, не занялись они и каким-либо новым видом коммерческой деятельности. С сахарной промышленностью они не порвали. Когда Павел построил свой модный новый особняк, он не покинул, по примеру Морозовых, Рябушинских и прочих, Замоскворечья с его особой старомодной атмосферой и не переехал в какой-ли-

бо из более модных районов к северу от реки. Семья, судя по всему, сохранила консервативные наклонности.

Заботясь о расширении семейного дела (завод по производству сахарного песка в Сумах стал крупнейшим в стране), Павел в то же время обладал острым чувством гражданского долга. Он был старостой своей местной церкви Св. Софии, расположенной на берегу Москвы-реки, неподалеку от его нового особняка, и оплатил ее реставрацию. Он выплачивал стипендию 20 студентам Московской консерватории, членом попечительского совета которой являлся. Для рабочих всех своих заводов он построил школы и больницы. Накануне войны пожертвовал крупную сумму на расширение русского воздушного флота, который на том этапе был, вероятно, самым передовым в мире. С его фотографии на нас смотрит типичный представитель процветающего европейского среднего класса конца века: бородатый, самодовольный человек, неотличимый от равных ему по положению англичан времен короля Эдуарда VII. Однако его портрет, написанный Валентином Серовым (1865–1911), одним из величайших художников России, раскрывает другую сторону его натуры: довольно слабое лицо, лицо одного из незадачливых персонажей-интеллектуалов Чехова. Те, кто знал его в расцвете сил, говорят о нем как о человеке эмоциональном. Он бродил по художественным выставкам, покупал картины и покровительствовал художникам, устраивал роскошные и дорогостоящие приемы, являлся с аристократами, был страстным охотником, пожалуй, немножко снобом и повесой. Харитоненко не был одним из видных коллекционеров-новаторов, таких как Сергей Щукин, который одним из первых оценил и приобрел ранние работы Пикассо и Матисса. Он не оказал помощи становлению русского авангарда, как его собрат-москвич Савва Морозов. Но у него была крупнейшая коллекция картин известного живописца Нестерова (1862–1942), который писал иконы в маленькой церкви, построенной Павлом в Наталевке по проекту архитектора Щусева. На галерее в

его доме, которая теперь называется столовой Второй империи, висел тогда портрет надменной «Неизвестной» Ивана Крамского (1837–1887), картина, известная большинству русских, да и многим в Англии, поскольку она была помещена на обложке «Анны Карениной», вышедшей в издательстве «Пингвин».

Подозреваю, что Вера, сдержанная женщина с изможденным лицом, была главным «мотором» светской жизни семьи. Говорят, что в «Белом с золотом» зале пел Шаляпин, а Прокофьев играл на рояле. Нестеров описывает рождественский вечер в этом доме в 1912 году. На нем присутствовало более 300 гостей, среди которых были аристократы и купцы. Двум маленьким детям Нестерова подарили прямо с елки подарки стоимостью сто рублей каждый. За этим следовал «спектакль», который давал какой-то видный актер из МХАТа и в котором участвовали представители московской золотой молодежи во главе с сыном Павла, Иваном, которого Вера мрачно называла «нашим единственным». Хотя веселье продолжалось допоздна, Нестеров и его жена не смогли отговориться от обеда, который за этим последовал. Столы были уставлены элегантными сервизами и цветами. Им удалось уйти только в четыре часа утра, причем хозяин дома отправил их домой в новомодном автомобиле.

Роберт Брюс Локкарт в своих «Мемуарах британского агента» примерно так же описывает стиль приемов, которые устраивала семья Харитоненко. В январе 1912 года, в качестве только что назначенного вице-консула в Москве, он сопровождал английскую парламентскую делегацию на прием к ним. Делегацию численностью в восемьдесят человек, возглавлял спикер; в нее входили четыре епископа и пресловутый адмирал сэр Чарльз Бересфорд. Ко времени прибытия делегации из Санкт-Петербурга в Москву, численность ее уменьшилась из-за пережитого ее членами испытания гостеприимством. Харитоненко пригласили всю Москву встретиться с делегатами. Несмотря на зимнее время, дом был завален цветами; в каждой комнате играли

оркестры, а главная лестница была запружена гостями, с трудом прокладываявшими себе дорогу, так же, как это происходило и спустя 80 лет. За бесконечными бокалами с вином и закусками следовали обед, танцы, а рано поутру поездка на тройке в знаменитый (а у кого-то, может быть, пользующийся дурной славой) ресторан с цыганами «Стрельня» на окраине города.

Соседом Брюса Локкарта за обедом был капитан III ранга Каховский, русский офицер, исполнявший роль адъютанта при Бересфорде. На следующее утро Локкарт узнал, что молодой человек застрелился возле телефона, узнав из Санкт-Петербурга, что от него ушла любовница. Несколько поколений британских дипломатов считало, что трагедия, скорее всего, произошла в разгар праздника в доме Харитоненко, хотя это не подтверждается какими-либо свидетельствами или законами вероятности³.

Ученые решительно расходятся в вопросе о том, насколько экономика России успела продвинуться к 1914 году, и наблюдались ли в стране действительно такие социальные и политические перемены, которые привели бы ее к процветанию и либеральной демократии.

Представители одной школы утверждают, что если как следует посмотреть на статистику, то она показывает, что русская экономика росла, по крайней мере, на протяжении последних тридцати лет до Первой мировой войны. Причем, темпами, сравнимыми с темпами Западной Европы, а то и превосходящими их. Тогда нарождался настоящий капиталистический класс, все более проникавшийся убеждением, что его успех может быть наилучшим образом обеспечен соблюдением норм профессионализма и честности, принятых на Западе. Что экономика России стала частью мировой экономики, и иностранцы готовы были делать весьма значительные капиталовложения в Россию, а ее акции имели хождение не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в Лондоне, Париже, Амстердаме. Даже сельское хозяйство, считают они, давало хорошие показатели, хотя крупный экспорт зерна чередовался вре-

мя от времени с периодами опустошающего голода. Русские ученые внесли большой вклад в науку и получили в те годы две Нобелевских премии, военные технологи произвели первый в истории четырехмоторный бомбардировщик «Илья Муромец»⁴. И если бы не политическая смута, заявляют эти ученые, то вполне возможно, что к концу XX века Россия стала бы мировой экономической державой, способной обеспечить своим гражданам такой же уровень жизни, как и в Западной Европе. При этом оптимисты полагают, что на протяжении десяти лет после революции 1905 года даже политическая жизнь в России входила в нормальное русло.

Однако очень многие придерживаются противоположного мнения. Они хотя и считают, что два русских премьера — Витте (1849–1915) и Столыпин (1862–1911) — имели ясные представления о том, как модернизировать российскую экономику, признавая при этом, что накануне войны экономика действительно развивалась. Но одновременно они утверждают, что надменная и эгоистичная царская бюрократия вовсе не думала о реальных проблемах бизнеса. Поскольку даже самые прогрессивные чиновники исходили из того, что только выработка все более сложных государственных установлений — наилучший способ направить страну на путь процветания; идея вполне понятная, если учесть, что при этом сохранялась их собственная власть. Согласно взглядам этих ученых, несомненные признаки появления капиталистического класса имелись, но новым людям все еще связывало руки их происхождение, а также мешала та почтительность, которую они продолжали проявлять по отношению к аристократии и придворным. Короче говоря, к началу первой мировой войны в российской экономике произошли кое-какие структурные изменения, но они были слабыми и непродуманными. И шансов на то, что эти достижения сохранятся, практически не оставалось. Их губило сочетание таких факторов как некомпетентность и реакционная политика Николая II, беспощадная, ограниченная, и по-своему столь

же некомпетентная революционная политика Ленина и разрушительный ураган Первой мировой войны.

Действительно, даже более просвещенный режим, нежели режим последнего царя, даже если бы ему не препятствовали война и революция, все равно вынужден был бы преодолевать два фактора, которые всегда делали Россию почти неуправляемой, — невероятную бедность страны и ее почти невообразимо громадные просторы. Таким образом, проблема тогда стояла та же, что и сейчас: способна ли Россия изменяться, или она обречена историей и географией без конца повторять свои ошибки? Впрочем, даже осторожный наблюдатель едва ли при этом не согласится с тем, что в харитоненковской России явно происходили далеко идущие перемены. И было бы чрезмерным скептицизмом считать, что Россия, не разоренная войной и революцией, осталась бы в стороне от течений, которые на протяжении ста лет дали народам Запада всеобщее избирательное право, социальную защиту и немыслимый до того уровень процветания.

Московские купцы и их собратья в Санкт-Петербурге, Одессе и других крупных городах империи сыграли бы тут ключевую роль. Возможно, они еще не были капиталистами в западном смысле слова, но это были люди серьезные как в своем бизнесе, так и в понимании своего гражданского долга. Они не были просто охотниками за богатством, спекулянтами, наживавшимися на разваливающемся государстве, подобно «олигархам», появившимся на сцене девятью десятилетиями позже, в ельцинскую эпоху. Они никогда не были многочисленными: ведущих купеческих семей насчитывалось не более ста. И явно чувствовали себя неуютно в обществе, где их простое происхождение и занятие коммерцией все еще вызывали презрение у двора и аристократии. Даже в разгар их влияния, при энергичном Рябушинском, они не слишком успешно проявляли себя в политике, где по-прежнему господствующую роль играли дворяне, петербургское чиновничество и все больше — левые партии. Однако тот факт, что Ха-

ритоненкам, Морозовым и Мамонтовым удалось подняться до утонченного процветания, знаменовал собой революцию в социальной и политической жизни России и начало превращения ее в буржуазное капиталистическое государство. Два поколения Харитоненко и им подобных в среде «народа» ярко демонстрируют способность России приспособливаться к современному миру.

Павел умер в 1914 году и был похоронен в Щусевской церкви в Наталевке. Вера в течение нескольких лет продолжала вести дело, пока в 1917 году не произошла Октябрьская революция. И их дом на какое-то время оказался под перекрестным огнем, когда большевики пытались отбить Кремль у белогвардейцев. Тогда Вера благоразумно пожертвовала свои картины новым революционным властям, и Харитоненко уехали, поселившись кто в Париже, кто в Брюсселе, кто в Канаде. А особняк стал домом для гостей, где принимали приезжающих в страну друзей нового режима: Герберта Уэллса, Артура Рэнсома, Арманда Хаммера и Энвер-пашу, политического деятеля, который втянул Турцию в Первую мировую войну и умер при загадочных обстоятельствах в Центральной Азии, пытаясь поднять «пантюкистское» восстание против большевиков. После этого особняк использовался для размещения советских чиновников Министерства иностранных дел, из которых многие впоследствии были расстреляны во время «чисток».

Наконец, в 1931 году он стал резиденцией и служебным помещением английского посла, вернувшегося в Москву после кратковременного перерыва в отношениях, вызванного рейдом английской полиции в 1927 году на лондонское представительство советской торговой делегации «Аркос». Пока Советское правительство прочно держало страну под контролем, русские осмеливались посещать этот дом, лишь имея для этого неоспоримый официальный предлог. Однако, когда страна при Горбачеве стала открытой, русские, ранее как-то связанные с этим зданием, начали вновь проявлять интерес к нему: родст-

венники самого Харитоненко, внучка Шехтеля, Литвиновы, жившие здесь еще детьми, когда их отец был заместителем наркома иностранных дел нового большевистского государства, а также представители муниципальных властей города Сумы. Они теперь собирались восстановить памятник Ивану Герасимовичу Харитоненко в городе, для которого он так много сделал.

В британском посольстве бытовало предание, согласно которому Харитоненко построил свой особняк на берегу реки, напротив Кремля, потому что, как старообрядец, он хотел постоянно видеть перед своими глазами святыню России. Основания этого предания, мягко говоря, довольно шатки. Старообрядцы считали царя, официальную церковь и все то, что было с ними связано, — включая, без сомнения, и сам Кремль, — символами Антихриста. Истинной причиной, по которой старый Иван Харитоненко выбрал это место, было то, что здесь удобно было хранить сахар. А церковь, старостой которой был его сын, была вполне православной.

Правда, однако, что украшением его особняка являлся вид, открывавшийся с террасы у входа в дом на Кремль по ту сторону реки, на центральный пункт города, ни на что не похожее, — полуюропейский, полуазиатский имперский город, излучающий мощь. Огромные красные стены Кремля, построенные итальянскими архитекторами в XV веке, напоминают стены Вероны; соборы, воздвигнутые в следующем столетии также итальянцами в самом утонченном стиле средневековой русской архитектуры; императорская резиденция XIX века в неоклассическом стиле, исконно русская, независимо от национальности архитектора. И над всем этим — золотые купола, золотые кресты, которые большевики не убрали, красные звезды и красный флаг, которые они водрузили, чтобы провозгласить свое господство, символы двух религий — религии Христа, сосуществующей как бы в неловком подчинении с религией Маркса. На красном закате, золотой осенью или в ясный белый зимний день, под

дождем и в слякоть, в тумане, которые бывают в Москве большую часть года, при любой погоде вид через реку — постоянный праздник для глаз. Старшие русские чиновники приходят в посольство по настоянию своих жен только для того, чтобы полюбоваться этим видом. Приезжие министры и журналисты задыхаются от восторга, явно думая о том, когда им удастся в следующий раз стать свидетелями безделья и роскошной жизни британских дипломатических служащих. Этот образ Кремля стал уже штампом для западных радио- и телеведущих, руководителей рекламных агентств и телезрителей.

Что касается нас, то вид через реку никогда не терял власти над нашими эмоциями и воображением. Отсюда мы смотрели на толпы веселых людей, отправляющихся праздновать 1 Мая или годовщину Октябрьской революции. С этой террасы мы видели танки, громыхавшие по Красной площади на параде, или двигавшиеся мимо Кремля для участия в путче. И с этой террасы в 19 часов 35 минут в Рождественский день 1991 года мы видели в последний раз красный флаг, развевавшийся над Кремлем.

2

Русские идут

Когда за последние 1000 лет столь колоссальные приобретения были сделаны за столь короткий срок каким-либо европейским завоевателем?.. Ни один здравомыслящий человек в Европе не может с удовлетворением взирать на громадное и быстрое разрастание Российской державы.

«Таймс», Лондон, 1829

Даже ныне, лишенная своей империи, Россия остается страной превосходных степеней, самым большим государством в мире. Она охватывает почти девятую часть мировой суши — это одиннадцать часовых поясов с Дальнего Запада до Дальнего Востока. Ни одна другая страна не имеет большего числа соседей. До недавнего времени эти громадные пространства и климат делали весьма трудным продвижение товаров, людей, да и идей от одного конца империи до другого. В конце XIX века Чехову потребовалось почти три месяца, чтобы добраться от Москвы до Сахалина на Дальнем Востоке: поездом, экипажем и верхом. В 1960-е годы мне понадобилось пять дней, чтобы доехать поездом от тихоокеанского порта Находка до города Центральной Сибири, Иркутска, — при этом я не покрыл даже половины пути до Москвы. Русский ландшафт не похож ни на один другой: необозримые равнины и леса с неожиданно возникающими кое-где небольшим городком или деревней, отделенными от ближайшего соседа десятками (а в Сибири иногда сотнями) километров и соединенными дорогами, искони славившимися своим ужасным состоянием. Это неэффективный пейзаж, не впечатляющий ни красотой, ни величием. Обширное плоское пространство, пастбища с редкой березовой рощицей слева, несколькими избами-развалинами или луковкой купола маленькой церквушки справа, река, проте-

кающая где-то вдали, — все это окружено дремучим непроходимым сосновым лесом, тянущимся до самого горизонта. Лучшие образцы русского пейзажного искусства и грубо выполненные гравюры, красующиеся на стенах самых простых жилищ, изображают какую-нибудь из этих сцен. Этот невыразительный пейзаж овладевает воображением всех русских, особенно осенью, когда они идут в лес собирать кривобокие грибы (которые только славяне считают съедобными), когда великолепные дни бабьего лета, кажется, никогда не кончатся... Этот период, исполненный какого-то особого волшебства, с его бледно-голубым небом, солнцем, теплым, как парное молоко, и серебряными берегами, начинающими одеваться в золото.

Древние городишки и деревни России — под стать ландшафту. Построенная из бревен окружающего леса, заброшенная крестьянская изба попросту превращается в перегонной. Многие города очень стары. Новгород был основан более тысячи лет назад, Москва — в начале XII столетия. Многие сибирские города построены триста-четыре-ста лет назад: казацкие искатели приключений достигли Тихого океана примерно тогда же, когда отцы-пилигримы (английские колонисты) достигли Массачусетса. Даже сегодня встречаются — особенно в более отдаленных частях европейской России, никогда не подвергавшихся вторжению татар, поляков, шведов, французов или немцев, — сохранившиеся города с древним Кремлем, с церквями — золото в лазури, с их неоклассическими, XIX века, зданиями чиновников и купцов, с горсткой деревянных изб. А вокруг них — укрепленные монастыри и допотопные усадьбы дворян. Типично русский городской пейзаж и архитектурный стиль.

И все-таки, несмотря на их древность, в русских городах есть что-то от жилищ кочевников. Даже ровные фасады неоклассических зданий часто не имеют иной облицовки кроме штукатурки на дереве — материал нестойкий. Впечатление такое, словно обитатели боятся, что их в любой момент погонит вперед какая-нибудь новая при-

родная катастрофа, новое вторжение или же попросту каприз их собственного правительства.

Чаадаев был инакомыслящим гвардейским офицером, который вернулся из Парижа после наполеоновских войн с такими подрывными взглядами на будущность России, что царь повелел объявить его сумасшедшим. Его сочинения были почти недоступны в России, пока Горбачев не освободил в конце 1980-х годов печатное дело. В своем первом из «Философических писем», датированном 1829 годом, он писал: «В наших домах мы живем как в лагере; в наших семьях мы кажемся новопришельцами; в наших городах мы напоминаем кочевников, хуже, чем кочевников, потому что они крепче привязаны к своим стадам, чем мы к нашим городам».

Мнение Чаадаева — не тривиальная выдумка. Заселенные местности в России то и дело разрушались либо вторжениями, либо пожарами и другими катастрофами. Советский период был пагубным и для ландшафта, и для архитектуры. Церквям, монастырям и деревенским домам позволили прийти в полное запустение. Многие были сознательно разрушены во время атеистических кампаний при Сталине и Хрущеве. Новые здания и заводы строились быстрее, чем раньше, дабы выполнить план, не считаясь с эстетическими или экологическими соображениями. Даже сегодня, особенно в сельских районах, Россия, пожалуй, самая неряшливая и неухоженная страна в мире. Сельская местность вблизи промышленных городов советской эпохи загрязнена до такой степени, что на Западе это просто представить себе невозможно. Подъездные пути почти к любому русскому городу производят гнетущее впечатление. Окаймленная деревьями дорога уступает место разбросанным там и сям серым кирпичным жилым зданиям, построенным на скорую руку, с тем чтобы удовлетворить острую нехватку в жилье, ощущавшуюся в 1950-х и 1960-х годах, бензоколонкам с пустыми насосами, ветхим деревянным строениям, еле держащимся, словно пьяные, на своем прогнившем фундаменте. И всюду стро-

ительный мусор, груды камней для мостовых, огромные бетонные трубы, сваленные как попало у обочины, ибо для чего они предназначались и кому принадлежали, давно уже никто не помнит. Если в городе есть крупные промышленные предприятия, над ним всегда нависает ядовитое облако. Возмущение тем, что советская система сделала с городами и деревнями России, в конце концов, побудило миллионы простых людей восстать против нее.

По своей истории, культуре и религии Россия — страна европейская. В нечто уникальное ее превращает такой «довесок», как Сибирь. Подобно Канаде, Сибирь стала Эльдорадо для «охотников-трапперов», с помощью капканов промысляющих зверем, для старателей-золотоискателей и авантюристов. Как и в Северной Америке, следом за охотниками пришли солдаты, весьма мало считавшиеся с интересами местного населения. На протяжении последующих четырех веков Сибирь служила прибежищем для беглых преступников и местом ссылки для тех, кто вызывал гнев правительства в Москве.

Именно Сибирь создала образ России как страны несметных богатств, изобилующей пушниной и древесиной, огромными минеральными ресурсами и почти уникальной по запасам нефти и газа, драгоценных и редких металлов.

Однако это богатство не было таким благом, как может показаться на первый взгляд. Оно позволило русским правителям эксплуатировать — обычно самыми грубыми и расточительными методами — природные ресурсы страны и обменивать их на товары, а особенно на усовершенствованные виды вооружения, производимые в других странах с более сложной экономикой. Народ же русский оставался бедным. Правительство тоже оставалось бедным, не способным оплачивать возникавшие в западных районах действенные и сравнительно честные бюрократические структуры. Сталинская политика насильственной индустриализации, эвакуация в Сибирь в годы войны промышленных предприятий из Западной России и возобновившаяся при

Хрущеве и Брежневe энергичная кампания по развитию Сибири еще более исказили экономическую географию страны. Там, где какая-нибудь американская компания разбила бы поселок для горняков, были построены громадные города, где нередко использовался принудительный труд для разработки минеральных богатств неприступного Севера и пустынных просторов Центральной Азии. Жить в суровой сибирской тайге по доброй воле отправлялись очень немногие. Когда же рабской рабочей силы не стало, правительству пришлось выплачивать огромные субсидии, чтобы отапливать эти новые города, перевозить их продукцию и убеждать население оставаться жить в этих местах. Когда же Советский Союз рухнул, субсидии начали иссякать, люди стали уезжать, и состояние экономики Сибири становилось все более бедственным.

Тысячу лет назад будущая Россия не слишком отличалась от других государств на периферии Европы. Так же, как большая часть Германии, значительная часть Балкан и вся Скандинавия, древняя Русь никогда не была частью западно-римской империи и не унаследовала ее лингвистические, религиозные и юридические традиции. Однако обращение ее в 988 году в византийское христианство решительно связало страну с совершенно иной европейской традицией. Трения между восточной и западной версиями христианства были не более кровопролитными, чем между католической и протестантской. Согласно взглядам ученых, особенно классической науки, Византия имела перевес над средневековым Римом, пока сама не стала жертвой победителя в 1453 году. Киевская Русь была в европейском мире равным партнером, государством, чьи князья неоднократно вступали в династические браки с дочерьми английского и французского монархов. Политологи, утверждающие, что разделение, существующее между православием и западным христианством, обречено оставаться водоразделом между двумя цивилизациями, стоят на зыбкой почве. В те давние времена Россия, конечно, не была демократической. Но ни одна другая европейская стра-

на демократической также не являлась. Политические, культурные и религиозные институты первого русского государства, основанного в Киеве в девятом веке, не слишком отличались от институтов западноевропейских государств того времени.

Разрушение татарами Киева в 1242 году прервало многие из этих связей, отрезало Россию от идейного брожения, сопровождавшего европейский Ренессанс, и направило ее по несколько иному пути. Русские вынуждены были приспосабливаться к своим могущественным татарским соседям и переняли у них ряд не слишком привлекательных черт. Но, вопреки мнению, ставшему впоследствии распространенным как в России, так и на Западе, страна никогда не подпадала полностью под «татарское иго». В лесах Севера русские решительно оставались христианами. Республиканский город Новгород Великий вел процветающую торговлю с остальной Европой. Великое княжество Московское пошло, однако, иным путем, замкнувшись внутри себя и сосредоточившись на утверждении автократического правления. Это было менее привлекательно, нежели эксперимент Новгорода. Однако и этому в то время имелись параллели на Западе.

Столкновение между Новгородом и Москвой было неизбежным, и победителем из него вышла Москва. В XVI веке Московия начала более чувствительно давить на своих восточно-европейских соседей. С большой осторожностью и подозрительностью она открыла северные морские пути для торговли с Западной Европой. Западные гости, собственные страны которых отнюдь не были образцом либеральной демократии (самого такого понятия тогда еще не изобрели), были по-настоящему шокированы русской системой правления с ее произволом, не ограничиваемым каким-либо законом. Они критиковали русских, как мужчин, так и женщин, за их неухоженность, за их лень, жестокость, пьянство, лживость и распутство. Зигмунд фон Герберштейн, немецкий дипломат XVI века, вопрошал: сделала ли жестокость русских их князя тира-

ном, или же народ сам стал жестоким и грубым из-за тирании князя?¹ Джордж Тербервил, тосковавший по родине молодой член первой английской миссии в Москве, писал в сомнительного качества стихах своему другу Паркеру в Лондон, что Россия «...дикая земля, не подчиненная законам;// казнить или миловать — все в воле короля...». Впрочем, он одобрительно при этом отмечал, что любимая игра здесь шахматы.

Любой простак вам сделает и шах, и мат,
Поскольку в практике обрел это искусство².

Политическая система, которую русские создали, чтобы управлять своей обширной, уязвимой и нищей страной, была действительно весьма неприятной. Однако она не была ни иррациональной, ни случайной. Сохранять целостность громадной страны, выдерживать бремя ее обороны и поддерживать порядок среди невежественного и непокорного населения, было весьма трудной задачей. Екатерина Великая была не единственной властительницей России и не единственным специалистом в области общественных наук, утверждавшей, что «монарх должен быть самодержавным, ибо никакая другая форма правления, кроме этой, сосредоточивающей всю власть в его лице, не соответствует масштабам государства, столь громадного, как наше. Только быстрота решений по делам, происходящим в отдаленных краях, может компенсировать медлительность, сопряженную с большими расстояниями. Любая другая форма правления была бы не только вредной, но совершенно пагубной для России»³. Ибо другой стороной медали было то, чего правители России и даже ее обычные граждане всегда боялись. А именно того, что Пушкин назвал «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным»⁴. Русские люди не раз бунтовали против угнетения, даже тогда, когда не было надежды на успех: они жгли имущество своих хозяев и уничтожали их самих, пока бунт не подавлялся с такой же или еще большей жестокостью.

Таким образом, русские правители опирались на политические институты, отличавшиеся почти военной суровостью. Цари утверждали, что их власть дарована им Богом. Коммунисты претендовали на то, что их мандат им вручила История. Принцип, согласно которому власть закона выше власти суверена, разделивший на две враждующие стороны народ в английской гражданской войне, никогда не признавался ни царями, ни их преемниками. Граф Бенкендорф, начальник тайной полиции, бравый, но ограниченный офицер, в свое время утверждал, что «законы пишутся для подчиненных, а не для начальства!»⁵, — мнение, широко распространенное в сегодняшней России. Старый большевик Каганович, отвечавший при Сталине за беспощадную коллективизацию сельского хозяйства и виновный в разрушении многих московских церквей, доказывал, что правовое государство, которому Горбачев впоследствии придавал так много значения, противоречит марксизму-ленинизму. Положение о том, что закон подчиняется требованиям партии, был организующим принципом сталинской «демократической» Конституции 1936 года и новой Конституции Брежнева 1977 года.

Пренебрежение к власти закона характеризовало не только начальство, с равным презрением к закону относились и интеллектуалы. Достоевский и Толстой считали, что жажда «справедливости», свойственная русским, выше, человечней и нравственно чище, чем формальное и равнодушное уважение к «Закону» на Западе. Они высмеивали попытки русских либералов ввести более гуманную юридическую систему. При этом они не объясняли, почему абстрактная русская жажда справедливости порождала в реальном мире так много вопиющей несправедливости.

Чтобы укрепить свою власть, цари намеренно и систематически прибегали к террору. Царь был над законом. И то же самое относилось к его политической полиции. Иван Грозный создал институт опричников, которые, подобно темным всадникам во «Властелине колец» Толкиен-

на, верхом разъезжали по стране, одетые в черные плащи и держа в руках собачьи головы. Им дано было право мучить, грабить и убивать. Петр I лично участвовал в пытках и казнях своих подлинных или подозреваемых противников, включая собственного сына. В период его правления население России сократилось на четверть в результате войн, принудительного труда, голода и бунтов — пропорция бо́льшая, чем при Сталине. Николай I создал Третье охранное отделение полиции, которое должно было следить за подозрительными элементами, наблюдать за иностранцами, держать под контролем места ссылки и заключения и представлять «информацию и доклады обо всех событиях без исключения». Даже в сравнительно либеральные 1860-е годы А.К. Толстой написал мрачно-комическую поэму о Попове, несчастном чиновнике, которому приснилось, что он застигнут своим министром при исполнении служебных обязанностей, будучи одетым неподобающим образом. Его берут под арест, пытаются и заставляют донести на своих соучастников. Образ политического заключенного, бредущего сотни, а то и тысячи верст к месту своего заключения или ссылки в Сибирь, проходит через все русское искусство, литературу и поэзию.

Теория, на которой основывалось применение террора, выглядела достаточно рационально, даже при Иване Грозном, чье здравомыслие, безусловно, сомнительно. Иван стремился раздробить общество и тем самым помешать возникновению организаций, способных бросить вызов его власти. Последующие русские правители также стремились, используя огромные размеры своей страны, изолировать народ от подрывных влияний. Русским не позволяли выезжать за границу и встречаться с немногими иностранцами, посещавшими их страну. Такова была сознательная политика. Богослов Крижанич говорил в XVII веке царю: «Помимо собственно самодержавия, другой ценнейшей нашей традицией является закрытие границ, то есть запрещение легкого проникновения в нашу страну иностранцев и запрет нашим людям выезжать за

границы царства без важной причины»⁶. Контролю над физическим передвижением людей соответствовал контроль над движением идей — его осуществляла цензура. В Московском царстве жестоко искоренялась религиозная ересь. Екатерина Великая сажала в тюрьму вольнодумных писателей. Ее внук Николай I объявлял их сумасшедшими, а Пушкина и его сочинения поставил под личный надзор Бенкендорфа.

Число полицейских и их агентов продолжало расти. Они проникали в революционные организации и манипулировали ими, создавали собственные профсоюзы, провоцировали политические покушения и акты насилия на расовой почве. Однако их интриги снова и снова скандально проваливались. Евно Азеф, тайный агент в террористической организации партии социалистов-революционеров, выдал своих товарищей полиции, организовывал покушения на высокопоставленных царских чиновников, но избежал мести и умер в своей постели в 1918 году. К 1917 году революция пустила слишком глубокие корни, чтобы даже самая жестокая и изобретательная полиция могла эти корни вырвать.

Самодержец использовал в качестве орудия власти еще одно средство: манипулирование привилегиями и милостями. Предшественники Петра Великого создали строгую иерархическую систему, чтобы укрепить политический контроль над своими подданными. Петр рационализировал эту систему, превратив ее в военизированную «Табель о рангах», которой надлежало руководствоваться в вопросах званий и привилегий. Согласно этой табели, все должны были служить государству и делать карьеру, поднимаясь с одной ступеньки иерархической лестницы на следующую до тех пор, пока не достигали уровня, позволявшего стать наследственными аристократами. Коммунистическая система номенклатуры была почти точной копией той, что описана выше. В соответствии с обеими, продвижение по службе и наделение привилегиями были во власти самодержавного правителя. Частная собст-

венность — поместья и большие барские дома при Петре, автомобили и дачи при коммунистах — могли быть отображены, если самодержец был недоволен. Лишение людей всякого независимого источника дохода или приобретения богатства было сознательной мерой социального и политического контроля. Такой порядок укреплял заносчивость власть имущих и угодливость подчиненных. Принцип управления был прост. Как потом это сформулировали сами русские: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак». Именно такое положение дел было сатирически описано в «Ревизоре» Гоголем, автором, который всегда казался лучшим толкователем советской действительности, чем «кремлеведы» в период «холодной войны». Результат был неизбежным: боязнь ответственности, запугивание нижестоящих и взяточничество. И в коммунистические и в царские времена имелись преданные и честные слуги государства. Но сама система была помехой проявлению инициативы как в области государственного управления, так и в сфере бизнеса. В конце концов как царский, так и коммунистический режимы пали из-за их неспособности эффективно использовать таланты людей.

Власть авторитарного государства опиралась не только на силу — полицию и армию, — никак не связанную законом. Русская политическая система имела также два других важных института: православную церковь и интеллигенцию. Церковь играла двойственную роль: иногда она служила столпом государства, часто — источником утешения для народа, а время от времени — центром оппозиции в системе, где оппозиция была всегда под запретом.

Основной миф России — идея Святой Руси, цитадели чистоты во враждебном море раскольников и неверных. Опера Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» — это мистический гимн святому городу, который вначале чудесным образом погрузился в морские волны, чтобы спастись от татарских захватчиков, а спустя несколько столетий, когда злые захватчики ушли, вновь всплыл во всей своей незамутненной красе. Жерт-

ва, принесенная Россией, гласит легенда, спасла Европу от Орды, но Европа осталась по сей день неблагодарной.

Русская православная церковь, подобно католической церкви в Польше, на протяжении столетий поддерживала дух нации в години бедствий. Она сыграла огромную роль в формировании представления русских о себе и своей стране. Во время татарских набегов, когда светские правители были либо убиты, либо рассеяны по свету, либо сотрудничали с врагом, церковь служила для русских объединяющим центром. А падение Константинополя в 1453 году считалось справедливым наказанием для церкви и государства, которые — в отличие от их собственных — попытались в чрезвычайных обстоятельствах вступить в позорный союз с еретической церковью Рима. С тех пор русские стали верить, что они одни владеют истиной, все больше укрепляясь в мысли, что их историческая задача — донести эту истину до «неверных» на Востоке и на Западе. Как выразился Достоевский, «все значение России заключено в православии, *в свете с Востока*, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа». Русские называли себя «православными», полагая, что все остальные вероисповедания в той или иной степени ложны, что католики и протестанты вообще едва ли христиане. В своей опере «Борис Годунов» Мусоргский подчеркивает контраст не только между поведением оперных персонажей, но и их музыкальным языком — музыкой, выражающей характер сердечных русских (даже злодеев), и холодных формалистов-католиков, западных поляков, подпавших под влияние иезуитов. Когда Дмитрий Самозванец переходит на сторону поляков и принимает участие в их наступлении на Русь, соответственно меняется в сторону «деградации» и музыка, сопровождающая этого героя. Западные критики считают, что польские сцены оперы в музыкальном отношении уступают другим. А чего еще, — могут сказать в ответ русские, — можно ожидать от поляков?

Русская православная церковь не имеет прочной теологической традиции. Намеренно антиинтеллектуаль-

ная линия ее мысли проявляется в романах Достоевского, а также в почтении к «юродивым» — дурачкам, которых можно встретить в православных монастырях даже сегодня: неспособность этих людей жить нормальной жизнью рассматривается как знак к ним Господнего благоволения. Юродивый в «Борисе Годунове» предсказывает беду, грозящую России, и в одной из наиболее впечатляющих сцен оперы осмеливается говорить правду в лицо даже самому царю.

Русская православная церковь доводит поклонение святым мощам до того, что это производит гнетущее впечатление. Посещение монастырских пещер Киево-Печерской лавры, заполненных иссохшими останками сотен давно умерших, но глубоко чтимых церковных деятелей, вызывает сложное чувство у неверующего, как бы он ни был очарован великолепием церквей, величием литургии и набожностью паствы.

Многие иностранцы, русские либералы и революционеры видели в русской церкви всего лишь орудие деспотизма, ветвь русского государства, а ее служителей считали коррумпированными, суеверными, грязными и неинтересными людьми. Однако даже явная угодливость церкви перед государством была далеко не простым явлением. Английским критикам, чей монарх является главой Англиканской церкви, следовало бы соблюдать особую осмотрительность в этом вопросе. Русская православная церковь никогда не была независимой силой, подобной Римской католической церкви: набожные русские считали «светскость» Римской церкви грехом. Но руководители русской церкви не всегда отличались отсутствием мужества или независимости мысли. Они готовы были умереть, если считали, что их вера или долг этого требуют. Иван Грозный убил митрополита Филиппа. Царь Федор сжег заживо вольнодумного священника Аввакума. Петр Великий систематически унижал церковь и нарушал ее независимость. В 1918 году патриарх Тихон предостерегал большевиков: «вся пролитая вами праведная кровь

возопит против вас»⁷. В период между 1917 и 1920 годами было казнено свыше трехсот епископов и священников. Тысячи других служителей церкви погибли во время большого террора 1930-х годов. У полностью подчинившейся церкви мучеников не бывает.

Однако, если не считать немногих одиноких героических деятелей церкви, те, что уцелели, стали сотрудничать с режимом, как и миллионы русских, принадлежавших к самым разным слоям населения. Церковные деятели, оказавшиеся на виду в период перестройки, представляли широкий спектр русских людей. Это — патриарх Алексий II, родившийся в Таллине, в семье прибалтийских немцев фон Ридигеров в 1929 году, церковный государственный муж; митрополит Питирим, красивый и элегантный, глубоко реакционный по своим взглядам; настоятель Печерского монастыря Павел, молодой, честлюбивый и очень умный; настоятель Киевского монастыря Элефтерий, настроенный слегка антикоммунистически; стойкие монахини Толгского женского монастыря на Волге, близ Ярославля; отец Глеб Якунин и отец Георгий из Костромы, расходящиеся во взглядах со своим церковным начальством; глава Богословской академии при монастыре св. Сергия, который сказал мне в 1989 году, что «советский режим начал с гражданской войны, гражданской войной он и закончит: силой меча он жил, от меча и погибнет»; два угодливых священника в Волгограде, лизоблюды режима, как будто бы сошедшие с антирелигиозной карикатуры XIX века; Нафанаил из Печерского монастыря, старец и юродивый; мать Магдалена, англичанка, вышедшая из среднего класса, принявшая православие и ставшая монахиней; отец Александр Мень, полуеврейский религиозный философ, который был убит (зарублен топором) осенью 1990 года.

Мифы и практика самодержавия и православия не оставляли в России места идеям плюрализма, инакомыслия или лояльной оппозиции. Образовавшаяся в результате в русском государстве брешь была заполнена русской интеллигенцией. «Интеллигенция» — русское слово, и рус-

ская интеллигенция мало напоминала интеллигенцию других стран. В Западной и даже в Центральной Европе «интеллигенция» — это круг более или менее образованных индивидуумов, занимающихся преимущественно гуманитарными предметами. Иногда они могут устанавливать интеллектуальную или даже политическую моду. Но их политическое значение как определенной группы ничтожно. Этого не скажешь о русской интеллигенции, которая стала политическим явлением, почти политическим классом, реакцией, быть может, единственно возможной, на политическую систему, в которой организованная оппозиция всегда сурово осуждалась и обычно попросту запрещалась.

Русская интеллигенция сформировалась в конце XVIII века в противостоянии крепостному праву и становившемуся все более деспотичным правлению Екатерины Великой. Первые интеллигенты были выходцами из аристократии. Однако с распространением Просвещения и после освобождения крепостных ряды интеллигенции стали все больше пополняться представителями мелкого чиновничества, лиц свободных профессий и крестьянства. Несмотря на слабость этой интеллигенции, режим весьма серьезно отнесся к ее политическим претензиям. КГБ, так же как ранее Охранка, установил над ней строжайший надзор и часто подвергал жестоким репрессиям. Интеллигенция не оставалась в долгу. Лишенная законных способов проявления оппозиции господствующему строю, она все больше стала обращаться к заговорам, терроризму и революционной агитации в среде пролетариата. Декабристы, убийцы царя Александра II, террористы партии эсеров и большевики-ленинцы, — все они были в основном выходцами из интеллигенции. Русские революционные народники XIX века и их социал-демократические соперники боролись, убивали и умирали за революцию; они свергли старый режим и попытались создать на его месте утопическое государство.

Однако до середины XX века подавляющее большинство русских составляли крестьяне и обнищавшие ра-

бочие, нещадно эксплуатируемые и используемые для осуществления амбициозных военных замыслов государства. Как цари, так и коммунисты претендовали на любовь к себе этих классов и требовали их поддержки, не предлагая им какого-либо участия во власти. В результате угнетенные классы изобрели различные способы уклоняться от давления правителей и выживать, несмотря на произвол. Время от времени они поднимали бунт. В более мирные времена они объединялись в небольшие группы — деревенские общины, бригады странствующих ремесленников, группы друзей, члены которых могли доверять друг другу и солидарность которых в какой-то мере защищала от поддерживаемой автократией атмосферы жестокости, подозрительности и предательства. До Октябрьской революции символом этой солидарности была деревенская община, «мир». Русские социалисты романтизировали «мир», который, по их мнению, мог стать основой специфической русской формы социальной демократии. Русские националисты и церковники романтизировали его как символ «соборности», дух общественной солидарности, который (как до сих пор верят многие русские) поднимал их на более высокий нравственный уровень по сравнению с эгоистичными буржуа Запада. Ни те ни другие, видимо, не замечали того, что «мир» служил другой полезной цели: с его помощью властям было удобно взимать налоги и набирать рекрутов, и на него же они могли налагать коллективное наказание при первом признаке неповиновения.

Надо ли говорить, что русские в большинстве своем не чувствовали угрызений совести, игнорируя или обходя при всяком удобном случае требования начальства. Как сказал в середине XIX века либерал Герцен, «вопиющая несправедливость половины ее (России) законов научила русский народ ненавидеть и остальные законы: русский подчиняется только закону, насаждаемому силой. Полнейшее неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, к какой бы профессии он ни принадлежал, избегает соблюдения закона или нару-

шает его всегда, когда это может пройти безнаказанно, и правительство поступает точно так же».

Это глубоко укоренившееся и вполне разумное при существующих обстоятельствах презрение к чисто формальной системе законности было в посткоммунистической России столь же сильным, как и при Герцене, писавшем об этом более ста лет назад.

В большинстве обществ люди справляются с трудностями повседневной жизни, угождая власть имущим, используя влиятельные связи, оказывая друг другу взаимные услуги, давая взятки, которые они предпочитают называть подарками, — то есть прибегая к действиям, не всегда противозаконным, но редко когда полностью отвечающим установленному порядку. Французы в свое время называли это «le système D». В России она действовала всегда, и для нее есть специальное название «блат». Блат процветал в царской России. Он помогал делать жизнь более сносной при Сталине. И он остается важным «смазочным материалом» в сегодняшнем русском обществе.

Русские пользовались также другим орудием самообороны — сбивающим с толку враньем — Большой Русской Ложью. Поначалу ложь в России была серьезным средством самосохранения. Говорить правду при Иване Грозном, Петре Великом или Сталине, скорее всего, могло оказаться делом фатальным в самом буквальном смысле. Историк XIX века Костомаров, отправленный царскими властями в ссылку за его украинский национализм, писал:

«Иван (Грозный) вооружил русских людей одних против других, указал им путь искать милостей или спасения в гибели своих ближних <...> В минуты собственной опасности всякий человек, естественно, думает только о себе; но когда такие минуты для русских продолжались целые десятилетия, понятно, что должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердных себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране, — поколение, для которого при наружном соблюдении обычных форм благочес-

тия, законности и нравственности не оставалось никакой внутренней правды»⁸.

Костомаров писал о России XVII века, но от него, конечно, не могла укрыться параллель с его собственным временем. И как это часто бывает, то, что было сказано о царском прошлом, вполне может быть отнесено к настоящему.

Так вранье стало неотъемлемой частью общественной жизни. Младшие чиновники лгали своим начальникам, правительство лгало своему населению и иностранцам. В 1557 году «Компания торговых предпринимателей», направляющихся в Москву, предостерегала своего агента, что русский посол в Лондоне «очень недоверчив и думает, что каждый норовит его обмануть. Поэтому вам надо быть осторожным во взаимоотношениях с ним или с ему подобными, ясно излагать суть предлагаемой вами сделки и закреплять ее в письменном виде. Ибо они люди хитрые и не всегда говорят правду, и думают, что и другие — такие же, как они»⁹.

Более чем триста лет спустя Тедди Рузвельт жаловался, что русские дипломаты, с которыми ему пришлось вести переговоры, лгали с «наглым и высокомерным бесстыдством»¹⁰. Русское военно-морское начальство, лгавшее, объясняя причины гибели подводной лодки «Курск» летом 2000 года, действовало в духе старой традиции.

Вранье до сих пор пронизывает самые тривиальные стороны повседневной жизни, идя намного дальше, чем того требуют соображения самосохранения или карьеризма. В мае 1992 года мы остановились в удивительно хорошем отеле советского стиля в провинциальном городе Костроме. Сидение унитаза в туалете было опечатано, с надписью на четырех языках: «Продезинфицировано для вашего удобства и безопасности». Каждый русский сразу поймет, что это не могло быть правдой. Поверили бы только самые наивные иностранцы. Но в великой стране положено дезинфицировать сидения унитазов, значит, появляется надпись. Вранье — это нечто такое, что русские обычно способны простить как самим себе, так и дру-

гим. Достоевский утверждал, что именно через ложь человек может прийти к правде. Однако время от времени русскими овладевает чувство вины за скверные поступки, совершенные сознательно или по чьему-то недосмотру. Избавиться от чувства стыда помогает исповедь. Так Великая Русская Исповедь стала — в романах Достоевского и в бесконечных ночных покаянных беседах, которые велись в горбачевской России, — оборотной стороной Великой Русской Лжи.

И все же в XIX веке царский режим начал вводить перемены и модернизироваться. Он положил конец крепостному праву на пару лет раньше, чем рабство было отменено в Америке. Александр II (1818–1881) предпринял реальные, хотя и ограниченные попытки ввести систему местной демократии и утвердить власть закона. При Николае II (1868–1918) дальновидные министры взялись за радикальную трансформацию русской экономики.

Именно на периоды их правления приходится бурный расцвет русской музыки, литературы, живописи и балета. Европейская культура навсегда преобразилась: сейчас ее невозможно себе представить без великих русских романистов, прежде всего Толстого и Достоевского, без величайшего русского драматурга Чехова, без Чайковского, Мусоргского, Стравинского, Прокофьева и Шостаковича, без великих художников первых десятилетий XX века. Споры о том, является ли Россия европейской или азиатской страной, без сомнения, будут продолжаться. Русские сами не могут этого решить. Но Россия — часть христианского мира, неотъемлемая часть европейской истории, и великих русских романистов читают все образованные англичане, большинство из которых никогда не прочли ни одной страницы Гёте, Данте или Расина и не имеют представления о том, существует ли такая вещь, как великий индийский, японский или китайский роман. Россия представляет для всех нас проблему не потому, что она недостаточно европейская страна, а потому что она недостаточно мала. Большая часть ее территории (где

проживает меньшинство населения) обращена к Тихому океану и Азии. Это отражается во взглядах и в политике, но никак не сказывается на европейском по своей сути характере русской цивилизации.

Для самих русских не только их культуру, но и само их представление о себе определяет Пушкин. Пушкин — больше чем поэт. Он воплощение мудрости, источник утешения в години бедствий. Русские брали его книги с собой в концентрационные лагеря. А когда Советский Союз зашатался накануне крушения, поэта сделали своим знаменем ультранационалисты. Один критик сказал по телевизору в 1990 году: «Пушкин — один из последних святых, оставшихся у нашего народа в это духовно трагическое время»¹¹.

Примерно в 120 километрах к югу от Пскова, древнего красивого города у западных границ России, остался нетронутый кусок русской сельской местности XIX века — река Сороть, широкие пастбища, леса, ветряная мельница, три барских дома в старинном стиле. Нигде ни единой заводской трубы или электрического столба. Это Михайловское, где Пушкин жил в ссылке и где он написал многие из лучших своих творений. Впрочем, то, что можно увидеть сегодня, — это иллюзия. Михайловское неоднократно сжигалось разъяренными крестьянами, враждующими бандами, за него воевали во время Второй мировой войны. Оно сохранилось и выглядит так, как я сказал, благодаря тому, что было возрождено неутомимым Семеном Гейченко, сыном старшины императорской конной гвардии. До войны Гейченко был хранителем музея и ученым. Во время «чисток» его арестовали; когда началась война, отправили на фронт в штрафной батальон; на войне он потерял руку. Он жил неподалеку от усадьбы Пушкина, в деревянном доме, заполненном самоварами, церковными колоколами и бесчисленными портретами, изображавшими его самого. Гейченко пришлось бороться с вандалами, которые хотели исковеркать местность, возведя здесь современные промышленные предприятия. И он

победил. Ландшафт был делом его рук, так же как и строения — точные копии деревенских домов и усадеб конца XVIII века, как бы вновь родившиеся из пепла войны: Михайловское — имение матери Пушкина, Петровское, где жил дед поэта, эфиоп по происхождению, Ганнибал, и Тригорское — здание полотняной фабрики (имение сгорело), где когда-то обосновалось семейство Осиповых-Вульф, послужившее прототипом героев пушкинского «Евгения Онегина»: Татьяны и ее семьи.

Всегда энергичный, величественно красивый, несмотря на свои 80 с лишним лет, Гейченко был одним из настоящих героев России — мужчин, которые перебивались тяжелейшим трудом, подчас за самое мизерное вознаграждение, лишь бы сохранить физические следы своей культуры. Я выразил свое восхищение этим человеком, сказав об этом его жене, Людмиле Джалаловне, с которой он познакомился в военном госпитале в Дагестане. «Не думайте, что он сделал все это один», — ответила она без некоторой горечи.

Какие бы перспективы либеральных перемен ни открывались перед русским государством в начале XX века, все они были уничтожены войной и революцией. Победившие большевики освоили и использовали для своих целей институты автократического государства. Система, созданная ими, была жестокой сатирой на то, что было раньше. Однако ничего смешного в этом не было. На этот раз новая полицейская организация — Чека¹² была преисполнена решимости. Ее действия, активно поощряемые Лениным, с самого начала основывались на открытом применении террора. Сталин довел большевистскую логику до абсурда. Его режим был почти уникально чудовищен. Подобно Ивану Грозному, он взялся за раздробление общества с целью утверждения своей личной власти. Его политическая практика была такова, что делала жестокость выгодной — как способ выражения революционного пыла, как средство демонстрации рвения в надежде,

что молния ударит не в тебя, а в других, и как единственный способ чего-либо добиться в условиях системы, где все нормальные мотивации были уничтожены. Он сознательно подавлял все естественные людские связи, как на уровне семьи, так и государства в целом. Советских детей призывали восхищаться примером Павлика Морозова, который донес на своего отца. В своем личном экземпляре «Государя» Макиавелли Сталин подчеркнул пассаж, где автор приходит к выводу: для правителя лучше, чтобы его боялись, чем любили. Сталину удалось добиться того, что большинство граждан любили его почти так же сильно, как боялись. Такова изнанка политического гения.

В результате сталинских репрессий и жестокой экономической политики почти каждый гражданин России потерял близкого родственника. Семья Горбачева была почти полностью уничтожена в 1933 году во время спровоцированного голода, который сопровождал сталинскую коллективизацию сельского хозяйства. Во время «чисток» оба его деда были арестованы. Деда его жены расстреляли, и он был «реабилитирован» лишь в 1988 году, через три года после того, как Горбачев пришел к власти.

Владимир Лукин, видный поборник реформ в последние годы горбачевской эры и впоследствии посол в Вашингтоне, родился в 1937 году, в самый разгар Большого террора. Вскоре после его рождения арестовали отца. Мать пошла к местному партийному начальству и в НКВД доказывать, что ее муж ни в чем не повинен. Один из местных офицеров НКВД с большим риском для собственной карьеры предупредил ее, что, если она будет продолжать шуметь, ее тоже арестуют. Она не послушалась его совета забрать ребенка и где-нибудь спрятаться и вскоре после этого была арестована. Соседка, жена другого офицера НКВД, кормящая мать, вскармливала маленького Лукина, пока из Москвы за ним не приехала его бабушка.

Писателю Льву Разгону было 80 лет, когда мы с ним познакомились в 1989 году. Он был еще очень активен, этот человек с красивыми чертами лица и тонким интеллектом.

Его беззаботные и оживленные манеры и жесты не вязались с грустными еврейскими глазами и воспоминаниями, хранившимися в его памяти. Он помнил выборы в Учредительное собрание в 1917 году. Он присутствовал в качестве наблюдателя на XVII съезде коммунистической партии в 1934 году, более половины делегатов которого была впоследствии расстреляна. Как-то раз ночью в 1937 году пришли за родителями его жены. В 1938 году взяли и самого Разгона, а через неделю и его молодую жену. В 1947 году Разгона выпустили из лагеря и разрешили поселиться в ссылке близ Ставрополя в родном краю Горбачева. Там ему сообщили, что его тесть был расстрелян, а теща и жена умерли в лагерях. Его дочь, которой в момент ареста был всего один год, находилась в сиротском доме. В 1950 году он был вновь арестован и сослан в лагерь.

Окончательно освобожден Разгон был лишь в 1955-м. В 1988 году, когда благодаря Горбачеву это стало возможным, он опубликовал краткое описание того, что пережил в лагерях, сдержанное и гуманное, наподобие книги Примо Леви о его пребывании в Освенциме. И только в 1991 году ему разрешили ознакомиться со своим «делом», хранившимся в папках КГБ. Там не было почти ничего — ни доносов, ни протоколов допросов, только ордер на арест, краткий протокол следствия и приговор. Однако на основании этих скудных документов Разгону удалось установить ряд страшных фактов. Сам Ежов, глава НКВД, которого теща Разгона поддерживала, когда тот был еще молодым коммунистическим чиновником из провинции, нацарапал на ордере на арест мужа этой старой женщины: «Прихватите и жену». Она умерла не от сердечного приступа в лагере, как сообщили Разгону, когда теща была в 1950-х годах «реабилитирована», ее забили, как зверя, в одном из московских подвалов через несколько дней после ареста. Жена Разгона, больная диабетом, умерла в лагере от отсутствия инсулина.

Перед лицом таких открытий Разгон уже не мог сохранять свою философическую нейтральность. Статья,

которую он написал для печати, была яростным осуждением КГБ, его прошлого и настоящего.

Иностранным наблюдателям весьма сильно не нравились внутренние порядки в России, но они не были бы особенно встревожены ими, если бы не видели в России угрозу своим собственным интересам. В начале современной истории русские, как известно, постоянно воевали со своими соседями. Они столь же часто были жертвами, как и агрессорами. И в этом отношении мало чем отличались от других европейских государств той эпохи. Время от времени на их территорию вторгались поляки, шведы, татары и турки. Время от времени русские отвечали обидчикам тем же.

Представление о России как об уникальной угрозе для окружающего мира — явление более позднего времени. Пожалуй, его можно датировать появлением Петра Великого, твердо решившего модернизировать свою страну и силой заставить государства Европы обратить на нее внимание. «Мы вышли из темноты на свет, — говорил он, — и люди, не знавшие нас, теперь встречают нас с почетом»¹³. В ужасе были не только непосредственные соседи России. Петр и его преемники вынудили великие державы Европы обращаться с Россией, как с равной. Русские войска сражались во всех европейских войнах на всем континенте — в Германии, Франции, Италии, Голландии, Швейцарии. Русские притязания в Азии, казалось, угрожали империям, которые англичане и другие европейцы создавали там. К началу XIX века западные стратеги-любители были сильно встревожены. Предвосхищая язык «холодной войны», генерал Митчелл писал в 1838 году: «Важнейший политический вопрос, который необходимо сейчас решить, — это политика, которую надобно проводить для поддержания безопасности Западной Европы от возросшей мощи России»¹⁴. К концу столетия викторианцы боялись, что русские в любой момент хлынут через Гималаи в Индию. Интересно, смотрели ли эти люди когда-нибудь на карту?

Эта английская русофобия была особенно странным явлением. Единственные серьезные вооруженные столкновения между обеими странами произошли на русской территории во время Крымской войны; много позже незначительные стычки, также происходившие на русской территории, возникли в связи с вмешательством англичан в Гражданскую войну после Октябрьской революции. Раздавались, правда, и умеренные голоса. Газета вигов, «Кроникл», предупреждала: «Не следует допускать, чтобы великая нация... сделала себя посмешищем, поддавшись безумной русофобии». Вероятно, тогда это слово и было впервые употреблено. Лорд Дарэм, английский посол в Санкт-Петербурге, писал в 1838 году: «Мощь России сильно преувеличена. В ней нет ни одного элемента силы, которому прямо не противостоял бы элемент слабости. Собственно говоря, мощь ее строго оборонительного свойства. Покрытая неприступными крепостями, дарованными ей природой, — ее климатом и бескрайними пустынями, — она непобедима, в чем убедился, дорого за то поплатившись, Наполеон».

В 1854 году «Эдинбург Ревью» писала, что русское правительство сознательно поместило «плотную завесу между Россией и остальной Европой, предоставив последней гадать относительно ее громадных, но неизвестных ресурсов, пока всех, в конце концов, не охватил панический страх, для которого нет решительно никаких оснований»¹⁵. Эти дебаты повторились сто лет спустя, когда политические аналитики принялись спорить по поводу масштабов и реальности советской угрозы.

Русские и в самом деле показали себя способными на беспощадную имперскую агрессию в Европе и за ее пределами. Но то же самое можно сказать об англичанах, французах, испанцах, голландцах, португальцах, бельгийцах и немцах. Русские действительно содержали самую большую в Европе постоянную армию вплоть до начала Первой мировой войны. Но русская всеокрушающая сила «парового катка» — этот кошмар, преследовавший викториан-

ских военных аналитиков, — оказалась мнимой. Имперские армии хорошо справлялись с мелкими мусульманскими государствами Центральной Азии и с все уменьшавшейся мощью Турции. Но, если не считать войн, в которых решался вопрос выживания нации, Россия терпела поражение всякий раз, когда сталкивалась с современными государствами — Англией и Францией в Крыму, Японией на Дальнем Востоке и Германией в Первой мировой войне. Даже во Второй мировой войне — самой отчаянной из всех российских войн за национальное выживание — Красная Армия на первых порах действовала неудачно, несмотря на свою большую численность, современное оснащение и агрессивную военную доктрину, опираясь на которую она встретила нападение немцев летом 1941 года.

Итак, еще до появления большевиков, претендовавших на то, что России суждено возглавить мировую революцию, в мышлении людей Запада прочно укоренилась русофобия. Она достигла опасного уровня в период «холодной войны», которой ядерная конфронтация придала уникальный характер. На всем протяжении «холодной войны» с американской стороны было много безответственной и хвастливой болтовни, раздувавшейся обычными средствами демократии и свободной печати. В 1953 году журнал «Коллинз» опубликовал подробное описание того, как Запад («Объединенные Нации») выиграют ядерную войну против Советского Союза. Рейгановская политика наращивания вооружений и его рассуждения об Армагеддоне — последней битве между добром и злом (щедрые «утечки» на этот счет проникали в печать) — привели советское руководство в состояние, близкое к панике. В середине 1980-х годов Гордиевский, офицер КГБ, много лет работавший на англичан, оказал всем большую услугу, сообщив об этой панике западным руководителям, которые стали после этого помягче разговаривать с Советами.

После того как обе сверхдержавы достаточно вооружились, каждая из них — прямо или тайно — приняла стратегию *гарантированного взаимного уничтожения*

(Mutual Assured Destruction), известную под сокращенным названием MAD (что по-английски значит «сумасшедший»), грозившую развязать ядерную бойню неизмеримого масштаба, если другая сторона «позволит себе что-нибудь лишнее»¹⁶. На Западе были люди, говорившие: лучше быть мертвым, чем красным, пусть даже ценой ядерной войны. Другие считали, вероятно, искренне, что Советское правительство пойдет на развязывание ядерной войны ради достижения своих глобальных амбиций, даже если за это придется поплатиться гибелью миллионов собственных граждан. Были и такие, кто полагал, что проблема будет решена наилучшим образом, если Запад сам начнет быструю превентивную ядерную войну против Советов. Время от времени высокопоставленные американские генералы были близки к подобной идее. После Кубинского ракетного кризиса Роберт Кеннеди говорил, что он «много раз слышал военных, занимавших такую позицию, и думал при этом: если они ошибаются, то на их стороне преимущество — узнать об этом будет уже некому»¹⁷. Предполагаю, что то же самое происходило и в Москве.

Интеллектуальные проблемы, возникшие в связи с существованием и возможным применением ядерного оружия, были одними из самых серьезных, с какими когда-либо приходилось сталкиваться государственным деятелям. Самые крайние идеи обсуждались в то время вполне здравомыслящими и порядочными людьми с обеих сторон и казались неправдоподобными, а теперь, задним числом, представляются немыслимыми. Когда отдельные личности или даже целые группы готовы умереть за свою свободу или за тот или иной идеал, это их право. Но следует ли из этого, что какая-либо группа лиц имеет право обречь весь человеческий род или значительную его часть на гибель в ядерной катастрофе во имя какой-то идеи? Стратегия *гарантированного взаимного уничтожения* была гигантской игрой. Возможно, она была даже блефом. Как пишет Джеффри Хоскинг, «угроза оружием, которым невоз-

можно воспользоваться, не подвергнув уничтожению самих себя, всегда содержала в себе элемент неумной фантазии»¹⁸. Вице-президент Никсон еще в 1958 году публично признал, что американцы вряд ли пошли бы на риск потерять Филадельфию ради того, чтобы отомстить Советам за их ядерный удар по Парижу. В одном из тогдашних документов Уайтхолла говорится, что мы приближаемся «к ситуации, при которой ядерный пат будет полным. Та или другая сторона может временно или долгое время обладать превосходством в одной сфере, но это превосходство будет по определению ограниченным; каждая сторона будет знать, что, если даже она нанесет удар первой, у другой стороны останется практически неограниченная разрушительная способность».

Мы, служащие чиновники, сумели убедить себя в том, что обоюдное запугивание обеспечит обоюдную сдержанность. Так и случилось. Политика Запада принесла свои плоды. Его готовность перейти ядерный порог ни разу не подверглась проверке, так как Советы под конец дрогнули. Однако будущие историки наверняка будут удивляться тому, что наше поколение было готово идти на такой громадный риск¹⁹.

На протяжении многих лет на Западе считалось общепринятым, что «холодная война» была делом рук Сталина и результатом мирового коммунистического заговора. Так же как «Таймс» в 1929 году, люди утверждали, что русское государство — на этот раз советское — было исполнено решимости любой ценой расширить свои границы. Отчасти как реакция на эту точку зрения и возникла школа ревизионистов, доказывавшая в то время и позже, что «холодная война» началась из-за стремления Америки к военной и экономической гегемонии и ее нежелания считаться с законными интересами Советского Союза. Сторонники обеих названных версий приписывали политикам, генералам, производителям вооружения и шпионам неправдоподобную хитрость и компетентность. И обе они были грубейшим упрощением.

Сталин был, несомненно, подлым диктатором. А советская политическая и экономическая система была прочной и недееспособной. Конфликт с капитализмом был прочно укоренен в государственной идеологии. Америка же явно не была диктатурой, и ее экономика, начиная с 1945 года, почти непрерывно процветала, несмотря на предсказания коммунистов о грозящем ей неминуемом крахе. В период «холодной войны» как Советский Союз, так и США осуществляли своего рода имперский контроль над своими партнерами. Но партнерство с Советским Союзом не было добровольным, и советская империя сохранялась с помощью силы. Тогда как партнерство с Америкой, по крайней мере в Западной Европе, было добровольным, и американцы никогда не испытывали искушения применить там силу. Обе стороны в «холодной войне» совершали грубые ошибки и глупости. Однако это не означает, что между ними не было никакой разницы. Счастье, что верх одержала американская мощь и американская воля, хотя с этим вряд ли легко согласятся русские.

Контуры «холодной войны» вчерне определились тем положением, в каком очутились победители, когда смолкли пушки. В 1943 году Советы продемонстрировали в битве под Курском, крупнейшем в истории танковом сражении, что они могут теперь побивать немцев их же оружием — с участием бронетанковых сил. В то время их западные союзники еще не высадились на европейском континенте. Когда западные войска вторглись в Нормандию, Советы начинали прорыв, который десятью месяцами позже привел их в Берлин. Неудивительно, что, по мнению русских, войну выиграли они при небольшой помощи со стороны союзников. Даже менее беспощадный вождь, нежели Сталин, последовал бы древнему девизу: «Победитель получает все». После 1945 года установление господства Советского Союза над Восточной и Центральной Европой было неизбежным. Запад ничего тут не мог поделать, разве что начать войну, или же Советскому Союзу надо было бы радикально перемениться. Первый

вариант был Западу нежелателен, над вторым он был не властен.

Сталин после войны добивался четырех целей: восстановить свою страну, закрепить за собой завоевания военного времени, достигнуть равенства с ядерным потенциалом Америки и проверить на практике, в какой мере он может безнаказанно использовать плоды победы. Всякий раз, когда где-то представлялась возможность, он насаждал режимы сателлитов. Он попытался было проникнуть в персидский Азербайджан, подбивал Северную Корею напасть на Южную. Он надеялся, что массовые коммунистические партии во Франции и Италии обеспечат ему решающее влияние в Западной Европе. Однако всюду сталкивался с мощью Америки и благоразумно отступал. Только однажды он отважился на прямую конфронтацию с американцами. Это закончилось унижением, которое причинила ему американская авиация в Берлине. Больше он никогда на подобную конфронтацию не решался.

Преемники Сталина продолжали держать своих восточно-европейских сателлитов в железной узде. Запад соблюдал правила и предпринимал лишь робкие попытки вмешательства. Хрущев искренне верил в конечную победу коммунизма во всем мире. Ему было мало оставаться на оборонительных позициях. В 1961 и 1962 годах он спровоцировал конфликты с Америкой по поводу Берлина и Кубы. То были самые опасные семнадцать месяцев за все время «холодной войны». Однако и он тоже дал задний ход перед лицом американской мощи.

Эти унижения содействовали падению Хрущева в 1964 году. Его преемник, Брежнев, был совсем другим человеком — менее запальчивым, более осторожным и до последних лет своей жизни компетентным, хотя и заурядным политиком. Что касается внутреннего кризиса, то он предпочитал делать вид, что его просто не существует. Он прекратил дискуссию по поводу экономической реформы и покончил с диссидентством. В отличие от своего предшественника, не был готов идти на риск прямой конфронтации

с американцами. По словам его сподвижников, его стремление к разрядке в Европе было совершенно искренним. Но теперь пришла очередь Америки испытать величайшее унижение в странах третьего мира. Поражение во Вьетнаме и высокие цены на нефть подорвали дух народов Запада. Брежнев воспользовался удобной возможностью для распространения советского влияния в Азии, Латинской Америке и Африке — в районах, не представлявших непосредственного интереса для Советского Союза. Он продолжал широкомасштабное наращивание вооружений в надежде достигнуть «стратегического паритета» с американцами. Однако в конце концов и он преступил разумные границы. Его коллегам удалось с помощью лживых аргументов втянуть его во вторжение в Афганистан, который стал для Советского Союза своего рода «Вьетнамом». Внешняя политика Брежнева, как и его внутренний курс, обрекли советскую систему на крушение. Ему удалось продержаться долгое время только потому, что советская экономика держалась благодаря высоким ценам на нефть.

Таким образом, в целом (разумеется, оставляя в стороне особый случай: ситуацию в Восточной Европе), летопись советских внешних авантур в послевоенный период — это летопись неизменных неудач и унижений. «Советская угроза», конечно, не была только мифом. Оптимистичные британские дипломаты, надеявшиеся во время войны, что даже сталинская Россия способна измениться к лучшему, в течение четырех последующих десятилетий испытывали разочарование. К 1980-м годам советское вооружение было совершенным технически и его накопилось огромное количество. Коммунистическая идеология была универсальной и мессианской. Советский Союз осуществлял агрессивную, даже сверхагрессивную экспансию в такие части мира, которые имели весьма отдаленное отношение к реальным интересам страны. Западные аналитики и политические деятели были правы, относясь к этому всерьез. Однако они допустили три серьезные ошибки. Они решили, что универсальная политическая философия

распространится на весь мир. Они систематически переоценивали эффективность советских вооруженных сил. И они систематически недооценивали политическую, экономическую и социальную слабость Советов.

Первое положение, из которого они исходили, было неверным в принципе. Переоценка советских вооруженных сил и способности Советов утверждать подрывное влияние за границей была, пожалуй, понятна. Но она была чревата серьезной опасностью. И к тому же игнорировала то, что Клаузевиц называл «трением», — этим проклятием реальной жизни, что заведомо гарантирует невозможность осуществления чьих бы то ни было притязаний на мировое господство.

Менее извинительной была недооценка слабости Советов. То, что западные аналитики не создали трезво взвешенной картины, было очевидно уже тогда, а не только задним числом. К 1945 году Красная Армия была измотана, а ее оснащение изнашивалось. Единственным желанием воинов-победителей было вернуться домой и восстановить свою разрушенную страну, где люди вновь начинали умирать с голода. Воспоминания Примо Леви о Восточной Европе после войны рисуют незабываемую картину возвращения Советской Армии: мужчины, женщины и дети в лохмотьях, сломанные грузовики, запряженные волами и груженные награбленным добром, — движущаяся орда кочевников. Фактически не существовало никакой возможности — политической, военной или психологической, что эта армия способна в ближайшие годы возобновить какие бы то ни было серьезные наступательные операции.

Советы в каком то смысле восстановили и перестроили свою страну, и сделали это поразительно быстро. Советская военная наука и промышленность продвинулись вперед. Советские ученые и инженеры овладели термоядерной реакцией, произвели грозные бомбы и ракеты и запустили в космос сначала собаку, а потом и человека. Советские руководители и советские люди впервые в сво-

ей истории чувствовали, что одерживают верх над Западом в его же собственной игре-борьбе за техническое превосходство. Партийная программа 1961 года предсказывала, что через двадцать лет советский потребитель будет в изобилии обеспечен предметами материального и культурного спроса.

Однако Советский Союз уже в те годы переживал глубокий внутренний кризис. Его политическая и экономическая система была негибкой и склеротичной. Сельское хозяйство было в полном развале. Капитальное строительство было чудовищно расточительным. Нужды потребителя игнорировались, на социальное обслуживание средств отпускалось недостаточно. Но самое главное, несмотря на успехи в космосе и оборонном деле, советская техника все больше отставала от западной. К 1960-м годам некоторые мужественные и дальновидные советские граждане начали высказывать вслух горькую правду. Наиболее видным среди них был Сахаров, физик-ядерщик. Он заявил советским руководителям в 1970 году: «Чем новее и революционнее тот или иной аспект экономики, тем шире становится брешь между США и нами». Советский Союз, заявил он, может «постепенно вернуться к статусу второстепенной провинциальной державы».

Хрущев, являвшийся Первым секретарем Коммунистической партии Советского Союза с 1953 по 1964 год, был не дурак. Он понимал, что перед ним стоит серьезная проблема. Он начал с краткосрочных мер — импорта западной технологии и западного зерна. Затем он пошел дальше: развернул широкую дискуссию по поводу экономической реформы. Советские экономисты увлеклись сложными и еретическими идеями. Они ставили вопрос о том, нельзя ли видоизменить централизованное планирование или даже вовсе заменить его рыночным механизмом. Они заговорили о введении процентных выплат на вложенный капитал. Это были концепции, которые при Сталине могли довести их авторов до тюрьмы, а то и до чего-нибудь похуже.

Интеллектуальное брожение в годы правления Хрущева длилось недолго; 1968 год и подавление либерального режима в Праге положили всему этому конец. В публичных дискуссиях вновь стали преобладать избитые лозунги старой идеологии. Лозунги были важны, потому что они эмоционально поддерживали геронтократов в Кремле, служили для них оправданием бессмысленных и провокационных вылазок Советского Союза в Африке и Латинской Америке. Интеллигенция в старые лозунги больше не верила. Многие ударились в усталый цинизм, сатирически описанный биографом Ельцина Леоном Ароном:

«Эти мягкие, умные, милые и насквозь циничные бездельники... проводили целые дни в болтовне, обмене слухами и антисоветскими анекдотами, чтении и передаче подпольных самиздатовских рукописей, флирте, разговорах по телефону, часовых «перекурах», набегах на близлежащие магазины, куда, по слухам, только что прибыла новая партия японских зонтиков, финских сапог или турецких кожаных курток. Это были ветераны уклонения от своих обязанностей, великие мастера надувательства и очковтирательства — настоящие асы в искусстве избегать работы, значительная часть которой, надо признать, была бессмысленной и выдуманной презренными «ими» — партией и бюрократией, которых эти антикоммунистические радикалы, — в большинстве члены партии, — негодую в довольно узком кругу и не подвергая себя опасности, страстно ненавидели»²⁰.

Однако не все отказались от борьбы. Некоторые отважные души — Солженицын, Сахаров, Амальрик, Щаранский и другие — высказывали свое мнение публично и публично же карались тюрьмой или ссылкой. Были и другие, чья роль в конечном итоге оказалась не менее значительной. Неверно считать, что слуги авторитарного режима не способны мыслить самостоятельно. Царский цензор Александр Никитенко (1804–1877) писал в своем дневнике: «Наши качества ответственных граждан еще не сформировались, потому что у нас еще нет для этого существенных

элементов... а именно — общественного темперамента, чувства законности и чести». Мужчины и женщины, так же понимавшие причины невзгод своей страны, продолжали свои интеллектуальные искания на всем протяжении брежневской эры во всех уголках и закоулках правящего аппарата: в профессиональных журналах, в элитарных экономических и политических научно-исследовательских институтах, в аппарате Центрального Комитета самой Коммунистической партии. Они собирались в маленькие группы, как русские всегда это делали, чтобы защититься от давления властей. Естественно, этих людей мало замечали во внешнем мире, а когда они появились публично, особенно за границей, они по необходимости были осторожны в своих высказываниях. Но они твердо знали, как это смутно сознавал в свое время Хрущев, что так дальше продолжаться не может. Опираясь на новые идеи хрущевской эры, они создали политическую и экономическую теорию, общественное мнение и критическую массу советников-реформаторов, которые обеспечили серьезную поддержку тем решительным переменам, которые суждено было десятилетием позже осуществить Горбачеву.

Все эти сложные обстоятельства не получали достаточно широкой положительной оценки на Западе. Твердолобые западные аналитики продолжали настаивать на том, что в расчет надо принимать поддающиеся измерению возможности Советов, величину их военной мощи, количество ракет, танков, дивизий. Измерить намерения невозможно, а потому нет смысла основывать свою собственную политику на предполагаемых стимулах советской политики.

На практике западным правительствам, конечно, приходилось постоянно делать те или иные выводы о политических целях Советов. В этом, как и во многих других областях внутренней и внешней политики, у них было мало специальных знаний, на которые они могли бы опираться в своих заключениях. В 1969 году, например, Объединенный комитет Британской разведки признал, что его доклад «об основополагающих факторах, влияющих на вы-

работку советской внешней политики и принципы, судя по всему, лежащие в ее основе» не опирается на какие-либо данные секретной разведки и фактически не имеет под собой ничего такого, что не было бы доступно взору вдумчивого наблюдателя извне²¹. Несмотря на свою явную решимость проводить логическое различие между возможностями и намерениями, западные аналитики постоянно отказывались от установления столь важной связи между внешней видимостью советской военной мощи и повседневной реальностью советской экономической и политической системы, которая была явно не способна добиться столь же значительных экономических, технологических, политических и социальных успехов, каких достигли развитые страны Запада.

Не далее как в 1988 году известная американская специалистка по вопросам стратегии вернулась из своей первой поездки в СССР глубоко шокированная состоянием магазинов на самой шикарной улице Москвы: «Что же это за сверхдержава?». Таким образом, на протяжении большей части периода «холодной войны» Запад либо неверно истолковывал, либо переоценивал советскую угрозу. Он не сделал надлежащего вывода из многочисленных явных свидетельств слабости Советов внутри страны и их имперской внешней политики. Западные аналитики, видимо, не могли или не хотели напрячь свое воображение и поставить себя на место своих противников. Задача военного планирования, стоявшая перед советским Генштабом на протяжении большей части периода «холодной войны», была обескураживающе трудной. На западном фланге им противостояла группа процветающих и сплоченных европейских государств под предводительством США. С севера грозила опасность ядерного уничтожения со стороны стратегических военно-воздушных сил. На востоке им противостояло свыше миллиарда потенциально или активно враждебных китайцев. А у Советов, в отличие от их американского противника, не было союзников — только сателлиты, проявлявшие время от времени тревожащую тенден-

цию к бунту. Как и их западные «аналоги», они неизбежно склонялись к тому, чтобы перестраховаться на случай наихудшего варианта.

Просчеты интерпретации чаще отражали положение дел на Западе, и особенно в Америке, а не серьезные изменения в реальности советской мощи или в способности западных агентур собирать информацию о Советском Союзе и должным образом ее истолковывать. Президент Эйзенхауэр назвал грубое преувеличение авиационной и ракетной мощи Советов американской разведкой — речь шла о большом неравенстве в количестве бомбардировщиков и ракет, обнаруженном в 50-х годах, — «не чем иным, как плодом безответственной фантазии». Здоровые люди в Лондоне полагали, что русские хотели бы воспользоваться плодами войны, не идя при этом на риск. Однако были и такие, которые сосредоточивались на наименее вероятной перспективе: на возможности внезапного, как гром среди ясного неба, нападения Советов на Европу или на какой-либо иной район земного шара с целью достичь... Чего? На это никто не давал вразумительного ответа.

Люди же более искушенные утверждали, тогда и спустя годы, что они на самом деле никогда всерьез не верили во внезапный удар русских. Более коварную опасность, считали они, представлял их политический шантаж, подкрепляемый косвенными ссылками на громадную военную мощь. В послевоенное десятилетие это могло представляться разумным аргументом. Западная Европа лежала в развалинах, и в трудную минуту можно было закрыть глаза на тот факт, что Советский Союз тоже лежал в развалинах. Но этот довод стал менее убедительным, когда западные демократии восстановили свое политическое и экономическое равновесие, в то время как ряд восстаний в Восточной Европе показал, сколь неглубоки были корни тамошней советской империи.

К началу 1970-х годов аналитики ЦРУ и других ведомств начали признавать слабости Советского Союза и учитывать их в своих расчетах. Однако во второй половине

этого десятилетия горячее стремление американцев к разрядке ослабело. Американские правые обвинили ЦРУ в самодовольном сверхоптимизме. Один из наиболее откровенных советников президента Форда по вопросам разведки утверждал, что советские руководители, находящиеся в безопасности в своих противоядерных укрытиях, не дрогнут перед тем, чтобы пожертвовать несколькими миллионами собственных граждан ради достижения своих идеологических и имперских целей²². Поскольку настроения в Америке изменились, президент согласился создать комиссию независимых экспертов для изучения этого вопроса. Эта «Команда Б» («В Team») включала ряд высококомпетентных, но очень консервативных аналитиков. Они сознательно отказались от принципа, что следует учитывать лишь реальные возможности противника. В конце 1976 года «Команда Б» доложила, что Советский Союз готовится к Третьей мировой войне. Советские лидеры, по утверждению этой команды, считали, что превосходящую военную силу можно использовать либо для боевых действий и победы, либо для подчинения себе Запада путем шантажа²³. В доказательство своих утверждений никаких серьезных свидетельств «Команда Б» не представила.

С окончанием 70-х и началом 80-х годов американская риторика разошлась еще больше. В статье Грэя и Пейна, опубликованной в 1980 году в авторитетном журнале «Форин Полиси», говорилось, что «Соединенные Штаты должны планировать военное поражение Советского Союза, которое должно быть осуществлено такой ценой, которая не воспрепятствовала бы восстановлению сил США». Помощник заместителя министра обороны при Рейгане Т.К. Джоунз считал, что для восстановления Америки после ядерной войны потребуется всего лишь от двух до четырех лет при условии, если население будет соблюдать несколько простых правил гражданской обороны. «Если будет иметься в наличии достаточно лопат, с этим справится каждый. Все дело в грязи»²⁴. Влиятельные аналитики и политические деятели были одержимы мыслью, что Советы

могут применить свои новые ракеты, сверхточные СС-19, чтобы уничтожить первым же ударом все американские ракеты наземного базирования — «Минитмен». Но если бы подобная вещь была технически возможной, американские подводные лодки и военно-воздушные силы остались бы невредимыми. Никто не мог представить убедительных объяснений, с чего бы это советское руководство вознамерилось совершить столь очевидную нелепость.

Участники этих запутанных споров напоминали революционных интеллектуалов в России XIX века своим стремлением доводить аргументацию до логической и потенциально роковой крайности. Их выводы плохо вязались со здравым смыслом. Когда ядерная конфронтация уже подходила к концу, Джон Ньюхауз писал: «То, что сходит в ядерный век за стратегическую доктрину, на самом деле не реальность, а абстракция»²⁵. Простые американцы энергично протестовали против явной попытки их руководителей примирить их с идеей, что ядерная война может быть нормальным орудием политики. Организация «Ground Zero» устраивала массовые демонстрации в Вашингтоне под лозунгами, впервые выдвинутыми Движением за ядерное разоружение в Англии. По всей стране сообщества граждан протестовали против размещения нового поколения американских ракет MX.

Сам Рейган, выдающийся, хотя и немало напугавший политик, испытывал искренний нравственный ужас перед ядерным оружием²⁶. Но с миссионерским рвением продолжал поддерживать свою непрактичную *инициативу стратегической обороны* (SDI) — создание «звездного щита», покрывающего все Соединенные Штаты, от которого советские ракеты попросту отскакивали бы, не причинив вреда. Осенью 1986 года в Рейкьявике ему удалось объяснить с Горбачевым, и ядерное противостояние начало ослабевать. Эксперты с обеих сторон были удивлены и обескуражены.

Переоценка советской мощи Западом продолжалась до самого конца. В апреле 1989 года в докладе Националь-

ной разведки правительства США был сделан вывод, что Советский Союз в обозримом будущем будет оставаться противником и представлять серьезную угрозу единству НАТО²⁷. Заявление, сделанное Горбачевым в ООН в декабре 1988 года о крупном сокращении советских войск, эксперты не приняли во внимание, посчитав его очередной коммунистической уловкой. Атмосфера, царившая в среде аналитиков, не благоприятствовала более проницательным и тонким толкованиям. Один из руководящих аналитиков ЦРУ признал в 1988 году, что его управление никогда всерьез не изучало возможность политической перемены в Советском Союзе. Если бы он написал и распространил такого рода исследование, заявил он, «народ потребовал бы моей головы»²⁸.

Американские специалисты по Советскому Союзу были профессиональными, знающими людьми, но придерживавшимися разных точек зрения. Теперь, задним числом, легко смеяться над их ошибками. Существует, однако, ряд причин, в силу которых эти ошибки были, пожалуй, неизбежными. Прежде всего, «холодная война» была настоящей войной, хотя русским и американцам не пришлось стрелять друг в друга. И к тому же с обеих сторон она была религиозной войной. А в военное время — особенно, если это религиозная или идеологическая война, — каждая из сторон демонизирует другую. Во-вторых, военные и те, кто оценивает данные разведки и дает рекомендации правительству, всегда имеют в виду наихудший вариант развития событий. Никто никогда не поплатился еще за то, что предсказал не случившийся кризис. Но, если вы не предупредите свое начальство о том, что надвигается кризис, вы рискуете своей должностью, а то и чем-нибудь более серьезным. Скорее всего, в такой же степени это относилось и к советским военным и разведывательным органам. Следствием этого был неизбежный процесс «инфляции» угроз с обеих сторон. В-третьих, сколь бы неправдоподобными ни были такие предостережения, их отрадным для американского военно-промышленного

комплекса результатом было то, что они побуждали Конгресс голосовать за ассигнования на все более мощное, экзотическое и прибыльное для производителей вооружение. В 1979 году начальник разведки американских ВВС выбросил представленную ему оценку, из которой следовало, что Советский Союз не нападет на Западную Европу. Такое, заявил он, только осложнит процесс убеждения американского конгресса ассигновать средства. Рейгановский министр обороны Каспар Уайнбергер не сомневался в правильности такого подхода: «Да, конечно, мы в своем анализе ориентировались на наихудший вариант. В этом деле надо всегда ориентироваться на наихудший вариант. Нельзя позволить себе ошибиться. Если бы мы обеспечили себе победу переизбытком силы, это означало бы многократное уничтожение, ну что ж, значит быть посему»²⁹.

4 мая 1979 года к власти в Англии пришла госпожа Тэтчер. Она увидела, или ей показалось, что она увидела, становящийся все более уверенным в себе Советский Союз, «распространяющий свое влияние в Афганистане, Южной Африке и Центральной Америке путем подрывных действий и прямого вторжения... размещающий наступательные ракеты на территориях своих восточных сателлитов и наращивающий свои обычные вооружения так, что они намного превышают эквивалент НАТО»³⁰. Запад, по ее мнению, не был способен ни психологически, ни в военном и экономическом отношении к сопротивлению. Президент Рейган пришел к власти годом позже на волне еще более преувеличенно алармистской риторики.

Напугано было не только советское правительство. Английский историк Тимоти Гартон Аш записал в своем дневнике 1980 года, что он ожидал начала ядерной войны еще до окончания десятилетия. Казалось, сцена была подготовлена для новой и, как оказалось, последней конфронтации между силами Добра и Света, с одной стороны, и «Империей зла» — с другой.

И все-таки, не кто иной, как г-жа Тэтчер, «железная леди», первой уловила ветер перемен. Она не верила в то,

что советская система может существовать вечно. Если Запад не упустит своих преимуществ, справедливо рассуждала она, он выйдет победителем, ибо «опирается на уникальную, почти безграничную, творческую силу и жизнеспособность индивидуумов». Учитывая закрытый характер советской политической системы, считала она, вызов ей может быть брошен лишь «своим», — человеком, сделавшим карьеру изнутри. Она утверждала, что была первым из западных руководителей, заметившим Горбачева, потому что искала кого-нибудь, похожего на него. Она потратила значительную часть своей громадной энергии на то, чтобы попытаться понять суть советской системы. Тэтчер стала своего рода специалистом по этому вопросу, хотя и призналась во время посещения в 1987 году одного жилого района в Москве, что люди, живущие там, «знали систему еще лучше, чем я»³¹.

Мое профессиональное участие в этих делах началось в 1959 году, когда я был послан на работу в Варшаву. (Джилл приехала в Варшаву на год позже, и в течение недолгого времени мы представляли политический отдел посольства.) Страна все еще купалась в лучах польской «весны» 1956 года, когда польские рабочие, студенты и даже польская коммунистическая партия успешно оказали противодействие Хрущеву и привели к власти Гомулку. На протяжении пяти лет Польша была уникалом — единственной коммунистической страной в мире, где простые люди могли беспрепятственно высказывать свои политические взгляды, где процветали современное искусство, авангардистская музыка и политический театр. Иностранцы также были популярны — явление необычное в любой стране. Наши польские друзья были до смешного откровенными, невзирая на микрофоны, которые, как мы все были уверены, все еще оставались в стенах нашей квартиры.

К концу нашего пребывания в Варшаве тайная полиция становилась более наглой. Однако поляков это не останавливало. Один знающий, «вхожий наверх» чело-

век, коммунистический журналист, работавший в правительственной газете, взял на себя риск предостеречь меня, что полицейские надеются поймать меня в ловушку. И посоветовал мне в течение следующего месяца держаться подальше от польских девушек.

Поляки боялись немцев, но восхищались ими. Русских они боялись, но презирали. Небольшая горстка оптимистически настроенных коммунистов, которых даже тогда трудно было найти в Польше, все еще верила в конечную победу коммунизма во всем мире. В их числе — Мичеслав Раковский, блестящий редактор либеральной «Политики», ставший позже последним коммунистическим премьер-министром Польши. Однако в глазах большинства идеология была полностью дискредитирована. И нечто подобное произошло с такой чертой польского характера, как отвага, приводившей в прошлом к столь многим неудачным восстаниям против русской и немецкой оккупации. Ныне господствовал реализм. Реалисты прекрасно отдавали себе отчет в том, насколько Польше повезло в сравнении с другими сателлитами России, а также понимали, сколь хрупкой остается их относительная свобода, пока у Советского Союза сохраняется воля и способность удерживать свою империю. Хотя думать об этом им было неприятно, они знали, что Польша никогда не сможет добиться полной независимости, если процесс перемен не начнется в самой России. История доказала правоту реалистов. Валенса, «Солидарность» и другие силы мужественно и неустанно долбили империю. Но имперская система снова и снова сводила на нет их мужество: по всей видимости, она все еще обладала силой и волей, необходимыми для господства. Ситуация изменилась лишь тогда, когда с приходом Горбачева лед тронулся и в самом Советском Союзе.

К началу 60-х годов признаки того, что Советский Союз переживает кризис, стали очевидными даже для сторонних. Мы с Джилл жили в Москве с 1963 по 1966 год. Москва тогда была явно пришедшим в запустение го-

родом. Кроме одного громадного плаката, висевшего над Москвой и призывавшего граждан «летать самолетами Аэрофлота» (призыв совершенно излишний в стране с громадными расстояниями и всего лишь одной авиакомпанией), никакой рекламы не было — одни лишь бесконечные коммунистические лозунги, начертанные белой краской на красном фоне. В магазинах было мало товаров, а высококачественные вовсе отсутствовали. На западную популярную музыку, танцы и одежду власти косились. Сразу же за пределами города вас встречала ужасающая сельская нищета, усиливавшаяся все больше по мере удаления от центра.

Мы жили на десятом этаже одного из новых хрущевских домов на Кутузовском проспекте — на пути, по которому наполеоновская Grande Armée вступила в 1812 году в Москву. Громадное здание, сложенное из серого кирпича, было обнесено забором, который охраняли штатные агенты КГБ, немедленно звонившие в свой штаб, как только мы покидали территорию дома, и не позволявшие русским посещать нас без неопровержимого официального повода. Иностранные обитатели здания были выходцами с разных континентов и из разных стран. Их дети бросали из окон верхних этажей бутылки и превратили маленькую аккуратную детскую площадку во дворе в свалку. Почти прямо напротив нас находилась гостиница «Украина», один из семи небоскребов, выстроенных по приказу Сталина. Громадные строения, представлявшие собой причудливую смесь неоклассицизма, барокко и неоготики господствовали над видимой линией городского горизонта. Большинство москвичей их ненавидело из-за ассоциаций с тираном, которые они вызывали, а также по эстетическим причинам. Мне же они нравились. Они гармонировали с варварским характером города и служили как бы отраженным повторением кольца монастырей Новодевичьего, Спасского и Андроникова, построенных для защиты Москвы от татар, поляков и множества других врагов.

По ту сторону реки старый квартал Арбата был снесен, чтобы расчистить место для другого проспекта, которому было присвоено имя Калинина, угодливого сталинского президента. Огромные служебные и жилые здания, выстроенные вдоль проспекта, мрачные и убогие, походили на выступающие из прогнивших десен зубы, так что непочтительные москвичи тут же стали называть их «вставной челюстью Хрущева». Примерно в середине нового проспекта подъемный кран с чугунным ядром, прикрепленным к тросу, без особого рвения разрушал маленькую элегантную церковь. Это было частью хрущевской антирелигиозной кампании. В центре города церкви и здания старинного делового квартала — Китай-города — сносились, чтобы расчистить место для чудовищной гостиницы «Россия», которая до сих пор нависает над Красной площадью, неудобная и неумело спланированная. Эти разрушения вызывали негодование простых русских, и сразу же после падения Хрущева были прекращены, а кое-что восстановлено. В частности, маленькая церквушка на Калининском проспекте. Разрушениям в Китай-городе тоже был положен конец. Однако многое пропало и, по-видимому, безвозвратно. Происходила как бы репетиция претенциозного строительства с лишней художественной идеи архитектурой, которая так сильно обезобразила Москву в брежневскую эпоху и явилась впечатляющим символом разложения самого коммунизма со всей характерной для него напыщенностью.

Хотя это был период относительной разрядки напряженности, наша повседневная жизнь была совсем иной, чем в Польше. Нарисковавшись в Польше, я решил, что есть смысл начать играть строго по правилам. Мы ходили в театр, проводили время дома с нашими маленькими детьми и, в отличие от некоторых американских коллег, не делали никаких попыток установить контакт с русскими диссидентами. Недостаток человеческого общения в Москве мы компенсировали путешествиями в самые отдаленные из доступных нам районов: в Центральную

Азию, на Кавказ, по Транссибирской железной дороге, в Якутск, сибирский город, где температура зимой регулярно опускается до минус 60 градусов. Во время этих поездок мы встречались со многими людьми, которые рады были поговорить с нами, потому что наша встреча была мимолетной. С музыкантом из центра автономной Еврейской республики Биробиджан, работавшим в нелегальной строительной компании на Волге; с отставным офицером разведки, рассказавшим нам о своем участии в раскрытии японского военного шифра; с молодым человеком, обладавшим (так он нам говорил) громадной коллекцией незаконных записей западной поп-музыки; с другим молодым человеком, танцевавшим с Джилл твист в одном из сочинских ресторанов, не обращая внимания на мрачную мину директрисы; с деревенским булочником в Пасанаури на Военно-Грузинской дороге, который ругал Хрущева (в то время еще находившегося у власти) за разорение деловой активности Советского Союза своей политикой передачи советского зерна «всем этим черным» в Африке.

Эти встречи часто оказывались весьма поучительными. Но после Польши они мало что давали. Особенно досаждала мысль, что люди в Москве проводили целые ночи за разговорами на эти темы, сдабривая их водкой и музыкой, то есть занимались тем, в чем мы участвовали с таким удовольствием в Варшаве. Ибо налицо были явные признаки интеллектуального брожения. Хрущев, человек, обязанный всем в своей жизни только самому себе, питал характерное для таких людей презрение к интеллектуалам. Однако он понимал, что с интеллектуальным вырождением, спровоцированным Сталиным, надо что-то делать, если Советский Союз хочет успешно участвовать в конкуренции, происходящей в мире. Он разрешил публикацию короткой повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» о ГУЛАГе и остроумной сатиры на советскую систему «Теркин на том свете» Твардовского. Когда летом 1984 года в Ялте умер итальянский коммунистический лидер Пальмиро Тольятти, его «Завещание», крайне критически

оценивавшее, по крайней мере, намеком, жестокости советской системы, было опубликовано в «Правде». Эти события казались нам столь же поразительными, как и среднему скептически настроенному русскому гражданину, однако мы были, к сожалению, отстранены от участия в спорах.

Впрочем, в то время моя задача в посольстве состояла не в том, чтобы следить за политикой, а в том, чтобы докладывать о состоянии советской экономики и заботиться об английских бизнесменах, во все большем числе прибывавших в Москву. Приезжали также английские ученые повидать своих советских коллег. Они возвращались с этих встреч пораженные высоким уровнем, достигнутым советской наукой. Бизнесмены же отправлялись посмотреть грязные, явно малопроизводительные советские промышленные предприятия и, возвращаясь, только качали головой, удивляясь тому, каким образом русским удалось все же проникнуть в космос.

Моя способность докладывать о реальном состоянии советской экономики осложнялась отсутствием у меня технических знаний, обезоруживающей неполнотой советской экономической статистики и нежеланием Казначейства Ее Величества и других чиновников в Лондоне признавать, что экономика фактически любого государства могла бы тоже функционировать (вернее, не функционировать) так, как я это описывал. Тем не менее, следить за пачатой Хрущевым экономической дискуссией было захватывающе интересно в интеллектуальном смысле, она очень многое говорила о состоянии страны. Я покинул Москву с убеждением, что, несмотря на свою грозную военную мощь, Советский Союз — очень бедная страна, переживающая серьезные экономические трудности. Политическая система была застойной, она явно мешала той энергии, которую Советскому Союзу необходимо было развить, если он хотел в долгосрочной перспективе успешно состязаться с Западом. Конечно, я не предвидел его крушения в ближайшем будущем. Быть может, думал я, его спасет реформа, «конвергенция» с Западом, о которой в то

время стали говорить. Но, в общем, я был довольно твердо уверен, что со временем радикальные перемены все же произойдут.

Хрущевские реформы не привели ни к чему. В октябре 1964 года, в тот самый момент, когда китайцы произвели свой первый ядерный взрыв, он был смещен в результате «дворцового переворота». Все было проделано тайком. В те дни московская фабрика сплетен была недоступной для иностранцев. Официальные контакты между советским и западными правительствами были спорадическими и часто — бесплодными. Советские власти предпочитали доставлять западным дипломатам и журналистам информацию и сообщать им о своих взглядах через неофициальные источники. В 60-х и 70-х годах важную роль такого неофициального посредника играл Виктор Луи, по-своему интересная и не вполне ясная личность. Он отбыл срок в лагере, откуда, как утверждали его враги в Москве, его выпустили благодаря сделке, заключенной им с КГБ. К 60-м годам он был, по советским меркам, богатым человеком, жившим с женой-англичанкой в большой московской квартире и на даче в модном писательском поселке Переделкино. Его влияние в среде иностранцев сильно упало, когда он оказался вовлеченным в кампанию КГБ, направленную на дискредитацию Солженицына. Это он первым сообщил газете «Ивнинг Стандарт» весть о падении Хрущева. На следующий день Центральный Комитет объявил, что Хрущев попросил освободить его от должности «ввиду преклонного возраста и ухудшения состояния здоровья».

Какое-то время хрущевский эксперимент еще продолжал трепыхаться вроде петуха с отрубленной головой. Премьер-министр Косыгин старался проводить робкую экономическую реформу. Все еще появлялись книги и фильмы, явно ставившие своей целью заштопать прореху, образовавшуюся в русской истории в результате революции и того, что за ней последовало. Например, фильм о большевистском перевороте в октябре 1917 года, в кото-

ром Троцкий был изображен играющим положительную роль; другой фильм был построен в форме пространного и не лишённого интереса интервью с Шульгиным, монархистом, членом Государственной Думы, служившим советником у белогвардейцев во время Гражданской войны. Однако ко времени нашего отъезда из Москвы в середине 1966 года все это начало уже стихать, и общественная жизнь вновь стала погружаться в состояние интеллектуальной апатии. Мы были рады тому, что нам не пришлось жить в Москве в годы брежневского застоя.

Я продолжал заниматься русскими делами, но находясь уже на некотором расстоянии. В конце 1969 года я приступил к работе в отделе западных организаций Форин Оффис. Это учреждение с невразумительным названием занималось проблемами НАТО, трансатлантическими отношениями, ядерной политикой и вопросами европейской безопасности, включая перспективы серьёзного военного сотрудничества между европейскими странами.

Я всегда считал, что военные проблемы, в отличие от политических, в какой-то мере относятся к сфере арифметики. Мы знали, сколько у нас танков, орудий, кораблей, самолетов и солдат. Мы могли на основании имеющейся информации прикидывать, сколько всего этого у «них». Мы также могли разработать разумную стратегическую доктрину относительно того, как все это должно взаимодействовать. Вот и все.

В действительности же все было совсем не так просто. Только американцы располагали достаточными разведанными, чтобы создать всеобъемлющее представление о возможностях Советов, нам же, всем остальным, не оставалось иного выбора, как принимать их оценки на веру. Настоящие скандалы происходили из-за споров о том, сколь велики наши собственные вооруженные силы. Некоторые правительства стран НАТО пытались производить большое впечатление, не тратя ради этого больших денег. Немцы стремились преуменьшить масштабы своих военных приготовлений, чтобы не будить память о прошлом. Аме-

риканцы хотели приглушить опасения насчет того, что давление изоляционистов может вынудить их сократить численность своих войск в Европе. И поэтому они решили продемонстрировать свою решимость, накопив на континенте громадные запасы снаряжения и боеприпасов.

Одной из главных проблем для нашего отдела в то время была следующая: что делать с размещенными в Европе семью тысячами единиц тактического ядерного оружия. Никакой определенной политической линии, касающейся контроля над их использованием, не существовало: один американский командир центрального фронта в Германии как-то сказал моему коллеге, что, если красные все же «появятся из-за холма», он взорвет свое оружие. Пока английские, немецкие и американские официальные лица бились над тем, как исправить неудовлетворительное положение дел, сам я в основном занимался подготовкой конференции по вопросам европейской безопасности, а также работал над предложением начать переговоры с Варшавским пактом о сокращении обычных вооружений — так называемом взаимном и сбалансированном сокращении вооружений. Способность НАТО выработать здравую позицию для переговоров по этим проблемам серьезно подрывалась страхом, что начини мы переговоры по любой из них, дьявольски коварные Советы разнесут нас в пух и прах. Они расколют НАТО и в конце концов добьются официального признания Западом своей империи в Восточной Европе. Американцы, исполненные отвращения, отправятся восвояси, а Европа вновь окажется жертвой собственной глупости, во власти русского могучего «катка».

Я полагал, что подобная оценка крайне преувеличивает искусство Советов в ведении переговоров, а также силу советской позиции внутри страны и в советской империи. Я вовсе не был уверен, что переговоры принесут Западу большую выгоду, но в то же время не считал, что они могут представить серьезную опасность, если мы должным образом поведем себя. Однако добиться признания такого рода идей было нелегко. Когда в 1973 году я провел семи-

нар по этому вопросу в Национальном колледже обороны, один офицер ВВС напустился на меня, утверждая, что я не понимаю катастрофической слабости позиций НАТО в Европе. «Русские, — увещевал он меня, — могут использовать свою новую воздушно-десантную дивизию, чтобы внезапно захватить франкфуртский аэропорт, и у нас не будет сил, чтобы выбить их оттуда». «Но они этого не собираются делать», — возразил я. «Откуда вы знаете?» — спросил он. Рассуждения такого рода лежали в основе западного анализа советской угрозы на всем протяжении «холодной войны».

На самом деле битыми оказались Советы, как на переговорах о европейской безопасности, кульминацией которых была конференция в Хельсинки в 1975 году, так и в вопросе о заключении соглашения об обычных вооружениях, которое было подписано в Вене в 1990-м после многих лет, потраченных впустую. Оба результата превзошли то, что я мог себе представить в 1970 году.

Накануне победы г-жи Тэтчер на выборах 1979 года я был главой штаба политического планирования в Форин Оффис. В порядке подготовки, которую проводят все отделы Уайтхолла во время избирательной кампании, я написал доклад об отношениях между Востоком и Западом для нового министра иностранных дел, кто бы им ни оказался. И назвал Советский Союз «военным гигантом, но при этом политическим, социальным и экономическим пигмеем». В этом и последующих документах я утверждал, что страх Запада перед Советским Союзом преувеличен. В Африке, Азии и Латинской Америке Советы зарываются. Их экономическая система неустойчива. Громадная по численности и вездесущая тайная полиция — признак слабости, а не силы. Советское правительство боится собственного народа. В 1962 году оно подавило бунт в Новочеркасске, прибегнув к кровопролитию. (В разговоре со мной Виктор Луи как-то заметил, что правительство никогда не может быть уверено, что в следующий раз солдаты станут стрелять.) По контрасту с этим положением западный альянс находил-

ся в хорошей форме. В разумных пределах уверенный в себе Запад, считал я, сможет успешно справиться с советской угрозой. Мои коллеги находили эти суждения самоуверенными. Никакого заметного влияния на образ мыслей официальных кругов они не имели, и не похоже было, что в тэтчеровскую эру их ожидает успех.

Однако я недооценил Тэтчер. В начале 1980 года ее личный секретарь, Майкл Александер, убедил ее принять участие в дискуссии о России с группой экспертов Форин Оффис. Вначале она заартачилась («Форин Оффис... Форин Оффис... А они-то что знают о России?»). Однако смягчилась и 7 февраля 1980 года в первый и, возможно, единственный раз она пересекла Даунинг-стрит и вошла в нарядный кабинет лорда Каррингтона.

Наша команда состояла из меня и Кристофера Маллаби, который недавно возвратился в Лондон после пребывания в качестве главы политического отдела английского посольства в Москве. Перед тем как г-жа Тэтчер прибыла в его кабинет, лорд Каррингтон дал нам несколько настойчивых советов. Если мы будем с ней не согласны, мы должны довести это до ее сведения, а если она попытается не дать нам вставить ни словечка, надо ее перекрычать. Почти с первой же минуты, как она вошла в кабинет, г-жа Тэтчер начала монолог о советской угрозе. Однако она была вся внимание, как это с ней случалось, когда она была по-настоящему заинтересована (как бы переключая в этот момент какую-то внутреннюю зубчатую передачу). И на этот раз произошло то же самое, как только Кристофер приступил к блестяще обоснованному анализу нынешнего состояния Союза. После того как он перечислил экономические, технологические, социальные и политические трудности, с которыми сталкивается Советский Союз, она заметила, что, если Советский Союз действительно находится в столь опасном положении, значит, система в скором времени рухнет. «Нет, нет, — поспешно возразили мы. — Дело обстоит совсем не так. Внутри советского общества пробиваются ростки перемен. Со временем сис-

тема может стать более демократичной и менее экспансионистской. Однако это произойдет нелегко, пока партия и ее аппарат репрессий остаются в целости».

За этой встречей последовали еще две, в том числе длившееся целый день совещание в Чекерсе, на котором г-жа Тэтчер организовала небольшую команду сотрудников Форин Оффис, которые должны были сразиться с тремя учеными — Майклом Ховардом, Эли Кедури и Хью Томасом. Именно в Чекерсе я впервые услышал ее точку зрения по поводу ядерного оружия как силы, призванной защищать мир. Позже она говорила мне, что вовсе не была уверена, будто бы в случае нужды могла бы нажать на кнопку. «Я тоже хочу иметь внуков», — сказала она с подкупающей улыбкой.

Эти встречи и последующий семинар с участием ученых в Чекерсе в 1983 году продемонстрировали интеллектуальную любознательность г-жи Тэтчер и более глубокое понимание ею проблемы, нежели ей обычно приписывали. Она изменила характер дебатов своим заявлением в декабре 1984 года, что Горбачев — это человек, с которым она может «делать дело» — исторически интуитивное прозрение, за которое Горбачев навсегда остался ей благодарным. Во время ее поездки в Москву весной 1987 года она надолго завоевала восхищение телезрителей, когда отчитала троих советских журналистов во время теледебатов по поводу агрессивной военной позиции Советского Союза. Советские люди впервые узнали правду о том, как их рубли, взимаемые в виде налога, попусту тратятся на бесполезное военное снаряжение. В России она на долгие годы осталась легендой.

В то самое время, когда г-жа Тэтчер пришла к власти, русские отставали в той области, которой они придавали наибольшее значение. Едва они добились стратегического паритета с американцами, как выяснилось, что сохранение его — непосильное для них бремя. *Стратегическая оборонная инициатива* президента Рейгана стала последней каплей. Программа СОИ стимулировала качественный скачок

в развитии американской военной, а также гражданской технологии — области, в которой Советский Союз более не мог надеяться состязаться с противником. Вопреки утверждениям американцев, программа СОИ не явилась причиной краха Советов. К началу 80-х годов лучшие советские военачальники, и среди них начальник Генерального штаба маршал Огарков, а также менее ограниченные советские руководители уже поняли, что Советский Союз не может больше пребывать в состоянии застоя. Когда надутые геронтократы — Брежнев, Андропов, Черненко — один за другим сошли в могилу, стало ясно, что необходим новый подход — процесс реформ, который вновь приведет в движение экономику. В противном случае страна не сможет сохранять статус второй сверхдержавы и выполнять свою мессианскую роль противоположного Соединенным Штатам центра притяжения для народов всего мира. Когда умер Черненко, политбюро обратилось к Горбачеву, самому молодому из своих членов, считая его человеком с богатым воображением, энергичным и в то же время надежным и ортодоксальным. 11 марта 1985 года Горбачев стал седьмым и, как оказалось, последним Генеральным секретарем КПСС, наследником беспощадных тоталитарных традиций Ленина и Сталина и жестокого авторитаризма царей.

Горбачев знал, что Советский Союз не может продолжать двигаться прежним путем. Расшатанность системы он наблюдал в своем родном Ставропольском крае. Он видел своими глазами коррупцию, некомпетентность и финансовую безответственность и в самих «верхах». Интеллектуально любознательный, с непредубежденным для партийного чиновника умом, он внимательно выслушивал экономистов и политологов, разрабатывающих новую линию мышления относительно реальных нужд Советского Союза и того места, которое ему надлежит занимать в мире. Ту самую линию, которую они начали отстаивать двумя десятилетиями раньше, в эпоху Хрущева. Многие из них стали ближайшими советниками Горбачева в начальную пору его правления. Но и сам он уже мно-

гие годы размышлял о шагах, которые надо предпринять для того, чтобы Советский Союз преодолел переживаемый кризис. Экономика никогда не будет нормально функционировать, пока она остается во власти людей, осуществляющих центральное планирование, и вынуждена выполнять, судя по всему, безграничные требования военных. Не будет она работать и в том случае, если не позволить простым людям проявлять собственную инициативу, если правительство не будет им доверять, информировать их и с ними советоваться. Эти мысли нашли отражение в лозунгах — *Демократия, Перестройка, Гласность*³², выдвинутых Горбачевым, когда он пришел к власти. Эти лозунги не были новыми. Они имели хождение во время недолгого периода реформ при Хрущеве и даже при либерально настроенных царях XIX века. Это было одной из многочисленных причин, по которым многие русские и многие иностранные наблюдатели отказывались считать, что Горбачев осуществляет нечто беспрецедентное в русской истории, нечто такое, что приведет к кончине Советского Союза и будет стоить самому Горбачеву его поста.

Накануне своего избрания Генеральным секретарем в марте 1985 года Горбачев сказал жене, Раисе Максимовне: «Так дальше жить нельзя». Очень немногие сомневались в том, что страна созрела для перемен. Но наблюдателей внутри и вне страны тревожили четыре вопроса. Можно ли вообще реформировать Советский Союз или положение уже невозможно исправить? Можно ли признать Горбачева, человека, взобравшегося по шесту на самый верх умирающей системы, фигурой, подходящей для роли реформатора? Обладает ли он каким-либо стратегическим видением, или движется вперед вслепую? Позволят ли ему многочисленные противники в партийном аппарате, военные и полиция — традиционные бастионы авторитарии — осуществить задуманное?

Внутри Советского Союза многие считали, что пока страной управляют коммунисты, ничего хорошего ждать

не приходится. С характерным для русских экстремизмом, эти люди хотели ни больше ни меньше — безоговорочной капитуляции партии, сколь бы невероятной ни казалась такая перспектива. На Западе многие из тех, кто привык к упрощенным воззрениям «холодной войны», считали, что реформы Горбачева — это ширма, попытка укрепить Советский Союз для следующего раунда его исторического состязания с либеральной демократией, не более чем передышка в осуществлении стратегии утверждения своего мирового господства. В Лондоне и Вашингтоне вплоть до момента падения Горбачева раздавались голоса, призывавшие Запад не дать себя обмануть и не ослаблять своей бдительности в отношении «Империи зла».

Многочисленные критики Горбачева почти с самого начала обвиняли его в том, что он не обладает даром стратегического видения. Это обвинение было несправедливым. Горбачев был преисполнен решимости смягчить конфронтацию между Востоком и Западом, резко уменьшить бремя военных расходов, давившее на советскую экономику, сделать экономическую систему рациональной и высвободить творческую энергию и инициативу простых людей, ликвидировав контроль партии над их повседневной жизнью. Он намерен был осуществить все это в рамках закона, создать *Rechtsstaat*, правовое государство, которое было идеалом русских либералов XIX века. Зная о том, что большинство прошлых попыток реформирования России заканчивались насилием, он твердо решил не прибегать к силе и кровопролитию. Однако он прекрасно знал также и о мощных силах консерватизма и радикального экстремизма, которые могли сбить его с намеченного курса или лишить должности, как это случилось с Хрущевым. То, что другие считали недостатком решимости, сам он рассматривал как маневрирование ради достижения благородной цели. Он не предвидел, что в итоге этот процесс роковым образом ослабит партию, которой он посвятил всю свою жизнь. Не предвидело этого и большинство тогдашних беспристрастных наблюдателей.

Горбачев высказывался по этим вопросам вполне откровенно и не один раз. В апреле 1990 года он заявил, выступая в Свердловске: «Когда мы начинали перестройку, мы представляли себе наше общество очень просто. Но чем больше мы углублялись в дело, тем яснее начинали понимать, что ничего не достигнем мелким ремонтом, нанесением новой краски или сменой обоев. Перемены нужны были во всем — в экономике, в федерации, в Советах, в культуре, во всей духовной сфере, чтобы обновить общество, создать нормальные условия повседневной жизни... Старые структуры тормозили реформу, и мы прибегли к политической реформе с тем, чтобы разрушить и демонтировать командную систему».

Его решимость войти в историю в качестве первого русского реформатора, избежавшего кровопролития, была искренней. «Мы должны сделать все, — заявил он своим свердловским слушателям, — чтобы избежать конфронтации и даже более того — гражданской войны, применения силы, беззакония, произвола. Закон должен быть превыше всего... Некоторые говорят: «Михаил Сергеевич, стукните кулаком». Но ударом кулака не поможешь выходу из порочного круга». У Горбачева не было законченного, детально разработанного плана, как взяться за решение этих задач. Он сам скептически относился к тому, что такой план вообще может быть составлен и что он окажется действенным на практике. В сложном мире советской (да, собственно, не только советской) политики, даже величайший государственный деятель мог действовать эффективно лишь при условии, если он приправлял принципиальность изрядной дозой оппортунизма.

Я впервые увидел новый, горбачевский Советский Союз, когда приехал в начале 1987 года в Москву для официальных переговоров с экономическим отделом Министерства иностранных дел. Это был один из самых холодных январей за многие десятилетия, и вид на Кремль по ту сторону скованной льдом реки был необычайно эффектным. Горбачев занимал пост первого секретаря пар-

тии менее двух лет. При всем возбуждении, царившем на Западе, я не ожидал, что мои официальные переговоры пойдут намного дальше обычного обмена осторожными и надоевшими общими местами. Однако реальность превзошла все мои ожидания. Даже чиновники Министерства иностранных дел горели нетерпением рассказать мне о своих внутренних спорах. Я встретился также с Абалкиным и Богомоловым, двумя экономистами, участвовавшими в нерешительных попытках проведения экономической реформы в 60-х годах. Им хотелось поговорить не только о технических сторонах экономической реформы в условиях, где экономикой управляет государство, но и о традиционном советском отношении к труду (вернее, о том, что им представлялось предпочтением советских людей избегать труда). Они открыто заявляли, что Советский Союз отстает от Запада, и, быть может, необратимо. Понадобятся радикальные меры, и им придется поработать, потому что все другое уже было испробовано и не дало результатов. Перестройка экономики не может быть успешной без параллельной перестройки политической системы в сторону большей открытости, промышленной демократии и отказа партии от управления экономикой.

Это были революционные предложения, из которых вытекали очевидные следствия. Чтобы выжить, Советскому Союзу придется отказаться от социализма и сломить политическую, а также экономическую монополию партии. Однако очень немногие люди внутри или вне страны были уже тогда готовы открыто сказать, что эксперимент 1917 года провалился. Советские консерваторы, и не только они одни, утверждали, что перемены выпустят на волю извечного демона — народный бунт. Конечно, лучше будет, думали многие из них, чтобы все оставалось по-прежнему — можно подремонтировать систему, поддерживать внутреннюю дисциплину, наращивать вооруженные силы, а оставшиеся крохи отдавать терпеливому советскому потребителю. Людям, которых я видел на улицах, явно жилось лучше, чем двадцать лет назад. Я пришел

к выводу, что ожидать скорого крушения Советского Союза нет оснований. Горбачев мог послужить катализатором неизбежных перемен. Но он с такой же легкостью мог быть свергнут консерваторами, сторонниками жесткой линии в партии, армией и милицией.

Не все противники реформ были люди скверные. Были среди них и порядочные консерваторы, и крайне неприятные реакционеры. Многие видные советские консерваторы не были, по крайней мере вначале, против реформ как таковых. Они признавали их необходимость, но им страстно хотелось сохранить то, что, по их мнению, было ценным в советской системе. В этом смысле Горбачев сам был консерватором. Реакционеры же представляли более старую и темную традицию крайнего национализма как правого, так и левого толка, уходящую корнями к дореволюционным временам. Она представляла собой крайне неприятную смесь ксенофобии, религиозного мракобесия и антисемитизма. «Память», внешне безобидная организация, возникшая в 1980 году под лозунгом восстановления и сохранения русского прошлого, вскоре выродилась в националистическую и антисемитскую организацию, располагавшую собственными отрядами громил в форменной одежде. В конце 1980-х годов Владимир Жириновский, провинциальный эксцентрик, проживавший ранее в Казахстане, тоже начал строить, как утверждали некоторые, с помощью КГБ, «патриотическую» альтернативу демократам. Впоследствии он был демонизирован западной печатью. Жириновский знал турецкий и английский языки, которые изучал в Москве, работал в 1969 году в Турции переводчиком и в том же году был выдворен из Турции по подозрению в том, что он агент КГБ. Понятно, что он отрицал это обвинение так же, как и все последующие.

Эти реакционеры производили много шума, но мало влияли на ход событий. Рядовые русские испытывали к ним меньшее тяготение, чем того опасались отечественные и иностранные наблюдатели.

Горбачев надеялся, что Советский Союз можно будет сохранить, а советскую систему сделать более рациональной и человечной. Однако судьба в конце концов сказала свое последнее слово: Советский Союз более не был способен противостоять вызову современного мира. Крушение стало неизбежным.

С тех пор западные и русские наблюдатели часто насмехались над недалекостью Горбачева. Как это он мог не сознавать, что Советский Союз уже невозможно реформировать?

Это, конечно, несправедливо. Когда Горбачев пришел к власти, ортодоксальная точка зрения западных правительств была такова, что Советский Союз и советская угроза еще долгое время не исчезнут. Западные правительства были, по меньшей мере так же, как Горбачев, удивлены, когда Советский Союз так быстро распался. Хотя его распад был необратим, никто не мог заранее предсказать, как он будет происходить. Сторонники жесткой линии могли пойти на то, чтобы противостоять неизбежности с помощью кровопролития. Горбачевскую революцию поразительно бескровную, невозможно по достоинству оценить, не имея в виду того, какой хрупкой она была с самого начала в 1985 году и до конца в 1991-м.

Народная мудрость близка к истине. В то время, когда мы с Джилл приехали в сентябре 1988 года в Москву, таксисты говорили, что нам нечего беспокоиться о Горбачеве. Надо думать о том, что за человек придет на смену ему.

3

Полет шмеля

*Отважный юноша, бывало,
С трапецией своей над залом
Как птица вольная летал...*

(Мюзик-холльная песенка)

Когда мы с Джилл прибыли в Москву на второй срок службы, Горбачев находился у власти три с половиной года. Как у посла, у меня было одно важнейшее преимущество. В России все, от Горбачева до рядового гражданина, были в восхищении от британского премьер-министра. Мне удавалось видеть людей и различные места в Советском Союзе просто благодаря тому, что я был «послом г-жи Тэтчер». Однако отношения между Советским Союзом и Англией по сути своей не отличались такой теплотой, как личные отношения между двумя лидерами. Г-жа Тэтчер и Горбачев продолжали поддерживать энергичное и приятное общение друг с другом. Она продолжала служить важным проводником связи с Вашингтоном, когда прямая линия общения стала малодоступной в первые месяцы 1989 года, после избрания президентом Джорджа Буша. Впрочем, в последующие годы ни Горбачев с Тэтчер, ни их чиновники не вели частых двусторонних переговоров по важнейшим проблемам дня. Об окончании «холодной войны» договоренность была достигнута не г-жой Тэтчер — об этом договорились американцы с немцами. Американцы вели переговоры о контроле над вооружениями, в чем англичане оказывали им серьезную помощь. И когда г-жа Тэтчер стала противиться понятному и неукротимому стремлению немцев к воссоединению, движимая предубеждениями и ложными историческими аналогиями, влияние Англии упало в

Москве, так же как в Вашингтоне и Бонне. Только в последний год моего пребывания, в период от начала путча в августе 1991 до весны 1992 года, английское правительство во главе с Джоном Мэйджором вновь на короткое время стало играть значительную роль в отношениях между Востоком и Западом.

Главный вопрос состоял в том, устоят ли Горбачев и его реформы. Моя первая депеша в Лондон положила начало непрерывному обсуждению с Лондоном вопроса о том, удержится ли Горбачев и могут ли увенчаться успехом его реформы. Я назвал свое донесение «Впечатления от дебатов»; в мои первые два месяца в Москве меня больше всего поразила удивительная открытость публичных дискуссий — в печати, на радио, телевидении и в частных разговорах.

Эти дебаты уже коснулись самого слабого места политической и конституционной позиции Горбачева: монополии партии на власть, которая была торжественно закреплена в брежневской конституции 1977 года и поддержана 70 годами беспощадной практической деятельности. Пресса начала утверждать, что люди будут бояться возврата к ужасам прошлого, пока партия оставляет за собой право исключительного контроля. Горбачев еще не был готов сделать неизбежный вывод: ликвидировать монополию КПСС. Он говорил о необходимости «плюрализма» еще в 1987 году. Однако до февраля 1990 года он неизменно сопровождал его прилагательным «социалистический». Под этим он подразумевал, что состязание различных мнений должно быть разрешено, но лишь в партийных рамках. В то же время он избавлялся от «твердолобых» с помощью гуманного метода досрочной отставки, а не путем расстрела, как это делал Сталин, или натравливания на них толпы по примеру Мао Цзэдуна. Однако партия все еще оставалась его орудием власти, и он не мог себе позволить слишком настроить ее против себя. Он доказывал, что партия должна ограничиться «общим руководством», в то время как все остальные будут заниматься сво-

им обычным делом. Однако эта идея не находила поддержки ни у реакционеров, ни у либералов. Многие русские давно уже игнорировали и презирали партию. Сейчас пришло время сказать об этом открыто.

Горбачев продолжал пользоваться громадным успехом на международной арене: он сделал шаги к ослаблению конфронтации сверхдержав, содействовал разоружению в сфере обычных вооружений, вывел войска из Афганистана, демонтировал советскую империю в Восточной Европе. Большинство его собственных граждан приветствовало ослабление внутренней и международной напряженности, хотя они были по большей части слишком поглощены собственными делами, чтобы обращать на все это много внимания. Но советские военные вполне естественно проявляли растущее недовольство отказом от всего того, что они создали после победы над Германией в 1945 году. Горбачев плохо отдавал себе отчет в причинах ропота в Восточной Европе, растущего недовольства на Кавказе и в республиках Прибалтики. Даже тогда никто из нас не предвидел, что Советский Союз в скором времени распадется на составные части.

Подобно диккенсовскому персонажу Микоберу, Горбачев продолжал надеяться, что прибалты и кавказцы каким-то образом смирятся со своим дальнейшим пребыванием в составе реформированного Союза, и именно это стало самой уязвимой точкой его позиции. Подводя итог своим наблюдениям в конце 1988 года, я сообщал Форин Оффис, что, даже если Горбачеву удастся создать либеральное демократическое государство — перспектива весьма отдаленная, Россия останется крупнейшей военной державой в Европе и проблемой для своих соседей и партнеров. Интересы даже либеральной России неизбежно будут иными, чем интересы всех остальных государств.

Когда нас спрашивали в то время и впоследствии о жизни в Москве, разговор всегда начинался с вопроса: каково это, постоянно ощущать себя объектом надзора и подслушивания КГБ? И действительно это было постоян-

ным фоном нашей повседневной жизни. В 60-х годах газета «Известия» имела обыкновение публиковать — обычно примерно раз в месяц — неприятно фальшивую историю о недостойном поведении какого-нибудь иностранного дипломата или журналиста. Иногда это была чистейшая выдумка, целью которой было напомнить советским людям о необходимости постоянной бдительности во взаимоотношениях с иностранным врагом. Иногда дело обстояло много хуже. КГБ использовал наркотики, секс и шантаж, чтобы поймать в свои сети ни в чем не повинных иностранцев, чтобы помешать установлению слишком дружественных отношений между иностранцами и русскими. Изредка они ловили настоящего шпиона или, по крайней мере, какого-нибудь безрассудного идеалиста, контрабандой ввозившего в страну Библию или вывозившего из нее подпольную литературу.

В посольстве наши собственные стражи безопасности предостерегли нас о том, что может произойти, если нас поймут «на чем-нибудь таком». Ни одна комната — ни в служебном помещении, ни дома — не была защищена от изощренных подслушивающих устройств КГБ. Младшему персоналу велели держаться подальше от советских граждан. Мы, все остальные, обязаны были докладывать о самом невинном и случайном контакте с тем, чтобы в случае неблагоприятных последствий можно было принять меры. Все эти предосторожности были оправданными. КГБ часто пытался, и иной раз небезуспешно, играть на личных слабостях сотрудников посольства. Там не видели оснований ослаблять свои усилия после 1985 года, только из-за начала перестройки. Это осложняло жизнь внутри самого посольства. У нас было около ста советских служащих, которых направляло Управление по обслуживанию дипломатического корпуса (УПДК) Министерства иностранных дел. У КГБ было много способов воздействия на советских служащих, чтобы побудить их доносить о работе посольства, о характере английских сотрудников, во взаимоотношениях между ними и их слабостях — финансовых

затруднениях, пристрастии к алкоголю и сексу. Должности, занимаемые советскими служащими посольства, хорошо оплачивались и были прочными. Простой угрозы лишить человека работы в посольстве обычно было достаточно, чтобы поставить его на место, не прибегая к более крайним мерам — шантажу или угрозе родственникам. Неудивительно, что английские штатные сотрудники страдали паранойей. Иной раз отдельные смельчаки восставали против того, что они считали ненужными ограничениями, и на этом порою обжигались.

Постоянные придирки к нашим сотрудникам в Москве вызывали непрерывные скандалы с советским правительством. К этому же приводила и решимость английского правительства подрезать крылышки агентам КГБ в Лондоне. В 1971 году англичане выдворили из Лондона 105 советских чиновников — это была массовая акция очищения страны от реальных или подозреваемых агентов. Кроме того, для оставшихся был установлен численный потолок. Дальнейшие высылки последовали в 1985 году, когда двойной агент КГБ Гордиевский бежал с помощью англичан из Москвы. В следующем году наступила очередь американцев. Рейган приказал выслать 25 официальных советских представителей, работавших в ООН. Когда русские предприняли ответную меру, он выслал еще 55 человек из Советского посольства в Вашингтоне и Генерального консульства в Сан-Франциско, а также, по примеру англичан, установил предельное число советских представителей, могущих работать в США. Тогда русские отозвали всех советских граждан, работавших в американском посольстве в Москве. Многих из этих несчастных ни та ни другая сторона заранее ни о чем не предупредила, и когда они явились на работу, охранники КГБ попросту выпроводили их за ворота американского посольства. Некоторые из них после этого долгие месяцы оставались безработными. А американским дипломатам пришлось самим убирать свои квартиры и мыть посуду после приемов. Английская и американская печать высмеивала сложившуюся ситуа-

цию. Между тем этот факт был дополнительной нагрузкой, отвлекавшей от дела злосчастных чиновников, которые и так были отчаянно загружены в условиях ускоряющейся перестройки.

Через восемь месяцев после нашего прибытия в Москву, в пятницу 19 мая 1989 года, я посетил Анатолия Черняева, дипломатического советника Горбачева, с посланием на имя его начальника. Кабинет Черняева находился рядом с кабинетом Горбачева в помещении ЦК КПСС на Старой площади, неподалеку от Лубянки.

Черняев родился в 1921 году в Москве в либерально настроенной семье, взгляды которой определили его будущую позицию в отношении к власти и его политические воззрения. Это был веселый человек с седыми щетинистыми волосами и усами, похожий на английского полковника в отставке. Несмотря на свою внешность, он был несколько романтичен, заразительно смеялся, причем смех этот часто переходил в астматический хрип. Сразу из университета он ушел пехотинцем на войну. Астма чуть не стоила ему жизни, когда у него случился приступ во время патрулирования на ничьей земле. После войны он стал историком, работал в Московском университете, где специализировался по истории английского профсоюзного движения. После смерти Сталина стал работать в аппарате ЦК. Его либеральные идеи окрепли за три года работы в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. Это было либеральное и интеллектуальное убежище для многих, кому суждено было стать поборниками перемен в Советском Союзе. В брежневские годы он был заместителем начальника Международного отдела ЦК компартии. Однако в то же самое время он поддерживал связи с учеными в области политических наук, экономистами, специалистами по международным делам, жившими в престижных «мозговых центрах», а также с художниками, театральными режиссерами и музыкантами либерального толка. Он, как и они, не был диссидентом. Но и он и они были частью интеллектуального мира, выработавшего «новое мышление»,

которое принесло практические плоды, когда Горбачев возглавил коммунистическую партию.

В 1986 году Горбачев назначил Черняева своим советником по вопросам внешней политики. Он сопровождал Горбачева во время всех важных внешнеполитических событий до самого конца и ушел вместе с ним в 1991 году в цивилизованную ссылку, в «Горбачевский фонд». Там он написал несколько обстоятельных и весьма содержательных мемуарных работ. В них он с располагающей откровенностью признается, что, в общем, литература и женщины всегда были для него гораздо важнее официальных дел. В этих мемуарах нет попытки оправдаться задним числом. В собственном дневнике Черняев часто критически отзывался о Горбачеве, особенно в последний год. Но он оставался верен стратегическим целям Горбачева. Он стал одним из моих самых полезных посредников, а со временем и близким другом. Он был прямым человеком, который либо говорил мне правду, либо благоразумно хранил молчание.

Посланием, которое я должен был передать, было письмо от г-жи Тэтчер Горбачеву, информировавшее его о том, что она с большой неохотой санкционировала высылку из Англии десяти советских официальных представителей и трех советских журналистов. Чтобы смягчить удар, указывала она, она решила не прибегать к нашей прежней практике, а просто сократить численность сотрудников советских учреждений в Лондоне. Мы не будем добиваться широкой огласки, говорилось в послании, но Советы занимаются воссозданием в Лондоне своей разведывательной сети, и меры принять необходимо. Ответ Черняева отличался характерной для него деликатностью. Он не стал прибегать к ответным упрекам, а спокойно спросил у меня, действительно ли мы располагаем доказательствами? Уверены ли мы в том, что выявили именно тех, кого следовало? Почему мы думаем, что удастся избежать огласки? Почему, учитывая тесные отношения между г-жой Тэтчер и Горбачевым, она ни о чем не предупредила Горбачева во

время его визита в Лондон, состоявшегося всего три недели назад? (Вопрос вполне резонный, но такой, на который невозможно ответить.)

Я не мог передать аналогичное послание Успенскому, начальнику Второго Европейского отдела, занимавшемуся нашими делами в Министерстве иностранных дел: он и его сотрудники в это время принимали и развлекали моих коллег на министерской даче — это был жест доброй воли. Однако на следующий день поздно вечером я был приглашен в сталинский небоскреб на Смоленской площади, в Министерство иностранных дел, где первый замминистра Ковалев, человек, всегда производивший впечатление, словно он одной ногой стоит в могиле (как многие советские чиновники, он был к тому же поэтом), отверг наши обвинения. Восемь официальных английских представителей и три английских журналиста должны были в двухнедельный срок покинуть Москву «за деятельность, несовместимую с их статусом» — откровенное возмездие. В дальнейшем Советы установят такой же численный потолок для нашего штата в Москве, включая английских и советских служащих, какой был установлен для официальных советских лиц в Лондоне. Я сказал ему, что у русских нет оснований удивляться или на что-либо пенять. Английские министры и другие чиновники, да и я сам, регулярно жаловались на растущее число советских шпионов в Лондоне. Мы своей позиции не ослабим. Изменять свою политику придется русским. Советский шпионаж в Лондоне никак не помогает рассеять «образ врага», против которого так настойчиво борется Горбачев. При последних словах Ковалева соорудил крайне холодную мину, и мы весьма натянуто распрощались.

Выслав трех журналистов, русские сделали огласку неизбежной. Тем не менее, на брифинге, который я устроил для английской печати на следующее утро, это известие было как гром среди ясного неба. Английские журналисты считали, что после успешного визита Горбачева в Лондон все обстояло самым замечательным образом. Не-

смотря на утечки, которые, как обычно, распространялись агентством безопасности в Лондоне, и несмотря на то, что прошло уже 36 часов со времени моего демарша в Москве, они ничего не знали. Руперт Корнуэлл, корреспондент «Индепендент», не значившийся в списке выдворяемых, покидал брифинг с трясущимися коленями.

Вопреки своему суровому тону, русские были в растерянности. Герасимов, обычно быстро соображавший пресс-секретарь Министерства иностранных дел, не мог объяснить, как будет соблюдаться на практике предполагаемый потолок. («Не спрашивайте меня, я этого документа не писал».) «Представитель КГБ по связям с прессой» (фигура, вероятно, специально придуманная для данного случая) предъявил какие-то неуклюжие улики против одного из журналистов. Однако Александр Яковлев, один из основных союзников Горбачева в политбюро, намекнул, что все трое смогут в скором времени вернуться в Москву. Через два-три дня один из чиновников Министерства иностранных дел заявил нам, что русские хотят, чтобы наше сотрудничество шло обычным порядком, несмотря на действия «горилл с обеих сторон». Высокопоставленные чиновники делали все, что могли, чтобы продемонстрировать свое дружественное расположение. Подготовка к официальным визитам велась в атмосфере еще более тесного сотрудничества, чем прежде. «Московские новости» опубликовали полный текст статьи, поносившей КГБ, которую написал один из трех изгнанных журналистов по возвращении в Англию.

Между тем мы пытались поддержать дух наших сотрудников. Жертвы страдали от перенесенного шока, за исключением немногих счастливиц, которые не любили Россию, или тех, чей срок службы все равно уже подходил к концу. Устраивались прощальные вечеринки и прощальные поездки в аэропорт. Но даже эти печальные сцены имели свою комичную сторону. Пограничники в аэропорту усмотрели какую-то неточность в визе четырехлетней дочери помощника военного атташе Найджела Шекспира. Они за-

претили ее вылет. Я указал им на то, что, коль скоро вся семья высылается, нелогично мешать ее отъезду. Чиновники, среди которых появлялись все более высокопоставленные, были непреклонны. Вопрос удалось решить, лишь обратившись в Министерство внутренних дел в Москве.

Больше всего терял штат русских служащих. Я собрал их у себя в кабинете и сказал, что Джилл и я очень любим и будем продолжать любить их страну. Мы благодарны им за все, что они сделали для посольства. Мы считаем их своими коллегами и друзьями и намерены оспаривать советские требования, отстаивая как их, так и свои интересы. Я не видел ничего плохого в том, что КГБ узнает о моих словах, что, несомненно, и произошло, едва я их произнес. Так я вогнал маленький клинышек между КГБ и их ставленниками в посольстве. «Девочки», подавая в тот день ланч, молча обливались слезами.

После этого мы начали готовиться к переговорам. Род Лайн, глава политического отдела посольства, разработал и претворил нашу тактику в жизнь с необыкновенной находчивостью, искусством, энергией и сдержанностью. Нашей долгосрочной целью было добиться от Советов достаточно надежного заверения в том, что они умеряют свою разведывательную активность в Англии. Тогда обе стороны смогут ослабить ограничения «холодной войны», мешающие взаимовыгодным деловым отношениям. Английские министры не хотели, чтобы скандал вышел из-под контроля. Горбачев был в неловком положении. Высылка советских дипломатов, последовавшая так скоро после его триумфального визита в Лондон, делала его дураком в глазах сторонников твердой линии в его собственной стране. Его друг, г-жа Тэтчер, по всей видимости, над ним подшутила. Однако через несколько недель, проявив недюжинный здравый смысл, он заявил одному английскому журналисту, что англо-советские отношения не пострадали из-за этого инцидента. У каждой страны время от времени случаются неприятности из-за шпионов. Когда журналисты пытаются узнать больше,

чем того хотелось бы властям, — это нормально. Не следует раздувать недоразумение.

Переговоры длились несколько месяцев и в конце концов завершились рядом открытых или подразумеваемых соглашений. Некоторые официальные советские лица явно предпочитали вести переговоры в лондонских парках, а не в своих кабинетах, где, как они, вероятно, опасались, их подслушивали. Черняев неизменно был очень полезен. Для г-жи Тэтчер все это было неприятным осложнением ее отношений с Горбачевым. Ее сотрудники деликатно намекали представителям английской прессы, что всю ответственность за высылку дипломатов и за тот ущерб, который она могла причинить англо-советским отношениям, лежит на министре иностранных дел Джеффри Хау и тогдашнем министре внутренних дел Дугласе Херде. Однако к тому времени самая трудная часть переговоров была уже позади. КГБ не удалось добиться реванша, мы ни от чего существенного не отказались и здравый смысл возобладал. Это была маленькая победа как для нас, так и для Горбачева.

Накануне нашего прибытия в Москву Горбачев продемонстрировал, что он готов продвинуться по пути реформ гораздо дальше, чем думали скептики в России и за границей. На 19-й конференции Коммунистической партии Советского Союза, состоявшейся в июне 1988 года, он выдвинул план радикального преобразования советской политики, который, хотя он, конечно, такой цели перед собой не ставил, знаменовал начало конца коммунистической партии и самой советской системы. Лозунгом большевиков в 1917 году был призыв «Вся власть Советам!», адресованный выборным органам рабочих, солдат и крестьян, поддержавших их в борьбе против Временного правительства. Однако народная демократия была не по душе Ленину и Сталину. Они быстро урезали полномочия Верховного Совета, так что к 1930-м годам он был еще более слабым, чем Центральный Комитет Коммунистической партии. Верховный Совет собирался ежегодно на несколько дней, чтобы заслушать речи руководства о положении

дел в Союзе, единогласно одобрить любое вынесенное на рассмотрение предложение и таким образом создать видимость демократии. Ни один депутат не решался выступить против. Членами Совета были партийные боссы из центра и регионов, видные деятели советского общества — редакторы, директора заводов, выдающиеся интеллектуалы — и определенная «квота» женщин, ветеранов, молодежных лидеров, крестьян и рабочих. Отбирала их партия, во время выборов у них соперников не было, и они регулярно получали более 90 процентов голосов избирателей, которым грозило наказание, если они не явятся на избирательные участки.

Теперь Горбачев предложил создать новый, работающий Верховный Совет, который будет заседать и принимать законы чуть ли не восемь месяцев в году. Его председателю, функции которого были в основном церемониальными, будут даны реальные властные полномочия — сознательный шаг в направлении президентского правления. Правительственные функции, которые десятилетиями узурпировала коммунистическая партия, будут сильно урезаны. Старый Верховный Совет должен собраться осенью в последний раз, чтобы утвердить необходимые изменения в Конституции. Весной будут проведены всеобщие выборы, на которых каждый голосующий получит реальное право выбора, если не между партиями, то, во всяком случае, между кандидатами. Новый орган начнет работу в апреле 1989 года.

Депутаты слушали в оцепенении. Это был сознательный план возродить избирательную систему и передать власть от партии тем, «кому, — как сказал Горбачев, — она должна принадлежать, согласно Конституции, — Советам». Цель состояла в том, чтобы дать избирателям настоящий выбор, сначала внутри самой коммунистической партии, а затем более широко — во всей стране. Таким образом, надеялся Горбачев, он избавится от старой гвардии в партии, правительстве и местных органах управления, противившейся его реформам по идеологическим соображениям или исходя из личных интересов. Он знал, что карьеристы

будут сопротивляться. Поэтому он постарался как можно скорее освободиться от консервативных партийных бюрократов и использовал процесс выборов для оказания народного давления на тех, что остались. Его либеральные критики так никогда и не поняли, не оценили и не простили сложных и часто хитрых маневров, к которым ему неизбежно приходилось прибегать.

Вторым, еще более колоритным «шоу», которое Горбачев устроил в 1988 году, было празднование тысячелетия Русской православной церкви, юбилея «Крещения Руси». Разрушенные церкви по всей стране были восстановлены: за год открылось более пятисот церквей (в 1987 году — всего шестнадцать). В 30-х годах Даниловский монастырь в Москве последовательно служил концентрационным лагерем, пересыльным лагерем, транзитным лагерем и сиротским домом для детей врагов народа. Теперь он стал местом пребывания патриархата в Москве, с отремонтированной церковью и новехоньким дворцом для дряхлого патриарха Пимена. На празднества прибыло множество иностранных церковных иерархов и светских руководителей советского государства. Церковь, переставшая быть запуганной сторонницей атеистического режима, начала поднимать голову. Ее здания сверкали свежей краской, а купола — золотом. Церкви и монастыри заполнили новые богомолыцы. Закоренелые циники, вроде нашего шофера Константина Демахина, начали ходить в церковь и даже подумывать о крещении и церемонии венчания на предмет закрепления их давних гражданских браков со своими женами. Возможно, к религии как таковой это имело мало отношения, но в огромной степени укрепляло ощущение рядовых граждан, что советская система отняла у них их национальное достояние.

Пимен умер в мае 1990 года. С его преемником Алексием мы встретились всего за несколько недель до нашего отъезда из Москвы в 1992 году, когда он все еще сиял от счастья, впервые отслужив Пасхальную литургию в некоммунистической России. Это был красивый муж-

чина, физически подтянутый, величественный, но без помпезности, с четками, намотанными на его пухлую левую руку. Как и большинство его собратьев, православных церковников, он был глубоко консервативен. Его возмущало то, как другие христианские церкви пользуются слабостью России, чтобы заниматься прозелитизмом — пропагандой своих взглядов. Годы преследований и антирелигиозной пропаганды, сетовал он, привели к тому, что простые люди не ощущали большой преданности своей собственной церкви. Они легко поддавались под влияние чуждых идей. «Иностранное ведомство Ватикана», по его мнению, обращалось с Россией так, как если бы это была языческая страна, не обладающая христианской традицией и созревшая для обращения в католичество. Этот кошмар подогревался некоторыми крайними высказываниями папы поляка относительно восстановления христианского единства под эгидой Римской церкви. Секты евангелистов из Америки, жаловался он, пытаются подкупать православных обещаниями гуманитарной помощи в обмен на переход в их веру. Кришнаиты, астрологи, ясновидящие, шабаши ведьм — все это процветает.

Алексий был весьма красноречив в изобличении преступлений прежнего режима — расстрелов, коллективизации, искусственно вызванных вспышек голода, от которых погибли миллионы. Его тревожила репутация, которую стяжала себе Церковь своим сотрудничеством с КГБ, и он создал специальную комиссию молодых епископов для расследования этого вопроса. Однако почувствовать себя вполне убежденным было трудно. Реакционное крыло православной Церкви еще задолго до Октябрьской революции было связано с самыми грубыми формами антисемитизма. Некоторые из епископов Алексея и теперь еще позволяли себе выступать с крайне оскорбительными заявлениями. Но кое-что лежало еще глубже, на самом дне. Те, кто убил либерального священника, отца Меня, так и не были пойманы, но либералы подозревали, что убийцы действовали или по указке КГБ, или по наущению крайних национали-

стов-антисемитов в самой церкви, а быть может, и тех и других. Однако Алексей, не дожидаясь никаких вопросов, заверил меня в том, что Церковь не настроена антисемитски. Он был активным противником всякой дискриминации или погромов, направленных против евреев, с которыми Церковь объединяют общие пророки и Ветхий Завет. Довольно неубедительно он утверждал, что Церковь совершенно не претендует на восстановление той роли и того престижа, какими она пользовалась до революции.

Радикальные священники возмущались попытками Алексея отмахнуться от своего прошлого. Они считали, что он всю жизнь был агентом КГБ. Разумеется, в советское время никто не мог сделать карьеры ни в Церкви, ни вне ее, по крайней мере, без молчаливого согласия «органов». Алексей отвечал, что, только приняв на себя грех коллаборационизма, он мог содействовать сохранению Церкви. Не кто иной, как Алексей, осудил в январе 1991 года расстрелы в Вильнюсе. Не кто иной, как Алексей, предостерег против кровопролития во время попытки путча в августе 1991 года. И не кто иной, как Алексей, впоследствии был посредником между Ельциным и российским парламентом накануне кровавого столкновения в октябре 1993 года. В тоталитарном государстве все непросто, и никто не может считать себя совершенно безгрешным.

Еще до 19-й партийной конференции некоторые из старших коллег Горбачева стали тревожиться по поводу того, что он взял слишком быстрый темп, и начали первые выступления против него. Исключение Бориса Ельцина из политбюро в ноябре 1987 года и история с Ниной Андреевой в марте 1988-го вселили страх в сердца многих либералов. По иронии судьбы, первым, кто рекомендовал Горбачеву вызвать Ельцина в Москву из Свердловска, где тот занимал пост секретаря обкома партии, был Егор Лигачев, впоследствии один из самых заклятых врагов Ельцина. В апреле 1985 года Горбачев назначил Ельцина первым секретарем Московского горкома партии и кандидатом в члены политбюро. Однако популистские приемы Ельцина по-

настоящему ничуть не разрешили московские проблемы и в то же время настроили против него его коллег, к которым он относился с почти нескрываемым презрением. Осенью 1987 года он заявил Горбачеву, что хочет уйти из политбюро и из московской партийной организации. До него такого еще никто не делал. Помимо всего прочего, это было серьезным нарушением партийной дисциплины.

Горбачев вначале не хотел его отпускать: Ельцин был полезным противовесом Лигачеву и другим консерваторам в политбюро. К тому же партия собиралась праздновать 70-ю годовщину Октябрьской революции — момент, крайне неудобный для публичного скандала. Однако коллеги Горбачева настояли на том, что вызов должен быть принят. Результатом явилась одна из самых позорных сцен за все годы перестройки. Вместо того чтобы позволить ему уйти с достоинством, коллеги Ельцина по политбюро, включая либералов — Шеварднадзе и Яковлева, обрушили на него поток оскорблений, весьма неприятно напоминавший охоту на ведьм в прошлом. Он был изгнан со своих постов в политбюро и Московском горкоме партии. Кампания очерняющей пропаганды обвиняла его в некомпетентности и злоупотреблении властью. Он погрузился в один из длительных периодов депрессии и пассивности, столь часто случавшихся на протяжении его карьеры. Смотреть на это было тяжело.

На авансцену в качестве лидера оппозиции вышел Егор Лигачев, угрюмый, старой закалки человек, веривший в социализм, дисциплину, коллективизацию и рабоче-крестьянское государство. Он считал, что немного увеличенные капиталовложения — это все, что требуется, чтобы сделать Советский Союз процветающим. Весной 1988 года ортодоксальная газета «Советская Россия» опубликовала статью «Не могу поступиться принципами» никому ранее не известной преподавательницы Ленинградского политехнического института Нины Андреевой. Это был старомодный призыв возвратиться к «коммунистическим ценностям» и явный выпад против реформ Гор-

бачева. Лигачев, возможно, помогал в сочинении этой статьи и, конечно, способствовал тому, что она была воспроизведена в других партийных газетах по всей стране. Горбачев в это время находился в заграничной поездке. «Болтуны» умолкли лишь на короткое время, спрашивая себя, не побудили ли их соблазны гласности слишком далеко высунуться. По возвращении Горбачев усмирил бунт и восстановил процесс реформ.

Ельцин начал свое возвращение в политику несколько месяцев спустя, на 19-й партийной конференции. Не без труда он уговорил Горбачева дать ему слово. Речь его была, скорее, извиняющейся, чем вызывающей. Лигачев набросился на него, и настроение в зале было в пользу Лигачева. Впервые в истории Советского Союза простые люди могли наблюдать собственными глазами политическое столкновение между своими руководителями, чьи интриги всегда были окружены завесой кремлевской тайны. Впервые они могли делать самостоятельные выводы. Ельцин перестал быть отрицательным персонажем. Его критика партии и ее политики сразу же нашла сочувственный отклик в сердцах простых людей. Негодующее восклицание Лигачева «Борис, ты не прав!» стало ироническим кличем демократической оппозиции, воспроизводившимся на миллионах плакатов и на значках, прикреплявшихся к лацканам пиджаков. Из окутанных табачным дымом комнат политика вышла на публичную арену, где и осталась. Именно это обстоятельство в еще большей мере, нежели предложенные Горбачевым реформы придало 19-й конференции эпохальное значение.

Лигачев и его друзья на этом не остановились. В августе 1988 года, пока Горбачев находился в отпуске, Лигачев усилил нажим. Он публично выступил против «нового мышления» Горбачева, Шеварднадзе и Яковлева, против идеи, согласно которой в международных отношениях надлежит руководствоваться не идеологией, а интересами, составлявшими основу попыток улучшения отношений между Востоком и Западом. Он настаивал на необ-

ходимости ленинской дисциплины в партии. Кроме того, Лигачев заявил, что рыночная экономика, построенная на частной собственности, «в корне неприемлема для социалистической системы». Полиция снова начала запрещать мирные демонстрации в Москве. Консервативная печать усилила свои нападки на либеральные идеи. Были приняты попытки наложить административные и финансовые ограничения на либеральную печать.

К этому времени даже те, кто готов был поверить в искренность мотивов Горбачева, засомневались: а не может ли он вместе со своими реформами быть в любой момент смещен с помощью заговора? Сахаров предупреждал, что настроения в Москве были такие же, как в дни перед падением Хрущева. Лондонская «Таймс» под огромным заголовком «Советской программе реформ грозит поражение» писала: «Серьезные комментаторы как в Советском Союзе, так и на Западе убеждены, что без быстрого улучшения ситуации со снабжением 57-летний советский лидер может столкнуться с опасной возможностью того, что раздраженное население и недовольные бюрократы объединятся, чтобы свергнуть его». Однако Горбачев все еще пребывал в отличной политической форме. Он перешел в неожиданное контрнаступление, чтобы вывести из равновесия своих противников. 29 сентября все еще в основном консервативному Центральному Комитету было предложено утвердить совершившийся факт: устранение из политбюро нескольких представителей старой гвардии и перераспределение их обязанностей между оставшимися. Количество отделов ЦК было сокращено с двадцати до девяти, что значительно ослабило способность ЦК продолжать душить жизнь страны. На следующий день Верховный Совет собрался, чтобы избрать Горбачева своим председателем вместо Громыко, угрюмого экс-министра иностранных дел, которого Горбачев повысил в должности, чтобы освободить место для Шеварднадзе. Ошеломленные депутаты послушно одобрили его конституционные предложения и утвердили сроки своей собственной политической кончины.

Громыко ушел в вынужденную почетную отставку, напутствуемый хвалебными отзывами Горбачева. Либералы облегченно вздохнули. Только брюзги отмечали, что переворот был совершен тайно; это не вязалось с принципами открытости и демократизации, о преданности которым Горбачев с таким энтузиазмом говорил на партийной конференции всего тремя месяцами ранее.

Несмотря на новый климат открытости, познакомиться с высшими руководителями, занятыми людьми, поглощенными революцией, было трудно. Иногда мне надо было решить какое-то официальное дело или представить прибывшего с визитом английского министра. В остальных случаях приходилось пользоваться официальными церемониями советского государства, чтобы вовлечь руководителей и их жен в неофициальный разговор. Горбачев проводил ежегодный прием послов в огромном Георгиевском зале Кремля — белом с золотом, на стенах которого были выгравированы золотыми буквами имена имперских офицеров и воинских частей, удостоенных в свое время царем высшей награды за мужество. Это была беспорядочная и нудная церемония, хотя и позволявшая несколько приблизиться к Горбачеву, его министру иностранных дел Шеварднадзе и премьер-министру Рыжкову. Гораздо более полезными были ежегодные приемы по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Они проводились в Кремлевском дворце съездов, уродливом мраморном здании, построенном Хрущевым на месте древнего монастыря в лишенном фантазии манерном стиле Арт Деко. Дворец был рассчитан на то, чтобы вмещать тысячи делегатов со всего Советского Союза, прибывавших на съезды партии и на менее значительные собрания, например, празднование годовщины со дня рождения Ленина.

Когда съезда не было, а по большей части дело обстояло так, ибо съезд созывался примерно раз в пять лет, Большой театр использовал Дворец съездов как дополнительную сценическую площадку для своих наиболее замет-

ных спектаклей. Официальные приемы проводились в громадном зале на втором этаже здания. Там расставлялись столы, которые ломились от икры, колбас, помидоров и множества бутылок коньяка и водки. В 1988 году на приеме в честь годовщины революции члены политбюро со своими женами еще стояли в одном конце зала, за баррикадой, образованной другими столами. Члены правительства, официальная интеллигенция, провинциальные партийные боссы и послы толклись в остальной части зала, торопливо глотая закуски и пытаясь пробиться к «главным шишкам». В последующие годы, вероятно, по приказу Горбачева баррикада была убрана, и руководители свободно общались с толпой.

Под стать этим церемониям были и большие парады на Красной площади. Они проводились в годовщину революции и 1 Мая: колонны солдат, моряков и летчиков с безупречной четкостью проходили строем, гремели и дымили танки и тягачи, тянувшие за собой ракеты, ревели металлические трубы военных оркестров. В прежние годы за солдатами двигались группы плохо одетых рабочих, крестьян и молодежи, несшие знамена с названиями организаций, которые они представляли. По мере того как Советский Союз приближался к концу своего существования, лозунги рабочих, участвовавших в демонстрациях, становились все более смелыми. Они критиковали Горбачева за невнятную политику, за то, что реформы проводятся слишком быстро или слишком медленно. Некоторые шли еще дальше, угрожая советскому руководству изгнанием, а то и чем-нибудь похуже, нападая на евреев и превознося заслуги Сталина. В мае 1990 года они согнали Горбачева с Мавзолея, с которого многие поколения советских руководителей принимали парад. В 1990 году несколько городов вообще отказались праздновать годовщину революции, и на следующий год эти празднества были отменены. С тех пор годовщину революции отмечали лишь небольшие группы преимущественно престарелых коммунистов — своего рода «диссидентов» новой эпохи.

Когда вы встречались с Горбачевым, сразу становилось понятным, почему г-жа Тэтчер считала, что это человек, с которым она «может делать дело». Человек живого и необыкновенно быстрого ума, он казался меньше ростом, чем вы ожидали: ведь всегда кажется, что крупная личность должна быть большой и высокой. Он был оживленным, разговорчивым, прямым, лишенным всякой напыщенной важности. У него была заразительная улыбка, карие глаза с внутренней искоркой, почти средиземноморское обаяние и открытая доверчивая манера себя держать — так, словно вы, пусть на мгновение, были его лучшим другом. Открытость была, пожалуй, маской. Анатолий Собчак, политик-демократ, ставший впоследствии мэром Санкт-Петербурга, как-то заметил, что всякий, кто думает, что знает, о чем думает Горбачев, ошибается. В личном общении со своими коллегами он был способен проявить авторитарный нрав, употребить соленые словечки, показать «железные зубы», о которых говорил Громыко во время избрания Горбачева в 1985 году Генеральным секретарем.

Критики утверждали, что Горбачев не любил присутствия людей ему равных — слабость, нередко свойственная политическим лидерам. Однако его перестроечная команда включала людей значительных самих по себе — министра иностранных дел Шеварднадзе, премьер-министра Рыжкова и советника по теоретическим вопросам Александра Яковлева. В отличие от многих русских руководителей, любящих шумную мужскую компанию, обильную выпивку и русскую парную баню, Горбачев, при всей его внешней общительности, держался особняком. Он не приглашал своих коллег к себе на официальную дачу в окрестностях Москвы, в отпуск обычно отправлялся в сопровождении ближайших членов семьи и двух-трех помощников. Он не скрывал своей преданной любви к жене Раисе Максимовне. Очевидно, он очень нуждался в ее моральной и эмоциональной поддержке и считал, что она должна участвовать в его официальной

жизни. Она ежедневно звонила ему по тому или иному поводу и его сотрудникам в их служебные кабинеты. Когда он после долгого рабочего дня возвращался вечером на дачу, он имел обыкновение около часа прогуливаться с ней и обсуждать вопросы, решавшиеся в течение дня. Отправляясь в поездки по официальным делам, брал ее с собой. Русские мужчины видели в этом еще один признак слабости. Впрочем, Раиса Максимовна была непопулярна также и среди русских женщин. Они завидовали ее элегантной одежде и не одобряли того, что им казалось ее властной манерой держаться. Лишь немногие из них воздавали Горбачеву должное за то, что он сделал возможным для жен высокопоставленных деятелей выйти за пределы советского варианта покоев средневекового «терема», отведенных специально для женщин.

Горбачев обладал в полной мере честолюбием, энергией, хитростью и, конечно, тщеславием, которые требуются политику, чтобы взобраться по наводненному шесту до самой вершины. Враги обвиняли его в склонности к колебаниям и трусости. Но он обладал мужеством вынашивать неортодоксальные мысли, добиваться их реализации, несмотря на решительное противодействие старой гвардии, и изменять свое мнение, если этого требовали обстоятельства. Он любил споры, беседы, даже болтовню. В первые годы пребывания у власти он руководил дискуссией в партии. Имея дело с западными лидерами, проявлял такую свободу и живой интерес при обсуждении сложных вопросов разоружения и международной политики, какие не были свойственны до него ни одному советскому лидеру. Даже Хрущев, самый человечный из них, не мог сравниться с Горбачевым в умении, проявлявшемся при разрешении труднейших проблем. Враги Горбачева признавали его громадную работоспособность, прекрасную память и владение фактической информацией. Его первые дискуссии с г-жой Тэтчер и Джеффри Хау в декабре 1984 года показали, сколь огромна разница между ним и его предшественниками. Мы видели перед собой

человека, который, в отличие от Брежнева, прочитал необходимые документы и приготовленные для него материалы и мог говорить без подсказки — уверенно, живо и умно, и который явно получал удовольствие оттого, что в споре мог платить Тэтчер той же монетой. Даже те из нас, кто видел только сухие официальные протоколы, мог почувствовать возбужденную атмосферу этих дискуссий.

Рядовой русский гражданин поначалу тоже был в восторге от свойственной Горбачеву прямой манеры держаться. Его прогулки по Москве и Ленинграду в первые годы перестройки были радостными событиями. Однако он становился все более и тягуче многоречив. Повторение им общих стратегических принципов не могло заменить решительных действий в условиях распада страны. Он раздражал аудиторию своими бесконечными наставительными разглагольствованиями по телевидению. Московские интеллектуалы неприязненно подсмеивались над его южным говором и довольно небрежным обращением с тонкостями грамматики. Всех возмущало и то, что он проводит много времени с иностранцами, общество которых он, видимо, стал предпочитать, когда дела в стране пошли плохо. Киргизский писатель Чингиз Айтматов рассказывает, как он договорился о встрече с Горбачевым в разгар особенно шумной сессии нового парламента, чтобы обсудить срочный вопрос. Горбачев явился с почти часовым опозданием: «В соседней комнате Джейн Фонда. Пошли, поговорим с ней». Иностранцы, конечно, были очарованы, когда он рисовал им картины будущего, вспоминал былые победы и ругал своих критиков — иногда целый час подряд. Однако, распрощавшись с ним, вы иной раз отдавали себе отчет в том, что при всем обаянии собеседника практически слышали очень немного.

Впоследствии стало модным критиковать Горбачева за то, что он всего лишь аппаратчик, человек, который, в отличие от Ельцина, мало был знаком с реальным миром, потому что сделал свою карьеру в прокуренных комнатах партийных комитетов. Это большое упрощение. Горбачев

и его близкие полностью разделили участь всего советского народа при коммунизме. Почти вся его деревня вымерла от голода во время коллективизации в начале 30-х годов. Он и его семья почти так же недоедали в близких к настоящему голоду условиях после войны. Это было время, как он вспоминал впоследствии, когда с советскими крестьянами обращались не лучше, чем с крепостными при царях. Два его деда были арестованы во время «чисток». Отец участвовал в войне, когда немцы на короткое время оккупировали его родную деревню. В детстве и отрочестве он, как и все, проводил долгие часы на работе в колхозе. Он поступил в Московский университет — необыкновенное достижение для молодого крестьянина — не благодаря связям, а лишь благодаря собственным заслугам. Первые 23 года своей партийной карьеры он провел в родном Ставропольском крае. В 1966 году, в возрасте 34 лет, стал первым секретарем Ставропольского горкома партии. Четыре года спустя он был уже секретарем Ставропольского крайкома КПСС, став, таким образом, одним из членов самой влиятельной после политбюро группы людей в Советском Союзе. Он носился по своей области, как окружной комиссар в британской Индии, взбадривая людей, где надо покрикивая на них, разрешая местные проблемы, представляя интересы своих избирателей в Москве и проявляя при этом лихорадочную активность. К тому времени, когда он вошел в политбюро, он так же хорошо убедился на личном опыте в великих достижениях и невзгодах, сопутствовавших жизни в Советском Союзе, как и любой из его сверстников.

Выйдя в отставку, Горбачев читал и перечитывал классиков марксизма. Ему было очень нелегко признать, что за ужасы, творившиеся при Советской власти, был ответственен и Ленин. Он продолжал твердить о своей вере в то, что было, по его мнению, «основными принципами социализма». Однако задолго до его падения эти принципы эволюционировали в его сознании, став значительно ближе к идеям западной социал-демократии, нежели к жесто-

ким и некомпетентным установкам советского коммунизма, хотя сам он, возможно, не понимал, что это может означать на практике. В этом отношении он отличался от тех членов партии, которые всю жизнь твердили ее священные трюизмы, а потом без сожаления вышли из ее рядов. Упорное стремление Горбачева остаться верным своему прошлому и сохранить в какой-то степени интеллектуальную последовательность говорит только в его пользу.

Первая возможность увидеть Горбачева вблизи представилась мне во время его визита в Лондон в апреле 1989 года. Этот визит был для него важен. Он принял твердое решение освободить свою страну от ее непосильно возросших притязаний за границей. Между тем, его собственное положение внутри страны уже начало ослабевать. Русские видели, что Западная Европа стремительно продвигается вперед как политически, так и экономически, привлекая к себе нейтральные страны и даже союзников Советского Союза. На протяжении сорока лет «холодной войны» мы тревожились по поводу того, что Советы вытеснят американцев с европейского континента. Теперь русским приходилось, подобно Королеве Черных из «Зазеркалья» Кэрролла, бежать со всех ног просто для того, чтобы сохранить свое влияние в районе, жизненно важном для их интересов. Горбачева больше всего волновало молчание, которое хранил Вашингтон в течение нескольких месяцев после избрания президентом Буша. Новый президент был занят строгим пересмотром политики по отношению к Советскому Союзу. Правые республиканцы в прошлом обвиняли его в том, что он слишком самонадеянно относится к советской угрозе. Его новый советник по национальной безопасности Brent Скаукрофт считал, что Горбачев потенциально более опасен, чем его предшественники. В январе 1989 года он заявил по телевидению, что новая политика Горбачева, быть может, просто имеет целью сбить Запад с толку, пока советская экономика перестраивается, после чего угроза возникнет вновь. Роберт Гейтс, заместитель Скаукрофта, а впоследствии директор ЦРУ заявил

примерно в то же самое время: «Впереди нас ждет еще долгое состязание с Советским Союзом... Диктатура коммунистической партии остается нетронутой и неприкосновенной»¹. Буш позвонил Горбачеву по телефону и послал ему успокоительное письмо. Однако недели шли за неделями, а американцы продолжали воздерживаться от обсуждения существенных вопросов, и Горбачев начал опасаться самого худшего. Накануне его прибытия в Лондон я сказал ему, что г-жа Тэтчер может донести до Вашингтона, как дело обстоит на самом деле, и тем самым восстановит процесс прекращения «холодной войны».

Горбачев прибыл в аэропорт Хитроу 5 апреля к вечеру. Церемония прибытия прошла скандально. Бетонированная площадка, на которой мы выстроились без особого порядка, покрылась ледяной коркой. Оркестр Королевских воздушных сил исполнил советский национальный гимн вдвое медленнее, чем следовало. Чиновники снова ли туда-сюда, словно испуганные кролики. У г-жи Тэтчер вид был мрачный, и все происшедшее не осталось без последствий.

Г-жа Тэтчер никогда не приглашала своего посла участвовать в ее встречах с Горбачевым. Но мне позволили ознакомиться с остроумными и довольно откровенными протоколами, составленными ее личным секретарем Чарльзом Пауэллом и впоследствии дополненными очень полными и документированными мемуарами Черняева. Как я понял, утром в день приезда Горбачева они с г-жой Тэтчер как обычно занялись своими интеллектуальными упражнениями — обсуждением региональных споров, вопросов разоружения и ядерного сдерживания. Я присутствовал на состоявшемся позже в маленькой столовой на Даунинг-стрит, 10 «рабочем завтраке». Г-жа Тэтчер расспрашивала Горбачева о доме Харитоненко. Велась общая беседа о международных делах. Однако реальной работы было проделано мало. Днем Горбачев выступал с речью о советской экономике перед собранием деловых людей в Ланкастер-Хаус. Его беззаботный оптимизм был приправлен модным мак-

роэкономическим жаргоном («бюджетный дефицит», «денежная масса») — словами, которых его предшественники никогда не слыхивали. Однако, когда его спросили, кто управляет экономикой теперь, когда предприятия якобы сами отвечают за свое производство, ответ его был убийственно старомодным: «Спросите Госплан, Государственный плановый комитет. Там во всем разберутся». В своих речах за обедом вечером того же дня на Даунинг-стрит, 10 и в Гилдхолле на следующий день Горбачев выражал преследовавшее его беспокойство, что новый американский президент попался в руки «определенных кругов» — шифрованное обозначение вашингтонских реакционеров. Отвечая своему гостю, г-жа Тэтчер была великодушна, хотя и повторяла свой излюбленный, но приводивший слушателя в смущение тезис — для поддержания мира нет ничего лучше ядерного оружия.

Заключительным «мероприятием» был ланч в Виндзорском замке. Шел дождь, королева и Горбачев приняли парад Колдстримского гвардейского полка, а затем она показала ему свои русские сокровища — портрет Александра I кисти Лоуренса, большую малахитовую вазу, подаренную королеве Виктории Николаем I, коллекцию царских медалей Георга VI, — все это было украшено двуглавыми орлами. Когда перед ланчем подали напитки, оба чувствовали себя натянуто и неловко, быть может, из-за «призрака» убитого царя. За столом королева сидела между Горбачевым и его министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе — двумя обаятельными мужчинами. Г-жу Тэтчер усадили напротив, рядом с угрюмым Александром Яковлевым, который был до того необщителен, что она в отчаянии повернулась ко мне. Между тем королева и ее соседи по столу проявляли все большее оживление, и, когда после оглушительного удара грома сквозь тучи проглянул луч солнца, осветивший их всех, они даже засмеялись. Наверное, именно в этот момент Горбачев задал вопрос о ее приезде в Советский Союз, и она приняла приглашение, сказав, что посетит Россию «при подходящем

случае». («Подходящий случай» пришелся на осень 1994 года, когда порадоваться этому визиту суждено было уже не Горбачеву, а Ельцину.) К концу трапезы «призрак» как будто исчез. В тот вечер моя мать спросила, кормят ли в Виндзоре лучше, чем на Даунинг-стрит. Однако я не мог вспомнить, что ел в каждом из этих мест. К счастью, подробности меню были сохранены для потомства одним из переводчиков Горбачева в его мемуарах².

Горбачев был искренне рад той симпатии, которую проявили к нему простые британцы, окружившие плотным кольцом его автомобиль, когда он вышел из Ланкастер-Хаус. Черняев сказал мне, что важнейшим итогом визита был не обычный обмен мнениями с г-жой Тэтчер по международным вопросам, а то, что ей удалось убедить Горбачева, что президент Буш не собирается отказываться от политики американско-советского сотрудничества. Я объяснил Черняеву, что длительное молчание Вашингтона не было чем-то необычным. Новая администрация США часто месяцами разбирается в положении дел. Кажется, я не вполне его убедил.

Несмотря на все теплые чувства, отмечал я в своем дневнике, состоявшийся визит не дал каких-либо существенных результатов. Самые светлые дни в отношениях между Тэтчер и Горбачевым остались в прошлом. Совсем скоро, полагал я, главная роль перейдет к американцам и немцам, и кроме сантиментов мало что останется. Черняев впоследствии писал, что Горбачева раздражали резкие нападки г-жи Тэтчер на его политические воззрения. И все-таки теплая поддержка г-жи Тэтчер служила ему утешением, особенно в последний год его правления, когда она была уже не у дел. Для Черняева же магическая сила образа Тэтчер оставалась не меркнувшей. «Маргарет Тэтчер была по-прежнему великолепна, — писал он об апрельской поездке. — Три часа я сидел напротив нее в кабинете на Даунинг-стрит, 10 и опять любовался ею. Она стремилась заморозить М.С. Он и искренне «откликался» на ее открытость, и подыгрывал ей, и делал вид, что

«поддается», но и демонстрировал сдержанность». На обратном пути в самолете Черняев упрекал Горбачева:

«Она делает для нас доброе дело; она подняла планку перестройки и вашего авторитета так, что Колю, Митерану и даже Бушу придется срочно учиться прыгать выше. Она публично встала против волны пессимизма, которая начала уже накатывать на образ нашей перестройки... Никто так решительно не помогает нам сейчас менять международную ситуацию. Зачем же делать вид, что вы это не очень цените? И, кроме того, она женщина. Неправильно, будто это мужик в юбке. Весь ее характер, даже вся ее политическая манера поведения — женская. И это еще и англичанка»¹.

Мои отношения с Эдуардом Шеварднадзе развивались более медленно. У меня не было существенных вопросов для обсуждения с ним, кроме споров по поводу шпионов, которых он благоразумно сторонился. У Шеварднадзе была совсем не русская внешность: грива седых волос, пронизательные глаза, сильный грузинский акцент и манера поведения, отличавшаяся тем, что моменты, когда он был по-настоящему обаятелен, проявляя живую эмоциональность южанина, чередовались у него с угрюмой замкнутостью. Это был человек большого нравственного мужества, поставивший под угрозу свою карьеру ради женитьбы на женщине, чей отец был расстрелян в годы террора. И одновременно обладавший физическим мужеством. Так, во время футбольного матча в Тбилиси он один противостоял разгневанной толпе недовольных решением судьи болельщиков, вторгшейся на футбольное поле сквозь милицейское ограждение. Шеварднадзе усмирил ее. Большинство грузинских сограждан гордились его видной ролью на международной арене. Но в то же время он не был особенно популярен. На постах министра внутренних дел и секретаря компартии Грузии он нажил себе много врагов. Наши грузинские друзья не простили ему того, что он настоял на казни группы молодых людей из круга тбилисской «золотой молодежи», которые в 1983 го-

ду угнали самолет и убили несколько членов экипажа. Шеварднадзе и Горбачев сблизились еще в ту пору, когда Горбачев был первым секретарем Ставрополя, граничащего с Грузией. Именно тогда они пришли к единому мнению, что Советскому Союзу нужны внутренние перемены и что он слишком далеко простер свои амбиции за рубежом. У Шеварднадзе не было опыта в международных делах. Иностранцы были удивлены, а советское Министерство иностранных дел огорчено, когда Горбачев пригласил его в Москву на пост министра. Однако он быстро освоился и вошел в курс дела, занимаясь наиболее сложными проблемами — разоружения и Центральной Европы. Он добивался одного компромисса за другим, несмотря на противодействие Министерства иностранных дел, близкого к мятежу оборонного ведомства и становившегося все более враждебным законодательного органа. Консервативная оппозиция и многие простые граждане стали смотреть на него, как на предателя.

Почти так же сильно им не нравился другой главный помощник Горбачева. Александр Яковлев, человек уже в летах, был ранен на войне, и этот факт служил убедительным доводом в его защиту, когда военные и реакционеры обвинили его впоследствии в измене родине. Не столько политически активный деятель, сколько ученый и теоретик, он тоже вышел на авансцену из низовых партийных рядов. В 1972 году его карьере был нанесен удар, когда он публично осудил русский национализм. Он был «сослан» послом в Канаду. Горбачев встретился с ним во время своего визита в эту страну, и он ему понравился. В 1983 году Яковлев вернулся в Москву и стал директором престижного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В 1987 году Горбачев сделал его членом политбюро. Несмотря на репутацию неортодоксального человека, он еще в 1988 году публично утверждал, что цель перестройки — вернуть страну к ленинским идеалам социализма. Он вышел из партии лишь накануне путча, немногим меньше чем за неделю до выхо-

да из нсе самого Горбачева. Иностранные журналисты называли его «отцом перестройки». И он действительно много сделал в интеллектуальном отношении для осуществления реформы. Однако его коллеги, как реформаторы, так и реакционеры, были раздражены в равной мере. В скором времени он вступил в конфликт с Лигачевым и другими консерваторами. Глава КГБ Крючков очень язвительно отзывался о нем в своих мемуарах. На своих нелестных для него фотографиях Яковлев походил на страдающую поносом лягушку. Однако в жизни он производил более приятное впечатление, чем можно было ожидать, судя по его репутации или внешности. В последние годы существования Советского Союза он, как и Шеварднадзе, играл все более видную роль проводника либеральных идей, и в результате его отношения с Горбачевым стали менее ровными.

Премьер-министр Рыжков был в первое время близок к Горбачеву. В 1983 году больной Генеральный секретарь Андропов поручил им обоим поработать над планом реформы. В течение последующих нескольких лет они разработали много практических мер. Рыжков был красивым мужчиной, тщеславным и обидчивым. Его эмоциональные выступления перед телекамерами заработали ему прозвище «плачущий большевик». Он дослужился от рабочего цеха до генерального директора «Уралмаша» в Свердловске (ныне Екатеринбург). Это завод тяжелого машиностроения, один из флагманов советской индустрии, членом правления которого мне довелось побыть много лет спустя. В 1975 году Рыжков прибыл в Москву уже в должности министра. Десятью годами позже Горбачев ввел его в политбюро и назначил премьер-министром. Его опыт, таким образом, сильно отличался от опыта других деятелей перестройки: он был не партийным чиновником, а практическим менеджером. Его глубоко возмущало то, как партия ограничивала его свободу управлять «Уралмашем», и одной из его главных целей было вообще отстранить партию от контроля над экономикой. Он решительно

отстаивал свои прерогативы премьер-министра и руководителя правительства. Он был убежден в том, что правительство может и должно направлять движение страны к рынку продуманным и упорядоченным образом, с тем чтобы причинить минимальный ущерб простым людям. По мере того как темп перемен ускорялся и становился все более противоречивым, его все больше огорчало развитие событий. В середине 1989 года он отдалился от Горбачева, обвинив его в том, что тот не оказывает ему надлежащей поддержки. В ельцинской России он примкнул к правым неокommунистам, несмотря на сравнительно либеральные взгляды, которые высказывал в разгар перестройки.

Еще одним человеком, близким к Горбачеву, был Вадим Бакатин. Подобно большинству членов команды Горбачева, Бакатин был всю свою профессиональную жизнь коммунистом, «типичным аппаратчиком», но все-таки не совсем обычным. Живой и обаятельный, он был художником-любителем, работы которого висят на стенах в нашем доме. У него было широкое красивое лицо и открытая, доверчивая улыбка, как у Иванушки из русских сказок, которому удастся завоевать сердце царевны. Он вырос в Кемерово, в Сибири, где и сделал первые шаги в своей партийной карьере. Вызванный в Москву в 1983 году, он был назначен на должность инспектора ЦК. В его обязанности входило разъезжать по стране и наводить порядок в местных партийных организациях, сбившихся с правильного пути, — задача, которая в сталинские времена имела серьезные, а иной раз роковые последствия для местных чиновников, которых это касалось. Затем Бакатин вернулся в Кемерово, уже в должности первого секретаря — крупный шаг вверх по иерархической лестнице. Горбачев разглядел его в 1989 году и назначил министром внутренних дел. Несмотря на свое прошлое, он был либеральным поборником просвещенной политики в области уголовного права. Он не верил в то, что проблему преступности можно решить лишь с помощью денежных ассигнований. Он повысил зарплату и улучшил экипировку

милиции, а также заслужил преданность ее сотрудников, уважение многих либералов и ненависть сторонников жесткого курса. Осенью 1990 года, когда Горбачев качнулся вправо, последние добились смещения Бакатина, а когда в оставшиеся месяцы существования Советского Союза ему было поручено реформировать КГБ, их ненависть к нему удвоилась.

Анатолий Лукьянов был первым из новых советских лидеров, с которым я встретился, когда вручал ему свои верительные грамоты как председателю старого Верховного Совета. Я всегда отказывался купить дипломатическую форму, не желая тратиться на ненужную, старомодную и претенциозную вещь. Поэтому явился засвидетельствовать свое почтение в форме, взятой напрокат в театральной костюмерной фирме «Натан и Берман». Это было великодушное одеяние, увенчанное шляпой с убогим страусовым пером. Церемония происходила в небольшом помещении в Кремле. Лукьянову было в то время под шестьдесят. Это был коренастый человек с восточным типом лица и лоснящимися седыми волосами, плотно облегавшими череп. В нем не было надутого чванства, характерного для старых советских руководителей с их «плоскими анекдотами» и замораживающими собеседника улыбками. Он довольно мило заметил, что и сам впервые участвует в церемонии вручения верительных грамот. Мы были одинаково не уверены, какие от нас требуются балетные па («два шага вперед, шаг назад, поклон, приглашайте своих партнеров...»). Лукьянов заявил, что очень интересуется английской поэзией, оказалось, что он тоже поэт, и в доказательство этого прочитал наизусть довольно большие отрывки в русском переводе. Мы проболтали на различные интеллектуальные темы дольше, чем нам было отпущено времени, и расстались.

Лукьянов изучал право в Московском университете в то же самое время, что и Горбачев. Он был архитипичным представителем бюрократа «из центра». Большую часть своей карьеры провел в секретариате старого Верховного

Совета; в 1983 году его перевели в секретариат ЦК, где он также преуспевал, особенно при Горбачеве. В сентябре 1988 года сделали кандидатом в члены политбюро и снова отправили в Верховный Совет, дабы руководить им в интересах Горбачева. Ввиду его близости к Горбачеву иностранцы были склонны видеть в нем одного из главных столпов перестройки. Проницательные наблюдатели, вроде Саши Мотова и Константина Демахина, не обманывались на этот счет и справедливо относились к нему с подозрением. Летом 1991 года он помогал в организации заговора против Горбачева. В своих тюремных мемуарах Лукьянов представит как человек очень умный и наблюдательный. Он тоже был искренним сторонником некой ограниченной реформы. Но он видел, что кардинальные перемены, затеянные Горбачевым, приведут к распаду Советского Союза и концу социализма. Об этом он не хотел даже думать. За два с половиной года, пока его не посадили в тюрьму, я виделся с ним всего раз или два. Возможности для еще одной приятной беседы мне больше не представилось.

Дмитрий Язов, министр обороны, был типичным советским генералом. Лицо его походило на сморщенную картофелину, и как многие советские генералы он был краснолиц и дороден, не без своеобразного грубоватого шарма, но готовый всегда и пострадать подчиненного. Родился он в 1923 году в Язове, деревне в Западной Сибири, — отсюда и фамилия семьи. Отец его умер, когда он был еще совсем маленьким. Деревенские старейшины выдали его мать замуж за мужа ее покойной сестры, и он рос в семье, где было десять детей. Таким образом, своим простым происхождением он походил на Горбачева и многих своих старших коллег. Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что, когда наступил решающий момент, он предпочел остаться верным системе, которая дала ему шанс выдвинуться. Когда Горбачев в мае 1987 года назначил Язова министром, он был одним из последних строевых офицеров, действительно участвовавших в войне. Ни наблюдатели извне, ни депутаты нового Верховного Совета

не могли понять, почему Горбачев опирался на него как на проводника реформ. Хотя вначале он, видимо, делал все что мог, чтобы верно служить Горбачеву, ничто из того, что я когда-либо слышал из его уст, не свидетельствовало о том, что он действительно всей душой поддерживает эту линию. Многие считали его неотесанным, но это было результатом недооценки его ума и проницательности. Он свободно оперировал подготовленными для него материалами и хотя во время переговоров нередко покрикивал, манеры его, можно сказать, были учтивыми по сравнению с манерами некоторых его коллег. Он тоже был поэт и произвел на Джилл большое впечатление своим знанием как русской, так и английской литературы. Эмма, милая советская женщина, была его второй женой, с которой он познакомился при романтических обстоятельствах. Более благоразумная, чем ее муж, она всячески отговаривала его от участия в августовском путче 1991 года, но безуспешно.

Горбачев назначил Владимира Крючкова главой КГБ в сентябре 1988 года. Вскоре у послов стало модным наносить ему визиты. Но я встретился с ним, маленьким, морщинистым человеком, сопровождаемым пухленькой женой, лишь на двух-трех официальных церемониях. Я не видел смысла в более серьезной встрече, так как мы все равно стали бы без толку препираться по поводу взаимных высылки дипломатов и журналистов или отказа КГБ разрешить Лейле Гордиевской воссоединиться со своим мужем, двойным британским агентом Олегом Гордиевским. Таким образом, я знал его лишь по его публичным высказываниям и по его мемуарам. Мемуары рисуют его как преуспевающего, умного, но старомодного партийного чиновника. Он начинал жизнь фабричным рабочим в Сталинграде, служил в советском посольстве в Венгрии во время восстания в 1956 году, был взят на работу в КГБ Андроповым и в течение четырнадцати лет руководил разведывательными операциями этого учреждения, прежде чем стать его главой. Даже после августовского путча 1991 года, с горечью оглядываясь назад, он признавал, что

перемены угрожающе задерживались из-за закоряженности и близорукой позиции советского руководства, а также потому, что партия душила нормальную политическую жизнь и оторвалась от народа. Он и его сподвижники считали, что перемен можно достигнуть, подлатав кое-какие детали системы. Однако его психология имела глубокие корни в прошлом. Подобно своему царскому предшественнику графу Бенкендорфу, он, по-видимому, искренне верил в то, что истинная и незаменимая роль тайной полиции — служить главным стражем государства и его интересов. В своих мемуарах он говорит о практиковавшемся КГБ подслушивании: «Я не видел и сейчас не вижу в этом никакого нарушения прав человека, поскольку это диктовалось интересами государства»⁴.

Крючков был апологетом Сталина и поклонником Жириновского. Когда начались реальные перемены, он не мог этого выдержать. Стал презирать Горбачева, хотя умело маскировал свою враждебность. Еще в марте 1991 года, за пять месяцев до путча, он заявил Ричарду Никсону, что твердо поддерживает реформы, и Никсон, видимо, ему поверил. Однако Крючков передал одному из лиц, сопровождавших Никсона в поездке, сообщение, в котором предупреждал, что Горбачев может быть в скором времени свергнут в результате парламентского переворота, возглавляемого Лукьяновым и поддерживаемого армией и КГБ. В то время я не слышал об этом предупреждении, однако он точно заранее описал «конституционный переворот», который Лукьянов и Крючков попытались произвести в июне следующего года⁵. Постсоветская Россия была страной снисходительной. После недолгой отсидки в тюрьме Крючков стал старшим советником по безопасности «Системы», прибыльного межотраслевого предприятия, контролируемого Лужковым, изобретательным в финансовых делах мэром Москвы при новом режиме.

Был еще один человек, с которым всегда было можно, а иногда и нужно «делать дело», — Евгений Примаков. Высоко компетентный, с медлительной речью и повадка-

ми, с глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками, и скрытым чувством юмора, Примаков в последние годы советского режима был мастером на все руки. Русский, хотя и родившийся в Тбилиси, он начинал заниматься то тем, то другим, но всякий раз ненадолго. Он был арабистом, журналистом, ученым, главой Института мировой экономики и международных отношений. Иностранцы предполагали, что он был тесно связан с внешней разведкой КГБ. Он был близок к центру самых конфиденциальных дискуссий и большинства важнейших событий последних лет пребывания Горбачева у власти. Очищение ЦК в апреле 1989 года оказалось для него выгодным. Позже в том же году он стал председателем Совета Союза и членом Президентского совета Горбачева. Во время войны в Персидском заливе был специальным послом Горбачева и тем самым снискал по сути неоправданное недоверие американцев. Он оставался в центре и в ельцинские годы. В начале 1992-го он принял от Бакатина руководство внешней разведкой; в 1996 году сменил Козырева на посту министра иностранных дел, а в 1998-м стал премьер-министром. В условиях кризиса он проявлял редкостную способность быть на стороне победителей, которая была тогда и стороной либеральных реформ. Мераб Мамардашвили, грузинский философ, хорошо его знавший, однажды сказал, что Примакова называют «хэрриэр». Когда я спросил, что это означает, он сказал: «Знаете, это такой самолет, который может взлетать вертикально». Но, несмотря на все обвинения в оппортунизме, выдвигавшиеся против него, Примаков был солидным, надежным, действенным и выносливым слушателем и посредником.

Поскольку я мог рассчитывать только на эпизодические встречи с высшими руководителями, в получении информации о происходящем и ее толковании я полагался на других. Моими лучшими гидами были редакторы и журналисты ведущих либеральных газет. Редактор «Известий» Иван Лаптев и редактор «Московских новостей»

Егор Яковлев горячо поддерживали перестройку и Горбачева. Они служили проводниками его идей и часто снабжали меня важными сведениями о том, что происходит в партии. Впрочем, они были готовы и покритиковать его в частном разговоре, а иногда и публично.

Лаптеву было за пятьдесят; это был вальяжный человек с вальяжными манерами, изысканный, седой, с загадочной улыбкой, всегда разговорчивый и, видимо, всегда откровенный. Он был хорошим журналистом и профессиональным редактором и, твердо поддерживая либеральное крыло партии, убедительно пропагандировал идеи Горбачева. Он никогда не проявлял нелояльности и ни разу не сказал мне ничего такого, чего не должен был бы говорить. Но, как бы читая между строк то, что он сказал, я обычно мог составить себе довольно ясное представление о происходящем, и оно обычно подтверждалось реальными событиями.

Отец Егора Яковлева был офицером НКВД, умершим, как это ни странно, в своей постели в самый разгар террора в 1937 году. Сам Егор был профессиональным журналистом и писателем, однако понять, что он говорил, было иногда трудно из-за быстрой его речи и неясной дикции. До того как стал редактором «Московских новостей», он то и дело попадал в беду из-за своего неконформизма. Даже в его новой роли его откровенная редакционная политика не раз вызывала конфликт с Горбачевым. В ноябре 1989 года он устроил большой прием в гостинице «Россия» по случаю годовщины своей газеты. На приеме присутствовала, казалось, вся либеральная московская интеллигенция. Егор объяснил, что он отмечает не круглую дату, а 59-ю годовщину, потому что при нынешней неясной политической обстановке нет уверенности в том, что газета доживет до своего шестидесятилетия. На вечере были многочисленные выступления представителей различных видов искусства, фольклорных коллективов, держал речь православный священник, подробно просвещавший нас относительно смысла святой Троицы, а после него вы-

ступал раввин. Я сказал краткое слово о достоинствах свободной печати. Все это «шоу» закончилось сатирическим фильмом о Горбачеве и его семье, включавшим материал, который незадолго до того был запрещен к показу на телевидении. Все это не сделало Яковлева более приятным для Горбачева, который иногда находил, что выдерживать демократию теоретически легче, чем на практике, и впоследствии стал страдать чем-то вроде паранойи британского политика, подвергающегося нападкам английской «желтой прессы».

К некоторому моему удивлению и вопреки опасениям Джилл, взаимные высылки дипломатов в мае 1989 года не отразились на наших отношениях с русскими друзьями. Они довольно здраво не обращали особого внимания на то, что КГБ проделывает за границей. Подобно всем нам, они считали, что нет ничего особенно плохого в шпионаже за иностранцами. Что их действительно волновало, так это то, как КГБ использует свою власть внутри страны. А эта власть наконец-то начинала ослабевать. Горбачев наивно полагался на информацию, — часто сознательно сбивающую с толку, — которой Крючков снабжал его почти до последнего дня. Но одну существенную вещь он сделал. Ему удалось убедить простых людей, что они могут больше не бояться власти тайной полиции, что они могут высказывать свои взгляды, публиковать и читать сочинения, которые были под запретом при советском и даже царском режиме, выезжать за границу и свободно встречаться с иностранцами. Тем самым он нарушил извечный принцип, согласно которому Россией можно надежно управлять лишь при условии ее изоляции. Он открыл целый новый мир для своего народа. Какое-то время даже самые резкие его критики среди русских либералов испытывали к нему чувство благодарности.

Новая открытость преобразила нашу жизнь в Москве. Спустя столько лет уже невозможно передать то чувство радостного волнения, которое возникало, когда одно табу рушилось за другим. Случайному гостю из-за грани-

цы крохотные инциденты — словечки, сказанные русским другом, заметка в газете, телевизионная передача — могли показаться чем-то мелким. Но для всякого, кто жил в стране прежде, во всем этом была заключена своя маленькая драма.

Мы решили встречаться с возможно большим числом русских из самых разных слоев общества как в Москве, так и за пределами ее. В шестидесятые годы всякий, пытавшийся подружиться с нами, вызывал у нас тревогу. Либо эти люди уже работают на КГБ, считали мы, либо КГБ скоро призовет их к ответу. Теперь перед нами возникали все новые лица. К осени 1988 года страх начал ослабевать с обеих сторон. Иностранцы вдруг стали модными. Русские приглашали нас к себе домой и охотно приходили к нам. Я потребовал от своих сотрудников называть мне имена новых людей, с которыми можно было бы встретиться, — политических деятелей, чиновников, военных, интеллектуалов, музыкантов, диссидентов, «отказников», журналистов, актеров, деятелей киноискусства, писателей, священников. Я, словно заяц, скакал с встречи на встречу. Мы ходили в театр, в кино, на концерты, выезжали за пределы Москвы куда хотели. Наши дипломатические коллеги были так же заняты, как и мы, так что можно было не заботиться об участии в нудных дипломатических увеселениях. Мы могли заводить дружбу с кем хотели, и принимать их такими, какие они есть.

Однако несмотря на эту новую пьянящую атмосферу свободы, наши новые друзья все-таки беспокоились. Время от времени случалось, что им задавали вопросы «органы». Еще до моего прибытия в Москву председатель советского Госбанка Гаретовский сказал мне во время обеда в Лондоне: «Мы все еще чувствуем себя не вполне уверенно. Я сорок лет в партии. Но я не представляю, как мы можем получить настоящие гарантии своей безопасности, пока партия сохраняет монополию власти», — чрезвычайно откровенное заявление, если учесть занимаемый этим человеком пост.

Центром нашей интеллектуальной жизни в Москве была кухня Лены Сенокосовой. Юра Сенокосов был философом. Это был хорошо сложенный человек сорока с лишним лет, мягкий и спокойный, мудро разбиравшийся в политике и людях и страстный русский патриот. Крестьянский сын, он вырос на Алтае, в деревянном доме, который они с отцом построили своими руками. Чтобы окончить университет, он подрабатывал строительным рабочим в Москве, а во время студенческих каникул — танцором фольклорного коллектива, гастролировавшего по самым отдаленным районам страны. Впоследствии он работал в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма» и в журнале «Вопросы философии». Он специализировался на некоммунистических русских философах конца века, пытавшихся разработать достойную уважения философскую и теологическую основу русского православия. Это вызвало его конфликт с КГБ. Они вторглись в его квартиру и конфисковали его собрание дореволюционных философских трудов. Он заявил налетчикам, что в течение ближайших десяти лет эти книги будут опубликованы в самой России. Они его высмеяли. Но он был прав, а они просчитались. В начале 90-х годов он стал редактором массового издания всех этих книг.

Происхождение Лены Сенокосовой было совсем иным: она была москвичкой, потомственной интеллигенткой, по образованию — историком искусства, выросла на одной из самых шикарных улиц Москвы. Ее отец, высокопоставленный чиновник, был после войны арестован, потому что ему было известно о намерении Сталина отдать Москву немцам. Однако он выжил. Лена прочла все и была знакома с каждым, кто принадлежал к либеральному крылу литературного мира. Ограничения брежневской эры не давали выхода ее неумной энергии. Поэтому она организовала литературный и политический салон в кухне своей квартиры на Кутузовском проспекте, расположенной почти прямо напротив здания, где мы жили во время своего первого пребывания в Москве. За ее столом мы познако-

мились со многими из тех, кто стал властителем дум в новой России. А когда Горбачев наконец ослабил ограничения, она получила возможность реализовать свои таланты и создала замечательную Московскую школу политических исследований, призванную прививать принципы гражданского общества новому поколению политиков, журналистов, ученых, чиновников и деловых людей.

Послам редко представляется случай узнать простых людей страны, в которой они работают: они слишком заняты поддержанием официальных контактов. Однако осенью 1988 года я получил письмо от какого-то гражданина, который прочитал в «Известиях» официальное сообщение о моем прибытии. Письмо было подписано: «Константин Викторович Брейтвейт». Константин жил около Новгорода, в нескольких сотнях километров к северо-западу от Москвы, и его интересовало, не родственники ли мы с ним. Какой-нибудь год назад Константин Брейтвейт вообще не посмел бы ко мне обратиться. А сейчас он приехал в Москву навестить нас и привез с собой маленькую бронзовую статуэтку танцовщицы, выполненную в стиле рококо и найденную им в немецком блиндаже на Брянском фронте во время войны. Он выгравировал на ней наши имена.

Оказалось, что в районе Новгорода, в Ленинграде и в Москве существует целое «гнездо» Брейтвейтов. Они были потомками Уильяма Брэйтуэйта, инженера, паровоз которого пришел вторым во время состязания, победителем которого была «Ракета» Стефенсона, впоследствии приглашенного царем Николаем I в Санкт-Петербург. Впрочем, с тех пор они полностью обрусели — и по внешности и по языку. Однако в душе их сохранилась ностальгия по стране, из которой происходили их родные. В советский период помнить об этом было неудобно и даже опасно, а потому воспоминания такого рода решительно подавлялись.

Двоюродный брат Константина Феликс, старший из новгородских Брейтвейтов, родился в 1915 году. До выхода

на пенсию он руководил небольшим заводом по производству строительных материалов в Новгороде. Он и его жена Анна жили в крошечной, но вполне респектабельной квартире близ новгородского Кремля. Его брат Евгений проработал до пенсии транспортным начальником на другом новгородском предприятии, а ныне вынужден был жить в коммунальной квартире и работать ночным сторожем в местном театре. Внучатый племянник Феликса Валерий был профессиональным футболистом в Центральной Азии. По странному совпадению он знал одну из горничных нашей резиденции, которая была в свое время медсестрой и присматривала за его футбольной командой. Теперь он жил в неряшливой квартире и пытался — весьма неудачно — стать «бизнесменом».

Увы, оказалось, что я никак не связан с новгородскими Брейтвейтами, хотя мне все-таки удалось найти их английского кузена Билла Брейтвейта, проживающего в Хертфордшире. Он был таким же англичанином, как его кузены — русскими, но отец его сражался на фронтах Гражданской войны, и он до конца своих дней сохранил русский акцент. Я так и ждал, что отдел безопасности Форин Оффис спросит меня, почему я не сообщил, что имею родственников в России. Но меня об этом так и не спросили.

В январе 1989 года Форин Оффис запросило, верно ли, что Горбачева того и гляди свергнут в результате переворота. Мое мнение было таково. Было уже ясно, что экономические мероприятия Горбачева были путаными, непродуманными и неэффективными. Старая система централизованного планирования была примитивной, но, по крайней мере, она хоть как-то функционировала. Теперь она была подорвана. Публичные дебаты по вопросам экономики велись в терминах, ранее идеологически недопустимых, и они были понятны: сбалансированность бюджета, сокращение инфляции, контроль над денежной массой, соблюдение соответствия между повышением заработной платы и производительностью труда. Но все эти разговоры никаких реальных результатов не приносили. Товары из

магазинов исчезали, предприятия переходили на сокращенный рабочий день. С началом выборов делегатов на новый съезд политическая нервозность усилилась. У Горбачева не было ораторского искусства, чтобы вдохновить простой народ на жертвы, как это сделали в свое время Черчилль и Рузвельт. Его бесконечные наставления все больше раздражали слушателей. Некоторые начинали поговаривать, что питались лучше при Сталине. Как русские, так и наблюдатели извне начали бояться, что толпа может выйти на улицы. Это был бы не первый случай, когда русская революция начиналась с «хлебного бунта».

В этих условиях, полагал я, мог произойти ряд вещей. Горбачев мог продолжать свою политику реформ. Он мог отказаться от нее, чтобы остаться у власти. Его место мог занять какой-нибудь ортодоксальный партийный лидер, который попытался бы модернизировать страну с помощью упорной работы и партийной дисциплины, как это делал Андропов. Его мог сменить инертный Король-Чурбан, подобно Брежневу после отставки Хрущева. Возможен был и захват власти военными националистами, русскими шовинистами, антисемитами, об «агрессивном мстительном консерватизме» которых не так давно предостерегал в публичной речи Александр Яковлев. Горбачев и его сторонники составляли в партии меньшинство. И, скорее всего, мы не получили бы никакого, а тем более заблаговременного предупреждения о его падении. Даже в условиях гласности мы мало что знали о внутреннем механизме деятельности политбюро: Горбачев мог исчезнуть в один миг, как это было с Хрущевым.

Я не считал, что ситуация уже достигла столь критической точки. Мне казалось, что политика Горбачева будет продолжать медленно продвигаться вперед, преодолевая неизбежную оппозицию. Реальных сигналов беды еще не было, как и признаков смены курса, навязанной Горбачеву реакционерами или предпринятой им самостоятельно в целях маневра. Его политическая сноровка оставалась прежней. Он не колебался в проведении своей

линии в вопросах по правам человека, сокращению военной индустрии, контролю над вооружениями. Не было заметно, чтобы позиции его противников укреплялись. Отсутствовали признаки экономического беспорядка или кровавых репрессий. Со временем его могут заставить сойти с избранного курса или снять с поста. Но реакционеры не смогут разрешить серьезнейшие проблемы России путем возвращения к методам прошлого. Даже если Горбачев уйдет, инициированные им реформы со временем непременно будут возобновлены. Я определил его шансы на успех удобной формулой «фифти-фифти».

Тем не менее, я был достаточно обеспокоен, чтобы обратиться к хранившейся в посольстве подшивке «Правды», дабы освежить в памяти, каким образом было объявлено о смещении Хрущева. Память меня не обманула. 15 октября 1964 года «Правда» писала в своей передовице: «Ленинская партия — враг субъективизма и безвольной пассивности в коммунистическом строительстве. Непродуманные замыслы, незрелые выводы, решения и действия, оторванные от реальности, хвастовство и фразерство, командирские замашки, нежелание принимать в расчет достижения науки и практического опыта — все это ей чуждо». «Полезные формулировки, — подумал я, — пригодятся, если мне когда-нибудь придется писать телеграмму, извещающую об исчезновении Горбачева».

Однако в одно я верил твердо. Я охарактеризовал Горбачева как реформатора, обладающего творческой энергией Петра Великого, но без его жестокости. Мои коллеги в Форин Оффис спорили со мной по этому центральному пункту. Я указывал, что Петр был деспотом, кровожадным садистом в отношении не только стрельцов, взбунтовавшихся против него, но и в обращении с собственным сыном. Горбачев не был ни деспотом, ни садистом. Хотя я вовсе не исключал, что в случае необходимости он прибегнет к силе для подавления мятежа внутри Советского Союза, а, возможно, и даже для сохранения советских стратегических интересов в Центральной Ев-

ропе. На протяжении следующих двух лет кровь действительно была пролита в Тбилиси, Риге, Вильнюсе, а также в Баку. Какая-то часть вины при этом неизбежно лежала на Горбачеве. Однако, в конце концов, он разошелся с кровавыми реакционерами, по крайней мере — отчасти, потому что не хотел использовать традиционные русские методы для поддержания традиционного порядка как в своей внешней империи, так и внутри страны. Правые критики обвиняли его, и обвиняют по сей день, в слабости. На самом же деле, эта слабость была одним из самых больших его достоинств.

В начале 1989 года один из моих коллег в Лондоне заметил, что политическая система в Москве, описываемая в моих докладах, напоминает аэродинамику шмеля. Все в ней кажется неразумным, но шмель каким-то образом продолжает лететь. В августе 1991 года законы аэродинамики дали о себе знать. Реакционеры устроили путч, и шмель грохнулся на землю. Это было то, чего все мы боялись. Парадокс, которого не предвидели даже те, кто взирал на происходящее особенно мрачно, заключался в том, что путч не замедлил, а ускорил процесс перемен и привел быстро и сравнительно бескровно к распаду самого Советского Союза.

4

В Советский Союз приходит демократия

Народ безмолвствует.

А.С. Пушкин. «Борис Годунов»

Если бы в многочисленных гражданских войнах, которые постоянно велись в средневековой России, победу одержала Новгородская торговая республика с ее примитивной демократией, а не мрачная, сосредоточенная на своих внутренних делах и деспотичная система, созданная великими князьями Московии, Россия стала бы совершенно другим государством. Новгород Великий был так же древен, как и Киев, а его владения — даже более обширными. Это был торговый город, входивший в Ганзейский союз, окно России на Запад. По сравнению с ним Москва была просто выскочкой, лесистым убежищем от татарских набегов. Новгород управлял своими делами через выборных чиновников, а права его князей были строго регламентированы внутренним договором. Власть принадлежала городскому собранию, вече, которое созывалось звоном колокола. Конечно, права, теоретически признававшиеся за вече, на практике жестоко ограничивались местными олигархами. Но по меркам того времени конституционные порядки Новгорода Великого были довольно-таки просвещенными. Однако они были неприемлемыми для московских князей. Иван III и Иван Грозный (первый, кто официально назвал себя царем) чинили расправу над новгородцами, подавив их независимость и свободы, уничтожив вечевой колокол и задушив демократию в самом зародыше. Впоследствии более просвещенные цари и их советники время от времени

создавали законодательные органы. Но до последнего десятилетия существования старого режима эти органы были назначаемыми, а не выборными. Принятые ими законы регулярно отменялись указом императора или каким-нибудь актом правительства — вернейший способ порождать неразбериху, которая продолжала царить и в постсоветской России. Половинчатые попытки создания законодательных собраний проваливались одна за другой или просто оказывались неэффективными.

Готовясь все это изменить, Горбачев опирался на свой юридический опыт, хотя это и был опыт человека, обучавшегося в системе советского права. Он утверждал, что страна должна, наконец, стать правовым государством, *Rechtsstaat*, страной, где даже высшая политическая власть подчинена закону. Возможно, Горбачев не представлял себе всех практических и институциональных последствий своих идей: учитывая его жизненный опыт, было бы странно, если бы дело обстояло иначе. Скептики в Советском Союзе и на Западе говорили, что «демократизация» совсем не то же самое, что «демократия», добавляя: все это просто еще один коммунистический заговор. Однако, когда Горбачев заявил в декабре 1988 года на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что он твердо намерен осуществить «демократическую реформу всей системы власти», он имел в виду именно то, что сказал. Николаю II демократию навязали после революции 1905 года, и он со своими реакционными советниками делал все, чтобы подрывать ее. Горбачев ввел демократию добровольно и успешно. После того как Советский Союз распался, общепринятым мифом в самой России и на Западе стало утверждение, что демократия возникла в стране лишь после того, как президентом стал Ельцин. Это большая несправедливость в отношении Горбачева и миллионов людей, которые воспользовались возможностями, представленными им Горбачевым, для выражения своих взглядов.

В конце октября 1988 года Горбачев вынес на публичное обсуждение конституционные предложения, ранее из-

ложенные им на 19-й партконференции. Политическая обстановка становилась все более бурной. Произошли националистические демонстрации в прибалтийских республиках и в Тбилиси. Литовцы отказались от советского флага. Эстонский парламент принял декларацию о суверенитете и присвоил себе право налагать вето на любые советские законы. В конце ноября в Большом Кремлевском дворце, построенном в 1832 году как московская резиденция царей, — массивном здании, расположенном прямо напротив дома Харитоненко, — в последний раз собрался Верховный Совет старого образца. В середине 30-х годов Сталин устроил из двух элегантных залов дворца длинную, узкую безобразную палату, стены которой были обиты столь любимой советским режимом бледной фанерой, а мебель покрыта плюшем — обстановка, рассчитанная на то, чтобы усмирить наиболее непокорных парламентариев, подобно тому, как в чай солдатам подмешивают бром. Политическое руководство сидело на высокой трибуне лицом к делегатам, прижатым друг к другу на выстроенных в несколько рядов узеньких сиденьях, подобно судьям из «Приключений Алисы в Стране Чудес». Дипломаты, журналисты и все остальные, кому удалось получить билет, были тщательно изолированы от всякого контакта с депутатами. Их запихнули в маленькие ложи, похожие на открытые ящики комода. Следить за происходящим они могли, лишь опасно перегнувшись за барьер и чуть не вывихивая шею. Палата была идеально непригодна для свободных дебатов на глазах всей страны.

Депутатам, участвовавшим в этом последнем заседании, было предложено одобрить порядок избрания своих преемников на Съезд народных депутатов нового образца. Они одобрили предложения с традиционной дисциплинированностью, послушно поднимая руку, когда происходило голосование. Это была последняя столь упорядоченная картина в истории Советского Союза.

И все-таки голосование не всегда было единогласным. В соответствии со своими собственными новыми кон-

ституционными поправками, правительство было обязано внести на утверждение Верховного Совета два постановления, регулирующие действия властей в случае общественных беспорядков. Члены прибалтийских делегаций проголосовали против обоих. Почти наверняка это был первый случай негативного голосования, имевший место в советском общественном собрании, с тех пор как Сталин вывел подобные протесты из моды. Инцидент произвел на короткое время сенсацию как за границей, так и в стране. Это был предвестник неуправляемой демократии, воцарившейся в Советском Союзе весной 1989 года.

1 декабря 1988 года Верховный Совет утвердил в качестве закона избирательную систему, положившую конец его бесславному существованию.

Ельцин был естественным центром притяжения для всех, кто надеялся на радикальные перемены. Мы увидели его впервые в 1988 году на приеме в Кремле по случаю годовщины Октябрьской революции. Он стоял в стороне от руководителей политбюро и правительства. Некоторые нерешительно к нему подходили, другие осторожно избегали. Джилл хотела сразу же подойти к нему и заговорить. Но я считал, что во время нашего первого появления на публике нас не должны были видеть общающимися западника с человеком, все еще пользующимся скверной политической репутацией. С моей стороны это было проявлением малодушия и одновременно дипломатического благоразумия, о котором я впоследствии сожалел. Джилл могла подойти и поговорить с ним, не обращая на меня внимания, а я бы потом был ей за это благодарен. Но в те первые дни она еще склонна была думать, что я знаю, что делаю. Так или иначе, но мы, по крайней мере, получили представление об этом человеке: солидный, с внушительной внешностью — полная противоположность маленькому непоседливому Горбачеву. Его кажущееся здоровье опровергалось его историей болезни. У него было большое сердце, больной позвоночник, частые приступы депрессии. Даже в самом начале своей политической карьеры он

исчезал с публичной сцены иногда на несколько дней, а иной раз и на несколько недель. Но в общем он выглядел как обычный русский мужик или даже русский богатырь, герой фольклорной сказки и народного мифа. Простым русским он понравился с самого начала. Поправился потому, что, в отличие от Горбачева, пил и сваливался в реку так же, как и они сами. А также потому, что выступал против системы, которую они ненавидели, боялись и презирали. И еще он понравился им потому, что был жертвой несправедливости, а у русских слабость к ее жертвам. Он был не чужд личного тщеславия, его седой хохолок был всегда безукоризненно причесан и выложен волнистой линией, которая сохранялась даже в разгар игры на теннисном корте или во время плавания.

Выборы дали Ельцину возможность восстановить свои позиции. Конечно, он был еще далек от того, чтобы его можно было считать либеральным демократом, ориентирующимся на рыночную экономику: он все еще стоял за «социализм с человеческим лицом» и еще не отказался от однопартийной системы¹. Собственно говоря, прошел почти год, прежде чем он вышел, наконец, из коммунистической партии. Но вокруг него группировалось все большее число демократов и антикоммунистов. Егор Яковлев, считавший Ельцина малопривлекательной личностью, полагал, что его успех на предстоящих выборах был бы событием величайшего символического значения для новой советской демократии. Так оно и оказалось. Ельцин участвовал в блестяще организованной избирательной кампании. По всей стране люди соревновались за то, чтобы иметь его своим кандидатом: в его родном Свердловске и в таких местах, как, например, Архангельск, с которыми раньше он никак не был связан. Но его окончательный выбор пал на Московский регион, электорат которого был равен почти семи миллионам. Как рассказал мне впоследствии Андрей Сахаров, в день голосования Ельцин поставил возле каждой кабины для голосования двух или трех человек, которые должны были следить за тем, чтобы все было по-чест-

ному. Это почти десять тысяч человек — громадное достижение, учитывая, в сколь невыгодное положение он был поставлен.

Обратившись к Московскому избирательному округу, Ельцин поднял ставки до предела. Горбачев или, возможно, кто-то из его окружения принял контрмеры. Вновь начала циркулировать очерняющая пропаганда по поводу характера и поведения Ельцина, как это было во время его опалы в 1987 году. Реакционеры в ЦК пытались вычеркнуть из списков его кандидатуру на том основании, что он нарушил партийную дисциплину, высказавшись в пользу многопартийной системы, — курьезный анахронизм, имевший место тогда, когда политическая монополия партии уже явно исчерпала себя. Соперничество между Ельциным и Горбачевым стало теперь движущим фактором русской политики. Однако в этом заключался главный парадокс. Оба они проделали путь от нищеты и безвестности в провинции к центральной власти, и путь этот был ими проделан самым традиционным советским образом — благодаря их личным талантам и покровителям в самой партии. Оба деятеля любили власть, как ее должен любить всякий преуспевающий политик. Однако Горбачев обладал кроме этого чувством стратегии, хотя иногда оно казалось наивным. Но у него были осознанные цели и целый набор тактических приемов для их достижения. Ельцин же в своем стремлении к власти гораздо больше руководствовался интуицией. До последнего момента он высказывался в пользу сохранения федеративных или хотя бы конфедеративных связей между составными частями старой русской империи. В то же самое время на практике он пользовался идеей независимой России для того, чтобы ослабить и дискредитировать советское правительство и таким образом изолировать Горбачева — шаг к тому, чтобы вовсе его устранить. Если не считать нескольких лозунгов, никакой политической философии у него не было. Различные тонкости насчет правового государства, нового мышления в вопросах внешней политики, мира, свободного от ядерного ору-

жия, — все это было не для него. Его познания в области экономики были скудны. Он часто не следил систематически даже за повседневной политической жизнью. Номенклатурные чиновники и их жены либо презирали Ельцина, как клоуна, либо боялись его, как демагога. Я относился к нему с подозрением почти до самого конца, отчасти, без сомнения, под влиянием слухов и сплетен не всегда ложных, усердно распространявшихся против него.

В отличие от самого Ельцина, многие новые демократы, бросившие вызов системе, были интеллектуалами. Большинство из них были выходцами из Москвы и Ленинграда и почти все без исключения были членами коммунистической партии. Некоторые были непоколебимыми поборниками «нового мышления», впервые позволившими себе смотреть на вещи не ортодоксально еще в 60-х годах. Среди них были университетские профессора, не имевшие, несмотря на свое членство в партии, никакого политического опыта. Некоторые весьма успешно проявляли себя на ораторских трибунах, на улицах и в парламенте. Им нравились внешние атрибуты власти. Они делали все что могли для продвижения реформы. Но большинство из них не обладало целеустремленным и интуитивным умением Ельцина эффективно пользоваться властью. Они начинали как союзники Горбачева, разочаровались в нем и в итоге обратились против него. Горбачев сам в скором времени стал называть их «демократами» в кавычках и считать ненадежными и даже настроенными предательски. К концу 1990 года они сникли. После крушения Советского Союза некоторые из них остались на политической арене новой республики, некоторые нашли себе странных попутчиков в среде левых некоммунистов или отъявленных правых националистов, кое-то вернулся в мир науки или бизнеса, а кое-кто в безвестную частную жизнь.

Поразительный пример являл собой Юрий Афанасьев, красивый коренастый человек родом из Ульяновска, где родился Ленин. В 1986 году он стал ректором Московского государственного историко-архивного института, распо-

ложенного в выдавшем виды старом здании неоготического стиля в Китай-городе, на месте первой в России типографии и совсем рядом со зданием ЦК. С этого удобного пункта он вел беспощадное наступление на советскую версию истории России. Он считал, что никакие реформы долго не продержатся, если страна не будет знать правду о своем прошлом. Он был одним из первых среди тех, кто утверждал, что Ленин так же преступно виновен в бедствиях, которые начались после Октябрьской революции, как и Сталин. Впоследствии он стал весьма умелым публичным политиком, организуя одну за другой демонстрации против старого режима и против Горбачева. Однако он не был будничным политиком, и когда все кончилось, он вернулся к академической жизни в роли ректора нового независимого Гуманитарного университета в Москве.

Я впервые посетил Юрия Афанасьева в декабре 1988 года. Мы немедленно углубились в спор относительно смысла истории, о вине и о покаянии. В России история никогда не была политически нейтральной. И Сталин, и цари преследовали неортодоксальных историков, всякий раз переписывали историю заново, когда это было политически выгодно. Пересмотр советской истории в условиях гласности начался как акт протеста. Некоторые стыдились того, что делалось от их имени, и просто хотели установить правду. Другие стремились воссоздать ощущение единства их прошлого, ликвидировать брешь, образовавшуюся в результате господства коммунистического режима. Были и такие, кто считал, что исторические споры можно использовать как еще один рычаг для свержения тех, кто находился у власти. Какое-то время царил радикальное отвержение всего, что произошло в России за предыдущие семьдесят лет.

Простые люди, знавшие только ту версию истории, которой их обучали в советских школах, были ошеломлены потоком новых фактов, разоблачений и новых интерпретаций. Они говорили в шутку, что Советский Союз — страна с непредсказуемым прошлым. Летом 1988 года в

школах были отменены экзамены по истории, потому что в них больше не было никакого смысла. К осени либеральные газеты состязались друг с другом в описании сталинских зверств. Одно за другим массовые захоронения — 200 тысяч человек под Минском, столько же под Киевом, — которые раньше скрывались или объявлялись делом рук немецких оккупантов, признавались результатом «работы» НКВД — довоенной, периода войны или даже послевоенных лет. Количество людей, пострадавших во время террора и коллективизации, публично обсуждалось. Начали издаваться труды ученых, писателей и экономистов, уничтоженных Сталиным.

Какое-то время Бухарин, старый большевик, казненный по приказу Сталина в 1938 году, превозносился как образец либерального коммуниста, чьи идеи еще могли спасти систему, и его вдова начала давать интервью прессе. Все более объективно исследовалась роль Троцкого. Советская внешняя политика также подвергалась тщательному анализу; прибалты объявили, что пакт Молотова-Риббентрона был не только несправедливым, но и незаконным. Наиболее отважные иконоборцы шли еще дальше и публично провозглашали свой окончательный вывод: эксцессам Сталина предшествовали эксцессы Ленина и, возможно, они были изначально заложены в идеологии самого Маркса. Когда солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» был, наконец, в 1990 году опубликован в Советском Союзе, он стал бестселлером. Еще более шокирующим рядового советского гражданина был беспощадный обвинительный акт против Ленина в книге Василия Гроссмана «Все течет...» и сравнение, которое он проводил между режимом Сталина и Гитлера в романе «Жизнь и судьба».

Дискуссии имели немедленные и мощные политические последствия. По какому праву партия, направлявшая все эти преступления, осуществляет «руководящую роль» в стране? Демократы всюду использовали этот довод. Реакционеры среди коммунистов пытались поло-

жить конец дискуссии. Однако эта проблема, как и многие другие, быстро вышла из-под контроля партии.

Во время нашей первой встречи с Афанасьевым я пытался убедить его, что пересмотр истории уже достиг значительного прогресса. Но все политические системы нуждаются в мифах, которые придавали бы им легитимность. У англичан есть их монархия. Что будет у Советского Союза, если Ленин и Октябрьская революция будут демифологизированы? Сталина и его преступления необходимо было разоблачить и осудить. Советский Союз должен стать правовым государством. Но мог ли Горбачев на практике проводить политику, развенчивая основополагающие мифы? Не даст ли это его противникам важное оружие против него?

Афанасьев решительно с этим не соглашался. У Горбачева могут быть свои тактические проблемы. Но наружу вышли ужасающие факты, а значение их почти никак не было подвергнуто обсуждению. Горбачев все еще пытается доказывать, что коллективизация была оправданным шагом в направлении социализма, хотя за нее и было заплачено слишком дорогой ценой. Но коллективизация вообще не имела к социализму никакого отношения. И пока Ленин и Октябрьская революция остаются окутанными мифами, пока с ними невозможно обращаться как с «объективными фактами» научного исследования, с относительной свободой, которой пользуются историки, может быть в один миг покончено. Афанасьев признал, что всякая попытка подавления натолкнется теперь на сопротивление, и тогда может пролиться кровь. Многие московские интеллектуалы, с которыми я встречался в те первые месяцы, разделяли его пессимизм. Статья, появившаяся в ту зиму в «Новом мире», заканчивалась призывом к свободной переоценке доктрин отцов-основателей советского государства. «Но без пуль и кровопролития. Этого у нас и так было более чем достаточно. Давайте вместо этого сражаться аргументами и фактами».

Афанасьев затронул радикально важную проблему. Сможет ли нация признать свою вину? Психологическая драма, которую испытали русские в связи с крушением Советского Союза, была столь же сильна, как и драма, пережитая немцами и японцами после 1945 года. Многие, как внутри страны, так и за границей, доказывали, что русские не смогут смириться с настоящим, пока не поймут свое прошлое.

Но для них эта задача оказалась еще более трудной, чем для немцев. Немцы боролись с прошлым, которое длилось всего двенадцать лет и которое никто, кроме горстки фанатиков, не намерен был оправдывать; кроме того, они потерпели неоспоримое поражение в войне. Русские выиграли войну, и победа казалась многим своего рода оправданием режима.

К тому же, сколь бы ни был режим действительно жестоким, он опирался на благородную традицию. Европейцев, совершавших революции на континенте во имя «прав человека», «свободы, равенства и братства», воодушевляли благородные идеи. В Западной Европе современники свержения русского царя рассматривали это событие как избавление от тирании, как часть более широкой революционной традиции, родившейся в Европе из движения романтизма и французской революции. Эти образы революции все еще живут в сознании солидных слушателей, аплодирующих музыкальной версии «Отверженных».

Идеалы революционного социализма были дискредитированы преступлениями, которые были совершены под его знаменем. Но некоего рода романтическая традиция продолжала жить в Советском Союзе и в период террора, и в годы войны с Германией, и в годы послевоенного восстановления. Она владела умами и чувствами не только партийной элиты, но почти всех граждан Советского Союза, включая даже тех интеллектуалов, которые воображали, что освободились от своих идеологических целей. Советский народ, отрезанный от внешнего мира, действительно верил в то, что в наиболее существенных от-

ношениях его система превосходит систему Запада: социализм и идеи Ленина — это ключ к более процветающему и справедливому будущему человечества. Люди сами пережили победы, надежды и бедствия советского периода. И после крушения они не могли согласиться с тем, что их жизни и многочисленные жертвы были напрасны в погоне якобы за ложным и разрушительным идеалом. Они не могли попросту отмахнуться от истории своей страны, как от непрерывной серии катастроф.

Поэтому некоторые из них подчеркивали технические достижения Советского Союза, его победу в войне и его успехи — пусть недолговечные — в состязании с американцами. Незначительному меньшинству удалось себя убедить в том, что преступления большевиков и советского режима были сильно преувеличены внутренними и внешними врагами, или что их вовсе не было, или что это были вовсе не преступления. Хотя было при этом, конечно, немало и тех, кто находил обидным тот факт, что начальники концентрационных лагерей, палачи и агенты тайной полиции живут на государственную пенсию в государственных квартирах, в то время как их жертвы все еще бедствуют. Время от времени раздавались призывы отдать виновных под суд.

Общество «Мемориал», основанное Сахаровым и возглавляемое академиком Лихачевым и другими видными либеральными интеллектуалами, делало что могло, чтобы установить факты и поставить монументы в память миллионов погибших. Однако, в конечном счете, так ничего и не было сделано. Были разоблачения в конце 80-х годов. Было несколько ярких речей Ельцина и его сторонников, сразу же после путча 1991 года. Однако позже лидеры России уже не выступали с официальными признаниями вины, лежащей на советском режиме.

Многие лица, особенно иностранцы, никогда не жившие в России или при каком-либо тоталитарном режиме, считали это роковым упущением. Если русские не предадут виновных суду, если они не признаются в своих кол-

лективных грехах, не может быть никакой гарантии того, что грехи не повторятся. Однако говорить так — значило подходить к России со слишком суровой меркой. В отличие от немцев, чехов или даже южноафриканцев, русские на протяжении трех поколений жили под властью режима, при котором взаимное доносительство и «юридические» убийства были неотъемлемой частью повседневной жизни. Очень немногие люди, принадлежавшие к доперестроечному поколению, имели вполне чистую совесть. Люстрация по примеру чехов, несомненно, выявила бы главных преступников. Но она разоблачила бы и бесчисленное множество в остальном порядочных людей, которые под нажимом полицейского государства были вынуждены идти на компромисс, лгали, доносили на своих коллег или даже на своих друзей и родственников. Бремя, которое легло бы на общество, и без того трудно переносившее травмирующие перемены, могло бы стать совсем нестерпимым. Иллюзией было думать, что в этом случае можно было организовать какой-нибудь приемлемый судебный процесс. Для всех русских это просто был бы еще один процесс в зловещей серии показательных судов, веками калечивших русскую историю. Со временем болезненная проблема рассосется: помогут время, уход поколений, живших при социализме, и радикальные перемены, преобразующие характер русского общества. Хотя это едва ли удовлетворит тех, кто привык мыслить строго и логично, и тех, кто стремился к отмщению или жаждал полной справедливости. Но, вероятно, это было единственно возможное решение, и ему отдавали предпочтение как Горбачев, так и Ельцин.

Анатолий Собчак, в отличие от Афанасьева, предпочитал действовать в политических организациях, а не на улицах. Собчак тоже был профессором. Он родился в Сибири и впоследствии стал деканом юридического факультета Ленинграда. Он вступил в партию, по причинам, до сих пор кажущимися неубедительными, лишь в 1988 году. Мы впервые встретились с ним на триумфальном концер-

те Ашкенази, который только что вернулся на родину — в конце 1989 года. Это историческое событие закончилось фарсом. Вышла из строя звукозаписывающая аппаратура. Аудитория, естественно, решила, что она была советского производства, и испытала громадное облегчение, узнав, что виновником была Би-би-си. Собчак на концерте был с женой. Это была красивая и привлекательная пара. К тому времени он был уже известным политическим деятелем, горячим сторонником Горбачева и перестройки и неутомимым критиком партии. Он провел блестящую кампанию во время выборов в марте 1989 года, баллотировавшись в качестве независимого кандидата в одном из избирательных округов Ленинграда против ставленника партии, и одержал сокрушительную победу во втором туре. Он был действенным парламентским реформатором и во многих отношениях искусным политическим деятелем. В мае 1990 года он был избран председателем Ленинградского горсовета, а в июне 1991-го — мэром города, который в скором времени был переименован в Санкт-Петербург. Одно время о нем поговаривали, как о будущем Президенте России.

Но у Собчака было несколько слабостей. Он оказался плохим администратором, и его практические действия на посту мэра не оправдали надежд избирателей. Как и Горбачев, он слишком много говорил как публично, так и в узком кругу, и его высокого тембра голос стал в конце концов действовать слушателям на нервы. Жители Санкт-Петербурга обвиняли его жену в том, что она слишком много себе позволяет, и сравнивали ее с Райсой Горбачевой. Радикалы в городском совете, неспособные, как и многие русские радикалы, к компромиссу ради общего дела, нападали на него еще более ожесточенно. Он держался до момента поражения на выборах мэра летом 1996-го: к тому времени от его популярности ничего не осталось. Политические соперники обвинили его в коррупции, и он попросил политического убежища во Франции. Вскоре после возвращения в Россию весной 1999 года, он умер. В качестве жеста верности (одна из наиболее

привлекательных черт президента) Владимир Путин, работавший в свое время в должности заместителя Собчака в Санкт-Петербурге, присутствовал среди тех, кто пришел на его похороны.

Гавриил Попов и Галина Старовойтова были тесно связаны с Собчаком и Афанасьевым. Попов был коммунистом и профессором экономики Московского университета. Это был человек с неуклюжей фигурой, седыми щетинистыми волосами и седыми же усами. Я никогда не видел его в галстук, кроме одного случая, когда он надел его ради г-жи Тэтчер. Совсем не похожий на смутьяна, он участвовал вместе с Афанасьевым в организации самых массовых демонстраций в Москве в 1990 и 1991 годах. Но он тоже попытался войти во власть. В апреле 1990 года его избрали мэром Москвы. На этом посту он придерживался разумных и умеренных взглядов. Гостям он говорил, что экономика будет функционировать нормально лишь при условии, если правительство, а главное — партия, перестанут в нее вмешиваться. Демократические свободы могут быть обеспечены лишь на основе частной собственности. Однако ему скоро стали завидовать, и он начал подвергаться критике. Критики заявляли, что его методы авторитарны, а меры по приватизации неэффективны. Его обвиняли в том, что он по собственному произволу раздает муниципальную собственность своим друзьям. Фалин, начальник международного отдела ЦК, довольно несправедливо сказал о нем: «Не государственный деятель, даже не профессор, а всего лишь мелкий чиновник, пятая спица в колесе». К концу 1991 года Попов заговорил об уходе в отставку и вскоре вернулся в мир науки.

Галина Старовойтова родилась на Урале в 1945 году. Это была крупная, общительная, энергичная и бескомпромиссная женщина. Она изучала в Ленинграде военное инженерное дело, но затем переключилась на психологию и этнографию. Ее специальностью были проблемы этнических меньшинств, и хотя она была русская, ее избрали в марте 1989 года депутатом от избирательного округа в

Армении — говорить в Верховном Совете о горестях армянского народа, что она и делала с большим жаром.

Старовойтова была одной из горстки женщин-политиков, обязанных своей карьерой только самим себе, женщин, которые выдвинулись на видные роли в последние годы существования советского режима. Несмотря на риторические декларации о социалистическом равенстве и сиропные сентиментальности, которыми сопровождались (даже по сей день) такие события как Международный женский день, всего три женщины за время существования СССР входили в состав политбюро, две из них в годы правления Горбачева. В ЦК партии женщины никогда не составляли более 4 процентов от общего числа членов. В «беззубом» Верховном Совете, не избиравшемся, а назначавшемся, пропорция была выше, отчасти потому, что здесь действовала система квот. Такое же положение наблюдалось в верхних эшелонах Академии наук, в университетах и в организациях, управлявших советской журналистикой, литературой и культурой. Женщин в массовом масштабе обучали различным профессиям, но незримый потолок беспощадно давил на них. Одна женщина, подходившая профессионально на должность в Министерстве иностранных дел, ушла с возмущением, потому что единственное, что ей предложили — работать секретаршей. Женщины больше мужчин страдали от скверного состояния здравоохранения. Отсутствие противозачаточных средств вело к очень большому числу аборт.

В новой России положение несколько улучшилось. Предприимчивые женщины получили возможность заняться бизнесом или своими собственными проектами, и на общественной сцене стали появляться женщины-политики. Но число их оставалось ничтожным. Руководителями новой политики и нового бизнеса по-прежнему оставались мужчины. С отменой квот пропорция женщин в русском парламенте, избранном в 1993 году, оказалась еще меньше, чем в предшествовавшем ему советском. Независимые женские организации, начавшие при Горба-

честве борьбы за права женщин, при Ельцине утратили свое влияние. Некоторые учреждения, функционировавшие при старой системе, пришли в упадок. Детские сады и летние лагеря для детей закрылись из-за отсутствия денег. Женщинам пришлось нести на себе еще более тяжелое бремя ответственности за свои семьи, ибо мужья их потеряли работу и впали в депрессию. Россия остается обществом, в котором власть принадлежит мужчинам, и, судя по всему, положение это изменится еще не скоро.

Старовойтова впала в немилость сначала Горбачева, а потом Ельцина: оба они не соответствовали ее неистово пылким идеалам. О ней говорили как о возможном министре обороны (сколь бы невероятно это ни звучало в стране, где вооруженными силами никогда не руководило гражданское лицо, не говоря уже о женщине), и в 1996 году она выдвигала свою кандидатуру на пост президента. В 1995-м ее выдвинули кандидатом от одного из избирательных округов в Санкт-Петербурге. В ноябре 1998 года она была убита наемными убийцами по причинам, невыясненным до сих пор.

Андрей Сахаров был одним из главных наставников Старовойтовой. Я виделся с ним только однажды, так как стеснялся стать еще одним иностранцем, приходившим просто поглазеть на него. Однако в марте 1989 года я должен был передать ему письмо — в связи с подготовкой к предстоящему летом присвоению ему почетного докторского звания в Оксфорде. Он встретил меня очень вежливо, предложив место на диване в маленькой комнате его квартиры. Его тонкое лицо и утонченные манеры излучали атмосферу чистоты. Он был в это время в самой гуще ожесточенной и противной борьбы за избрание на Съезд народных депутатов. Но он считал своим долгом — и я ему верил — стойко выдержать все. Особое беспокойство в тот момент у него вызывала Абхазия. Абхазское меньшинство хотело отделиться от Грузии, и это было чревато большой бедой. Я не признался в том, что имею лишь самое смутное представление, где находится Абхазия, хотя позже вспом-

нил, что в 1964 году мы с Джилл случайно там побывали, когда местный автобус въехал на ее территорию с одного конца и выехал с другого. В то время это была территория, закрытая для иностранцев, и нам повезло, что нас не задержали и не отправили с позором назад в Москву.

Сахаров тратил массу энергии как на Съезде народных депутатов, так и в отчаянных попытках посредничать в кровавых этнических конфликтах, перекидывавшихся, словно лесной пожар, с одного района на другой. Он постоянно предостерегал, уговаривал, критиковал Горбачева за то, что тот недостаточно быстро продвигается в направлении конституционного государства. Его политическая наивность иной раз вызывала конфликты. Так, он заявил на съезде, что советская авиация бомбила собственные войска в Афганистане, чтобы они не попали в плен к противнику. За это на него жестоко накнулись два высших армейских офицера. Справедливо ли было высказанное им обвинение или нет, оно неизбежно должно было вызвать ярость патриотов и вряд ли могло привести к каким-либо положительным результатам, поскольку афганская война уже закончилась. Надо было быть очень уверенным в своих выводах, прежде чем позволить себе унижать людей в военной форме. В этом убедились на личном горьком опыте в свое время Барбара Касл, член британского парламента от лейбористов, обвинившая английские войска в том, что они применяли пытки на Кипре.

Я иногда думал, что Сахаров настроен слишком критически, что он делает жизнь для Горбачева излишне трудной и что он с большей легкостью достиг бы своих целей, если был менее категоричен в своих суждениях. Я был неправ. Его противостояние советской системе, его идея, что Россия сможет выжить лишь при условии, если она станет открытым обществом, были незаменимой интеллектуальной и политической предпосылкой перестройки. Его мужество, его стойкость, его целеустремленность заставляли чувствовать себя маленьким рядом с ним. В отличие от Солженицына, он никогда не участво-

вал в междоусобицах, которые так часто портили отношения между диссидентами. Новая Россия, отчаянно борющаяся за то, чтобы наконец родиться на свет, нуждалась в таком человеке, как он, — мужественном воплощении совести нации. После его преждевременной смерти, когда перестройка все больше сбивалась с пути, его голоса отчаянно не хватало.

Новая избирательная система Горбачева была причудлива по своей сложности. С ее помощью предполагалось достигнуть двух целей: дать избирателю возможность действительного выбора между кандидатами и обеспечить коммунистической партии господствующее место в парламенте. Независимые кандидаты в этой ситуации не могли быть уверены в своем избрании, и никакого положения об организованных политических партиях не предусматривалось. Горбачев все еще не смирился с идеей многопартийной системы — для окружавших его «твердолобых партийцев» она была настоящим проклятием.

Порядок предлагался следующий. 1500 депутатов должны были избираться от территориальных округов. Половину — составлять депутаты от 750 одномандатных округов, каждый из которых насчитывал около 300 тысяч избирателей. Такие округа должны были появиться по всей стране. А другую половину — депутаты от 750 «национально-территориальных» избирательных округов, созданных на основе составных частей Советского Союза: прибалтийские республики, Грузия, Армения и так далее. Москва, которая была разделена на ряд нормальных избирательных округов, также была «национально-территориальным» округом со своими 6,7 миллионами избирателей. И еще 750 депутатов должны были избираться так называемыми общественными организациями, действовавшими в роли избирательных коллегий. Крупнейшей среди них была Коммунистическая партия Советского Союза, за которой было закреплено сто мест, для того чтобы — признавался Горбачев — гарантировать, что ведущие члены партийного руководства не будут отвергнуты избирателями². Самой ма-

ленькой из общественных организаций был Союз советских филателистов, располагавший всего одним местом. В числе других общественных организаций были Академия наук, творческие союзы (писателей, музыкантов, кинематографистов и так далее). Этот явно недемократический порядок вызвал большую критику за рубежом. Мои друзья его защищали. Без какой-то подобной системы, говорили они, в новый законодательный орган будет избрано недостаточно интеллектуалов. На это я возражал, что в Англии большинство из нас меньше всего хочет иметь парламент, в котором много интеллектуалов, — больно много умников! Моих друзей эта шутка не смешила.

Избирательная кампания развернулась в начале января 1989 года. Дело было нешуточное: предвыборные махинации, а то и кое-что похуже, полемика в прессе, публичные скандалы в связи с выдвижением кандидатов, попытки правящей коммунистической партии нарушать свои же собственные правила, когда они приводили к нежелательным результатам. Всюду, где только можно, местные партийные боссы манипулировали процедурой отбора, стараясь обеспечить, чтобы на каждое место был только один кандидат. Они считали, что народ, запуганный и как всегда апатичный, послушается их указки. Но они ошиблись. Избирательный закон предусматривал два основных условия признания результатов выборов правильными. Победивший кандидат должен был получить 50 процентов голосов плюс один голос. И в голосовании должны были принять участие более 50 процентов лиц, имеющих право голоса. Если какое-либо из этих условий не было соблюдено, через две недели назначались новые выборы, в которых два кандидата, набравшие большинство голосов в первом туре, состязались друг с другом. Но если в первом туре был лишь один кандидат, а названные условия не соблюдались, он больше не мог участвовать в выборах. В ряде важнейших избирательных округов быстро сообразили, что если на выборы придет меньше половины избирателей или большинство из них испортит свои бюл-

летени, можно заблокировать выборы даже в случае, если выдвигается лишь один кандидат.

Таким образом, так же как и на демократических выборах в странах Запада, первая битва велась за то, чтобы быть выдвинутым в кандидаты. Впервые либералы, демократы, политические новички и просто честолюбцы получили возможность прорваться на политическую арену, не проходя трудный путь утверждения различными партийными органами. Между тем могущественные чиновники номенклатуры со всей решимостью держались за свою монополию власти. Баталии происходили на публичных собраниях, на работе, дома, в наполненных табачным дымом комнатах. Произносились страстные речи, шли бесконечные собрания, проводились повторные выборы, результаты фальсифицировались и оспаривались. То был не слишком опрятный демократический процесс, во всех подробностях освещавшийся печатью, которая становилась все более любопытной и все более откровенной. В больших городах — Ленинграде, Киеве и в несколько меньшей степени в Москве — местная партийная машина была достаточно сильной, чтобы уменьшить шансы нежелательных кандидатов, а то и вовсе заблокировать их избрание. В некоторых городах и во многих сельских избирательных округах число вакансий было равно числу кандидатов, каждый из которых был проверенным и испытанным членом номенклатуры. Кандидаты от «общественных организаций» отбирались партийными карьеристами, занимавшимися подобной работой десятилетиями. Они тоже пытались с помощью тайных манипуляций сократить списки, доведя дело до знакомого и удобного порядка: одно место — один кандидат.

Угодливые слуги тоже добивались известных успехов. Многим либералам не удалось стать кандидатами. То там то сям в ход пускались силовые приемы. Собрание избирателей, обсуждавших кандидатуру Коротича, редактора либерального еженедельника «Огонек», было сорвано хулиганами из организации «Память», выкрикивавшими

антисемитские лозунги. Однако подручным реакционеров не всегда удавалось добиться своего. В коммунистической партии процесс отбора принес ожидаемые плоды. Было выдвинуто сто кандидатов на сто мест, зарезервированных для партийных руководителей. На заседании ЦК, игравшего роль коллегии выборщиков, присутствовал 641 человек. 78 из них проголосовали против выдвижения Лигачева и 59 — против Яковлева. Собственно говоря, эти люди голосовали против всякого, кто хоть чем-нибудь выделялся: представителей как левого, так и правого крыла в политбюро, представителей либеральной интеллигенции, против любого, на кого было обращено внимание общества. Только никому не ведомые личности получали единогласную поддержку — рабочие и доярки, которые по традиции неизменно получали места в прошлых Верховных Советах. Против самого Горбачева было подано 12 голосов. В Академии наук борьба была более ожесточенной. Процедурой отбора руководил академик Кудрявцев, директор Института государства и права. Он прибегал к всевозможным ухищрениям, чтобы помешать включению в список кандидатов Сахарова и других либеральных ученых. Но либералы не желали, чтобы им навязывали чужое мнение. Они проголосовали против заранее составленного списка, и процедуру отбора пришлось начинать сызнова. На этот раз Сахаров получил место в списке. Обо всех этих волнующих событиях подробно сообщала московская «фабрика слухов» и все более регулярно — печать.

В марте мы с Джилл отправились в северные города Мурманск и Архангельск, чтобы посмотреть, как избирательная кампания проходит в провинции. Мурманск был основан как база для поставок Антантой вооружения во время Первой мировой войны. Этой же цели он служил и в период Второй мировой войны, когда арктические конвои доставляли туда оружие союзников. Тогда его разбомбили вдребезги. В теплую сыкотную погоду он выглядел не самым лучшим образом: строй ничем не примечатель-

ных советских жилых домов и служебных зданий, протянувшихся на двадцать один километр вдоль голого залива. У северной его оконечности возвышался громадный военный монумент — памятник советскому воину, которого местные жители называли «Алеша». Сюда молодые пары приходили фотографироваться на память о своей свадьбе. Лишь небольшая часть города в самом центре имела сколько-нибудь характерную архитектуру: это была улица сталинских дворцов в стиле барокко, построенных еще в 50-е годы и окрашенных в цвета, характерные для Санкт-Петербурга: охра, желтый, зеленый, голубой.

Архангельск был гораздо более старым городом. Иван Грозный основал его в 1584 году; первые английские гости проезжали через него по пути в Москву, и здесь Петр I производил свои первые опыты в области кораблестроения. Когда-то это был привлекательный город, но Сталин взорвал местный собор, а Хрущев начал заменять деревянные дома многоэтажными бетонными чудищами. К своему удивлению, я обнаружил у себя в дневнике запись о том, что еда и обслуживание в архангельском отеле «Двина» «отличные по любым меркам». Правда, это впечатление было испорчено, когда на следующее утро мы остались без горячей воды и электричества.

В обоих городах наибольший интерес для туристов представляли местные музеи. Здесь мы впервые встретили женщин, посвятивших себя их спасению, — одетые нищенски бедно, так как им очень мало платили, они преследовали всю жизнь одну цель — «не дать погаснуть огню». Так было повсюду в России. Без их незаметного героизма не было бы основы для возрождения русской культуры в 80-х годах. Майя Мицкевич возглавляла Музей пластических искусств в Архангельске. Ее коллеги-женщины совершали экспедиции в глубь сельской местности, чтобы отыскать там остатки умирающей народной культуры и те немногие иконы, что уцелели в разрушенных церквях. Марфа Меншикова, женщина 70 с лишним лет, партийный работник с 50-летним стажем, чистенькая и наряд-

ная, величайший энтузиаст сохранения местного народного искусства, церквей, деревень, руководила учреждением под унылым названием «Дом пропаганды памятников истории и культуры». Это она добилась от городского совета согласия сохранить целую улицу с деревянными мостовыми и фонарными столбами в виде музея старого Архангельска. Старые постройки переносились сюда из других частей города. То был памятник прошлому, а также свидетельство вандализма советской эпохи.

Женщины руководили также монастырем на острове Соловки в Белом море. Это был памятник героизму иного рода. Монастырь, основанный в 1429 году, — сказочное место со своими луковичными куполами, окруженный цепью оборонительных башен; он вырублен на громадной скале. Почти столь же величественный, как Московский Кремль, он опирается на более древнюю архитектурную традицию северо-западной России. При свете бледного зимнего солнца он выглядел особенно красивым. Однако он пользовался злобещей репутацией. Цари использовали его как место ссылки. Пушкин чуть было не был туда сослан. Большевики же превратили Соловки в концентрационный лагерь. В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын рассказывает, какие там царили порядки. С первой волной на Соловки отправили женщин среднего класса из Ленинграда: когда их привезли, на некоторых из них были вечерние платья. В дальнейшем заключенных эксплуатировали до смерти на строительстве Беломорканала, этого «достижения социализма», полюбоваться на которое в 30-х годах обычно возили западных «попутчиков». Периодически заключенных расстреливали целыми группами. Дмитрий Лихачев, один из самых уважаемых литературных и научных деятелей России, в свое время отбыл там срок заключения. Он спасся по чистой случайности в ту ночь, когда было расстреляно 300 человек — ровно столько, сколько было отправлено на Соловки за пятьсот лет до того, как случилась Октябрьская революция. Директор музея Людмила Лопашкина не говорила об этих ужасах. Она заостри-

ла наше внимание на бомбардировке монастыря во время Крымской войны двумя английскими фрегатами «Миранда» и «Бриск» — тогда в течение девятичасового обстрела было выпущено две тысячи снарядов.

Местные чиновники и журналисты были люди достойные, но скучные. Климентюк, хитроватый секретарь Мурманского горсовета, гордо сообщил нам, что мурманские коровы дают самые высокие надои молока в Советском Союзе, — факт (если это был факт), который выглядел к концу перестройки довольно странно. Климентюк и его коллеги пытались — без заметного успеха — убедить себя, что перемены, введившиеся по приказу генерального секретаря, — это то, что нужно. Они не могли поверить, что простым людям отныне позволено свободно высказывать свои взгляды. Поэтому они делали что могли, дабы «ответственно» обеспечить осуществление народного выбора, то есть в пользу партии и кандидатов, обладающих «надлежащим» опытом. Партийный босс в Мурманске, разумеется, поддерживал перестройку — само собой! Но он не видел ничего хорошего в быстрой перемене. Рыночная экономика вещь, конечно, нужная. Но Советскому Союзу до рынка еще далеко, а в переходный период надо подчиняться приказам.

В Архангельске партийного секретаря повидать не удалось: он сломал ногу, проводя избирательную кампанию, — предлог настолько оригинальный, что я был склонен ему поверить. Его предшественника убило шальной пулей во время демонстрации в середине 50-х годов. Архангельск был явно опасным местом для политиков. Под нажимом партии Архангельская избирательная комиссия сократила число потенциальных кандидатов с 46 до 12 — по два от каждого из четырех избирательных округов и трех от города Архангельска. Один округ был зарезервирован для одного кандидата — члена ЦК Горшкова. Все знали, что, если у Горшкова будет соперник, его не выберут, а потому Избирательная комиссия сумела устранить других претендентов. Все кандидаты были членами пар-

тии: несколько рабочих, несколько партийных чиновников, один представитель молодежи, одна женщина, один директор завода — вполне традиционный набор.

Вернувшись накануне выборов в Москву, мы с Джилл пошли посмотреть на заключительный проельцинский митинг в Лужниках — на открытой площади в излучине Москвы-реки неподалеку от Новодевичьего монастыря, где в начале оперы Мусоргского «Борис Годунов» происходят подтасованные выборы. День был солнечный, но очень холодный. Я нахлобучил на голову меховую шапку, чтобы представителям советской тайной полиции и английским журналистам труднее было узнать английского посла, участвующего в политической демонстрации, организованной оппозицией. Власти закрыли ближайшие станции метро — обычная тактика, не помешавшая, однако, массам людей стекаться сюда пешком. Один оратор подсчитал, что собралось сорок тысяч человек. Все были опрятно одеты, настроены добродушно и вели себя спокойно. Среди собравшихся была даже горстка армейских офицеров в форме. Какая-то женщина, принадлежавшая, судя по всему, к среднему классу, уговаривала группу солдат голосовать за Ельцина, а те нервно хихикали в ответ. Впечатление было такое, что все эти люди из всех сил старались доказать самим себе, что они достаточно зрелы для того, чтобы доверить им кое-какие prerogatives демократии. Тогда как власть была в этом не столь уверена. Люди в штатском, вооруженные фотоаппаратами, фотографировали отдельные лица в толпе. Площадь была окружена кольцом солдат и милиции. По ту сторону железнодорожной насыпи, премыкающей к площади, было размещено 28 армейских грузовиков с солдатами.

Демонстранты несли мало лозунгов и флагов. Красные флаги терялись среди флагов с изображением Креста св. Андрея (диагональный голубой крест на белом поле), считавшегося покровителем флота Российской империи и символом крайне правого национализма. К всеобщему разочарованию, сам Ельцин не появился. Ораторы требовали

«хлеба и свободы» — лозунги, послужившие сигналом к революциям 1905 и 1917 годов. Они напоминали слушателям, что партия боролась жестокими и грязными методами, чтобы ограничить выбор делегатов и преградить путь Ельцину. Один оратор прибег к типично русскому сравнению, уподобив страдания, пережитые Россией после 1917 года, страданиям Христа на Голгофе. Люди повсюду раздавали самодельные предвыборные листовки и плакатики. Толпа буквально дралась, чтобы заполучить их. Каким образом, недоумевал я, активистам удалось раздобыть компьютер, копировальные машины, факс, — все это оборудование, которое еще хранилось под крепким замком КГБ. Одно стихотворение, размноженное на ксероксе, звучало так:

ЦК нам показал со всею ясностью,
Что понимает он под гласностью.
Что значит для него свобода слова,
Казалось бы, гласности основа.
На полшага лишь Ельцин отступил
Куда-то в сторону, и мигом угодил
Ему громила кулаком в лицо —
У нас всегда хватало подлецов.
Он попросил их: «Ну-ка, расскажите
Про достижения, в тайне не храните
Свои успехи. Как идут дела?
Как перестройка? Много ль принесла
Реальных результатов? Ведь четыре года
Уже прошло... Меняется погода,
Всюду грязь,
И перестройки воз в грязи увяз.
А не пора ль отправить, наконец, состав в дорогу?».
Что началось тут — не поверите, ей-богу!
Как он разгневал доблестных мужей
С раскормленной ряшкой! Ведь ей-ей
Они родную мать продать готовы
За дачу и машину — вот основа
Всей жизни их. Какая перестройка
Продвинуть сможет нас вперед, пока
По-прежнему у нас такой ЦК?

Стихи чудовищные, но политический смысл их весьма знаменателен.

По всей стране люди впервые в жизни принимали активное участие в политической жизни. Саша Мотов был охвачен лихорадочным политическим возбуждением. Он ходил по улицам, агитировал избирателей у них на квартире и в универсамах, вел кампанию против непопулярных кандидатов. По мере приближения выборов его возбуждение нарастало. Он повторял разнесшийся слух о том, будто Ельцина сбила машина и он умирает, а может быть, уже умер в Кремлевской больнице. Выводы были очевидны. Кто-то пытался избавиться от Ельцина тем же способом, каким несколько лет назад избавились от популярного секретаря Белорусской компартии Машерова. Слух оказался ложным — Ельцин был жив и здоров. Но, оказись он правдой, вполне мог бы произойти народный взрыв.

День выборов в Москве, воскресенье 26 марта, прошел спокойно, без беспорядков. Мы заглянули на избирательный участок возле посольства. Люди выполняли свой гражданский долг, и голосование, судя по всему, было действительно тайным. Во всяком случае, в Москве чиновники, руководившие выборами, вели себя безукоризненно. На каждом избирательном участке находился юрист, консультировавший избирателей по поводу их прав. Саша Мотов спросил, будет ли его бюллетень действительным, если он вычеркнет всех кандидатов. Юрист сказал, что будет. Подобно другим «маленьким людям», Саша понял, что он может разрушить надежды партийных боссов, пытавшихся подтасовать списки, просто вычеркнув всех значащихся в бюллетене кандидатов.

Результаты выборов оказались гораздо более эффектными, чем кто-либо мог ожидать. «Тактическое» голосование в одном избирательном участке за другим сводило на нет интриги номенклатуры. Тридцать один человек из первых секретарей обкомов — местных диктаторов, которые при старой системе всегда добивались чего хотели, потерпели поражение — почти каждый четвертый от

общего числа. Руководство Ленинграда (включая Соловьева, кандидата в члены политбюро) было сметено. Мэр Киева уныло заметил: «Я проиграл потому, что у меня не было соперника». Мэр Москвы Сайкин не прошел. Такая же участь постигла реакционного писателя Бондарева, командующего советскими вооруженными силами в Германии, и 13 командующих других военных округов, в том числе Московского и Дальневосточного. Все крайние националисты «Памяти» и кандидаты-антисемиты потерпели поражение. Кое-где еще возобладали старые порядки угодливого голосования, но это наблюдалось преимущественно в более отдаленных от центра городах и в Средней Азии.

Самым замечательным было то, что Ельцин получил более 90 процентов голосов в Московском «национально-территориальном» округе, где избиратели решили, что голос, поданный за него, — действенный голос против руководства и системы. Подпольная кампания, развернутая против него партией, дала прямо противоположный результат. Он был избран более чем пятью миллионами простых людей. Горбачева, состоявшего в списке ста членов ЦК, избрали только его коллеги по ЦК. Ельцин располагал теперь неоспоримой политической базой и легитимностью — и в этом никто не мог с ним сравниться. В противоположность ему, Горбачев не желал, а быть может, боялся подчиниться демократическим правилам, которые он устанавливал для своих соотечественников. С этого момента началось неумолимое снижение его политического статуса. Менее чем три года спустя он передал ключи от своего кабинета человеку, чью политическую карьеру когда-то объявил конченной.

Конечно, оставалось еще много острых углов. Нужно было проводить новые выборы во многих избирательных округах, где не было получено ясных результатов. Наемные слуги партии, отрезвленные, но и обогащенные опытом поражения, вступили в решительную борьбу во втором туре. В древнем городе северо-западной России

Пскове они добились того, что их человек прошел, не имея соперников. Партийный деятель в Душанбе, столице среднеазиатской республики Таджикистан, победил, приведя звучащие очень по-старому цифры: 70 процентов голосов при явке избирателей свыше 90 процентов. Но добились успеха и либералы. Сконфуженная Академия наук, в конце концов, выбрала Сахарова. Коротич достойно победил при наличии полудюжины соперников. Иванов, Генеральный прокурор, в свое время привлекий к ответственности по обвинению в коррупции зятя Брежнева Чурбанова, боролся в Ленинградской области под знаменем искоренения коррупции. Накануне голосования он выступил по телевидению и заявил, что его новейшие расследования ведут его к самым верхам. Он сообщил, что располагает уликами против членов политбюро Романова и Соломенцева и даже против Лигачева. Он получил более 60 процентов голосов при наличии 26 претендентов. Его впечатляющая победа, сравнимая с ельцинской, была еще одним свидетельством глубочайшей непопулярности партийного руководства. Власти пытались его дискредитировать. Однако он тут же стал народным героем. Саша и Константин горячо верили даже самым крайним его обвинениям в адрес партийных боссов, хотя обещанных им убедительных улик он так никогда и не предъявил.

Новый Съезд народных депутатов собрался 25 мая 1989 года в Кремлевском Дворце съездов. Он заседал до начала июня, и сразу же после него открылась сессия нового Верховного Совета, исполнительного органа Съезда, который включал 542 депутата. «Президиум» Съезда восседал на сцене. В основном это были никому не известные личности, если не считать киргизского писателя Чингиза Айтматова, члена политбюро Воротникова и самого Горбачева. Остальные члены политбюро и правительства сидели в огороженных закутках сбоку. Делегаты занимали основное помещение зала. Журналисты, дипломаты, и зрители находились на галерее. В отличие от Большого Кремлевского дворца, где обычно собирался старый Вер-

ховный Совет, Дворец съездов был хорошо приспособлен для дебатов. Он был скорее широк, чем длинен, отовсюду было хорошо видно, и если вы вставали и хотели попросить слова, честному спикеру трудно было вас не заметить. Дипломатам и журналистам, если они были достаточно упорными, удавалось даже проникнуть в столовую депутатов, чтобы потолкаться среди них, посплетничать и обратиться с вопросами к ранее недосягаемым столпам советского истеблишмента.

Работа Съезда и последовавшего за ним Верховного Совета вышла далеко за рамки гласности, установленные 19-й партийной конференцией. Делегаты с самого начала постановили, что их работа должна транслироваться по телевидению. Результатом явилась политическая «мыльная опера», передававшаяся круглые сутки по всей стране. Всякая работа прекратилась: люди наблюдали за тем, как доселе никому неведомые депутаты подвергали перекрестному допросу своих руководителей и беспрепятственно нападали на «священных коров» советского государства. Даже споры по процедурным вопросам были взволнованными и порой очень горячими. Главную роль в дебатах играли прибалты, грузины, армяне и интеллектуалы из Москвы и Ленинграда, что вызывало ярость правых и гораздо более многочисленных делегатов от провинций. Люди говорили о том, что страна на краю бездны. Это походило на шумные, беспорядочные дебаты в Петрограде 1917 года, описанные Джоном Ридом в его книге «Десять дней, которые потрясли мир».

В первый день Горбачева выдвинули кандидатом для избрания Председателем Верховного Совета (фактически — главой государства). Депутаты воспользовались случаем, чтобы подвергнуть его беспрецедентному перекрестному допросу. Почему он хочет сохранить должность президента и генерального секретаря? Знал ли он заранее о кровавой расправе в Тбилиси, во время которой парашютно-десантные войска убили около 20 человек? Что он может сказать по поводу своей роскошной дачи на Черном

море? Жена Наполеона убедила его стать императором — усматривает ли Горбачев тут какую-то параллель? Последние два вопроса были явно направлены против Раисы Горбачевой, а одна женщина-делегат вскочила, чтобы заявить, что в цивилизованных странах жены глав государств сами выполняют государственные функции. Некий никому неизвестный делегат предложил свою кандидатуру в противовес Горбачеву, так как, по его мнению, ни один кандидат не должен выступать на выборах без соперника. Естественно, Горбачев выдержал вызов. В речи по поводу своего избрания он обязался уважать закон и права человека. Людям не надо выходить на улицы, чтобы добиваться своих целей, сказал он. Нужна дисциплина, а не деспотичное, жестокое правление. Всему этому с должным почтением аплодировали.

С Лукьяновым, которого Горбачев предложил на должность заместителя председателя Съезда, обошлись более сурово. Делегаты обвинили его в том, что он плохо справился с подготовительными мероприятиями, связанными со Съездом. Его пытались обвинить в причастности к убийствам в Тбилиси и в очернительной кампании по дискредитации Генерального прокурора Иванова. Однако в конце концов они позволили Горбачеву получить в помощники того, кого он хотел. Это был первый, но не последний случай, когда он протолкнул кандидатуру человека, который впоследствии его предал.

Новые порядки предусматривали, что президент (Горбачев) имеет право сам назначить премьер-министра (Рыжкова), но остальные министры должны предлагаться на утверждение депутатов. Этот шаг в сторону демократии не имел прецедента ни до ни после Октябрьской революции. Рыжков сразу же попал в беду. Он составил свое правительство с большой тщательностью и считал, что это «самое квалифицированное, самое независимое правительство в советской истории»³. Но депутаты оказались беспощадны. Ему пришлось взять обратно предложенные им кандидатуры безнадежно непопулярных лиц, таких как

Захаров, назначенный на пост министра культуры. Собчак обвинил Каменцева, первого заместителя премьер-министра по внешнеэкономическим связям, в коррупции и кумовстве. Депутаты его отвергли, и его политическая карьера кончилась. Бирюковой, кандидату в члены политбюро и заместителю премьер-министра по социальным вопросам и делам потребителей, пришлось потратить семнадцать часов, чтобы защищаться перед восемью различными комиссиями. Шесть из шестидесяти девяти рыжовских кандидатов не прошли. Он утверждал, что это нормальная пропорция. Это верно, но советские парламентарии никогда прежде не имели возможности осуществлять власть такого рода.

Министерства иностранных дел, внутренних дел и обороны, а также КГБ подчинялись не премьер-министру, а непосредственно Горбачеву. Поэтому предлагать кандидатов на эти посты должен был он. Он выдвинул кандидатуры Шеварднадзе, Бакатина, Язова и Крючкова. Горбачев тут же столкнулся с неприятностями. Власов, бывший олимпийский чемпион по поднятию тяжестей, обрушился с резкими нападками на КГБ и его практику массовых убийств, пыток и запугивания. Он потребовал, чтобы КГБ был подчинен парламентскому контролю, чтобы он открыл свои архивы, предал гласности численность своего штата и свой официальный бюджет, отказался от своей привилегированной больницы на окраине города и освободил помещение на Лубянке. Его речь была напечатана в «Правде», и ее с удивлением читали по всей стране. Крюкову, председателю КГБ, без конца задавали вопросы типа: «Когда вы в последний раз били свою жену?». Он утверждал, что пытки и подслушивание телефонов более не практикуются. Важнее, говорил Крючков, реформировать КГБ, чем перевести его куда-то с Лубянки. Его слушали без всякой симпатии. Но когда было объявлено голосование, против него поднялись только две смелых руки. И наблюдатели нервно захихикали. Министра обороны Язова спросили, собирается ли он организовать пе-

реворот. Он это категорически отрицал. Он пытался сыграть на том, что является последним генералом, участвовавшим в Великой Отечественной войне. На это ему грубо ответили, что есть генералы помоложе, воевавшие в недавних войнах. Он едва «проскочил» при энергичной поддержке Горбачева.

Советский правящий класс всегда складывался тайно. Теперь въедливые вопросы, адресованные каждому кандидату на высшую должность, развеяли атмосферу тайны и угрозы. Выборы вовлекли в политический процесс совершенно новые фигуры. Избиратели получили возможность составить собственное мнение о людях, претендовавших на то, чтобы руководить ими. Именно это и входило в планы Горбачева. Однако на практике процедура оказалась более болезненной, чем он рассчитывал.

Консерваторы и делегаты от провинций все еще составляли большинство. Они были в ужасе от происходящего и полны решимости нанести ответный удар. Новые конституционные порядки Горбачева предусматривали, что Съезд народных депутатов избирает из своей среды новый Верховный Совет. Это открывало возможности перед консерваторами. Они использовали силы своих избирателей, чтобы создать то, что Юрий Афанасьев со свойственным ему красочным преувеличением назвал «Советом сталинско-брежневского агрессивно-послушного большинства». Ельцин и большинство либеральных реформаторов-депутатов съезда в Совет не прошли. В знак протеста люди вышли на улицы. Казанник, неизвестный депутат из Сибири, успешно набравший голоса и избранный в Совет, предложил освободить свое место, но лишь при условии, что его займет Ельцин. После некоторых препирательств этот находчивый трюк был санкционирован — решение умелое с политической, но сомнительное с процедурной точки зрения. Ельцин вошел в Верховный Совет и продвинулся еще на один шаг к той позиции, с которой он мог реально угрожать своему сопернику.

Различие между «Съездом» и «Верховным Советом» СССР было сохранено, когда в 1990 году был избран Съезд депутатов РСФСР. Это различие только сбивает с толку и не имеет особого практического значения. Проще пользоваться выражением «Советский парламент» для обозначения обеих организаций, избранных в 1989 году, и «Российский парламент», избранный годом позже. После выборов 1993 года Российский парламент стал именоваться Думой, дабы подчеркнуть преемственную связь с ее дореволюционной предшественницей.

Сразу же после начала работы делегаты начали кружить вокруг ряда основополагающих проблем. Мог ли Советский Союз выжить без сильной, а в случае необходимости и суровой центральной власти? Какие могут быть созданы гарантии против появления нового Сталина? Как можно подчинить власти закона бюрократию, которая привыкла веками издавать декреты, распоряжения и указы, не считаясь ни с каким кодексом? Ничто и никто, даже Ленин, не были священной неприкосновенными: Юрий Карякин, исследователь творчества Достоевского, предложил вынести тело Ленина из Мавзолея на Красной площади. Какой-то никому неизвестный делегат ворчал, что он не слышал, чтобы в выступлениях хоть раз прозвучало слово «коммунистический». В Министерстве иностранных дел качали головой и бормотали, что страна гибнет. Начали расти националистические настроения. Парламент создал комиссию, чтобы установить, кто несет ответственность за расправу военных с мирными демонстрантами в Тбилиси. Затем состоялось закрытое заседание, на котором обсуждалось ужасающее положение в Узбекистане, где узбеки убивали турок-месхетинцев, депортированных с Кавказа Сталиным в 1944 году. Прибалты и грузины требовали экономической автономии. Эстонцы настаивали на том, что их законы имеют преимущество перед советскими законами. Русские и эстонцы пререкались по поводу того, кто извлекал больше выгоды из пребывания в составе Советского Со-

юза, причем обе стороны пытались шантажировать друг друга.

На Кавказе обменивались не словами, а пулями, как того опасался Сахаров. Грузинское правительство решило открыть отделение Тбилисского университета в Сухуми, столице грузинской провинции Абхазии. Абхазы усмотрели в этом проявление сознательного культурного империализма со стороны грузин. Напряженность усиливалась, так что нашему другу, грузинской скрипачке Лиане Исакадзе пришлось отменить свои ежегодные выступления на абхазском курорте Пицунда, в древней Колхиде. К середине июля было убито 16 человек. Совершались налеты на милицейские участки и всюду находили оружие. Все это показывали по национальному телевидению. Мераб Мамардашвили, в высшей степени либеральный, умный и рационально мыслящий человек, впадал в такое страстное волнение, что не мог связно говорить, стоило кому-нибудь среди друзей у Сенокосовых упомянуть об Абхазии. «Абхазы, — заявлял он, — это не нация, это — заговор. У них вообще нет своей культуры. Грузинам пришлось создать для них алфавит. И вот видите, как абхазы отблагодарили грузин за их великодушие». Как и в большинстве этнических споров, в абхазском споре было крайне сложно определить, кто прав, а кто виноват: стороны, участвовавшие в нем, изображали все немногими красками — черной, белой и красной — цветом крови. Посторонние, высказывавшиеся в пользу того или другого участника конфликта, имели серьезные неприятности. Еще большие неприятности обрушивались на тех, кто высказывал мнение, что виноваты обе стороны. Даже выражать полный нейтралитет было небезопасно. В реальной жизни философия имеет свои границы.

Зашевелилась даже Украина. Щербицкий, первый секретарь компартии Украины, все еще прочно правил страной от имени «москалей». Однако инцидент, происшедший в начале июля, был весьма симптоматичным.

Группа украинцев решила превратить 280-ю годовщину победы Петра Великого под Полтавой над шведским королем Карлом XII и его украинским союзником Мазепой в празднование украинской государственности. Украинцы считают Мазепу героем. Русские смотрят на него, как на предателя. «Память» мобилизовала своих хулиганов, чтобы сорвать празднество. Коротич, сам по национальности украинец, убедил московские власти принять контрмеры. Беду предотвратили, но лишь на время.

Когда лето подходило к концу, рабочие тоже пришли в движение. Беспорядки в среде рабочих, сообщал я в Форин Оффис еще в январе, один из симптомов, указывающих на то, что перед Горбачевым встают все более серьезные проблемы. Самыми организованными были шахтеры, отличавшиеся также наибольшей стойкостью. Они забастовали в Кузбассе и Донбассе. Шахты Кузбасса были высокопроизводительными, приносили прибыль, и шахтеры хотели, чтобы деньгами распоряжались они. Но добытый ими уголь скапливался на шахтах, потому что разваливавшаяся транспортная система не могла обеспечить доставку его потребителю. В результате внезапного самовозгорания на угольных складах возникали пожары. Шахтеров возмущало, что их труд таким образом терял всякий смысл. В противоположность Кузбассу, шахты Донбасса были уже выработаны и приносили убытки. Украинские шахтеры меньше всего хотели экономической независимости: они бастовали, добиваясь увеличения субсидий из Центра. Впрочем, шахтеры повсюду жили в невыносимых условиях. Пилар Бонет, многоопытный корреспондент испанской газеты «Эль Паис», писала, что шахтеры Кузбасса требовали выдачи одного куска мыла и одного полотенца в месяц, а также покрытий для полов бараков, в которых они жили. А один шахтер как-то спросил, есть ли коммунистическая партия в Испании. «Да, — ответила она. — Маленькая, и становится все меньше». «Хорошо, — заметил он. — Такой ее и держите».

В советском парламенте депутаты от рабочего класса тоже все более настойчиво требовали, чтобы болтливые интеллектуалы и бюрократы уступили трибуну им. И настаивали на том, чтобы место существующих профсоюзов, не боровшихся за интересы своих членов, заняли настоящие представительные организации рабочих. Они хотели, чтобы были изданы новые законы о собственности и о правах рабочих, чтобы правительство приняло должную экономическую программу. Вновь и вновь они заявляли, что не доверяют директорам своих заводов, местным властям, партии, министерствам, вообще кому бы то ни было, облеченному властью. Неприкасаемыми оставались пока только Горбачев и Рыжков.

Рыжков, сын шахтера, побывал на шахтах, проявил свою слезливую эмоциональность, которая становилась уже скандально известной, но которой сам он, видимо, втайне гордился, и успокоил бастующих обещаниями щедрых подачек. Эти последние еще больше подорвали бы экономику и усилили инфляцию. Однако к этому моменту у Рыжкова даже для такой меры не было средств. Независимые лидеры шахтеров, между тем, поддерживали дисциплину. Никаких беспорядков не было. Шахты содержались в надлежащем порядке. Шахтеры отказались, по крайней мере, на время, даже от водки. Они все чаще навещали в Москву. Весной 1991 года их требования стали приобретать все более политический характер. Они заявляли, что если реакционеры устроят переворот, они затопят свои шахты. Волынка, один из их лидеров, сказал мне, что шахтеры теперь настаивают (существенная перемена) на отставке Горбачева и его правительства. «Несмотря на все трудности жизни, — говорил Волынка, — шахтеры полностью поддерживают их жены, снабдившие их в первый день забастовки бутербродами и велевшие не возвращаться домой без победы». «Со щитом иль на щите», — заметил я.

Наблюдая русскую демократию в действии, я, как и все, был охвачен энтузиазмом. Я тоже следил по телеviso-

ру за работой депутатов, слонялся возле зала съездов, дискутировал в коридорах. Однако мои донесения в Форин Оффис были более трезвыми. Новый парламент заслуживал высших отметок за свои старания, но не за реальные достижения. Он задавал правильные вопросы, но не умел дать правильных ответов. Парламент ничего не сделал для разрешения экономического кризиса, о котором говорили один оратор за другим. Он не имел влияния на лежащие в основе всего конституционные и чисто практические проблемы. И рисковал превратиться просто в говорильню, которую игнорировали как правительство, так и партия. Сам Горбачев в первые недели действовал отлично. Он неизменно играл главную роль во время дебатов. Без его умения убеждать, его готовности разрешить обсуждение самых щекотливых вопросов, его политической хитрости и неутомимой энергии весь этот спектакль сразу бы развалился. Горбачев все еще публично высказывался за Ленина, социализм и ведущую роль партии. Однако его политические методы и его стратегический план демократизации и модернизации государства неумолимо вели и от Ленина, и от социализма, и от ведущей роли партии. Я верил в то, что он искренне хотел создать настоящий парламент, где дискуссии были бы свободными, но велись бы по правилам, где разрабатывались бы законы, обязательные как для правительства, так и для народа, и где власть можно было всерьез призвать к ответу за злоупотребление полномочиями.

Но Горбачев действовал на двойственной платформе. Он продолжал произносить идеологически «правильные» формулы, чтобы сохранить единство партии. Тогда как его мысль уводила прочь от старой ортодоксальности, хотя он сам все еще считал себя коммунистом. Впрочем, я сомневался в том, что его сильно волновали идеологические тонкости. Чингиз Айтматов заявил в парламенте, что Швеция, Швейцария и Англия ближе к настоящему социализму, чем Советский Союз. И если бы Ленину и партии со временем пришлось уступить место нормальной

советской сверхдержаве, Горбачев тоже с легкостью назвал бы результат такой замены «социализмом».

Таким образом, лихорадочная атмосфера эйфории, господствовавшая при открытии нового парламента, продержалась недолго. Горбачев и сам начал сникать. Его речи по поводу экономики и нарастающих этнических конфликтов были слабыми — в них было много риторики и мало конкретных идей. Он прибег к смутным угрозам, заявив парламенту, что «страна может оказаться в таком положении, когда придется подумать, какие формы (!) применить, чтобы не дать ситуации выйти из-под контроля». Несмотря на свою загруженность делами, он нашел время съездить в Париж, побывать на встрече стран-членов Варшавского договора в Бухаресте, а также провести чистку партийного руководства в Ленинграде. Даже если эти поездки давали некоторый отдых от московской жизни, они означали, что темп не снижается. Но он все чаще, что называется, тянул резину. Не успела закончиться парламентская сессия, как в обществе стали распространяться мрачные настроения. Московские интеллигенты беспокоились, что русские попадут в старую ловушку: они не смогут поддерживать дисциплину, необходимую для демократических дебатов; «твердолобые» опять возьмут все под контроль, и парламент будет распущен, подобно тому, как Ленин распустил Учредительное собрание в 1918 году. Саша Мотов и Константин Демахин были настроены цинично, их раздражало позирование депутатов, манипуляции Горбачева и Лукьянова и то, что правительство не принимало никаких практических мер в области экономики. В конце июля 1989 года Сахаров заявил редактору «Огонька», что существует опасность переворота либо чрезмерной концентрации власти в руках Горбачева или его преемника. Коротич считал, что Горбачев в панике и что фашистский переворот — реальная угроза. Польский либерал Адам Михник высказал мнение, что Россия вернулась к положению, в

каком она была в 1917 году. Хотя пока еще не было ни Ленина, ни Финляндского вокзала, у меня тоже настроение начало портиться из солидарности с московскими интеллигентами. Достиг ли Советский Союз той стадии, на какой находилась Франция в 1789 году — на полпути процесса реформ, запущенного в действие слишком поздно, чтобы можно было избежать катастрофы?

Я сообщил об изменившемся настроении в телеграмме в Форин Оффис, которую озаглавил: «Послесъездовское уныние». Затем стал набрасывать черновик пессимистического письма. Но прежде чем отправить его, решил посоветоваться с моим американским коллегой Джеком Мэтлоком. Джек был большим специалистом по России и необыкновенно опытным дипломатом. Он регулярно и с большим успехом выступал по советскому телевидению. После того как и я стал появляться на телевидении, меня постоянно окликали незнакомцы в самых отдаленных уголках страны. «Нам нравится вас видеть по телевизору, мистер Мэтлок», — говорили они мне. Очевидно, им и в голову не могла прийти мысль, что в Москве могли находиться послы двух англо-саксонских стран, говорящих с телеэкрана по-русски. Эффендиев, главный инженер Азербайджанской нефтяной компании, человек с черными усами и грустным рябым лицом, похожий на бея из «Семи столпов мудрости», даже попросил меня два года спустя передать от него привет «вашему премьер-министру, мистер Мэтлок». Такова слава.

Джек, в отличие от меня, был гораздо ближе к советским руководителям (на что я мог лишь надеяться), ибо ему приходилось вести с ними крупномасштабные деловые переговоры. Он не считал, что Горбачев находится в опасности. Не было никаких признаков того, что КГБ перестает ему подчиняться, — признаков, предшествовавших падению Хрущева. Однако я продолжал считать, что мы вряд ли получим заранее предостережение о каком-либо выступлении против Горбачева. Впрочем, по-

ка что я решил, что начал слишком поддаваться греху московских интеллигентов, резко колебавшихся между эйфорией и отчаянием. Письмо я не отправил. Но черновик сохранил — на тот случай, если в будущем он мне понадобится.

Восстановить душевное равновесие мне помог Константин Демахин. Он считал, что настроения ярости и недовольства идут на спад, поскольку простые люди начали верить в то, что в конечном итоге они могут влиять на ход событий. И привел небольшой пример. Каждый вечер возле парламента и гостиницы «Москва», где жили депутаты, собирались демонстранты. Это были матери студентов и молодых солдат, протестовавшие против жестокого обращения в армии с новобранцами. Константин, который вел свою личную войну против армии, начал участвовать в их демонстрациях. Вскоре женщины приняли его в свою среду, присвоив ему звание «почетной матери». Нажим оказал свое действие. К ярости генералов, бубнивших, что страна катится в бездну, парламент постановил, что студенты должны быть освобождены от военной службы. Матери вывесили на здании гостиницы плакат: «Спасибо вам, депутаты!». Константин ликовал. Наконец-то «маленькие люди», рядовые граждане, настояли на своем.

Я посетил Лаптева. Он отмел всякие разговоры о военном перевороте. Некоторые сторонники «железной руки» хотели бы, чтобы такой переворот произошел. Но армия находится и всегда находилась под политическим контролем, и Горбачев продвигает наверх более молодых офицеров. Нет кандидата на роль Всадника на белой лошади, сказал он мне, генерала, который собирается отбирать власть у коррумпированных политиков, как это происходило во время латиноамериканских переворотов. После расстрелов в Тбилиси армию уже никогда больше не станут использовать для поддержания порядка внутри страны. Это дело КГБ и войск Министерства внутренних дел. Что же касается забастовок, то строгая дисциплини-

рованность, проявлявшаяся до сих пор, свидетельствует, что они тщательно и заранее планируются. Официальным профсоюзам придется позаботиться о сохранении своих лавров. Так что серьезной опасности возникновения движения наподобие «Солидарности» не существует. В отличие от Польши, в России бастующие поддерживают правительственную программу реформ. Гласность процветает. Теперь, когда опубликованы и Солженицын и Гроссман, ей уже, по сути, некуда развиваться дальше. Я покинул кабинет Лаптева в более радостном настроении, чем входил в него.

В конце пушкинского «Бориса Годунова» толпу, собравшуюся возле Кремля, призывают приветствовать нового царя, самозванца Дмитрия. Но «народ безмолвствует». Русские ученые до сих пор спорят о том, кто написал эту самую знаменитую в русской литературе ремарку, равноценную шекспировской «уходит, преследуемый медведем», — Пушкин или царь Николай I, исполнявший роль личного цензора Пушкина.

Горбачев дал русскому народу Голос. Лето 1989 года знаменовало собой гигантский, но пока еще не совсем необратимый шаг в направлении демократизации Советского Союза. То, что было сказано публично о скверном управлении экономикой, о тайной полиции, о будущности империи, — невозможно было считать несказанным. В марте 1989 года и позже рядовые граждане отказывались молчать. В последние дни существования Советского Союза и в новой России они массами пришли на общенациональные и местные выборы, чтобы заставить прислушаться к их голосу. Вышестоящие лица не всегда одобряли взгляды, которые они высказывали. Иногда избиратели поддерживали коммунистов, а случалось — и крайних националистов. Правительство все еще пыталось всюду, где могло, манипулировать голосами. Но кое-что изменилось и, по-видимому, навсегда. Русские лидеры уже не могли рассчитывать на то, что послушные избиратели будут до бесконечности сохра-

нять их власть. Это было нечто качественно новое в русской истории.

Окончательное крушение Советского Союза произошло после падения Берлинской стены и «бархатных» революций 1989 года в Восточной Европе. В результате полякам, венграм, чехам, восточным немцам и даже румынам приписали заслугу, что это они-де были первыми, сбросившими иго коммунизма в своих странах. Но наши польские друзья были правы, предсказывая в самый разгар их эйфории в конце 50-х, что перемены в Восточной Европе могут быть прочными, только если им будут предшествовать или хотя бы сопутствовать настоящие перемены в России. Эта истина была им наглядно втолкована и подавлением Пражской весны в 1968 году, которое было оправдано доктриной Брежнева (согласно этой доктрине Советскому Союзу было позволено применять силу в стране, где создается угроза «социализму»), и введением в 1980 году военного положения в Польше под контролем советской армии.

Советские выборы в марте 1989 года были первыми в социалистической стране, когда избирателям была дана возможность настоящего выбора, и на которых простые люди воспользовались случаем, чтобы нанести смертельный удар правящей партии. Прошло два месяца, прежде чем 4 июня 1989 года состоялись выборы в Польше. Они были подтасованы в пользу коммунистов и характеризовались в то время в западной прессе всего лишь как «отчасти открытые» или «полусвободные»⁴. Но в Польше простые избиратели тоже сообразили, как воспользоваться сложной избирательной системой, чтобы изгнать коммунистов. К тому времени, когда собрался новый польский парламент, поразительные дебаты в советском парламенте уже продемонстрировали, что некий вид демократии, наконец, утвердился в самом Советском Союзе. Посетив обе страны в июле 1989 года, президент Буш сказал своим помощникам: «Если бы не Горбачев, не было бы ничего из того, что мы только что видели в Поль-

ше и Венгрии»⁵. 25 октября 1989 года Горбачев заявил в Хельсинки, что Советский Союз не имеет ни морального, ни политического права вмешиваться в события, происходящие в Восточной Европе. Доктрины Брежнева больше не существовало.

Парламент 1989 года был вершиной политической карьеры Горбачева внутри страны. После этого он получал похвалы только от иностранцев. Критика по его адресу, звучавшая в зале съездов, почти мгновенно распространилась среди интеллигенции и рабочих и проникла в печать. Генеральный секретарь коммунистической партии сам теперь был уязвим. Горбачева вынудили пойти на еще более сложные и неясные маневры и компромиссы. Сделав руководство открытой мишенью для критики, он подвергся запалу под свою собственную позицию.

5

Пепел победы

Действительно, чем, в сущности, держалась российская империя? Не только преимущественно, но исключительно своей армией. Кто создал Российскую империю, обратив московское полуазиатское царство в самую влиятельную, наиболее доминирующую, великую европейскую державу? Только сила штыка. Не перед нашей же культурой, не перед нашей бюрократической церковью, не перед нашим богатством и благосостоянием преклонялся свет. Он преклонялся перед нашей силой...

Сергей Витте, премьер-министр России,
1903–1906. «Воспоминания»

В восьмидесяти километрах к западу от Москвы, мимо маленького городка Можайска шоссе на Варшаву проходит по лесистой сельской местности, мягкой и по суровым меркам России — приятной для глаза. К северу от шоссе расположена небольшая деревня Бородино с ее церковью XVII века. Она окружена крутыми берегами целой сети протоков, слишком маленьких, чтобы называть их реками. Возле церкви находится деревянная больничка, где можно разве что перевязать порезанный палец, сады с подсолнухами, и повсюду разгуливают чистенькие белые гуси.

Это мирное сельское селение — то самое место, где крестьянская армия Кутузова сразилась с Наполеоном и остановила его. В центре села еще можно разглядеть остатки большого редута, где Пьер Безухов наблюдал за ходом битвы. Слева все еще стоит громадный орел, воздвигнутый французами в память первого бородинского сражения, на том месте, где наполеоновская Grande Armée встретила с достойным ей противником. Пренебрегая менее впечатляющими монументами в честь российских имперских пол-

ков, молодые пары приходят к орлу, чтобы сфотографироваться в день бракосочетания. Немного подальше стоит монастырь XIX века, построенный графиней Тучковой в честь ее погибшего брата. Толстой останавливался здесь, когда собирал материал для романа «Война и мир».

Отбывая военную службу в звании сержанта, Саша Мотов в свое время участвовал в массовой сцене, воспроизводившей Бородинскую битву в фильме, который снимал по роману Толстого Бондарчук.

Когда немцы в октябре 1941 года двинулись на Москву, именно среди этих колышущихся лесов, у подножья большого редута и по всей ширине давнего поля битвы окопались бойцы 5-й армии генерала Лелюшенко. Пока они ожидали немецкого наступления, их офицеры проносили перед строем царские полковые знамена, сохранившиеся в маленьком Бородинском музее¹. Когда появились немецкие танки, русские солдаты вступили с ними в бой, они погибали и угрюмо отступили, как это сделали в свое время их предки. Узкие окопы, наблюдательные посты и большой редут все еще сохранились на этой нетронутой сельской местности, — наглядное свидетельство упорства, проявленного русскими в двух великих отечественных войнах.

Свидетельством того же служит маленькая церковь в Бородино, единственное здание, уцелевшее в деревне, после того как через нее прошел Наполеон. При коммунистической власти она была закрыта и снова открыта для богослужений в 1990 году. Мы побывали в ней через полтора года после этого. Верхний этаж — «летняя церковь» — был все еще завален мусором, но нижняя часть здания была приведена в порядок, и туда доставили иконы из близлежащего Можайского собора. Отец Игорь, молодой священник, к нашему удивлению хорошо говорил по-английски. Он выучил язык еще маленьким мальчиком, когда его отец работал в Советском торгпредстве в Хайгейте. Прежде чем стать церковнослужителем, он окончил престижный Московский институт международных отношений, «теплицу», где выращивали советских дипломатов и шпионов.

Советский народ заплатил громадную цену за свою победу над немцами. Точное количество жертв все еще оспаривается, но в их масштабе мало кто сомневается. В войне погибли по меньшей мере 13 миллионов советских солдат и семь миллионов мирных граждан. Некоторые специалисты исчисляют жертвы более высокой цифрой — до 27 миллионов. В каждой из больших братских могил на военном кладбище Санкт-Петербурга похоронено 50 тысяч гражданских лиц. Между тем, англичане потеряли за всю войну 60 тысяч сограждан. На военном памятнике в Орлово, маленькой деревушке под Москвой с населением около 300 человек, указано 70 имен. Либерально настроенные русские утверждают, что потери были неоправданно высоки оттого, что Сталин не проявил в 1941 году дальновидности, а также в связи с тем, что даже самым компетентным советским военачальникам свойственно не принимать в расчет жертвы. Консерваторы отвергают подобную критику, расценивая ее как попытку умалить величие советской победы и бросить тень на маршала Жукова, творца победы. Впрочем, в любом случае большинству англичан и американцев приведенные цифры кажутся невообразимыми: уж слишком много нулей. По сравнению с этим потери западных стран бледнеют: 300 тысяч британских военнослужащих и примерно столько же американских. Даже немецкие потери не приближаются по численности к русским. Вот почему, когда Сталин в 1945 году использовал потрясающую победу, чтобы создать новую империю, простирающуюся от реки Эльбы до реки Буг, и тем самым претворить в жизнь мечту Петра Великого о России как господствующей державе Центральной Европы, советский народ признал новую империю как справедливое вознаграждение за жертвы, которые он принес, сломав военную машину Гитлера².

О характере той или иной нации можно много сказать по тому, как она чтит своих погибших героев. Англичане предпочитают очистить войну от связанных с ней представлений об ужасе и величии. Все приглушено, приумень-

шено — потрепанные знамена в древнем соборе, скромные монументы на деревенском лугу, кладбища во Франции, ухоженные так, чтобы они как можно больше походили на английский сад роз. Для немцев война — это нечто темное, обращенное к страстным эмоциям. Их кладбище возле Ипра, где похоронены жертвы Первой мировой войны, — это храм древним богам, Зигфриду, Хагену и Нибелунгам. Русская идея военной славы возвышенно риторична, как и немецкая. Русские военные памятники огромны по размерам. Когда они удачны, в них чувствуется ничем не сдерживаемая эмоциональность и они удивительно трогают, как, например, большие монументальные композиции победителям в битве под Сталинградом на Мамаевом кургане в Волгограде и защитникам Москвы в Алма-Ате. Когда они неудачны, а неудачны очень многие монументы, с опозданием воздвигнутые в последние годы брежневского правления, они часто вульгарны. И хотя советских военных монументов много, военных кладбищ поразительно мало, кладбище в Санкт-Петербурге — исключение. Пафосные речи о русской славе находятся в горьком противоречии с тем, какая участь постигла на самом деле павших воинов. Их десятками тысяч попросту оставляли гнить там, где они пали, останки их были анонимны, пока благочестивые люди не начали проводить их эксгумацию и идентификацию спустя сорок, а то и больше лет после боев.

Победа создала Жукову и его воинам громадный престиж в глазах простых людей. Партийные же лидеры относились к этому более подозрительно. Они боялись того, что на их языке называлось «бонапартизмом» — захвата верховной политической власти честолюбивым военачальником. Сталин, а после него Хрущев постарались отодвинуть Жукова подальше от огней рампы. Но генеральные секретари партии так же, как до них Иван Грозный и Петр Великий, были убеждены, что сила государства зиждется, прежде всего, на мощи вооруженных сил и именно в ней находит свое отражение. Сталин и его преемники заключили с военными сделку. Если они будут ос-

таваться вне политики, им будет принадлежать безусловный приоритет в использовании всех ресурсов страны.

Однако, когда в конце 70-х годов экономика начала приходить в упадок, советские вооруженные силы стали терять почву под ногами. Все чаще появлялась информация о недостаточной оснащенности армии и падении боевого духа. В 1975 году один советский корабль Балтийского флота попытался дезертировать и проделал уже половину пути до Швеции, когда советские военно-воздушные силы с помощью бомб вернули его обратно³. Война в Афганистане ускорила процесс упадка. Солдаты продавали свое снаряжение за наркотики, творили чудовищные зверства над местными жителями и воевали — если вообще воевали — не ради славы, не ради советской родины, а ради того, чтобы отомстить за своих павших товарищей. Все это как в зеркале отражало испытания, через которые десятью годами раньше пришлось пройти американской армии во Вьетнаме.

Советское офицерство составляло отдельную привилегированную касту, изолированную от гражданского общества собственной страны и застрявшую на уровне идей Второй мировой войны или даже XIX века. У них, как и у всех советских граждан, отбивали охоту рассуждать о политических проблемах современного мира и о характере международных отношений в ядерный век. Их невежественность относительно мира, находившегося за пределами их узко профессиональной сферы, ослабляла их. Жуков писал в своих мемуарах: «У меня всегда было такое ощущение, что сфера моих познаний гораздо уже того, что мне бы хотелось знать, и что, на мой взгляд, было необходимо для работы»⁴. Офицерам было трудно, а во многих случаях невозможно приспособиться к переменам, которые вот-вот должны были произойти в их стране. Поскольку достижения военных внутри страны, в Центральной Европе и в их глобальном состязании с американцами потускнели, инициатива перешла к гражданским лицам, лучше разбиравшимся в действительном по-

ложении дел. Гражданские аналитики публиковали свои мнения по военным вопросам в гражданских изданиях. Все это вызвало у профессиональных военных сначала раздражение, а потом тревогу.

Чтобы скрыть как свои слабые, так и сильные стороны, военные широко пользовались, даже после того как появились разведывательные спутники, тем, что маркиз де Кюстин назвал в 1839 году «секретностью полезной и секретностью бесполезной»⁵. Советский оборонный истеблишмент считал своим патриотическим долгом вводить в заблуждение не только иностранцев, но и собственных политических руководителей. Карты, издававшиеся в Советском Союзе, содержали сознательные искажения, с тем чтобы американские бомбардировщики и русские туристы не могли найти дорогу. Когда Горбачев стал в 1980 году членом политбюро, он был шокирован, узнав, что расходы на оборону имеют приоритет перед расходами на продовольствие. Действительные цифры держались в тайне, а некоторые скрывали от него даже тогда, когда он был избран Генеральным секретарем. Простые же люди пребывали в гораздо большем неведении. Для них телевизионное выступление г-жи Тэтчер в Москве в марте 1987 года стало в буквальном смысле началом прозрения.

С одной стороны, секретность и вранье, с другой — потемкинские деревни и показуха. В середине XIX века газета «Эдинбург Ревью» выражала сомнение в реальности русской военной мощи, скрытой под завесой секретности. Советская военная мощь, естественно, была гораздо более реальной. Но военные считали не вредным усилить впечатление. Поэтому они ослепляли иностранных гостей нарочито пышными зрелищами. Когда английский министр обороны Том Кинг приехал в мае 1990 года в Советский Союз, его повезли на военно-воздушную базу Кубинка под Москвой, где «МИГи» и самолеты конструктора Сухого совершали над авиабазой акробатические пируэты. В Севастополе безупречно обмундированные офицеры и матросы ракетного крейсера «Слава» выглядели так, словно

они только что сошли с кадра фильма «В городе»; при этом те, что запускали ракеты, стреляли из скрытых люков и вновь, как по волшебству, исчезали. На парадном плацу отборной Таманской гвардейской дивизии под Москвой краской были обведены места, которые должны были занять участвующие в параде бронемашины. В Высшей воздушно-десантной академии в Рязани генерал Слюсарь, покрытый шрамами командир, герой войны в Афганистане, угрюмо стоял на бетонированной площадке, наблюдая за тем, как десять девушек и десять крепких солдат спускались на парашютах, чтобы с цветами в руках приветствовать британского министра. Молодые бойцы генерала продемонстрировали массовую сцену борьбы без оружия: рубящий прием каратэ, удар ножом, пинок в пах. Все это на фоне бравурной музыки напоминало версию балета «Спартак», поставленную на открытом воздухе, под дождем. На ракетной учебной базе в Балабаново увлеченные молодые офицеры отзывались хором на зашифрованную команду «пуск» свои стратегические ракеты против «потенциального врага», то есть против нас. Весь этот парад походил на спектакль Большого театра, а не на реальное положение советских вооруженных сил в последние годы их существования.

Поскольку англичане принимали участие в воссоединении Германии и отводе войск из Восточной Европы, а также в различных мероприятиях по контролю над вооружениями, я постоянно имел дело с военной верхушкой: министром обороны Язовым, начальником Генерального штаба Моисеевым, военным советником Горбачева маршалом Ахромеевым и главнокомандующим советским Военно-морским флотом адмиралом Чернавным. Перестройка и гласность оказали на генералов достаточное влияние, чтобы они в какой-то мере отбросили свою традиционную настороженность. Иногда мы получали информацию из независимых источников — не всегда точную, что позволяло мне «давить» на них сильнее, чем им хотелось бы. Некоторые

наши встречи были шумными, но они обычно кончались на доброжелательной ноте. Присутствовавшие при этом иностранные гости помогали «вытянуть» советских генералов из их бункеров. Среди гостей были министр обороны, генеральный секретарь Министерства обороны, начальники штабов обороны, ВВС, оборонной разведки, первый лорд Адмиралтейства и наш посол в НАТО. Летом 1990 года на британской выставке в Киеве «Красные стрелы» Королевских ВВС демонстрировали для русских фигуры высшего пилотажа. Корабль «Лондон» помог отпраздновать в августе 1991 года пятидесятиую годовщину первого английского арктического конвоя; в ноябре того же года английский корабль «Фирлес» посетил Севастополь. По какой-то причине протокола НАТО, на мою долю выпало быть принимающей стороной во время визита в СССР осенью 1990 года генерала Галвина, Верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе.

Эти визиты перемежались увеселениями на деревянной даче советского Министерства обороны в подмосковном лесу. Во время обеда, данного Язовым в честь Тома Кинга, хозяева пригласили отличный джаз-оркестр, которому начальник штаба ВВС Питер Хардинг подыграл на рояле, продемонстрировав виртуозность музыканта бара-салона. Генерал Моисеев, начальник Генерального штаба, предложил несколько традиционных казацких тостов в честь Галвина, опрокидывая после каждого стопку водки. Галвин ответил изящной цитатой из Т.С. Элиота. На этом же обеде жена какого-то угрюмого генерала по фамилии Шеин очень подробно поясняла, что фамилия ее не еврейская, хотя она, возможно, и кажется такой на слух. Она спросила, верю ли я в летающие тарелки. Когда я сказал, что не верю, она была шокирована.

Генералы являлись в дом Харитоненко стаями. Язов и Моисеев, Ачалов, генерал парашютно-десантных войск, участвовавший вместе с Язовым в августовском путче 1991 года, командующий ракетными войсками, командующий сухопутными войсками, два адмирала, — все в то или иное

время побывали у нас в гостях. Входя, они складывали в кучу на столе в холле свои фуражки с громадными тульями, напоминавшими нимбы средневековых святых на картинах. Но, уходя, каждый безошибочно находил свою фуражку. В 1991 году, в годовщину Трафальгарской битвы, британский морской атташе дал в посольстве традиционный обед для своих коллег, представителей стран-членов НАТО. Присутствовали на нем и русские гости — адмирал Чернавин и адмирал Алексеев, приятель Джилл с Северного флота. Все гости были в полном военном обмундировании, особенно же выделялся адмирал сэр Джеймс Эберли, имевший от природы внушительную внешность даже без звезды и ленты Высшего кавалера Ордена Бани (Grand Commander of the Bath). Обеденный стол был уставлен моделями кораблей враждующих сторон, вылепленными из теста нашим поваром Стивеном Болдуином. Я произнес тост в память адмирала лорда Нельсона. Французский морской атташе командор Майард ответил нервной смесью остроумия, страсти и ломаного английского языка, вполне законно подчеркнув, что англичане не могли бы одержать столь славной победы, если бы их противник не оказал столь упорного сопротивления. Во время всей этой сцены русские были совершенно озадачены.

Я нанес свой первый официальный визит Язову в декабре 1988 года в Министерстве обороны, помпезном новом здании недалеко от Кремля, облицованном тем особенным мертвенного вида мрамором, который был характерен для монументальных построек брежневского периода. Коридоры, напоминавшие собой пещеры, были украшены гобеленами, мозаикой и медалями во славу воинских подвигов царей. Кабинет Язова гармонировал с остальным зданием. В одном углу стоял невероятных размеров письменный стол с множеством телефонных аппаратов, включая «Горбифон» — прямая линия связи с Генеральным секретарем. Язов усадил меня на диван у другой стены кабинета и предложил неизменный стакан чая.

Отсутствие армянского коньяка во время утренних визитов — в 60-х годах его распитие в такой час было предосудительным — явилось одним из положительных результатов антиалкогольной кампании Горбачева. Кампания была очень непопулярна в ту пору и вызывала немало насмешек впоследствии. Сопутствовавшее ей сокращение доходов от продажи водки образовало большую дыру в советском бюджете. Но алкоголизм в России извечное бедствие. За последние десятилетия существования Советского Союза продажа алкоголя более чем удвоилась. Преемники Горбачева также не решили эту проблему.

Намекнув мне, что, по данным его картотеки, ему известно, что в начале 50-х годов я служил в военной разведке в Вене, Язов начал довольно жестко у меня допытываться, какова позиция НАТО в вопросе о контроле над вооружениями. Дискуссии не получалось, и я сменил тему разговора. Что он скажет о слухах, будто бы вооруженные силы переведут на профессиональную основу? Язов заявил, что он решительно против использования «наемников»: для молодых советских мужчин служить родине — это честь.

Я спросил, добился ли он каких-либо успехов в борьбе с дедовщиной — жестоким обращением с новобранцами, — из-за которой, по утверждениям радикальной прессы, в армии регулярно погибает больше солдат, чем во время войны в Афганистане. Все это, успокоительным тоном ответил он, выдумки журналистов. Он дал указание, чтобы о любых проявлениях дедовщины непосредственно докладывали ему. Он сомневался, что подобных случаев было больше, чем два-три в год. Это был незначительный, но убедительный пример вранья. И в то время и впоследствии каждый год сотни новобранцев продолжали погибать или кончать жизнь самоубийством.

Впрочем, основные дела мне приходилось вести не с Язовым, а с начальником советского Генерального штаба генералом Моисеевым. Красивый (как заметил один из моих коллег, в нем было что-то, напоминавшее Берта Ланкас-

тера), с пронизательными голубыми глазами и густыми бровями, он происходил из бедной сибирской казацкой семьи — еще один простой человек, которому советская система обеспечила карьеру и престиж, о каких в прежние времена можно было только мечтать. Он был эмоционален, шумлив и любил сильно выпить, как водилось прежде. Иметь с ним дело было одно удовольствие, хотя несколько извращенное. Когда он хотел, он мог быть обаятельным, демонстрируя грубоватое, но развитое чувство юмора. Но он мог неожиданно и агрессивно «показать зубы». Время от времени он покрикивал на меня, как полковой старшина, шел ли разговор о необходимости мира и дружбы, или о прегрешениях НАТО, или о крайней нежелательности войны в Персидском заливе против Саддама Хусейна. Он был русским патриотом старой закваски. Он хотел возродить дореволюционные гвардейские полки, а когда на него находило особенно экспансивное настроение, рассказывал истории о военных героях России, звучавшие, как статьи из английского «Журнала для мальчиков», содержавшего наизидательные материалы для юношества. Он считал, что сталинский период был хорош, потому что в то время люди были дисциплинированы и горели энтузиазмом. Его глубоко возмущала критика, которой подвергались вооруженные силы. По его мнению, демократия вещь хорошая, при условии, если ею руководят те, кто как следует разбирается в деле. Г-жа Тэтчер его восхищала не в последнюю очередь тем, что могла по собственному усмотрению увольнять министров.

Стройно-импозантная жена Моисеева Галина, по видимому, считала, что он немножко позер. Однако он был достаточно способным человеком, так как закончил Академию Генерального штаба одним из пяти золотых медалистов. Г-жа Тэтчер находила, что «его манера вести себя выделяла его как человека необыкновенного ума и сильного характера». Он охотно приходил на официальные приемы в посольство, но, когда я пригласил его прийти с женой и еще несколькими военными вместе с их же-

нами на неофициальный обед, ему очень не хотелось назвать какую-то определенную дату. В итоге он сдался, когда я сказал, что он уклоняется из трусости. Обеду предшествовали напряженные переговоры сначала между мной и моими военными атташе, а затем между военными атташе и Министерством обороны по поводу того, надо ли участникам обеда быть в военной форме. Наконец, военные договорились, что одежда должна быть штатской. Это была ошибка. Я еле узнал Моисеева в его светло-сером костюме советского пошива и светло-серых штиблетах. Они не шли ему. Он преподнес Джилл розы, выращенные в собственном саду, и говорил со своим обычным энтузиазмом о внучке и о сибирских казаках. Несколькими неделями позже он подвергся опале в связи с его предполагавшимся участием в августовском путче 1991 года. Через много лет я пригласил его на обед в Лондоне. Это был человек, полный горечи, но сохранивший былое обаяние и одетый на этот раз гораздо наряднее.

Некоторые советские генералы были более склонны к размышлениям. Маршал Ахромеев, возглавлявший Генштаб до Моисеева, был вдумчив, спокоен, рассудителен, вежлив, по-военному корректен и глубоко консервативен. У него было удлиненное лицо, голубые глаза с насмешливым огоньком, квадратный череп и коротко подстриженные волосы. Он участвовал в обороне Ленинграда, а после войны служил на Маньчжурской границе в условиях настолько примитивных, что его последующее назначение в Белоруссию представлялось его жене столь же романтично-заманчивым, как переезд в Париж.

У генерала Родионова были седые волосы, подстриженные ежиком, и интеллигентная внешность французского полковника парашютно-десантных войск. Во время расстрелов в Тбилиси в апреле 1989 года он был командующим Закавказским военным округом. Его сделали козлом отпущения в этом запутанном деле и послали руководить Академией Генерального штаба, чтобы не путался под ногами. Ельцин назначил его в 1996 году министром обороны.

Он усвоил уроки крушения Союза и разработал разумный план, по-новому определявший роль вооруженных сил и предусматривавший резкое сокращение их численности и оснащение новым вооружением. Но он не был достаточно искусным политиком или администратором для того, чтобы претворить в жизнь свои дорогостоящие идеи в условиях, когда Россия находилась в состоянии экономической разрухи. Через несколько месяцев его бесцеремонно уволили. После гибели подводной лодки «Курск» в сентябре 2000 года он напечатал в одной московской газете эмоциональную статью, упрекая военные власти в равнодушии к жертвам и непрерывной лжи. «Только свободная печать, — писал он, — может раскрыть истину». Таких слов я никогда не ожидал услышать от русского генерала.

Генерал Волкогонов сломал интеллектуальный панцирь, в котором застряли столь многие из его коллег. Он тоже был родом из простой семьи сибиряков. Отец его был расстрелян в 1937 году, а его брат все еще оставался простым рабочим. Первый раз он принял меня весной 1989 года в полном обмундировании генерал-полковника в Институте военной истории на Ленинских горах. Прежде чем стать профессиональным историком, он был заместителем начальника политуправления Министерства обороны, отвечавшим среди прочего за психологическую войну в Афганистане. Открытый, искренний, с большим чувством юмора, тщеславный, насмешливо умный — таким был этот человек, и мне трудно было представить его в роли комиссара, ортодоксального политрука, этого неизменного персонажа множества советских военных фильмов. К тому времени, когда я с ним познакомился, он уже начал ратовать за ликвидацию ячеек коммунистической партии в армии. Он получал огромную враждебную почту из-за недавно опубликованной им новой оценки роли Сталина, основанной на архивах Министерства обороны, к которым он имел доступ. Конечно, наиболее секретные документы из архива исчезли, поскольку Сталин прибегал к различным маневрам, чтобы сохранить свое место в истории. Как ска-

зал мне Волкогонов, в конце 20-х годов Сталин потребовал, чтобы ему показали документы, относящиеся к советско-польской войне 1920 года, в которой он сыграл бесславную роль. Когда архивист затребовал их обратно, Сталин сказал, что они уничтожены, поскольку не представляли никакого исторического интереса: то был зашифрованный смертный приговор несчастному архивисту.

По мере развития горбачевской революции Волкогонов все больше отдалялся от своих старых коллег. Окончательный разрыв произошел в марте 1991 года, когда его раскритиковали за гигантский труд по истории Великой Отечественной войны. То было судилище, учиненное высокопоставленными военачальниками. Их возмущало, что он не признал, что Советский Союз создал накануне войны удобный стратегический плацдарм, «освободив» Западную Украину, проведя войну с Финляндией и включив в свой состав страны Балтии и Молдавию. Они не могли ему простить того, что катастрофические поражения Советского Союза в первые месяцы войны он объяснял неподготовленностью вооруженных сил и тем, что Сталин уничтожил после 1937 года офицерский корпус. Они назвали его книгу антипатриотической и антикоммунистической. Все это напоминало коллективные нападки на писателей и ученых в брежневскую эпоху и до нее. Написанная им история не была опубликована. Волкогонова уволили из Института военной истории. Но к тому времени он был уже депутатом российского парламента, близким к Ельцину, и мог себе позволить показать нос динозаврам.

Горбачев и Шеварднадзе были глубоко убеждены в том, что ядерное противостояние смертельно опасно и что советская политическая и экономическая система более не в состоянии его выдерживать. Шеварднадзе особенно ясно сознавал, что «страх, недоверие, ненависть, постоянное ожидание мощного удара и громадные военные расходы в конечном итоге порождали материальные лишения и неизменно низкий уровень жизни. Победители стали, таким об-

разом, побежденными»⁶. Он предостерегал своих коллег в Министерстве иностранных дел, что Советский Союз неизбежно отстанет от американцев в области военной техники, если не примет соглашений о контроле над вооружениями, о которых велись переговоры с Западом, и не обеспечит тем самым себе передышку, необходимую для того, чтобы экономическая реформа по-настоящему заработала. Эти прозорливые мысли были трезвыми, ответственными и в высшей степени соответствовали интересам советского народа, как и всех нас. Однако они привели Горбачева и Шеварднадзе к обострению конфликта с военными и с твердолобыми в коммунистической партии.

Задним числом видишь, что крушение советской восточно-европейской империи было неизбежным. Однако в то время такого впечатления не было. К 70-м годам эксперты Форин Оффис в Лондоне и Министерства иностранных дел в Бонне пришли к выводу, что в Германской Демократической Республике укрепляется подлинный патриотизм и что подрастающее поколение западных немцев забыло о восточной части страны. Журнал «Экономист» объявил, что экономика Восточной Германии развивается успешнее английской. И если на кого и можно положиться, так это на немцев, — только они заставят социализм приносить плоды. Не специалистам эти доводы казались неубедительными. Представлялось вполне очевидным, что ГДР — искусственная и эфемерная конструкция и объединение Германии неизбежно.

Но ортодоксия имела глубокие корни. Осенью 1987 года Штаб планирования Форин Оффис попытался изменить ход обсуждения этой проблемы. Разделение Германии, говорилось в его докладе, было непрочным и дестабилизирующим фактором. Горбачев может вернуться к сделке, которой русские так часто пытались соблазнить немцев в 70-е годы: нейтралитет в обмен на скорое воссоединение. Это приведет к рождению новой Европы, в которой будет господствовать воссоединенная и, вероятно, нейтральная

Германия, ничем не ограничиваемая, процветающая — естественный партнер урезанного в масштабах Советского Союза. Но такие перемены опасны и для русских. Они могут подорвать их военные и политические позиции во всей Центральной и Восточной Европе, а возможно также в Прибалтике и на Украине. Русские будут этому противиться, если понадобится, то и с помощью силы. Таким образом, перемены — неблизкая перспектива. Германия, скорее всего, останется разделенной, а Восточная Европа будет пребывать под советским господством еще и в XXI веке. Однако это не означает, что сейчас слишком рано думать о том, как действовать в новой ситуации, когда она наступит.

Некоторые из высокопоставленных чиновников, ознакомившихся с этим докладом, отвергли его исходную идею. Они считали, что близкой перспективы воссоединения Германии не существует, и полагали, что ее продолжающееся разделение вовсе не обязательно считать злом. Другие, и я в том числе, считали, что воссоединение не только неизбежно, но и желательно, ибо оно, в конце концов, поможет стабилизации положения в Европе, несмотря на очевидные трудности переходного периода. Но никто из нас не думал тогда, что оно свершится в сроки, требующие принятия политических решений. В этом отношении мы были не одиноки. Этого же мнения придерживались руководители и большинство чиновников в Лондоне и Вашингтоне. Тогда как в московских научных институтах и в окружении Шеварднадзе люди были более дальновидными, хотя мы, конечно, этого не знали. Однако в скором времени события стали развиваться в убыстряющемся темпе, которого не ожидали даже они.

В сентябре 1989 года — почти день в день через два года после дебатов в Форин Оффис и за два месяца до падения Берлинской стены — я записал в своем дневнике кое-какие мысли, дающие представление о наших страхах.

«Мы являемся свидетелями развала последней великой европейской империи... послевоенный период, наконец,

завершился. В связи с этим возникают весьма серьезные вопросы. Трудно себе представить, что даже Горбачев (если, конечно, он останется у власти) решится на такой смелый и прозорливый поступок, как вывод войск из Германии, и согласится на ее воссоединение на условиях, которые неизбежно в гораздо большей мере будут формулироваться преуспевающей ФРГ, нежели слабой ГДР.

Однако если русские ничего не предпримут, они не могут исключить возможности серьезного краха в Польше и (или) в Восточной Германии, что, помимо неприятных политических последствий, могло бы создать реальную угрозу их гарнизону в Восточной Германии и их линиям коммуникаций в Польше. Это угроза, на которую им придется отвечать, если понадобится, силой. А с другой стороны, они могут относиться более спокойно к Венгрии, Чехословакии и Балканам. Их отпадение от Москвы не создало бы угрозы основным стратегическим интересам русских, сколь бы сильным ударом оно ни оказалось для их имперской гордости.

Перспективы, таким образом, весьма неясны, но в общем не внушают оптимизма. И то же самое можно сказать о последствиях, которые все это может иметь для политики Запада. Военное вторжение Советов в Германию или Польшу нарушило бы начавшееся улучшение отношений между Востоком и Западом; к тому же результату привело бы и серьезное кровопролитие внутри самого Советского Союза. Однако противоположный сценарий имел бы столь же неприятные последствия: НАТО и Европейский союз во многом утратили бы свое разумное влияние, если бы мы начали двигаться в направлении создания воссоединенной и существенно демилитаризованной Германии».

6 октября 1989 года Горбачев отправился в Берлин, чтобы присутствовать на праздновании 40-й годовщины Германской Демократической республики. Это была, пожалуй, самая сложная заграничная поездка, когда-либо им предпринимавшаяся. Я написал в Форин Оффис, что у

Горбачева нет какой-либо продуманной политической линии поведения, просто надежда, свойственная диккенсовскому Микоберу, что в решающий момент он что-нибудь сымпровизирует. Но ГДР была искусственным творением. Поэтому импровизация неизбежно привела бы к возникновению единой и некоммунистической Германии. А с этим, как я все еще думал, русские смириться не смогут. В чрезвычайной ситуации они все-таки прибегнут к силе. Но я ошибался. К тому времени Шеварднадзе уже вплотную подошел к выводу, что «у Советского Союза было в действительности только два выбора. Первый заключался в том, чтобы ... достигнуть соглашения об окончательном законном разрешении германского вопроса, которое служило бы интересам нашей безопасности и делу стабильности в Европе... Второй выбор состоял в том, чтобы использовать наши полумиллионные войска в Восточной Германии, дабы воспрепятствовать объединению... Но это поставило бы нас на грань третьей мировой войны»⁷.

Идти на такой риск ни он, ни Горбачев не хотели.

По поручению г-жи Тэтчер в субботу 4 ноября я посетил Черняева. Накануне новый генеральный секретарь партии в Берлине вывел из политбюро пятерых семидесятилетних старцев и пообещал ввести в стране либеральные новые законы. Но тысячи восточных немцев по-прежнему стремились вон из страны. Я сказал Черняеву, что, по-нашему мнению, НАТО и Варшавский договор должны сохраняться, по крайней мере, в настоящее время, чтобы помочь упорядоченному осуществлению перемен. Черняев ответил, что перемены эти естественны. Надо предоставить немцам самим разобраться в сложившейся ситуации. Однако чрезмерная спешка будет иметь дестабилизирующий характер. Таким образом, подумал я, между английским и советским правительствами существует некое согласие в этом вопросе. Но определенной политической линии ни у того ни у другого все еще не было.

Берлинская стена пала в ночь на 9 ноября. То, что в октябре представляло для русских серьезную дилемму,

ныне превратилось в кризис. Они стояли перед лицом неминуемого крушения их восточно-европейской империи. Торжествующие голоса в Федеративной республике Германии и в Соединенных Штатах призывали к немедленному воссоединению. Горбачев и люди из его окружения заявляли публично и в частных беседах, что ни при каких обстоятельствах не прибегнут к силе. Однако я опасался, что какой-нибудь спонтанный или спровоцированный инцидент — например, нападение восточных немцев на советские казармы — может вызвать со стороны военных категорическое требование пустить в ход силу. Горбачев послал г-же Тэтчер бессвязную просьбу о помощи. Я порекомендовал ответить ему словами поддержки. Ей следует предложить поделиться своей тревогой с Бушем, с которым ей предстояло вскоре увидеться. Она могла бы предложить в качестве процедуры разрешения кризиса возродить механизм, использованный во время берлинского урегулирования в 70-х годах: комбинацию четверки союзников военного времени — Франции, Англии, Америки и Советского Союза плюс «две Германии» — Восточная и Западная. Мне хочется думать, что это предложение, быть может, дало толчок процедуре «два плюс четыре», которая была впоследствии разработана для переговоров о воссоединении Германии. На эти лавры, конечно, претендуют и многие другие, и, наверное, с большим основанием.

Род Лайн и я передали ответ британского премьер-министра Горбачеву 17 ноября. Мы встретились в его кремлевском кабинете, обставленном мебелью в довольно хорошем вкусе — синее с серебром вместо традиционного советского сочетания красного с золотом. При передаче присутствовал Черняев. Горбачев был розовощек, выглядел упитанным и здоровым — совсем не похож на того измученного человека, которого я видел в последние месяцы по телевизору, когда он выступал (или бахвалился) перед Верховным Советом. Он был в веселом настроении — спокоен, прост, оживлен и исполнен энтузиазма. После обмена приветственными шутками я передал ему послание пре-

мьер-министра. Британское правительство высоко ценит эту ответственность, с какой советское правительство реагирует на события в Германии. Возникшие поначалу проблемы, судя по всему, становятся менее острыми. Тем не менее, г-жа Тэтчер встревожена и желает поддерживать тесный контакт. Горбачев сказал, что наши взгляды сходятся. То, что произошло в Германии — исторический поворотный момент. Сказать, к чему это приведет, невозможно. Его поездка в Восточную Германию убедила его в том, что перемены там существенно назрели. Он чувствовал себя глупо, стоя рядом с немецким коммунистическим лидером Хонеккером во время празднования годовщины в Берлине, в то время когда колонны студентов с факелами в руках шагали мимо трибуны, крича: «Горби! Горби! Помоги нам!». Происходящие перемены захватывают глубокие пласты. Он намерен поощрять их, несмотря на трудности, которые это создаст для него внутри собственной страны. Однако он будет противиться вмешательству извне. Существование двух Германий — это пока еще реальность.

Как и все остальные, Горбачев не поспевал за ходом событий. В конце ноября кто-то написал на стене дома в Праге: «Кончилось! Чехи свободны». В начале декабря члены политбюро и ЦК соцпартии Восточной Германии подали в отставку. В конце месяца взбунтовался народ Румынии. Чаушеску попробовал прибегнуть к репрессиям. Попытка провалилась. В день Рождества он и его жена были расстреляны без суда. Все это показывали по советскому телевидению. Советские зрители видели, как коммунистические партии Восточной Европы рушились одна за другой, полностью потеряв свой престиж и бывшие претензии. Советские коммунисты начали опасаться за свою собственную партию, за свою работу и даже за свою жизнь. Даже простых людей пробирал по спине холодок. После событий на площади Тянь Ань Мынь, после Румынии, может быть, и Советский Союз на краю кровопролития? В ту зиму одна английская телевизионная компания постоянно держала в Москве свою команду, чтобы показать, когда по-

надобится, падение Горбачева. На следующее лето, в июне 1990 года, английская Национальная опера показала в Киеве и Ленинграде свою версию «Макбета» Верди. Действие происходит в условиях разваливающейся на части диктатуры в Центральной Европе. В Лондоне с его спокойствием и комфортом спектакль раздражал публику. В крайне нервной атмосфере Советского Союза, находившегося на краю взрыва, он производил на аудиторию до боли сильное впечатление.

Теперь остались только два важных вопроса. Как и когда Германии следует воссоединиться? И каковы должны быть взаимоотношения между новой Германией и НАТО? Коль и Буш уже нашли ответ на этот вопрос. Восточная Германия должна быть включена в Федеративную республику как можно скорее. Воссоединенная Германия должна быть полноправным членом западного альянса. Горбачев и Шеварднадзе вскоре поняли, что теперь они мало что могут сделать, кроме того, чтобы попытаться спасти свое достоинство. Менее чем через месяц после падения Берлинской стены они стали все чаще встречаться с немцами. Геншер и Коль приехали в Москву, чтобы подготовить позиции для переговоров, которые они не всегда заранее согласовывали со своими союзниками: к раздражению г-жи Тэтчер, «наши» немцы начинали высказывать независимые суждения. В феврале 1990 года на совещании в Оттаве был достигнут серьезный успех в вопросе о темпах разоружения. Шеварднадзе согласился с тем, чтобы были начаты переговоры о воссоединении Германии на основе формулы «два плюс четыре», согласно которой Восточная и Западная Германия проведут переговоры между собой, а четыре союзника военного времени — Англия, Франция, США и Советский Союз — обсудят вытекающие из их договоренности последствия более широкого плана. Шеварднадзе, по-видимому, вышел за пределы данных ему полномочий. Он нервно заявил на собрании членов Канадского парламента, что воссоединение должно происходить медленно. Советский Союз «болен», и с ним надо обращаться осто-

рожно — поразительное, даже опрометчивое признание слабости.

Советские чиновники не обладали проницательностью Шеварднадзе и его быстротой реакции. Их глубокое огорчение было очевидным. Они нас предупреждали, что генералы не откажутся от стратегического положения Советского Союза в Центральной Европе. Если Германия будет воссоединена, простой народ в стране поднимет страшный шум. Валентин Фалин, горбачевский специалист по Германии в ЦК, провел большую часть 70-х годов в должности посла в Бонне. Это был человек, отличавшийся суровой красотой, голубоглазый, угрюмый и скрытный. Теперь он утверждал, что за много месяцев до падения Берлинской стены предостерегал Хонеккера о том, что произойдет, если он не изменит своей линии поведения применительно к обстановке. Но Хонеккер не внял предупреждению. Поэтому русские ожидали потрясения, но не в таких масштабах, какие наблюдаются ныне. Фалина одолевали смутные опасения относительно долгосрочной цели Германии установить свое господство в Европе («Deutschland über alles»).

На посту заместителя министра иностранных дел, курирующего Европу, Ковалева сменил Анатолий Адамишин. Об Англии и Франции он говорил со мной с язвительным сарказмом. Мы против воссоединения, говорил он, но они так напуганы, что предпочитают, чтобы русские вытаскивали для них каштаны из огня.

В январе 1990 года, в порыве почти истерического негодования, он заявил прибывшему с визитом Государственному министру Форин Оффис Уильяму Уолдгрэйву, что Запад настойчиво ведет дело к свержению коммунизма во всей Восточной Европе, даже там, где коммунисты проводят разумную политику. Советский Союз отказался от идеологической борьбы, и вот теперь ее ведет Запад. Терпимость Советского Союза имеет свои пределы. Немыслимо, чтобы Восточная Германия стала членом НАТО, или чтобы американские войска продвинулись до поль-

ской границы. Простой народ не признает воссоединенную Германию. Из-за этой проблемы в советском правительстве может произойти раскол между штатскими и военными. Горбачев может быть свергнут. Возможны события, которые ошеломят всех нас.

Черняев был настроен более философически. 15 февраля я сообщил ему, что, по мнению г-жи Тэтчер, наилучшей гарантией стабильности в Европе было бы включить Германию в НАТО и Европейский союз. Она готова рассмотреть дополнительную гарантию: граница НАТО может остаться на Эльбе, а советские войска могут остаться в бывшей Восточной Германии. Черняев сказал, что русские отнюдь не согласны с тем, что воссоединенная Германия должна быть в НАТО. Они не боятся, что немцы когда-нибудь вновь пойдут в наступление, но они помнят войну и не могут попросту отказаться от плодов победы. Это вполне реальная внутренняя проблема для советского руководства. Да и вообще, зачем нам нужно НАТО теперь, когда отношения в Европе меняются? Я ответил, что все мы желаем успеха перестройке. Однако существует вероятность, по меньшей мере на 30 процентов, что она не увенчается успехом. (Черняев заметил, что процент, как он опасается, возможно, даже выше.) И с географией не поспоришь. Одна сверхдержава находится в Европе, другая — по ту сторону Атлантики, и нам нужна уравнивающая сила. Он довольно оптимистично согласился с этими доводами, хотя был явно огорчен тем, что мы хотим сохранить НАТО на тот случай, если Горбачев падет.

23 февраля я снова его посетил, на этот раз вместе с Перси Крэдоком, советником премьер-министра по вопросам внешней политики, прибывшим, чтобы на месте ознакомиться с ситуацией. (Мой немецкий коллега, по-видимому, был убежден, что Крэдок прибыл в качестве специального эmissара премьер-министра для переговоров по поводу Германии за спиной ее союзников. Это было не так.) Черняев был особенно откровенен с нами. (Возможно, признался он мне впоследствии, даже чрезмер-

но.) Мы доказывали, что русские будут чувствовать себя в большей безопасности, если воссоединенная Германия прочно утвердится в НАТО и таким образом будет «вакцинирована» от соблазна нанести удар самостоятельно, что причиняло столько страданий Европе на протяжении более века. Почему, возражал на это Черняев, русские должны радоваться тому, что Атлантический союз, созданный для противостояния им, будет теперь расширен? Он утешал себя мыслью, что воссоединение будет происходить медленнее, чем мы думаем. После выборов в Восточной Германии, предстоящих в середине марта, политическое давление ослабнет, и западные немцы начнут сознавать практические трудности, с которыми сопряжен процесс воссоединения. Вот почему русские освободились от первоначально охватившей их паники. Теперь они считали, что времени будет достаточно для того, чтобы все заинтересованные стороны должным образом и в полном сотрудничестве друг с другом создали архитектурный план будущей Европы.

Отказ Коля публично подтвердить, что у него нет никаких притязаний на бывшие немецкие земли к востоку от линии Одер-Нейсе, вызвал холодок страха даже у умеренно настроенных русских и поляков и усилил худшие опасения у таких людей, как Фалин и Адамишин. Даже Черняева встревожил отказ Коля выложить все начистоту, хотя он сознавал, какой нажим оказывают на Коля миллионы избирателей, родовые корни которых находились в утраченных восточных землях. Ясно помня о том, что чувствовали в связи с этой проблемой поляки, я доложил в Форин Оффис, что, по-моему, Лондону следует урезонить Коля. Однако это противоречило политике Запада, состоявшей в том, чтобы предоставить Колю вести дело по-своему усмотрению, ибо у него в стране были обстоятельства, заставлявшие его лукавить. Несмотря на мое беспокойство, соглашение о польско-германской границе было, в конце концов, подписано, но лишь через месяц после того, как воссоединение осуществилось.

К лету слабость советской позиции на переговорах уже невозможно было как-либо замаскировать. 6 июля 1990 года НАТО объявила в Лондоне, что Советский Союз более не является противником. Русские ухватились за это как за удобный предлог, чтобы склониться перед неизбежным. Спустя неделю Коль и Горбачев встретились в Москве и договорились о том, что Германия может, если захочет, вступить в НАТО; советские войска в течение трех-четырех лет уйдут из Германии; Бундесвер вступит в Восточную Германию сразу же после воссоединения, но общая его численность будет сокращена. Подозрения Фалина от этого не уменьшились. Кое-кто в окружении Коля, неясно намекал он мне, уже поговаривает о том времени, когда у Германии может появиться надежда провести новые переговоры о своих восточных границах и потребовать компенсации за Польшу в Белоруссии и на Украине, которые к тому времени уже не будут находиться под советским контролем. Тем самым, он стал одним из первых, кто предсказал распад Советского Союза именно в той форме, в какой он на самом деле произошел.

В конце августа 1990 года мы с Джилл проехали через Восточную Германию, возвращаясь в Москву после летнего отдыха. Это было наше первое посещение Германской Демократической Республики, находившейся в тот момент на последнем издыхании. После того как мы пересекли старый барьер — сторожевые башни и колючая проволока были разобраны, пограничные посты никем не охранялись, — дорожное покрытие на шоссе резко ухудшилось. Мы оказались вновь в Восточной Европе. Мы въехали в Эйзенах, где родился Бах, проехали мимо заводов, производивших столь же гнетущее впечатление, как подступы к любому советскому городу. В убогом «Парк-отеле» — пережитке XIX века — в уборных стоял отвратительный запах, а обслуживающий персонал состоял из людей, прибитых жизнью. В Дрездене центр города все еще представлял собой пустыню, и не только из-за разрушений, произведенных в конце Второй мировой вой-

ны английской и американской авиацией, но и потому, что коммунисты восстановили всего лишь несколько крупных зданий. Советская система оказалась в Восточной Германии таким же банкротом, как и повсюду. Даже немцы не в состоянии были заставить ее работать.

Однако новая жизнь прокладывала себе дорогу. В магазинах Эйзенаха было уже полно западных товаров. Дрезденский банк открыл маленькое отделение прямо напротив нашего отеля; там было полно народу, охотно открывавшего счета и менявшего деньги, — люди были в восхищении от своих вновь обретенных «Deutschmarks». Супермаркет в маленькой деревушке возле дороги на Веймар был набит людьми, веселыми и процветающими на вид, которые покупали западную зубную пасту и консервированные фрукты, в то время как вполне пристойные болгарские фруктовые консервы лежали на нижней полке — их никто не замечал и не покупал. Старая рыночная площадь в Дрездене была забита западногерманскими автомобилями, доставленными сюда на продажу, в магазинах было полно новейших электронных приборов, и всюду висели объявления о курсах, где обучают, как выжить в условиях рыночной экономики. Русские печально слонялись по улицам; они уже не были победителями. Магазин книг на русском языке в Веймаре и бюсты Пушкина на улицах были теперь не более чем памятниками краха русского культурного империализма.

12 сентября, всего за какие-нибудь три недели до воссоединения, соглашение о Германии и НАТО было окончательно утверждено в Москве Министерствами иностранных дел четырех держав и двух Германий. Переговоры происходили в гостинице «Октябрьская» — еще одном помпезном здании брежневского периода, которое в прошлом служило базой для партийных делегаций, прибывавших в Москву. Случались и элементы фарса. Англичане привели в ярость Геншера и Шеварднадзе тем, что стали в последнюю минуту настаивать на внесении изме-

нений. У французов сломался компьютер. Немцы потеряли свою копию текста. Однако, в конце концов, Горбачев смог председательствовать на церемонии подписания Договора, положившего конец второй мировой войне.

К этому времени советских военных обуревали все возрастающие подозрения относительно того, что им еще предстоит проглотить. Кончится ли дело лишь включением воссоединенной Германии в НАТО? Западные политики пытались развеять эти подозрения. Джеймс Бейкер заверил Горбачева в феврале 1990 года и еще раз в мае того же года, что сфера юрисдикции НАТО и ее войска не выйдут за установленные границы. В марте 1991 года Язов запросил у Джона Мэйджора разъяснений по поводу призыва президента Гавела к НАТО включить в состав чехов, поляков и венгров. Премьер-министр заверил его в том, что ничего такого не произойдет⁸. В апреле Черняев известил Майкла Александера, постоянного британского представителя в НАТО, что Горбачев сам хочет, чтобы НАТО оставалась как стабилизирующая сила теперь, когда Варшавский пакт рухнул. Но НАТО не должна приближаться к советским границам или поддерживать старые страхи перед советской угрозой: такой угрозы более не существует, кто бы ни пришел к власти в Москве. Настоящая угроза возникла бы в результате распространения ядерного оружия в случае распада Союза. Маршал Ахромеев приводил такие же аргументы. Отношения между Востоком и Западом должны строиться на доверии. Русские не хотят конфронтации с американцами: более того (поразительное признание!) они его уже не выдержат. Советский Союз останется великой державой, однако, не имея собственных союзников, он все еще имеет против себя большой и крепко спаянный альянс. Как солдат, Ахромеев не мог игнорировать эти реальные военные обстоятельства.

Заверения, данные западными политиками относительно будущего НАТО, не были обязывающими, они нигде не были записаны, их давали люди спешившие, поглощенные стремлением достигнуть более непосредственных

задач. Их целью не было ввести в заблуждение. Но русские, конечно же, истолковали их в том смысле, что дальнейшего расширения НАТО на восток от новой границы Германии не будет. Последующая политика расширения НАТО была для них явно недобросовестной.

Роль Англии в этих великих событиях была минимальной. На стороне Запада ведущая роль, естественно, досталась немцам и американцам. Но как одна из стран-победительниц, Британия по праву участвовала в переговорах о Германии. Однако г-жа Тэтчер решительно отказывалась взглянуть в лицо реальной действительности. Я посетил ее на Даунинг-стрит в начале сентября 1989 года. Когда я пытался развивать какие-то мысли по поводу того, что происходит в Германии, она отрешенно смотрела в пол. Немцы, заявила она, согласятся на нейтралитет, на воссоединение, или и на то и на другое. Она списала их со счета.

Несколько недель спустя она прибыла в Москву на обратном пути из поездки в Токио. Она посетила нас фактически впервые. До этого она приезжала в 1987-м в качестве премьер-министра и еще один раз, когда утратила этот пост. Всякий визит премьер-министра дело хлопотное. Случалось, что неугодных послов увольняли с работы. Но есть здесь и компенсирующие моменты. Премьер-министров во время их путешествий сопровождает высоко профессиональная и опытная команда: личный секретарь, советник по печати, секретарши, делопроизводители и небольшая группа военных полицейских для обеспечения безопасности. Г-жа Тэтчер пронеслась через наш дом освежающим вихрем. Ее штат обычно завладевал моим кабинетом, и его постоянно кормила посольская прислуга, работавшая на кухне. Секретарши посольства водили секретарш премьер-министра по городу, показывая им достопримечательности. А потом все они уезжали. Сотрудники посольства издавали коллективный вздох облегчения, когда самолет премьер-министра отрывался от взлетной полосы и мы могли вернуться к нормальной жизни.

Поскольку визиты г-жи Тэтчер были должным образом организованы, они доставляли нам меньше забот, чем посещения министров более низкого ранга с неопытным штатом и преувеличенным представлением о значимости своей персоны. Как гость, она была приятна, интересна, откровенна и совершенно раскованна в разговоре. Но что самое главное, она была неизменно добра и заботлива в общении с нижестоящим персоналом, что можно сказать далеко не о каждом высокопоставленном руководителе. В роли премьер-министра ее сопровождали Чарльз Пауэлл, личный секретарь и доверенное лицо — человек выдающихся способностей, Бернард Ингам, ее сварливый пресс-секретарь, и ее парикмахер. Она вставала на рассвете и вызывала ее причесать Нину, одну из русских женщин, служивших в резиденции посла. После завтрака мы снабжали ее информацией, собираясь для этого небольшой группой, потому что в таком случае у нее было меньше соблазна порисоваться и она слушала более внимательно. После этого она стремглав отправлялась выполнять свое немыслимо трудное расписание деловых встреч, сопровождаемая обычно только личным секретарем Чарльзом и переводчиком.

В этот визит она приземлилась уже за полночь 23 сентября, после заправочной остановки в Братске, в Сибири, где очаровала несгибаемых местных коммунистов. Как всегда неутомимая, она с радостью уселась поболтать с нами часок за виски с содовой, прежде чем пойти спать. На следующее утро она встретила с Горбачевым в элегантном Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца и передала ему ободряющее послание от Буша. Горбачев был, рассказала она мне позже, спокойным и уверенным, несмотря на трудности. В армии положение напряженное, сообщил он. Но он имеет сильную поддержку. Это были стандартные хвастливые слова, хотя с ней он был откровеннее, чем с другими, потому что (как отметил Черняев) знал, что «она внимательно изучает нашу ситуацию и лукавить с нею рискованно»⁹. Наиболее важной частью беседы

был разговор о Германии. Г-жа Тэтчер считала (она пишет об этом в своих мемуарах), что Германия «по самой своей природе — дестабилизирующая сила в Европе». И объяснила Горбачеву, что союзники Германии с опаской относятся к воссоединению, вопреки их традиционным заявлениям в поддержку этой акции. Горбачев сказал, что русские тоже не хотят воссоединения Германии. «Это укрепило меня, — писала она впоследствии, — в моей решимости замедлить уже набравший крайне быстрый темп ход событий». Но она неправильно поняла Горбачева: он не собирался бессмысленно противостоять натиску истории. Его проблема заключалась в другом: добиться наибольшей выгоды в обмен на неизбежное отступление России.

Ровно за месяц до падения Стены я присутствовал на совещании в Форин Оффис. К тому времени в Восточной Германии прошли массовые демонстрации, а Венгерская коммунистическая партия проголосовала за свой самороспуск. Мы все знали, что две Германии объединятся по модели Западной Германии, — нравится нам это или нет. Политическое обоснование наших оборонительных мер как-то вдруг стало казаться шатким. Если подавляющие по своей численности советские войска в Европе будут резко сокращены, либо в результате переговоров, либо вследствие отвода самих войск, то чем мы оправдаем размещение ядерного оружия для их сдерживания? Каким образом должны быть распределены между союзниками сокращения наших собственных обычных вооружений, с тем чтобы каждый получил справедливую долю «мирных дивидендов»? Кристофер Маллаби, ставший к этому времени нашим послом в Бонне, сообщал, что Гепшер хочет включить Австрию, а со временем также Польшу и Венгрию в Европейское сообщество. Удобных простых понятий «холодной войны» более не существовало.

Однако г-жа Тэтчер приказала чиновникам даже не помышлять о воссоединении Германии. Она полагала, что Горбачев и Миттеран помогут ей переломить ситуацию. На встрече в верхах, состоявшейся в конце ноября 1989

года в Париже, она заявила своим европейским коллегам, что «всякая попытка говорить как об изменении границ Германии, так и о ее воссоединении подорвет позиции Горбачева и откроет ящик Пандоры — по всей Центральной Европе начнут выдвигаться претензии, касающиеся границ... Чтобы создать основу стабильности, мы должны сохранить как НАТО, так и Варшавский договор»¹⁰. Дабы усилить впечатление, она добавила, что смотрит довольно мрачно на перспективы Горбачева. Слухи о ее позиции начали циркулировать по Москве. Ее отношения с президентом Бушем ухудшились. Люди начали сознавать, что дни ее сочтены. Завистники и обиженные ею увидели, что им представляется случай расквитаться с ней.

В конце года премьер-министр, наконец, перестала прятать как страус голову в песок и признала, что Германия воссоединится. Однако ее идеи были нереалистично грандиозны: по ее мнению, НАТО и Варшавский договор должны сохраниться, чтобы уравнивать друг друга. Однако их роли радикально изменятся. Американцы могут уйти из Европы. Теперь она требовала от своих чиновников, чтобы они думали о возможных альтернативах НАТО. В феврале 1990 года она признала в разговоре с прибывшим в Лондон членом политбюро Вадимом Медведевым, что с чаяниями немцев придется посчитаться.

Но если умом она признавала, что воссоединение Германии неизбежно, сердцем она еще никак не могла с этим примириться. Сразу же после встречи с Медведевым она призналась мне, что быстрота, с какой разворачиваются события, приводит ее в ужас. Джеймс Бейкер — слабак. Горбачев колеблется, несмотря на все, что он говорил ей в Москве. Советским войскам следует разрешить остаться в бывшей ГДР. Окончательная договоренность должна дать ясно понять, что немцам все еще не доверяют целиком и полностью. Через месяц она пригласила группу ученых в Чекерс на свой пресловутый семинар по германскому вопросу. Несколько участников выразили старомодные антигерманские настроения. Сведения о происходившем на

семинаре проникли в печать. Немцы были обижены. Однако, что бы ни предприняла г-жа Тэтчер к тому времени, это уже никак не могло отразиться на ходе событий. Семинар подкрепил ее предубеждения и предрассудки, но никак не помог процессу разработки разумного политического курса. В июне 1990 года г-жа Тэтчер прибыла в Москву в последний раз в должности премьер-министра. К этому времени ее позиция изменилась, и она пыталась убедить Горбачева, что присутствие объединенной Германии в НАТО будет определенно выгодно Советскому Союзу. Она была несколько удивлена, когда не встретила негативной реакции с его стороны на это утверждение.

Теперь было уже слишком поздно исправлять нанесенный ущерб. Тщетная попытка г-жи Тэтчер противодействовать ходу истории подорвала международные позиции Англии и ее отношения с Германией. Если добавить к этому ее ошибки в решении европейских проблем и просчеты с определением подушного налога, ее предубеждение против воссоединения Германии показывало, что политическая интуиция «железной леди» более не служит так исправно, как прежде. Менее чем через два месяца после воссоединения Германии она лишилась своего поста.

Советских генералов не пригласили участвовать в переговорах о Германии, хотя именно им предстояло справляться с последствиями принятых решений: отводом полумиллиона солдат и офицеров вместе с их снаряжением и членами семей в страну, где не было необходимых условий для их размещения и обустройства. К тому времени, когда в сентябре 1990 года германский договор был подписан, они были уже в беде. Примерно за два года до этого, 7 декабря 1988 года Горбачев объявил в сенсационном выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, что Советский Союз сократит свои вооруженные силы на 500 тысяч человек и соответственно уменьшит численность своих войск в Восточной Европе. В будущем Советский Союз будет строить свои внешние отношения не на принципе классовой борьбы, а на взаимозависимости. Он обещал укре-

пить власть закона и основные свободы у себя в стране, то есть создать то, что он называл основанным на законе социалистическим государством. По своему стилю, лексике и содержанию его речь резко отличалась от речей его предшественников. Главный специалист ЦРУ по советским делам заявил через несколько дней в Конгрессе США: «Если бы нам неделю тому назад сказали, что Горбачев может явиться в ООН и предложить в одностороннем порядке сократить на полмиллиона свои вооруженные силы, нас назвали бы сумасшедшими»¹¹. Тем не менее, мои посольские коллеги считали, что это не более чем старые советские трескучие фразы, «мирная пропаганда», рассчитанная на то, чтобы ослабить волю неосторожного Запада. Я указывал на то, что Горбачев предлагал сократить именно те наступательные силы в Центральной Европе, сокращения которых требовали от него мы: шесть танковых дивизий, саперно-понтонные части и десантные соединения, количество танков в мотострелковых дивизиях. Моих коллег это не убеждало, и я начал сомневаться в правильности моих рассуждений. Однако Джек Мэтлок, американский посол, был со мной согласен. Он был в Нью-Йорке, слышал собственными ушами выступление Горбачева и поражался тому, что дожил до такого дня, когда ему доведется услышать подобные речи из уст генерального секретаря. У меня стало легче на душе.

Отвод войск, о котором распорядился Горбачев, уже осуществлялся, когда к нам пожаловал первый военный гость. В конце ноября 1989 года в Москву прибыл Ричард Винсент, заместитель начальника штаба обороны. Доброжелательный, отзывчивый, он хорошо подходил для роли «первопроходца». Он посетил в Кривом Роге на Украине танковую дивизию, предназначавшуюся к ликвидации в соответствии с решением Горбачева об одностороннем сокращении вооруженных сил. Кривой Рог имеет протяженность 120 километров — это бесконечная череда угольных шахт, где добыча ведется открытым способом, по всему длинному краю которой расположен унылый городишко.

Винсент прибыл в танковый парк в слепящий буран. В течение трех часов он ехал мимо кучек людей, жмущихся к пустым магазинам. Картина была невообразимо безотрадной и тяжелой. Побродив около часа вокруг замерзших танков, Винсент был приглашен на что-то вроде вечеринки в палатку. Атмосфера сразу стала непринужденной. Генерал-майор, командовавший дивизией, поднялся и сказал: «Некоторые начинают поговаривать, что всю армию бросают на помойку (пауза)... Я согласен с теми, кто так говорит». Начальство постаралось изо всех сил загладить происшедшее, но слова были произнесены.

Проблемы генералов осложнялись возобновлением серьезных переговоров о взаимном сокращении обычных вооруженных сил в Европе. Переговоры, сокращенно именовавшиеся MBFR, свидетелем начала которых я был в Вене в 1973 году, вяло тянулись с тех пор. В апреле 1986 года Горбачев предложил возможные пути их возобновления. Его предложение было одобрено странами Варшавского договора в июне, в Будапеште. В декабре 1986 года НАТО выступила с собственными предложениями. Переговоры о заключении Договора об обычных вооружениях в Европе (CFE) начались в Вене 9 марта 1989 года и завершились торжественной церемонией на Парижской встрече в верхах в ноябре 1990-го. Это было последнее появление г-жи Тэтчер на международной арене в качестве премьер-министра.

По этому вопросу у меня с Моисеевым чаще всего происходили стычки. Почти сразу после подписания Договор стал яблоком раздора между русскими и Западом. НАТО обвиняла русских в попытке уклониться от его выполнения или в намерении обеспечить себе преимущества, вытекающие из его статей. Военно-морские силы Договором не охватывались, поэтому советские военные руководители передали некоторое количество армейских бомбардировщиков военно-морскому флоту, а три пехотных дивизии преобразовали в морскую пехоту. Договор предусматривал уничтожение излишков вооружения в районе, входящем в сферу его действия; Советы перебросили мас-

су танков и орудий за Урал, с тем чтобы они не учитывались. Эти действия противоречили букве и духу Договора. Но переговоры и Договор имели место в то время, когда еще существовал Варшавский пакт. Теперь его уже не было. Советские военные были твердо убеждены в том, что Договор дает Западу в высшей степени несправедливые преимущества, и что они вправе использовать любую лазейку, чтобы спасти что можно из своих прежних позиций.

Американцы и англичане были также исполнены твердой решимости и настаивали на точном исполнении Договора, вплоть до мельчайших деталей. В январе 1991 года я передал Моисееву письмо, в котором излагались вопросы, вызывавшие у нас беспокойство. Его излюбленной оборонительной тактикой было обрушивать на слушателя каскад слов и фактов, причем делалось это с присущим ему задиристым обаянием. Едва я успел войти в его кабинет, как он начал длиннейшую тираду о предстоящей войне в Персидском заливе. Я прервал его, чтобы сказать, что его правительство поддерживает политику ООН в Заливе. Так он что — против? Нет, конечно, ответил он. Но война — ужасная штука, людей убивают. Я воздержался от замечания, что об этом ему следовало бы подумать до того, как он стал профессиональным военным.

Моисеев и его коллеги были огорчены в связи с войной в Персидском заливе не по гуманистическим, а по профессиональным причинам. Война показала, как сильно отстала их военная машина; кроме того, война вновь продемонстрировала, что американцы, в отличие от русских, могут безнаказанно применять военную силу под прикрытием мандата ООН, или — как это было годом ранее в Панаме — почти без всякого юридического оправдания. Советским чиновникам война не нравилась потому, что она угрожала политическим, торговым и промышленным связям, которые они установили с Ираком и которые намеревались по окончании войны восстановить. Несколько дней ранее я посетил Белоусова, заместителя премьер-министра, ведавшего военной промышленностью. Он ска-

зал мне, что никогда раньше не встречался с западным дипломатом, и мне, разумеется, с ним тоже ранее не доводилось видеться. Он недавно побывал в Багдаде, где вел переговоры о репатриации советских граждан, оказавшихся в Ираке в ловушке пакануне войны. Иракцы обещали Примакову отправить их на родину. Однако ничего в этом направлении не делалось, и советский парламент начинал бить тревогу. Белоусов добился того, что на этот раз была достигнута личная договоренность с Саддамом Хусейном. Небольшой контингент инженеров-эксплуатационников должен был остаться, чтобы не допустить развала предприятий. Никто из этих инженеров, сказал Белоусов, не является военным советником. В компенсацию за все это он договорился с Саддамом Хусейном, что советские строительные контракты лишь временно приостанавливаются, а не аннулируются и к концу кризиса вновь вступят в силу. Однако он вполне откровенно признал, что цель его заключалась в сохранении позиций, созданных Советами в Ираке за несколько десятков лет. Больше я его никогда не видел. Предпринятая Горбачевым в последнюю минуту попытка договориться с Саддамом об отступлении при минимальном кровопролитии могла бы увенчаться успехом, если бы американская военная колесница не разогналась к тому времени так, что ее уже было не остановить. Он и Шеварднадзе остались верны обещаниям, которые они дали Западу, но это не принесло им пользы во взаимоотношениях с реакционерами в их собственной стране.

Когда Моисеев успокоился, я передал письмо. Я полагаю, сказал я, что русские понимают: Договор об обычных вооруженных силах в Европе в их интересах, так же как он отвечает и нашим интересам. Однако он не будет действенным, если обе стороны не будут относиться к нему с полным доверием. Эти слова вызвали новую тираду. Договор односторонний, кричал Моисеев. НАТО его использует, чтобы получить преимущество перед Советским Союзом. Множество людей в Москве считают, что «наш главный переговорщик» (то есть Шеварднадзе) по-

шел на слишком большие уступки, Верховный Совет вполне может отказаться ратифицировать Договор, если НАТО будет продолжать оказывать свой необоснованный нажим. Его коллега генерал Денисов вмешался в разговор и заявил, что Договор только в интересах НАТО, но никак не в интересах Советского Союза. Я спросил, должен ли я доложить в Лондоне, что советский Генеральный штаб считает договор, подписанный Советским правительством, противоречащим советским интересам? Денисов дал задний ход, утратив, таким образом, высоконравственную позицию, которую пытался было отстаивать. Моисеев попробовал исправить положение, обрушившись на поляков. Они мешают выводу советских войск через свою территорию, а между тем им следовало бы помнить о 650 тысячах русских, погибших ради их освобождения. Я заявил в ответ, что провел в Польше три года и хорошо знаю поляков. Они помнят многое: например, три раздела Польши, три варшавских восстания и предательство 1939 года. Как это часто бывает, меня поражало, что русским, как и англичанам, бывает трудно понять, за что их так не любят соседи. Несколькими годами позже я сказал Дмитрию Рюрикову, советнику Ельцина по международным вопросам, что было бы неплохо, если бы Польша вступила в НАТО и таким образом перестала служить предметом соблазна для обоих своих великих соседей. «Но мы не собираемся вторгаться в Польшу», — возразил он. «Я вам верю, — сказал я. — Но поляки об этом не знают». Я коротко напомнил факты истории, сделав особый упор на введении в Польшу в 1980 году военного положения. «Зачем вы вытаскиваете на свет божий весь этот старый хлам?» — недовольно фыркнул он.

Однако бессмысленно было ссориться с Моисеевым по поводу трехсотлетней истории русско-польских отношений, поэтому я вернул нашу дискуссию к вопросу, актуальному сегодня. Я повторил наши разнообразные жалобы и в заключение сказал, что дух Договора столь же важен, как и его буква. Или относительно фактов действительно существует какая-то путаница, или русские сталкиваются с

реальными практическими трудностями, мешающими выполнению их обязательств, а может быть, они сознательно пытаются уклониться от выполнения этих обязательств. Что касается первых двух вариантов, то тут проблемы, без сомнения, можно было разрешить путем обсуждения. Третий вариант может оказаться очень серьезным. Моисеев не взорвался, хотя я этого ожидал, и согласился с тем, что подробности следует обсудить между специалистами.

На протяжении последующих месяцев Язов и Моисеев продолжали произносить громкие угрожающие слова. Но Ахромеев заверил нас в апреле, что русские будут придерживаться согласованных цифр. Им эти цифры не нравятся, но они сами виноваты в том, что не смогли более успешно вести переговоры из-за внутренних разногласий. Используя давнишний политический прием, Горбачев послал Моисеева в Вашингтон для переговоров непосредственно с американцами: в этом случае ответственность за успех или неудачу переговоров ляжет на генерала. 14 июня 1991 года переговоры, наконец, завершились в Вене, где они начались почти 18 лет назад.

Согласно Конвенции о биологической войне 1972 года, русские, так же как и мы, обязались не производить биологического оружия. Конвенция страдает одним фундаментальным недостатком. Для исследовательских работ не требуется сложного оборудования, и секретные исследовательские программы трудно обнаружить даже с помощью самых изощренных методов. Ну а после того как исследования произведены, производство оружия — уже дело сравнительно легкое. Мы всегда подозревали, что Советы что-то такое готовят. В 1979 году американцы объявили, что вспышка сибирской язвы с летальным исходом в Свердловске (ныне Екатеринбург) была результатом несчастного случая в ходе работы над программой производства биологического оружия. Осенью 1989 года Владимир Пасечник, сотрудник Ленинградского научного института, бежавший на Запад, сообщил нам, что исследовательские работы по производству незаконного оружия прикрывают-

ся якобы коммерческой деятельностью организации, именуемой «Биопрепарат». Спустя несколько лет он повторил всю эту историю по английскому телевидению. Возможно, это было частью маневра с целью оказать давление на все еще колеблющихся русских.

Разумеется, мы не могли отнестись к этому безучастно. Но Лондон видел здесь серьезную тактическую проблему. Каким образом мы можем оказывать нажим на русских, не раскрывая наш источник информации? Я считал, что трудность преувеличивают. Наш «источник» находится теперь в безопасности в Англии. Надо полагать, русские заметили, что он перестал приходить на работу. Мы могли сообщить то, что нам было известно, не причиняя ему вреда. И если мы не дадим ясно понять, что знаем, о чем говорим, русские могут легко уйти от наших вопросов. Мое мнение не было поддержано другими. Но в мае 1990 года Том Кинг должен был посетить Советский Союз: это был первый в истории визит британского министра обороны. Нам надо было действовать, но мы боялись, что ссора испортит визит. Джек Мэтлок и я предупредили Черняева и заместителя министра иностранных дел Бессмертных, о чем может идти речь. Кинг задавал вопросы Язову во время частной встречи, но подходил к делу все время окольным путем. Язов пробормотал своему адъютанту, что англичанин, по-видимому, что-то узнал от «того перебежчика»; Кинг покраснел, но вежливо отрицал, будто ему что-то известно.

Месяц спустя, когда г-жа Тэтчер в последний раз приехала в Москву в качестве премьер-министра, она вела себя в разговоре с Горбачевым гораздо прямее. Он заявил, что ничего не знает, но обещал выяснить. Аналитики из разведывательных служб Лондона и Вашингтона, многие из которых считали, что между Горбачевым и его предшественниками нет особой разницы, полагали, что он прекрасно знал о происходившем и сам участвовал в сознательном обмане, подстроенном его генералами. Черняев, с которым я обсуждал этот вопрос в апреле и декабре 1991

года, утверждал, что Горбачеву не было никакого смысла обманывать Запад. Горбачев сам горячо верил в то, что прозрачность в военной сфере столь же выгодна Советскому Союзу, как и остальному миру. Я предположил, что военные просто обманули Горбачева относительно программы производства биологического оружия, также как они обманули своих штатских начальников относительно программы антибаллистических ракет¹² и относительно вывода обычных вооруженных сил из Европы. Черняев обдумал мои слова, но все-таки готов был принять на веру заявления генералов ввиду отсутствия доказательств. Я был настроен более скептически. Горбачев вполне мог быть не в курсе того, что замышляют генералы. Но генералы были способны, из чувства ложного патриотизма, ввести его в заблуждение, твердо веря в старый принцип — «секретность полезная и секретность бесполезная». Горбачев не мог знать и не знал всего, что происходит в стране. Впрочем, к тому времени он уже был бессилён отстаивать свои позиции.

Когда Дуглас Херд посетил в январе 1992 года Президента России, Ельцин без всякой просьбы и понуканий сказал: «Мне все известно о советской программе биологического оружия. Она все еще действует, хотя ее организаторы утверждают, что это всего лишь оборонные исследовательские работы. Они фанатики и добровольно не остановятся. Я лично знаю этих людей, знаю их фамилии, знаю адреса институтов, где они работают. Я закрою институты, отправлю в отставку руководителя программы и заставлю остальных заняться чем-нибудь полезным. После того как я сам проверю, прекратили ли институты свою работу, я намерен пригласить международных инспекторов».

Мы были поражены, и могли лишь поблагодарить его. Ельцин повторил свои обещания во время визита в США в мае 1992 года. Но на этом история еще не кончилась. Русские военные изворачивались, виляли, как они это делали еще тогда, когда носили советскую военную форму. Был произведен обмен делегациями специалистов,

но никаких исчерпывающих свидетельств получено не было. Американцы, как и русские, объясняли, что они не открывают полностью свои карты из соображений коммерческой тайны. Гражданские наблюдатели предостерегали об опасности. Но главная проблема оставалась: исследования в области биологического оружия могут проводиться настолько скрытно, что окружающий мир не будет в состоянии их обнаружить¹³.

Поскольку на стратегическом уровне ядерные проблемы были предметом обсуждения между американцами и русскими, а на тактическом уровне они велись с альянсом НАТО в целом, англичане не играли самостоятельной роли в переговорах о контроле над ядерным оружием, проводившихся на протяжении всего периода правления Горбачева. На практике их роль сводилась к тому, чтобы пытаться повлиять на политику американцев или НАТО. При г-же Тэтчер они выполняли эту роль энергично и действительно. Советские лидеры были озадачены энтузиазмом, с каким г-жа Тэтчер высказывалась в пользу ядерного оружия, что она делала весьма напористо при всякой встрече с ними. В июне 1990 года она пожелала встретиться с военачальниками, «чтобы увидеть, как они настроены, и ясно изложить им, что я сама думаю по этому поводу». Встреча состоялась в большом конференц-зале Министерства обороны, украшенном картинами с изображениями русских побед. Язов пришел вместе с Моисеевым и несколькими коллегами — так они чувствовали себя увереннее. Они были страшно возбуждены от перспективы встречи с премьером. Однако их снедали опасения, и их явно подготовили к встрече. Они знали о ее грозной репутации спорщика и, без сомнения, помнили, как она превратила советских корреспондентов в посмешище, выступая три года назад по телевидению. Язов крепко держал в узде свою команду и шлепнул Моисеева по руке, когда тот попытался вмешаться. Г-жа Тэтчер заявила, что именно ядерное оружие до сих пор поддерживало мир: его великое преимущество состоит в том, что, коль скоро вы им владеете, никто

не захочет на вас напасть. Генералы мудро кивали головами в знак согласия. Язову, который все время порывался вставить словечко, удалось, наконец, сказать, что ядерное оружие, возможно, содействовало сохранению мира в Европе. Однако в других местах особенного успеха в поддержании мира оно не принесло. А после взрыва ядерного реактора в Чернобыле в 1986 году русские вообще относятся к ядерному оружию гораздо прохладнее.

Язов развил этот аргумент во время своей встречи с Верховным главнокомандующим союзными войсками в Европе генералом Галвином в ноябре 1990 года. Жизнь на земле можно сделать невозможной и при гораздо меньшем количестве оружия, чем то, каким уже располагают нынешние ядерные державы. Он, Язов, не понимает, ради чего военные обеих сторон производили его в таком количестве. Ядерное оружие необходимо уничтожить. Иначе оно будет пущено в ход. Возражая ему, Галвин оперировал такими доводами, как целесообразность политики минимального сдерживания, а также невозможностью не считаться с тем, что бомба изобретена, и этого уже не изменишь. Язова это не убедило. Генерал Карпов, начальник Главного оперативного отдела Генерального штаба, заметил, что в основе советской стратегии всегда лежала оборонительная идея. Но мы, добавил он, были привержены оперативной доктрине наступления. Поэтому наращивали свои бронетанковые силы и ядерное оружие. Однако не сумели правильно оценить последствия ядерной войны и невозможность победы в третьей мировой войне. Все это обострило «холодную войну» и привело к тупику в вопросе о ядерном оружии. В конце концов, экономическое бремя стало непосильным. Перемены, происшедшие после 1985 года, имели целью привести в соответствие советскую внешнюю оборонную и экономическую политику. Это было довольно точное изложение идей, лежавших в основе перестройки, и первый случай, когда советский генерал во всеуслышание признал, что Советский Союз также несет ответственность за «холодную войну».

Видя, что их превосходство в обычных вооруженных силах рухнуло, русские генералы начали подумывать, что ядерное оружие, может быть, все-таки не такая плохая штука. В прежние годы НАТО рассматривала свое ядерное оружие как фактор, компенсирующий их отставание от Советского Союза в обычных вооруженных силах. Трудно было понять, почему западные комментаторы пришли в такое негодование, когда русские в апреле 2000 года приняли такую же доктрину. Ведь в конечном итоге, как Черняев заявил Перси Крэдоку в феврале 1990 года, пока у русских сохраняется их ядерное оружие, они могут постоять за себя. Более того, добавил Черняев с характерной для него широкой улыбкой, кто бы вообще пожелал разговаривать с русскими, если бы они при своих нынешних политических и экономических трудностях отказались еще и от своего ядерного оружия?

Заключение Договора о Германии было погребальным звоном по сталинской империи в Европе, а также по старой советской армии. В начале 1988 года в Восточной и Центральной Европе находилось двадцать шесть советских дивизий. Шестью годами позже они вернулись в ту страну, которая когда-то была Советским Союзом. Отвод советских легионов со всем их снаряжением в столь короткий срок был с точки зрения логистики подвигом, за который советскому Генеральному штабу никто никогда не воздал должного. Условия для размещения возвращающихся солдат никуда не годились. Лишь незначительному меньшинству посчастливилось разместиться в новых жилых зданиях, построенных на немецкие деньги. Десятки тысяч офицеров и членов их семей были размещены в убогих палатках или транспортных контейнерах. Советские армии, возвратившиеся из Европы в 1945 и 1946 годах, были в еще худшем положении. Но их дух поддерживало сознание одержанной победы. Их преемники потерпели полное поражение, не сделав ни единого выстрела. Растерянные и глубоко униженные, военачальники винили штатских за то, что им

представлялось вопиющим и ничем не вызванным параличом воли.

Пока что они скрежетали зубами и продолжали подчиняться гражданскому контролю. Но никто из нас не мог быть уверен в том, что в конце концов их терпение не лопнет. Уже в марте 1989 года «Вашингтон Таймс» распространила слух, исходивший из среды американских разведчиков, будто бы Язов попытался убить Горбачева, после чего перестал появляться на публике. История была испорчена, когда Язов пришел на избирательный участок, чтобы принять участие в выборах. Но московская интеллигенция проявляла растущую нервозность. Она боялась кровопролития — военного переворота или повторения расправы, учиненной китайцами на площади Тянь Ань Мынь. Горбачев и его советники, так же как и эксперты в Лондоне, с презрением отменяли всякую мысль о военном перевороте. Такого, говорили они (неправильно говорили!), никогда не бывало за всю долгую историю России. Я не вполне разделял мнение оптимистов. К весне 1990 года акции Горбачева очень сильно упали. Он дал людям свободу, и они утратили тот благоговейный страх, с каким прежде относились к столпам тоталитарного государства — армии, партии и КГБ. Он не понимал генералов и не сочувствовал им и, по-видимому, даже не считал политически целесообразным оказывать им моральную поддержку или утешать их. 8 мая, в 45-ю годовщину Победы, он выступал в Большом театре перед старшими офицерами и партийными руководителями. Он говорил ясно, взвешенно и исторически правильно. С безупречной логикой он объяснил необходимость военной реформы. Однако он не проявил заботы о насущных проблемах военных и не апеллировал к их патриотизму. Он получил не более обычной дозы аплодисментов, причем многие престарелые генералы от аплодисментов воздержались. Г-жа Тэтчер, живущая в западной демократической стране, всегда гораздо больше заботилась о своих военных избирателях.

Язов и его коллеги смутно сознавали, что провал экономики означал существенное сокращение бюджетов, численности войск и их оснащения. Но старая вера в то, что Бог, царь или партия все обеспечат, умирала очень медленно. Я спросил генерала Лобова, который осенью 1991 года недолгое время был начальником штаба, откуда возьмутся деньги на задуманную им военную реформу. Он ответил: «Откуда я знаю? Я не бизнесмен». Восточно-европейская империя — плод победы — ускользала теперь из рук военных. Поскольку беспорядки усиливались внутри самого Советского Союза, политики обратились именно к военным с просьбой помочь гражданским властям в Тбилиси, в Баку, в Риге и в Вильнюсе. Но когда дела пошли плохо, во всем обвинили не политиков, а военных. Их сыновья и внуки более не считали за честь служить в армии и даже не находили в этом выгодного приложения своих сил. Единство в военной среде также ослабевало, так как между престарелыми генералами и напористыми строевыми офицерами и между солдатами, принадлежавшими к различным этническим группам, усиливались разногласия. Дезертирство и уклонение от призыва становились все более частым явлением. Либеральная пресса постоянно высмеивала профессиональную честь и компетентность военных. Насмешкам подвергались и их неуклюжие попытки публично защищаться. В сентябре 1989 года один адмирал сказал мне, что он уже не может уговорить своих сыновей последовать по его стопам и избрать для себя военную карьеру, — грустное признание в стране, где еще встречались офицеры, чей род на протяжении восьми поколений служил в вооруженных силах.

Все это привело меня к выводу, что старые предубеждения против «бонапартизма» ослабевают по мере того, как падает престиж партии. Чисто военный переворот все еще казался маловероятным. Однако интеллигенция внутренне содрогнулась, когда летом 1989 года прочитала сценарий киносценариста Александра Кабакова «Невозвращенец», в котором описывался захват власти в

Москве после крушения перестройки, крах всякого порядка и распад Советского Союза. В мае 1990 года я писал в Форин Оффис, что даже без военного переворота военные начнут исподтишка усиливать свое влияние на контроль над вооружениями, на составление военного бюджета и на те меры, которые следует предпринять, чтобы сохранить целостность Советского Союза. Наличие единых и дисциплинированных вооруженных сил, способных поддерживать порядок, в конце концов, может показаться желанным всем тем русским, которые боятся хаоса больше, нежели авторитарного правления.

Для этих опасений имелись реальные основания. Во время уличных демонстраций в Москве в феврале 1990 года появились слухи, что армия приготовилась вмешаться. В сентябре 1990 года на окраины Москвы были доставлены парашютно-десантные войска, одетые в военную форму и снабженные боеприпасами. Депутаты потребовали, чтобы им сообщили, для чего это сделано. Язов заявил им, что солдаты прибыли на маневры, а может быть, и для того, чтобы помочь в сборе картофеля, или же попрактиковаться перед ноябрьским парадом. Он пообещал, что никакого переворота не будет, и уволил заместителя начальника Рязанской воздушно-десантной академии за то, что тот сказал, что его войска «готовы к бою». Я обращал слишком мало внимания на эти дела в то время: теперь, задним числом, все это выглядит как материально-техническая подготовка к путчу в августе 1991 года. Спустя несколько недель Язов заявил по телевидению, что армия будет защищаться от нападков на нее, если понадобится, с помощью силы. В декабре 23 видных деятеля, в том числе генералы Варенников и Моисеев и адмирал Чернавин, публично призывали к введению чрезвычайного положения и прямого президентского правления в зонах конфликта, если конституционные меры окажутся неэффективными¹⁴. Впоследствии один из моих русских друзей рассказал мне, что в конце года двадцать маршалов и генералов, включая Ахромеева, предъявили Горбачеву ру-

кописный ультиматум, в котором излагались их упреки и требования. В конце марта 1991 года на улицах было размещено по продуманному плану большое количество танков. Атмосфера была насыщена духом насилия.

На публике генералы до последней минуты утверждали, что не станут вмешиваться в политику. В июне 1991 года Моисеев сообщил мне, что русские пошли на последние уступки в вопросе о разоружения войск, снабженных обычными видами вооружения, чтобы опровергнуть все более распространяющиеся домыслы, будто бы советские военные руководители «навязывают свою волю» Горбачеву. Разговоры о возможном военном перевороте абсурдны. Советские военные и так уже заняты по горло, перестраивая советские вооруженные силы и повышая их качество. У них нет времени заниматься политикой, сказал Моисеев, а «тем более, разлеживаться, как если бы они находились на необитаемом острове и ждали, когда бананы сами начнут падать им в рот». Переворот, застигший военных в состоянии разброда, произошел через пять недель после этого заявления.

В этих условиях взаимоотношения между Горбачевым и военными становились все более напряженными. К осени 1990 года он стал часто подвергаться злобным нападкам, как публичным, так и личным, со стороны двух «черных полковников» — Алксниса и Петрушенко, которые неизменно обвиняли его и Шеварднадзе в прямом предательстве. Когда Горбачев получил Нобелевскую премию мира, взбешенные члены партии стали писать письма, в которых обвиняли его в том, что он предал Восточную Европу, развалил Советский Союз и Советские Вооруженные силы и передал природные ресурсы страны американцам, а прессу — сионистам. Письма тщательно собирались КГБ. Крючков позаботился о том, чтобы Горбачев с ними ознакомился.

Шеварднадзе яростно отбивался. Весной 1990 года, в разгар переговоров о воссоединении Германии и контроле над вооружениями, он призвал коммунистов — сотрудни-

ков Министерства иностранных дел — поддержать его кандидатуру на предстоящем XXVIII съезде партии. Его обвиняют, сказал он, в отсутствии патриотизма. Он так же как и все считает, что Советский Союз — великая страна.

«Но великая в каком отношении? По размеру нашей территории? По численности нашего населения? По числу имеющихся у нас единиц оружия? Или по количеству пережитых нами национальных бедствий? По отсутствию прав человека? По дезорганизованности нашей повседневной жизни? Почему мы должны гордиться тем, что у нас чуть ли не самая высокая детская смертность на планете? Хотим ли мы быть страной, которой боятся, или страной, которую уважают?»¹⁵.

Кто-то в зале негромко сказал, что он подорвал безопасность страны. Шеварднадзе предостерег свою аудиторию, что если переговоры о контроле над вооружениями сорвутся, а перестройка ни к чему не приведет, Советский Союз в скором времени окажется неспособным технически состязаться с кем бы то ни было. Его аргументация была безупречной. Она мало чем отличалась от того, что генерал Карпов сказал Галвину. Но основная идея, лежавшая в основе его рассуждений, а именно — величие нации зависит не только от ее военной мощи, — противоречила всей истории русской государственной мысли со времен Ивана Грозного. Шеварднадзе был избран делегатом на съезд, но двадцать процентов его слушателей проголосовало за шофера, возившего одного из его заместителей. К концу года он ушел в отставку.

Советское Министерство иностранных дел проводило свои собственные опросы общественного мнения в Москве и других местах и с удивлением, а также, без сомнения, с чувством обиды и разочарования обнаружило, что даже среди военных многих не интересовало воссоединение Германии¹⁶. Саша Мотов считал: что бы ни делали немцы во время войны, нет никакого смысла удерживать их в состоянии разъединения пятьдесят лет спустя. Пара веселых советских шоферов, с которыми мы познакоми-

лись в Веймаре летом 1991 года, приятно удивленные тем, что с ними говорят по-русски, были очень довольны, что немцы могут теперь сами, без их указки, заняться своей жизнью. Естественно простых людей возмущала та поспешность, с какой русских солдат выпроваживали из Европы, и убогие условия в тех местах, куда они были вынуждены возвратиться. Но опасность народного гнева оставалась плодом воображения политиков. Русский народ воевал с Гитлером, так же как он воевал с Наполеоном, чтобы очистить свою страну от вторгшихся захватчиков. И в 1813-м, и в 1944 году русские армии двинулись за пределы границы в глубь Центральной Европы, скорее не из-за вполне понятного стремления к реваншу, а в силу честолюбивых помыслов руководителей. Когда пришло время, народ без особого сожаления отказался от своих завоеваний. Ему приходилось думать о куда более неотложных проблемах у себя дома.

Каждый год 9 мая русские все еще празднуют День Победы. В 1991 году Майкл Александер и мы с Джилл отправились в Парк имени Горького, залитый весенним солнышком, посмотреть на ветеранов. Повсюду в киосках продавали пирожки и сосиски — не было и намека на нехватку продовольствия, ощущавшуюся в стране. Старые мужчины и женщины в выцветшей военной форме, с медалями и орденами на груди, собирались кучками вокруг флагов и знамен своих прежних военных частей. Один старик расхаживал с надетым на палку плакатом: «Есть здесь кто-нибудь из 213-й Гвардейской стрелковой дивизии?». В одном углу пухленькая старая женщина играла на гармошке, а две другие распевали хрипылыми голосами частушки, грубоватые импровизированные куплеты, сатирически высмеивавшие зрителей. Были тут и новые ветераны — молодые афганцы в камуфляжной форме, беретах и полосатых тельняшках. Два худосочных юнца в сапогах с высокими голенищами продавали выдержки из «Протоколов Сионских мудрецов». Еще двое торговали националистической газетой со старого военного грузо-

вика с портретом Сталина на лобовом стекле. Меня остановил серьезного вида пожилой человек: «Верите ли вы в возможность создания вполне справедливого общества?». Тощий, престарелый и слегка пьяный мужчина, спотыкаясь, подошел ко мне, чтобы сказать, что первым человеком, умершим у него на руках, был англичанин. Ему самому было тогда пятнадцать лет, он был механиком на торпедном катере, пришвартованном в Мурманске, когда англичане высадили раненого с одного из судов конвоя, который был атакован в Арктике. Внутренности матроса вылезали наружу, когда его переносили на берег, и молодому механику пришлось запихивать их обратно. Английская команда завернула раненого в два одеяла. Когда он умер, боцман посоветовал юноше продать одеяла, а вырученные деньги пропить. Он мучился от похмеля два дня. Когда он пришел в себя, его катер должен был выйти в море, в патрульный рейс. Боцман посоветовал ему остаться на берегу. Катер из рейса не вернулся.

Писатель Анатолий Приставкин сказал мне несколько дней спустя, что память о Победе — это единственное, чем русские еще могут гордиться. Но силы, обеспечившие Победу, распадаются. К концу века в дивизиях, которые в разгар конфронтации с Америкой насчитывали по десять тысяч человек, оставалось не более пятисот, причем из них четыреста были офицеры¹⁷. Воинская повинность фактически перестала функционировать, не хватало горючего для Военно-морского флота и ВВС, а поставки нового снаряжения сократились до минимума.

Для некоторых профессионалов смириться с этим было невозможно. Маршал Ахромеев, порядочный, честный человек, все это предвидел. После августовского путча 1991 года в отчаянии от гибели армии, которой он посвятил всю свою жизнь, Ахромеев покончил с собой.

6

Потрепанные края

*«Не вижу, почему мы должны быть независимыми.
Мы ничего плохого не сделали».*

*«Сегодня мы проголосуем за украинскую независи-
мость, потому что если мы этого не сделаем, мы
погрязнем в дерьме».*

Из выступлений депутатов Украинской рады
24 августа 1991 г.

Крах Советов был многосторонним, но ни один из его аспектов не получил столь успешного объяснения задним числом, в свете уже произошедших событий, как процесс, в результате которого Советский Союз распался на пятнадцать отдельных национальных государств. Горбачева пригвоздили к позорному столбу за то, что он не занялся разрешением кризиса раньше и эффективнее. Иностранцы критиковали его за то, что он не сумел обеспечить более плавный переход. Русские — за то, что он не сохранил единство Союза. Сам Горбачев считал, что одним из самых больших его промахов была линия в отношении различных национальностей, населявших страну. И все они, вероятно, ошибались.

Все европейские империи в XX столетии распались. Процесс распада в каждом случае был одинаков, и крушение происходило по схожему сценарию. Имперская держава считала, что ее господство якобы было законным в силу расового превосходства, более развитой цивилизации, поскольку таков был промысел божий. И на протяжении столетий покоренные народы признавали этот миф. Но вот, совершенно неожиданно перестали признавать. Стоило идее национального самосознания и стремлению к национальной независимости возникнуть и пустить корни, истребить их было уже невозможно даже самыми драконовскими мерами. Именно это произошло в

заморских колониях Англии, Франции, Голландии, Португалии и Бельгии. То же самое случилось с Турецкой и Австро-Венгерской империями в самой Европе. И это же произошло с Русской империей, которая на протяжении последних семидесяти лет была замаскирована под названием Советский Союз.

Время от времени русские просили меня — публично и в личных беседах — поделиться британским опытом демонтажа империи. Однако большинству из них было трудно согласиться с тем, что Советский Союз тоже являлся империей. Подобно Достоевскому, они считали, что «для настоящего русского ... Европа так же дорога, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»¹. Спустя годы после того, как от Советского Союза мало что осталось кроме воспоминаний, простые граждане все еще выражали чувства, сформулированные Горбачевым в выступлении по телевидению весной 1991 года: «Истории было суждено, чтобы несколько более крупных и менее крупных наций объединилось вокруг России... Этому процессу содействовала открытость русской натуры, ее готовность трудиться вместе с народами других национальностей»².

На самом деле, русское, а впоследствии советское имперское правление было, по меньшей мере, столь же жестоким, как и правление других имперских держав. В своих кампаниях русификации цари сажали в тюрьму и ссылали финнов, украинцев и представителей других народов, осмеливавшихся говорить на своем родном языке и поддерживать национальную культуру. Коммунисты продолжали эту практику с еще большей жестокостью под предлогом искоренения «буржуазного национализма». Множество интеллектуалов, особенно на Украине и в прибалтийских республиках, было убито или отправлено в ссылку Сталиным. При его преемниках казней стало меньше, но давление не ослабевало.

Коммунистические партии со своими местными первыми секретарями существовали, кроме самой России, во всех пятнадцати республиках, входивших в состав Союза. Русские усматривали в этом дискриминацию. На самом же деле это было знаком того, что им не нужна была собственная партия, ибо они играли господствующую роль в Коммунистической партии Советского Союза и осуществляли действенный централизованный контроль над республиканскими партиями. На протяжении всего советского периода то в той, то в другой республике вспыхивало недовольство, которое тут же жестоко подавлялось.

Однако то, что народы Союза имели общие интересы и общее гражданство, не было всего лишь мифом. Этнические русские составляли не более половины населения Советского Союза, и из них свыше двадцати миллионов жили вне пределов РСФСР, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Многие другие этнические группы, из которых наиболее многочисленную составляли украинцы, имели собственные советские республики. А внутри РСФСР — татары, чеченцы и другие малые горные народы Северного Кавказа, а также якуты, буряты и прочие имели свои автономные республики. Советский режим установил подобие порядка в стране, когда ввел всеобщее образование и примитивную систему социального обеспечения. Способные юноши и девушки из республик имели возможность сделать карьеру в центре имперской державы — Москве. Идея «советского гражданства» избавляла их от чувства вины за то, что они служат имперскому угнетателю.

После того как Советский Союз распался, русские составили четыре пятых населения Российской Федерации. Для обозначения всех этнических групп страны стали употреблять слово «россияне», то есть российские граждане. Этнических же русских так и называют — русские. Различие, подобное тому, которое существует в Соединенном Королевстве между словами «британский» и

«английский». Неверное употребление слов «русские» и «россияне» — тоже может породить недоразумение.

Время от времени нерусские народы Советского Союза мечтали о независимости, но перспектива эта всем, кроме прибалтов, внушала страх, особенно республикам Средней Азии, не имевшим настоящей истории существования в качестве национальных государств. Теоретически можно себе представить, что Москва могла сохранить какую-то форму Союза, если бы действовала более творчески и своевременно. Уступки Горбачева, подобно тем, на какие пошел лорд Норт в американских колониях, были слишком малы и запоздали. Чувство общего гражданства также было недостаточно сильным, чтобы противостоять давлению возрождавшегося национализма. Даже те, кто считал, что советское господство в Восточной Европе не будет продолжаться долго, не предвидели, как быстро и основательно рухнет Союз. Весной 1989 года люди умеренных взглядов, вроде Владимира Беекмана, председателя Эстонского союза писателей, который сопровождал Горбачева во время поездки в Лондон, считали, что отношения Эстонии с Союзом можно выстроить путем переговоров на новых приемлемых основах. Но уже осенью того же года эти идеи утратили актуальность. В самой Эстонии их расценили как консервативные и даже предательские. Русские — даже радикально мыслящие, такие, как Юрий Афанасьев, — все еще верили, что Союз устоит. На Кавказе, возможно, придется применить силу, и если она будет применена, говорил он, это даст нужные результаты. Но сила окажется неэффективной в Прибалтике, поэтому надо будет убедить эти государства остаться в Союзе добровольно. Афанасьев был прав и не прав. Через полтора года после того, как он поделился со мной своими мыслями, сила была применена в Прибалтике. Но, как он и предсказывал, своей цели она не достигла.

Даже теперь, когда мы уже знаем, как в действительности развивались события, довольно трудно себе предста-

вить, какой другой курс Горбачев мог бы реально проводить. Он действительно не хотел проливать кровь для подавления националистических чаяний республик. Увы, большинство его коллег было не готово позволить ему привести Союз к мирному прекращению своего существования. Да и сам он, подобно Черчиллю, не считал, что его избрали для того, чтобы он руководил ликвидацией империи. Впрочем, на то, что Советский Союз устоит, надеялось не только советское правительство. Шеварднадзе регулярно предостерегал своих западных коллег, что распад Советского Союза может сопровождаться кровопролитием — это будет Югославия в континентальном масштабе, но на этот раз при наличии ядерного оружия. Эта перспектива внушала западным правительствам ужас. До самой последней минуты они делали все, что могли (практически — очень мало), чтобы помочь Горбачеву сохранить целостность страны. Однако русские убедились, так же как до них другие, в том, что джинна национализма, выпущенного из бутылки, невозможно загнать обратно. Покоренные народы не хотели подчиняться русскому владычеству. А русские утратили свою имперскую волю. Единственное, что оставалось Горбачеву, — это хитрить и изворачиваться, преуменьшать масштабы кровопролития, пытаться установить новые отношения между отдельными частями прежнего Союза и, в конце концов, примириться с неизбежным, насколько возможно — достойно.

К сентябрю 1989 года признаки распада становилось уже трудно не замечать. Я записал в своем дневнике: *«Крайне трудно представить себе какую бы то ни было политическую линию, которая могла бы эффективно остановить национальные волнения. Народы чувствуют, что их русские имперские хозяева утратили волю к управлению. Но для сухопутной империи деколонизация — предпринятие гораздо более сложное, чем для морской империи. Британский народ мог довольно быстро забыть о том, что он когда-то правил Индией, Индия далеко, и большинство британцев никогда там не бывало. В противоположность*

этому в большинстве (советских) республик имеется значительное русское меньшинство, и русские считают своим естественным правом проводить в своих колониях отпуск, рыть там шахты и строить загрязняющие воздух заводы, не считаясь с тем, что думает по этому поводу местное население. Если бы началась гражданская война, ее мог бы вызвать инцидент в одной из республик, связанный с убийством какого-то числа русских. Нажим в Москве на Горбачева с требованием подавить беспорядки мог бы тогда стать непреодолимым. Но это завело бы русских (я имею в виду именно русских, не Советы) в трясину Алжира, Родезии, Ольстера, — но в гораздо худшем варианте, чем тот, с которым пришлось столкнуться нам или французам. Ключевую роль могла бы сыграть Украина. Пока что она оставалась сравнительно (и зловеще) спокойной. Если она сейчас придет в движение, последствия могут оказаться поистине весьма мрачными».

Годом позже, в день, когда Горбачев подписал соглашение о воссоединении Германии, знаменовавшее собой конец существования восточно-европейской империи Советского Союза, я сказал Дугласу Херду, что Союз вряд ли сможет сохраниться в своей нынешней форме. Может остаться некий сердцевинный Союз, состоящий из трех славянских республик — России, Украины и Белоруссии, — связанный определенными договоренностями с тремя независимыми балтийскими государствами. Кавказ и Средняя Азия могут оказаться ввергнутыми в постоянную межклановую борьбу. Я не мог себе представить, чтобы русские стали воевать ради восстановления своей прежней империи. Но я вполне мог представить, сколько крови прольется, если русским придется взяться за оружие, чтобы прикрыть возвращение своих жен и детей, крупных русских сообществ из Казахстана и других мест. Кровавое пролитие в Вильнюсе в январе 1991 года подтвердило мои опасения. В мае я заявил на совещании высших военных командующих НАТО, что Советский Союз вряд ли сможет сохраниться в своем нынешнем строго централи-

зованном виде, однако маловероятно, чтобы он распался на 15 своих составных частей. Это было не самое точное из моих предсказаний. Прошло всего лишь семь месяцев, и Советский Союз распался. Проблема, возникшая перед западными политиками, состояла лишь в том, как скоро и в каком порядке признавать появившиеся в результате этого на свет новые государства. Даже на этой поздней стадии некоторые все еще пытались сконструировать некое объединение трех славянских государств, связанных так или иначе с другими республиками бывшего Советского Союза. Большинство русских считало, что это в порядке вещей. Именно так думал Ельцин, а его украинский коллега Кравчук делал вид, что именно это он и предлагает, когда 8 декабря 1991 года они подписали в Беловежской пуще смертный приговор Союзу.

Один западный ученый в свое время предсказывал, что Советский Союз падет в результате мятежа мусульманских народов, чья более высокая рождаемость приведет к тому, что в скором времени они будут по численности превосходить русских³. Этого не произошло. Мусульмане оставались пассивными, а Союз был разрушен в результате решимости прибалтов вернуть себе независимость, недовольства украинцев многовековым владычеством Москвы и сознанием самих русских, что их империя принесла им больше тягот, чем выгод. Однако насилия начались на Кавказе.

Дикий народ и суровый ландшафт Кавказа вдохновили Пушкина на лучшие его произведения. Туда был послан Лермонтов, и там произошла его роковая дуэль. Поэт-дипломат Грибоедов женился на грузинке и похоронен в Тбилиси. На протяжении столетий Кавказ служил стратегическим буфером между Россией и враждебными ей империями — Турцией и Персией. Великая грузинская царица Тамара вышла замуж за одного из князей Московского княжества в XIII веке. Борис Годунов и Петр Великий посылали на Кавказ экспедиции. К началу XIX века Армения, Грузия и значительная часть Азербайджана находи-

лись под контролем России. С современной точки зрения, окончательное покорение Кавказа, свершившееся 150 лет назад, было классическим примером имперской кампании — беспощадно жестокой, имевшей своей целью территориальное расширение державы и удовлетворение других ее интересов. Но с течением времени суждения меняются. Один английский историк высказал в начале XX века мнение, что эта кампания была необходима для спасения христианских государств Кавказа «от полного разорения, которым им грозили эти ужасные турки и еще более ужасные персы... — поистине справедливая идея, какая когда-либо вдохновляла военное или политическое предприятие. И в силу обстоятельств единственной христианской державой, которая хотела и могла что-либо тут сделать, оказалась Россия»⁴.

Первая мировая война привела к крушению Австро-Венгрии и Турции, двух из трех многонациональных империй Европы и Ближнего Востока. Третья империя, Россия, зашаталась и едва не пала. Большевики объединили и вновь включили в Российскую империю (переименованную в Советский Союз) независимые государства, которые армянам и грузинам удалось создать на короткое время. Перестройка возродила стремление к независимости и вскоре привела к кровопролитию. Столкновения с имперской державой произошли в апреле 1989 года в Тбилиси, а в январе 1990 — в Баку. В Грузии возник этнический конфликт. Спор между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха привел к этническим чисткам с обеих сторон и к состоянию необъявленной войны между двумя союзными республиками. Это был уже не бунт против имперской державы, а событие международного масштаба — настоящая война между двумя советскими республиками. Советский Союз начал раскалываться.

Попытки Горбачева уговорами и запугиваниями привести в чувство армян и азербайджанцев успеха не имели. Его дезориентация в обстановке была жестоко продемонстрирована после трагического землетрясения в Ар-

мении, которое произошло утром того самого дня, когда он выступал с триумфальной речью в ООН в декабре 1988 года. В первые часы после катастрофы советские власти были подавлены происшедшим. Отклик из-за границы был незамедлительным и ошеломляюще великодушным. Итальянцы прислали отряд карабинеров, обученных действиям в чрезвычайных обстоятельствах. Французы прислали на специально оборудованном самолете роту солдат. Немцы организовали воздушный мост. Англичане, как обычно, полагались на добровольцев — горевших энтузиазмом, но неорганизованных и очень слабо поддерживаемых правительством. Когда прибыла первая волна — пожарные и крепкие молодцы из Международного спасательного отряда, я провел ночь в Шереметьевском аэропорту, помогая погрузить их и снаряжение на один из немногих самолетов, направлявшихся в столицу Армении Ереван. Никто из добровольцев по-русски не говорил, поэтому я посадил на самолет вместе с ними Дэвида Лудлоу, крепкого жителя Олстера, работавшего в политическом отделе посольства. Я не стал просить разрешения советских властей или нашего собственного начальника службы безопасности. Никто не стал жаловаться на это нарушение правил. Через несколько дней за Лудлоу последовал Найджел Шекспир, помощник военного атташе, и Адам Нобл, один из наших экспертов по России из исследовательского отдела Форин Оффис. Хотя это не было следствием их работы в Армении, оба они были высланы из Советского Союза, когда весной следующего года между разведками обеих стран произошел «обмен любезностями».

Через четыре дня бригада Международного спасательного отряда вернулась из Армении. Входивший в бригаду пожилой врач сказал, что то, что он видел, было хуже того, что ему довелось видеть в Аахене и Дрездене в конце войны. Бригада подсчитала — на основе своего опыта в Сальвадоре, Мексике и Колумбии, — что общее число погибших может достигать 200 тысяч. Первая официальная цифра была 40 тысяч. Окончательное количество жертв

было определено примерно в 20 тысяч: убедительный пример ненадежности статистики. Члены бригады испытывали к армянам громадное сочувствие, но они критически отзывались о русской системе командования и контроля. Даже самое простое решение принималось после получасовых споров. Из-за плохо организованной работы спасателей уцелевшие люди погибали под завалами или умирали от удушья раньше, чем их успевали освободить. Много людей быстро погибло от одной пыли. Одна женщина все еще сидела за завтраком с ребенком; не раненная — она была мертва. Даже птицы не успели улететь и лежали мертвые на улицах.

Члены бригады МСО были уверены, что больше нет надежды найти уцелевших и что спасательным командам и врачам делать тут больше нечего. Что сейчас требовалось, — это средства для вывоза обломков зданий, палатки, продовольствие.

Однако английские пожарные, врачи, медсестры все прибывали и прибывали. Некоторые вскоре начали жаловаться на то, что работы для них нет. Через десять дней большинство из них уехало обратно. Они хорошо потрудились в совершенно ужасающих условиях. Но и с английской стороны координация оставляла желать лучшего. Некоторые добровольцы игнорировали указания местных властей, ссылаясь на то, что они лучше знают, что и как следует делать. Находились и такие, что обвиняли своих товарищей в пьянстве и в желании приобрести популярность. Можно было услышать угрозы подать в суд за клевету. Я послал в Лондон письмо, в котором рекомендовал, чтобы английское правительство создало постоянную организацию быстрого реагирования на случай стихийных бедствий, основанную на вооруженных силах и располагающую собственным транспортом. Я получил ожидаемый ответ. То, что делают итальянцы и французы, нам не указ. Наша система может показаться странной, но (так было мне сообщено) она действенна. Иначе говоря, для внесения в эту систему каких-либо перемен не было ни денег, ни воли.

Советские люди были удивлены и тронуты щедрым проявлением западного сочувствия и поддержки. Ольгу Дмитриеву, преподавательницу русского языка в посольстве, и Сашу Мотова всегда учили, что окружающий мир и капиталисты ненавидят СССР. Они были убеждены, что Запад может быть только враждебным, и что нашей естественной реакцией должна была бы быть радость по поводу бедствия и попытка воспользоваться им в своих целях. Когда произошло нечто противоположное, они и многие другие начали верить в то, что «холодная война» на самом деле приходит к концу.

Однако катастрофа не привела к тому, на что я и другие наивно надеялись, — она не сблизила армян и советское правительство. Рыжков, премьер-министр, проявил себя хорошо. Телезрители видели его говорящим с людьми, лишившимися всего своего имущества, теплосердечного, человеческого, готового разразиться слезами. Это было начало его репутации «плачущего большевика». Но Горбачев повел себя абсолютно неправильно. Он отправился в Армению вскоре после возвращения из Нью-Йорка. В частных беседах и на заседаниях политбюро он выражал горячее сочувствие армянам. Но телевидение показывало, как он обвинял Тер-Петросяна и других членов армянского комитета защиты Нагорного Карабаха в том, что они используют бедствие в политических целях. Говорят, армяне на улицах плевались в его сторону. Зарубежные и отечественные циники заявляли, что для Горбачева пять миллионов армян значат меньше, чем 50 миллионов азербайджанцев и других мусульман, живущих в Советском Союзе. Один из русских служащих посольства в приливе шокирующего, но, без сомнения, широко распространенного великорусского шовинизма заявил мне, что Горбачев был совершенно прав, поставив на место этих ноющих, продажных, неблагодарных армян. Все это укрепляло глубокие, почти параноидальные подозрения армян. Некоторые из них считали, что землетрясение было вызвано секретным русским испытанием ядерного оружия. Другие думали, что эвакуация без-

домных и осиротевших детей в Россию — это трюк, сознательная политика депортации, и дети никогда домой не вернутся. Много лет спустя даже здравомыслящие армяне все еще не простили Горбачева.

В июне 1990 года мы полетели с г-жой Тэтчер в Ленинакан, один из городов, больше всего пострадавших от землетрясения, чтобы открыть школу, построенную там англичанами. Мы столкнулись с поразительными сценами. Встречать г-жу Тэтчер пришло 150 тысяч человек, более половины населения города. Люди запрудили улицы, забрались на деревья и крыши. Все приготовления службы безопасности пошли прахом. Нам пришлось выйти из машин и чуть ли ни с боем продираться через толпу. Я мысленно спрашивал себя — а ну-ка вдруг кто-нибудь запаникует — что тут начнется? Это походило на прибытие Королевы Виктории в Британскую Индию — вплоть до таких деталей, как высокомерное высказывание Замятина, советского посла в Лондоне, и других русских в адрес местных жителей («Ну и хаос! Впрочем, чего можно ожидать от этих людей?»).

Мы с Джилл впервые увидели Армению в 1960-х. В отличие от Баку и Тбилиси, Ереван был почти совершенно советским городом, хотя некоторые его здания были довольно красивы. За городом вы обнаруживаете эллинские районы и древние церкви Армении, древнейшего христианского государства. Интеллектуально-просвещенный дух, присущий армянской церкви, выгодно отличает ее от русского православия. В апреле 1991 года мы вернулись туда с официальным визитом. Левон Тер-Петросян, бывший диссидент и арестант, стал теперь президентом. Он был молод, красив, умен, воротник его под галстуком был по кавказскому обычаю расстегнут. Он родился в Сирии, где его отец был одним из основателей Сирийской и Ливанской коммунистических партий. По профессии ученый, он был в 1988 году заключен в тюрьму за членство в Комитете по защите Нагорного Карабаха и, таким образом, пришел в национальную политику с почтенным послужным списком.

Тер-Петросян был настолько рассудителен и уравновешен в анализе проблем Армении — в вопросе о Нагорном Карабахе он был почти противоестественно справедлив, — что я невольно спрашивал себя, как в этом кипящем водовороте кавказских эмоций он смог подняться до вершины власти. Армения, безусловно, станет независимой, сказал он. Но, в отличие от прибалтов, армяне будут следовать тяжному процессу, вытекающему из горбачевского закона 1990 года об отделении республик от Союза. Будет множество вопросов, требующих переговоров. Армянская экономика почти полностью интегрирована в экономику остального Союза. Это ограничивает свободу Армении идти своим путем, а также проводить экономическую реформу так быстро, как ей хотелось бы. Но хотя армяне готовы вести себя разумно и участвовать в игре в соответствии с советским законом, Горбачев выдохся и вряд ли пойдет на какие-либо добровольные уступки республикам. Консерваторы в Москве перешли в контрнаступление. Однако в Армении коммунистическая партия больше не пользуется влиянием и, по словам Тер-Петросяна, он заключил собственное соглашение с советскими военными и КГБ.

Лидеры парламентской оппозиции встретили нас в здании Верховного Совета. Коммунистов не было: о них говорили, что они боятся показаться на люди. Из всех присутствующих наиболее четко формулировал свои мысли Айрикян, человек сорока с лишним лет, красивый, бородатый и элегантно одетый, который провел много лет в тюрьме за «терроризм». В июле 1988 года он был арестован, выдворен Горбачевым из страны, и только недавно вернулся. В отличие от Тер-Петросяна, он считал, что Армения должна добиваться независимости немедленно, а не тащиться, пробираясь через советский юридический лабиринт. Далее армянская независимость должна быть гарантирована пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН. Я предостерег его относительно гарантий других стран, сказав, что поляки до сих пор не простили англичанам бессмысленную гарантию, которую они дали

Польше в марте 1939 года. Я считал, что армянам надо оставаться в нормальных отношениях с русскими — это будет служить противовесом, учитывая то море мусульман, которым они фактически полностью окружены. Так они и поступили, став независимыми.

Мы посетили также премьер-министра Манукяна, небольшого роста интеллектуала в очках. Он настаивал на том, чтобы говорить по-армянски, так что мы потеряли массу времени на перевод. Я пытался убедить его в том, что республики укрепят свои будущие позиции в переговорах с Москвой, если уже сейчас создадут рабочие группы по разработке практических способов разделения экономических и иных обязательств после отхода от центра. Однако Манукян, как и большинство остальных, был одержим политикой. Практические проблемы раскола Союза были ярко продемонстрированы нам, когда мы посетили одну из строек — крупнейший в Европе завод по производству программных устройств для компьютеров, который строился с участием английской фирмы «Саймон Карвз» в окрестностях Еревана. Завод, естественно, принадлежал Союзу и им финансировался. Его рынок и поставщики комплектующих находились в России. Армяне не могли даже надеяться когда-нибудь выкупить его у Москвы. Что же произойдет, если они получат независимость? Кроме Тер-Петросяна, никто из политиков, очевидно, не задумывался над такими проблемами. Но в одном важном вопросе инакомыслящие оказались правы, а он ошибся: к концу года Армения стала независимой.

В апреле 1989 года Горбачев вернулся из еще одной заграничной поездки, на этот раз из Лондона, и сразу же столкнулся с новым кризисом на Кавказе. Однако в данном случае трагедия не была результатом разгула стихии — ее сотворили люди. Утром в воскресенье 9 апреля мы слышали по Би-би-си, что предыдущей ночью во время беспорядков в Тбилиси было убито 16 человек. Эти люди, как было сказано, участвовали в демонстрациях за независимость Грузии. Адам Нобл, находившийся на дежурстве,

связался с английскими преподавателями в Тбилиси. С ними все было в порядке. Один из них находился в центре города в 4 часа утра, когда произошло столкновение. По его словам, солдаты парашютно-десантных войск вошли в толпу, держа в руках лопаты. Было убито около 20 человек, в основном женщины. История происшедшего восстанавливалась постепенно, по частям.

Осенью 1988 года студенты разбили палаточный городок напротив парламента в центре Тбилиси. Они требовали большей автономии для Грузии и меньшей автономии для менее крупных этнических групп, таких как абхазы, также проживавшие в республике. Демонстрации были мирными. Однако их продолжительный вызов власти раздражал грузинских партийных руководителей. Первый секретарь Коммунистической партии Грузии Патиашвили обратился за помощью к Москве. Перед самым возвращением Горбачева из Лондона Лигачев и Язов отдали приказ об отправке дополнительных войск в Тбилиси. Премьер-министра Рыжкова они не информировали, а Горбачев узнал о том, что произошло, только когда приземлился во Внуково. На следующий день грузинских партийных руководителей охватила паника (по элегантному выражению Горбачева, они «наложили в штаны»). Патиашвили велел местному военному командующему, генерал-полковнику Родионову, послать войска. Со временем оба, естественно, стали козлами отпущения. Горбачев обвинил Язова, Крючкова и других в том, что они не считаются с его авторитетом, придерживаются старых насильственных методов, полагая, что тактика убеждения означает слабость. Разве они не понимают, что демократия требует новых методов? Он не убедил их ни тогда, ни позже. В ту ночь Черняев пророчески записал в своем дневнике: «Горбачев стоит перед выбором: либо (военная) оккупация и снова — империя, либо федерация, или, вернее, конфедерация... Готов ли Горбачев к этому? Или он думает, что другие ему не позволят?». К тому времени, когда Горбачев нашел ответ на этот вопрос, было уже слишком поздно.

Однако впервые кровавая советская расправа стала предметом публичного разбирательства. Съезд народных депутатов создал комиссию по расследованию. Одним из членов ее был Собчак. В комиссию вошел также специалист по конституционному праву Александр Максимович Яковлев. Несколько месяцев спустя Яковлев сказал мне, что Москва действительно дала разрешение использовать войска, но только для охраны стратегических объектов в городе. Руководство грузинской компартии решило очистить площадь рано утром, когда там будет мало народа. Но все произошло не так, как предполагалось. Приготовления сил безопасности были такими демонстративными и такими продолжительными, что еще до прибытия войск на площадь устремились тысячи людей. Они соорудили баррикады на дорогах, ведущих к площади, чтобы помешать прибытию новых войск, однако, эти заграждения помешали им самим спастись, когда началось столкновение. Невооруженные войска, размещенные позади полиции, были снабжены лишь щитами и дубинками. Солдаты начали действовать, когда демонстранты прорвали линию полицейских. Тогда-то они и пустили в ход свои лопаты. Конечно, они были совершенно не обучены обращению с толпой, и у них не было никакого специального снаряжения. Было применено некоторое количество газа «Черемуха», используемого для подавления беспорядков, и ничего другого, что имело бы смертоносное действие. Жертвы были, главным образом, в результате паники и давки в толпе.

Я заметил, что это описание звучит подозрительно, как попытка обелить виновников. Но Яковлев заверил меня, что комиссия подвергла строжайшему допросу всех причастных лиц, включая Лигачева и Язова, которые полностью сотрудничали с комиссией. Сами грузины, сказал он, не выражают неудовлетворенности по поводу отчета комиссии. Собчак впоследствии проницательно указал, что такое решение было результатом «коллективной безответственности, которая на языке партийных функцио-

неров называется «коллегиальностью принятия решений». Так рождается пресловутая «коллективная мысль», коллективное, речевое мышление системы, больше напоминающая животные инстинкты»⁵.

Сколько бы ни был правдив окончательный доклад, сам факт, что парламентская комиссия могла собирать свидетельские показания и докладывать о действиях исполнительной ветви власти, был крупнейшим достижением. Увы, этот эксперимент не был повторен после других кровавых инцидентов, запятнавших последние два года пребывания Горбачева у власти. По меркам XX столетия «Тбилисская расправа» была мелким событием, сравнимым разве что с «Бостонской резней» 1773 года, когда английские войска убили в стычке восьмерых американцев. Но так же, как американские революционеры получили в результате мучеников, которые были им нужны, чтобы вытеснить англичан из Северной Америки, жертвы в Тбилиси явились водоразделом во все более меняющейся этнической политике последних лет перестройки.

Даже после небольшой, но ожесточенной гражданской войны, разыгравшейся в Грузии зимой 1991 года и разрушившей значительную часть главной улицы Тбилиси возле парламента, и несмотря на унылые окраины, застроенные после нашего первого посещения в 1964 году, этот небольшой город остается очень красивым — со своим замком, церквями, синагогой и деревянными домами с балконами, льнущими к скалам ущелья, по дну которого протекает река Кура. Когда мы отправились туда осенью 1990 года, грузины уже выметали последние следы старого режима. В центре города напротив Городского совета на Площади Свободы (в прошлом площадь Ленина) находилась зеленая поляна, где еще несколько недель назад стоял памятник Ленину. Институт марксизма-ленинизма превратился теперь в штаб-квартиру многочисленных партий и группировок, созданных в последние месяцы. Нашими гостеприимными хозяевами были Бачи Бегишвили и его жена Нино. Брат Нино, популярный пианист Алек-

сандр Торадзе, в 1983 году, находясь на гастролях в Испании, остался на Западе. От пережитого шока его отец через несколько недель скончался. Поначалу никто из его друзей не отваживался нанести семье усопшего традиционный визит соболезнования. Тогда Шеварднадзе, бывший в то время Первым секретарем Коммунистической партии Грузии, демонстративно явился на похороны, после чего мигом пришли все друзья покойного.

Бачи и Нино показали нам, насколько лучше живет сплоченная грузинская элита, чем ее собратья в Москве. Сами они жили в собственном доме, построенном дедом Бачи, выдающимся ученым, возле центра Тбилиси. При доме был свой сад: виноградник и смоковница. Мать Нино, бывшая актриса со следами бывлой исключительной красоты, — жила с ними. Друг семьи, престарелый композитор Алексей Мачавариани, жил в большой квартире, на маленькой площади между русской православной церковью и грузинской церковью XII века. Музыкальный зал в квартире был так велик, что в нем терялись два больших концертных рояля. Мачавариани был уроженцем Гори, города, где родился Сталин. Мать Сталина в свое время работала в доме его родителей. Он принадлежал к тому поколению, которое считало, что в сталинские времена все были гораздо дисциплинированнее и честнее. Бачи заметил: это и неудивительно, в противном случае их бы отправили в лагерь. Мачавариани это не убеждало.

Верхушка среднего класса и интеллигенция Грузии проводила свой отдых в санатории в Боржоми, где заместителем директора был отец Бачи. По пути туда мы заехали в Гори. Маленький домик, где родился Сталин, был прикрыт мраморным навесом, чтобы защитить его от капризов погоды. Находившийся рядом с ним музей был «закрит на ремонт» уже два года. Но огромный памятник Сталину перед городским советом пребывал во всей своей красе на прежнем месте, быть может, последний во всем Советском Союзе. По мере нашего приближения к Боржоми местность становилась все красивее. Долина су-

зилась, и почти на каждом повороте дороги возвышался небольшой замок. Деревья только-только начинали окрашиваться в осенние цвета. В горных деревнях по главной дороге разгуливали большие толстые свиньи. На заправочных станциях висели объявления «Бензин» — на английском и грузинском языках, но ни одного — на русском. Бензина было очень мало, как и в Москве. Но Бачи запасся бензином для поездки у своего друга — в Грузии так делаются все дела. В Боржоми мы остановились в небольшом дворце в квазиренессансном стиле, построенном в 1893 году в середине обширного парка одним из Великих князей Романовых. В конце 60-х годов романовские мебель и посуда были разворованы местными партийными боссами. В один из оставшихся письменных столов был вбит гвоздь: Сталин имел обыкновение во время своих визитов сюда вешать на него свою фуражку. На внешней террасе имелась маленькая ниша. Над ней была надпись: «Этот бюст В.И. Ленина был установлен здесь в сентябре 1951 года по приказу и в присутствии В.И. Сталина». Правда, бюста там не было, а на стене была лишь незаконченная надпись по-грузински «Здесь был Ленин...».

В течение нескольких месяцев, к весне 1991 года, общественный порядок, политическая обстановка, отношения между грузинским большинством и южно-осетинцами, абхазами и другими народами, составлявшими часть Грузинской «империи», ухудшились. Все чаще применялось насилие. Национальные чувства грузин бессовестно использовал Гамсахурдиа, интеллектual и бывший диссидент, проводивший некоторое время в одной из тюрем КГБ, где, как утверждали злые языки, он обучился искусству коллаборационизма. Мы вернулись в Тбилиси 31 марта 1991 года, в день выборов президента Грузии. В аэропорту со мной заговорил какой-то человек, до тех пор мрачно сидевший где-то в углу и заявивший, что он член Верховного Совета Грузии. Он вручил мне приглашение Гамсахурдиа на свой день рождения, отмечаемый вечером этого дня.

Бывшая с нами Кэролин Браун, специалист по Кавказу, настойчиво рекомендовала мне отклонить приглашение — Гамсахурдиа, вероятно, пытался использовать мое присутствие в своих целях. Я подумал, что вечер, наверное, будет интересным, и весьма неохотно последовал совету Кэролин. Но она была, конечно, совершенно права. В результате мы провели конец дня за обедом с Бачи и его семьей. К вечеру мы заглянули на избирательный участок, который был устроен в старой школе Бачи, чтобы посмотреть, где он будет голосовать.

Гамсахурдиа одержал блистательную победу. На следующий день, 1-го апреля, в «день смеха», мы нанесли ему визит в здании парламента. Группа неряшливых бойцов новой Грузинской национальной гвардии, одетых в плохо пригнанную форму цвета хаки и красные береты, толкались возле входа с автоматами в руках. На Гамсахурдиа недавно было совершено покушение (хотя его враги говорили, что он его инсценировал, чтобы заполучить сочувственные голоса), и охрана, без сомнения, была необходима. Однако она производила неприятное впечатление. Сам Гамсахурдиа был в изящном синем костюме; его седые усы были тщательно подстрижены. Он был окружен подхалимами. Он спросил меня, уменьшается ли за границей сочувственное отношение к Грузии.

Я сказал, что западная общественность поддерживает расширение демократии и прав человека в Советском Союзе. Она сочувствует желанию республик по-новому построить свои взаимоотношения с Москвой. Но западные правительства не одобряют его наступление на права человека, и если он не изменит своей линии, их сочувствие к Грузии, несомненно, ослабеет.

Гамсахурдиа энергично защищался. Во всем виновата Москва. Советское правительство не желает позволить ни одной республике отделиться от Союза. Расстрелы в Тбилиси, Баку и Вильнюсе показали, как далеко готова зайти Москва. Поддержка Западом Горбачева просто содействует сохранению советского империализма. Ино-

странным правительствам следует незамедлительно признать независимость Грузии.

Я ответил, что мы можем признать только такое государство, которое обладает реальными атрибутами независимости. Мы говорим как Москве, так и республикам, что путь к независимости лежит через переговоры, благодаря которым учитываются интересы всех причастных сторон.

Многое из того, что говорил Гамсахурдия, было на первый взгляд резонно. Он старался вести себя как можно лучше, был буквально и фигурально «застегнут на все пуговицы». По внешнему виду он совсем не был похож на фанатика, которого я ожидал увидеть. Но его холодные голубые глаза смотрели исступленно. Во всем, что он говорил, слышалась приглушенная нота опасного, даже безумного экстремизма. Я не встречал никого, кто бы больше него походил на неистового диктатора. Это его политические действия послужили сигналом к боям в конце 1991 года, в результате которых был разрушен центр Тбилиси. Позже он погиб при неясных обстоятельствах в результате какого-то второстепенного инцидента гражданской войны, для развязывания которой он так много сделал.

Самым жестоким образом советская власть проявила себя в последние годы режима в Баку. События, происшедшие там, были гораздо более кровавыми, чем в Тбилиси, но в мире о них помнят гораздо меньше. После резни армян в азербайджанском городе Сумгаите, азербайджанские беженцы из Нагорного Карабаха устроили 13 января 1990 года погром в Баку, во время которого было зверски убито около 50 армян. На следующий день в Ереване состоялся массовый митинг протеста, и вновь вспыхнули бои вокруг Нагорного Карабаха, причем обе стороны использовали тяжелое вооружение, приобретенное ими у продажных служащих Советской Армии. Власть в Азербайджане перешла в руки Национального фронта, антикоммунистического движения азербайджанского народа за независимость, и 18 января Москва послала в Баку армию. Насилие зашло гораздо дальше, чем это когда-

либо имело место со времени прихода к власти Горбачева. Даже в официальных сообщениях признавалось, что было убито около 90 человек, включая десяток солдат и двух жен советских бойцов. Настоящая цифра почти наверняка составляла более 200. Русские, армяне и евреи начали уезжать семьями. Телевидение Би-би-си показывало русских матерей, протестующих против призыва резервистов для участия в боях в Азербайджане. Две уборщицы в редакции «Московских новостей» сказали Егору Яковлеву, что они заставят своих мужей спрятаться, только бы им не очутиться снова в армии.

Горбачев и его чиновники заявили всему миру, что Советская Армия вынуждена была вмешаться, чтобы защитить армян от дальнейшей расправы. Горбачев, без сомнения, был искренен. Западные правительства не хотели осложнять ему жизнь. После расстрелов в Тбилиси американцы дали ему знать, что они поймут, если Советы употребят силу для восстановления порядка, но осудят применение силы для предотвращения свободного выражения гражданами своих взглядов⁶. Г-жа Тэтчер повторила это заверение члену политбюро Вадиму Медведеву, когда он посетил ее в Лондоне через месяц после резни в Баку. Действенная центральная власть, заявила она, обязана обеспечивать порядок.

На самом деле истина была более сложной. Вскоре после расстрелов Воронцов, первый заместитель министра иностранных дел, сказал Уильяму Уолдгрэйву, что обе стороны виноваты в равной степени. Решение официально включить Нагорный Карабах в состав Армении, принятое армянами в начале декабря, неизбежно должно было возмутить все еще проживавших там азербайджанцев и их родственников, которые были вынуждены переехать в Азербайджан. Ради 150 тысяч армян, живших в Нагорном Карабахе, ереванское правительство подвергло опасности 200 тысяч армян, мирно живших в Азербайджане, все они теперь могли превратиться в беженцев. Москва не понимала, почему армяне ведут себя так опрометчиво.

Однако у некоторых политиков в Москве было другое на уме. Язов хвастался, ничуть не скрываясь, публично, что войска отправились в Баку, чтобы разобраться с Национальным фронтом. Фалин в частных беседах признавал, что подлинная цель Москвы была политическая и имперская, а не гуманитарная. Национальный фронт, говорил он, милитаризованная, дисциплинированная организация, построенная по иерархическому принципу. Она добывается оружия, денег и политических связей с Турцией, Ираном и другими странами, «далее к югу». Москва применила умеренную силу, чтобы избежать тысяч жертв в будущем. Фалин не распространялся о том, что вмешательство Москвы имело побочную выгоду — восстановление в Баку власти коммунистов.

Баку — чарующий древний город. В центре находятся средневековый форт, старый дворец, древние турецкие бани, мечети и старые дома. Вдоль одной стороны старого города расположены особняки, построенные Нобелем, Гульбенкяном и другими нефтяными магнатами в конце XIX века. Когда мы впервые приехали туда в апреле 1991 года, все это находилось в плачевном состоянии разорения, присущего последним годам советского режима. В одном отношении Баку находится в невыгодном положении. Он построен на откосе, напротив которого тянется плоское морское побережье, заставленное насосами, откачивающими нефть. Попутный газ не удаляется, а просто поступает в атмосферу, так что запах стоит такой, что кажется — загни кто-нибудь неосторожно спичку, и все взлетит на воздух. Тем не менее, появились первые признаки национальной реставрации. В старых караван-сараях были устроены маленькие уютные ресторанчики. Над городом уже не господствовали коммунистические символы. Их заменил новый флаг Азербайджана: синяя, красная и зеленая горизонтальные полосы со звездой и полумесяцем в центре. Большая часть вывесок все еще имела надписи кириллицей. Но то тут, то там в употребление входи-

ла тюркская версия латинского алфавита, как символ новой ориентации страны.

Президент Муталибов, поставленный на этот пост русскими после резни в январе 1990 года, оказался красивым человеком могучего телосложения. Он говорил тихо (порой его было почти не слышно), оснащая свою речь неуверенными апелляциями к исламу. Его честолюбивой целью было связать Азербайджан через Турцию с Европой. Он критиковал Горбачева за то, что тот не поставил армян на место, когда начались беспорядки в Нагорном Карабахе. Горбачев, мол, говорит банальные слова о ленинской политике дружбы между народами. Но Ленин в наше время устарел, и с ним считаться не приходится. До сих пор Азербайджан обладал лишь «марионеточной независимостью». Это положение надо менять.

Премьер-министр Гасан Гасанов был его противоположностью: шумный человек, очень простой, в очках. Он говорил очень быстро, касаясь лишь самых что ни на есть общих мест: это был официальный говорун, предпочитающий выкрикивать что попало, но только не связывать себя какими-либо конкретными предложениями. Он считал, что Азербайджан может стать Абу-Даби Каспия, если только русские уйдут с дороги. За обедом он не умолкал почти ни на минуту: любой человек, сыгравший скольконибудь значительную роль в истории Европы или Среднего Востока, был на самом деле турком; никакой опасности исламского фундаментализма не существует; исламские страны более нравственны, чем западные, так как полигамия уменьшает угрозу внебрачных связей. Его жена, удивительно «блондинистая» для азербайджанки, скучала и молчала. Мне было трудно решить, серьезный ли он человек. Однако доказанная им способность оставаться в том или ином руководящем кресле, несмотря на последующие смены режима, показала, что он обладает незаурядной политической ловкостью.

В мае 1991 года мы с нашими друзьями, Сашей и Мариной Чудаковыми, приехали в Кабардино-Балкарию, одну

из пяти «автономных республик» Северного Кавказа. Саша был членом советской Академии наук. На протяжении почти двадцати лет он проводил сложный эксперимент в глубине громадной искусственной пещеры, вырубленной в горном граните под сенью горы Эльбрус, высочайшего пика Европы. Целью эксперимента было улавливать и считать нейтрино (стабильные субатомные элементарные частицы, испускаемые Солнцем), пронесившиеся через десятки судов с нефтью, снабженные фотоэлектронными элементами. Пока что у Саши было мало значительных результатов, как, впрочем, и у американцев, проводивших столь же грандиозный эксперимент на другом краю света.

В 1943 году балкарцы были депортированы в Центральную Азию вместе с чеченцами, ингушами и другими народами Северного Кавказа, которые, по мнению Сталина, были не вполне чистосердечны в своем сопротивлении немецкому вторжению. Тысячи из них умерли в поездках и во время пеших переходов. Наш друг Анатолий Приставкин описал все это в своем полуавтобиографическом романе «Ночевала тучка золотая». Подруге Марины, Джемилиат, жившей в долине, пришлось оставить весь свой скот и все имущество, когда явились солдаты. Она взяла с собой четверых маленьких детей и приобрела еще семерых в Центральной Азии. Когда она и другие вернулись в 1958 году домой, им пришлось практически восстанавливать все с нуля. Младшая дочь Джемилиат, Асиат, полненькая молодая женщина в красных сапогах и с ребенком на руках, недавно справила свадьбу по традиционному обряду. Молодой человек из соседней деревни похитил ее и увез в горы на мотоцикле — в прежние годы он бы увез ее на лошади. Ее семья отнеслась к происшедшему с полным одобрением: Асиат завела уже много знакомств с женатыми мужчинами деревни. Младший сын Джемилиат, Хазир, был совсем другим. Несмотря на перестройку, в долине все еще не было проведено настоящих выборов. «Всем, — с пылом воскликнул он, — управляют из Москвы, и точно таким же образом, как прежде». Ему это надоело.

Русские веками считали крайне важным удерживать в своих руках Северный Кавказ как трамплин для себя и одновременно как барьер против Турецкой и Персидской империй на юге — это был своего рода эквивалент британского северо-западного пограничного района Индии. Но русские были не слишком разборчивы в методах, с помощью которых удерживали эту территорию. В своей повести «Хаджи Мурат» о завоевании русскими Кавказа Толстой описывает чеченскую деревню, разоренную русскими солдатами:

«Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения»⁷.

По мере того как советская империя расплзалась по швам, становилось все яснее, что настоящие сражения произойдут на Кавказе.

Все, что было двусмысленного и неопределенного в старой Российской империи, воплотила в себе Украина. Даже здравомыслящие русские с трудом соглашались признать, что Украина — это какая-то отдельная территория. Их с детства научили верить, что русская история восходит по прямой от средневекового Киева, через Московскую Русь, к империи Петра и Екатерины, к Советскому Союзу и, наконец, к сегодняшней России. Они говорят, что само слово «Украина» означает «окраина», что это вовсе не название настоящей страны. Украинский язык, добавляют они, всего лишь неуклюжий старомодный диалект крестьянской русской речи. По их мнению, именно поэтому лучшие писатели Украины предпочита-

ли писать по-русски, а не на своем родном языке. Русские не могли понять, почему такая несуществующая страна должна быть отделена от основной русской территории. В глубине души вряд ли кто-либо из них верил в то, что такое отделение может быть длительным.

Многие украинцы тоже не были уверены в долговечности своей страны, и не без оснований. После того как Киевская Русь была раздроблена на части татарами, на долю Украины редко выпадало больше нескольких коротких и трудных лет существования в качестве независимого государства. Украинские земли подвергались постоянным набегам русских, турок, татар, казаков, поляков, шведов и немцев. Поляки и иезуиты пытались подорвать Украинскую православную церковь, создав Греко-католическую (униатскую) церковь, которая сохраняла православную литургию и в то же время признавала власть Папы. То, что началось в результате политического маневра, превратилось в настоящую церковь, приверженцы которой готовы были положить за нее свою жизнь. Украинские земли были объединены с 1569 по 1648 год, но лишь под польским суверенитетом. Казацкий гетман Хмельницкий попытался избавиться от владычества Польши и заключил в 1654 году союз с Москвой. Это значило попасть из огня да в полымя. После победы под Полтавой в 1709 году Петр Великий лишил Украину последних претензий на автономию. Цари делали все, что могли, для русификации Украины. Даже либеральный царь Александр II запретил печатание книг на украинском языке и использование этого языка в высших учебных заведениях. Тараса Шевченко, самого знаменитого поэта Украины, отправили в ссылку в Среднюю Азию простым солдатом. Только в Западной Украине, которую австрийцы выкроили из территории Польши в конце XVIII века, украинцы могли развиваться в условиях относительной свободы.

Однако, несмотря на все эти притеснения, украинцы нашли в себе силы создать независимое государство после падения царизма. Но после непродолжительного союза с

поляками против большевиков, в 1921 году они были преданы теми и другими, и их страна вновь была разделена. Западная Украина стала бесправной и угнетенной частью Польской республики. Судьба Советской Украины была намного хуже. Около шести миллионов украинцев умерло от «голодомора» — искусственного голода, созданного Сталиным в 1932 и 1933 годах, чтобы насильственно внедрить коллективизацию. Все коммунистическое руководство Украины и значительная часть украинской интеллигенции были уничтожены во время «чисток». Хрущев, секретарь Украинской компартии с 1938 года, вновь ввел жестокую политику русификации. Когда Советский Союз в соответствии со своим соглашением с нацистской Германией аннексировал Западную Украину за два года до немецкого вторжения в СССР, сотни тысяч людей были депортированы, сосланы или убиты. Неудивительно, что многие украинцы приветствовали немцев, когда те пришли на их территорию в 1941 году. Однако зря украинцы на них надеялись. Немцы намеревались использовать Украину просто как источник сырья и рабской рабочей силы. В боях и в результате немецких расправ погибло от пяти до семи миллионов украинцев. А когда война закончилась, между украинскими националистами и советскими войсками началась партизанская война, и репрессии возобновились.

В 1954 году советские власти отпраздновали трехсотлетнюю годовщину договора с Хмельницким и преподнесли Украине в подарок Крым, который русские захватили у турок в 1783 году. Первым украинцем, возглавившим Коммунистическую партию Украины, стал Шелест. Однако к тому времени на сцену выходило более молодое и менее послушное поколение украинских интеллектуалов. При Брежневе репрессии возобновились. Диссидентов ссылали, сажали в тюрьмы, а в некоторых случаях казнили. Шелеста сняли и заменили Щербицким, верным Москве сторонником жесткого курса. Снова были закрыты периодические издания на украинском языке, а в сфере образования возобновлена русификация. Такая по-

литика продолжалась вплоть до начала 80-х годов. Между тем, русские, составлявшие большинство на востоке, вокруг Харькова, в Крыму и на Черноморском побережье, продолжали переезжать на Украину. Пока Горбачев не вывел Щербицкого из политбюро в сентябре 1989 года, Украина оставалась по всем признакам образцом старомодной советской республики. Однако внешние признаки были обманчивы. Внешнее спокойствие, которое поддерживал Щербицкий, быстро подходило к концу.

Киев стоит на зеленом холме — на западном берегу реки Днепр. Когда вы приближаетесь к нему по плоской равнине, вы видите золотые купола древнего монастыря — Киево-Печерской Лавры, башню Святой Софии, воздвигнутую в XI веке в подражание ее тезке в Константинополе; из темной листвы деревьев эффектно выступают одна за другой сверкающие золотом церкви. Это один из самых замечательных городских ландшафтов в мире. Впечатление портит лишь огромная статуя «Матери Родины» — памятник в честь Победы. Он возвышается надо всем, памятник вульгарности последних лет брежневского правления; громадная, безвкусная скульптура, вполне созревавшая для того, чтобы быть демонтированной после того, как уйдет на вечный покой последний ветеран. Сюда приходят фотографироваться молодые пары в день свадьбы, так же как в Мурманске они приходят к «Алеше». Нескольким парам посчастливилось сфотографироваться рядом с г-жой Тэтчер, которая побывала здесь в июне 1990 года — для них это было своего рода материнское благословение, которого они никогда не забудут.

Киев производит совсем иное впечатление, чем Москва. Величественные жилые дома, бульвары, окаймленные каштанами, — все это напоминает Вену XIX века. Летом юноши и девушки прогуливаются, разглядывая друг друга, по центральной улице города Крещатику или нежатся на золотых берегах Днепра. Это чистейшая Средняя Европа, город, в котором ничто не подавляет человека. Вдоль отвесно поднимающейся вверх улицы, мощенной булыж-

ником, где жил автор «Мастера и Маргариты» Булгаков, тянутся маленькие кафе, театры и картинные галереи — этакий миниатюрный обветшалый Челси. Дом Булгакова — № 13 — был местом действия многих сцен «Белой гвардии», его романа о Киеве в 1918 году. Сейчас это чудесный музей, руководимый, как водится, женщинами-энтузиастами. В 1990 году новый музей Ленина, выглядевший анахронизмом чуть ли не с того дня, когда он был построен, демонстрировал выставку современной русской живописи, спасенной от уничтожения, к которому ее приговорил некий советский судья. В историческом музее была развернута выставка, посвященная Солженицыну: «От ГУЛАГа до Нобелевской премии». Целая серия камешков в огород советского режима. Как заверил нас местный шофер, есть даже выставка, посвященная летающим тарелкам. Часть ее, по его словам, посвящена метрового роста крысам, появившимся в последнее время в Москве. У этих крыс пуленепробиваемая шкура, и если посадить их в клетку, они могут зубами перегрызть прутья решетки. Нам хотелось посетить эту выставку, но времени не хватило.

Имеются и другие памятники прошлому, например, массовые захоронения в Борисполе, где НКВД похоронил свыше 200 тысяч жертв; ров в Бабьем Яре — ныне парк в окрестностях города, не так далеко от центра; там было убито немцами 150 тысяч человек, в основном евреев.

Англичане собирались устроить в Киеве в июне 1990 года большую торговую выставку. Мы опасались, что она может попасть под перекрестный огонь, так как украинские националисты начинали давать знать о себе. Подобно прибалтам, они выставляли напоказ свои традиционные цвета: желтый с синим флаг независимой Украины. Устроят ли они скандал, если мы не представим его на выставке? А если представим, то не устроят ли скандал советские власти? Уильям Уолдгрэйв отправился в Киев выяснять ситуацию. Во время наших официальных визитов уже чувствовалось, что ветер дует в новом направлении. Анатолий

Зленко, спокойный красивый заместитель министра иностранных дел, твердо заявил, что сейчас на Украине все хотят большей политической автономии. Более того, все большее число людей настаивает на полной политической независимости. Правда, это еще не мнение большинства, сказал он. Однако его это, по-видимому, совсем не шокировало. Ельченко, второй секретарь Украинской коммунистической партии, огромный, как слон, человек с красным лицом, олицетворение местного партийного босса, изложил нам неуклюжую версию знакомой песни о перестройке. Ему это давалось нелегко. Руководство Украинской партии, заявил он, обвиняют в чрезмерном консерватизме. Но Украина тоже испытывает бури перемен: забастовка шахтеров, Чернобыль, давление движения защитников окружающей среды, усиливающиеся националистические настроения. Украинцы погибали, сражаясь во имя справедливых и несправедливых целей. После Октябрьской революции украинская интеллигенция была почти полностью истреблена тремя волнами террора. Украинская коммунистическая партия ныне смирилась с существованием главного националистического движения — «Народный Рух». Но сепаратисты и прочие антипартийные, антисоветские элементы, стоящие за отделение от Союза, бередят старые раны, воздействуя в особенности на молодежь. Будущее Украины в максимальной политической и экономической автономии в рамках Союза. Положение на Украине в основе своей стабильно. Партия управляет всем. Она старается найти общую платформу с другими политическими элементами. Но она знает, где скрываются «негативные силы». Это последнее замечание прозвучало явно угрожающе. Но в целом для ортодоксального партийного чиновника это было поразительное заявление. Ельченко был, по-видимому, действительно взволнован. Быть может, подумал я, несмотря ни на что, он настоящий украинец.

В этот вечер в охотничьем домике на окраине Киева мы обедали с его политическими противниками, главой «Народного Руха» Иваном Драчом и его коллегами. Люди

постарше вели себя осторожно. Более молодые бормотали что-то насчет независимости. Вечер закончился народными танцами и бесчисленными тостами. Уолдгрэйв неосторожно провозгласил тост за «Украинскую независимость». Тут же вмешался один английский чиновник, заявивший, что в своем тосте министр в действительности имел в виду «Украинскую культурную независимость». «Ничего подобного!» — твердо возразил Уолдгрэйв и вновь поднял свой бокал. В последующие годы я нередко напоминал лидерам Руха, что первым официально высказался в поддержку независимости Украины англичанин.

Принцесса Анна открыла выставку в Киеве в начале июня. Мы жили в правительственном доме для гостей в центре города; за углом от нас находился украинский парламент, красивое здание в неоклассическом стиле, построенное после Второй мировой войны. Парламент (по-украински Верховная Рада) переживал муки избрания нового председателя. Кандидатов было девять, включая Драча и Ивашко, преемника Щербицкого на посту Первого секретаря Украинской коммунистической партии. Здание пикетировали демонстранты, державшие в руках украинский национальный флаг и плакаты, поносившие Ивашко как партийного наемника. Немного подальше, на Октябрьской площади возле памятника Ленину, группы людей выкрикивали что-то насчет независимости. В самой Верховной Раде вспыхивали стычки между теми, кто говорил по-украински, и русскими депутатами. Националисты совершили классическую ошибку. Они стали настаивать на том, чтобы Ивашко отказался от поста секретаря партии, прежде чем баллотироваться в председатели парламента. Когда он отказался, они стремительно покинули зал. Таким образом, он получил около 270 голосов, а следующий за ним кандидат — около 40. Если бы националисты остались и приняли участие в голосовании, они образовали бы солидный блок против Ивашко, и если бы даже он был избран, ему пришлось бы с ними считаться.

Когда стали известны результаты, толпы народа выразили свой протест громкими криками. Они издевались над депутатами, пробиравшимися в свою гостиницу. Одна негодующая женщина убеждала милиционера: партийный аппарат фальсифицировал итоги; после демонстраций ее сына и невестку задержали одетые в штатское агенты. Милиционер, похоже, ей сочувствовал. К нам присоединился Константин Демахин. Я спросил его: «Это революция или еще один бунт?». Он сказал, что народ «репетирует».

Спустя неделю мы вновь полетели в Киев с г-жой Тэтчер. Ивашко уговорил ее выступить перед Радой. К своему удивлению, она нашла полукруглый зал полным. (Почему это ее удивило при ее-то репутации, я не знаю. Но позже она записала: «Я справилась неплохо, как всегда».) Она произнесла экспромтом суровую лекцию о власти закона и успешно уклонилась от вопросов бородатого представителя парламентской группы бывших политических заключенных, который хотел, чтобы она высказалась по поводу местных политических проблем. Меньший успех сопровождал ее, когда ее попросили открыть в Киеве посольство. Она ответила, что так же не может открыть независимое посольство в Киеве, как не может этого сделать в Сан-Франциско. Националистические депутаты никогда ей этого не простили.

Вечером мы присутствовали на торжественном представлении Английской национальной оперы «Ксеркс» Генделя. Все мы едва держались на ногах от усталости. По окончании спектакля назойливые офицеры службы безопасности КГБ попытались помешать премьер-министру пройти за кулисы и встретиться с труппой, на том основании, что они еще не произвели «разведку маршрута». Мы отодвинули их в сторону. Молодой студент пригласил меня к себе домой на чашку чая и был разочарован, узнав, что я все-таки не Джек Мэтлок. После спектакля мы проехали 30 километров из Киева до официального дома для гостей, который Щербицкий построил для себя самого: в лесистом парке стояло огромное здание, заставленное громозд-

кой, безвкусной мебелью, в каждой комнате — громадные пошлые картины. Здание и лес охраняла, по меньшей мере, рота сотрудников КГБ в форме и в штатском, несмотря на отсутствие какой-либо мыслимой угрозы. На следующий день по дороге в аэропорт мы увидели столь же внушительные силы безопасности. Константин Демахин сказал, что украинцы более дисциплинированны и трудолюбивы, чем русские: «Из них выходят лучшие ефрейторы в армии. Они всегда в точности выполняют любой приказ, каким бы глупым он ни был».

После закрытия выставки украинцы перешли на украинское время — на один час больше московского, — еще один жест независимости от России.

Двумя месяцами позже, возвращаясь после отдыха летом 1990 года, мы заехали во Львов. До 1918 года он был австрийским городом, с 1918 до 1939-го польским, а в наше посещение — столицей советской Западной Украины. Нас не приняли в старомодном отеле в центре города, потому что у них кончились все запасы воды. Поэтому мы остановились в громадной советской гостинице на вершине холма. Над крышей ее возвышались две огромные радиоантенны, ранее использовавшиеся для глушения иностранных радиопередач. Львов был чистейшая Центральная Европа. Он ни в чем не походил на города Советского Союза, если не считать пустых магазинов. До войны треть населения города составляли евреи — теперь их осталось всего 14 тысяч. Польское население тоже в основном исчезло, хотя две польских церкви остались. Под Львовом, так же, как под Минском и Киевом, были массовые захоронения: здесь тоже НКВД был в той же мере виновен в расправах, как и немецкие эсэсовцы. Послевоенная индустриализация утроила население, численность которого теперь превышала миллион человек. В центре города находились руководящие органы Пушкинского общества и Общества Сахарова. Последнее, как сообщил нам наш украинский гид, было «прогрессивным», первое таковым оп-

ределенно не являлось. Во Львове, как в Веймаре, русские националисты превратили Пушкина в символ имперской державы, и местным жителям это не нравилось.

Совсем рядом с нашей гостиницей на холме находился собор св. Георгия в стиле барокко. Русская православная церковь завладела им, когда Западная Украина была присоединена к Советскому Союзу. Теперь собор был возвращен греко-католикам. Мне показал его их митрополит Володимир, плотный 80-летний старец с седой бородой, в черной сутане. Он изучал теологию на Западе, после 1946 года был посажен советскими властями в тюрьму на пять лет, а после этого работал кладовщиком и сторожем. Своими церковными делами он занимался тайно и открыто признался, что получил сан священника лишь в 1988 году. Из собора св. Георгия он проводил меня в Преображенский собор в центре города. Униаты весной заполучили его обратно без всякого шума: в один прекрасный день православная конгрегация и все православные священники попросту объявили, что отныне будут считать себя греко-католиками. После этого Володимир привел меня к себе домой: это была одна единственная маленькая комната, в которой он жил уже тридцать лет. После того как он стал епископом, двор перед его домом замостили в его честь.

Представители Руха заверили нас, что в независимой Украине не будет этнических беспорядков, несмотря на то, что история страны знает немало проявлений антисемитизма и кровопролитных столкновений между поляками и украинцами. То же самое говорил председатель Львовского городского совета. После того, как мы посетили редакцию местной националистической газеты «Завильну Україну», мои сомнения не рассеялись. Газета была основана всего три месяца назад и отличалась экстремистской направленностью. Редактором был обходительный человек с лисьим лицом и манерами, не внушавшими доверия. Его заместителем был полоумный археолог. Он утверждал, что шотландцы и украинцы — потомки скифов. Русские, заявлял он, «генетически» ниже, и именно

поэтому они нецивилизованны, жестоки и имеют врожденную склонность строить концентрационные лагеря.

Бюст Ленина был уже вынесен из парадного входа в старое муниципальное здание. Руководители местной коммунистической партии занимали теперь только один этаж. От них осталась лишь тень того, чем они были раньше; они все время оправдывались и извинялись. Они признавали, что партия в прошлом совершала преступления, и соглашались с тем, что она не может больше рассчитывать на привилегированное положение в состязании с другими партиями. В прошлом это были большие люди, уверенные в себе, наделенные властью. Теперь они не играли никакой реальной роли в жизни города. Мне было их почти жалко.

Люди, узурпировавшие их позиции, занимали теперь остальную часть здания: председатель областного Совета Давымуха, импозантный молодой человек, в прошлом инженер-электронщик, и три его заместителя — Иван Хел (который провел 17 лет в лагерях), Михаил Косив, поэт, и Игорь Юхновский, физик, лидер оппозиции в Раде. По словам Давымухи, он стоит за постепенное и упорядоченное продвижение к рыночной системе и к полному суверенитету Украины. Украине нужно как можно скорее иметь свои собственные деньги, банк и таможеню, хотя это и противоречит тенденции Западной Европы к большей интеграции. Украина не может иметь отношения, основанные на принципах кооперации и общего рынка, с другими республиками или с Советским Союзом, пока она не будет обладать достаточным реальным суверенитетом, чтобы вести переговоры на началах равенства. Во Львове это общая точка зрения. Даже коммунисты, те, что этажом выше, согласились с декларациями о суверенитете и экономической автономии, принятыми Верховной Радой 16 июля. Эти идеи еще не полностью разделялись в Киеве, где аппаратчики, вроде Ивашко, все еще старались сохранить целостность Союза. Однако через год они стали уже общим местом.

Весной 1991 года я вновь отправился на Украину с Дугласом Хердом. В результате политических потрясений, имевших место летом и осенью предыдущего года, Ивашко был смнен на посту председателя Украинского Верховного Совета Кравчуком, а спокойный Зленко был теперь министром иностранных дел. Они излучали уверенность в самих себе и в будущем своей страны.

У Кравчука была типичная внешность кряжистого украинца и благодушные манеры. Он имел репутацию партийного служаки: будучи областным партийным секретарем, он был одним из самых активных проводников русификации в Западной Украине. Теперь он заявил Херду, что между Украиной и Москвой не должно быть железного занавеса. Но Украина должна быть равноправным партнером. Она должна владеть и распоряжаться всеми основными средствами и природными ресурсами на своей территории. Она должна собирать все налоги, отдавая согласованную часть центру. Прямое налогообложение из центра должно прекратиться. В течение семидесяти лет партия и правительство были слиты воедино в рамках жесткой тоталитарной системы. Бюрократы в центре вцепились в свои кресла «как блохи в шерсть». Украинские депутаты все еще проявляют угодливость, когда приходится решать трудные проблемы; у них «от страха глаза становятся круглыми» при мысли, что скажет Москва или ЦК Украинской коммунистической партии. И все это говорил человек, который всю свою жизнь преданно проводил политику Москвы на Украине. Тем не менее, этот крупный политик производил освежающее впечатление. Прошло девять месяцев, и ему удалось с помощью различных маневров добиться независимости для своей страны.

В то самое время, когда остальной Советский Союз становился более открытым, политическая линия среднеазиатских республик оставалась неясной. Внешне они имели те же самые государственные институты, что и другие союзные республики: Коммунистическую партию, Верховный Совет, Академию наук, Министерство иностр-

ранных дел и свою местную ветвь КГБ. Однако отчасти это было фасадом, под прикрытием которого продолжались политические манипуляции могущественных древних кланов. В годы перестройки вспышки насилия случались и в Средней Азии. В 1986 году в Алма-Ате произошли беспорядки в связи с назначением русского Первым секретарем Казахской компартии. В остальных случаях насилие применялось спорадически, и причины его были скорее общинными, нежели политическими. В 1992 году в Таджикистане началась разрушительная гражданская война, подогревавшаяся интригами с пограничным Афганистаном. Однако в основном партийные руководители в среднеазиатских республиках были уверены в своей власти, сознавали выгоды связи с Москвой и были готовы выжидать, с тем чтобы изменить свои позиции тогда, когда это будет удобно.

В апреле 1990 года мы с семьей отправились в Казахстан и Киргизию — отчасти по делам службы, отчасти для отдыха. Мой отъезд в последнюю минуту был задержан служебным делом. Джилл и остальные уехали без меня. Это оказалось весьма кстати, так как благодаря этому я избежал присутствия на церемонии, во время которой мне пришлось бы отрезать голову овце и съесть ее глаз. Джилл вела себя на моем месте мужественно. Я прибыл в Алма-Ату поздно вечером и прямо из аэропорта поехал к родителям Марата Бисенгалиева, молодого казахского скрипача, вместе с которым я часто музицировал в Москве. Семья Бисенгалиевых, которые были музыкантами более двухсот лет, жила в небольшом доме на окраине города. Позади дома у них был сад с юртой, овцами и козами, а внутри дома, на стенах — портреты британской королевской семьи. Старик был когда-то инженером-железнодорожником; он показал нам фотографию, на которой были изображены он сам и его жена в их бытность студентами в Санкт-Петербурге. Теперь он носил на голове тубетейку и аккомпанировал на двухструнной домбре своей жене, которая пела казахские песни с таким жаром, что у нее то и дело выска-

кивала искусственная челюсть, которую приходилось в середине фразы запихивать обратно. Их пятилетняя внучка спела «Alouette» по-английски. Маленький внук сыграл на миниатюрной скрипке «Twinkle, Twinkle, Little Star» (через десять лет Амир стал известным концертным солистом). Марат предложил мне великолепный тирольский альт, который он взял в консерватории, и мы с двумя его друзьями играли Шумана. После этого мы основательно закусили — баранина, изделия из теста, десятки тостов. При всем этом присутствовал «представитель протокольного отдела Министерства иностранных дел» — агрессивный молодой человек, упорно наставлявший Бисенгалиевых относительно того, как им следует меня именовать. Несколько лет спустя Марат рассказал мне, что местные власти заранее посетили их и предложили полный комплект новой мебели, приличествующей приему посла. Бисенгалиевы, естественно, отказались. Во время самого вечера в окрестностях было полно милицейских машин. Таким образом власти напоминали жителям, что порядки не так уж сильно изменились. Однако даже в Казахстане серьезных последствий происшествия не имело.

Во Фрунзе, столице Киргизии (ныне Бишкек, столица Кыргызстана), мы провели ночь в роскошном правительственном доме для приема гостей, расположенном за городом во фруктовом саду. Утром нас повезли на озеро Иссык-Куль в кортеже, состоявшем из двух милицейских машин, лимузина «Чайка», трех машин «Волга» и специальной кареты скорой помощи, в которой находились три медсестры, — в их обязанности входило проследить за тем, чтобы я не умер на месте от сердечного приступа. Мы остановились в еще одном мраморном доме для гостей в курортном селении Чолпон-Ата, в огромном двойном номере со спальней и утепленной ванной. В нашем распоряжении были зимний сад, кинозал, банкетный зал и отличный ресторан, но самое главное — потрясающий вид на озеро и северные склоны Тянь-Шаня. Среди недавних гостей здесь побывали два президента

Финляндии и Раджив Ганди. Предметы роскоши были определенно румынские.

Все эти удовольствия оставляли мне мало времени для официальных дел. В Алма-Ате моим главным официальным визитом было посещение Нурсултана Назарбаева, Первого секретаря компартии и Председателя Верховного Совета Казахстана. Я нашел его внушительным, но лишенным обаяния, — правда, впоследствии он стал производить более приятное впечатление. Он считал, что для разрешения многочисленных проблем страны нужны быстрые реформы. Он все еще полагал, что партия лучше всех знает, что и как делать. «Мы будем крепко держать в руках бразды правления. В Казахстане никто всерьез не хочет создавать соперничающие партии». Он стоял за экономическую автономию для республики и намеревался предоставить большую свободу бизнесу. Через несколько дней предстояли выборы Президента Казахстана, на которых он баллотировался. Никто не ожидал его поражения.

В Бишкеке я посетил премьер-министра и министра иностранных дел. Премьер-министр Джумагулов оказался более мягким и разговорчивым человеком, чем Назарбаев. Он тоже говорил о растущей экономической автономии своей республики. В стране существует громадная этническая мешанина, но межэтнической борьбы нет, утверждал он, и никто особенно не настаивает на создании каких-либо альтернативных политических организаций (через неделю после нашего отъезда между различными общинами произошли ожесточенные столкновения). Люди хотели восстановления киргизских традиций. Наконец-то вышел из печати национальный эпос «Манас» об освобождении Киргизии от китайцев. Этому эпосу тысяча лет и он длиннее «Одиссеи» и «Илиады», вместе взятых. Мне трудно было составить ясное представление о Джумагулове. Наверное, несмотря на свою мягкую внешность, человек он жесткий. И, несмотря на разговорчивость, он сообщал меньше фактической информации, чем казалось. На ланче у министра иностранных дел Киргизии, самым разговорчи-

вым оказался Шеремкулов, второй секретарь ЦК компартии Киргизии. Он восхвалял Ленина, день рождения которого приходился на следующее воскресенье. Некоторые считали Ленина диктатором, некоторые думали, что он ответственен за репрессии, но Шеремкулов считал Ленина великим вождем, который ввел в стране социализм, будущее всего человечества. В апреле 1990 года это звучало анахронизмом.

В начале 1990 года Лондон запросил у меня оценку состояния Союза. Я повторил свою стандартную линию. Реформа породила сопротивление. Переворот против Горбачева возможен. Успешным переворотом по определению будет такой, момент и способ осуществления которого никто заранее предсказать не может. Я обращал особое внимание на ухудшающееся положение в прибалтийских государствах, особенно в Литве. Москва, возможно, позволит прибалтам покинуть Союз мирно. Но нам надо заранее определить свою публичную линию поведения на тот случай, если Горбачев прибегнет к силе. Мы могли бы поддержать насильственное восстановление порядка. Но применение силы для подавления законных политических чаяний народов Прибалтики — это было бы уже нечто совсем другое. Я указал на то, что провести в этом деле различие будет не просто. Две недели спустя мы столкнулись с трудностью именно такого порядка в связи с расстрелами в Баку.

На протяжении всего 1990 года у Горбачева оставалось все меньше пространства для маневра. Москва применила к Литве экономическое давление. Оно не дало результата. 11 марта Литва объявила о своем суверенитете. 12 июня ее примеру последовала Россия; 16 июля — Украина; 27 июля — Белоруссия, в августе — Татарстан. Эти акты были символическими. Даже на этой стадии «суверенитет» означал для всех, кроме прибалтов, автономию внутри конфедерации, а не действительную независимость. Однако 13 января 1991 года советские специальные воинские части штурмовали телевизионную вышку в Вильнюсе, столице

Литвы. 13 человек было убито, более 100 ранено. Количество жертв было значительно меньше, чем в предыдущем году в Баку. Но возмущение, вызванное этим событием, как за границей, так и внутри страны, было гораздо сильнее. Черняев саркастически спросил меня: «Быть может, мертвые мусульмане в Баку волнуют Запад меньше, чем мертвые христиане в Вильнюсе?».

Расстрел в Вильнюсе стал поворотным пунктом. Общественность в республиках стала непримиримой. Горбачев окончательно упустил из своих рук инициативу. Однако он продолжал бороться. В отчаянной попытке сплотить вокруг себя общественное мнение он объявил референдум о будущем Советского Союза. 17 марта 1991 года советскому народу должен был быть задан вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранить Союз Советских Социалистических Республик в качестве обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой права и свободы людей всех национальностей будут в полной мере гарантированы?». Эти права и свободы, объявил Горбачев, будут охраняться и поддерживаться новым «Союзным договором», который он заключит с пятнадцатью республиками СССР.

За месяц до референдума я посетил Ельцина с Тони Лонгригом, начальником отдела внутренней политики посольства. Впервые я заметил, что на левой руке у Ельцина не хватает пальцев: их оторвало найденной им ручной гранатой, которой он играл в детстве. Он был в лучшей, чем обычно, физической форме, а его суждения были здравыми и подобающими государственному деятелю. Однако на этот раз он был менее радостно возбужденным и менее уверенным в себе: возможно, подумал я, это результат непрерывной кампании поношения и подлых трюков, которые над ним учиняли. Он говорил тихо, почти час, называя Горбачева не иначе, как «Он». Ельцин настаивал на том, что Союз должен быть сохранен, однако, организован по новому принципу: снизу вверх, а не сверху вниз. Россия развивает прямые взаимоотношения с другими республиками.

Он не станет пытаться мешать проведению референдума. Но в добавление к вопросу Горбачева избирателей РСФСР спросят также, хотят ли они избрать собственного президента на основе всеобщего избирательного права.

Это предложение было мастерским ходом. Горбачев пытался помешать Ельцину пропагандировать себя среди избирателей. Ельцину не предоставили времени для выступления на телевидении. Вместо этого он блестяще выступил на радио «Россия». Он повторил, что поддерживает союз. Но весь вопрос в том, какой союз? Такой, в котором различные республики удерживались бы силой? Или же это должен быть добровольный союз, из которого республики могли бы выйти, если они того пожелают? Горбачев призывает людей голосовать за социалистический союз. А что если они хотят иметь несоциалистический союз? Горбачев спрашивает людей, хотят ли они, чтобы союз соблюдал права человека. Но, справедливо заметил Ельцин, правительство обязано гарантировать права человека, независимо от того, существует союз или нет. Выходит, сказал он, что те, кто проголосует против союза, стоят за нарушение прав человека? Заключил свою речь Ельцин воодушевляющим призывом к народу голосовать за него как президента России.

Накануне референдума мы отправились с Ольгой Трифионовой, вдовой одного из лучших советских писателей 70-х годов, осмотреть чеховскую усадьбу «Мелихово» в 90 километрах к югу от Москвы. В соседнем городе было церковное кладбище с могилами сына и дочери Пушкина. Дочь Пушкина умерла в 1919 году, через два года после Октябрьской революции. Несмотря на культ Пушкина, которым отмечен каждый фактический след жизни поэта, могилы были почти совершенно запущены. Погода была кошмарная: дождь, слякоть, грязь. Дача Чехова была расположена в очень приятной и типично русской сельской местности. Но это была подделка. Она несколько раз сгорала дотла и была восстановлена ученым Авдеевым, ослепшим во время войны. Его жена служила ему

поводырем в долгой борьбе с властями за то, чтобы с чеховской территории убрали совхоз и восстановили усадьбу в том виде, в каком она была при Чехове. Авдеев вскоре умер, и новым хранителем музея стала еще одна героическая женщина.

Ольга спросила меня, как ей следует проголосовать на следующий день. Я сказал, что не знаю. Дипломатически это был правильный ответ: не мое дело было вмешиваться во внутреннюю советскую политику. Но кроме дипломатии, это и в самом деле было так: я понятия не имел, какой ответ был бы наилучшим для России. Горбачев пытался превратить референдум в вотум доверия. Если бы он выиграл, то есть получил бы ответ «да» более чем от половины избирателей, все равно это мало бы что значило. Он мог заявить, что получил мандат на суровые меры в области экономики и против непослушных республик. Но это не повлияло бы на рядовых граждан, которые уже выражали протест против экономических лишений, или на непослушные республики, большинство которых уже заявило, что в любом случае намерены игнорировать результаты референдума. Если бы он получил менее половины голосов, это было бы для него катастрофой. Юрий Афанасьев высказал предположение, что в этом случае он мог бы попытаться сфальсифицировать результаты. Что касается Ельцина, то для него стало бы настоящим триумфом, если бы он получил больше половины голосов за создание поста Президента России, и катастрофой, если бы получил меньше. Впрочем, ему было бы нетрудно продемонстрировать, что голосование по поводу Союза было бессмысленным, каковыми бы ни были его результаты. Пожалуй, подумал я, наилучшим вариантом было бы большинство по обоим вопросам.

Собственно говоря, именно так и случилось. Значительная часть советского электората поддержала союз. Но русские столь же единодушно высказались за избрание собственного президента. Через четыре дня после этих событий я вместе с Дугласом Хердом нанес визит как Горба-

чеву, так и Ельцину. Время от времени Горбачев излучал свое обычное обаяние. Но в остальные моменты, а они становились все более продолжительными, он был мрачен и замкнут — заметная перемена. Он думал, что оппозиция попытается теперь дестабилизировать обстановку. Предстоят ожесточенные политические бои. Он не допустит дальнейшего развала государственных структур. В то же время казалось, что он полон решимости и дальше осуществлять перемены. Этот процесс потребует времени, за которое сменятся не одно правительство и не одно поколение. Несмотря ни на что, «мы вползаем в глубочайшую реформу». Референдум показал, что большинство граждан хочет, чтобы Советский Союз сохранился. Демонстрируя поразительный самообман, порожденный подтасованной информацией, которой его снабжал Крючков, он утверждал, что даже прибалты и кавказцы хотят остаться в Союзе: это местные власти помешали им свободно голосовать. Теперь должны будут начаться переговоры о новом союзном договоре — в первую очередь с девятью республиками, которые недвусмысленно ответили «да». Различные республики могли бы потребовать для себя разные условия: ведь, в конце концов, в царской империи Польша, Финляндия и Бухара — все имели особый статус. Теперь он неохотно соглашался на то, чтобы республики, желающие выйти из Союза, могли это сделать, при условии, если они готовы решить путем переговоров такие вопросы, как права меньшинств, стратегические проблемы и экономические связи. Процесс будет болезненным. Но «нам придется пойти по этому пути в близком будущем». Херд твердо заявил Горбачеву, что мы не одобряем того, что произошло недавно в государствах Прибалтики. Но распад Советского Союза был бы вреден для всех нас. Он заявил прессе, что по этой причине Англия решительно поддерживает «обновленный и добровольный союз». Когда мы после этого обменивались с ним мнениями, я сказал, что все еще не верю, что Горбачев собирается начать настоящие переговоры с прибалтами. Херд не согласился со мной.

Ельцин многозначительно заявил нам, что с тех пор, как Херд был у него в сентябре 1990 года, все изменилось к худшему. Горбачев связал свою судьбу с консерваторами. Он убедил советский парламент отклонить 500-дневный план быстрых экономических реформ. После расстрелов в Прибалтике он согласился с фронтальной атакой на гласность, худшей, чем в брежневские времена. Ельцин был вынужден дистанцироваться от него. Россия, сказал он, сейчас работает над своим собственным планом экономической реформы, и представил нам проект преобразований в экономике, обеспечивающий снабжение необходимыми ресурсами, от простоты которого захватывало дух. Однако Ельцин опять же настаивал на том, что союз должен быть сохранен. Он никогда не сомневался, что большинство проголосует за союз. Он готов к переговорам. Но проект договора, предложенный Горбачевым, не годится. Нельзя согласиться с предложенным им разделением функций между центром и республиками. Шесть республик вообще не останутся в союзе. Несколько других откажутся называться «социалистическими». Тогда центральное руководство начнет проводить еще более жесткую линию. Он и Горбачев олицетворяют два непримиримых подхода к этому вопросу. Он считает, что тоталитарную систему надо сейчас ликвидировать, но не силой, а законными и конституционными методами. Риска гражданской войны нет, сказал он, хотя Горбачев пытается всех пугать этой перспективой. Сейчас важно избрать Президента России — эту идею поддержало на референдуме 70 процентов русского электората.

Когда мы распрощались, Херд сказал мне, что Ельцин «опасный человек», едва поддающийся контролю. Но его анализ ситуации, в общем-то, верен. Горбачев сейчас почти всецело живет в заоблачных высях. Референдум ничего не дал для прояснения отношений между центром и республиками. В лучшем случае он создал почву для мужественной, уклончивой и в конечном итоге неудачной попытки Горбачева ратовать за союзный договор, федератив-

ное или конфедеративное соглашение между республиками, которое сохранило хотя бы тень союза. Пожалуй, самым значительным результатом референдума было то, что он открыл путь к народному голосованию 12 июня 1991 года, сделавшему Ельцина Президентом России и давшему ему моральное превосходство над Горбачевым, а также законное право подавить августовский путч.

Российская империя представляла собой организм с очень прочными корнями, складывавшийся на протяжении почти тысячи лет в результате войн, мирной колонизации, географических открытий и заселения. Русские жили не только в крупных городах, но и за пределами древних земель самой России, где они чувствовали себя так же, как дома. Но эта империя не была морской державой, где различие между колониями и метрополией является очевидным. Поэтому сравнивать ее надо не с Британской империей, где, в конце концов, единственное, что надо было предпринять колонизаторам во время ее распада, это сесть на свои корабли и отплыть, например, из Индии на родину. Сравнить ее надо с Австро-Венгрией и Турцией или с Канадой и Северной Америкой.

Подобные сравнения, однако, нелегко признают те, кто считает, что русские — уникально имперский народ. Они забывают о том, что, по словам Самюэля Хантингтона (явно звучащих как бессознательный отклик на размышления Сергея Витте о характере русской мощи, которые приведены в качестве эпиграфа к предыдущей главе), «Запад завоевал мир не превосходством своих идей, или ценностей, или религии (к которой было приобщено мало представителей других цивилизаций), а, скорее, своим превосходством в применении организованного насилия. Люди Запада часто забывают об этом факте. Те же, что не живут на Западе, не забывают никогда»⁸.

Крушение советской империи сопровождалось гораздо меньшим кровопролитием, чем крушение заморских европейских империй. Причем больше крови было пролито в результате борьбы между этническими группа-

ми, предотвратить которые имперская держава не хотела или не могла. Самая крупная расправа, учиненная советскими войсками, — в Баку в январе 1990 года — сопровождалась значительно меньшим числом жертв, чем Амритсарский расстрел, произведенный британскими войсками в 1919-м. Количество жертв в Вильнюсе в 1991 году равно по численности погибшим от британских парашютно-десантных войск в «кровавое воскресенье» 1972 года в Лондондерри.

Русские продолжали интриги за пределами своих границ — на Кавказе, в Молдавии, в Средней Азии. В Западной Европе мы еще пятьдесят лет назад усвоили, что уже нельзя вторгнуться в Бельгию или Люксембург, когда нам этого захочется. Русская риторика, особенно когда речь заходит о государствах Прибалтики, создает впечатление, что русские этого урока еще не усвоили. И пока они его не усвоят, соседи будут их бояться. Однако, когда доходит до практических дел, русские, если не считать кровавого и неумелого вторжения в Чечню, не предпринимали серьезных попыток восстановить свои имперские притязания. Подобно лапкам лягушки, к которым прикасаются электрическим проводом, остатки империи время от времени содрогаются. Но имперский напор иссяк.

Крен вправо

*Распаду центр не в силах помешать;
На мире всем анархии печать.*

У.Б. Йитс. Второе пришествие*

Стратегической целью Горбачева всегда была реформа — насколько далеко идущая, он вначале и сам точно не знал. Однако тактика его состояла в том, чтобы занимать центристскую позицию. Он заручался поддержкой как радикалов, так и реакционеров — в зависимости от того, кто мог послужить его целям в данный момент, и натравливал экстремистов друг на друга, когда это представлялось целесообразным. Однако, начиная с лета 1989 года, эта тактика стала давать слабые результаты. Горбачев становился все меньше хозяином положения. Он уже больше не маневрировал. Он колебался, склоняясь то к одному крылу, то к другому. К концу 1990 года, который Черняев назвал «потерянным годом», ему совершенно не доверяли ни те ни другие.

Этот процесс упадка время от времени знаменовался похоронами. В июле 1989 года умер Громыко. Политические волнения в Москве были в самом разгаре. Европейская империя Сталина, сохранению которой Громыко посвятил всю свою жизнь, начинала разваливаться. Сталин рекрутировал Громыко на дипломатическую службу в 1939 году — это было частью его кампании по замене старых большевистских дипломатов, которых он систематически расстреливал. Как министр иностранных дел Громыко был связан

* Перевод В. Исакович.

со многими советскими преступлениями и глупостями. Сейчас он был выставлен для торжественного прощания в пышном Доме Советской Армии, построенном в неоклассическом стиле. Снаружи километровая очередь простых людей ждала момента, чтобы отдать последний долг покойному. Зеркала и люстры были задрапированы черной тканью. Военный оркестр играл похоронную музыку. Повсюду стояли солдаты по стойке смирно. Угодливые молодые люди из протокольного отдела Министерства иностранных дел изображали горе. Гроб Громыко был водружен на высоком катафалке под таким углом, что мои глаза упирались прямо в его ноздри. Его медали и ордена — многие десятки — были разложены перед ним на алом бархате. Я тронул его вдову за руку; она тихо сказала мне что-то по-английски, я ей — по-русски. Громыко, возможно, и не был симпатичным человеком, он не умел мыслить конструктивно, не был наделен воображением. Но вдова его не была в этом виновата, сейчас она просто плакала.

Конец 1989 года был отмечен еще более значительной смертью. Горбачев восхищался Сахаровым, но ему нелегко было с ним ладить. Сахаров был слишком независимым, слишком мало считался с правилами разумной политики и был склонен сводить сложные тактические вопросы к простым моральным истинам. На Съезде народных депутатов между ними постоянно происходили столкновения. 14 декабря 1989 года, грубо используя свое право председателя, Горбачев запретил Сахарову высказаться по поводу монополии коммунистической партии, вытекавшей из статьи 6-й Конституции. Но Сахаров не собирался сдаваться. Последнее, что он сказал в ту ночь перед тем, как лечь спать, было: «Завтра будет бой». Утром жена нашла его мертвым: он умер от сердечного приступа во сне.

Три дня спустя его тело было выставлено для прощания в громадном «Дворце молодежи» на Комсомольском проспекте. Это было политическое событие, а также повод для выражения народных чувств, подобных тем, что сопровождали когда-то похороны Льва Толстого. Ближай-

шие станции метро были закрыты, как это делается всегда, когда власти надеются таким способом помешать людям собираться без официального разрешения. На соседних улицах в автобусах находилось большое количество войск, готовых приступить к действиям, если что-нибудь пойдет не так. Люди, пришедшие на прощание, — их было, пожалуй, около 250 тысяч, — выстроились в километровую очередь на 20-градусном морозе, чтобы отдать последний долг умершему. Внутри здания квартет имени Бородина исполнял камерную музыку, как это бывало на похоронах каждого генерального секретаря коммунистической партии после смерти Сталина. Московская интеллигенция поочередно стояла в почетном карауле. Губенко, актер театра на Таганке, который был теперь министром культуры, сидел на сцене. Пока мы наблюдали за происходящим, какая-то пожилая женщина начала кричать: «Они убили его — диктатура и узурпаторы». Ее тихонечко увели. Группа молодых людей была одета в национальные украинские костюмы; их шапки обвивали ленты с надписью «Чернобыль!». У других были нарукавные повязки с перечеркнутой цифрой 6, что означало: долой 6-ю статью Конституции и монополию коммунистической партии — за это Сахаров боролся в день смерти.

Когда мы встали утром в день похорон, мы услышали по Би-би-си первые сообщения о беспорядках и демонстрациях в Румынии. Сильнейший мороз, стоявший накануне, сменился серой слякотью с густым туманом. Джилл и я вместе с детьми два часа ждали в Лужниках прибытия траурного кортежа. Были группы людей с плакатами, на которых была изображена символическая цифра 6, группы с русским Андреевским флагом и люди с плакатами, на которых было написано: «Простите нас! Мы должны были поддержать вас в 1980-м!». (Тогда Сахаров был отправлен в ссылку в Горький.) Между тем, добродушно настроенная толпа все время увеличивалась. Молодые милиционеры, окружавшие толпу, очевидно, не получив никакой команды, не знали, как себя вести. Толпа же бес-

цельно колыхалась, и мы боялись, что кто-нибудь может поскользнуться и упасть на покрытую слякотью землю; начнется паника, а значит, возможны и жертвы. С огромным трудом удалось расчистить проход, чтобы пронести гроб к трибуне. Вдова Сахарова Елена Боннэр взяла микрофон и прокричала: «Вы несете плакаты с надписью: «Мудрость, Честь, Совесть». Почему бы вам самим не проявить чуточку мудрости, чести и совести вместо того, чтобы беспорядочно толпиться, как животные. Вспомните всех тех, кто был задавлен насмерть на похоронах Сталина в 1953 году». Это прозвучало зловеще.

Первым говорил академик Лихачев, единственный человек в России, который пользовался частью того уважения, которое народ питал к Сахарову. Он назвал Сахарова одним из лучших представителей русской интеллигенции (с ударением на слове «русской») и сравнил его с Толстым, еще одним борцом за справедливость. Евтушенко прочитал напыщенное стихотворение, в котором было много самолюбования. Собчак напомнил о том, что Сахаров умер в годовщину восстания декабристов, первого либерального восстания против царизма. Юрий Афанасьев призвал всех бороться, как боролся Сахаров, против статьи 6 и за создание настоящей демократической оппозиции. После этого гроб с телом понесли под звуки «Адажио» Альбини, любимого музыкального произведения Сахарова. Когда мы уходили, нас узнала маленькая женщина в красном берете. Ее звали Елена, и она предложила познакомить нас с Даниэлем Митлянским, скульптором, который снял с Сахарова посмертную маску. Она сдержала слово, скульптор подарил нам копию маски.

В тот вечер нас пригласили на поминки, которые были устроены в огромном ресторане гостиницы «Россия». На них присутствовало, по меньшей мере, тысяча человек. Люди стояли в очередь к микрофону, чтобы поделиться своими воспоминаниями о Сахарове — афганские ветераны, инвалиды, люди, которым он помог получить квартиру, представители всей той массы людей, ко-

торым он неустанно помогал. Ораторы подчеркивали, что Сахаров не был таким политически наивным и непрактичным, каким казался, и он был прав, отказываясь идти на компромисс.

Я же думал, что его время прошло, что сейчас не время для героев, а время для практических государственных деятелей, таких как Горбачев, жизнь которого Сахаров без нужды усложнял. Однако теперь, когда его не стало, я уже не был в этом уверен. Наступивший год показал, что России все еще была нужна ее совесть и что у либеральной оппозиции не было другого лидера, который мог бы сравниться с Сахаровым в верности нравственным принципам и в чистоте помыслов. То, что он иной раз неверно оценивал тактическую ситуацию, было менее важно. Его смерть была сильным ударом для демократического процесса. Спустя некоторое время я прочел его «Воспоминания». Его мужество и целеустремленность, его стойкость и убежденность, выраженная в статьях, обращенных к широкой публике и непосредственно к советскому руководству, в том, что Россия может уцелеть только при условии, если она станет открытым обществом, — были незаменимой интеллектуальной и политической подготовкой перестройки.

Трагедия 1990 года была в том, что демократы, пришедшие на смену Сахарову, не смогли отрешиться от своих разногласий. Они в достаточной мере не освободились от подозрений по отношению к Горбачеву, чтобы оказывать ему и его реформам последовательную поддержку, в которой они нуждались, и тем самым преградить путь реакции в лице «твердолобых коммунистов». Вместо этого они стали поддерживать Ельцина. Если бы Сахаров был жив, то, я думаю, он мог бы сыграть роль катализатора более широкого сотрудничества между демократами и либеральными коммунистами, а это могло бы спасти страну от многих последующих испытаний.

Между тем старая гвардия в коммунистической партии начала проявлять недовольство. Первоначально эти люди поддерживали Горбачева, полагая, видимо, что он мо-

жет заставить старую систему заработать вновь. Однако на 19-й партийной конференции он достаточно ясно их предостерег, что политическое их влияние в будущем будет основываться на заслугах и поддержке общественности, а не на тайных интригах в прокурорских комнатах. Он знал, что ни конфронтация, ни уговоры не заставят их отказаться от власти. Поэтому прибег к тактике «салями», отрезая от реакционного большинства по кусочку — сначала он это проделал посредством «мини-переворота» в сентябре 1988 года, а потом еще раз — с помощью выборов в марте 1989 года. Видя, что в одном городе за другим избиратели лишают их должности, партийные боссы поняли, что цели Горбачева несовместимы с их целями. Зарождался дух мятежа, который в течение последующих двух лет объединил ведущих деятелей в партии, армии и тайной полиции. Они надеялись таким образом вновь подчинить себе Горбачева. Зимой 1990–1991 годов им это почти удалось.

Сразу же после выборов в марте 1989 года состоялся пленум ЦК Коммунистической партии. Применив весьма изящный тактический маневр, Горбачев воспользовался представившейся возможностью, чтобы организовать «отставку» 110 членов ЦК — одного из каждого шести. В их числе были такие «тяжеловесы» как Громыко, Алиев, бывший Первый секретарь компартии Азербайджана, престарелый человек, наделенный каким-то зловещим обаянием, который в 1993 году вновь появился на сцене в качестве Президента уже независимого Азербайджана, а также маршал Огарков, который, будучи начальником Генерального штаба, пытался оправдать факт уничтожения корейского пассажирского самолета в 1983 году. То была крупнейшая «чистка» после той, которую учинил Сталин среди делегатов XVII партийного съезда в 1934 году. Для жертв существенная разница состояла в том, что на этот раз их не расстреляли, а предложили тихо уйти, посулив щедрые пенсии и завесу молчания над их прошлым. Образовавшиеся вакансии заполнили среди прочих Евгений Примаков, академик Велихов, физик-ядерщик и специалист по контро-

лю над вооружениями, Валентин Фалин, заведующий Международным отделом ЦК компартии, и Юлий Квинцинский, советский посол в Бонне. Все они сыграли видную роль на последнем этапе перестройки. Из них в дальнейшем сохранился лишь Примаков, став предпоследним премьер-министром во времена Ельцина.

Горбачев, таким образом, избавился от мертвого груза консерваторов. Однако те, кто поддерживал его в ЦК, все еще были в меньшинстве. Дискуссия на пленуме была шумной и продолжительной. «Лоялисты» были в смятении, возмущены растущей критикой партии в печати, но самое главное, что вызывало у них ярость и страх, это растущая возможность утраты партией политической монополии. Горбачева поносили в таких выражениях, какие раньше не допускались в отношении действующего генерального секретаря; были слухи, что его снимут. Пространные выдержки из протокола пленума появились в «Правде», все еще находившейся в руках его противников. Сайкин и Соловьев, бывшие партийные боссы Москвы и Ленинграда, потерпевшие поражение на выборах, высказывались особенно озлобленно. Экономические реформы непоследовательны, говорили они. Частный бизнес обогащается за счет государственных предприятий. Эта критика не была лишена основания. Горбачев сопротивлялся упорно и отвечал своим противникам характерными для него длинными речами. Экономика действительно находится в полном беспорядке. «Надо смотреть правде в лицо: многие люди разучились работать. Они привыкли к тому, что им платят просто за то, что они сидят на рабочем месте». Надо, чтобы рядовые граждане взяли на себя ответственность за процветание страны. Именно для этого нужна демократия. Партия в прошлом указывала путь. Но реформа надвигается снизу, а не насаждается сверху. В этом нет никакой угрозы ни партии, ни социализму. «Если диалог со всеми уровнями общества — это трусость, тогда я не знаю, что такое мужество».

На время Горбачеву удалось унять мятежные настроения. Но ситуация, наблюдавшаяся на апрельском пленуме

1989 года, повторилась на пленумах в феврале 1990-го и в апреле и июле 1991 года, на Первом съезде Российской коммунистической партии в июне 1990 года, на XXVIII и последнем съезде КПСС месяцем позже. Всякий раз Горбачев оказывал сопротивление, уговаривал, страдал и грозил в случае необходимости уйти в отставку. И каждый раз в руках у него оставалось все меньше реальной власти, чем прежде.

Перед партией стояли два не терпящие отлагательства решения. Способна ли она сохранить свою конституционную монополию власти, против которой боролись Сахаров и его друзья? И есть ли в одной партии место для Лигачева и реакционеров с одной стороны, и Горбачева и его последователей — с другой? Эти два вопроса были тесно связаны между собой. От ответа на них зависел сам характер Советского Союза как политического организма.

Статья 6 Конституции СССР 1977 года — «брежневской» — характеризовала Коммунистическую партию как «ведущую и направляющую силу советского общества, ядро его политической системы, а также государственных и общественных организаций». На практике партия, разумеется, и без этой формулы властвовала над политической жизнью страны. Однако формула имела не только символическое значение, поскольку служила юридической помехой любой форме многопартийной демократии. Даже внутри самой партии были люди, считавшие, что пришло время для перемен. В конце 1985 года Александр Яковлев в порядке гипотезы предложил Горбачеву разделить партию на две отдельные партии — социал-демократическую и коммунистическую, которые стали бы состязаться друг с другом за поддержку электората¹.

В то время Горбачев считал эту идею преждевременной, но продолжал мысленно возвращаться к ней. Уже в январе 1990 года его сподвижники открыто говорили мне, что партия может расколоться. Лаптев считал, что многопартийная система ныне неизбежна. Само слово «коммунист» может стать в глазах избирателей недостатком. А в конце ян-

варя Си-эн-эн сообщила, что Горбачев собирается уйти с поста генерального секретаря и использовать в качестве основы своей власти облечённый усиленными полномочиями пост президента. Я отнесся к этому скептически. Но Егор Яковлев из «Московских новостей» сказал, что эта идея действительно носится в воздухе. Партия настолько дискредитирована, что уже не играет существенной роли как орудие управления страной. Горбачев может продолжать двигать вперед перестройку как глава парламента — ведь он в 1989 году уже трижды грозился уйти с поста генерального секретаря. Яковлев не думал, что Горбачев пойдет на этот шаг в скором времени. Сторонники жесткого курса все еще слишком опасались реакции в народе, чтобы заставить его форсировать события. Но Горбачев больше не мог лавировать между радикальным и реакционным крылом партии. Чтобы держать политический процесс под контролем, он должен был теперь руководить, идя впереди. В противном случае Советский Союз ожидала одна из двух восточно-европейских версий: румынская или югославская — кровавое восстание или распад.

Осмыслив эти сведения, я сообщил в Форин Оффис, что Горбачев полон решимости сломить власть партийной бюрократии и ее политическую монополию и что он полностью контролирует положение. Эта моя уверенность была, однако, сильно подорвана пленумом, который партия созвала в феврале 1990 года. Когда он начался, я находился в Лондоне, где занимался подготовкой к приезду делегации парламентских депутатов во главе с членом политбюро Вадимом Медведевым. Я услышал по Би-би-си, что в первый день Горбачеву не удалось настоять на своем. Лигачев подверг резкой критике его политическую линию в области экономики, по национальному вопросу, по проблемам Германии и единства партии. Бровиков, советский посол в Варшаве, обрушился с резкими нападка-ми на самого Горбачева. Телевидение показало поток генералов, выходявших из Кремля с ничего не выражающими лицами и отказывавшихся от комментариев. И все-таки

Горбачев вновь предпринял успешную контратаку. Он убедил весь Центральный комитет, кроме Ельцина, у которого на сей счет были свои идеи, проголосовать за поправку к Конституции, аннулирующую ведущую роль партии, и одобрить либеральный проект новой программы партии для ее утверждения на XXVIII съезде, который должен был быть созван позже в том же году. По своему языку этот проект значительно отличался от заклинаний, содержащихся в прежних партийных документах. Горбачев, наконец, сам употребил слово «плюрализм» без прилагательного «социалистический». Выражения вроде «социалистический рынок», «социалистическая законность» и другие оруэлловские иносказания были отброшены. Для внешнего мира эти перемены казались малозначительными, какими-то талмудистскими тонкостями. Между тем они знаменовали собой отказ от целого блока укоренившихся идеологических формул, которые не позволяли партии высказывать политически и экономически осмысленные идеи относительно реального мира.

Противники Горбачева внутри партии начали теперь обдумывать новую стратегию, поразительно похожую на ту, которой придерживался его заклятый враг, Ельцин; она предполагала использование институтов России в борьбе против институтов центра. И Ельцин мог, по крайней мере, опираться на призрачные правительственные институты РСФСР. Учитывая, что у РСФСР, в отличие от других Советских республик, не было ни своей собственной коммунистической партии, ни собственных органов безопасности, ни даже Академии наук. Русские не имели ничего против этой видимой дискриминации до тех пор, пока Советский Союз функционировал как действенная замена старой Российской империи. Но когда Союз стал приходить в упадок, они начали призывать к созданию собственных институтов. В частности, требования о создании Российской коммунистической партии стали усиливаться с начала 1990 года. Сторонники Горбачева были от этого в ужасе. Когда я спросил, почему, Лаптев сказал мне, что

Российская коммунистическая партия обязательно попадет в руки правых, консервативных поборников порядка, квазифашистских экстремистов.

Надо сказать, что в последние годы существования Советского Союза разделить политические группировки на «левые» и «правые» было нелегко. Гитлеровская партия, как известно, называлась Национал-социалистической партией немецких рабочих. Муссолини, прежде чем стать фашистом, был социалистом. И поскольку крайности часто сходятся, крайне правые в Советском Союзе включали как коммунистических сторонников жесткого курса, так и националистов; их взгляды были порой неразличимы. Позиции же умеренных коммунистов типа Горбачева — людей левых взглядов — эволюционировали в нечто, очень похожее на социал-демократию Западной Европы. Многие из более ранних сторонников Ельцина были «либералами» скорее в английском, нежели американском или континентальном смысле слова.

Горбачев попытался помешать созданию Российской коммунистической партии, но неудачно. Новая партия провела свой Учредительный съезд в Москве в июне 1990 года. Горбачев в начале съезда пространно настаивал на том, что новая партия должна быть подчинена КПСС. На него тут же набросился командующий Приволжским военным округом генерал Макашов, ставший впоследствии крайним националистом наихудшего сорта. К ужасу либералов, Горбачев не уволил генерала за его вопиюще неуместное вмешательство в вопросы внутренней политики. Отвергнув более либеральных кандидатов, делегаты съезда выбрали генеральным секретарем новой партии реакционного партийного секретаря из Краснодара Полозкова. Я слышал от разных лиц, что этот малоизвестный партийный бюрократ — сила, с которой надо считаться. Но когда я посетил его весной 1991 года в официальном центре Российской коммунистической партии, помещавшемся в старом здании на краю комплекса зданий ЦК в Китай-городе, он показался мне маленьким человеком во

всех смыслах этого слова. Его последующая ничем не примечательная карьера подтвердила справедливость моего впечатления.

Реакционеры добились новых успехов на XXVIII — и, как оказалось, последнем — съезде КПСС в июле 1990 года. Вопрос был ясен: будут ли аппаратчики все-таки подчиняться руководству Горбачева? Захотят ли они поддерживать его реформы? Есть ли в партии место для самих реформаторов? Ко времени окончания съезда стало ясно, что партия к реформам не готова; было очевидно, что ей нанесен урон, от которого она уже не оправится. Правые вели себя шумно и оскорбительно. Но их главный представитель, Лигачев, был снят с поста при голосовании, и его активная политическая карьера на этом закончилась. Несмотря на недобрые предчувствия, делегаты неохотно проголосовали за горбачевскую программу социал-демократической партии. Столь же неохотно — четверть всех присутствующих проголосовала против — они вновь избрали его генеральным секретарем. Они согласились на серьезную перестройку организации партии, в результате которой были разорваны почти все остававшиеся связи между партией и государством. Впервые после Октябрьской революции ни один член нового политбюро, кроме самого Горбачева, не занимал никакого поста в государственной системе. С политбюро и партией как инструментами власти было покончено.

Именно в этот момент несколько наиболее радикальных реформаторов, не сразу набравшись мужества, вышли из партии. Ельцин предостерег аппаратчиков, что если они не модернизируют партию, то она вместе с ними проделает путь коммунистических партий Восточной Европы. После этого он, Собчак и Попов мерным шагом вышли из зала под крики: «Позор!». За ними последовали немногие. Шеварднадзе и Александр Яковлев остались на своих местах. Но эффектный выход Ельцина из партии вдохнул мужество в тех, кто, подобно Саше Мотову, откладывали отказ от своих партийных билетов из страха

потерять работу, а может быть, испытать кое-что и похуже. С этого момента узенький ручеек людей, покидавших партию, превратился в мощный поток.

Но хотя партия была ослаблена, аппаратчики все еще контролировали органы местной власти: в их распоряжении были кабинеты, телефоны, местная пресса и пока — телевидение. Я предупредил Форин Оффис, что, несмотря на поражение аппаратчиков, недооценивать их не следует. В своем дневнике я записал: «Нет ясной картины того, что аппаратчики пользуются большой поддержкой в стране в целом; судя по позиции горняков, эта поддержка очень мала. Поэтому они могут организовывать путч, но не контрреволюцию».

Наряду с борьбой внутри партии шла борьба на улицах. В первые годы перестройки публичные демонстрации были еще запрещены и разгонялись милицией и КГБ, часто с большой жестокостью. Но по мере того как 1989 год подходил к концу, Юрий Афанасьев и его демократические коллеги начали переносить политические дебаты на улицы. На их призыв откликнулись сотни тысяч дисциплинированных москвичей. Теперь милиция пассивно наблюдала за тем, как рядовые граждане выражают свою глубокую ненависть к партии. К всеобщему удивлению оказалось, что русский народ столь же политически искушен и в той же мере способен на организованный протест, как и восточные немцы. В то самое время, когда в ноябре 1989 года на Красной площади происходил официальный парад, соперничающая демонстрация требовала отмены руководящей роли партии; на ее знаменах было написано: «Рабочие всего мира — простите нас!». В северном городе Воркуте забастовали шахтеры, требовавшие отмены статьи 6. В декабре население Москвы вышло на демонстрацию в ответ на последний призыв Сахарова. Волгоградская партийная организация в пароксизме атакистического идеологического пыла приказала уничтожить несколько частных парников на окраинах города на том основании, что они представляют собой источник «незаконной спекуля-

ции». С волгоградских рынков тотчас исчезли помидоры, народ в ярости вышел на улицы, и в начале следующего года горком партии был снят в полном составе. То же самое случилось с местным партийным руководством в Тюмени. В Чернигове пьяный шофер разбил казенную машину. Багажник открылся, и в нем оказалась масса продуктов из партийного магазина. Партийные боссы забеспокоились, не сметут ли их «стихийные силы» народного гнева, подобно тому, как они смели Чаушеску.

Вечером 4 февраля 1990 года несколько сотен тысяч человек собрались на Крымском мосту возле Парка Горького. Они прошли по Садовому кольцу, мимо Музея Революции на улице Горького до Манежной площади, находящейся прямо под стенами Кремля. Впервые демонстрации оппозиционеров позволили подойти так близко к самому центру власти. Некоторые несли царские флаги и флаги Временного правительства, «созванного в феврале 1917 года», как бы намеренно пытаясь перекинуть мост в докоммунистическое прошлое. Другие несли лозунги: «Долой КГБ!», «Армия, не стреляй!», «Партийные бюрократы, помните о Румынии!». Константин Демахин шел в рядах этих демонстрантов. Шла с ними и Джилл, которая пошла просто посмотреть, а затем присоединилась к общей массе. На Манежной площади к ним обратились Ельцин, Гавриил Попов, Коротич и поэт Евтушенко. Большинство демонстрантов составляли пожилые люди, принадлежавшие к средним классам. Молодежи среди них было сравнительно мало. Несколько человек узнали Джилл, которая недавно выступала по телевидению: «О! Вы жена «нашего» английского посла!».

Вторая демонстрация состоялась 25 февраля — в годовщину падения царизма в 1917 году. Она была кульминационным моментом кампании выборов в Российский парламент. Власти начали намеренно нагнетать напряженность. Советский парламент предостерегал от «гражданской конфронтации». «Правда» опубликовала обращение ЦК к народу с призывом вести себя спокойно. Джилл при-

несла из университета, где она регулярно давала уроки разговорного английского, слухи о том, что вокруг Москвы концентрируются войска и демонстрация будет подавлена силой. По телевидению Рыжков говорил веско, но угрожающе о необходимости порядка. Я спрашивал себя, не зайдут ли Афанасьев и его единомышленники слишком далеко.

В субботу 24 февраля — накануне демонстрации демократов — московские коммунисты и военные организовали в центре Москвы антиельцинский митинг. На их плакатах были лозунги: «Народ и партия едины!», «Россия для русских!», «Ельцин и его компания — слуги сионизма!». Я в то время этого не знал, но на митинге присутствовали Крючков, Язов и Пуго — люди, которые впоследствии организовали путч 1991 года.

На следующий день рано утром радио сообщило, что Москва окружена войсками. Медицинские службы были приведены в состояние готовности. Некий православный епископ призывал жителей провести день дома. Мы с Джилл прошли по Большому каменному мосту, ведущему через реку к Кремлю, через парк, раскинувшийся под стенами Кремля, в центр города. Все выглядело мирно. Люди прогуливались, радуясь не по сезону теплой погоде. Но в боковых улицах выжидали войска и милиция; там были припаркованы грузовики, предназначенные для того, чтобы заблокировать улицы, и большое количество закрытых фургонов с надписью «Детское питание», — довольно прозрачная маскировка: в солженицынские времена «черные воронки» обычно имели надпись: «Хлеб» или «Мясо». На крышах дежурили снайперы в бронежилетах. В одном из переулков в конце улицы Горького мы осмотрели Церковь Воскресения, находящуюся в хорошем состоянии и усиленно посещаемую. Внутри она вся была увешана великолепными иконами, спасенными из церквей и монастырей, которые были разрушены в 30-х годах. Холеный священник интеллигентного вида читал в высшей степени «подрывную» и сложную проповедь о

взаимоотношениях между Богом, человеком и историей. О том, что человек повел себя неправильно в Эдемском саду и в XX столетии, когда попытался поставить себя на место Бога. Отсюда все ужасы недавнего прошлого России, ныне России предоставляется еще один шанс признать Бога и его роль в истории.

Демонстранты вели себя организованно и дисциплинированно — это стало их отличительной особенностью. Они не предпринимали никаких попыток прорваться через кольцо войск вокруг Кремля. И все-таки они снова вышли в массовом порядке, несмотря на угрозы властей. Либеральные политики заявляли по телевидению, что «люди преодолели свой страх». В Кремле на дело смотрели иначе. Когда политбюро собралось, чтобы обсудить события дня, Рыжков утверждал, что одержана победа. Крючков заявил: народ теперь знает, кто хозяин. Протестовать против этих утверждений выпало на долю Бакатина, тогда все еще министра внутренних дел. Да, сказал он, народ был напуган. Иначе на улицах был бы миллион человек, а не каких-то триста тысяч. В следующий раз они сдерживаться не станут. Они двинутся прямо на Кремль, и партии придется обеспечить свою «победу» с помощью танков. Вместо того, чтобы болтать о «победе», власти должны начать переговоры со всеми, кто стоит за реформы. Горбачев напустился на него. Те, кто возглавлял демонстрации, — Попов и прочие, которых он назвал «политическими негодьями», — ничего и никого не представляют, и дискутировать с ними не о чем: «Настоящий рабочий класс еще не сказал своего слова». Бакатин был изолирован. Остальные члены политбюро сплотились вокруг Горбачева².

До сих пор демонстранты не критиковали Горбачева. Однако положение стало меняться. Горбачев сделал новый либеральный жест, оказавшийся крайне неудачным. Он позволил независимым политическим группировкам принять участие в майском параде на Красной площади. Это было пестрое сборище членов демократических профсоюзов, социалистов, кадетов и прочих — их названия напоми-

нали о кратковременном флирте царского режима с демократией в начале века. Некоторые демонстранты несли лозунги, намеренно и грубо угрожавшие партийным бюрократам: «Встаньте с ваших кресел и марш в концентрационные лагеря!», «Вспомните Чаушеску!». Они улюлюкали Горбачеву. Тот в ярости сбежал с трибуны.

То же самое произошло во время парада по случаю годовщины революции в ноябре, в серый денек с падающим и тут же тающим снегом. Горбачев начал довольно хорошо, обратившись к собравшимся не со слова «товарищи», а — «соотечественники». Но потом, как это часто с ним случалось, он бубнил ни о чем целых двадцать минут, так что интерес у людей пропал. Военный парад был организован как всегда безупречно. Последовавшая за ним гражданская демонстрация вновь нарушила сложившийся ритуал. Горбачев, Лукьянов, Ельцин и Попов сошли с трибуны и пошли во главе демонстрантов по площади. Несмотря на тщательную организацию, попадались антигорбачевские лозунги («Помните, что вы все еще Генеральный секретарь», «Когда выезжаете за границу, не забывайте о собственной стране»), призывы к единству, против хаоса и гражданской войны, нападки на экономическую реформу и снижающийся жизненный уровень. Группы пожилых людей несли портреты Сталина и знамена со злобными антисемитскими лозунгами. Еще раз на прилегающих улицах прошли соревновавшиеся друг с другом демонстрации. На полпути с противоположной стороны Красной площади послышалась пара хлопков. Мы подумали, что лопнули воздушные шары. Однако позже мы узнали, что какой-то умалишенный из Ленинграда вытащил обрез и произвел два выстрела в воздух. Никто не пострадал.

На обычном приеме в Кремле в тот вечер Горбачев и Раиса подошли к нам поговорить. Он очень серьезно сказал, что процесс перестройки теперь глубоко укоренился в сознании народа: я, обратился он ко мне, не должен придавать слишком большого значения эксцессам сегодняшних демонстраций — это пена. Я со своей стороны понял

это в том смысле, что он хочет, чтобы я передал г-же Тэтчер и другим руководителям в Лондоне оптимистическое сообщение, что он все еще является человеком, которого следует поддерживать. Это был последний прием и последний ноябрьский парад в истории Советского Союза.

Хотя Горбачев не мог найти в себе силы покинуть партию, к весне 1990 года он тоже понял, что в проведении реформ уже не может полагаться на нее. Поэтому он решил учредить новый пост исполнительного президента, на который его изберет советский парламент, выступающий в роли коллегии выборщиков.

Но это все равно не обеспечило ему легитимности на основе прямых всенародных выборов, которой обладал Ельцин после своей победы в марте 1989 года. Вадим Медведев намекнул мне, что дополнительная причина, по которой Горбачев выдвигал свою кандидатуру, состояла в том, что он боялся, что на этот пост в его отсутствие предложит себя Ельцин и одержит победу. Черняев впоследствии рассказал мне, что Горбачев, хотя и неохотно, пришел к идее исполнительного президента по двум причинам. Новые демократические институты, советский парламент и многопартийная система, сказал он, пустили корни поразительно быстро, и при этом — за счет исполнительной власти. Сильная президентская власть устранила отсутствие равновесия и справится с теми коллизиями, которые неизбежно возникнут в результате перемен. Однако сам парламент отнесся к идее без восторга. Станкевич, видный молодой лидер, любимый западным телевидением за то, что он отлично говорит по-английски, настаивал на достаточных гарантиях против злоупотребления властью со стороны нового исполнительного президента. Горбачев пытался заставить его замолчать, но его поддержал Собчак. В качестве альтернативных кандидатов были предложены Бакатин и Рыжков, но они дали самоотвод. Академик Лихачев напомнил депутатам, что он, вероятно, был единственным из всех присутствующих, кто помнил падение царя и последовавшие за этим ужасы. Всякая дальнейшая отсрочка

будет означать гражданскую войну. Он обратился к Станкевичу и другим с призывом отказаться от своих возражений. После голосования оказалось, что за Горбачева отдали свои голоса максимум 60 процентов депутатов. Сергей Караганов, один из наиболее известных московских аналитиков и людей, разбиравшихся в политике, сказал мне в тот вечер, что Горбачева в случае дальнейшей отсрочки, вероятно, вообще бы не избрали.

В то самое время, когда Горбачев пытался укрепить свои собственные позиции, усиливая институты советского государства, Борис Ельцин использовал довольно слабые до того институты РСФСР для той же цели. Новый Российский парламент был избран в начале марта 1990 года и просуществовал до тех пор, пока не был разогнан ельцинскими танками в октябре 1993 года. Как и на выборах в советский парламент в предыдущем году, электорату вновь был предложен выбор из нескольких кандидатов. На этот раз коммунисты знали, чего ожидать. Они хорошо организовались и удачно выступили на выборах в провинциальных городах и в сельской местности. Однако в больших городах были избраны известные либералы: правозащитник Сергей Ковалев, диссидентствующий священник Глеб Якунин, вызывавший большие споры биограф Сталина Дмитрий Волкогонов и Владимир Старков, редактор популярного еженедельника «Аргументы и факты», издания, которое Горбачев особенно не любил за то, что оно проводило опросы общественного мнения, якобы документально свидетельствовавшие о падении его популярности³.

Когда новый Российский парламент собрался, Ельцин предложил свою кандидатуру на пост председателя. Горбачев пытался убедить членов партии, что они должны голосовать против Ельцина в порядке партийной дисциплины. Однако его усилия не возымели действия. После нескольких голосований 29 мая Ельцин был наконец избран председателем. Речь, которую он произнес в тот вечер, принимая новую должность, была, как я записал в своем дневнике, «как обычно, бессодержательна, тупа и

приятного впечатления не произвела». Однако теперь у него была прочная база для захвата реальной власти и укрепления «России», ее государственных институтов, и ее законов — суверенный противовес горбачевскому Советскому Союзу.

В результате другой сенсационной перемены Гавриил Попов был избран в апреле председателем Московского городского совета — еще одна ключевая позиция в старой коммунистической структуре власти. Станкевич был его заместителем. В июне г-жа Тэтчер посетила Попова в его новом кабинете в московской «ратуше» на улице Горького. Это пышное здание было построено для первого генерал-губернатора Москвы еще при Екатерине Великой. В 1939 году здание было передвинуто на 14 метров, когда Сталин пожелал расширить улицу, и к нему было добавлено еще два этажа. В результате здание, которое могло бы быть, пожалуй, элегантным городским дворцом, превратилось в еще один монумент бюрократии. Внутри пахло новой краской — символ прихода нового начальства. Попов вошел в свой кабинет шаркающей походкой с надетым в честь г-жи Тэтчер галстуком. За ним шел новый председатель городского исполкома, коренастый популист Юрий Лужков, ставший впоследствии его преемником. Советский Союз, сказал Попов, похож на маленького мальчика, который вскарабкался на высокое дерево, а как с него спуститься, не знает. Демократия расширена, но она не имеет экономической базы. Нынешняя волна радикального популизма может отхлынуть и превратиться в правый популизм, который приведет страну обратно к бюрократическому социализму. Горбачев довольно успешно действует в сфере международной дипломатии. Но что касается дипломатии внутренней, дела у него обстоят не так хорошо. Он не может руководить в одиночку, пространство для маневра у него сокращается и руководство сейчас непопулярно на всех уровнях. Г-жа Тэтчер была в восторге: она узнала в Попове настоящего «тэтчериста, верного последователя Милтона Фридмана и Чикагской школы экономики».

Массовая пресса становилась все более нетерпеливой. «Комсомольская правда», печатный орган комсомола, ставшая видным рупором либеральной общественности, напечатала манифест Солженицына «Как нам обустроить Россию». К этому времени идеи Солженицына уже не были особенно оригинальными. Многие из них стали частью общего мировоззрения в Москве. К тому же он не высказывал никаких практических соображений относительно того, как его идеи могут быть претворены в жизнь. Однако в манифесте содержались некоторые великолепные выпады. «Часы коммунизма пробили в последний раз». Упоминание о «пяти годах шумной перестройки» было недоброй стрелой в адрес Горбачева. Сентябрьский номер журнала «Огонек» напечатал «Манифест Крестьянской партии России». Никаких свидетельств того, что такая партия существует в реальном мире, не было. Но язык «Манифеста» был поджигательским!

«Страна накануне голода. В год небывало богатого урожая магазины в городах пусты. Миллионы тонн нашего собственного зерна гниют, а мы покупаем за золото зерно за границей. Это — не следствие глупости какого-нибудь министра, это предсмертные судороги системы, возмездие за десятилетия насилия и надругательства над теми, кто трудится на земле, и над самой землей. В результате чудовищного социального эксперимента русское село приближается к XXI веку разоренным, обезлюдевшим, обнищавшим. Импорт продовольствия — прямая поддержка агроГУЛАГа. Никто кроме русского крестьянина не может накормить Россию. Пора прекратить попытки спасти колхозы — мы должны спасти народ!»

Процесс покорения альтернативного Российского государства достиг кульминации девятью месяцами позже, 12 июня 1991 года, когда в результате выборов, происходивших в ожесточенной борьбе, Ельцин был избран Президентом РСФСР. Была создана легитимная власть, противостоящая старой советской системе. Не будь этого, попытка путча, предпринятая два месяца спустя, могла бы

увенчаться успехом. Я не вполне оценил значение произошедшего — меня больше взволновало прошедшее в Ленинграде голосование за восстановление прежнего названия города — «Санкт-Петербург», однако моя запись в дневнике была достаточно здравой.

«Говорят, это были первые демократические выборы в Советском Союзе. Конечно, это не так: выборы в Верховный и местные советы также были по-настоящему демократическими. Однако во время этой избирательной кампании выбор, который предстояло сделать людям, был гораздо отчетливее. В лице конкретных кандидатов были персонифицированы определенные политические проблемы, так что избиратели знали, за что они голосуют. Ельцин олицетворял собой перемены и демократию, Рыжков — осторожность и старые приемы, Бакатин был за Горбачева и либерализм, Макашов — за «железную руку». Пятый кандидат, Жириновский, глава либерально-демократической партии, считался большинством избирателей клоуном или — тоже альтернатива? — кандидатом от КГБ (!). Поэтому весьма знаменательно, что Ельцин получил около 56 процентов голосов, Рыжков — около 20, а Бакатин и Макашов — около 30. Жириновский проводил подчеркнуто русскую шовинистическую линию. В некоторых местах он добился весьма неплохих результатов и в целом собрал около 7 процентов голосов. Однако результаты, полученные им на выборах, не могут служить основанием для каких-либо выводов».

Через несколько дней после выборов мы дали небольшой обед в честь Станкевича и его жены, а также еще двух русских супружеских пар. Правительство Татарстана, сказал Станкевич, бойкотировало выборы. Русских депутатов, отправившихся в Казань, чтобы быть наблюдателями на выборах, не выпускали из их гостиницы, а тем временем враждебная толпа проводила демонстрацию за стенами гостиницы на улице...

Через два дня депутатам посоветовали уехать из города ради их же собственной безопасности. Станкевич на-

ходил в власти мистического великорусского шовинизма. Россия может себе позволить потерять балтийские республики и Украину. Но если Татарстан и другие автономные республики выйдут из подчинения России, говорил он, это будет означать конец России как исторического государства. Присутствующие почувствовали, что у них кровь стынет в жилах, когда он добавил, что этому необходимо помешать любыми средствами, вплоть до применения военной силы. На минуту я подумал, что этот сухой человек мог бы стать Сен-Жюстом Второй русской революции. Судьба его оказалась менее драматичной. В ельцинский России он попал в скандал, а может быть, был ложно обвинен в причастности к скандалу, связанному с растратой денег за концерт на Красной площади, и попросил политического убежища в Польше.

Итак, к осени 1990 года Горбачев упустил из рук инициативу. Он не воспользовался своими новыми полномочиями Исполнительного президента ни для того, чтобы продвинуть экономическую реформу, ни для того, чтобы подчинить себе экстремистов левого и правого толка. Его тактика действий из центра не давала результата. Наиболее видные реформаторы потеряли веру в него и стали поддерживать «Россию» и Ельцина. Реакционеры были глубоко возмущены тем ущербом, который он нанес международному положению Советского Союза и целостности самого Союза. Простому народу крайне наскучили и раздражали его бесконечные тирады по телевидению; люди больше не надеялись на него. Однако он не сдавался. В ноябре Горбачев попросил у советского парламента дополнительных полномочий, права формировать кабинет министров, непосредственно подотчетных ему, и учреждения поста вице-президента. Парламент удивительно послушно проголосовал за представление ему полномочий, которые он просил. Это походило на новую победу. Я полагал, что это блеф. На мой взгляд, не было никаких оснований полагать, что Горбачев использует свои

новые полномочия более эффективно, чем он это сделал с первыми, которые были ему предоставлены весной. Он уклонялся от решения проблем, реагировал на свершившиеся события вместо того, чтобы их предвидеть. Его авторитет заметно падал. Алкснис, один из «черных полковников», возглавивший шумную группу реакционеров в вооруженных силах, попал в болевую точку, когда поднялся и заявил Горбачеву, что если в течение тридцати дней он не восстановит порядок в стране, парламент потребует его смещения.

Я получил некоторое представление о настроении Горбачева в это время, когда сопровождал Верховного Главнокомандующего НАТО генерала Галвина при встрече с ним 13 ноября 1990 года. Горбачев нервничал и пытался оправдываться. Он сообщил нам о том, что только недавно провел пять часов с военными депутатами со всей страны. «Один полковник» (это был Петрушенко) набросился на него за то, что он принял Нобелевскую премию. В прежние времена, заметил Горбачев, этот полковник уже не был бы ни полковником, ни депутатом. После этого он начал страстно защищать перестройку. Это не поверхностная перекраска, а фундаментальный процесс перемен, затрагивающий интересы каждого гражданина в стране. Когда он начинал этот процесс, в обществе царил большой энтузиазм. Теперь, когда начались настоящие перемены, условия становятся более трудными, в том числе, конечно, и для армии. Некоторые даже спрашивают, надо ли вообще вступать на этот путь. Но преобразования такого масштаба не могут быть гладкими. Достаточно обоснованно Горбачев указал на то, что г-жа Тэтчер сочла довольно трудной перестройку сталелитейной промышленности Англии, что было сравнительно небольшой задачей. Никто ранее не пытался проводить реформы в России без кровопролития или гражданской войны. Иностранцы критикуют его за то, что он не продвигается вперед быстрее. Но ведь, надо думать, он лучше знает свою страну, чем иностранные критики? Неужели они и в самом деле не видят, как много достигну-

то, начиная с 1985 года? Разве это дело — критиковать его тактику, якобы противоречащую его стратегии? Он будет продолжать следовать своим приоритетам: рыночная экономика; правовое государство и новые отношения между государствами, входящими в Союз. Он будет терпеливым и терпимым. Но если Конституция окажется в опасности, он будет действовать решительно. В его заявлениях все чаще звучала угрожающая нота.

Крен вправо казался теперь неизбежным. Горбачев зашел очень далеко в разрушении власти старых лидеров, особенно партии. Он образовал для либеральных сил пространство, позволяющее им создать действенные организации с настоящими программами реформ, дисциплиной и решимостью претворить их в жизнь. Но вместо того чтобы поддерживать его, либеральная интеллигенция тратила много времени на бесполезную междоусобную борьбу — слабость, которой русская интеллигенция страдала более ста лет. Поскольку либералы не продемонстрировали сколько-нибудь убедительно своего организационного единства, неудивительно, что прежние правители вновь начали поднимать голову. Это были люди, все еще занимавшие позиции, дающие реальную власть, и обладавшие опытом использования этой власти.

Егор Яковлев заметил в конце ноября, что Горбачев ведет себя как человек, загнанный в угол. Ему приходится вступать в союз с правыми силами — армией и КГБ. Либералы не способны обеспечить ему надлежащую поддержку. Яковлев зловеще добавил, что Лукьянов, которого мы все считали одним из ближайших союзников Горбачева, теперь перешел на сторону правых.

Деятели первых светлых дней перестройки начали сходить со сцены. Первым был Бакатин, либеральный коммунист, которого сам Горбачев назначил министром внутренних дел и которого теперь он уволил для умиротворения реакционеров. «Черные полковники» открыто ликовали. Они публично хвастались, что следующим в их списке числится Шеварднадзе. И действительно, 20 дека-

бря Шеварднадзе сообщил парламенту, что он уходит с поста министра иностранных дел. Он говорил очень эмоционально, обвиняя демократов в том, что все попрятались, и предостерегал об угрозе новой диктатуры. В конце он заявил: «Я считаю, что уйти в отставку — мой долг как человека, как гражданина и как коммуниста. Я не могу смириться с тем, что происходит в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. И все-таки я верю, что диктатура не добьется своей цели, что будущее принадлежит демократии и свободе».

К тому времени, когда я добрался в тот день до Дворца съездов, депутаты начали говорить после ошеломленного молчания. Академик Лихачев сказал, что советская внешняя политика — единственная полностью успешная сфера перестройки и призвал депутатов своим голосованием убедить Шеварднадзе остаться. Другие либералы призывали к единому отпору угрозе диктатуры и гражданской войны. Они обвиняли Горбачева в том, что он стал заложником людей в погонах, и нападали на Шеварднадзе за то, что тот покидает свой пост под огнем. «Черные полковники» захлебывались от избытка чувств. После этого говорил Горбачев, спокойно, без драматических эффектов — говорил так, как того требовала обстановка, и как он уже довольно давно не говорил. У него нет никаких важных известий о том, что какая-то «хунта» готовится захватить власть. В период трудного перехода порядок действительно необходимо поддерживать. Но сильное руководство совсем не то же самое, что диктатура. Шеварднадзе поступает неправильно, отказываясь от борьбы, — он еще может сделать много полезного. В заключение Горбачев призвал парламент проголосовать за продолжение нынешней советской внешней политики и за дальнейшее исполнение Шеварднадзе своих обязанностей. Поддавшиеся убеждению депутаты сделали так, как им было сказано, но Шеварднадзе был неумолим.

Мне было неясно, какого рода «диктатуры» опасался Шеварднадзе: слишком могущественного Горбачева или

Горбачева, ставшего заложником генералов. Когда я посетил его через пару месяцев в его новом Институте внешней политики, он никак не просветил меня на этот счет. Возможно, самое простое объяснение состояло в том, что он уже знал о планах предстоящего удара по республикам, не мог их достаточно отчетливо раскрыть, а потому выбрал этот драматический жест.

Горбачев теперь лишился своих наиболее важных советников. Бакатин был уволен, Шеварднадзе ушел, Яковлев отошел в сторону. В середине декабря Рыжков заявил парламенту: «Перестройка, какой мы ее замыслили, провалилась». Затем у него случился инфаркт и он ушел в отставку. К концу года команды первоначальной перестройки более не существовало. Чтобы заменить прежних, Горбачев обратил свой взор на правых политиков — консервативных служак старого советского образца. Первым был Борис Пуго, сменивший Бакатина на посту министра внутренних дел. Пуго был в свое время главой КГБ в Латвии, а затем Первым секретарем латвийской компартии. Это был мягкий, внушающий доверие человек с тихим голосом, доброжелательным выражением лица, почти лысый и с кустиками волос над ушами, — по мнению Черныева, вполне порядочный человек. Новым министром иностранных дел был симпатичный Бессмертных, профессиональный дипломат, которого перетасили с только что занятого им поста посла в Вашингтоне. Он приехал в Москву вместе со своей плачущей женой и грудным ребенком. Кандидатом на новый пост вице-президента был Геннадий Янаев, бывший профсоюзный деятель с довольно темным прошлым. Он тоже говорил тихим голосом, курил папиросу за папиросой, а его седые волосы были так тщательно причесаны, что я заподозрил на нем парик. Парламент одобрил его назначение лишь после сильного нажима Горбачева.

Но самой главной фигурой в новом правительстве был Валентин Павлов, преемник Рыжкова на посту пре-

мьер-министра. В прошлом министр финансов, он походил на пухленького веселого гнома (Джилл считала его фигурой гораздо более зловещей — не гномом, а, скорее, троллем). Стриженный под «ежик», он имел манеру глупо хихикать и подмигивать. Непочтительные русские прозвали его «свиноёж». Из всех советских политических деятелей, каких я встречал, он был наименее привлекательным. Он был циничен, редко говорил правду и, как выяснилось во время его встреч с Джоном Мэйджором и г-жой Тэтчер, к тому же плохо разбирался в экономике. Вскоре после вступления на свой пост, демонстрируя поразительное невежество, глупость, безответственность и ксенофобию, премьер-министр второй могущественной страны мира публично обвинил западные банки в том, что они замышляют наводнить Советский Союз рублями, чтобы вызвать крах правительства и падение Горбачева, давая тем самым западным бизнесменам возможность скупить советскую промышленность по бросовым ценам. Крючков поддержал эту дикую идею в выступлениях по телевидению и радио, заявив, что КГБ располагает доказательствами этого. Павлов хвастался, что он разрушил заговор в один миг — «не за несколько дней, а всего за несколько часов». Я не замедлил поставить в известность людей в советском правительстве, с которыми поддерживал постоянную связь, о том, какой серьезный ущерб подобные заявления могут причинить Советскому Союзу. Однако, несмотря на непривлекательные качества Павлова, мои друзья предупредили меня, что недооценивать его не следует. Они говорили, что «этот парень очень хорошо разбирается в цифрах», что он сильный, беспощадный и умелый политик, опасаться которого есть основания даже у Горбачева. 14 января, в разгар кризиса в Прибалтике, парламент беспрекословно проголосовал за его утверждение.

Таким образом, к середине января 1991 года Горбачев расставил по местам всех тех людей, которые семь месяцев спустя его предали.

В конце 1990 года на территории Латвии произошло несколько небольших взрывов. Власти возлагали вину за них на националистов, я же считал, что с такой же вероятностью это могла быть провокация советских спецслужб или местных русских. В день Нового года мой итальянский коллега сказал мне, что после разговоров с Черняевым и другими один итальянский коммунист, прибывший в Москву погостить, пришел к заключению, что русские воспользуются предстоящей войной в Персидском заливе как прикрытием для своих действий в прибалтийских республиках, точно так же, как они использовали Суэцкий кризис, чтобы замаскировать свое нападение на Будапешт в ноябре 1956 года. Я отнесся к этому скептически. Горбачев публично поддержал американцев в вопросе по Ираку. Репрессии в Прибалтике нанесли бы серьезный урон его репутации за границей и внутри страны. Я полагал, что он будет противиться нажиму тех, кто требует поддерживать порядок силой. Я ошибался.

2 января 1991 года войска Министерства внутренних дел заняли помещения государственных издательств в Риге и Вильнюсе. На следующий день я посетил Черняева. Он притворялся, что верит официальной версии. Но как не раз делал это и в прошлом, он заявил, что прибалты в конце концов неизбежно выйдут из Союза. Он категорически настаивал на том, что Горбачев не прибегнет к силе. Я предупредил его о серьезных последствиях, которые имело бы применение силы для отношений Советского Союза с Западом. Спустя несколько дней в Лондоне Дуглас Херд спросил меня, что нам придется делать, если в Прибалтике будут применены репрессии. Я напомнил ему, что в прошлом году мы согласились с утверждением Советов о том, что кровавое вмешательство армии в Баку предотвратило еще более серьезное насилие. Однако при этом мы ясно дали понять, что не согласимся с подавлением демократических свобод и прав человека. Взрывы в Латвии похожи на сознательную провокацию. Если будет применена сила, нам придется высказать свое мнение

по этому поводу. И все-таки провал перестройки не является неизбежным. Не надо допускать, чтобы отдельные инциденты, будь то положительные или отрицательные, оказывали на нас слишком большое влияние. Когда я покидал Форин Оффис, уже начали поступать сообщения о гораздо более серьезном событии. Советские десантные войска вступают в Латвию и Литву, «чтобы произвести облаву на лиц, уклоняющихся от призыва», — весьма слабый предлог. Быть может, думал я, Горбачев в конце концов станет заложником армии, как я и опасался.

События, подобные нынешнему, происходили уже не в первый раз. Весной 1990 года Москва проводила упорную кампанию экономического давления и политического запугивания в отношении Литвы, и в то же самое время делала вид, будто ведет переговоры с литовским президентом Ландсбергисом. В разгар этого кризиса Министерство иностранных дел закрыло Литву для иностранных дипломатов. На этот раз Министерство не возражало, когда я отправил Дэвида Мэннинга, начальника политического отдела посольства, в Таллин, а Дэвида Логана, преемника Ноэля Маршалла на посту моего заместителя, — в Ригу и Вильнюс, чтобы встретиться с местными политическими деятелями и получить информацию о разворачивающихся событиях. На протяжении всего кризиса мои коллеги звонили по телефону из столиц прибалтийских республик, а иногда из осажденных зданий парламента, дополняя информацию, потоком поступавшую на старенький факс посольства. Балтийские руководители были благодарны за присутствие наших дипломатов. Наши контакты с ними поддерживались специалистом по Прибалтике Сьеном МакЛеодом, благодаря чему из всех московских посольств наше было наиболее информированным.

В четверг 10 января Горбачев направил литовскому парламенту угрожающее послание. Он ссыался на «требования» литовских рабочих и других слоев об установлении президентского правления. Он предлагал литовцам отозвать все свои «антиконституционные акты». Никакого

последнего срока в послании не указывалось, но тон зловеще напоминал тот, которым русские пользовались перед вторжением в Чехословакию. На следующий день литовское Министерство иностранных дел позвонило в посольство, чтобы сообщить, что десантники захватили здание издательства и Министерство обороны в Вильнюсе на том основании, что здания «технически» принадлежат Москве или советской коммунистической партии. Солдаты не пытались занять парламент или арестовать правительство, так что, видимо, они действовали в рамках закона. Однако они стреляли настоящими пулями. Хотя о жертвах не сообщалось, один из наших друзей-журналистов позвонил своей жене и рассказал, что сам видел, как солдаты стреляли в человека, который поливал их с верхнего этажа водой. Я предупредил Лондон о растущей вероятности того, что Москва применит силу. В полночь телевидение Би-би-си, которое мы могли теперь принимать в посольстве, показало улицы Вильнюса: танки, возмущенные толпы, — совсем как в Праге в 1968-м.

Рано утром на следующий день, в воскресенье 13 января танки и войска штурмовали телевизионный центр в Вильнюсе. Было убито примерно 13 человек. Советские военные заявили, что их призвал «Комитет национального спасения». Литовский парламент, невзирая ни на что, продолжал заседать. Советское правительство пребывало в смятении. Официальные гражданские и военные представители выступали со все более противоречивыми заявлениями, часть которых была явной ложью. Поздно вечером я был приглашен в Министерство иностранных дел к Ковалеву — престарелому и больному заместителю министра иностранных дел, имевшему вид потрепанного хищника, — тому самому, который страшно сердился на меня из-за инцидента с взаимным изгнанием дипломатов и журналистов в мае 1989 года. Я вошел в пустынное здание министерства, когда наступала уже ночь, и обнаружил, что там находились также американский, немецкий, французский, итальянский и финский послы. Ковалев вошел, тяжело дыша.

Я ожидал, что он начнет бушевать. Вместо этого он проявил совершенно несвойственную ему нервозность. Горбачев лично приказал ему объяснить, что он твердо намерен разрядить напряженность в Литве политическими, а не военными средствами. Никто в Москве не знает, кто входит в «Комитет национального спасения». Местный гарнизон в Вильнюсе действовал по своей собственной инициативе. Убито всего три человека, из них двое — военные. Ковалев просил нас заверить наши правительства, что советская политика остается неизменной. Это было поистине странное и необидительное заявление. Многие факты не соответствовали действительности. В телевизионной программе новостей, передававшихся в тот вечер, Пуго говорил обратное почти всему тому, что сказал Ковалев.

За этим последовали беспорядки в соседней Латвии. Еще один анонимный «Комитет национального спасения» грозил захватить правительственный центр в Риге. Попытка организовать митинги протеста русских меньшинств в прибалтийских республиках провалились. Латвийские граждане ответили сооружением баррикад. Латвийский премьер-министр сказал Дэвиду Логану: «Они помнят 1940 год (когда латыши не оказали сопротивления советскому вторжению) и намерены на этот раз вести себя более ответственно». 15 января советские войска штурмовали милицейскую академию и милицейский участок и разрушили часть баррикад. Здесь тоже были убитые.

Советская печать, телевидение и радио воспользовались свободой, которую им дал Горбачев, чтобы обрушиться с руганью на него и его правительство. Поначалу официальные программы новостей почти полностью вернулись к доперестроечной нудной тенденциозности. Но критически мыслящий зритель умел понимать между строк. Одна дикторша подчеркнуто объявила, что она читает официальный бюллетень, потому что никакой другой информации нет. Собчак, выступая по ленинградскому телевидению, высмеял утверждение Горбачева, что он не знает, кто несет ответственность за расправы. Печать вела себя совершенно рас-

кованно. «Московские новости» озаглавили первую полосу «Кровавое воскресенье». Статьи, помещенные на этой полосе, наносили Горбачеву тяжелые и болезненные удары. С заглавных букв шапки на первой странице «Московского комсомольца», газеты московской коммунистической молодежной организации, стекали капли крови. «Комсомольская правда» напечатала интервью Бакатина, находившегося ныне не у дел. Он спрашивал, почему Горбачев не отмежевался от убийств, и выражал недоумение, почему КГБ и министерство внутренних дел не в состоянии выяснить, кто стоит за теневым «Комитетом национально-го спасения». Только «Правда» напечатала в передовице призывы «крестьян и рабочих» прибалтийских республик к введению президентского правления.

Пуго, Язов и сам Горбачев все больше запутывались в сети противоречий. Существуют ли в действительности «Комитеты национального спасения» или нет? Действительно ли прибалты стали стрелять первыми? Действовали ли местные войска по собственной инициативе или по приказу Москвы? В парламенте Горбачев почти лишился дара речи от возмущения, вызванного критикой со стороны печати, и предложил приостановить действие закона о свободе печати. Он признал, как это делал и раньше, что прибалты имеют право выйти из Союза. Однако это должно делаться в соответствии с законом и после референдума. Оцепеневшие депутаты слушали в мрачном молчании. Горбачев сам жил где-то в заоблачных высях. Снабжаемый тенденциозно трактуемой Крючковым информацией, он все еще верил, что большинство прибалтов хочет остаться в Союзе. Эта вера была в скором времени подорвана, когда референдумы, проведенные в Латвии и Эстонии, куда пришло большинство граждан, показали, что 73 процента участников проголосовали за независимость. В разговоре с моим американским коллегой Горбачев признался, что подвергался «адскому» давлению.

Его ближайшие коллеги старались делать вид, что все обстоит наилучшим образом. Лаптев, Петровский, При-

маков убеждали меня, что Запад не должен бросать Горбачева на произвол судьбы, что мы должны ему верить и не играть на руку сторонникам жесткого курса. Черняев был таким удрученным, каким я его еще никогда не видел; он был очень уязвимым, что было ему несвойственно, говорил оправдывающимся тоном, но был как всегда очень вежлив. Тамара Александровна, его чудесная пожилая секретарша, была столь же мрачна. Черняев с горечью говорил о «дезертирстве» Шаталина и Петракова, экономических советников Горбачева, которые подали в отставку, обставив это шумной рекламой. С большим чувством Черняев сказал, что сам он останется с Горбачевым до конца. Если бы основные политические принципы Горбачева действительно изменились, он бы тоже ушел. Горбачев не может контролировать все, но его за все винят. Не проверив фактов, люди ставят под вопрос его политику и даже его добросовестность. Западные руководители — друзья лишь в хорошую погоду. Теперь, когда Горбачев находится в действительно трудном положении, они больше его не поддерживают. Черняев мечтательно спрашивал, обстояли бы дела иначе, если бы г-жа Тэтчер все еще находилась у власти. Я тогда не знал, что он написал Горбачеву страстное письмо об отставке, в котором заявлял ему в самых жестких выражениях, что тот утратил доверие народа, что рискует уничтожить все, чего достигла перестройка, отдавая громадные политические преимущества в руки своему сопернику, Ельцину, и что это — начало конца Советского Союза. Письмо осталось неотправленным. Сначала Тамара Александровна отказалась его печатать, потом она заперла его в своем сейфе и всячески увиливала от ответа, пока, наконец, не убедила Черняева, что сейчас неподходящий момент покидать своего лидера, «попавшего в окружение». В разговоре со мной он пользовался ее аргументами.

Чтобы подбодрить Черняева, я послал ему выдержку из речи Тургенева на церемонии открытия первого памятника Пушкину в 1880 году.

«...Оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствие, стараться возвратиться к нему — и возвращать к нему других, хотя бы насильно — могут только отжившие или близорукие люди. В эпохи народной жизни, носящие названия переходных, дело мыслящего человека, истинного гражданина своей родины — идти вперед, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на миг из виду тех основных идеалов, на которых построен весь быт общества, коего он состоит живым членом».

Горбачев позже передал мою записку Бессмертных, Язову и Моисееву. Они не узнали цитату и решили, что это было написано одним из авторов периода перестройки.

Наиболее действенно выступили против происшедшего Ельцин и, как это ни странно, Православная церковь. Сразу после расстрелов Ельцин полетел в Таллин, подписал совместное заявление с тремя балтийскими лидерами и выступил по телевидению, указав на серьезную угрозу демократии, нависшую отнюдь не только над прибалтийскими республиками. В речи, фактически равнозначной призыву к мятежу, он призвал русских в советской армии не участвовать в подавлении демократических институтов. Заявление патриарха Алексия было столь же сильным; оно было распространено по всей стране в газете «Известия». Патриарх заявил, что обе стороны допустили ошибки, но наибольшая ответственность лежит на правительстве. Он напомнил солдатам, что они находятся не в завоеванной чужой стране, что жители Литвы — их сограждане, независимо от национальности. «Тщательно все взвесив, я должен сказать, что применение военной силы в Литве — серьезная политическая ошибка. На языке Церкви это грех». Хризостом, православный епископ Литвы, был еще более резок. На похоронах вильнюсских жертв он сказал: «В том, что происходит здесь, виновны русские власти. Русскому народу должно быть стыдно». Выступая по телевидению, он обвинил Горбачева в том, что он обманывает народ. По-

добные выражения, исходящие от обычно угодливой Православной церкви, были беспрецедентной апелляцией к самым глубинным инстинктам русских.

Таким вот образом впервые со времен Октябрьской революции советский кризис разворачивался на глазах всей общественности. Никто не мог сослаться на то, что он не знает, о чем идет речь. В демонстрации, организованной газетой «Московские новости» 20 января, участвовало до полумиллиона человек (по более поздним оценкам — 100 тысяч, все равно цифра очень большая). Одним из ее участников был Саша Мотов. Он впервые добровольно принял участие в политической демонстрации. Он не остался в стороне, потому что осуждал расстрел армией гражданского населения.

Через неделю после расстрелов я изложил свои мысли в письме в Форин Оффис. Политика Горбачева в отношении прибалтов проводилась зигзагообразно на протяжении полутора лет. При любом из его предшественников танки, разумеется, вошли бы при первых признаках нарушения дисциплины. Поскольку советская политика дала крен вправо, шансы добросовестных переговоров заметно уменьшились. Военные и реакционеры в партии усилили нажим на правительство, требуя восстановить порядок в республиках. Горбачев, наверное, решил, что надо их послушаться, чтобы сохранить свою власть. «Твердолобые» осуществили план, который так хорошо сработал в Чехословакии в 1968 году: создав «Комитет национального спасения», ввели войска, чтобы восстановить старый режим. Однако, исполняя его, наломали дров. Войска вошли раньше, чем можно было подготовить местное население к радушному их приему. Публично прокламируемая политическая линия правительства была противоречивой и неправдоподобной. Горбачев не мог уйти от ответственности. Либо он сам был инициатором плана как необходимой меры для сохранения Союза, либо он поддержал и одобрил инициативу реакционеров, либо он был их пленником и утратил контроль над событиями. Может быть,

он считал, что выдержать этот ураган способен только он. Может быть, он думал, что его союз с реакционерами — необходимый временный маневр, после чего он сможет продолжать осуществление своей долгосрочной стратегии, целью которой была модернизация и демократизация Советского Союза. Однако такой крайний тактический оппортунизм был в высшей степени опасен.

Мой вывод был бы еще суровее, знай я в то время, что почти годом раньше, 22 марта 1990 года, политбюро с одобрением заслушало план генерала Варенникова объявить в прибалтийских республиках чрезвычайное положение, ввести президентское правление, разместить три армейских полка по требованию местных «патриотов» и арестовать руководство. Это было почти буквальное повторение пражского сценария 1968 года. План не был принят, но Черняев слушал выступления ораторов с ужасом. На следующий день он выразил свое чувство протеста Горбачеву, который велел ему успокоиться и не лезть не в свое дело⁴.

Генерал Варенников начал немедленно экспериментировать с проведением в жизнь отдельных элементов своего плана. Тогда из этого ничего не вышло, но в январе 1991 года он привел его в исполнение почти буквально. Спустя несколько лет Черняев сказал мне, что он пришел к убеждению, что именно Варенников отдал приказ о расстрелах в Вильнюсе, не сказав об этом ни Горбачеву, ни кому-либо еще. Это было в характере Варенникова. Тем не менее, это не освобождает Горбачева от моральной ответственности.

Однако это еще не все. После пяти лет перестройки стало гораздо труднее утвердить прежнюю власть старым способом: Шеварднадзе вышел в отставку демонстративно и уцелел. Ельцин призвал русских солдат не подчиняться приказам. Либеральная печать напала на советского президента, называя его по имени и не стесняясь в выражениях, и призвала не только правительство, но и весь режим уйти со сцены. Это была качественная перемена. В добрые старые времена недостатки плана никак не изменили бы ко-

нечный результат. Республики были бы приведены в подчинение, сколько бы смертей для этого ни потребовалось. Однако советская политика была теперь слишком сложной для того, чтобы люди, претендовавшие на роль нового авторитарного правительства, действовали старым методом.

Я полагал, что здесь сыграл свою роль также другой, еще более глубокий фактор. Старомодный шовинизм был еще силен. Но позиции русских людей, по-видимому, менялись. Возможно, писал я в Лондон, они утрачивают свою имперскую волю. Дальнейшие репрессии в отношении прибалтов могут поощрить другие республики, и особенно Украину, не подчиняться Москве, окончательно подорвать всякие перспективы успешной экономической реформы и вызвать отчуждение Запада со всеми вытекающими отсюда политическими и экономическими последствиями, а также последствиями в сфере безопасности. Если балтийский кризис выйдет из-под контроля, он может сочетаться с развалом экономики, что будет знаменовать начало гражданской войны, масштаб которой будет расти и может стать массовым. А с такой войной даже решительная авторитарная попытка силой установить порядок может провалиться. Перед лицом такой альтернативы, полагал я, обе стороны, возможно, готовы к переговорам не о самом принципе независимости прибалтийских государств, а о том, как скоро и каким образом этот принцип осуществить.

Первая реакция Запада на события в Вильнюсе была не слишком серьезной. В ночь после расстрелов президент Буш появился на телевидении. Он выглядел слабым и измученным, совсем не так, как выглядел человек, собиравшийся вовлечь свою страну в войну в Персидском заливе. Он признал, что, разговаривая ранее в тот день довольно долго с Горбачевым, он не обсуждал с ним вопроса о Литве. Почти столь же уклончиво вел себя Джон Мэйджор, посетивший своих солдат в Персидском заливе. Я решил, что как тот, так и другой не хотели портить свои отношения с Москвой накануне войны. Если это так, то советские «твердолобые» все рассчитали правильно. Ду-

глас Херд был настроен, пожалуй, более решительно: если Москва будет продолжать репрессии в Литве, сказал он, это неизбежно отразится неблагоприятно на наших двусторонних отношениях.

Сам я считал, что нам надо поддерживать контакт с Горбачевым. Такого же мнения было и британское правительство. Через два месяца после расстрелов, в первую неделю марта, Джон Мэйджор совершил свой первый визит в Москву, встретился за завтраком с представителями Прибалтики и побеседовал с Горбачевым. Вскоре после этого приехал Дуглас Херд. В результате этих визитов наши отношения с Горбачевым восстановились. Однако Горбачев уже никогда больше не пользовался на Западе прежним доверием и расположением. В среде русских либералов он был окончательно дискредитирован. Пока еще не власть, но баланс влияния и доверия постепенно склонялся в сторону Ельцина. Во второй половине февраля в Москве состоялись еще две массовые демонстрации в его поддержку, а образ народного героя укрепился благодаря его регулярным выступлениям по телевидению.

Горбачев сам учился на своих ошибках, но очень медленно. 26 февраля он выступал в Минске. Это был первый за долгое время его выезд за пределы столицы. Речь его состояла из энергичных нападок на «демократов» (кавычки — его). Она была удручающе старомодной и несвоевременной. Он поносил Ельцина, Попова за то, что они насмеяются над «социалистическим выбором» страны, за то, что они открыто вступили на антикоммунистический путь и пытаются поднять свою популярность, обращаясь к народу через голову правительства и парламента. Эта «небольшевистская» тактика может привести страну к гражданской войне. Странное в этой тираде, подумал я, то, что она на руку как раз «демократам». Люди в Советском Союзе дошли до того, что их уже просто тошнило от «социалистического выбора» и они искали иных путей. Меня поразило также употребление Горбачевым слова «большевики». В прошлом он использовал бы его для высочай-

шей похвалы. Однако негативный оттенок, который он ему придал, воспринимался как нечто само собой разумеющееся.

Месяцем позже Горбачев едва не зашел слишком далеко. Лояльные коммунисты в Российском парламенте потребовали проголосовать за вотум недоверия Ельцину. Дебаты должны были состояться на чрезвычайной сессии в Кремле 28 марта. Юрий Афанасьев и другие лидеры «Демократической России» (политическое движение, которое еще не оформилось в партию) планировали в этот день провести демонстрацию в поддержку Ельцина. Крючков сказал Горбачеву, что демонстранты намереваются штурмовать Кремль. Горбачев запретил демонстрацию. Демократы настаивали на том, что она должна состояться. Это был первый случай, когда они не подчинились президенту. Похоже было, что на этот раз произойдет то, чего все боялись и чего до сих пор удавалось избежать — кровопролитие в самой Москве. Утром того дня, на который намечалась демонстрация, я предупредил Форин Оффис, что никто не знает, как ответит народ и какова будет реакция армии и милиции, если правительство решится отдать приказ о применении силы. Горбачев и его противники до сих пор всегда в последнюю минуту отступали от края пропасти. Я подозревал, что так будет и на этот раз. Однако реальная опасность насилия существовала.

Все утро боевые машины пехоты (БМП) и танки сосредоточивались в ключевых пунктах города. Танки — группами по три, — появление которых Бакатин предсказал еще годом ранее, охраняли мосты через реку около посольства. В городе было размещено около 50 тысяч солдат. К нам на обед пришел Собчак — он провел утро в Российском парламенте. Он считал, что Афанасьев и его сподвижники поступают неправильно, ведя дело к конфронтации. Ему не удалось уговорить их провести демонстрацию в Лужниках вместо того, чтобы пытаться прорваться в центр города. Если правительство не отступит, к вечеру могут начать стрелять и прольется кровь. Для Горбачева это будет

конец. Впрочем, Горбачева в любом случае можно считать сданным в архив. Теперь уже ясно, что Ельцин может добиться избрания Президентом России, даже если сегодняшний вотум доверия будет не в его пользу. Настоящие решения, продолжал Собчак, принимаются теми, кто прячется в тени, за спиной Горбачева, прежде всего — Лукьяновым. Лукьянов походит на «серого кардинала». Люди называют его «служаккой». А на самом деле он обладает недюжинным интеллектом; это реакционер, наделенный большой силой воли. «Как Сталин», — заметил я.

В 6 часов Си-эн-эн показывало десятки тысяч дисциплинированных граждан (среди них был, конечно, Константин Демахин), устремляющихся на улицы и собирающихся возле памятника Маяковскому на улице Горького, несмотря на ясное предостережение правительства. Российские депутаты подавляющим большинством голосов решили послать своего спикера Руслана Хасбулатова к Горбачеву, чтобы сказать ему, что они не будут продолжать свою сессию под дулами орудий. После весьма эмоционального разговора Горбачев пообещал убрать войска. Услышав эту весть, депутаты прекратили заседание, чтобы примкнуть к демонстрантам. Когда поздно вечером войска покидали город, на улицах валил снег.

Для Горбачева это было огромное поражение. Реакционеры наверняка обвиняли его в том, что он «сломался» под натиском толпы. Сама же толпа теперь ненавидела и презирала его. Казалось, что вопрос только во времени, когда он будет смещен и на его место, может быть, действительно придет новое руководство во главе с Ельциным. Но я не верил в то, что Лукьянов, Крючков, Пуго и прочие сдадутся так легко. Я проснулся среди ночи, мысленно сочиняя телеграмму, содержащую политическую эпитафию Горбачеву.

В это трудное время политика не была всем, хотя все несло на себе политический оттенок. В годы коммунизма Пасху праздновали с минимальной помпой, даже в круп-

ных церквях это делалось как-то тайком, священников и прихожан, особенно при Хрущеве, травили хулиганы, которых подсылал КГБ. Но в апреле 1991 года, впервые за 70 лет, улицы Москвы были увешаны плакатами с пожеланиями счастливой Пасхи. Мы сами отметили в тот год этот праздник с отцом Олегом в его приходе в селе Татищев Погост. Мы проехали сто километров на север от Москвы. Местность выглядела самым неприглядным образом: погода была на перепутье зимы и лета: лежал грязный снег, деревья были голы, трава — серой или покрытой грязью и талой водой; деревни были совершенно неухоженные, деревянные избы стояли под каким-то немыслимым углом к земле, а между ними тянулись агропромышленные постройки, напоминавшие трущобы.

Татищев Погост не составлял исключения. Заново окрашенная церковь в неоклассическом стиле и новый кирпичный дом отца Олега тонули в грязи. Отцу Олегу было тридцать лет с небольшим. Из-за какого-то гормонального нарушения он был очень полным. В Татищев Погост он был сослан Ярославским епископом за нарушение субординации. Ему угрожали, а недавно его машину раздавили, стиснув ее с двух сторон грузовиками — это было похоже на инсценированный несчастный случай в традиционном стиле. Среди гостей, приглашенных им на Пасху, была Галина Харитоновна, маленькая чистенькая женщина, директор местного бетонного завода, приносящего большие прибыли. Она была больше похожа на директрису привилегированной английской школы для девочек. Был здесь и председатель местного совхоза, и заместитель председателя Ярославского областного совета. Где-то на заднем плане, по причинам, так и оставшимися неизвестными, маячил полковник милиции.

Перед богослужением мы основательно поели, хотя официально еще продолжался Великий Пост. Нам надо было подкрепиться, чтобы вынести предстоящее испытание. К десяти часам церковь была битком набита людьми, пришедшими из мест, находившихся от нее в нескольких

километрах; тут были и молодые и старые прихожане, и мужчины и женщины. В короткой проповеди отец Олег ожесточенно нападал на режим за его преступления против России. Никто, сказал он, не может быть признан невиновным, ни те, кто совершал преступление, ни те, кто не оказывал им сопротивления. После этого он объявил ошеломленной пастве, что сейчас перед ней выступит посол Великобритании. Столь же сильно ошеломленный и совершенно неподготовленный к такому обороту событий, я пробормотал что-то вроде того, что я, мол, надеюсь, что Воскресению Христа будет соответствовать Воскресение России. Следом за мной выступал столь же растерянный заместитель председателя облсовета.

После этого мы приступили к серьезному делу — богослужению. Хор состоял из крепких пожилых женщин с хрипыми голосами. Все остальное проделывал отец Олег. В полночь мы воскликнули: «Христос воскрес». Поцеловались друг с другом и попесли крест вокруг церкви. Все это длилось более пяти часов. Мы начали скисать и все чаще присаживались на стулья, которые предусмотрительно расставил Олег. Пожилые женщины простояли на ногах до конца, неподвижные, похожие на скалы — наглядное объяснение того, почему Наполеон, Гитлер и даже Сталин не смогли сломить русскую нацию. Служба закончилась шуршанием бумаги: старые женщины открывали пакеты со сваренными вкрутую яйцами, которые надо было освятить. Брызги святой воды попали и на нас. Мы поцеловали крест и обняли священника. Все взбодрились, хор запел с новым воодушевлением, начался рассвет нового дня.

Мы пошли обратно в дом о. Олега разговляться. Снова началось щедрое застолье, на этот раз с большим количеством водки. После тостов о. Олег начал распевать Евангелие. Остальные гости за столом подпевали: они знали Евангелие наизусть, а музыку подбирали подходящую к случаю. Мелодия и гармония живо напоминали «Бориса Годунова» или «Хованщину». (Музыковеды любят доказывать, что традиционность русской церковной

музыки — это миф, выдуманный в основном романтиками в XIX веке. Эти споры, вероятно, преувеличены и ничуть не уменьшают воздействия музыки на души людей.) После трехчасового сна мы встали и увидели, что о. Олег все еще на ногах; его энтузиазм, преданность своему делу и добросердечие ничуть не уменьшились; он успел совершить короткие требы на всех местных кладбищах. Люди клали бумажные цветы, зерно для птиц и сладости на маленькие столики возле могил своих родных. Охрипшие женщины все еще во весь голос подтягивали о. Олегу. Никто, кажется, не спал уже 36 часов, если не больше.

События, сопутствовавшие массовой демонстрации 28 марта 1991 года, явились поворотным пунктом. Для реакционеров это был еще один пробный решительный удар по самой Москве. Для Горбачева эти события были серьезным предостережением о том, что реакционный курс может смести его, лишив всяких прав на уважение соотечественников, иностранных партнеров и истории. Он сознательно отступил и попытался восстановить свои связи с демократами. На протяжении нескольких последующих месяцев он неоднократно встречался с Ельциным и другими республиканскими лидерами на подмосковной даче в Ново-Огарево, с тем, чтобы добиться соглашения о распределении власти между Союзом и его составными частями. Эта задача была трудна сама по себе. Как делить политические, фискальные и экономические функции в прошлом централизованного государства? Что произойдет с советскими вооруженными силами, советским Центральным банком, едиными советскими системами транспорта и энергетики, а также с другими инструментами центральной власти? Еще более трудной эта задача становилась потому, что Ельцин и украинцы были исполнены решимости использовать этот процесс для укрепления собственной независимой власти. Прибалты и грузины, решившие полностью порвать с Союзом, вообще отказались участвовать в переговорах.

В середине этих переговоров Ельцин одержал свою потрясающую победу на выборах на новый пост Президента РСФСР. Реакционеры чувствовали, что времени для действий у них остается совсем мало. По их мнению, переговоры в Ново-Огарево и существование двух президентов в стране, которую они все еще считали единой, угрожают Союзу, и мириться с этим они не могли. 17 июня Павлов, воспользовавшись отсутствием Горбачева, который находился в Ново-Огарево, запросил у парламента чрезвычайных полномочий для осуществления его антикризисного экономического плана. Он признался, что с президентом по этому поводу заранее не консультировался. Реакционные депутаты обрушились с бурными нападениями на Горбачева. Дальнейшая работа сессии проходила при закрытых дверях, однако уже через несколько часов содержание ее просочилось наружу. Пуго, Крючков и Язов в один голос заявили, что страна гибнет. Крючков повторил свои устрашающие предостережения о зловещих иностранных силах и заявил, что он готов действовать, чтобы спасти систему, а «не какого-то конкретного лидера». Националистический депутат Коган предложил, чтобы чрезвычайный Съезд народных депутатов лишил президента его властных полномочий. Газеты называли это «конституционным переворотом».

В день рождения королевы, отмечавшийся через два дня после этого в Доме Харитоненко, погода была знойно-влажной; с утра началась сильная гроза и проливной дождь. Казалось, в Россию перенесся муссонный климат, тогда как в прежние времена день рождения королевы праздновался на лужайке, и Хрущев со своими друзьями лакомился земляникой со сливками. На этот раз в посольстве присутствовали Лаптев, Афанасьев и Старовойтова, глубоко удрученные и мысленно сосредоточенные на «конституционном перевороте». Я напомнил им, что когда реакционеры разбушевались на двух партийных съездах в 1990 году, мы спрашивали себя, что это? Последняя отчаянная схватка отступающих консерваторов или же это их

первая попытка осуществить контрреволюцию? Так что же — история повторяется как фарс? Однако все трое были убеждены, что за вмешательством Павлова, Язова и Крючкова скрывается настоящий заговор. Горбачев был застигнут врасплох. Переворот мог произойти в любой момент. После победы Ельцина войска Московского военного округа были приведены в состояние боевой готовности. Генерал Родионов подошел ко мне и весело сказал, что московские военные командиры в этот уикенд пришли к единому мнению, что стране достаточно одного президента, и он с ними совершенно согласен.

Однако в конце недели Горбачев вновь ворвался в парламент, обрушился на консерваторов и прочно укрепил на мачте флаг реформы. Язов мялся и вилял. Павлов походил на выпоротого мальчишку и жаловался, что его слова исказили в печати. Лукьянов придумал изобретательное объяснение: Павлов просто пытался укрепить контроль над фискальной и банковской системой. Этого, по-видимому, было достаточно, чтобы всех успокоить. В общем, наблюдатели склонны были считать, что события этой недели действительно были фарсом, а не трагедией. Через несколько дней за ужином Мэри Дежевски, корреспондент «Таймс», высказала мнение, что реакционеры еще могут попытаться поставить Горбачева в неловкое положение перед его предстоящей поездкой в июле в Лондон на экономическую встречу на высшем уровне. Расстрелы в прибалтийских республиках или бомбы, взорванные в каких-нибудь других местах, вполне послужили бы этой цели. Заместитель министра иностранных дел российского парламента Федоров сказал, что реакционеры остро осознают: надо действовать, пока еще не поздно. Полковник Шлыков, председатель Комитета по вопросам обороны Российского парламента, заявил, что многие офицеры среднего звена — русские шовинисты, поддерживающие Жириновского. Другие поддерживают Ельцина, который теперь призывает к созданию русской армии. Генералы в ужасе оттого, что

Ельцин может с успехом обратиться через их голову к войскам. Однако все были согласны с тем, что с «конституционным переворотом» покончено.

Еще один штормовой сигнал прозвучал летом. 28 июля «Советская Россия», — газета, которая опубликовала в 1988 году пресловутую статью Нины Андреевой, — поместила «Слово к народу», подписанное Варенниковым и другими генералами, епископом Питиримом и рядом консервативных писателей. Они нападали на «лукавых и велеречивых властителей, умных и хитрых отступников, жадных и богатых стяжателей, которые, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства ... режут на части страну, ссорят нас и ... отлучают от прошлого...

Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика...».

В своем дневнике я записал: «Это — сильные выражения, исходящие от людей, которые в состоянии кое-что по этому поводу предпринять, если пожелают». Через три недели произошел путч.

Моя собственная точка зрения вызревала постепенно — на протяжении всего года. Западная печать, телевидение и радио персонифицировали конфронтацию между Горбачевым и Ельциным. Между тем, проблема не сводилась к личностям, она была гораздо глубже. Конечно, эти два человека ненавидели друг друга. Несомненно также и то, что оба хотели быть лидерами в ситуации, где место было только для одного. Так что характеризовать Ельцина как демократа, а Горбачева как реакционера было бы грубым упрощением. Оба были сторонниками реформ и демократии. Однако их стратегические подходы были различны. Ельцин считал, что только радикальная и немедленная реформа может спасти страну от хаоса. Горбачев же был сторонником постепенных мер, считавшим, что сменится не одно поколение, прежде чем процесс перемен можно будет считать завершившимся.

Хотя дела сейчас шли из рук вон плохо, Горбачев уже осуществил грандиозную трансформацию. В 1988 году Советский Союз был все еще унитарным государством, управляемым авторитарными руководителями авторитарной партии с помощью дисциплинированной правительственной машины, мощно и безоговорочно поддерживаемой армией и КГБ. К 1990 году появились ростки институтов подлинной демократии, партия была дискредитирована, машина репрессий пришла в упадок, Союз волей-неволей подвергался трансформации. Советского Шалтай-болтая уже невозможно было поднять на ноги.

Однако с середины 1990 года Горбачев фактически не делал ничего для того, чтобы как-то изменить ситуацию. И что было еще хуже, он подумывал о том, что симптомы экономического упадка можно устранить, временно вернувшись к механизму административного контроля. Если в политике возобладает паранойя, и экономическое шаманство Павлова и Крючкова будет продолжаться, страну ждет период авторитарного правления, целиком сосредоточенного на чисто «внутренних» проблемах и изолированного от окружающего мира. Правление это окажется непродуктивным и рано или поздно придется возвращаться на путь реформ. Новые расправы в республиках или более радикальное ограничение демократических прав заморозят отношения между Востоком и Западом. Однако все это не изменило бы реального международного соотношения сил. Я не верил в то, что русские попытаются вернуться в Восточную Европу, как и в то, что если попытаются, им это удастся. Договоренности, достигнутые между Востоком и Западом в 1989 и 1990 годах, сохраняют свою силу. Хотя Горбачев утратил свою былую популярность, его окончательный провал не был так уж неизбежен.

Ельцин, очевидная альтернатива Горбачеву, к концу 1990 года был единственным политическим деятелем, сравнимым с ним по значимости. Но, несмотря на его быстрорастиющий политический авторитет, надежной базы власти у него еще не было. Он претендовал на то, что гово-

рит от имени «России», но «Россия» еще не обрела атрибутов настоящего государства. Отсутствие у него серьезного интереса к деталям экономической реформы приводило в отчаяние его советников. Его личные слабости — склонность к выпивке, приступы депрессии, исчезновения с публичной арены, — все это не было просто очернительной пропагандой, выдуманной друзьями Горбачева. У людей были законные основания сомневаться в том, настоящий ли он демократ или же им движет в основном жажда власти и его очевидное (хотя, впрочем, и вполне понятное) желание отомстить Горбачеву за постыдное обращение с ним в 1987 году. Некоторые из этих вопросов все еще продолжали довлеть над ним и после того, как Советский Союз рухнул, и он стал наконец общепризнанным Президентом России.

К середине 1990 года западные критики начали спрашивать себя, есть ли смысл продолжать поддерживать Горбачева. Может, пора западным правительствам отказаться от «Горбимании» и переключиться на поддержку Ельцина, в большей степени демократа? Личное беспокойство г-жи Тэтчер относительно способности Горбачева устоять передалось ее окружению. Дуглас Херд задавался вопросом, не пора ли нам дистанцироваться от него.

Время от времени правительства начинают сомневаться, на ту ли лошадь они поставили. Следует ли нам покинуть шаха Ирана, поскольку оппозиция против него усиливается? Должны ли мы продолжать флиртовать с этим ужасным Чаушеску на том основании, что он играет полезную роль подрывного элемента внутри советского блока? Для стороннего критика вопрос обычно ясен: исходя из соображений морали или целесообразности, следует отмежеваться от старых руководителей и приветствовать новых. Но правительствам приходится иметь дело с теми, кто в данный момент находится у власти, сколь бы мало привлекательны они ни были, и сколь бы шаткой ни была их власть. Переключать симпатии, бросать старых друзей, ме-

нять коней на переправе, даже по самым лучшим или, напротив, самым циничным соображениям, — обычно такого рода действия находятся за пределами практической политики. Мы очень много сделали для успеха Горбачева. Он стоял за урегулирование отношений с Европой, за сотрудничество между Востоком и Западом во внешней политике и за политический и экономический либерализм внутри страны. Несмотря на колебания, он продолжал все это отстаивать, пока, в конце концов, не покинул свой пост. Он ни в каком смысле не был ни шахом, ни Чаушеску. Я не считал в 1990 году и не считаю сейчас, что Запад должен был или мог отвернуться от него в то время.

В последние месяцы уходящего года одна болгарская ясновидящая предсказала, что Горбачев в 1991 году потеряет самообладание и пустит себе пулю в лоб, после чего Советский Союз начнет процветать. Говорят, многие москвичи ей верили.

Дневник путча

Ловкий политический канатоходец просто не учел, что конец каната, на котором он балансировал, уже давно находился в руках тех, кто не желал видеть его на посту главы государства.

Анатолий Лукьянов.

«Переворот мнимый и настоящий»

В июле 1991 года Горбачев прилетел в Лондон на встречу глав государств и правительств Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Канады и США — на «экономический саммит группы Семи (G7)». После заседания Джон Мэйджор пригласил его в Ковент-Гарден на оперу Россини «Золушка». Когда Горбачев вошел в театр, зрители его приветствовали, а по окончании спектакля, когда он вышел на улицу, ему устроили овацию. В своей собственной стране такого восторга он уже более не вызывал.

Обед при свечах был устроен в Доме Адмиралтейства, в маленькой столовой с чудовищными обоями и претенциозными картинами, изображающими морские победы над французами. Горбачев и Раиса вошли, держась за руки. Горбачев был в своей наилучшей форме: обаятельный, живой, откровенный, оптимистичный, но в то же время серьезный. Он утверждал, что ничто не заставит его отказаться от стратегической цели — преобразования страны и создания рыночной экономики. Но каждая страна должна найти наиболее подходящие для нее формы, в России существует сильное сопротивление переменам. Иностранцы придают большое значение приватизации земли, но русские крестьяне считают, что земля — от Бога. Они предпочитают общину и средневековую систему чересполосицы, которая была уничтожена коллективиза-

цией. Изменить их взгляды гораздо труднее, чем это представляется иностранцам. (Ельцину, как известно, тоже не удалось провести через парламент закон о приватизации сельскохозяйственных земель. И даже в путинской России коммунисты ей сопротивляются.)

Как сказал Горбачев, он твердо уверен в том, что в России в конце концов установится смешанная экономика. При его жизни преобразование не будет завершено. Он знает, что его многие критикуют за нерешительность, но он не может двигаться быстрее, чем это по силам народу. И не намерен прибегать к насильственным методам прошлого. Если он добьется успеха, люди забудут о своей критике, если же потерпит неудачу, «тогда и десять ангелов нас не смогут спасти».

Мэйджор спросил насчет слухов о возможном перевороте. Горбачев рассмеялся. За него вечно боятся, что его вот-вот свергнут. На днях ему звонил Буш — тоже по поводу какого-то переворота. Но он уверен, что все будет в порядке.

В августе никогда не происходит чего-либо сенсационного — разве что какая-нибудь мировая война. Горбачев сокрушил «конституционный переворот» в июне и отправился отдыхать в Крым. Мои дипломатические коллеги в Москве сходились на том, что в Москве все тихо. Так я и сказал приехавшему в гости мэру Кардиффа, когда он пришел к нам на ланч 18 августа. Вечером того же дня мы с Джилл отправились в короткую поездку в Вологду, древний город к северу от Москвы, стоявший на торговом пути XVII века: через северную систему рек и Архангельск — в Англию и Голландию.

В это время произошел один странный инцидент. За пару дней до нашего отъезда в отпуск ко мне явился Мишарин, пожилой упитанный и бородатый интеллект, редактировавший «Воскресение», новый журнал, поддерживающий Горбачева. Он хотел, чтобы я написал статью о необходимости сочетать демократию с дисциплиной и о том,

как важно, чтобы все страны были верны своим национальным традициям. Все более оживляясь, он спросил, понимаю ли я, сколь непопулярным стал Горбачев. Отдаю ли я себе отчет в том, как опасно разделение властей, символизируемое тем фактом, что российский флаг Ельцина развевается над Кремлем прямо напротив посольства? Неужели я не сознаю, что все сейчас находится на острие ножа? Для человека, выдававшего себя за сторонника Горбачева, это было странное высказывание. Никаких особых выводов в тот момент из этого факта я не сделал, и больше никогда его не видел.

Самолеты на Вологду отправлялись с маленького аэродрома в Быково, к востоку от Москвы. Когда мы подъехали к элегантному самолету «Як», на котором нам предстояло лететь, тот набрал скорость и поднялся в воздух без нас. Константин насел на диспетчера и потребовал, чтобы тот посадил нас на другой самолет, летевший в Череповец, расположенный в сотне километров от Вологды. Константин был убежден, что это не случайность: кто-то решительно вознамерился помешать нам уехать из Москвы. Но никакого разумного объяснения этому он найти не мог. В Череповецком аэропорту — деревянном сарае — мы уселись ждать Сашу, который выехал на машине в Вологду, а теперь находился в пути, чтобы встретить нас. Тихомиров, летчик, доставивший нас сюда, считал себя лично виноватым в том, что нас подвел Аэрофлот, и старался развлечь нас, пока мы ждали. Он сообщил, что летает по маршруту Москва–Череповец–Вологда уже десять лет. Но автомобиля у него нет, и он никогда не учился водить автомашину.

Понедельник. Первый день

То есть случилось так, что когда в понедельник 19 августа начался путч, мы с Джилл проводили первые часы не в Москве, а в партийном общежитии в Вологде — «лучшем» отеле города. Здесь было все — фанерная мебель, обитая дешевым плюшем, бетонные коридоры, цве-

ты в горшках. От всего этого так и разило провинциальным коммунизмом и образом многих поколений партийных чиновников, разъезжавших по стране по своим мелким делам. Рядом с отелем находился громадный провинциальный партийный штаб и новехонькое здание КГБ.

Наш маленький радиоприемник был настроен таким образом, чтобы каждое утро в шесть часов принимать известия Би-би-си. К нашему удивлению, в Вологде эту передачу можно было поймать. «Советское руководство, — услышали мы, — объявило чрезвычайное положение в связи с неспособностью, по состоянию здоровья, Михаила Сергеевича Горбачева исполнять свои обязанности президента». Фактически это были те же самые выражения, в которых «Правда» сообщала о падении Хрущева в 1964 году (я нашел тот номер газеты в посольской библиотеке почти три года назад). Был создан Чрезвычайный комитет, в который вошли Крючков, Павлов, Пуго, Язов и Янаев — люди, назначенные на свои должности Горбачевым.

На другом конце России, в городе Астрахани некто Михаил Афанасьев услышал эту новость, стоя в очереди за молоком для своей больной матери. Все женщины в очереди, кроме одной, считали, что Горбачеву так и надо. Афанасьев, молодой студент, связанный с реформаторами, подумал, что переворот вполне может удался. В Астрахани заговорщикам достаточно пристрелить с десятков людей, в более крупных городах, таких как Саратов, человек 50, чтобы установить свою власть. Он мысленно спрашивал себя, когда КГБ придет за ним. Такой же вопрос задавали себе люди по всей стране.

Олег Бобрик, мелкий бизнесмен в Вологде — один из первых представителей новой породы — собирался стать нашим гидом по городу. Теперь он пришел в отель, чтобы сообщить нам новости. Вологодский горсовет пребывал в полной растерянности: должен ли он противиться распоряжениям из Москвы? Может быть, надо подчиниться? А может — переждать в надежде, что все обойдется? Сам он был настроен враждебно к Чрезвычайному комитету, хотя

считал, что Горбачев сам навлек на себя неприятности. Тем временем незаменимый Саша устроил нам дневной рейс в Москву. Бобрик и Тихомиров пришли в аэропорт провожать нас — это был смелый жест, пожалуй, один из первых признаков того, что у руководителей путча не все пойдет так, как они задумали. Во всяком случае, Саша был уверен, что с этими «самозванцами» скоро будет покончено.

По всей России люди спешно возвращались на работу. Вадим Медведев находился в санатории в Крыму. Проснувшись, он услышал заявление заговорщиков. Телефон в его спальне был отключен. Но все другие телефоны работали. Он без труда улетел в Москву, хотя тоже ждал, что его в любой момент могут арестовать. Он поехал домой, а оттуда в свой кабинет в Кремле. Там телефоны также не были отключены. Всю остальную неделю он, Лаптев, Примаков и Бакатин работали в одном конце Кремля, а Янаев и другие заговорщики — в другом конце.

Собчак стал мэром Ленинграда в тот день, когда Ельцин стал Президентом России. Когда начался путч, он находился в Москве. Обсудив план сопротивления на ельцинской даче, он решил вернуться в Ленинград. В Московском аэропорту три явных сотрудника КГБ пристально следили за ним. Но вместо того, чтобы его арестовать, они заявили ему, что находятся здесь с целью проследить, чтобы он благополучно сел в самолет. По прибытии он сразу же отправился в штаб Ленинградского военного округа, находящийся около Зимнего дворца. Командующий округом генерал Самсонов уже объявил по телевидению о своей поддержке путча. В данный момент он совещался со своими офицерами и местными руководителями КГБ. Собчак ворвался к ним и заявил, что путч противозаконен: он точно знает, ибо участвовал в составлении Конституции. Если генералы попытаются его арестовать, они погубят свою карьеру. Генералы уклончиво говорили, что они всего лишь выполняли приказы. «То же самое говорили подсудимые в Нюрнберге», — возразил Собчак, и генералы притихли. После этого Собчак созвал

в Мариинском дворце заседание Горсовета и сообщил присутствующим, что Горбачев арестован «преступниками». Он был первым, назвавшим их так. Вечером он уговаривал ленинградское телевидение показать отрывки из киноверсии «Невозвращенца» Кабакова, где москвичей в некоем недалеком будущем преследует военный режим. В далекой Перми вымысел приняли за правду, и на короткое время в городе возникла паника.

Явлинский, молодой либеральный экономист, видевшийся со мной несколько раз летом в связи с его планом об экономическом сотрудничестве между Советским Союзом и Западом, только что уехал отдыхать. Он подъезжал ночным поездом ко Львову, когда услышал заявление заговорщиков. Сталинистский дух и манера этого заявления вызвали у него опасения самого худшего. Он тут же сел на обратный поезд в Москву. Явлинский также ждал ареста в любую минуту поэтому на каждой остановке на перроне он вручал удивленным людям письменное изложение своих взглядов. Но когда он услышал по радио, как неуклюже ведут пресс-конференцию заговорщики, он сразу понял, что путч провалится. Вопрос состоял лишь в том, сколько при этом прольется крови. Он отправился в Белый дом, где заседал Российский парламент, и стал помогать устанавливать связь между российским и советским КГБ.

Мы сами вернулись в Быково сразу после обеда, менее чем через 20 часов после того, как покинули его. Константин пребывал в состоянии сильнейшего восторга и возбуждения. Ну что, разве он не был прав насчет вчерашнего инцидента в аэропорту? У диспетчера висел над столом портрет — угадайте чей? — Сталина. Мой новый личный секретарь Жюли Белл тоже была тут. Она показала мне первую пачку телеграмм, отправленных из посольства: текст «Декрета № 1» Чрезвычайного комитета, запрещающего политические партии и приказывающего населению и всей экономической сфере вести себя как положено; обращение Ельцина к солдатам не слушаться заговорщиков и его же призыв к всеобщей забастовке.

Мы ехали в Москву по Рязанскому шоссе мимо колонны, состоявшей из сотни с лишним припаркованных военных машин: грузовиков, БМП, нескольких танков и каких-то предметов, покрытых брезентом, — возможно, это были орудия. Солдаты нежились на солнце. Один сломанный бронетранспортер лежал возле дороги. В самой Москве жизнь текла на удивление нормально: гражданские автомашины как обычно торчали в хаотичных пробках; люди спешили по своим повседневным делам, женщины ходили по магазинам. Военные машины прокладывали себе путь в потоке дорожного движения. Танки — группами по три — контролировали въезд на Красную площадь так же, как они это делали во время демонстрации в марте. Танкисты были мрачны и необщительны. На задней броне одного танка было приклеено обращение Ельцина к солдатам. Люди были скорее озадачены и любопытны, чем испуганы. По-видимому, ни солдаты, ни штатские понятия не имели, что происходит. Совсем не похоже было на осажденный город, ожидающий применения насилия.

Когда я вернулся, посольство казалось почти пустым. Молодые люди из политического отдела с удовольствием проводили время на улице, наблюдая за происходящим и стараясь позвонить и рассказать об увиденном из полуразбитых телефонных будок, — ведь это было в эпоху до мобильных телефонов. Джон Мэйджор уже объявил, что мы не будем иметь никакого дела с Чрезвычайным комитетом. Я пытался позвонить Черняеву домой и на работу. Его телефоны не отвечали. Между тем Джилл, вооружившись видеокамерой, отправилась со своей помощницей Энн Браун посмотреть, что происходит. Они возвратились через несколько часов. На Манежной площади состоялись митинги протеста, где Джилл встретила одного из молодых космонавтов, с которым мы были знакомы. Солдаты и граждане теперь переговаривались друг с другом, дружелюбно и раскованно. Бронеколонны пришли в движение — дивизия войск КГБ имени Дзержин-

ского, отборная Таманская дивизия, десантники из Рязани. Прошел слух, и тут же был опровергнут, что десантники захватили Моссовет.

В течение дня Чрезвычайный комитет издал целый поток объявлений и обращений, направленных на укрепление власти органов безопасности, запрещающих всякую политическую деятельность и восстанавливающих централизованный контроль над экономикой. Комитет обратился к советскому народу за поддержкой в восстановлении достойного места Советского Союза в мире. Он заверил международное сообщество, что Советский Союз будет продолжать выполнять свои международные обязательства.

Однако в скором времени стало ясно, что в самом путче есть что-то странное: на улицах ничего не происходит, никто не арестован, Ельцин в Белом доме решительно утверждает, что только он, а никак не руководители путча, обладает властью над территорией России. Ельцину противостояли подавляющие по своей численности и огневой мощи силы. Но колонны бронемашин не поддерживались массой пехотинцев, сыгравших главную роль в прежних попытках запугать московскую улицу, и не было той военной истерии, которая сопровождала кровопролитию в Баку и Тбилиси.

Часов около пяти заговорщики (народ уже называл их «хунтой») устроили пресс-конференцию, передававшуюся по телевидению. Это было такое странное представление, что Джилл тут же окрестила его «спектаклем марионеток» (как в передаче «Маппет-шоу»). Нервничавший, а может быть, пьяный, Янаев пытался разъяснить их позиции. Он обещал, что «Комитет» будет продолжать реформы, и выразил надежду, что после продолжительного отдыха Горбачев сможет снова приступить к исполнению своих обязанностей президента. Затем он по глупости согласился отвечать на вопросы. Молодая журналистка из «Независимой газеты» Таня Малкина спросила, понимает ли он, что действует в нарушение Конституции. Другой журналист спросил, что он думает о призыве Ельцина к общенацио-

нальной забастовке, оповестив таким образом миллионы советских граждан, ничего не знавших об этом призыве. В результате доверие к хунте было подорвано при первом же появлении ее на публике. В вечерней передаче новостей суровая дикторша, как бы восставшая из советского прошлого, прочитала декреты Чрезвычайного комитета. Все независимые газеты были запрещены. Ельцина ругали, как нашкодившего мальчишку, за его бунтарские высказывания, которые он себе позволил несколько ранее в этот день. Однако в той же программе новостей показали и Ельцина, произносившего эти самые высказывания; демонстрации в Ленинграде и Москве; танк с развевающимся на нем российским флагом; солдата, размахивавшего незаряженным пистолетом и клявшегося в том, что он никогда не станет стрелять в толпу; мужчин, строивших баррикады перед Белым домом и заявлявших о своей твердой решимости защищать парламент, который они сами избрали.

К вечеру в Ленинграде путч уже превращался в фарс. Журналист Иван Седых поехал на машине по шоссе проверить слух, будто к городу приближается Псковская воздушно-десантная дивизия. Он обнаружил группу милиционеров, выстраивающих на подступах к городу заслон из автобусов. Дорога, ведущая из города, была свободна: милиция полагала, что бронетанковая колонна будет соблюдать правила уличного движения и придерживаться правой стороны дороги. Дальше он увидел одну пушку и четыре передвижных армейских кухни, брошенные посреди дороги. Солдаты заблудились и сейчас проводили ночь в соседней деревне. Милиционеры арестовали солдат и победоносно доставили их в Ленинград.

К тому времени уже было ясно, что произошло. Реакционные «бароны» целый год пытались изменить ход реформ. Теперь они боялись, что события оборачиваются против них. Они стали активно действовать, когда лидер находился на отдыхе, рассчитывая помешать подписанию Союзного договора и развалу империи. Какое время они выберут для выступления, можно было предсказать

заранее. К сожалению, ни Горбачев, ни мы этого не предсказали.

Вообще-то говоря, это не было простым повторением событий, сопутствовавших падению Хрущева в 1964 году. То было дворцовым переворотом внутри коммунистической партии. На этот раз партия никакой официальной роли не играла. Не было ни заседания ЦК, ни передовицы в «Правде», ни черных лимузинов, въезжавших в Кремль и выезжавших из него. Штаб ЦК весь день выглядел опустевшим. Чрезвычайный комитет не упомянул партию ни в одном из своих публичных заявлений. Никто не потрудился даже сказать нам, является ли Горбачев все еще Генеральным секретарем, а если нет, то кто его преемник. Горбачев лишил партию практического значения. Главная цель путчистов состояла не в восстановлении коммунизма. Их целью было утвердить порядок, политическую и экономическую дисциплину и восстановить престиж Советского Союза тем единственным способом, какой им был известен.

Таким образом, попытка путча в 1991 году была делом публичным. Она вызвала негодование общественности с самого начала. Несмотря на большое количество на улицах Москвы бронетехники, атмосфера первого дня была, скорее, неопределенной, слишком цивилизованной. К вечеру первого дня я решил, что пока еще рано судить о том, перерастет ли народное негодование в организованное сопротивление, сможет ли Ельцин продолжать свою тактику неповиновения, не располагая нормальными атрибутами власти. Приведет ли растерянное состояние солдат к неповиновению командирам, бунту или актам насилия, одержат ли «твердолобые» в составе Чрезвычайного комитета верх над своими коллегами, проявлявшими сдержанность? Я не считал неизбежным, что Россия на этот раз угрюмо смирится с происходящим, или что ее ждет период новых испытаний. И сомневался, что мы сможем сколько-нибудь серьезно повлиять на исход событий. Но я рекомендовал Форин Оффис ряд мер, которые причинили бы ущерб но-

вому режиму, не повредив нашим русским друзьям и не лишив их надежды на будущее.

К полночи все стихло. Даже «Эхо Москвы», независимая радиостанция, вещавшая из Белого дома, замолчала. Начал моросить дождик, подрывавший моральный дух солдат, но, по-видимому, никак не влиявший на все возрасставшее количество людей, собиравшихся вокруг Белого дома. Вечером я записал в своем дневнике: «Реакционеры так же не смогут заставить экономику работать с помощью декретов, как Канут не мог заставить повернуть вспять движение волн. Поэтому экономика будет приходить во все больший упадок, быть может, после кратковременного улучшения, ибо люди работают усерднее, когда они чего-то боятся. Все это — исходя из предположения, что реакционеры одержат верх. После событий первого дня это еще не совсем ясно».

Засыпая, я, казалось, слышал причитания либеральных интеллектуалов, сожалеющих о том, что они не поддерживали Горбачева, пока он был еще рядом.

Вторник. Второй день

Гай Спиндлер и Ричард Асл, два молодых сотрудника посольства, провели ночь в Белом доме. Рано утром второго дня они сообщили, что вокруг здания находится около сорока бронемашин для транспортировки личного состава и семь тяжелых танков, и что они принадлежат отборной Таманской дивизии. Рабочие Горсовета помогали возводить более прочные баррикады. Прибыли парашотно-десантные войска из Тулы под командованием генерала Лебеда; они говорят, что пришли поддержать Ельцина и Россию. Рассказ об этом в мемуарах Лебеда выглядит так. 19 августа в 4 часа утра ему было приказано двинуться со своими десантниками в Москву защищать Белый дом. Начальство не могло ему объяснить, от кого он должен его защищать. Поскольку на его командирской машине не было хорошего радиоприемника, он не слышал о первом заявлении хунты и даже после при-

бытия в Москву не имел представления о том, что происходит. Поэтому он привел своих бойцов к Белому дому, и ему пришлось убеждать Ельцина, что он находится здесь, чтобы помогать именно ему.

Хунта еще не установила контроля над средствами массовой информации. Когда она попыталась помешать «Известиям» напечатать обращение Ельцина, наборщики пригрозили забастовкой, и обращение было напечатано. Даже «Правда» сообщала о заявлениях Ельцина, описывала сцены на улицах и печатала критические высказывания иностранцев. Комиссия по конституционному контролю объявила, что чрезвычайное положение будет законным лишь в том случае, если за него выскажется большинство, составляющее две трети депутатов советского парламента, заседание которого назначено на 26 августа.

В посольство явились за информацией британские бизнесмены. Я сказал им, что может произойти все — от провала путча по причине несостоятельности его организаторов до кровавой гражданской войны. Впрочем, заговорщики совершили серьезную ошибку, не прибегнув к более беспощадным действиям, и похоже на то, что теперь инициативу у них перехватывают Ельцин и демократы. Несколько бизнесменов спросили, следует ли им доставить своих сотрудников в Москву с отдаленных строек, где они сейчас трудятся, или, может быть, даже отослать их на родину. Я посоветовал пока что ничего не предпринимать. Они будут выглядеть довольно глупо, если путч потерпит фиаско, и тогда вернуть своих людей обратно им будет труднее, чем их вывезти.

Начали распространяться самые различные слухи — о том, что арестованы демократы, что Чрезвычайный комитет распадается. Днем события начали развиваться в более быстром темпе. Друзья из Белого дома позвонили и сообщили, что с минуты на минуту ждут нападения. Часов около пяти Станкевич выступил с панической речью по «Эху Москвы», призвав всех женщин и детей покинуть Белый дом и район вокруг него. Я испытывал крайнюю досаду от-

того, что вынужден торчать у себя в кабинете, когда рядом вершится история. Все остальные были на улицах города. Я уже высказал Стивену Уоллу, личному секретарю Мэйджора, мнение, что мне следует продемонстрировать солидарность, отправившись в Белый дом. Тот пообещал мне позвонить и сообщить, каков будет ответ. Тем временем я уехал из посольства на «Ниве» с Дэвидом Мэннингом и Джеффом Марреллом, начальником посольского отдела по вопросам внутренней политики. Джилл села в другую «Ниву» со Стивеном, нашим поваром, и Энн Браун.

Мы припарковались на набережной напротив Белого дома, нелепого помпезного здания. Построенное во время правления Брежнева, оно представляло собой прямоугольник, поставленный на другой прямоугольник, отделанный безжизненным белым мрамором, с множеством ненужных входов, большая часть которых — как всегда в советских зданиях — была надежно заперта. До этого момента Белый дом был символом Советского Союза с его фальшивыми национальными республиками, их безымянными премьер-министрами и бесправными «правительствами». Отныне он стал могучим символом новой и очень беспокойной России. Напротив Белого дома, на другой стороне реки, где стояла наша машина, находилась гостиница «Украина», одна из сталинских неоготических фантазий, исполненная значения, мощная, угрожающая — одним словом, воплощение всего того, чем Белый дом не был. Набережная была забита припаркованными машинами. И я подивился тому, что столь многие русские, как видно, готовы были рисковать своими дорогостоящими машинами, оказавшись в таком месте, где могут произойти события весьма неприятного свойства.

Новоарбатский (Кутузовский) мост, ведущий к Белому дому, был блокирован танками, на которых развевались русский и украинский флаги. На чьей стороне военные, было неясно. Толпы людей двигались по мосту с нескрываемым настроением праздничного возбуждения, смешанного с опасением. Люди, руководившие толпами,

тщетно пытались помешать им двигаться к Белому дому. На другом конце моста находилась никуда не годная баррикада. Подтянулись подъемные краны, которые должны были помочь сооружению новых баррикад. Тут же находилась еще пара танков; их молодой экипаж выбрался из люков и занялся своими бытовыми заботами. Парашютно-десантных войск с их бронетранспортерами, которые, как предполагалось, должны были прибыть прошлой ночью, нигде не было видно. В ряд стояли кареты «скорой помощи». Передвижные туалеты использовались и для строительства баррикад, и по своему прямому назначению.

В противоположность пожилым демонстрантам 1989 и 1990 годов, на этот раз большую часть толпы составляли молодые люди лет двадцати-тридцати. Наконец-то молодежь Москвы пришла в движение. Вокруг каждого человека с транзистором стояли кучки людей. У некоторых были в руках гитары, и они тихонько напевали. Темпераментный молодой человек с рупором в руках вскочил на танк. Он закричал: «Иностранцы фотографируют и задают вопросы: где ваше оружие, как вы будете сражаться с солдатами? Но мы не собираемся сражаться с солдатами. Солдаты наши друзья и соотечественники. Мы будем их приветствовать и убеждать». Толпа радостно загудела, когда он сообщил, что Рязанская воздушно-десантная академия объявила, что она за Россию и будет уговаривать прибывающие войска не стрелять.

К этому времени мы все больше укреплялись в убеждении, что путч провалится. Джефф Маррелл заметил, что это напоминает Октябрь 1917 года, только на этот раз рухнет советская власть. Никто из нас не думал, что доживет до такого дня. На площади позади Белого дома мы встретили Гая Спиндлера, который почти сутки пробродил вокруг здания. Он сказал, что чуть раньше здесь было, пожалуй, тысяч двести народа. Люди бесцельно слонялись, некоторые сооружали хлипкие баррикады из прутьев ограды, кусков дерева и «шведских стенок», установленных на детских игровых площадках. Согласно класси-

ческому революционному канону, из мостовой были выкопаны булыжники. Но никаких признаков организованности и серьезной подготовки к сопротивлению не было. Толпу захлестнули слухи: на пути сюда — танковая колонна; будет налет с воздуха; будет применен газ. Однако трудно было себе представить, что эти безоружные люди и эти жалкие баррикады способны противостоять сколько-нибудь серьезному штурму. Самое большее, чего они могли достичь, — заслужить звание мучеников.

В сгущающихся сумерках мы с Гаем пошли пешком в посольство. На Манежной площади был выстроен кордон из бронетранспортеров. Члены экипажей стояли вокруг своих машин или сидели на броне. У многих были значки с изображением российского флага. Вид у них был растерянный и несчастный. Одна женщина спросила интеллигентного на вид юношу, понимает ли он, что именно он тут делает. Он ответил, что ему и его товарищам сообщили среди ночи в воскресенье, что они отправляются на учения. Они захватили с собой минимальное количество боеприпасов и продовольствия. Только по прибытии в Москву они услышали, что президент Горбачев болен, и что они находятся здесь для того, чтобы поддерживать порядок. От настойчивых расспросов парню становилось все более не по себе, так что, в конце концов, он заткнул пальцами уши и сказал, что нервы его не выдерживают. Тогда кто-то поставил на его машину проигрыватель с записью призыва Ельцина к солдатам не пятнать честь русского оружия и не проливать русскую кровь. Я подумал: если бы Горбачев был способен на подобную патриотическую риторику! Моложавый человек в твидовом костюме-тройке и с портфелем в руке сердито защищал армию. «Вам не стыдно нападать на советскую власть? А вы не боитесь, что вас арестуют?» — «Поглядите на него, — саркастически заявила какая-то женщина, — последний уцелевший обломок советской власти!» Щеголеватый и красивый молодой капитан спорил с гражданином в штатском по поводу нехватки колбасы. Штатский что-то ворчал насчет привилегий военных.

Офицер возражал, что, в отличие от штатского, он лишен возможности тратить время на стояние в очередях — его обязанности не позволяют ему этого. Офицеры не пытались оградить молодых солдат от попыток подорвать их боевой дух — еще одно свидетельство несерьезности путча. Когда мы двинулись прочь, подбежал моложавый мужчина в костюме и крикнул: «Все в Белый дом! Все на баррикады!». Люди начали двигаться назад по Калининскому проспекту к Белому дому.

Мы прошли через Большой Каменный мост до посольства. На подступах к нему угрожающе стояли танки в несколько рядов. На повороте дороги маячил грозный оливково-зеленый штурмовой бульдозер. Он мог в мгновение ока смести все баррикады вокруг Белого дома. В посольстве я узнал: русское радио передавало, что Черняев был арестован в то же самое время, что и Горбачев. Неудивительно, что я не мог до него дозвониться. Мне становилось нехорошо при мысли, что он находится неизвестно где и ему грозит какая-то опасность.

К вечеру второго дня хунта начала прибирать к рукам телевидение. Одно краткое объявление следовало за другим. Арестованы личности, спекулировавшие на черном рынке; Павлов заболел; отдельным лицам будут по-прежнему выдавать иностранную валюту для зарубежных поездок (чтобы подольститься к «привилегенции»). Молодой писатель-рабочий выступил с сентиментальным воззванием к солдатам и гражданским лицам, призывая обращаться друг с другом по-хорошему; он выразил сожаление по поводу грубых слов, сказанных Ельциным о хунте. Нервничающий и смущенный генерал Калинин, военный комендант Москвы, объявил, что в Москве вводится комендантский час, вступающий в силу немедленно.

Но советское радио и телевидение более не обладали монополией на информацию. Русское радио сообщило, что Бакатин и Примаков находятся в настоящее время в Белом доме. По посольскому факсу потоком шли сообщения русских информационных агентств. Поддержка

хунты рушилась по всей стране. Поколебавшись денек, Назарбаев, Кравчук и белорусы выступали теперь против хунты. Ленинградская военно-морская база поддерживала Собчака. Ростропович прилетел в Москву и находился в Белом доме. Г-жа Тэтчер, пребывавшая в безопасности в Лондоне, призывала население Москвы выйти на улицы. Появились слухи, будто Крючков и Язов подали в отставку, и министром обороны стал теперь Моисеев. Джилл позвонила мне из квартиры Сенокосовых. Она встретила их возле Белого дома и слышала радостные крики толпы, когда было объявлено, что премьер-министр Мэйджор позвонил Ельцину, и снова — когда в здание вошел Шеварднадзе. Мы пришли к единому мнению, что хунта в скором времени потеряет инициативу, если не предпримет решительных действий для укрепления своих позиций. Я сказал Джилл о комендантском часе и предупредил, чтобы она не выходила из дома.

Примерно после полуночи в посольстве начали раздаваться телефонные звонки, сообщавшие о выстрелах в районе Белого дома. Русское радио передало, что десяток танков и около двадцати БМП прошли мимо американского посольства в сторону Белого дома, преодолев первую баррикаду. Один человек убит и несколько ранено. По факсу пришло сообщение из самого Белого дома. Защитники ожидают нападения со стороны просочившихся в здание специальных агентов — офицеров КГБ. Для противодействия им внутри Белого дома находятся около 300 вооруженных бойцов милиции, еще столько же ветеранов-афганцев и некоторое число безоружных студентов. Это был момент наибольшего напряжения. Явлинский потом мне рассказал, что он позвонил своей жене, чтобы проститься с ней. Но к этому времени КГБ пытался заверить защитников Белого дома, что никакого нападения не планируется. Его представители пригласили Явлинского ознакомиться с их штурмовыми силами — отборной группой «Альфа». Солдаты, вооруженные до зубов, находились в здании школы, расположенной поблизости

от Белого дома. Они непринужденно лежали кто где, — некоторые спали, другие читали комиксы. Было ясно, что они не помышляют ни о каком бое. Тогда Явлинский понял, что все кончилось.

Я сообщил о происходящем дежурному в Форин Оффис. Он просил передать просьбу премьер-министра, чтобы я информировал Ельцина о том, что у нас есть основания полагать, будто ночью на него будет совершено нападение. Хотя выстрелы уже прозвучали, я без труда дозвонился до Суханова, помощника Ельцина в Белом доме, человека которого я никогда не встречал ни до этого, ни после. Телефонная линия работала гораздо лучше, чем это было обычно в Москве — я слышал Суханова так отчетливо, как если бы он был в соседней комнате. Он сказал, что ему известно о продвижении бронемашин. Но из Белого дома ему их не видно, и никаких подробностей относительно выстрелов у него нет. Он заверил меня, что сторонники Ельцина готовятся к обороне. Он разрешил мне позвонить ему снова, если понадобится. Он тоже, если надо, позвонит. Надо ли говорить, что он не звонил. Его мысли были заняты вещами посерьезнее. Я лег спать.

Послание Джона Мэйджора было слишком неопределенным и запоздалым, чтобы принести какую-либо пользу. Но даже приди оно вовремя, ему пришлось бы конкурировать с тысячей других сообщений, потоком прибывавших в Белый дом. Почти каждый из тех, кто там находился, — политики, солдаты, агенты тайной полиции — поддерживали связь со своими коллегами снаружи, интересуясь слухами о штурме. У них было даже слишком много информации. И, конечно, английское сообщение было неверным. Никакого нападения на Белый дом так и не произошло. Но, как я сказал Суханову, это послание было, по крайней мере, жестом солидарности¹.

На следующий день Джилл призналась, что вместо того, чтобы соблюдать комендантский час, она пошла с Сенокосовыми к защитникам Белого дома. Сейчас, объяснила она, пришло время, когда все либеральные интеллекту-

алы должны ясно заявить о своей позиции. Когда началась стрельба, они были на мосту. Толпа сначала подумала, что это какой-то фейерверк. Но стоявшая рядом с Джилл женщина сказала, что это именно выстрелы, — она слышала то же самое полтора года назад во время расправы в Баку. Все хорошо, что хорошо кончается: Джилл осталась жива, а неправая сторона не одержала победы.

Среда. Третий день

На третий день путча я проснулся в 6 часов утра и обнаружил, что дождь все еще льет как из ведра. Погода для массовых демонстраций была неподходящая. А может быть, все-таки Бог на стороне хунты?

Но радио «Эхо Москвы» все еще вещало после ночной попытки закрыть его. Нападения на Белый дом все еще не было, и толпы защитников оставались рядом с ним, разбив лагерь. Однако, как сообщил диктор, бронеколонна, прорвавшаяся через первую баррикаду, раздавила насмерть троих людей и есть раненые. Руцкой, вице-президент Ельцина, выступил по радио; он подверг нападкам хунту и призвал сограждан ясно заявить о своей позиции. Евтушенко разрешился еще одним стихотворным посланием и воззвал к теням Пушкина и Толстого (кто, кроме русских, стал бы передавать по радио стихи по такому случаю?). Бакатин и Примаков, выступая в качестве членов горбачевского Совета национальной безопасности, призвали к возвращению полномочий президенту. Многочисленные города и области выразили поддержку Ельцину. Би-би-си сообщила, что Крючков дважды звонил ночью по телефону начальнику ельцинского штаба Бурбулису, чтобы заверить его в том, что Белый дом не будет атакован.

Приготовив мне завтрак, Люда в первый раз за все время начала говорить о политике. Самовольный захват власти хунтой — это позор. У них не было на это права, и ничего у них не выйдет. Я заметил, что это был не первый случай, когда диктаторский режим захватывал власть в России. Она ответила, что в то время простой народ не по-

нимал, что происходит. Он действительно верил пропаганде своих вождей. А теперь они понимают, что к чему. Они сами выбрали российского президента и Белый дом, и они их не отдадут.

Лондон, наконец, согласился с тем, что мне следует посетить Ельцина. Я решил присутствовать на утренней чрезвычайной сессии Российского парламента в Белом доме, которая должна была призвать к роспуску Чрезвычайного комитета. Пока еще не было вполне ясно, что заговорщики побеждены. Они располагали огневой мощью. Если бы они пустили ее в ход и одержали бы верх, они, без сомнения, весьма отрицательно отнеслись бы к факту моей поддержки Ельцина. Как посол я бы уже не годился. Россия под властью хунты перестала бы быть страной, в которой можно достойно жить, и я в свою очередь тоже не захотел бы в ней оставаться.

Саша отвез меня в Белый дом, в защите которого он ночью участвовал. Его назначили сотником на основании его службы в армии в чине сержанта. Он рассказал мне, что ночью взвод ветеранов-афганцев вышел убрать снайпера на одном из зданий напротив Белого дома, опасаясь, что тот может избрать своей мишенью кого-нибудь из членов экипажей танков, верных Ельцину. Баррикады были теперь более прочными, хотя ни одна не устояла бы против решительной атаки танка. Народ все еще толпился снаружи, промокший под ночным дождем, кое-как пытавшийся согреться в самодельных укрытиях, но веселый, стойкий, одним словом — русский. Внутри Белого дома было множество щегольски одетых милиционеров и куда менее нарядных штатских, многие — в военной форме, которую они носили в Афганистане. Они были вооружены только автоматами — никакого более совершенного оружия я не заметил. Атмосфера была возбужденной, эмоциональной; люди толкались всюду — с какой-то неопределенной целеустремленностью. Наверное, так выглядел Смольный институт в Петрограде, когда Ленин и Троцкий устроили государственный переворот в октябре 1917 года.

Более половины депутатов, включая коммунистов, отважились прийти на сессию. Галереи были забиты журналистами. Пришел и шведский посол Орьян Бернер, самый находчивый и знающий из моих коллег, имевший бесчисленные связи с российскими общественными деятелями. Если я отправлялся на какое-нибудь общественное мероприятие, а его там не оказывалось, я всегда думал, что он пошел еще куда-то, где будет более интересно.

Спикер Хасбулатов начал с того, что призвал почтить молчанием убитых ночью. После этого он очень колоритно, саркастично и агрессивно переключил свое внимание на хунту. Он сообщил о требованиях, которые он, Руцкой и Силаев (премьер-министр РСФСР с июня 1990 года) предъявили накануне Лукьянову, который находился рядом с хунтой, хотя формально не был ее членом. Горбачев должен быть подвергнут медицинскому освидетельствованию группой, состоящей из врачей, включая представителей Всемирной организации здравоохранения, и других иностранных наблюдателей; он должен быть немедленно возвращен к власти; ограничения, наложенные на печать и телевидение, должны быть отменены; Чрезвычайный комитет должен быть распущен. Депутаты встретили одобрительными криками его слова о том, что хунта должна быть наказана.

После этого появился Ельцин — большой, сам похожий на бульдозер, уверенный и, по-видимому, несколько не чувствовавший напряжения после двух бессонных ночей. Речь его была суровой и удачно построенной. Хунте не удалось завербовать в свои ряды ни одного демократа, что придало бы ей хотя бы чуточку респектабельности. Он создал теневой кабинет на случай своего ареста. Однако теперь его поддерживают части трех дивизий войск оккупантов. Генерал Лебедь привел своих десантников из Тулы, чтобы защитить Белый дом, а не для того, чтобы его атаковать. Ельцин назначил новых командующих Московским и Ленинградским военными округами, а генерал-майора Кобеца — министром обороны. (Кобец, красивый

полный человек в генеральской форме, стоял тут же, в углу сцены.) Ночью патриарх Алексей II опубликовал сильное заявление в поддержку Белого дома. Множество посланий прибыло из-за границы, в том числе от британского премьер-министра и от г-жи Тэтчер. Ельцин не упомянул о неосторожных действиях Миттерана, в понедельник проводившего закулисные переговоры с хунтой. Затем он сообщил, что Крючков предложил явиться в Белый дом и полететь с ним в Крым к Горбачеву. «Не ездите, Борис!» — в один голос заорали депутаты. Однако они согласились с его предложением послать Силаева и Руцкого вместе с группой врачей, с тем чтобы проверить слухи о болезни Горбачева, с условием, чтобы их сопровождали иностранные журналисты и дипломаты, дабы все было по-честному. (Мне это показалось классической ловушкой КГБ. Неужели, думал я, русским кажется разумным рисковать потерей двух своих высших руководителей? Впрочем, присутствие иностранных наблюдателей, по видимому, должно помочь.)

Силаев прервал Ельцина сенсационным сообщением: говорят, что хунта находится на пути во Внуково, видимо, намереваясь вылететь в Крым и оставить Москву во власти войск. Ельцин немедленно приказал российскому КГБ арестовать членов хунты. Явлинский с несколькими своими коллегами был послан на квартиру Пуго проследить за его арестом. Позже Явлинский мне рассказал, что вооруженные милиционеры, которые должны были произвести арест, так и не появились. Тогда он и его коллеги проникли в квартиру. Пуго и его жена лежали мертвыми на постели — они застрелились.

В одной из комнат Белого дома Кунадзе, один из заместителей министра иностранных дел ельцинской России, давал пресс-конференцию, посвященную почным актам насилия. Колонна из шести БМП, двигавшаяся по Москве, попала в ловушку демонстрантов у подземного тоннеля на Садовом кольце. Было убито три гражданских лица, два солдата и один американский журналист — ли-

бо задавлены насмерть, либо застрелены, либо сгорели, когда последнюю машину подожгли бутылкой с зажигательной смесью. Эти цифры впоследствии оказались неточными, как и значительная часть другой «информации», циркулировавшей во время путча. Окончательные цифры были таковы: трое гражданских лиц, ни одного журналиста и ни одного солдата. Правда, ходили упорные слухи, что один солдат был убит, но о нем не упоминали потому, что он относился к побежденной стороне. Кунадзе добавил, что солдатам грозил самосуд. Олег Румянцев, депутат от социал-демократов, договорился об их безоговорочной капитуляции. После этого машины и пленные, среди которых был генерал по фамилии Смирнов, были торжественно доставлены в Белый дом. Более точных данных о «генерале Смирнове» так и не появилось. Я сомневался в том, что он вообще существовал.

Даже после сдачи небольшой колонны, сказал Кунадзе, защитники Белого дома все еще ожидали нападения. Их было около 50 тысяч, размещенных шестью кордонами вокруг здания; кроме того, у защитников имелось десять танков и десять БМП. Эти бронемашины не представляли серьезной военной силы, но их было достаточно для жизненно важной психологической поддержки людей. Ряд других военных частей также заверяли, что стрелять не будут. Однако защитники начали успокаиваться лишь к утру, после того, как удалось связаться с Крючковым. В данный момент, сказал Кунадзе, войска, по-видимому, уходят.

На площади возле Белого дома тысячи простых людей запели во весь голос русский православный гимн.

В посольстве возникли споры по поводу плана послать вместе с Силаевым в Крым дипломатов. Из российского Министерства иностранных дел позвонили, чтобы сообщить, что самолет должен вылететь через полчаса. Дуглас Херд настаивал, чтобы я оставался на своем посту в Москве, поэтому я помчался на «Роллс-ройсе» во Внуково с Джеффом Марреллом, чтобы посадить его на самолет вместо себя. На протяжении нескольких километров мы

ехали вдоль колонны бронемашин, уходивших на большой скорости из города. Мы насчитали также множество танков, с ревом мчавшихся по грязной дороге. Один свалился с дорожного полотна, и солдаты пытались втащить его обратно. Дым и пыль висели в воздухе, как смог. Еще какое-то количество танков и военных машин расположилось лагерем на полях по обе стороны дороги. Это было драматичное и грозное зрелище большой военной мощи, какого я никогда прежде не видел и, надеюсь, никогда больше не увижу. Оно было также свидетельством способности советского Генерального штаба быстро развернуть крупные бронетанковые силы. И все-таки ничем нельзя было замаскировать того факта, что я вижу перед собой униженную отступающую армию: Афганистан, Восточная Германия, теперь — вот это. Ничто не могло нанести большего ущерба престижу генералов.

У ворот аэропорта я оказался втянутым в нелепый русский спор с молодым человеком в кроссовках и тенниске, который исполнял роль охранника особо важных персон на терминале. Весьма неубедительно он заявил, что ничего не слышал о специальном правительственном рейсе в Крым. Телефона у него нет, и он не может никаким иным способом выяснить, что происходит. Пока я спорил, начали появляться другие Их Превосходительства. Мы бессмысленно толклись на месте, пока не узнали, что самолет вылетел без нас с другого конца аэродрома. Молодой человек весело извинился: «Не каждый день у нас государственные перевороты!». Мы потратили без толку три часа. Особенно досадно было узнать, что французский посол случайно попал в нужное место и — благодаря возмутительному сочетанию везения и верного расчета — сумел посадить своего человека на самолет, вместе с корреспондентом «Гардиан» Джонатаном Стиллом и еще двумя-тремя предприимчивыми западными журналистами. Бакатин впоследствии рассказал мне, что даже он попал на самолет в самую последнюю минуту: когда он въехал на взлетную полосу, моторы уже работали, а двери были закрыты.

На этом комедия не кончилась. Я как раз начал засыпать, когда кто-то позвонил из Лондона узнать, не знаю ли я телефон Кремля: премьер-министр хочет позвонить Горбачеву, когда тот вернется из Крыма, а в штаб-квартире кабинета потеряли номер прямой линии. Только я снова заснул, как позвонили из голландского посольства, чтобы сообщить, что Горбачев должен вернуться во Внуково через полчаса и что европейские послы едут его встречать. Я, как сумасшедший, ринулся в аэропорт. Но это опять оказалось напрасной погоней. Горбачев разумно решил, что он может обойтись без разговора с «гогочущей стаей» послов. Нас не пустили в здание аэропорта, и мы увидели только кортеж Горбачева, выехавший из других ворот.

Четверг. Последствия

На следующее утро я проснулся на рассвете, чтобы собраться с мыслями и написать в Форин Оффис, что я думаю по поводу происшедшего. После этого мы с Джилл отправились в «Роллс-ройсе» с развевающимся британским флагом на сессию Российского парламента в Белый дом. Здание было все еще окружено обломками оборонительных сооружений — развалинами баррикад, следами, оставшимися от лагеря защитников, мусором от продуктов, которые они ели под дождем. Мы подпрыгивали на ухабах, пробирались через всевозможные препятствия и, наконец, остановили машину на площади, где все еще оставались тысячи людей, праздновавших свою победу. Внутри Белого дома уже не было атмосферы опасливого ожидания, усталости и угрюмого мужества. Россия одержала победу, и русский народ и его лидеры намеревались ее отпраздновать.

Внутри здания Ельцин и его соратники, которые на протяжении последних трех дней сознательно рисковали своей жизнью, с законным торжеством говорили о том, чего они достигли, о конце 70-летнего кошмара и, самое главное, о возрождении России. Ельцин перечислил свои новые декреты, выходявшие далеко за рамки

его полномочий как Российского президента; заявляя свои претензии на власть, он попирает права Союзного правительства.

Другие ораторы выражали свой сарказм по адресу руководителей путча, коллаборационистов, тех, кто не выступил против путча, а теперь пытаются утверждать, будто они тоже храбро сражались с побежденными коммунистами. Они упрекали Горбачева, который сам назначил людей, предавших его. Они напали на Лукьянова — «идеолога путча». Хасбулатов требовал, чтобы у коммунистической партии отобрали ее собственность. Еще кто-то призвал наказать российских депутатов, возражавших против созыва в среду чрезвычайной сессии. Мне подумалось, что я слышу неприятные ноты назревающей охоты на ведьм, как во Франции после освобождения от фашистских оккупантов. Силаев предложил возродить Орден Святого Георгия и награждать им за мужество тех, кто последние три дня отстаивал Россию. Депутаты требовали заменить флаг Советской России российским триколором, который развевался над Белым домом во время осады, и изображение которого защитники носили на изготовленных в большом количестве пластиковых значках.

Ощущение пыла стало еще сильнее, когда мы выбрались на балкон, выходивший на площадь. Десятки людей подходили, чтобы присоединиться к тем, кто уже находился там. Я поздравил своих друзей с победой. Мы обнялись с экономистом Шаталиным. К этому времени уже был сочинен миф, будто я тоже в течение всей осады находился в Белом доме. Никому не известный французский депутат проложил себе путь к микрофону, чтобы произнести типично галльскую речь, в которой он сравнивал русский революционный триколор с французским.

Затем на балконе появился Ельцин. Пока он произносил речь по поводу победы, его телохранители ограждали его от снайперов пуленепробиваемыми стеклянными щитами. Россия родилась заново. Россия спасла мир. Он пообещал толще самый большой фейерверк, какой

она когда-либо видела. Толпа кричала в ответ: «Рос-си-я! Рос-си-я! Рос-си-я!». Она высмеивала заговорщиков. Кто-то крикнул: «Расстрелять их!». Требовали отставки Горбачева. Когда Ельцин объявил, что площадь перед парламентом переименовывается в «Площадь русской свободы», толпа снова ответила приветственными криками. Ельцин ухмыльнулся, когда Попов предложил наградить его медалью «Героя Советского Союза» (какая ирония судьбы!). Шеварднадзе предложил похоронить тех, кто был убит во вторник, в Кремлевской стене, где были похоронены знатные деятели советского режима. «Мы кое-кого из тех, кто там находится, можем убрать, чтобы освободить для них место». Атмосфера мстительности и русского национализма продолжала сгущаться. Но, в отличие от Марка Антония на Форуме, Ельцин держал толпу под контролем. Ни тогда, ни позже, одержав победу, он не проявлял мстительности. Охота на ведьм, которой я опасался, не состоялась.

Когда я вернулся в посольство, мне позвонил с Даунинг-стрит Стивен Уолл. Что происходит? Можем ли мы помочь устроить телефонный разговор премьер-министра с Горбачевым? Он сообщил, что Мэйджор накануне говорил с Шеварднадзе, Ельциным и Яковлевым. Я сказал, что было бы очень мило держать нас в курсе. Он извинился, но довольно резко сказал, что мне следовало бы понимать, что последние несколько дней на Даунинг-стрит были очень заняты. «Хо-хо!» — подумал я.

Я посетил Лаптева в Кремле. Он был, как обычно, очень приветлив. В течение полутора часов он говорил без перерыва обо всем, что произошло за неделю. При этом у него был слегка оправдывающийся тон, и он специально подчеркнул, что его выступление против хунты не появилось потому, что «Комсомольская правда», как и другие либеральные газеты, была запрещена. Как руководитель Верхней палаты Советского парламента он оставался в своем кабинете в Кремле, но поддерживал все эти дни постоянный контакт с Александром Яковлевым и другими

союзниками Ельцина. Его дочь все три дня была на баррикадах. Ему не надо было меня убеждать: он был порядочным человеком либеральных взглядов, хотя и не прирожденным героем.

Лаптев подтвердил, что сигналом к путчу послужило предстоящее подписание Союзного договора. Представители хунты — Варенников, Болдин, начальник личного секретариата Горбачева, Плеханов, генерал, ведавший личной охраной Горбачева, в воскресенье полетели в Крым, чтобы предъявить Горбачеву ультиматум. После того как он отверг их предложения, они вернулись в понедельник в Москву, чтобы переговорить с Павловым, болезнь которого, возникшая вскоре после этого, была настоящей. Хунта поняла, что ей грозит неудача, когда толпа вокруг Белого дома продолжала расти и стало ясно, что нельзя положиться на то, что какие-либо военные части согласятся штурмовать здание. Самый главный просчет заговорщиков состоял в том, что они действительно были убеждены, что простой народ хочет «сильной руки». Путч провалился, когда выяснилось, что это не так.

Лукиянов, Ивашко, Язов и Крючков, сказал Лаптев, вылетели в Крым накануне днем, как раз перед Руцким, надеясь убедить Горбачева пойти на сделку. Но он отказался увидеться с ними до того, как прибудут Руцкой и другие. Руководители путча сейчас все арестованы, кроме Янаева, который пользуется парламентской неприкосновенностью, «но помогает следствию», и Пуго, который мертв. Лукьянову не удалось убедительно дистанцироваться, и он отстранен от поста председателя советского парламента. Пока что его функции взял на себя Лаптев.

Теперь, считал Лаптев, неотложные проблемы — это подбор новых людей для замены тех, кто себя обесчестил; отношения между двумя президентами; Союзный договор и экономика. Хунта узурпировала всю власть Горбачева, а потом все выпустила из рук. Ельцин теперь подбирает все, что можно. Горбачев крайне ослаблен. Особенно

ему повредил тот факт, что все заговорщики оказались его же людьми. Однако он останется фигурой более чем символического значения. Другие республики будут видеть в нем противовес России, и он вернет себе часть своих прежних полномочий. С коммунистической же партией покончено. Она не играла в путче открытой роли, но все заговорщики были членами ЦК. Не весь КГБ поддержал путч. Однако он должен быть расчленен и поставлен под гражданский контроль.

Я спросил, почему хунта не отключила все телефоны. Иностранцы, ответил Лаптев, широко улыбаясь, всегда смеялись над количеством телефонов на столах высших руководителей в Советском Союзе (и он жестом указал на собственный стол). Причина в том, что техника настолько примитивна, что для определенных целей приходилось создавать специальные телефонные сети: одна — для связи с Горбачевым, другая — для КГБ, третья — для ЦК и так далее. Отрезать все эти линии сразу было невозможно — еще одна причина провала путча.

В тот день европейские послы были приглашены в Кремль для встречи с Горбачевым — символическая церемония, рассчитанная, как я полагал, главным образом на то, чтобы компенсировать наше разочарование после того, как он не встретился с нами во Внуково прошлой ночью. Горбачев сиял, загар его, как всегда, казался искусственным. Он совсем не был похож на поникшего, вконец измученного человека, спускавшегося, спотыкаясь, ночью с самолета, каким мы его видели по телевидению. Мы обменялись ничего не значащими фразами. Тут же был Черняев. Я его крепко обнял.

После этого мы с Джеффом Марреллом посетили Александра Яковлева в здании Моссовета на улице Горького. На этот раз Яковлев был весел и раскован и не походил на «диспепсическую лягушку». Как и Лаптев, он критиковал Горбачева за его выбор советников. Он тоже считал, что КГБ должен быть подчинен гражданскому контролю, в противном случае он будет продолжать дей-

ствовать как самостоятельная сила. Политическая полиция должна быть распущена. Службу внешней разведки следует сохранить. Такую службу имеют все страны, хотя, как бывший посол, он может по опыту сказать, что, как правило, внешняя разведка бесполезна. Я ответил, что, поскольку я посол пока еще действующий, вряд ли он ожидает, что я с ним соглашусь. Когда мы уходили, он с неодобрением сказал, что толпа уже бьет окна в здании ЦК на Старой площади. Мы с Джеффом недоумевали, почему до сих пор москвичи не снесут памятник «железному Феликсу» на Лубянке. Они это сделали в ту же ночь под приветственные крики громадной толпы.

Вернувшись в посольство, мы пригласили русских сотрудников выпить шампанского. Я поздравил их с победой, мирной народной победой, уникальной в русской истории, третьей великой победой в битве за Москву после битв 1812 и 1941 годов. Даже угрюмые кагэбешные доносчики были, по-видимому, по-настоящему этим довольны.

Мы с Джилл провели вечер у телевизора, следя за пресс-конференцией Горбачева. Это было достойное выступление, очень человеческое, но политически — катастрофическое. В начале своей речи он мерным голосом рассказал о том давлении, которому подвергался, находясь в изоляции. Если бы он на этом остановился, он завоевал бы сочувствие аудитории. Но, как всегда, на свою беду он наговорил очень много. Кроме того, он совершил две существенные ошибки. Он отказался дистанцироваться от коммунистической партии, которую все еще надеялся реформировать изнутри, и не стал объяснять, почему он стоял на назначении на высокие посты лиц, которые впоследствии его предали. Горбачев производил впечатление человека, который ничему не научился и ничего не забыл. Уже одним этим просчетом он сильно ускорил темп своего неизбежного падения.

Вечер закончился фейерверком, обещанным Ельциным. Это был самый шумный фейерверк, какой мы когда-либо слышали.

Пятница. Власть переходит к новым лицам

На следующий день я проснулся подавленным, ни к чему не способным, чувствуя себя не таким уж и храбрым. Десятки тысяч людей рисковали жизнью ради своих принципов. Их лидеры проявили волю, мужество и стойкость. Будь я высокопоставленным советским чиновником, а не всего лишь сторонним английским наблюдателем, я, вероятно, действовал так же как министр иностранных дел Бессмертных, порядочный, но осторожный чиновник, надеющийся, что он поступает правильно, не имея перед собой человека, который указывал бы ему «правильный» путь. Конечно, мои чувства не имели никакого значения на фоне происшедшего. Но все-таки было неприятно. Я был рад тому, что Джилл спасла честь семьи, и у нее хватило мужества поддержать наших друзей на баррикадах.

Днем я был в кабинете заместителя российского министра иностранных дел Федорова в тот самый момент, когда по его телевизору начали показывать ход заседаний в Российском парламенте. Горбачев произносил свою первую политическую речь после возвращения из Крыма. Он лучше владел собой, чем во время пресс-конференции накануне, и говорил с достоинством и апломбом. В отношении к нему депутатов ощущалась смесь уважения, сочувствия и враждебности. Вопросы, которые ему задавали, были грубыми и язвительными. Один депутат предложил ему согласиться с тем, что социализм должен быть осужден, а коммунистическая партия запрещена, как преступная организация. Он ответил, что запрещение партии и политических воззрений несовместимо с демократией и плюрализмом — хороший ответ, но друзей ему он не добавил. Ельцин был исполнен решимости ясно показать всем, кто теперь хозяин. Он кратко изложил Горбачеву, что говорилось на заседании советского Совета министров в первый день путча, и грубо приказал ему прочитать протокол этого заседания вслух. Почти все министры, которых назначил Горбачев, поддерживали путч. Это была грубая, но наглядная демонстрация смены власти. В прежние време-

на Горбачев с трудом справлялся с публичной критикой. Теперь он подавил свою гордость и не дал воли своему нраву. У него не было больше выбора. Он вернулся в неузнаваемо изменившийся мир. Власть ушла от него, грубо и демонстративно.

Суббота. День похорон

Суббота 24 августа была днем третьих политических похорон, на которых я присутствовал в Москве. Это были похороны трех молодых людей, убитых во вторую ночь путча, — Дмитрия Комаря, двадцатитрехлетнего русского парня, бывшего парашотиста-десантника, награжденного за участие в боях в Афганистане, Ильи Кричевского, двадцатилетнего еврейского архитектора, служившего в танковом полку, и Владимира Усова, тридцатисемилетнего русского бухгалтера, у которого остались жена и дочь.

К утру этого дня памятник Калинин, первому председателю правительства Советского Союза, был уже убран со своего места на Калининском проспекте. В здании ЦК царил тишина. На дверях была надпись: «Здание опечатано». Каракули, нацарапанные на памятнике Марксу: «Пролетарии всех стран соединяйтесь — против коммунистов», были заменены новыми. Теперь было написано просто: «Простите меня!». Над Кремлем развевалось два красных флага, но без серпа и молота. День был теплый и сухой. Джилл, Джулиан, Дэвид и я присоединились к толпе, собравшейся на Манежной площади. Говорят, на улицах был чуть ли не миллион человек. Армяне и азербайджанцы, грузины и литовцы несли свои национальные флаги, чтобы почтить память своих жертв. Группа людей несла невероятно длинный русский триколор — подарок только что созданной Фондовой биржи. Два православных священника несли портрет Николая II — царя и мученика. Другие священники несли иконы, что было похоже на картину Репина «Крестный ход в Курской губернии». Рядом со священниками держалась небольшая группа казаков в форме, вполне готовых устроить погром.

Майкл Гэвин из «Чеширских Домов» нес британский национальный флаг, который ему передал молодой Игорь Геращенко, в свою очередь получивший его от клуба любителей рок-музыки при Би-би-си. Это был единственный иностранный флаг, пока несколько русских не бросились куда-то, чтобы принести и французский триколор. Послы Европейского сообщества тоже шагали благородно, но неуверенно.

Траурные речи произносились с импровизированной трибуны, поставленной на Манеже. Перед трибуной стояли три гроба. Горбачев выступил достойно и, слава Богу, коротко. Елена Боннэр выступила с трогательным и эмоциональным призывом к терпимости; речь ее произвела тем большее впечатление оттого, что в прошлом она так часто выступала со словами страстного осуждения. Боб Страусс, новый американский посол, без приглашения взобрался на трибуну, чтобы процитировать Патрика Хенри: «Дайте мне свободу, или дайте мне умереть!» — блестящий жест, которому позавидовали его профессиональные коллеги из Европы. Один ветеран-афганец декламировал стихи собственного сочинения. Православный хор пел великолепно: бас годился бы для исполнения роли «Бориса Годунова». Какой-то раввин прочел нараспев на иврите кадиш по еврею Кричевскому. Я надеялся, что теперь русским антисемитам — псевдоказакам и прочим — будет труднее утверждать, что евреи всегда были врагами России.

Все время, пока произносились речи, какой-то пожилой офицер в мятой военной форме стоял один перед гробами, крестился и кланялся.

Когда траурная процессия двинулась к Ваганьковскому кладбищу, к нам подошел Козырев, российский министр иностранных дел, и с большим чувством сказал, что Ельцину передали о том, как Джилл помогала раздавать продовольствие защитникам Белого дома. Россия никогда не забудет поддержки, оказанной ей Англией и ее премьер-министром в момент кризиса. Толпа двигалась мед-

ленно, бодро и соблюдая полный порядок. В воздухе царила атмосфера серьезности, подъема, но не трагедии. Распорядители — многие из них ветераны-афганцы — были вежливы и действовали умело. Дисциплинированные группы людей самых разных возрастов взялись за руки, чтобы разделить толпу на части, которыми можно было бы управлять. Распорядители заранее предупреждали нас о трамвайных линиях и рывках, чтобы мы не споткнулись. Мы чувствовали себя в гораздо большей безопасности, чем во время похорон Сахарова, когда милиция вела себя гораздо неопытнее.

Люди в процессии рассказывали друг другу о том, что они пережили на баррикадах. Те, кто там не был, оправдывающимся тоном объясняли, *что* им, к сожалению, помешало присутствовать. Многие критиковали Горбачева за его ошибки и нерешительность. Однако они признавали также, что именно он положил начало всему процессу. Все считали, что с коммунистической партией покончено. В противоположность сценам, имевшим место возле Белого дома в середине недели, приятно ощущалось отсутствие мстительности и шовинизма. Поразительно многие участники процессии говорили о перспективах, открывающихся теперь перед ними для занятия собственным бизнесом. Какой это будет иронией судьбы, думал я, если последняя революция XX века окажется революцией предпринимателей.

Полный бородатый мужчина, лет тридцати, шагавший рядом со мной, был в прошлом кадровым офицером военно-химических войск. Теперь он был специалистом по истории имперского офицерского корпуса конца века. Он провел на баррикадах три ночи и преподнес мне миниатюрный русский флаг, чтобы я приколот его на пиджак (позже бельгийский посол сказал мне, что я приколот его вверх ногами). Людмила Доронина, маленькая библиотекарша, шагавшая по другую сторону от меня, потом заглянула в посольство на чашку чая и принесла пачку листовок, выпущенных тогда защитниками Белого дома.

Маленькому старичку, который упорно пытался рассказать старый политический анекдот, приказали замолчать и проявить больше уважения к покойным.

Когда траурная процессия шла вдоль набережной, суда на реке приспустили флаги и просигналили гудками. Процессия остановилась возле Белого дома, чтобы выслушать речь Ельцина. Мы находились слишком далеко, чтобы видеть и слышать его. На само кладбище мы с Джилл не попали: через толпу теперь было не протолкнуться. К тому времени, когда мы закончили шествие, оказалось, что мы провели на улицах города семь часов.

В посольстве распространились слухи, впоследствии и подтвердившиеся, что Горбачев запретил коммунистическую партию и ушел с поста ее генерального секретаря. Мне позвонили из Лондона из редакции «Дейли мейл»: у них есть фотография моей жены, стоящей на танке и размахивающей флагом. Они хотят получить интервью. «Опишите мне, как выглядит моя жена», — попросил я. «Блондинка, в теннисных туфлях», — ответили мне. «Тогда это не моя жена», — сказал я. Те же чопорные телевизионные дикторши, которые в понедельник оглашали декреты хунты, теперь читали указы Ельцина, все с тем же видом истуканов. К ужину пришел Майкл Гэвин с Игорем Геращенко. Прошедшая неделя уже казалась каким-то нереальным сном.

На протяжении последующих месяцев люди спрашивали друг друга при встрече: «Где вы были 19 августа?». В первой половине 1991 года Би-би-си показала блестящий телевизионный сериал «Вторая русская революция». После путча продюсеры с удивительной быстротой подновили его. Новая часть была готова к концу сентября. Мы пригласили на предварительный просмотр фильма некоторых главных героев: Александра Яковлева, Лаптева, Черныева и политического советника Горбачева, Шахназарова с женой. Они вели себя как дети на пикнике, вновь переживая августовские события с прежним энтузиазмом; это был настоящий праздник воспоминаний.

Незадолго до событий этого августа Шахназаровы и чета Пуго отдыхали в одном и том же крымском санатории, который отделяла от дачи Горбачева маленькая бухта. За день до путча отдыхающие видели, как войска охраны окружают дачу. «Что вы собираетесь делать?» — спросили они солдат. В ответ те рассмеялись. Телефон Шахназаровых был отключен с самого начала, и они оказались без связи. Г-жа Шахназарова проводила время, фотографируя суда, блокировавшие бухту, на тот случай, если такое свидетельство когда-нибудь понадобится. До того как все началось, она видела Пуго, прогуливавшегося по пляжу со своей внучкой. Девочка говорила: «Ты самый лучший дедушка в мире». Черняев полагал, что даже на этом этапе событий Пуго все еще не имел представления о том, что происходит; его самоубийство было поступком честного человека, оказавшегося в сетях событий, над которыми он не был властен.

Яковлев подтвердил слух о том, что авиационная часть под командованием Шапошникова готовилась бомбить Кремль в случае нападения на Белый дом. Учитывая тенденцию современного сверхточного оружия не попадать в цель, а поражать какой-нибудь объект поблизости, я мысленно спрашивал себя, так ли уж разумно было настаивать на том, чтобы оставаться в здании посольства. В следующий раз, когда кто-нибудь захочет бомбить Кремль, нам может просто не повезти.

Лаптев беспокоился, что заговорщики воспользуются судом над ними как публичной возможностью для оправдания своих действий. Адвокаты уже пытаются изобразить их как достойных людей, действовавших в интересах своей страны. Я заметил, что адвокаты для того и существуют. Лаптев возразил, что, судя по моим замечаниям, я совсем не понимаю Россию. Заговорщиков суду не предавали. К тому времени, когда они год спустя были выпущены из тюрьмы, в глазах тех, кто еще помнил, кто это такие, они были чуть ли не героями. Другие сожалели о том, что правосудие не свершилось.

Но многие приветствовали отказ от политической практики прошлого.

Не раз русский народ бунтовал против власти. Не раз казаки, крестьяне и солдаты восставали, уничтожая своих господ и все то, что они собой олицетворяли. Не раз власть отвечала кровью на кровь и одерживала верх. Однако редко случалось, чтобы люди готовы были мирно встать на защиту своих прав. Пожалуй, они сделали это впервые 9 января 1905 года, когда священник Гапон, довольно темная личность, возглавил мирную демонстрацию, которая должна была вручить петицию царю в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Тогда власти не дрогнули. Они расстреляли демонстрантов и развязали революцию 1905 года.

Августовский путч провалился по трем причинам. Прежде всего, это была попытка уничтожить политические и человеческие права, которыми народ начал дорожить и которые готов был защищать, если понадобится, ценой жизни. Его решимость поддерживалась свободами, которые принесли гласность и политические перемены, она вызревала во время демонстраций, начавшихся в 1989 году. Как заметила Люда, им впервые было позволено Горбачевым, который теперь им не нравился, выбирать своего собственного президента и свой собственный парламент. Теперь они не собирались отдавать эти права. Горбачев дал народу шанс. Его гневный отказ пойти на компромисс с заговорщиками выбил почву из-под их ног. Мужество Ельцина, его непреклонная воля, ясность цели, даже его внушительная внешность воодушевляли простой народ и образовали скалу оппозиции, которую хунте не удалось игнорировать и в итоге — сокрушить. Этим двум людям принадлежит равная заслуга в провале путча.

Если бы заговорщики сохранили самообладание, путч мог бы и не провалиться. Как в то время, так и позже они изображали себя умеренными консерваторами, действовавшими в интересах Советского Союза, руководствуясь не столько гневом, сколько чувством отчаянья. Они

надеялись, что доводы разума будут импонировать людям, опасавшимся, что ослабление традиционной русской дисциплины приведет к распаду империи. Этим объясняется тот факт, что они не арестовали потенциальных лидеров оппозиции, не штурмовали Белый дом, не разогнали демонстрантов. Они были разбиты прежде, чем начали действовать, и показали свою слабость на пресс-конференции в первый же день. К тому времени они наверняка поняли, что «ржавчина» демократии разъедала не только интеллектуальные средние классы, что она затронула и армию, а также КГБ, которые на протяжении всего путча не были едины и на которых, как вскоре убедились заговорщики, положиться было нельзя. Крючков утверждает в своих мемуарах, что он и его соратники заранее решили прекратить свою акцию, если им покажется, что она может привести к кровопролитию. Трудно поверить, чтобы какая-либо серьезная группа заговорщиков могла принять такое обрекающее на провал решение. Генерал Ярузельский мог бы в этом смысле их кое-чему научить, если бы они не были, как ехидно заявил после ночи на баррикадах Саша Мотов, слишком заносчивыми для того, чтобы брать уроки у бывшего сателлита. Главным их недостатком был недостаток воли. Они вывели на улицы Москвы больше танков, чем большинство русских когда-либо видело после битвы под Курском, но у них не хватило духа нанести удар.

Циники, деструктивные элементы, неокommунисты и правые шовинисты впоследствии утверждали, что сопротивление оказывало лишь небольшое число жителей Москвы и Ленинграда, а масса народа вела себя пассивно, особенно в провинции. Рассказы очевидцев и некоторые реальные факты говорят о другом. Многие русские провинциальные города поддержали Ельцина и Россию, выступив против Советского Союза и коммунистической партии. Но вряд ли приходится удивляться тому, что большинство простых людей продолжали заниматься своими обычными делами и выжидали, чтобы понять, какой оборот примут события.

Толпа, штурмовавшая Бастилию в 1789 году, составляла незначительную часть французского народа. Что касается американцев в 1776 году, то было подсчитано, что одна треть их была за революцию, одна треть — за короля, а остальные хотели, чтобы их оставили в покое². Количество людей, находившихся на улицах Москвы в августе 1991 года, было, во всяком случае, столь же велико, как и количество тех, кто был на улицах Петрограда в октябре 1917. Но ни французы, ни американцы, ни русские до 1917 года не подвергались такому безжалостному деспотизму, как тот, что установили коммунисты в период наивысшего господства их власти.

В дни и месяцы, последовавшие за провалом путча, появлялись все новые теории относительно заговора. Согласно одной из них, Горбачев сам участвовал в заговоре, так как не был полностью изолирован от окружающего мира и, якобы подавая конспираторам знаки кивком головы или подмигиванием, поощрял их действия, веря в то, что возвращение к старым порядкам позволит ему восстановить свою власть. Согласно другой версии, все это каким-то образом устроил Ельцин, с тем чтобы дискредитировать Горбачева и ускорить свой собственный приход к власти. Обе теории нарушают правило Оккама, согласно которому самое простое объяснение является наиболее правдоподобным. Русские действительно питают склонность к теориям заговоров, когда кажется, что кто-то тайно управляет всем — Бог, евреи, франкмасоны, коммунисты, католики, капиталисты, ЦРУ или КГБ. Но так думает большинство людей не только в России. Ведь думать иначе, что дела людские — следствие хаоса и случайности, страшно.

Существовала и еще одна важнейшая причина провала путча и неспособности реакционеров вновь утвердить свою власть над простым народом. Размноженные компьютерным способом листовки, раздававшиеся участникам массовых демонстраций в 1989 году, несанкционированные передачи Московского радио, факты из Белого дома,

бесконечные телефонные звонки, международные послания — лично Ельцину с выражением поддержки, переговоры между коллегами — военными и агентами КГБ — по обе стороны баррикад, — все это было возможно лишь благодаря современным технологиям. В русскую политику было внесено качественное и, по-видимому, необратимое изменение. В старые времена КГБ и его царские предшественники могли выслеживать и без особого труда уничтожать незаконные печатные станки. Они могли помешать людям узнавать о том, что происходит внутри страны, не говоря уже о событиях за ее пределами. В дни спутникового телевидения, Интернета, электронной почты и факсов это было уже невозможно.

Исход путча в огромной степени повысил престиж и влияние Ельцина. Хотя у меня лично оставались сомнения в том, насколько здравы его суждения, и насколько он разбирается в вопросах текущей политики и административных проблемах. Однако отныне центральную роль придется играть ему. Власть Горбачева неуклонно будет ослабевать. Между тем, он и Ельцин дополняли друг друга. Быть может, думал я, деловое партнерство, которое так долго им не давалось, теперь станет возможным.

Ведь основные задачи не изменились: реформирование экономики и взаимоотношения между республиками. Политическая победа не наполнит магазины хлебом, даже если она и дискредитировала многих из тех, кто жаждал возврата к управляемой экономике. Простые люди, возможно, с большей готовностью согласятся теперь переносить, по крайней мере временно, огромные тяготы и трудности экономической реформы. К тому же баланс сил сместился в сторону республик. Применение силы против балтийских правительств было теперь невозможным, и их перспективы достижения независимости путем переговоров значительно улучшились. Реакция в России, разумеется, не умерла. Но без нее не существует ни одна политическая система. Однако партия теперь не играет никакой роли, реакционные генералы унижены, сам ру-

ководитель КГБ попытался и не смог свергнуть законное правительство; бюрократы и «заправила» индустрии проявили себя, мягко выражаясь, бесславно. Никто из них, оптимистично думал я, не сможет долго сопротивляться реформам.

На Западе велись бесконечные споры о том, могли ли западные правительства предвидеть путч, и следовало ли им что-то сделать, чтобы предотвратить его. Возможно, опять была допущена грубая ошибка разведки? Учитывая, что на протяжении нескольких лет они действительно волновались по поводу того, что Горбачев может быть свергнут усилиями реакционных боссов. И время от времени возникали слухи о перевороте, которые, однако, не сбывались. Когда же произошел настоящий переворот, он застал врасплох всех, начиная от Горбачева и до молодых офицеров и солдат, которых затолкали утром 19 августа в бронемашину и отправили в далекий путь к Москве. Среди тех, кто не знал о предстоящем путче, были Ельцин, Александр Яковлев, бывший генерал КГБ Калугин и Объединенный Комитет Британской разведки в Лондоне, для которого он тоже оказался подобно грому среди ясно-го неба³. Но вряд ли в этом было что-то странное; потенциальный сговор, о котором власти получают заранее хотя бы косвенное предупреждение, обычно проваливается в самом начале. Крючков же и его коллеги были профессионалами, и они позаботились о том, чтобы никаких утечек информации не произошло.

Предостережение президента Буша, к которому Горбачев так пренебрежительно отнесся в Доме Адмиралтейства, было основано на кратком и загадочном послании, которое Гавриил Попов передал американскому послу 20 июня, через три дня, после того как Павлов, Язов и Крючков устроили свой «конституционный переворот». Попов тогда предупредил, что на следующий день будет устроен путч с целью устранить Горбачева, и назвал в числе заговорщиков Язова, Павлова, Крючкова и Лукьянова. Но хотя он имел контакты в среде реформаторов в армии и

КГБ, нет никаких очевидных оснований считать, что Попов располагал планами заговорщиков, полученными от них самих. Они считали его опасным радикалом, и его фамилия два месяца спустя фигурировала в их списке неугодных лиц. На этой стадии оперативное планирование путча еще даже не начиналось. Хотя и до «конституционного переворота» четыре человека, названные Поповым, уже считались очевидными руководителями путча, если таковой будет организован. Так что предостережение Буша не содержало для Горбачева никаких данных, до которых он не мог бы докопаться сам.

Александр Яковлев, «отец перестройки», действительно объявил 16 августа, что путч произойдет в самое ближайшее время. Это произошло в тот день, когда его исключили из партии, и он был в ярости. Через три дня его предсказание сбылось. Однако впоследствии он говорил мне, что и у него не было по этому поводу никакой информации из стана противника, и он понятия не имел, что путч действительно произойдет так скоро. Он просто рассудил, что существующее положение дел не может долго оставаться неизменным. И предсказывал саму возможность переворота, начиная еще с зимы 1988 года.

Пожалуй, ближе всех к истине было ЦРУ. В серии аналитических оценок, проводимых им с весны 1991 года, говорилось, что господствующая роль Горбачева на советской политической арене кончилась. Переворот может произойти в любой момент, хотя вряд ли это приведет даже к кратковременной победе. Это заключение не отличалось от утверждений других лиц и организаций. Но в середине августа ЦРУ сообщило президенту Бушу, что подписание 20 августа Союзного Договора может побудить реакционеров к активным действиям. Это было компетентное заключение. И соответствующая информация имелаась в распоряжении практически любого аналитика или журналиста, который пожелал бы ею воспользоваться. Все мы, однако, этого не сделали. Поэтому, несмотря на проницательность ЦРУ, первой реакцией, в том числе и американ-

ского правительства, стала уклончивая позиция. Ведь в первые часы не было никаких гарантий, что путч не увенчается успехом и что Бушу не придется иметь дело с людьми, которые свалят Горбачева. Да и вообще иностранные правительства мало что могли сделать в этой ситуации.

Шум по поводу «провала разведки» оказался необоснованным, как это часто бывает. Будущее обладает одним непреодолимым и неустранимым качеством: оно непредсказуемо. Люди пытались судьбу испокон веков — от римских авгуров до западных разведывательных служб. Но им никогда не удавалось разрешить проблему. Как это сформулировал однажды Комитет вооруженных сил при палате представителей США: «Политики и частные граждане, ожидающие, что разведывательные агентства могут предвидеть все внезапные перемены, приписывают им качества, которыми Бог еще не поделился с простыми смертными»⁴.

Обломки диктатуры

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

А.С. Пушкин. К Чаадаеву

В августе 1991 года путчисты достигли результата прямо противоположного тому, которого они добивались, — крушения старого режима и начала распада Советского Союза. Теперь задачей уцелевших было создать из обломков нечто прочное. В этом смысле никто особенно положительно себя не проявил. Внутри России побежденные (главным образом, старые институты власти — армия, КГБ и партия) были дискредитированы, потрясены и бессильны. Победители же, видимо, были ошеломлены масштабом задачи, перед которой они оказались, и громадной ответственностью, которая была на них возложена.

Первейшей целью Ельцина было укрепить свою собственную власть. По принципу сообщающихся сосудов это означало лишить Горбачева последних незначительных полномочий. Русские либералы были расколоты. Многие из них — такие как Собчак и даже Попов — все еще надеялись, что в какой-то форме Союз можно сохранить. Это объяснялось экономическими, а в некоторых случаях устаревшими имперскими соображениями. Но более молодая, более просвещенная и более профессиональная группа, сформировавшаяся вокруг Егора Гайдара, уже разрабатывала меры, с помощью которых можно было добиться того, чтобы русская экономика и сама Россия стояли на собственных ногах, не будучи связаны импери-

ей. Иностранные правительства теперь признали, что решающую позицию занимает Ельцин. Но они все еще тоскливо мечтали о том, чтобы какая-то роль была оставлена и за Горбачевым, отчасти из чувства благодарности, и сильно опасались последствий развала Союза. Они слышали предостережение Шеварднадзе о хаосе и кровопролитии похуже того, какое произошло в Югославии. Что будет с соглашениями о контроле над ядерным и обычным вооружением, которые им с таким трудом удалось подписать? Что будет с ядерным оружием, если начнется гражданская война? Сохранение более цивилизованного Союза представлялось, безусловно, меньшим злом. Буквально накануне путча Буш восхвалял Горбачева в речи, которую он произнес в Киеве и в которой предостерегал украинцев от «самоубийственного национализма», заявив, что они поступят мудро, оставшись в Советской федерации. «Свобода и независимость — не одно и то же». Естественно, украинцы были крайне недовольны этой речью.

Очень скоро эйфория победы начала улетучиваться. Среди наших друзей все явственнее чувствовалась прежняя ослабляющая атмосфера русского пессимизма, ощущение, что теперь все пойдет не так, как надо, — похмелье после победы. После своего триумфа Ельцин мог управлять событиями по своей воле. Проблемы были обескураживающе трудными. Что делать с остатками коммунистической партии, с КГБ, с армией, которая, хотя и была деморализована и дезорганизована, потенциально оставалась опасной? Как создавать учреждения — министерства, центральный банк, органы местного самоуправления, которые понадобятся для управления новым российским государством? Что можно сделать, чтобы справиться с углубляющимся кризисом в экономике? Как в нынешней обстановке, когда центральные институты Союза больше не пользовались уважением, управлять все более усложняющимися отношениями между Россией и другими республиками Союза? В течение нескольких недель Ельцин вообще ничего не делал. Он исчез с публичной арены, чтобы восстановить свои

силы на южных курортах. По возвращении он, подобно Горбачеву, начал издавать указы, не имевшие никакого практического значения. Между его сторонниками начались раздоры. Юрий Афанасьев пригрозил снова вывести людей на улицы. Горбачев воспользовался случаем, чтобы предпринять шумную, но заранее обреченную на неудачу попытку восстановить свои позиции и повторить свои былые триумфальные достижения.

Через неделю после переворота, 29 августа, Вадим Медведев позвонил мне в тот самый момент, когда я собирался пойти к Сенокосовым поужинать. Не могу ли я немедленно приехать в Кремль? Я запротестовал: я занят. У меня нет шофера. Как я попаду в Кремль? «Скажите мне свой регистрационный номер, чтобы я мог предупредить охрану и велеть пропустить вас». Я не мог его вспомнить (номер был «СМД¹⁻⁰⁰²» — самый простой, какой можно было получить). «Вывесите на машине ваш национальный флаг», — сказал он. Я не мог его найти. Надо ли говорить, что несмотря на это охрана впустила меня в Боровицкие ворота на пустынные подступы к самому Кремлю. Когда я добрался до кабинета Медведева в служебном здании XIX века, где жил Ленин и работал Сталин, он без дальнейших предисловий сообщил мне, что меня хочет видеть Горбачев. После продолжительного ожидания, во время которого он рассказал мне о том, что с ним было во время путча, мы пошли по слабо освещенным коридорам с высокими потолками к кабинету Горбачева. Подобные теням фигуры агентов безопасности стояли в темных нишах через каждые десять шагов. Мне начали мерещиться призраки. Сталин, работающий далеко за полночь, а вокруг него — его бывшие уничтоженные коллеги: Каменев — расстрелян; Зиновьев — расстрелян; Бухарин — расстрелян; Ежов — расстрелян; Киров — убит; Орджоникидзе — убит; Троцкий — убит.

Мы уселись втроем в сером строгом кабинете Горбачева. Он был переутомлен, говорил почти бессвязно, его южный акцент был более заметен, чем когда-либо, речь изобиловала пропусками подразумеваемых слов. Я едва

понимал его. И он и Медведев, казалось, были близки к панике. Они все еще не освободились от напряжения путча. Горбачев начал с путаного описания политической ситуации. После хаоса предыдущей недели обстановка нормализуется. Заговорщиков обвинили в государственной измене, что влечет за собой смертную казнь. Но — он сказал это с явным одобрением — в его почте огромное количество писем, требующих отмены смертной казни. В первый и, вероятно, единственный раз я услышал от него похвалу своему сопернику. Некоторые критикуют Ельцина за то, что он действовал неконституционно. Но это несправедливо: как можно соблюдать все правила в обстановке такого кризиса, сказал он. Затем перешел к сути дела. Страна находится на грани финансового краха. Долговые обязательства Советского Союза составляют 17 миллиардов долларов. Ожидается, что экспорт за последние четыре месяца 1991 года принесет лишь 7,5 миллиарда долларов. Еще 2 миллиарда можно будет получить по оставшимся кредитным линиям. Разрыв равен 7,5 миллиарда долларов. Поэтому Горбачеву необходимы в ближайшие несколько недель 2 миллиарда новых кредитов от Запада, а после этого — реструктуризация советского долга. Советскому Союзу нужна также срочная помощь продовольствием и фармацевтическими препаратами.

До путча, напомнил он мне, на Западе выдвигались два довода против предоставления кредитов Советскому Союзу: кредиты укрепят тоталитарные структуры страны и таким образом замедлят реформы; деньги попросту исчезнут в какой-нибудь «черной дыре». Но после демократической победы первый аргумент отпадает сам собой, а ответ на второй — дело чисто техническое. Запад потратил, по меньшей мере, 100 миллиардов долларов на финансирование войны в Персидском заливе. Так что он, уж конечно, может себе позволить профинансировать достижение куда более важной цели — создание стабильной советской демократии? Я обещал доложить все это в Лондон, не питая особой надежды на то, что его просьбы будут удовлетворены.

Джон Мэйджор прибыл в Москву через три дня после этого, в воскресенье 1 сентября. Он был первым иностранным деятелем, сделавшим этот шаг после путча. Накануне вечером Москва находилась во власти фестиваля поп-музыки: группы рок-музыкантов разместились на ступеньках Белого дома; тут же были, как всегда, молодые и пожилые поэты. Транспорт был парализован. Толпа на Красной площади была настроена весело и празднично, но вела себя спокойно. Никто не выставлял никаких патриотических символов, хотя через толпу носились на очень большой скорости юнцы на роликах, за спиной которых развевались русские флаги. Милиции не было совсем. В темноте над Манежной площадью висел воздушный шар. Половину фасада гостиницы «Москва» закрывало огромное изображение Святого Георгия, покровителя Москвы, убивающего дракона.

Русским так же не терпелось увидеть Мэйджора, как и ему — их. Он повидался в Москве почти со всеми влиятельными лицами, не находившимися в тюрьме. Сначала он посетил человека, который все еще был Президентом Советского Союза. Горбачев был в своем кремлевском кабинете, загорелый и как всегда веселый. Норма Мэйджор и Джилл крепко его поцеловали в знак облегчения, что снова видят его. Он объяснил, что путч провалился потому, что заговорщики недооценили президента, российское правительство, простой народ и свою собственную власть над армией. Эта история была ему уроком: он не придавал должного значения необходимости поддержки либералов. Его порадовало то, как молодежь выступила в поддержку демократии. Теперь виновные должны быть наказаны по закону. Но он сторонник милосердия: не следует наказывать тех, кто просто сбился с пути. Простые люди беспокоились, что Союз может распасться. Он и десять—одиннадцать руководителей республик готовят совместное заявление, в котором будет говориться об экономическом соглашении, совместном контроле над вооруженными силами и о новой роли республик. Повторив многие аргу-

менты из тех, которые недавно излагал мне, он заявил Мэйджору, что Советский Союз срочно нуждается в западной помощи: в поддержании импорта, в уплате долга, в подготовке менеджеров для частного сектора и в поставках продовольствия и медикаментов на зиму. Запад потратил миллиарды на войну в Персидском заливе. Он должен не поскудиться ради этой гораздо более важной цели. Мэйджор передал ему ответ, согласованный с Большой семеркой и с Международным валютным фондом: заплатите свои долги, затяните потуже пояса и тогда мы, возможно, поможем. Это был ортодоксальный ответ, но большого утешения Горбачеву он не принес.

В Белом доме Ельцин был в самоуверенном настроении, готовый ко всему. Он не произносил громких слов, но недвусмысленно дал понять, что хозяин теперь — он. Он все еще настаивал на том, что Союз должен быть сохранен. «На сегодняшний день Горбачев нужен нам для того, чтобы удерживать Союз от распада». Все пятнадцать республик должны сохранять «единое экономическое пространство». В противном случае иностранная экономическая помощь будет потрачена впустую. На это согласны даже балтийские республики, утверждал он (утверждал ошибочно). Большая семерка пообещала экономическую помощь Советскому Союзу при условии, если экономическая реформа станет необратимой. Поражение путча — это та гарантия, которой они требовали. Теперь они должны дать обещанное. Несколько непоследовательно Ельцин предупредил, что положение внутри страны контролируется еще не полностью. Когда завтра соберется советский парламент, оставшиеся реакционеры могут попытаться убрать Горбачева (переводчик употребил слово «импичмент») и устроить еще один «конституционный переворот». Мэйджор спросил о военных: в чьих руках контроль над ядерными силами? Как будут строиться будущие отношения в области обороны между центром и республиками? Ельцин сказал, что должны будут существовать союзные оборонительные силы с ядерным вооружением, под-

контрольные центру. Советская система противовоздушной обороны будет сохраняться еще долгие годы даже в странах Балтии. Россия не нуждается в собственных вооруженных силах: бессмысленно создавать отдельные вооруженные силы с тем, чтобы республики могли воевать друг с другом. Все, что требуется самой России, это национальная гвардия численностью пять тысяч человек для защиты ее демократических институтов на случай будущих путчей.

Спустя чуть более полгода после этих уверенных предсказаний Ельцин стал единственным «господином» расчлененного труппа Российской империи, вооруженные силы Советского Союза распались, а ядерное оружие было размещено под сомнительным контролем в четырех оставшихся от Союза республиках. В День Победы в 1992 году Ельцин провозгласил создание новых «Вооруженных сил России». А к 1995 году «силы для защиты Российской Федерации» под его непосредственным командованием насчитывали 20 тысяч человек — непомерно раздутая преторианская гвардия.

Провал путча оставил Советский Союз без официально признаваемого правительства: советский премьер-министр был в тюрьме, почти все советские министры были скомпрометированы. Россия же хотя и имела премьер-министра — Ивана Силаева, но у нее не было настоящего министерского аппарата, и она утратила власть над другими республиками. Поэтому Горбачев создал специальную команду, в которую вошли Силаев, Явлинский, глава московской исполнительной власти Лужков и Вольский, в прошлом партийный чиновник, а ныне представитель растущего класса предпринимателей. В их задачу входило руководить экономикой Союза до тех пор, пока не возникнет возможность сформировать новое правительство. При отсутствии в России другой стороны на уровне премьер-министра, Мэйджор встретился с этим комитетом. Снова темой разговора была экономика. Силаев заявил, что в 1992 году оборонный бюджет будет значительно

урезан. Так оно и случилось, хотя ударил топором по бюджету не он, а его преемник Егор Гайдар. Явлинский пустился в страстный монолог. Первая задача — достигнуть экономического соглашения между республиками — независимо от того, решили они оставаться в Союзе или нет. После этого понадобится подлинная и осуществимая программа реформ. Через 4–5 лет три четверти ВВП страны будет производиться в частном секторе (оценка, оказавшаяся не такой уж абсурдно оптимистической, как я подумал тогда). Пока такой программы не существует, Западу нет смысла оказывать Союзу большую финансовую помощь. Деньги будут или растранижены, или принесут совсем не те результаты, которые требуются. К возмущению Силаева, это было обращение, прямо противоположное по смыслу тому, которое хотели довести до сведения Запада он и Горбачев.

В конце дня мы дали обед в честь гостей. Он оказался не особенно удачным. Мэйджора не было: он опять отправился на встречу с Горбачевым. Представителей новой политической Москвы пришло множество: Силаев, Назарбаев, Руцкой, Примаков, Явлинский. И они настояли на том, чтобы сесть вместе, разрушив тщательно продуманный Джилл план размещения гостей. Вечер прошел в разговорах шепотом о политических интригах. Чтобы предотвратить «конституционный переворот», о котором предостерегал Ельцин, Горбачев, Назарбаев и Ельцин подготовили чрезвычайную резолюцию с участием одиннадцати республиканских лидеров. Она содержала обязательство поддерживать Союз Суверенных Государств, предусматривала координированное управление экономикой и централизованными вооруженными силами и подтверждала все международные политические и экономические обязательства Союза. Собственно говоря, это было повторение той политической линии, которую Горбачев стремился проводить с весны. На следующий день Назарбаев огласил резолюцию в начале заседания советского парламента, который должен был тут же уйти на каникулы.

Депутатам не дали возможности напасть на Горбачева, и они послушно проголосовали за резолюцию. Если и существовали какие-либо планы «конституционного переворота», они были успешно подавлены в самом начале.

Визит британского премьер-министра закончился в полночь фарсом. Половина его личного штата замешкалась в посольстве и прибыла в аэропорт уже после того, как премьер-министр со всеми попрощался и сел в самолет, который готов был взлететь. Силаев, новый министр иностранных дел Панкин, и все мы, остальные, выстроились в шеренгу и выжидали, наблюдая за тем, как ревели моторы, а полдюжины секретарей и военных полицейских прошмыгнули мимо нас в самолет, словно испуганные кролики.

Когда Россия как федерация стала обретать реальность, а Советский Союз вступил в заключительную фазу распада, началась общая перестройка институтов.

Первым шагом Ельцина было решение запретить Коммунистическую партию Советского Союза. Операция была безотлагательной и беспощадной. Райком в Ленинграде на улице Чайковского помещался в небольшом декоративном дворце, построенном неким немецким торговцем в конце XIX века. Через 15 минут после того как Ельцин огласил свое решение, туда явилась милиция, вооруженная автоматами, опечатывать здание. Секретарь райкома, привлекательный и способный молодой человек 30 с небольшим лет, в один миг стал, как он грустно выразился, «одним из представителей нового класса советских безработных». Такая ситуация сложилась по всей стране. Однако систематических репрессий не последовало. После недолгого перерыва коммунистические газеты, которые Ельцин после путча закрыл, получили разрешение выходить вновь. Коммунистическая партия успешно опротестовала законность ее запрещения. И хотя я никогда больше не встречался с молодым ленинградским партийным секретарем, я не сомневаюсь, что он в скором времени нашел себе новую ра-

боту. Вероятно, в одной из организаций, иронически именуемых «деловыми структурами», — в каком-нибудь новом бизнесе, часто довольно сомнительного свойства и подчас созданном на средства партии, ранее предназначавшиеся для другой цели.

Какое-то время парламент Советского Союза, где с 1989 года разворачивались эти события, стал театром публичной политики в Москве. Через два дня после похорон жертв путча, в понедельник 26 августа я отправился в Кремль на чрезвычайную сессию парламента. Депутаты возвращались после службы отпевания трех молодых людей, которую только что провел в Успенском соборе патриарх Алексей II. Люди бродили в фойе. Рыжов, видный демократ, бросился ко мне, чтобы поблагодарить за мою личную поддержку в разгар кризиса. Русские, сказал он, особенно благодарны за то, что я появился на баррикадах в тот момент, когда они ожидали штурма. Моя смелость их поразила. Я возразил, что ничем не рисковал, в отличие от тысяч простых людей, которые рисковали своей жизнью. Щербаков, первый заместитель премьер-министра, отвечавший за экономику в последнем правительстве до путча, стоял в сторонке один. Я пожал ему руку, спросил, как он себя чувствует, — самый неуместный в данной ситуации вопрос. Геращенко, председателя советского Центрального банка, критиковали за то, что он продолжал финансировать советское правительство во время путча. Он тоже выглядел одиноким и был благодарен, когда я к нему подошел. «Все это несправедливые обвинения!» — пробормотал он. Учитывая его профессиональный опыт, его восстановили в должности по настоянию иностранных банкиров и правительств, которые утверждали, что в противном случае международное доверие к Советскому Союзу будет подорвано. В 1992 году он стал председателем российского Центрального банка. И тогда иностранцы начали называть его «худшим главой центрального банка в мире».

Георгий Арбатов, директор Института США и Канады, тоже был там. Он был одним из группы интеллектуа-

лов, разрабатывавших принципы «нового мышления», ставшего основой внешней политики Горбачева. Сейчас он был настроен резко критически. Именно при Горбачеве москвичи привыкли видеть на улицах танки, сказал он. Именно при Горбачеве были созданы специальные милицейские и военные части — ОМОН и спецназ. Именно при Горбачеве произошли убийства в Литве. Именно Горбачев назначил главарей путча. Он не может уйти от прямой ответственности.

Зал заседания парламента был набит битком и пребывал в состоянии ожидания. Я с трудом протиснулся на свободное место. Лаптев проводил заседание терпеливо и умело, без трюков и манипуляций, свойственных Лукьянову. Заседание проходило спокойно и организованно, как если бы всем хотелось сделать вид, что жизнь продолжается как обычно. Горбачев говорил первым. Тон его был умеренным. Он признался, что вернулся в совсем другую страну, на которую смотрит теперь совсем другими глазами. Он признал свою вину за происшедшее — за выбор неподходящих людей, за излишние компромиссы, за то, что не оценил по достоинству либералов, за то, что не шел достаточно твердо по пути реформ. Он предложил поскорее подписать Союзный договор, провести сразу же после этого всеобщие и президентские выборы, а также переговоры с республиками, желающими выйти из Союза, о сохранении экономических связей, о мерах по укреплению гражданского контроля над армией и КГБ. Идеи его были цивилизованными и разумными, но — устаревшими. Даже его союзник, Назарбаев, твердо заявил, что идя федерации — группы государств, сплотившихся вокруг союзного центра, — теперь мертва. Казахстан присоединится только к конфедерации, центр которой будет наделен минимальными функциями.

Крайне правые высказывались во весь голос. В фойе полковник Алкснис, один из «черных полковников», требовавших ухода Шеварднадзе, давал интервью всем желающим. Рано или поздно, говорил он, танки придется снова

вывести на улицы. Но — знаменательное пророчество — в следующий раз приказ на этот счет отдаст Ельцин. Рядом были выставлены на всеобщее обозрение письма пенсионеров и других рядовых представителей общественности. Во многих содержались злобные нападки на Горбачева за уничтожение партии и 70-ти славных лет господства коммунизма. Кажется, все телеграммы имели подпись отправителя — даже представители потерпевшей поражение стороны не боялись высказывать свои взгляды. Полковник Петрушенко, соратник Алксниса, находился в самом зале заседания. Он утверждал, что в стране необходимо было ввести чрезвычайное положение. Его следовало бы ввести конституционным путем, но Горбачев с этим не согласился. А потому руководители путча имели полное право действовать неконституционно. Его резкое выступление тоже было признаком того, что прежние страхи рассеиваются и что все полны решимости соблюдать юридические и демократические приличия. Никогда прежде тем, кто терпел поражение, не позволили бы остаться безнаказанными.

На следующий день я опять заглянул в парламент. Члены старого правительства защищались. Особенно впечатляющим было выступление Щербакова, бывшего заместителя премьер-министра по вопросам экономики. Он рассказал о том, как в первый день путча Павлов созвал министров и сообщил им, что раскрыт заговор, направленный на свержение правительства. В Москву тайком ввели вооруженные банды. У них на руках список лиц, подлежащих аресту. «Все вы числитесь в списке», — сказал Павлов. Затем он спросил министров, намерены ли они продолжать исполнять свои обязанности. Почти все сказали «да». Щербаков заявил, что удивляться тут нечему. Советские министры никогда не были настоящими министрами, а всего лишь техническими управляющими, всегда исполнявшими волю тех, кто был у власти. И все-таки считать, что все они одним «мирром мазаны», было бы несправедливо. Министр культуры Губенко предупредил Павлова, что от всего этого пахнет «чистками» 1937 года, и на

следующий день вышел в отставку. Воронцов, отвечавший за вопросы экологии, тоже вел себя достойно. Геращенко был вынужден действовать таким образом, чтобы предотвратить крах банковской системы, а теперь, сказал он, его несправедливо поносят. Что же касается его лично, сказал Щербаков, то он с полным уважением относится к Горбачеву. Но он вошел в правительство не для того, чтобы служить человеку, а чтобы служить стране. В историю же с болезнью Горбачева трудно было поверить с самого начала. Она пахла интригами, сопутствовавшими свержению Хрущева. Щербаков сказал в заключение: «Я в последний раз выступаю с этой трибуны. Мы все не оценили того, что Горбачев пытался сохранить равновесие между конфликтующими силами в стране, подталкивая ее в то же самое время к реформам и переменам. Я предостерегаю вас, что худшее еще впереди». Его выслушали в полном молчании, и он с чувством достоинства сошел с трибуны.

Это заседание Советского парламента было последним, когда он сыграл важную политическую роль. Когда он вновь собрался 21 октября, на нем присутствовали делегации лишь от семи республик. Отсутствовала Украина. Лаптев объявил в этот день о своей отставке с поста спикера. Когда через два или три дня я посетил его, он сказал, что парламент всем надоел. Что вполне здравомыслящие люди, хорошо себя проявившие во время прошлых сессий, взбирались на трибуну и несли чушь. Самое большее, на что еще может пригодиться парламент, как и сам Союз, — это послужить мостом, по которому Украина и другие смогут найти дорогу назад, к каким-то организованным отношениям с Россией, после того как они убедятся, что независимость не столь привлекательна, как они надеялись. Реальное влияние Горбачева, сказал он, быстро падает. Его речь на сессии была, скорее, формальной. Он заявил, что примет «конституционные меры» в случае, если республики попытаются национализировать или «приватизировать» части Советских вооруженных сил на своей территории. Но никто не знает, что это мо-

жет значить при его нынешнем ослабленном положении. У него теперь нет работы, которая занимала бы его целый день. Лаптев недавно зашел к нему по какому-то мало-важному делу, и встреча продлилась более трех часов. Я заметил, что Горбачев всегда плохо распоряжался своим временем и всегда слишком много говорил. Лаптев широко улыбнулся. Ему кажется, он знает, чем это объясняется. Недавно ему позвонила Раиса Максимовна и положила трубку только через три четверти часа. Очевидно, Горбачеву дома никогда не удастся вставить словечко, поэтому он изливает свое красноречие на тех, с кем соприкасается во внешнем мире.

Политическая инициатива теперь полностью перешла к Российскому парламенту. Именно там в конце октября Ельцин произнес свою долгожданную речь об экономической реформе. За несколько дней парламент одобрил принципиальные положения реформы, удовлетворил его просьбу об особых полномочиях для подавления сопротивления местного чиновничества и согласился рассмотреть вопрос об изменениях в Конституции. Основные демократические партии подписали декларацию о своей готовности поддержать реформу — образовался «единый политический блок», к созданию которого Ельцин призвал в своей вступительной речи. Через неделю Ельцин назначил свое новое правительство. Начальник его штаба Бурбулис стал первым заместителем премьер-министра, а Гайдар и Шохин — двумя вице-премьерами. Первый из них отвечал за экономическую реформу, второй — за социальную политику, включая проблемы безработицы. Таково было публичное начало радикальных экономических реформ, которые Ельцин и Гайдар предприняли в первые дни нового года.

Вслед за парламентом СССР, триумфальным демократическим завоеванием Горбачева всего лишь двухгодичной давности, утратившим теперь всякое значение, его

судьбу разделили и другие институты Союза. Призрачные «министерства» в республиках, являвшиеся в прошлом символическими атрибутами фантомного «суверенитета», начали обретать реальное значение. В апреле 1991 года Андрей Козырев, министр иностранных дел «России», которая еще не стала реальностью, пришел к нам на ланч со своей женой. Он был сыном советского дипломата и сам служил прежде в советском Министерстве иностранных дел. Ему нравилось работать с Шеварднадзе, старавшимся изменить направление советской внешней политики, и он участвовал в составлении проекта исторического выступления Горбачева в ООН. Однако советское Министерство иностранных дел все еще подчинялось контролю партии, которая вмешивалась в политику на всех уровнях даже после того как лишилась своего привилегированного положения, вытекавшего из статьи 6 Конституции. Ему становилось все труднее это выносить. В октябре 1990 года он решил отказаться от успешной карьеры, примкнуть к Ельцину и посвятить себя пока еще неопределенной и призрачной «России». Я заметил, что для этого нужно было мужество. Он ответил, что не чувствует себя героем. Один из членов его маленького штаба, отвечающий за соблюдение прав человека, провел многие годы в лагерях. Козырев чувствует себя виноватым всякий раз, когда смотрит на него. Горбачева Козырев не особенно сильно критиковал, как и не выражал особого восторга по поводу Ельцина, непредсказуемого лидера. Деятельность этих людей все еще сковывало их партийное прошлое, и их способность воспринимать новые идеи была ограниченной. Козырев и его жена провели у нас три часа, из чего можно было заключить, как мало реального дела ожидало его в его Министерстве иностранных дел, находившемся в одном из не слишком фешенебельных районов Москвы. Он произвел на меня впечатление умного и порядочного человека. Как-то этот человек, на вид слегка подавленный и сонливый, думалось мне, совладает с неразберихой московской политики? Но хотя он стал крайне непопулярным в новой Рос-

сии, где националисты обвиняли его в том, что он продался Западу, он оказался достаточно стойким, чтобы продержаться пять лет, пока его не сменил Евгений Примаков.

После путча Козырев переместился в более просторное помещение в старом здании ЦК. В сентябре Джеффри Хау, бывший министр иностранных дел Великобритании, и я посетили его в большом кабинете, обставленном мебелью из карельской березы. Хау спросил, как развиваются отношения между советским и российским министерствами. Козырев ответил, что все зависит от исхода переговоров по поводу Союзного Договора. Если будут учреждены должность Союзного Президента и Государственный Совет Союза, непременно будет существовать и Союзный МИД. Он будет занимать прежнее место Советского Союза в Совете безопасности ООН и заниматься вопросами военной политики, некоторыми международными макроэкономическими проблемами, а также на первый взгляд мелким, но на самом деле важным вопросом назначения союзных послов.

Ничего этого не произошло. В течение осени советское Министерство иностранных дел все больше увядало, поскольку республики стали самостоятельно управлять своими отношениями с иностранными государствами. После путча Борис Панкин, которого считали хорошо себя проявившим в должности посла в Праге во время путча, сменил незадачливого Бессмертных на посту советского министра иностранных дел. Общий дух резко упал, когда прошел слух, что Панкин собирается уволить заместителей министра иностранных дел за их связь со старым режимом. В конце года Юрий Фокин, начальник Второго Европейского отдела, ведавший отношениями с нами и ставший впоследствии хорошим послом в Лондоне, ушел в продолжительный отпуск. Его заместитель перешел на работу в расширяющийся бюрократический аппарат Российского государства. Два других заместителя занялись частным бизнесом. Однако погублено было меньше карьер, чем опасались дипломаты. 18 декабря Ельцин объявил, что совет-

ское Министерство иностранных дел прекратило свое существование (хотя Союз, которому оно предположительно служило, еще не был ликвидирован). Российское министерство иностранных дел перебраслось в сталинский небоскреб, и большинство высокопоставленных и старомодных дипломатов было восстановлено в должности.

Как Ельцин, так и Горбачев были согласны с тем, что следует немедленно что-то делать с КГБ. Лаптев и Яковлев предсказывали, что КГБ будет расчленен. Как только Горбачев вернулся из Фороса, эта задача была поручена Бакатину. Бакатин считал, что КГБ и его «чекистская» философия, сводившаяся к тому, что партия имеет право применять неограниченную силу против всякого, не подчинившегося ее требованиям, составляет основу тоталитарного режима. Без КГБ режим не мог существовать. Бакатин признавал, что государству нужна хорошая разведка. Но значительная часть того, что Комитет госбезопасности получал от своих агентов за границей, была просто вздором, а необъективные данные внутренней разведки Крючкова толкнули Горбачева зимой 1990 года «вправо». Дуглас Херд и я посетили Бакатина во время визита Джона Мэйджора. Он выглядел усталым, глаза красные, лицо осунулось: на его новом посту ему приходилось работать по 17–18 часов в сутки. Но в ходе разговора он взбодрился.

Херд поздравил его с исходом путча. Бакатин возразил, что поздравлять еще рано. Он все еще пытается как следует сориентироваться и подыскивает людей, которым можно доверять. Он резко ограничивает власть КГБ. Все его войска перейдут в подчинение армии и Министерства внутренних дел. Его управление коммуникаций (специалисты по расшифровке) будет передано в ведение специального нового органа. Иностранной разведкой будет заниматься особое ведомство во главе с Примаковым. Старшие офицеры, участвовавшие в путче, будут уволены. Моральный дух остальных очень низок: они считают, что их карьера кончена. При этом он говорит им, что на КГБ

все еще будут лежать важные задачи: внешняя разведка, контрразведка, борьба с терроризмом и организованной преступностью. Но новый КГБ нуждается в надлежащем юридическом кодексе, определяющем его деятельность. Херд предложил прислать ему подробное изложение недавно принятого английского закона о прослушивании телефонных разговоров. Они договорились о том, что их ведомства должны сотрудничать. Херд настоятельно просил Бакатина сократить число агентов российской разведки в Лондоне. Бакатин рассмеялся. Английская служба безопасности, сказал он, не захочет, чтобы все русские агенты уехали. Она тогда останется без работы.

В конце 1991 года представители западных разведслужб понаехали в Москву, чтобы встретиться со своими коллегами. В декабре Стелла Ремингтон, которая в то время готовилась стать генеральным директором Британской службы безопасности, также прибыла в Москву, чтобы встретиться с Бакатиным и Примаковым. Мы пообедали в гостинице КГБ, особняке XIX века в старой деловой части города, бывшей резиденции пресловутого заместителя Берии, Абакумова, которого расстреляли вскоре после его хозяина. Генералы КГБ сидели по одну сторону стола, в том числе и человек, который на протяжении предыдущих двух десятилетий «курировал» британское посольство в Москве. По другую сторону сидели: Стелла Ремингтон, ее заместитель, восторженный русофил, который поразил хозяев цитатами из Пушкина и пламенным тостом, произнесенным на русском языке, и я. Мы жаловались на то, что КГБ мешает работе штата посольства, а особенно на то, как они бесцеремонно входят в квартиры наших сотрудников и сознательно приводят в полный беспорядок их вещи. Генерал сказал, что его люди профессионалы. Они подобных вещей не делают. Это, наверное, дело рук русских преступников. Я сказал, что точно такие же вещи происходили, когда я был в Москве в 60-е годы. Тогда, как и сейчас, «профессионалы» КГБ были плохими оперативными агентами. Они портили имущество наших сотрудников просто из за-

висти, а также рассчитывая этим подорвать их моральный дух. Генерал не признавал моих обвинений. Но он дал мне свой номер телефона и сказал, чтобы я ему позвонил, если что-нибудь подобное повторится. Какое-то время нас стали беспокоить меньше. В этой связи я не мог не вспомнить о рождественском перемирии на западном фронте в 1914 году, когда облепленные грязью солдаты, вылезавшие из окопов, спотыкаясь, добирались до «ничейной» полосы, чтобы обняться с врагами. К концу дня перемирие без предупреждения закончилось, и пушки вновь возобновили стрельбу. Интересно, думал я, окажется ли перемирие между разведывательными ведомствами более прочным? Нет, не оказалось. Борьба возобновилась, хотя и не с прежней интенсивностью, как это описывает Примаков в своих мемуарах, рассказывая о том времени, когда он возглавлял новую российскую контрразведку.

Четыре месяца спустя Советский Союз рухнул и Бакатин был уволен. В своих мемуарах он грустно констатирует: «Я не считаю, что спецслужбы уже перестали быть угрозой для гражданина. Поскольку не существует никаких законов, никакой системы контроля, никаких изменений в идеологии, которые отвечали бы требованиям демократического государства, основанного на законе. Мне не удалось довести дело до конца. Я надеюсь, что это удастся кому-то другому».

Это был точный анализ. Несколькими месяцами позже мы с Джилл бродили по мрачному музею КГБ. Наши два молодых гида все еще пылали негодованием по поводу сноса памятника Дзержинскому. Они все еще верили в «чекистскую» философию. Чистки 1937 года были, по их мнению, «великой трагедией, в результате которой мы потеряли некоторых лучших своих офицеров», а вовсе не преступлением, которое совершили их предшественники против страны в целом. Они и другие молодые офицеры КГБ, с которыми я встречался в последующие годы, все еще считали, что преследования Сахарова, Солженицына и других диссидентов было государственной необходимос-

тью. Они едва скрывали свою ненависть к Бакатину. После его ухода число агентов тайной полиции в России было все еще во много раз больше, чем на Западе. В новой России, хаотичной, плюралистической, протодемократической, разведывательные ведомства не имели ясной политической установки, которая была у их царских и коммунистических предшественников. Судя по всему, простые люди их больше не боялись. Все это было громадным достижением. Но агенты тайной полиции оставались на своих местах, в своих конторах, со своими старыми «связными» и своими старыми досье, готовыми к услугам любого сильного лидера, который захотел бы ими воспользоваться.

Хотя Горбачев продолжал видаться со своими иностранными друзьями при каждом удобном случае: на конференции по правам человека в Москве, на конференции по Ближнему Востоку в Мадриде, — главным международным событием осени того года были переговоры о долге со странами Большой семерки, в которых он никакой роли не играл. Западные правительства-кредиторы хотели знать, когда они получат назад свои деньги. Они были не склонны идти на уступки лишь на том основании, что Советский Союз переживает бархатную революцию. Кроме того, они хотели дать ясно понять, что какова бы ни была судьба Союза, республики тоже не получают новых займов, если не возьмут на себя часть обязательств по советскому долгу. Переговоры проходили в течение нескольких дней в октябре и ноябре в гостинице «Октябрьская», где в предыдущем году было подписано соглашение о Германии. В центре переговоров были два вопроса: каким образом долг должен быть поделен между республиками и как обеспечить ответственность за его выплату.

Участниками переговоров с западной стороны были заместители министров финансов стран-членов Большой семерки, и в их числе Найджел Уикс, старший специалист по международным финансовым вопросам Британского казначейства. Другую сторону представляли министры фи-

нансов и председатели центральных банков Советских республик. Балтийские государства бойкотировали совещание, хотя беспокоились, что за их спиной может быть принято соглашение, противоречащее их интересам. Союз (чего бы он теперь ни стоил) представлял Силаев, официально числившийся премьер-министром Союза. Россию представлял Гайдар, как заместитель премьер-министра по экономическим вопросам. Украинскую делегацию возглавлял премьер-министр Фокин, главной заботой которого было не сделать ничего такого, за что его противники в Киеве могли бы обвинить его в том, что он «продался». Основная цель представителей Узбекистана состояла в том, чтобы не дать использовать их золото, дабы помочь погасить коллективный долг. Председатели центральных банков и министры финансов некоторых малых республик, чья функция в советской системе была почти исключительно декоративной, моргали и спотыкались, как кроты, впервые вышедшие на освещенное пространство реального мира международных переговоров и международных финансов. Явлинский от всего этого дела устранился. Как это часто бывало, он предпочел роль критикующего стороннего наблюдателя, которому не придется ни за что отвечать, когда дела пойдут плохо.

Переговоры продемонстрировали полное невежество республик в вопросах международной экономики и в то же время твердое убеждение, что главную роль должны играть они, а никак не «Союз». Советским властям как таковым сказать было почти что нечего. Представители Большой семерки, особенно Дэвид Малфорд, помощник министра финансов США, стояли на своих требованиях с беспощадной настойчивостью. Представители республик убедились, что на этот раз они должны иметь дело не друг с другом и с Москвой, когда они могли подписывать и регулярно подписывали документы, от которых впоследствии безнаказанно отрекались, а с суровыми фактами экономики. В результате был состряпан приемлемый документ, творцом которого был в основном спокойный и искусный

Уикс. К тому времени, когда переговоры закончились, было ясно, что какие бы события в дальнейшем ни произошли, экономическая власть определенно ускользнула от центра и переместилась в республики, и что для большинства республик политические соображения были гораздо выше экономических. Теперь уже даже не возникал вопрос о том, что Советский Союз превратится в экономическое и монетарное объединение сотрудничающих субъектов, на что надеялись Международный валютный фонд и Явлинский. Напротив, встреча республиканских чиновников с внешним миром укрепила их уверенность в себе и дала им несколько полезных уроков на будущее. Я сказал английским финансистам в Москве, что переговоры ознакомили практическое вовлечение стран Большой семерки в дела российской экономики и политики, начало экономического реализма в России и в республиках. Для отношений между Востоком и Западом и для всего мира это было событие столь же значительное, как START и другие переговоры о контроле над вооружением. Это было невинное преувеличение, но зернышко истины в нем содержалось.

История совершила новый символический рывок вперед в начале ноября, когда Ленинград возвратил себе первоначальное название — Санкт-Петербург. Город не впервые менял свое имя. В начале Первой мировой войны он был переименован в Петроград, потому что Санкт-Петербург звучало слишком по-немецки. Хотя на самом деле Петр I заимствовал его у столицы нейтральной Голландии.

Великий князь Владимир Кириллович, сын брата последнего царя, родившийся в Финляндии в 1917 году, прилетел в Санкт-Петербург нанести свой первый визит на маленьком одномоторном самолете, называвшемся «President Special». Его встречали Собчак и его заместитель, Владимир Путин. Путин оставался со мной, пока я ждал прибытия кого-либо из британских министров. Мы заговорили. Он возмущался поведением эстонского пар-

ламент, чья антирусская позиция могла спровоцировать Россию на ответные действия.

На следующий день, вечером, в Исаакиевском соборе состоялась церковная служба по случаю возвращения прежнего названия городу. Церковь была полна до отказа. Службу проводил патриарх Алексей II. Владимир Кириллович стоял на месте, отведенном для царей; это был первый случай, когда кто-то из Романовых, да и вообще кто бы то ни было, стоял там после 1917 года. В течение двух часов он вел себя невозмутимо, торжественно крестился, и ни один мускул на его лице за все время не дрогнул. Его полная маленькая жена-грузинка, принцесса Багратион, стояла рядом с ним, сохраняя такое же достоинство.

На следующее утро мы отправились на церемонию переименования к большой площади перед Зимним дворцом — месту вооруженного столкновения, приведшего к свержению Временного правительства в октябре 1917 года. Было страшно холодно, площадь была полупуста, люди настроены апатично. Играл военный оркестр; половина музыкантов была одета в военную форму XVIII века. Выстрелила полуденная пушка, подав сигнал к началу церемонии переименования. Слово взял Собчак. Он вознес хвалу апостолу Петру, заступничество которого позволило, наконец, восстановить название города, а также императору Петру, который первым «прорубил окно в Европу». С горьким осуждением он говорил о 74 годах советской власти. Однако вполне разумно он посвятил довольно пространный пассаж названию «Ленинград», — с этим именем в сердце многие жители города сражались и умирали во время Второй мировой войны. И он пообещал также, что цены на продукты в государственных магазинах города не будут повышены — единственное место во всей речи, вызвавшее одобрительные крики слушателей. Когда мы уходили, на площади приземлились парашютисты с российским флагом; над головой самолеты выполняли фигуры высшего пилотажа. Все это, сообщил по радио диктор, было щедро предоставлено спонсором — новое словечко, вошедшее в

гостеприимный русский язык, когда появилось племя «бизнесменов», богатеющее на трупе коммунизма.

С наступлением ночи бойницы Петропавловской крепости по другую сторону реки засверкали цепочкой огней; ярко горели два маяка возле Фондовой биржи. Начался фейерверк, поначалу очень скромный, но затем становившийся все более и более красочным. Над крепостью разлетались крупные искры. В огненные колеса на реке врывались яхты и катера, появляющиеся затем с другого конца. Из фургона с динамиком с ревом неслась соответствующая музыка: финал 9-й симфонии Бетховена и волнующие хоры из русских опер. Народ начал, наконец, веселиться, отовсюду неслись приветственные крики и характерные для русской толпы «охи» и «ахи». Церемония закончилась концертным балом в элегантном Таврическом дворце, принадлежавшем когда-то Потемкину. В зале стояли смущенные юнцы, неловко себя чувствовавшие в форменных мундирах императорской армии XVIII века, и жеманничающие девицы, в восторге от того, что на них кринолины. Это было многолюдное, красочное и пышное действо. Людмила Борисовна, жена Собчака, появилась, в новом, уже третьем за день, наряде.

Когда мы возлагали цветы к памятнику Петру I работы Фальконе («Медному всаднику»), стоявшая рядом пожилая женщина сказала мне, что церемония не коснулась главного. Праздновать особенно нечего. Вчера она провела два часа в очереди за мясом. К тому времени, когда подошла ее очередь, мясо кончилось. Впервые она покинула очередь в слезах. Вину за это она возлагала на тех, на кого следовало, — на коммунистов и их семидесятипятителетнее правление.

С приходом осени в русском языке появилось еще одно новое слово «коллапс». Советский Союз явно распадался, и народ начал подумывать о том, что и сама Россия может рухнуть. Ельцин говорил Джону Мэйджору, что хочет сохранить Союз, и поэтому менял свою позицию очень

медленно. Едва закончился путч, как официальный представитель Ельцина заявил, что каждой республике, вышедшей из Советского Союза, кроме Балтийских, придется договариваться об изменении границ. В первую очередь он имел в виду Казахстан и Украину, поскольку там проживало большое число русских. Гавриил Попов как-то невнятно говорил по телевидению о территориальных претензиях России к другим республикам. Украинцы были в ярости. Руцкой и Собчак 27 августа срочно вылетели в Киев, чтобы их успокоить.

Хотя Ельцин поддерживал независимость балтийских государств как орудие против Горбачева, он тоже был во власти иллюзии, будто прибалты хотят сохранить, как минимум, какой-то вид экономического союза пятнадцати республик. 23 августа, на другой день после провала путча, ко мне без доклада явился Рюитель, Президент Эстонии. Он хотел, чтобы Британия немедленно признала независимость Балтийских государств, полагая, что это затруднит экстремистам среди русского меньшинства, в армии и КГБ организацию провокаций в странах Балтии. Нынешний момент неразберихи благоприятен для прибалтов, добавил он. Но если дело затянется, даже у русских в Москве может возникнуть искушение изменить свою позицию и отказаться от прежней поддержки независимости. В тот день Федоров, заместитель министра иностранных дел России, заявил мне, что хотя Россия признала «суверенитет» Балтийских государств, она пока еще не решила, признать ли их «независимость». Я указал ему на двусмысленность этой хитрой уловки и осудил ее.

Я не мог понять, почему Запад не признал немедленно и полностью независимость стран Балтии. Форин Оффис разрабатывал какую-то сложную формулу, смысл которой сводился к одному: как бы мы не опередили американцев. У меня было несколько раздраженных телефонных разговоров с Лондоном. Спустя два дня латыши сообщили Дэвиду Мэннингу в Риге, что советская военная база передала радиообращение к русскому меньшин-

ству уходить в леса с оружием. Но у нас не было никаких инструкций. Три балтийских премьер-министра: Эдгар Сависаар (Эстония), Иверс Годманис (Латвия) и Гедиминас Вагнориус (Литва) посетили Джона Мэйджора 1 сентября во время его пребывания в Москве, с тем, чтобы выразить свое беспокойство. Они были решительно настроены в пользу полной экономической и политической независимости и не собирались вступать в экономический союз друг с другом, не говоря уже о России.

6 сентября недолговечный Государственный совет Советского Союза, созданный накануне и состоявший из президентов всех республик под председательством Горбачева, принял официальное решение о признании независимости трех Балтийских государств. Наши собственные колебания по этому поводу утратили всякое значение и выветрились из памяти. В середине сентября Ельцин пригласил европейских послов на встречу в Белом Доме. К нам обратился Леннарт Мери, эстонский министр иностранных дел (позднее Президент Эстонии). Он начал говорить по-английски отличные вещи по поводу прав человека и независимости Прибалтики; затем повернулся к Ельцину и сказал, что хочет говорить по-русски, несмотря на то, что этот язык 50 лет насильно навязывался ему и его народу. Эстонцы пострадали от тоталитарной диктатуры Советского Союза, но то же самое можно сказать и о русских. При всей своей ненависти к русской системе, эстонцы никогда не питали ненависти к русским, чей язык, литература и культура внушают им глубокое уважение. Это был трогательный жест примирения.

Хотя я полагал, что русские уйдут из своей империи мирно, но в то же время по-прежнему считал, что они будут стремиться удержать природную границу, которую веками отстаивали на Северном Кавказе в качестве щита от военных посягательств Турции и Ирана. Но в ноябре 1990 года «Чеченский национальный съезд» провозгласил суверенитет Чечено-Ингушетии: две малые национальности, этни-

чески почти неотличимые, еще были объединены в тот момент в одной автономной республике. И события приобрели драматический характер. Бывший советский генерал военно-воздушных сил Джохар Дудаев, один из немногих чеченцев, дослужившихся в СССР до высокого звания, возглавив в июне 1991 года названный съезд, воспользовался сумятицей в Москве и решил расширить пространство для маневра с целью достижения независимости Чечни. Вице-президент Руцкой, тоже бывший военный, но с плохо развитым политическим чутьем, имел на этот счет собственный рецепт решения проблемы, почерпнутый из опыта войны в Афганистане. «Кишлак нас обстреливает, и кого-то убивают, — сказал он как-то одному из высокопоставленных офицеров КГБ. — Я посылаю пару самолетов, и от кишлака ничего не остается. После того как я сожгу пару кишлаков, они перестанут стрелять»¹. В итоге Российский парламент предъявил Дудаеву ультиматум; 8 ноября Ельцин, по совету Руцкого, объявил в Чечне чрезвычайное положение и приказал арестовать Дудаева. Горбачев запретил войскам участвовать в этой операции. Но на него просто не обратили внимания. В Грозный, столицу Чечни, было послано 600 солдат российского Министерства внутренних дел. Однако спустя несколько дней они были вынуждены уйти, что называется, поджав хвост; возвращались на автобусах, без оружия, потому что их самолет был захвачен чеченцами. 11 ноября Российский парламент отменил указ Ельцина о чрезвычайном положении.

Руцкой часто презрительно отзывался о демократах, говоривших об использовании «политических методов» для разрешения чеченского кризиса. Это все равно, что приказать вообще ничего не делать, сказал он мне. Когда Ельцин издал свой указ, Дудаев имел под ружьем всего 150 человек. Месяц спустя у него было уже 35 тысяч. Сам Руцкой, заявил он, поступил бы с Дудаевым точно так же, как Запад поступил с Саддамом Хусейном.

Еще летом 1994 года Ельцин придерживался иного мнения: «Если бы мы применили против Чечни силу, весь

Кавказ погрузился бы в такой хаос и кровопролитие, что нас никто никогда бы не простил». Однако уже через четыре месяца русские вторглись в Чечню, что привело к катастрофическим последствиям, о которых говорил до этого сам Ельцин.

Тем временем Горбачев продолжал свои отчаянные усилия по сколачиванию Союзного договора. На совещаниях, которые следовали одно за другим в Москве, Алма-Ате, в дискредитированном Советском парламенте, предлагались на утверждение проекты экономических соглашений, общих фискальных систем, единого военного командования. Но все эти совещания всякий раз бойкотировали одна или несколько республик. Положение Ельцина становилось все более двусмысленным. Украинцы были преисполнены решимости неуклонно идти по пути достижения полной независимости. На встрече в Лейпциге в конце октября я сказал Дугласу Херду и министру иностранных дел Германии Гансу Дитриху Геншеру, что в лучшем случае нам можно надеяться лишь на сохранение не более чем «видимости» прежнего Союза.

Мои немецкие слушатели были не очень этим обрадованы, но сделали соответствующие выводы. В середине ноября Черняев и Палажченко, главный переводчик Горбачева, пожаловались мне, что немцы и американцы отказались от сохранения Союза и поощряют республики в их продвижении к отделению и независимости. Это серьезная ошибка. Союз еще можно сохранить, считал Черняев. Горбачев вновь пригрозил уйти в отставку, если другие республики не одобряют его идею конфедеративного государства, управляемого выборным президентом, а не просто каким-то координирующим механизмом. Угроза возымела действие. Впрочем, видимо, в последний раз. Если переговоры сейчас сорвутся, последствия могут быть ужасающими. Россия переживает скверный период. Лет через десять-двадцать она вновь утвердит себя как главная сила. Пока же у Ельцина нет иного выбора, как укрепить позиции Рос-

сии, если возникнет угроза. Если украинцы поведут себя слишком провокационно, сказал Черняев, Ельцину придется вмешаться, если понадобится, то и силой. Это не отвечает ничьим интересам. Палажченко и Черняев понимали, что Англия сейчас вынуждена считаться с реальным положением вещей. Но игра еще не окончена. Они призвали англичан употребить все свое влияние, чтобы предотвратить развал Союза. Я сказал им, что раньше мы считали, что наши интересы будут наилучшим образом защищены сохранением Союза. Теперь эта цель уже нереальна, и мы пересматриваем всю нашу политику.

Украина была ключом ко всему. Вся конструкция Союза без Украины лишалась какого бы то ни было смысла. Отношения между Россией и Украиной становились решающими для будущего развития событий в бывшем Советском Союзе. Никакие другие отношения (в том числе между Россией и Казахстаном) не имели такого значения. Люди на Западе не понимают, что это означает в эмоциональном плане, как для русской, так и для украинской стороны. Даже вполне здравомыслящие русские приходили в ярость, если кто-нибудь говорил, что Украина (от которой все они вели свою историю) может отойти и двигаться дальше в одиночку. Я сомневался, что русские легко смирятся с независимостью Украины, или что они понимают по-настоящему чувства украинцев. Их отношения были столь же взрывоопасны, как в Северной Ирландии, но последствия взрыва могли быть куда более серьезными. В любом случае наши практические возможности повлиять на исход событий были весьма ограничены. Нравилось нам это или нет, старый Союз не подавал уже никаких признаков жизни. «Видимость Союза», о которой я говорил в Лейпциге, еще могла возникнуть, однако этот вариант был маловероятен. Наши собственные интересы были двоякими. Мы хотели, чтобы составные части бывшего Союза выполняли международные обязательства; желательно было также разработать надежную систему контроля над вооруженными силами, особенно ядерными. Мы хотели устано-

вить выгодные отношения в области политики, экономики и безопасности с государствами-преемниками, из которых важнейшим была, конечно, Россия, вторым по важности — Украина, третьим — Казахстан, а все остальные от них отставали. Так что вопрос состоял не в том, признавать ли нам независимость Украины, а в том — когда и как. Нам необходимо всеми средствами развивать практические связи с Украиной. Но с официальным признанием спешить не следует, чтобы дать России время приспособиться к новым условиям.

Я изложил эти осторожные соображения в своем письме в Форин Оффис в середине ноября. Они были чрезмерно деликатными и непрактичными, и почти тотчас же опровергнуты ходом событий. И кроме того, пессимистичными. Несмотря на серьезные трения, имевшие место на протяжении последующих нескольких лет, украинцы и русские разрешали свои споры, в общем, разумно.

1 декабря подавляющее большинство украинцев проголосовало за независимость. Горбачев обратился по телевидению к республикам с отчаянным призывом подписать Союзный договор. Он предсказывал, что крушение Союза приведет к разрыву личных, экономических, научных и культурных связей. Вызовет этнические конфликты в Балтийских государствах, может привести к кровопролитию и войне. Даже уравновешенные русские, такие как Черняев и Собчак, были согласны с ним.

Однако последние иллюзии Горбачева скоро развеялись. 8 декабря мы устроили обед в честь Майкла Кейна, председателя фирмы «Букер», который находился в Москве с целью популяризации своего плана учреждения русской Букеровской премии. Русские гости представляли собой московский литературный истеблишмент. Когда они расходились, мы взглянули на телепринтер, работавший в передней. Пораженные, мы прочли, что Ельцин, Кравчук и их белорусский коллега, Шушкевич, тайно встретились в охотничьем домике в Беловежской Пуще, на границе с Польшей. Они объявили, что Советский Со-

юз «прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность» и заменяется «Содружеством Независимых Государств».

Новое соглашение, несмотря на сенсационный характер его появления, было естественным следствием процесса перехода власти от центра к республикам, происшедшего после августовского путча. Больше всего меня поразило то, что его положения (несмотря на употребленное мимоходом слово «Евразия») имели славянскую и европейскую ориентацию. Несмотря на свою тесную связь с Ельциным, Назарбаев, Президент Казахстана, в Беловежской Пуще не присутствовал. Последующая попытка Ельцина сделать вид, что посланное ему приглашение потеряла почта, была неубедительной. Руководящие учреждения нового Содружества должны были находиться в Минске. Это была самая западная точка, где можно было остановиться, не выходя окончательно за пределы бывшего Советского Союза. Все это никак не походило на «Союз Суверенных Государств», за который так страстно агитировали Горбачев и Черняев всего несколькими днями ранее.

Козырев пригласил западных послов для объяснений. Советский Союз, сказал он, распадался, и механизм принятия решений был сломан. «Положение стало невыносимым; оно даже угрожало целостности вооруженных сил» (угрожающая фраза, смысла которой он не объяснил). Поэтому славяне вынуждены были создать новое содружество, в котором не было места старому Союзу и его институтам. Для Горбачева будет подыскана почетная роль, если он уйдет без шума.

12 декабря Ельцин заявил в Российском парламенте, что ему давно уже было ясно, что Союз больше функционировать не в состоянии. После путча он переживал предсмертные судороги. О том, чтобы украинцы подписали Союзный договор, никогда речи не было, а без них никакой договор невозможен. Три республики решили действовать, чтобы предотвратить хаос. Новое Содружество возьмет на себя международные обязательства Советского

Союза, сохранит объединенное командование «общим военно-стратегическим пространством», будет сотрудничать в вопросах внешней политики. Будет существовать «общее экономическое пространство»: единая валюта, общая бюджетная политика и таможенный союз. Это была одна видимость. Никакого отношения к действительности она не имела: украинцы так же решительно как всегда были против всего, что походило на общие или наднациональные институты. Коммунист Бабурин, сторонник жесткого курса, саркастически заметил, что организаторы августовского путча хотели, по крайней мере, сохранить свою страну, организаторы же декабрьского путча ее разрушили.

Однако этот второй «путч» был уже необратим. Горбачев потребовал проведения всесоюзного референдума и говорил пламенные речи о русских меньшинствах в странах Балтии и на Украине в отчаянной попытке вернуть себе хоть какое-то влияние. Но Саша Мотов был в восторге. Наконец-то кто-то что-то делает — славяне объединились. А то, что граждан Центральной Азии бросили на произвол судьбы — ну и Бог с ними!

Крушение Советского Союза совпало с позорным концом карьеры Константина Демахина. Он никогда не пользовался популярностью ни у английских, ни у русских служащих посольства. Меня считали его покровителем, относящимся к нему некритически. Летом, когда мы были на отдыхе, он загнал «Роллс-ройс» в яму и сломал переднюю ось. Кроме того, он вернулся из отпуска, который проводил в Лондоне, с опозданием. После моего возвращения Дэвид Логан сказал мне, что я должен его уволить. Я вызвал его к себе и сказал, что в этот раз его не уволю, но предупредил администрацию посольства, что, если он совершит еще какой-нибудь проступок, они могут его уволить, не ставя меня об этом в известность. Он дулся несколько дней, пока возбужденная атмосфера путча не взбодрила его. Я подумал, что все еще может обойтись. Но в октябре «Литературная газета» опубликовала его интервью, в котором он

утверждал, что ушел из КГБ после того, как исполнял роль шпиона за семью последними английскими послами, включая меня. Мои коллеги в посольстве заявили мне, что уж на этот раз я непременно должен его уволить. На это я ответил, что вряд ли смогу его уволить только за то, что он ушел из КГБ, мне бы хотелось, чтобы остальные русские служащие поступили точно так же. А ему сказал, что играть в политические игры не входит в его обязанности. Он мог доставить мне крупные неприятности в Лондоне («что это за дипломат, за которым шпионит его собственный шофер?»). Мог бы, по крайней мере, предупредить меня, что такое интервью появится. Он невнятно ответил, что поступил так потому, что он «русский патриот». Я сказал, что он может продолжать работать у меня до моего отъезда из Москвы, но рекомендовать его моему преемнику я не смогу. Он совсем сник, у него произошел явный нервный срыв. Он ни с кем не хотел разговаривать. В свою очередь, русские служащие не желали разговаривать с ним, потому что его интервью нарушило неписанный закон молчания относительно КГБ, от соблюдения которого они все зависели. Водить машину он стал небритым, ездить с ним было опасно. Я послал его к врачу и дал ему двухнедельный отпуск. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, был инцидент в начале января, когда он чуть не переехал Жюли Белл. Он сам предложил уйти, и я принял его предложение. Он пришел попрощаться. В глазах его были слезы. Мы с Джилл чувствовали себя виноватыми, нам было почти так же грустно.

Потрясенные Беловежским соглашением, западные правительства были озабочены тем, чтобы не сделать какого-либо преждевременного шага. Джон Мэйджор послал Лена Эппларда, нового начальника политического отдела Форин Оффис, в короткое турне, поручив ему побывать в Москве, Киеве и Минске и узнать из «первых рук, что происходит в этой стране, а также получить заверения относительно защиты прав человека, по поводу ядерного оружия

и финансового долга». В пятницу 13 декабря мы с Эпплардом посетили Горбачева в его кабинете в Кремле. Это было последнее наше посещение. В комнате перед его кабинетом находился Губенко. Вид у него был веселый, но делать ему было явно нечего. У Горбачева в это время находились Александр Яковлев, Черняев и Палажченко. Горбачев был в прекрасной форме, загоревший, непринужденно многословный. Свою речь он начал с получасового самооправдания. Он всегда выступал за союзное государство, а не за союз государств. (Присущая Горбачеву неспособность отличать федерацию от конфедерации служила поводом для постоянных нападок на него со стороны Лукьянова.) Проблемы, которые сегодня наиболее беспокоят людей — контроль над вооруженными силами, гражданство, границы, — можно будет разрешить в рамках Союза. Именно об этом он сумел договориться в рамках новоогаревского процесса. Русские склонялись к заключению нового соглашения: Россия, по своим собственным причинам, нуждалась в Союзе в такой степени, что и остальные республики. Но украинцы со своим референдумом все испортили. И как только итоги голосования были обнародованы, Ельцин немедленно использовал изменившуюся ситуацию в собственных целях. Сам Горбачев — государственный деятель, а не какой-нибудь неопытный популист из тех, что ныне задают тон. (Их он назвал «разбойниками» и «мохнатыми мордами».) Но ему, увы, приходится считаться с реальностью и думать о долгосрочных последствиях. Беловежский процесс был большой ошибкой. Но повернуть его вспять уже невозможно. И поэтому задача Горбачева — гарантировать соблюдение Конституции и сдерживать радикалов. Ведь ему приходится помнить и об общеевропейских проблемах — ядерном оружии, меньшинствах в Югославии. Кравчук, например, не знает, что делать со своей новоиспеченной армией, и Горбачев отправил ему в Киев в помощь двух генералов. Что же касается Ельцина, то он признает, что в ближайшие десять лет Союз с большой вероятностью будет восстановлен.

Все это совершенно не походило на поведение политика, пребывающего на грани отставки. Напротив, Горбачев производил явное впечатление, что он по-прежнему играет первую роль. Но, слушая, как его руководитель строит воздушные замки, Яковлев делался все более мрачным. Черняев невозмутимо что-то записывал. Закончил Горбачев добрыми пожеланиями в адрес Мэйджора. Он был весьма любезен по отношению ко мне. Тони Бишоп, переводчик из МИДа, сопровождавший Эпплярда, заметил, что Горбачев определенно чувствовал себя среди старых друзей. Когда мы уходили, в приемной по-прежнему оставался Губенко. Отчуждение буквально висело в воздухе.

В Киеве украинцы все еще относились с большим подозрением к русским и были полны решимости не допустить, чтобы новое Содружество Независимых Государств превратилось в орудие русской имперской политики. Бывший оппозиционный политический деятель Павличко, который стал теперь председателем Комитета по иностранным делам, относился к Ельцину почти с такой же подозрительностью, как к Горбачеву. Что бы ни говорилось в Беловежском соглашении, Украина будет иметь собственную армию, собственные границы и свою собственную валюту. Она не заинтересована в Славянском союзе: Украина — часть Европы, и в этом вся суть. Присутствуя в январе 1990 года на обеде, устроенном в нашу честь Рухом, он с удовольствием вспоминал тост Уолдгрэйва «За украинскую независимость» и явно с меньшим удовольствием сравнения г-жи Тэтчер Украины с Калифорнией. Кравчук поддержал линию Павличко. Прошло более трехсот лет с тех пор, как Хмельницкий подчинил Украину власти царя. Империя больше не существует, Союз приказал долго жить. Новая Украина будет совершенно независимой. У нее будет своя собственная армия и собственная внешняя политика.

Минск, где я раньше не бывал, оказался гораздо более приятным городом, чем я ожидал. Улицы были чисты, хотя и в колдобинах, архитектура, хоть и сталинская, довольно сносная. Белоруссия пострадала от войны больше,

чем какая-либо другая советская республика. Треть ее населения, составлявшего девять миллионов, погибла. Единственное, что осталось от довоенного города, — это несколько восстановленных кварталов вдоль реки: мощенные булыжником мостовые, дома для интеллигенции и рестораны. Кроме того, Белоруссия больше всех пострадала от чернобыльской катастрофы: большая часть ее территории подверглась воздействию радиоактивных осадков и в двух областях сельскохозяйственные работы пришлось вообще прекратить.

На громадной площади перед массивным зданием парламента (самой большой и самой бесполезной площади в Европе, как заметил позднее весельчак г-н Шушкевич) унылая группа демонстрантов требовала отставки правительства. Министр иностранных дел Кравченко (или «Краученка», как он сам себя называл на белорусский манер) — человек с грустным лицом и слабо развитым чувством юмора, утверждал, что три президента, встретившиеся в Беловежской Пуще, и в мыслях не имели образоваться чисто славянский союз. Однако и он сам, и все те, с кем мы встречались, не были твердо уверены в том, что они хотят видеть в новом Содружестве азиатские республики. Чего «Краученка» действительно жаждал, это соединения с Европой, которая, судя по его выражению, вовсе не обязательно должна включать Россию. За обедом Кравченко привел несколько, по его словам, «малоизвестных фактов», долженствовавших продемонстрировать величие и непрерывность традиции белорусской истории, литературы и культуры. Провозгласив тост, мы выпили особенного белорусского бальзама, основу которого, сообщил он нам с мрачной улыбкой, словно посвящая в некую тайну, составлял пчелиный помет.

В первые месяцы 1992 года я вновь побывал в республиках, чтобы посмотреть, как они управляются со своей новой независимостью. В январе вместе с Дугласом Хердом я участвовал в переговорах с Назарбаевым в Ал-

ма-Ате. Назарбаев был все еще обижен тем, как три славянина обошли его при подписании своего соглашения в Беловежской Пуще; его также тревожили перспективы только что обретшего независимость Казахстана. Если новые республики не осуществят нынешний переход быстро и успешно, есть опасность «ужасной» беды. Существует широчайшее поле для поворота демократического движения вспять и установления наихудшего вида диктатуры. Однако он считал, что, в конце концов, члены бывшего Советского Союза, кроме Украины, вернутся к прежней форме федерации. Это было поразительное заявление в устах человека, активно занятого утверждением свободы своей страны. За обедом он стал мягче, в глазах его появился лукавый прищур и он проявил сдержанный юмор, говоря забавные вещи с совершенно серьезным лицом. Когда Херд порекомендовал ему пригласить г-жу Тэтчер к себе в качестве экономического советника, он ответил, что и так с трудом унимает своих уже имеющихся советников, которые слишком много говорят. Он заставил Херда разрезать традиционную голову овцы. Херд достойно выполнил эту неприятную обязанность и отдал одно ухо овцы своей жене, а другое — мне, так как (его заверил в этом Назарбаев) это гарантирует, что мы будем делать все, что он нам прикажет.

В марте я летал в Баку на британском правительственном самолете с Дугласом Хоггом, государственным министром Форин Оффис. Самолет был выкрашен в камуфляжные цвета, и я надеялся, что азербайджанцы не собьют его, решив, что их собираются бомбить армяне. Президент Муталибов только что ушел в отставку: бакинская толпа обвинила его в том, что он действовал недостаточно решительно после армянской расправы с азербайджанцами в Карабахе. Мы посетили моего старого друга, премьер-министра Гасанова, а также исполняющего обязанности президента Мамедова, который почти не мог говорить от переполнявших его чувств, произнося грозную историческую тираду против армян. Мы встретились также с представи-

телями некоммунистической оппозиции в парламенте, которые были более разумными и умеренными. Каждый из них относился с крайним подозрением к русским империалистическим заговорам. Все были поглощены Нагорным Карабахом. Атмосфера была совершенно иной, чем во время моего предыдущего визита. Армяне теперь одерживали победу за победой. Азербайджанцы уже более не задавали тон на переговорах. Однако они с беспокойством сознавали, что должны теперь вести переговоры с позиций слабости и что мировое общественное мнение не на их стороне. Даже оппозиция, по-видимому, понимала, что, если ход событий выйдет из-под контроля, это будет означать не только новое кровопролитие в Карабахе, но и серьезные беспорядки в Баку. Изгнание Муталибова могло быть только началом. Гасанов позвонил мне на следующий день рано утром, когда я слушал Би-би-си: армяне атаковали азербайджанский пограничный город Агдам, откуда азербайджанцы посылают все необходимое для своих войск в самом Нагорном Карабахе. Город в огне и завален трупами. Гасанов попросил меня взять с собой министра и посмотреть на все это своими глазами. Я отказался. Вместо этого я послал сотрудника политического отдела посольства Тима Барроу, который сопровождал нашу группу. Когда Тим в конце концов попал на место действия, он увидел одно горящее здание, один труп и массу людей, в панике бегущих из города. Гасанов был неверно информирован, впал в панику или, возможно, проверял, какое впечатление произведут подобные вести.

В Ереване нас поместили в правительственной гостинице. Она была роскошной и, пожалуй, менее вульгарной, чем обычно. В ней было страшно холодно. Азербайджанская блокада сократила поставки нефти и газа в Армению на 75 процентов, и почти все время, что мы там находились, мы не снимали свитеров. Я вручил свои верительные грамоты президенту Тер-Петросяну. Насколько мы могли судить, я был первым британским послом в Армении за 2000 лет, а то и больше. После этого Хогг провел с ним офици-

альную беседу. Тер-Петросян был серьезен, сосредоточен и готов принять идею переговоров по поводу Нагорного Карабаха. Эта готовность шестью годами позже стоила ему его должности. Члены парламента, с которыми мы встретились после этого, были настроены менее здраво, особенно когда Хогг сказал им, что шансов на независимость у Нагорного Карабаха нет. Мое возвращение в Москву из Еревана было русским — или, скорее, чисто армянским приключением. Когда мне предложили сесть в самолет, громадный Ил-86, его еще разгружали после рейса из Москвы. Механики и другой персонал с озабоченным видом осматривали передние колеса. Я вместе с тремястами других пассажиров стоял на жгучем морозе, дожидаясь разрешения войти в самолет. Пригнали милицию — следить за соблюдением порядка. Примерно через полчаса терпение мое лопнуло, и я ринулся внутрь самолета. Следом за мной толпой ринулись остальные. Мы стали ждать. Прошел час, потом второй. Армянские пассажиры разложили огромное количество еды и принялись выпивать, чтобы скоротать время. Потом командир экипажа, крупный армянин с очень мрачным выражением лица, сообщил, что колеса заменили, но механики не могут убрать домкрат. Поэтому не могут ли все пассажиры мужского пола переместиться в заднюю часть самолета, чтобы сдвинуть его. Все мужчины перешли, маневр удался, домкрат был вытащен, самолет двинулся вперед, и мы с трехчасовым опозданием взлетели.

В конце апреля 1992 года я посетил Шеварднадзе, будущего Президента Грузии. Весна нагрянула с неожиданной силой, все цвело, и Тбилиси был необычайно красив. Однако примерно на протяжении километра проспект Руставели, главная улица города, походил на Дрезден в 1945 году: голые выгоревшие остовы зданий, все стены изрешечены пулями. Зрелище было гораздо более страшным, чем я ожидал. Оно свидетельствовало о крайней жестокости гражданской войны, вспыхнувшей здесь в прошлом году. Кабинет Шеварднадзе помещался в здании Государствен-

ного совета — прежде здесь находился Институт марксизма-ленинизма. Несмотря на вполне реальные трудности, стоящие перед ним, Шеварднадзе выглядел гораздо более веселым, чем в месяцы после своей отставки. Очевидно, он чувствовал, что снова занимается настоящим делом.

На моем обратном пути в резиденцию улицы были очищены, и меня сопровождал эскорт, состоявший из пяти мотоциклистов. Милиционеры в нарядной форме на каждом углу отдавали честь. Адъютант Шеварднадзе объяснил мне, что президент отдал специальный приказ о том, чтобы мое пребывание было обставлено с особой торжественностью, чтобы показать народу, что он еще в состоянии получать поддержку из-за границы. Без сомнения, он также предпочитал избегать политических осложнений, которые возникли бы, если бы один из первых послов в Грузию от крупной державы был убит на улицах его столицы.

Чета Шеварднадзе пригласила нас вечером на ужин. Когда мы прибыли в его старомодную резиденцию, надежно расположенную в том же самом охраняемом месте, где мы остановились, Шеварднадзе был явно в плохом настроении. Оказалось, что премьер-министр Сигуа и министр обороны Китовани не явились. За столом настроение его улучшилось. Он вспоминал о событиях последних пяти лет: о фиаско, которое потерпело на саммите в Рейкьявике предложение о запрещении ядерного оружия, когда он боялся, что на заключительной конференции Горбачев «даст отбой», а Горбачев боялся, что не сможет совладать с собой; о днях путча, когда его жена Нанули упаковала мешок с теплыми вещами на случай своего ареста; о скучных часах, которые он провел, имея дело с Рейганом, который читал по готовым бумажкам и не интересовался, что ему говорят в ответ; о веселых часах, которые он проводил с тем же Рейганом во время ланча, когда с делами было покончено, слушая рейгановские анекдоты, на которые тот был неистощим. Тосты следовали один за другим, и Шеварднадзе взбодрился. В тот

самый момент, когда мы собрались отправиться в аэропорт, появились, наконец, Сигуа и Китовани. Сигуа, высокий, аккуратно одетый человек с подстриженными усиками и интеллигентными манерами, говорил округлыми фразами. Китовани был маленьким, походил не на военного, а на художника — совсем неподходящий человек для того, чтобы повести национальную гвардию в горы, бросив вызов Гамсахурдиа, как он это сделал во время августовского путча, или чтобы участвовать в разрушении центра Тбилиси, как он это сделал в декабре. Он говорил так, что его почти невозможно было понять. Я решил, что он сильно выпил. Последовали новые тосты. Шеварднадзе крепко меня обнял, и мы отправились в аэропорт с 45-минутным опозданием.

Юристы Форин Оффис запрещали сменявшим друг друга английским послам посещать Балтийские государства, чтобы не создалось впечатления, будто мы одобряем советскую оккупацию. Но в апреле 1992 года мы посетили независимую Латвию и остановились в Риге у нашего старого друга Ричарда Самюэля — британского посла, занимавшего этот пост впервые после более чем пятидесятилетнего перерыва. Его посольской резиденцией служил отель «Рига», где он, его жена, два грудных ребенка, английская няня и собака занимали два небольших номера. Для меня это была первая поездка на Балтику с 60-х годов. В старом центре города еще стояли баррикады, куски бетона, скрепленные цементом и перегораживавшие узкие средневековые улицы, — более солидный барьер, чем хлипкие нагромождения всякой всячины, окружавшие Белый дом во время августовского путча. Хотя я приехал не по официальному поводу, я посетил министра иностранных дел Юрканса. Высокий красивый человек сорока с лишним лет, профессор и преподаватель английского языка в университете, он принял нас в большой вилле XIX века, где располагалось в данный момент его министерство. Секретарь быстро что-то записывал. Во время нашего разговора ему позвонили по сотовому

телефону, каких в Москве еще не было, — особый признак современности.

Юрканс не согласился со мной, что русские утратили свои имперские устремления. На недавнем совещании Собчак разносил его два часа, если не дольше. Шелов-Коведяев, заместитель российского министра иностранных дел, протеже Галины Старовойтовой, числившийся либералом, повторил абсурдное заявление о том, что прибалты будто бы добровольно вошли в Советский Союз в 1940 году. В Латвии до сих пор находится около ста тысяч русских солдат, и русские не выражают ни малейшей готовности вступить в переговоры об их выводе. Впрочем, Юрканс почти столь же критически отзывался о собственных националистах. Латыши относятся к русским как к оккупантам и всячески унижают их на улицах. Предложенный закон о латвийском гражданстве носит дискриминационный характер. Латышские националисты вновь претендуют на территорию, которая является теперь русской. Они считают, что международное право и мораль на их стороне и что Запад оградит их от последствий их непокорности. Я сказал, что Запад вряд ли сделает что-либо подобное. Юрканс печально согласился. Его соотечественники не приемлют его рассуждения о том, что Латвии придется приспособливаться к действительности и что она обречена поддерживать добрые отношения со своим очень большим соседом.

Обратно в Москву мы ехали через Эстонию. Границу между Латвией и Эстонией ретиво охраняли неопытные молодые чиновники обеих стран в новехонькой форме — этим утверждался государственный статус. На границе между Эстонией и Россией, в Нарве, две крепости грозно смотрят друг на друга: старая шведская на одной стороне реки и Ивангород — на другой. Эстонские пограничники были невероятно серьезны: два юнца потратили десять минут на разглядывание наших паспортов. На русской стороне границы никого не было. Но мы сразу же поняли, что снова дома: дороги были полностью негодными, и количество мусора увеличилось.

Одним из крупнейших достижений коммунистического режима было превращение Советского Союза из страны безграмотных крестьян в государство, обладающее наиболее высоким уровнем технического образования в мире. Блестящие способности и инициатива русских людей подавлялись политическим режимом. Во второй половине XX века Советский Союз уже успешно бросил вызов Америке в самых передовых областях современной военной техники. Советы создали собственное ядерное оружие, в 50-х годах построили лучший в мире самолет-истребитель, самые мощные ракеты и самые лучшие танки. Они запустили первый спутник и отправили первого человека в космос. Все это породило всплеск непривычной самоуверенности, убеждение в том, что русские, что ни говори, способны на равных состязаться с иностранцами. В 50-х, 60-х и даже в 70-х годах в Советском Союзе было мало людей, портивших общую радость сомнениями в том, что в основе этих достижений лежит беспощадное обкрадывание гражданского сектора, и что долго эти достижения сохранить не удастся. Мифическое «армянское радио», неистощимый источник советских политических анекдотов, было мудрее. Вопрос: «В чем основное различие между долларом и рублем?». Ответ: «Доллар подкреплен золотом, а рубль — танками». Однако большинство русских испытывало гордость за технические достижения своей страны при советском строе.

Но в 80-х годах стало до боли ясно, что советская система более не в состоянии поддерживать прежние достижения. Мы получили живое представление о технических трудностях Советского Союза, когда первый английский космонавт, Элен Шарман, в 1991 году приехала в Москву, чтобы пройти обучение на советском космическом корабле. Мы посетили ее в Звездном городке, расположенном в лесу, примерно в 45 минутах езды на машине от центра Москвы, где осуществлялась советская программа пилотируемых космических полетов. Мы поднялись в тесный макет запускаемого модуля, а затем в уди-

вивший нас своей просторностью космический корабль «Мир» — прочные советские инженерные сооружения, не требующие особенно сложного ухода, вроде танка Т-34. Нас повел по кораблю генерал Леонов, первый человек, вышедший в открытый космос и увлеченный художник-любитель. Довольно подробно и бестактно, в присутствии Элен, он рассказал нам, что происходит с человеческим телом в случае внезапной декомпрессии (когда каждая клетка организма взрывается, и тело испаряется). Полковник Титов, первый человек, проведенный в космосе более года, хотел, по его словам, снова полететь, хотя выглядел при этом абсолютно в своем уме.

Звездный городок все годы был закрыт для иностранцев, как, впрочем, и для большинства советских граждан. Теперь внешние беды Советов отразились даже на этом защищенном пространстве. В городке жили четыре тысячи человек. Магазины были дифференцированы соответственно рангу: один для космонавтов, другой — для обучающихся, третий — для членов семей погибших космонавтов, и еще один — для всех остальных. Даже в элитных магазинах выбор товаров был весьма ограничен. В отделе скобяных товаров, заполненном пластиковыми пакетами со стиральным порошком, который найти в Москве к тому времени было почти невозможно, Джилл купила какое-то древнее устройство, по-видимому, предназначенное для посадки семян томатов. Космонавты были самыми привилегированными людьми в Советском Союзе, но даже они ощущали дефицит товаров. Та же атмосфера ветхой претенциозности на аристократичность лежала на стартовом комплексе в Байконуре в Казахстане. 18 мая 1991 года мы полетели туда с родителями Элен, чтобы присутствовать при запуске. В аэропорту нас встретил генерал Шумилин, проработавший на Байконуре тридцать лет. Дорога от аэропорта была безжизненной: сплошной песок, кустарник. Температура здесь колебалась от 30 градусов мороза зимой до 45 градусов тепла в тени летом. Через грунт наружу проступала соль: как нам объяснил Шу-

милины, это было результатом поворота течения Сырдарьи для орошения хлопковых полей в Средней Азии. Город Ленинск, где жили люди, работавшие на космодроме, был окружен стеной неприглядных бетонных плит. Возле охранного поста у ворот никого не было, и значительная часть стены явно рушилась — возможно, это было своего рода символом свободы, принесенной перестройкой. В центре города находился тщательно поливаемый цветник и памятник тем, кто погиб здесь при взрыве ракеты на стартовой площадке в 1961 году (Шумилин сказал, их было 58, но некоторые утверждали, что не менее шестисот), включая маршала Неделина, который отдал приказ о запуске мощной ракеты прежде, чем она была готова к пуску.

На стартовом комплексе царило возбуждение: толпы народа, поп-музыка, повсюду девушки, дети и генералы. Все было почти по-американски, но не совсем. Платформа для зрителей и окружающие ее сооружения были типично русскими — обветшалые деревянные строения, похожие на трибуну на бегах в маленьком провинциальном городке. Нас ввели в комнату, где Элен и двое ее русских коллег надевали на себя скафандры. Они были отделены стеклянной перегородкой, которая должна была защищать их от инфекции. Мы помахали руками, сделали еще какие-то приветственные жесты. Три космонавта вышли на миниатюрное парадное поле, вытянулись по стойке смирно перед генерал-полковником Ивановым, председателем Государственной комиссии, и доложили, что готовы к полету. Всех нас, остальных, оттеснили за перегородку. Однако когда космонавты направились к издавашему виды школьному автобусу, который должен был доставить их на место старта, все мы бросились, чтобы поцеловать их, пожать им руки и пожелать удачи. Они укатили вместе с нашими микробами.

Сама ракета находилась примерно в двух километрах от нас; она сияла одиноко на пустыре и тихонько выпускала пар. На экранах телевизоров мы могли видеть Элен, счастливо улыбающуюся со своего места в капсуле.

Затем начался обратный отсчет, раздалась команда «пуск», появилось оранжево-серебряное пламя, раздался грозный, сотрясающий землю рев — не шум, а физическое и эмоциональное ощущение грандиозной мощи. Ракета плавно скрылась в облаках. Экраны телевизоров погасли. Когда через несколько минут они вновь загорелись, и мы увидели, что Элен на месте, все облегченно вздохнули. Шумилин крепко обнял г-жу Шарман, и дело закончилось шумным обедом.

После этого мы отправились осматривать домик, где Гагарин провел ночь перед своим эпохальным полетом, и стоявший рядом домик, где жил Королев, Главный конструктор и отец советской ракетной науки. Никто при этом даже не упомянул, что старшие коллеги Королева были расстреляны и что его самого пришлось вызволять из лагеря после войны, когда Сталин начал ощущать нехватку немецких специалистов по ракетам.

Русские несколько лет трудились над «Бураном», советским космическим челноком, который не уступал американскому. Руководивший этой работой генерал был, пожалуй, самым несчастным и нервным человеком из всех, с кем мы встретились в тот день. Он отказался говорить, сколько строится челноков, когда состоится следующий запуск и какой груз может поднять этот космический корабль. По-видимому, он все еще пытался сохранять какие-то технические тайны даже в эпоху гласности. Более вероятно, однако, он страдал от неизлечимой депрессии. Он наверняка знал, что «Буран» никогда больше не полетит, что деньги окончательно иссякли и что славные дни советской космической эры миновали. Это не было концом советской космической программы. Станция «Мир» была запущена на орбиту в 1987 году. Десять лет спустя она все еще оставалась на орбите после установленного конструкторами срока. В 1997 году с ней произошел ряд неприятных инцидентов, породивших невыгодные сравнения советской космической программы с американской. Но и у американцев случались катастрофы:

«Аполлон-13» и взрыв «Челленджера». Даже самая тщательно продуманная программа не застрахована от человеческой ошибки и капризов судьбы, так что русские были вправе гордиться своими достижениями.

Однако теперь «Буря» стоял, огромный и неподвижный, на пустыре, — грустный символ конца русской мечты о превосходстве.

Итак, Советский Союз в конце концов распался. Его последние дни пролетели, словно в каком-то вихре. 16 декабря 1991 года Гавриил Попов ушел с поста мэра Москвы и был сменен гораздо более умелым Юрием Лужковым. В тот же день телевидение показало начало переговоров между Ельциным и Бейкером. Они длились четыре часа и проходили в Екатерининском зале Кремля, где Горбачев встречался со многими своими иностранными друзьями. Из вежливости Бейкер нанес визит также Горбачеву; однако разговора не получилось, ибо говорить, по существу, было не о чем. Вряд ли что-либо могло быть более символичным, так как было ясно, на чьей стороне теперь власть.

К этому времени Горбачев уже смирился с реальностью. 23 декабря на шестичасовом совещании они с Ельциным договорились о практических деталях его ухода — о пенсии, машине, даче, личной охране. Но Горбачев, видимо, не понимал, как впоследствии сказал мне Козырев, что если он уйдет «элегантно» и в течение нескольких месяцев не будет поднимать шума, он вернет себе заслуженное уважение русского народа. Вместо этого его реакция была «нездоровой», он спорил по поводу каждой ничтожной детали. К тому времени я уже набросал текст телеграммы, которую собирался послать после ухода Горбачева, — текст, который я мысленно составлял уже более года.

Финал наступил 25 декабря, в день Рождества. В 7 часов вечера Горбачев выступил по телевидению с речью о своей отставке. Она была достойной, такой как положено — не более того. Он сообщил зрителям о том, что знал с первых дней пребывания на своем посту, что старую систе-

му необходимо менять сверху донизу. Несмотря на трудности, он ввел демократические свободы и произвел экономическую реформу. Он гордится своими достижениями. Страна переживает ныне кризис потому, что бюрократия сопротивлялась переменам. Он сделал все, что мог, для сохранения Союза. Он не согласен с его роспуском. Создание Содружества Независимых Государств, решение о котором следовало бы предоставить народу, не изменило его взглядов. Однако он будет делать все, что в его силах, чтобы содействовать успеху новой организации. Он желает народу всяческих благ. О Ельцине он вообще не упомянул. Сразу же после того, как он закончил говорить, мы посмотрели в окно. В этот момент над Кремлем спускали красный флаг.

В апреле 1992 года, перед самым нашим отъездом, Горбачев с женой пришли к нам на частный обед. Они хотели быть одни, и мы никого больше не пригласили. Он был в отличной форме, очень говорлив. Она была менее чопорной, чем обычно — раскованной, разговорчивой и не пытавшейся ни на кого произвести впечатление. Они обращались друг к другу довольно официально: «Михаил Сергеевич» и «Раиса Максимовна», как если бы уже были историческими фигурами, каковыми они, впрочем, были и в самом деле. Раиса спросила, пригласили ли мы переводчика. Я сказал, что наш русский язык позволяет объясняться без переводчика. Тут вышла наша дочь Кэйт, и я перевел что-то неправильно. «Михаил Сергеевич, я вам говорила, что нужно захватить переводчика», — заволновалась Раиса. После этого мы уселись вчетвером, уютно разместившись на диване и двух креслах в Синей комнате.

Горбачев уже воображал свое возвращение на международную арену и был явно возбужден. Они только что вернулись с Раисой из поездки в Токио и через пару дней уезжали в Америку, где он должен был выступить в Фултоне. Накануне он впервые прочел полный текст речи, которую Черчилль произнес там более сорока лет назад, речь о «Железном занавесе», которая, по утвержде-

нию русских, положила начало «холодной войне». По словам же Горбачева, доводы Черчилля были гораздо более тонкими и менее враждебными по отношению к России.

Горбачев заявил, что его двумя крупнейшими достижениями было прекращение «холодной войны» и то, что он дал простым людям в России возможность самим определять свою судьбу. Он защищался от всеобщих обвинений в нерешительности, которая будто бы лежала в основе его неудач. Бессознательно повторив слова Хиллара Беллока («Поступи решительно в час нужды, // Прослышешь героем. Победы лишь не жди...»), он сказал, что ошибочная решительность во время столь глубоких перемен привела бы к кровопролитию. И грустно напомнил, что первым главным министром царя Александра I был либеральный реформатор Сперанский, а последним — военный деспот Аракчеев. Русская реформа — вещь нелегкая и ненадежная. Я попытался его утешить. Мы на Западе знаем, что это он освободил всех нас от страха атомного уничтожения, и знаем о фундаментальных переменах, которые он произвел в самом характере русской истории. Ведь даже Моисею не удалось привести свой народ в страну обетованную. На что Раиса язвительно заметила, что после сорока лет скитаний по пустыне израильтяне выступили против Моисея и заявили, что лучше бы им было вообще не уходить из Египта.

Горбачев теперь ежедневно по два-три часа диктовал свои мемуары. Он рассказывал нам о войне и вспоминал, как русская армия в полном беспорядке отступала от Ростова, оставив его родную деревню в руках немецких оккупантов. Его отца послали безоружным в первую рукопашную схватку. У него и его товарищей была одна винтовка на двоих. Раиса вспоминала о том, как ее отцу обрили голову, напялили на него военную форму и тоже послали на фронт. Его отозвали обратно почти сразу же. Он был профессиональным железнодорожником, поэтому его послали прокладывать железную дорогу через тайгу и с помощью немецких военнопленных перевозить заводы, эвакуи-

рованные из Западной России и Украины. Жизнь была очень трудной. Люди питались в основном ягодами и грибами. Она видела, как они пухли и умирали от голода. Первыми не выдерживали немецкие военнопленные. Когда в 60-х годах она писала свою кандидатскую диссертацию по социологии, она объезжала деревни Ставропольского края на мотоцикле, и оказалось, что в каждом четвертом доме остались только женщины, мужчины погибли во время войны.

Раиса рассказала нам, как было в Форосе во время путча. Горбачев понял, что что-то не так, как только узнал, что какая-то непрошенная делегация требует встречи с ним. Когда он обнаружил, что их телефоны отключены, он сказал Раисе, что надо ждать самого худшего. Он продержал своих визитеров в ожидании минут пятьдесят, а она тем временем провела семейный совет с дочерью и зятем. Она боялась, что, если что-то случится с Горбачевым, остальные члены семьи тоже могут быть уничтожены. Тем не менее, все они были согласны с тем, что у него нет иного выбора, как отвергнуть любые требования «гостей». Затем он вместе с ними направился в свой кабинет, а она и другие члены семьи сели перед дверью ждать исхода. Первым появился Варенников; он прошагал мимо, даже не взглянув на нее. Другие подошли и протянули руки для рукопожатия, но она отказалась с ними здороваться. Все это время она пребывала в ужасе, что, впрочем, неудивительно.

Я в свою очередь рассказал о фильме Би-би-си, посвященном путчу; в одном из его сюжетов было показано, как КГБ подслушивает разговоры Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Раиса с горечью сказала: «Они семьдесят лет нас подслушивали и подслушивают до сих пор».

Оба резко отзывались о Ельцине, о его намеренном унижении Горбачева в Российском парламенте 25 августа, о том, как их выставили из официальной квартиры, как только Горбачев отказался от поста президента; и о том, как наиболее преданных ему членов личной охраны понизили в должности или вообще перевели на другую работу

(Король Лир?). Горбачев сказал, что он твердо решил по государственным соображениям избегать публичных обвинений. Однако было очевидно, это стоило ему больших усилий.

Люда и Марина, подавая обед, прислушивались к разговору самым внимательным образом. Раиса не могла поверить в то, что они русские. Горбачев рассмеялся: вопрос о домашнем штате слуг в посольствах — штука сложная. Он снова рассмеялся, когда я напомнил ему, что в мае 1989 года, когда наши страны изгоняли «шпионов», у нас с ним были неприятности как раз на этой почве. Потом Люда и Марина рассказали нам, как они были рады возможности встретиться с Горбачевым. Ведь как никак именно он дал им свободу говорить и путешествовать.

Тем не менее, соотечественники Горбачева сильно не любили, а во многих случаях и презирали еще в то время, когда он находился у власти, и позже. Реакционеры считали его предателем и обвиняли в том, что он разрушил сталинскую империю в Восточной Европе, вызвал крушение коммунистической партии и развал Советского Союза. Радикальные либералы — в том, что он так и остался не перестроившимся коммунистом. Те же, что занимали среднюю позицию, говорили, что у него никогда не было жизнеспособной стратегии и в конце не хватило мужества ни для того, чтобы осуществить решительную реформу экономики, ни для того, чтобы противостоять сторонникам жесткого курса в партии, армии и КГБ. Простые люди ругали его за крах экономической системы и бедность, хотя было очевидно, что все это началось и существовало до его прихода к власти.

Горбачев, безусловно, помог России начать глубокий исторический переход. Он порвал с дискредитированной советской системой и сделал первые шаги к превращению ее в нечто более демократичное и более действенное. Он проявил ряд важнейших инициатив, положивших конец «холодной войне». Другое советское руководство на его месте могло попытаться противостоять натиску исто-

рии, и это сделало бы задачу гораздо более трудной, более кровопролитной и опасной для всех нас. Так что у соотечественников Горбачева большой долг перед ним, хотя они и не желают этого признавать. Утрата империи была болезненным процессом, но не столь болезненным по своим последствиям, как ее возможное участие в ядерной войне.

Конечно, Горбачев совершал ошибки. Он прекрасно знал, что произошло с Хрущевым, гораздо менее радикальным реформатором. Он опасался, и как выяснилось, справедливо, что он тоже может проснуться однажды и узнать, что заболел, потерял свою должность, и превратиться в ничто. Поэтому он нырял, увиливал, утаивал часть правды, уговаривал, стращал и увещевал. Он шел на предельно допустимый компромисс с людьми, которые располагали оружием и прослушивали телефоны. Но весной 1991 года свернул с кровавой дороги, на которую его толкали реакционеры. Когда они попытались утвердить свою власть в августе, они потерпели неудачу. Это Горбачев дал возможность простым людям, а также лидерам — в городах, в армии и в самом КГБ — самостоятельно размышлять о политике. Та машина, на которую полагались заговорщики, перестала им подчиняться. С этого момента историческая роль Горбачева была выполнена, и повести Россию дальше, к новому этапу предстояло его преемнику.

Если бы Горбачев тогда устранился от общественной жизни, как это сделал де Голль в 1956 году, он мог бы сохранить уважение народа как заслуженный государственный деятель. Увы, он не умел и не мог молчать.

Всякий раз, когда он выступал публично, он невольно напоминал своим слушателям, почему он так им надоед. Последним его унижением была отважная, но провальная президентская кампания 1996 года, когда он получил менее одного процента голосов. Смерть Раисы Максимовны в 1999 году была для него личной катастрофой. Но, по иронии судьбы, она явилась поворотным пунктом в отноше-

нии к нему общественности, ибо простые русские сочувствовали его горю. Его семидесятилетие в начале марта 2001 года было широко и тепло отмечено в центральной печати и на телевидении. Его прежний соперник, Ельцин, отметил свое семидесятилетие месяцем раньше, больной, снова в больнице, одинокий, — почти никем не признаваемая личность из прошлого. Горбачев же остался прежним — обаятельным, говорливым, чуждым всякой напыщенности. Он произносил речи и танцевал далеко за полночь на своем дне рождения в московской гостинице, окруженный соратниками времен перестройки, друзьями, дочерью и двумя внучками. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС был не только крупной исторической фигурой, он по-настоящему симпатичный человек.

Споры по поводу экономики

В капиталистическом обществе разнообразие, качество и объем продукции определяются рынком. Не можем ли и мы использовать это орудие в нашей социалистической экономике?

Письмо читателя в газету «Правда»,
23 августа 1964

Первая неделя января 1992 года была страшно холодной. Государственный министр по вопросам развития заморских территорий Линда Чокер прибыла в Санкт-Петербург проверить, как доставляется британская экстренная помощь. Осмотрев партию британского зерна в доках, мы заглянули в один современный супермаркет на окраине города; приятное, чистое, сравнительно неплохо построенное здание. Длинная очередь — в основном, конечно, женщины — стояла снаружи на 12-градусном морозе и пронизывающем ветру. Г-жа Чокер сообщила, кто она и зачем здесь. Одна женщина тут же на нее накинулась: никакая иностранная помощь до простых людей не доходит, ее всю захватывают и перепродают мошенники. Очередь поддержала ее. Но одна пожилая женщина, дружелюбная и по-матерински ласковая, сказала, что толпа преувеличивает, не все в России мошенники. Никого конкретно винить нельзя. Гуманитарная помощь — вещь, конечно, хорошая, но это лишь временное решение вопроса. Она рассказала мне свою историю. Она выросла в Пскове, во время оккупации. Когда немцы начали отступать, они согнали всех молодых мужчин рыть противотанковые рвы. Мать спрятала ее брата в амбаре и послала вместо него ее. Она провела полгода в немецком лагере. Ей было в то время 12 лет. Теперь единственное, чего она хочет, так это мира и покоя. Я неловко ее обнял и пожелал всего самого хорошего.

Внутри магазина полки были пусты. Одна девушка пыталась продать еще одной длинной очереди положенное по талонам растительное масло. Хотя она не справлялась, остальные продавцы стояли рядом и ничего не делали. Коренастый пожилой мужчина подошел к нам и агрессивным тоном заявил, что Горбачев, Ельцин и Собчак предали народ. В брежневские времена положение было лучше. Все это — дело рук жидов, собирающихся захватить весь мир. Стране нужен такой человек как Жириновский. Две женщины спросили, не можем ли мы уговорить управляющую открыть еще две-три торговые точки. Управляющая, взволнованная женщина лет тридцати, разволновалась еще больше, очевидно, ожидая скандала. Я вывел г-жу Чокер из магазина.

Каким образом советская экономика дошла до такого состояния? Ведь еще сравнительно недавно буквально все, кроме самых закоренелых скептиков, считали, что это вторая по мощи экономика в мире, и связывали ее успехи с преимуществами социалистической системы. Неру, Нкрума и другие лидеры «третьего мира», присматриваясь к западному капитализму и к тем провалам, которые он потерпел в период между двумя мировыми войнами, пришли к выводу, что советская экономическая модель, прежде всего, организуемая государством индустриализация — ключ к развитию их отсталых стран. А в 70-е годы, когда капиталистические страны Запада шатались под тяжестью нефтяного кризиса, и в этих странах, несмотря на блестящие достижения предшествующих десятилетий, начинали верить советским утверждениям, что коммунистической системе в конечном итоге суждено победить, как предсказал Маркс.

Между тем даже в 1961 году, когда Нкрума совершал свой первый визит в Советский Союз, советская экономика переживала уже серьезный кризис. Экономическая система Сталина была грубой, но, если не иметь в виду, во что она обходилась по числу человеческих жизней, довольно

действенной для страны, переживавшей начальную стадию индустриализации. Плановики, устанавливая высшие показатели для наиболее важных ресурсов — стали, угля, электроэнергии, распределяли затем продукцию между различными отраслями промышленности, производившими танки, тракторы и прочее. Предприятиям «спускали» при этом сверху планы, составленные на основе принципа «от достигнутого уровня», то есть попросту добавляя определенный процент к показателям плана предыдущего года. Директоров предприятий побуждали выполнять установленные для них нормативы с помощью кнута и пряника, включая и смертную казнь за «вредительство». Эффективность, собственно говоря, и достигалась главным образом за счет страха и жестокости наказаний за невыполнение плана. Когда же впоследствии, уже при Хрущеве, расстреливать за это перестали, система начала давать особо заметные сбои. Но частное предпринимательство не допускалось в принципе, его расценивали как «спекуляцию». Цены удерживались на определенном уровне административными методами. В течение десятилетий советская экономика (если судить по цифрам производства угля, железа, стали и так далее) росла, возможно, быстрее, чем любая другая, хотя ни одна плановая «пятилетка» не была выполнена (что тщательно скрывалось). Индустриализация стала возможной благодаря ограблению крестьянства, она и финансировалась главным образом за счет него. Советская «сельскохозяйственная революция» оказалась кровавой и неудачной с самого начала. Однако до сих пор находятся люди, утверждающие, что поставленная цель оправдывала исключительно жесткие средства, применявшиеся для ее достижения.

Система добилась действительно значительных результатов, хотя и не столь ошеломительных, как это утверждали ее апологеты. В 1987 году журнал «Новый мир» опубликовал статью Ханина и Селюнина, в которой говорилось, что с 1928 по 1986 год советская экономика выросла всего лишь в 6–7, а не в 90 раз, как это утверждала официальная

статистика¹. Системе удалось создать военную технику, позволившую одержать верх над немцами и какое-то время состязаться с американцами. Однако она не была экономической системой в нормальном смысле слова. Советские «деньги» были не настоящие, а всего лишь расчетные единицы. В местном музее в Мурманске собрана коллекция русских банкнот, которая отражает историю России. В нем хранятся царские банкноты и боны, начиная с эпохи Петра I, а также «деньги», выпускавшиеся бесчисленными воюющими друг с другом группировками периода Гражданской войны, банкноты белогвардейцев с изображением коронованного двуглавого орла — такие выпускались до расстрела царя, а после его расстрела — с изображением некоронованного орла; банкноты, выпущенные британскими интервентами в 1919 году; банкнота достоинством 1 миллиард рублей периода военного коммунизма, другая — того же достоинства, напечатанная в 1920 году Арменией, ставшей на короткий срок независимой; одна банкнота Бухарского эмирата с надписями на арабском языке, и одна, выпущенная тайной полицией для концентрационных лагерей. Директор музея — энтузиаст своего дела сказал мне, что когда Сталин предпринял свою насильственную революцию в промышленности и сельском хозяйстве, советские банкноты уже не имели банковского обеспечения; это были «политические» векселя, а не экономические. Поэтому, когда немцы попытались подорвать советскую экономику, наводнив страну фальшивыми деньгами, их расчет не оправдался. Рубль и без того ничего не значил.

Так же, как советские деньги не были деньгами, советские банки не были банками. Они служили государству просто счетными конторами. Они взимали смехотворный процент, и их «кредиты» промышленности далеко не всегда возвращались. Добиться поразительных успехов в космосе, а также в передовых областях военной технологии помогали капиталовложения в подготовку, прежде всего, научных и технических кадров и использование ресурсов на чрезвычайно затратные программы, которым

отдавался приоритет. По осторожным подсчетам, к концу существования Советского Союза более 30 процентов всей его экономической деятельности было прямо или косвенно направлено на оборону. Некоторые уважаемые русские экономисты позднее называли другую цифру — 50 процентов, а то и больше².

К началу 60-х годов советские руководители знали, что экономика находится в состоянии застоя. Масштабные, отражающие амбиции правительства, стройки, требовавшие громадных капиталовложений, годами, а иногда даже десятилетиями, оставались незавершенными. Убогие товары, которые даже многострадальный советский потребитель отказывался покупать, залеживались на складах. Сельское хозяйство охватывал один кризис за другим. Скрытая безработица возрастала. Передовые технологии, созданные блестящими учеными и техниками, современнейшие конструкторские разработки пылились на чертежных досках, в секретных сейфах, потому что не существовало реального механизма внедрения их в производство.

Официальная статистика утверждала, что рост экономики продолжается, хотя темпы ее развития замедлились. В 1964 году молодой экономист из Новосибирска Абел Аганбегян сообщил своим коллегам, что официальные цифры не соответствуют действительности, и посоветовал пользоваться вместо них данными ЦРУ. От иностранных бизнесменов, которые могли своими глазами видеть огромную пропасть между советскими достижениями в космосе и чудовищным мотовством и некомпетентностью на советских заводах, где они бывали, все труднее становилось скрывать действительное положение вещей. Экономика работала исключительно благодаря смазке, обеспечивавшейся всеобъемлющей системой блата, а также благодаря появлению «подкласса» толкачей, агентов и посредников, которые могли устанавливать связь между спросом и предложением. Но самое главное, она работала благодаря героическим усилиям управляющих заво-

дами и фабриками, движимых своеобразным сочетанием преданности делу, честолюбия и вполне обоснованного страха перед последствиями возможных неудач.

Хрущев понимал, что надо что-то делать. Вначале он испробовал традиционные методы — организовывал политические кампании, наказывал козлов отпущения и пытался как-то подновить административную систему. Он ворчал по поводу «иждивенчества» — системы зависимости, при которой людей фактически поощряли ничего не делать до получения приказов и фондов сверху. Но каждая новая «реформа» порождала новые проблемы. В начале 60-х Хрущев разрешил провести более основательную дискуссию. Позиции советских экономистов разделились. Некоторые считали, что можно заставить работать какой-то вариант старой машины централизованного планирования, если ее компьютеризировать. Другие утверждали, что это в принципе невозможно: даже самый мощный компьютер не способен охватить и переработать объем информации, требующейся для того, чтобы воспроизвести всю сложность реальной экономики. В результате вместо этого начали робко предлагать решения, граничившие с ересью — с точки зрения системы. Профессор Либерман предложил способы регулирования экономики, которые потом назвали симуляцией рынка, и применение понятия «прибыль», которая, однако, строго контролировалась государством и оказывалась практически условным понятием. Но никто не осмелился или не имел возможности сказать, что введение вновь частной собственности явилось бы наилучшим способом побудить участников экономики вести себя более разумно. В разгар дискуссии в конце 1964 года британский посол в Москве сообщил в Форин Оффис, что «при всех разговорах о прибыли, совершенно невероятно, чтобы Советский Союз когда-либо разрешил отдельным гражданам накапливать ее и пускать в дело: тех немногих, кто пытается это сделать, расстреливают». Много лет спустя я встретил в Ростове-на-Дону одного предпринимателя, который сам был в то время частью подпольной экономики.

Для него люди, которых расстреляли, Ройфман, Шакерман и другие (некоторые из них совершили свои «преступления» еще до того, как Хрущев издал соответствующий закон) — были настоящими мучениками святой идеи свободного предпринимательства.

Тем не менее, в 1965 году премьер-министр Косыгин все-таки предпринял систематизированную попытку экономической реформы. Попытка была подавлена сопротивлением бюрократии и стремлением Брежнева к легкой и спокойной жизни. В 1970 году Андрей Сахаров предостерег Брежнева, что «беспорядок и застой в экономике» будут усиливаться, если не предпринять каких-либо мер против «антидемократических норм жизни», введенных Сталиным и так и оставшихся не отмененными до конца³.

В 1974 году Байбаков, председатель Госплана, предупредил, что экономика находится в серьезной беде. Дух партийных чиновников упал, когда они поняли масштабы и характер кризиса. Горбачев вспоминает, что недовольство среди простого народа усиливалось по мере того, как количество и ассортимент товаров в магазинах снижались⁴. Ельцин, бывший в то время первым секретарем обкома, заявил жителям Свердловска в 1981 году, что рационирование продовольствия будет продолжаться: семьи могут рассчитывать на получение не более одного килограмма мяса на человека по праздничным дням — то есть 1 Мая и в годовщину Октябрьской революции. По уровню потребления на душу населения Советский Союз к концу 80-х годов занимал 77 место в мире. 44 процента советских пенсионеров получали пенсии ниже официального прожиточного минимума⁵. В 1989 году горбачевский министр здравоохранения Чазов сообщил, что в одной из каждых четырех советских больниц нет канализации, в одной из каждых шести — водопроводной воды; что десятки тысяч медицинских работников получают зарплату, близкую к черте бедности, и что СССР тратит на здравоохранение меньше, чем любая другая развитая страна⁶. Советская экономика и система социального обеспечения провалились задолго до того, как

Горбачев начал свои реформы. В последующие годы эти печальные факты позабылись, когда народ по понятной причине, а коммунисты и националистические политики — из своекорыстных соображений, стали обвинять Горбачева, а затем и Ельцина в страданиях, которые пришлось пережить столь многим русским в 90-е годы.

Горбачев осознал нарастающий кризис еще до того, как прибыл в Москву на работу в центральные органы партии. Однако положение оказалось даже хуже, чем он ожидал. Он узнал, что оборона и военный сектор промышленности стали абсолютным приоритетом для тех, кто принимает решения. В советской системе все было подчинено политике поддержания стратегического паритета с США, распространения политического влияния Советского Союза за пределы Европы и осуществления жандармских функций советской империи в Восточной Европе. Брежнев, быть может, соглашался с тем, что экономика не улучшится, пока не будет реформирована система планирования. Однако в его представлении, как и в представлении Устинова, члена политбюро, отвечавшего за оборонную промышленность, даже производство продовольствия было задачей не первостепенной. Как велико было бремя расходов на оборону, остальные члены политбюро не имели возможности узнать: факты скрывались по соображениям «национальной безопасности».

Горбачев разрешил возобновить дискуссию с того места, на котором она была прервана Брежневым. «Шестидесятники» — те, кто в 60-е годы участвовал в общественной полемике, — начали вновь излагать свои идеи публично. Теперь они лучше сознавали, что тактика «латания дыр» не годится, что никакой альтернативы далеко идущим переменам нет. Но «шестидесятники» поначалу были сторонниками постепенных изменений. Перемены должны совершаться, считали они, медленно, сознательно и с учетом накапливаемого опыта. Социализм, что бы под этим ни подразумевалось, — необходимо сохранять. Многие еще не

были готовы признать, что сам социализм и был причиной проблемы, хотя столь же многие уже после оккупации Чехословакии, пытавшейся построить «социализм с человеческим лицом», пришли к выводу, что социалистическая система не реформируется. Препятствия любым переменам были поистине громадными. Миллионы бюрократов в партии, правительстве и экономике традиционно были заинтересованы в том, чтобы все оставалось как есть. Советские управляющие обладали недостаточным профессиональным опытом и остерегались порой брать на себя ответственность. Их рабочие наверняка боялись бы снижения жизненного уровня, который явился бы неизбежным, хотя и преходящим результатом настоящей реформы. Даже ведущие «реформаторы» не обладали достаточно полным знанием всех требуемых условий.

Еще до прибытия в Москву я решил познакомиться со всеми видными экономистами, которых мог разыскать. Абалкин, глава Института экономики, был спокойным, вдумчивым и печальным, как если бы все только что позабыли о его дне рождения. Когда в начале 1988 года он посетил Лондон, он говорил мне, что японцы потому преуспевают в сравнении с Советским Союзом, что их общество феодальное и коллективистское, тогда как русские — христиане, для которых отдельная личность превыше всего. Довольно неожиданное заявление в устах коммунистического чиновника. Богомолов, возглавлявший Институт экономики мировой социалистической системы, был по натуре более жизнерадостным. Его институт находился в авангарде «нового мышления» как по политическим, так и по экономическим вопросам. Это его коллега Дашичев предупредил политбюро в апреле 1989 года, что воссоединение Германии неизбежно. Богомолов все более ожесточался по мере того, как «шестидесятников» при Ельцине стали вытеснять Гайдар и «младотурки». В ноябре 1987 года в Лондон приехал Аганбегян. Во время неофициального обеда он пытался объяснить, как советские цепи будут сбрасываться постепенно и в течение определенного периода. Он не

был убедителен ни в теории, ни на практике, и у слушателей складывалось отчетливое впечатление, что предметом он фактически не владеет. Впоследствии он разошелся с Горбачевым по вопросу о кризисе в Армении и стал успешно действовать на экономическом поприще в постсоветский период. Заместитель директора Центрального экономико-математического института Петраков, с которым я познакомился в 1990 году, разумно говорил о необходимости сократить дефицит, установить контроль над количеством денежной массы, находящейся в обращении, и снизить инфляцию. В этом вряд ли с ним мог поспорить самый ортодоксальный западный экономист. Однако и находясь на посту, и вне своего кабинета он и другие, подобные ему люди, оказывались бессильными повлиять на решение главного вопроса: каким образом достигнуть этих желанных целей на практике. Они бегло и умно рассуждали о необходимости перемен, но если брались за осуществление радикальных практических мер, без которых перемены невозможны, то не могли добиться желаемого результата. Сами они были виноваты в этом только отчасти. Их идеи могли быть осуществлены лишь при условии решительной поддержки со стороны политического руководства. А оказывать такую поддержку Горбачев никогда не хотел.

Перемены были в равной мере невозможны и без далеко идущей перестройки банковской и денежной систем. В отличие от своих коллег в среде индустриальной и банковской бюрократии, некоторые советские банкиры имели кое-какое представление о том, как функционирует настоящая экономика, ибо им неизбежно приходилось иметь дело с финансовыми и коммерческими организациями в капиталистических странах. Вскоре после того как прибыл в Москву, я посетил Гаретовского, председателя советского Государственного банка, с которым познакомился в Лондоне. Его главной целью было включить в свод законов закон об управлении банковским делом. Перспективы он расценивал пессимистически. Никто в Советском Союзе, кроме него и горстки его коллег в Цен-

тральном банке, сказал он, не имеет представления о том, что такое настоящая банковская система. Суждение это не было слишком суровым. Когда председатель Английского банка сообщил на семинаре московских «банкиров» в конце 1990 года, что кредитная ставка на личный заем в Англии составляет свыше 25 процентов, один из присутствующих ахнул: «Но это же ростовщичество». Правда, в марте 1992 года я познакомился в Сибири с женщиной-банкиром, которая заявила мне, что предоставлять кредит попавшим в беду фирмам — ее «священный долг». Она не понимала, зачем фирмам нужен финансовый план теперь, когда больше не существует всесоюзного Министерства финансов, которому надо было бы его представлять. Но не таких банкиров поддерживали бюрократы, политики, управляющие заводами и идеологи. Сообща они и выхолостили проект закона Гаретовского, вычеркнув из него статью о регулирующей роли Государственного банка, о средствах проведения фискальной политики и политики в сфере процентной ставки, а также о ясном определении функций новых инвестиционных банков, которые перестройка должна была бы поощрять.

Летом 1989 года Гаретовского сменил гораздо более хитрый Геращенко, сын бывшего заместителя председателя Государственного банка. Геращенко служил в советских банках в Лондоне, Бейруте и Германии. Он тоже считал, что Государственный банк должен быть независимым, способным контролировать денежную массу, влиять на процентные ставки с помощью открытых рыночных операций и заставлять ссудные банки закрывать доступ крупным должникам, требуя от них выплаты дополнительных процентов. Он ворчал, что у правительства не хватает воли прибегнуть к жестким мерам, даже если оно понимает, что требуется предпринять. Но, несмотря на то, что он хорошо разбирался в предмете, я считал, что он настроен фаталистически, замкнут и внушает меньше доверия, чем его предшественник. Он понимал суть проблемы, но, похоже, не особенно старался искать ее разрешения.

Вначале Горбачев пробовал старинные советские «лекарства»: больше работы, больше дисциплины, больше науки и техники и меньше водки. Однако новые советники быстро убедили его в том, что старые средства безнадежно слабы. Абалкин, Богомолов, Аганбегян и остальные утверждали, что управляющие предприятиями должны быть освобождены от опеки центра и, вместо этого, подчинены финансовой дисциплине, действию законов рынка. Только тогда они будут знать нужды потребителя и уделять должное внимание ограничениям, налагаемым настоящим денежным оборотом. Горбачев поддержал их в серии выступлений, направленных против государственной бюрократии. Закон 1987 года о предпринимательстве, закон о кооперативах, принятый в мае 1988 года, и положения о совместных предприятиях с западными компаниями знаменовали собой настоящий прогресс. На все эти предвестники далеко идущей настоящей реформы Запад реагировал с непомерным энтузиазмом. Впрочем, ограниченные меры «шестидесятников» тоже не приносили желаемого результата. Нормальные экономические стимулы не действовали в экономике, не имевшей банковской, налоговой, ценовой систем, частной собственности и реальных денег. Они не могли действовать в стране, где экономические принципы легко и привычно подменялись партией и государственной бюрократией, преследовавшей политические, институциональные и личные цели. И они не могли действовать среди людей, проникнутых чувством зависти и привыкших следовать принципу: «Мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что нам платят». Новые меры роковым образом подрывали старую экономическую систему — нечто само по себе желаемое и привычное для большинства населения. Короче говоря, ничего стоящего вместо старой системы они не давали.

Вместо этого начались первые проявления того, что впоследствии получило название «бандитского капитализма» или «грабитизации». В апреле 1989 года на большой площади перед главным зданием Московского универси-

тета, громадного сталинского небоскреба на Ленинских горах (теперь они вновь называются Воробьевы горы), возвышающегося над городом, состоялась причудливая церемония. Она знаменовала подписание соглашения между английской компанией и кооперативом, созданным, согласно новому законодательству, комсомолом, — о совместном предприятии по производству в Советском Союзе воздушных шаров. Организаторы выступали с длинными речами, играл милицейский оркестр, был целый парад старых автомобилей с джаз-оркестрами на борту, группы миниатюрных девиц размахивали платочками впереди идущих по площади шеренг. Все посинели от холода и насквозь промокли от снега, переходящего в дождь. Вечером был прием в «Праге», одном из шикарных московских ресторанов. Здесь я впервые столкнулся с еще одним феноменом перестройки — с бизнесменами из бывших «партийцев». Это были смышленные юноши, становившиеся очень богатыми в результате перехода в сферу «бизнеса», основанного на партийных деньгах. К тому времени, когда в августе 1991 года партия была запрещена, такие ловкачи уже осуществили свой «переход».

Абалкин был первым из «шестидесятников», достигшим высокого поста. Осенью 1989 года Горбачев назначил его заместителем премьер-министра по вопросам экономической реформы. Через два месяца после своего назначения, как всегда серьезный, мрачный и достойный, он дал пространное интервью журналу «Огонек». Он пришел в свой научный институт, чтобы рассказать своим бывшим коллегам, как у него идут дела в правительстве. Описав, какой беспорядок царит в экономике, и посетовав на нежелание людей дать правительству хотя бы год передышки, чтобы разобраться, что и как, он сказал в заключение: «Я не знаю ни одного случая в истории, когда правительство находилось бы в таком положении». На что его заместитель возразил: «Леонид Иванович, я могу подсказать вам историческую аналогию: Германия в 1932 году». «Сохрани Господи!» — только и мог сказать он в ответ.

Абалкин подготовил пакет далеко идущих экономических мер. Он содержал потенциально революционные проекты законов о собственности, о земле, о налогообложении, профсоюзах и о банковской системе. Пакет подкреплялся экономической программой на 1990 год, рассчитанной на уменьшение бюджетного дефицита, сокращение не дающих результата инвестиционных программ. Эти предложения были гораздо более основательными и тщательно разработанными, чем те, что им предшествовали. Но они столкнулись с враждебным отношением со всех сторон. Сбитые с толку и становившиеся все более консервативными депутаты советского парламента все еще цеплялись за привычные устои социализма: «хлеб с водою, а не пирог с лихвою». Встревоженные растущим дефицитом и недовольством потребителей, они хватались за то, что знали лучше всего — за инструкции Центра производить нужные товары, а не те, что приносят прибыль. Абалкину не удалось уговорить их одобрить даже традиционные меры, принимаемые при скудном бюджете: повысить налоги на пиво, вино и табак, чтобы поглотить излишние денежные накопления и остановить инфляцию. На конференции экономистов в середине ноября 1989 года он подвергся жестоким нападкам консерваторов, к своему удивлению, поскольку считал, что его политика меньше всего по душе радикальным либералам. Премьер-министр Рыжков не оказал ему политической поддержки в Верховном Совете, Горбачев же, что было для него типично, а в конце концов оказалось роковым, почти совсем не участвовал в публичных спорах.

Следующим на влиятельном посту оказался Петраков. Горбачев назначил его своим экономическим советником в начале 1990 года. К тому времени всю очевидность и масштаб советского экономического кризиса уже невозможно было скрыть даже от тех, кто не хотел этого видеть. Публичные дискуссии об экономике прекратились; силы реакции начали объединяться, так как консерваторы приходили к убеждению, что Горбачев толкает страну в про-

пасть. В марте Горбачев сообщил своему только что созданному Президентскому совету, что в скором времени он выступит с предложениями об ускорении продвижения к настоящей рыночной экономике. Его речь была, очевидно, составлена Петраковым, который посетил меня, чтобы разъяснить эти предложения. Новый пакет мер, сказал он, предусматривает умеренную ценовую реформу. Но главным его пунктом будет демополизация экономики, раздробление таких гигантских организаций как «Аэрофлот», роспуск министерской бюрократии, «самой крупной из монополий», а также издание законов, поощряющих аренду, владение акциями и малый частный и семейный бизнес.

Это был грандиозный список пожеланий, но Петракову не было ясно, как претворить его в жизнь. Он дал понять, что это будет сделано с помощью серии президентских указов, а не путем издания законов, которые должны будут обсуждаться и, скорее всего, окажутся непоправимо выхолощенными советским парламентом. Однако он не мог мне объяснить, как его деятельность согласуется с действиями Абалкина или премьер-министра Рыжкова, который все еще находился под гипнотической властью теории марксизма-ленинизма. Организационная сторона дела и распределение обязанностей были теперь безнадежно спутаны.

Даже неудовлетворительная официальная статистика показывала, как быстро деградирует экономика. Я убедил Форин Оффис оплатить пребывание в посольстве в течение нескольких недель или даже месяцев временных советников, специалистов по советской экономике, которые подкрепили бы наши любительские усилия в этой области. Первым был профессор Алек Нове, пожалуй, самый мудрый из всех. В мрачном докладе, написанном в конце 1989 года, он документировано подтвердил факты спада.

На Новый год я сообщил в Форин Оффис, что тяжелое состояние экономики в сочетании с продолжающимися политическими переменами могут совсем скоро привести к концу советского коммунизма.

Однако новые экономические советники Горбачева в конце концов почти убедили его, что перестройка не будет действенной без современного инструментария макроэкономического управления. Судя по всему, он теперь поддерживал своим вновь обретенным президентским авторитетом идею экономической реформы. Если, писал я оптимистически, пакет мер Петракова даст плоды, и правительство сможет, проводя последовательную макроэкономическую политику, остановить инфляцию, создать реальную валюту и пресечь тенденцию к региональной автаркии, то страна может достигнуть к концу 1990 года того, что Абалкин называл «критической массой», — такой точки, при которой экономические перемены будут развиваться независимо от противодействия бюрократов. Предсказание мое оказалось не слишком точным.

Дуглас Херд посетил Горбачева 10 апреля 1990 года, вскоре после того как тот принял к реализации пакет мер Петракова. Как это с ним часто бывало, Горбачев ухитрялся внушать доверие и одновременно быть неубедительным. Сияющий, уверенный, он сказал, что Президентский совет собирается в ближайшее время рассмотреть его план радикальной и ускоренной экономической реформы. Экономика находится в безнадежно тяжелом положении. Старая система разрушена, новая еще возникла. Теперь он полон решимости создать «полнокровный рынок» и принять далеко идущие меры в области цен, банковского дела, акционирования. Все жаловались на то, что он бездействует. А потом отвергли его идеи, потому что осуществление их будет болезненным. Горбачев весело заявил, что сейчас он в роли того героя, которого толпа высмеивала в любом случае, ехал тот на осле или осла нес на себе. Теперь у него и его коллег есть в распоряжении полтора года, чтобы поправить дела. Если они потерпят неудачу, им придется уйти. Он попросил значительной помощи от Запада — 2 миллиарда долларов беспроцентного кредита немедленно — и еще 15–20 миллиардов позднее в форме кредитов, товаров и «ноу-хау» — цифры,

сходные с теми, которые он называл мне во время нашего ночного свидания после путча.

Ничто из смелых речей Горбачева не было претворено в жизнь. Президентский совет почти полностью отверг план Петракова. Рыжков начал конструировать альтернативный план, который, как сказал мне Богомолов, станет «смертным приговором правительству». Он приведет к повышению цен и увеличению безработицы. В нем не содержалось ни одной из структурных мер, обещанных Горбачевым, — ни приватизации, ни ликвидации монополий министерств, ни учреждения независимого Центрального банка, ни прогрессивного налога на прибыль, ни обеспечения товарами и услугами частного сельского хозяйства, ни сколько-нибудь действительной свободы для предпринимательства или приемлемой концепции частной собственности. Система государственных заказов, а по сути — монополия плана, осталась почти неизменной. В результате обструкции бюрократов реформаторы терпели поражение по всем статьям.

Рыжков представил свои «разбавленные» идеи советскому парламенту 24 мая. Их не одобрили. Депутатов рассердило его предложение повысить цены, включая цены на хлеб, — этот испытанный повод для революций. Долгосрочный прогноз, изложенный Горбачевым Дугласу Херду, оказался верным. Через полтора года, почти день в день, он потерял свой пост.

После провала предложений Петракова публичные споры по поводу экономической реформы возобновились и стали еще более беспорядочными. Широкое распространение получило мнение, что главное, в чем нуждается советская экономика, — это крупные вложения западных денег — в повторении плана Маршалла, который после 1945 года вновь поставил на ноги экономику Западной Европы.

Даже внутри советского правительства многие были против кредитов по соображениям национального престижа или по более рациональной причине, а именно: очень большие кредиты могли послужить предлогом для отсроч-

ки необходимых перемен, как это случилось в Польше в 70-х годах. Вне правительства эти настроения были, пожалуй, еще сильнее и не только по экономическим соображениям, но также и по политическим: было бы совершенно неправильно помогать коммунистам выпутаться из их трудностей. Элефтерий, умный игумен Киево-Печерской лавры, особенно убедительно доказывал мне, что вместо больших займов СССР, которые будут просто разбазарены, Западу следовало бы послать триста бизнесменов, которые показали бы русским, как управлять их страной. Я заметил, что г-жа Тэтчер с этим согласилась бы. Он сказал, что г-жа Тэтчер очень мудрая женщина.

В Советском Союзе один план сменялся другим, соперничающим с прежним, и ни один не был принят. В конце июля 1990 года Абалкин сказал мне, что правительство работает над еще одним планом реформы. В сентябре на рассмотрение советского парламента будет предложен пакет законов. Они создадут нужный механизм для осуществления банковской, налоговой и валютной политики, приватизации крупных предприятий и ликвидации министерских империй. Они вступят в силу 1 января 1991 года и будут сопровождаться ростом цен. Абалкин приветствовал полезные заявления, сделанные Европейским сообществом и Большой семеркой на их недавних встречах в верхах в Дублине и Хьюстоне. Краткосрочные кредиты для приобретения потребительских товаров будут политически очень кстати. И неожиданно в нехарактерном для него эмоциональном порыве заявил, что Западу не следует обращаться с Советским Союзом так, как если бы это была всего лишь одна из восточноевропейских стран или — еще того хуже — стран третьего мира. «Помощь» можно оказывать Венгрии. А Советский Союз был и останется великой державой. Политические и экономические условия неприемлемы. Горбачеву не требуется Запад, чтобы доказывать ему насущную необходимость рыночной реформы, он будет двигаться вперед независимо от того, будет ли Запад его поддерживать, или нет.

В течение всего лета состязавшиеся между собой группы экономистов трудились над своими планами. Хотя Абалкин уже работал в этой области, Горбачев договорился в июле с Ельциным, что Шаталин, Петраков, Явлинский и другие должны разработать совместные предложения. Они выдвинули программу радикального (хотя и несколько фантастического с точки зрения сроков и методов) излечения советской экономической системы — «500 дней». Премьер-министр Рыжков противопоставил ей свой собственный план. По каким-то личным политическим причинам Ельцин поддержал Шаталина. Так же вначале поступил и Горбачев. Однако, столкнувшись с противодействием своего консервативного премьер-министра и склонный всегда искать «золотую середину», промежуточную позицию даже там, где таковой быть не могло, он поручил Аганбегяну создать некий компромиссный вариант между планами Рыжкова и Шаталина — попытка «скрестить ежа и ужа», как саркастически заметил Ельцин. На уличных митингах Юрий Афанасьев и его сторонники требовали принятия плана Шаталина и отставки правительства Рыжкова.

К этому времени Ельцин начал использовать экономическую проблему как действенное оружие в его кампании, направленной на изоляцию Горбачева и лишение его всякого влияния любой ценой. В сентябре 1990 года он заявил Дугласу Херду, что предложенный Рыжковым план реформы не имеет будущего. Подобные предложения слишком часто выдвигались и слишком часто отвергались. Рыжкову придется уйти — и скоро, хотя Горбачев все еще пытается его защищать. Если он не будет осторожен, то и самого Горбачева спихнут. Если экономическая реформа не будет основываться на едином Центральном банке, единой валюте и единой денежной политике, Союз распадется. Ельцин подчеркивал, что он этого не хочет, однако, в тех случаях, когда это было ему удобно, всячески дистанцировался от существующих механизмов Союза. Большую часть союзных министерств, сказал он Херду, придется уп-

разднить. Союз должен отвечать только за транспорт, КГБ, оборону и иностранные дела. Даже в этом контексте, с нажимом сказал он, обращаясь к Херду, который не реагировал на намек, Россия уже в состоянии подписывать самостоятельные договоры с иностранными государствами. На российской территории теперь все — сырье, большая часть советской оборонной промышленности, заводы, общественные здания, в том числе и «наш Кремль», как он выразился, — принадлежит России, а не Союзу. В тот вечер во время обеда Борис Федоров, ельцинский министр финансов, «лояльно» информировал нас, что Ельцин не читал план «500 дней», который с таким энтузиазмом поддерживал. В противоположность ему, Горбачев прочел каждое слово дважды.

Все это — теория. Практика была куда более сложной, многое оказывалось просто недостижимым. Одной из самых больших «черных дыр» в советской экономике было сельское хозяйство. На Западе Ельцина изображали как поборника частного фермерства, что составляло отрядный контраст Горбачеву, заядлому коллективисту. Кулик, российский министр сельского хозяйства, сообщил своему английскому коллеге Джону Гаммеру, что российское правительство предоставит каждому российскому гражданину право на владение частным земельным участком. Люди, работающие в настоящее время в больших хозяйствах, могут перейти на работу на личном участке, а часть тех десяти миллионов людей, которые переехали из деревни в город, почувствует желание вернуться обратно. Никаких ограничений на покупку и продажу земли не будет. Увы, все вроде бы правильно на словах. Если бы не назойливые детали.

Практические трудности, сопряженные с осуществлением сказанного, были продемонстрированы, когда Гаммер посетил колхоз имени Владимира Ильича неподалеку от дома под Москвой, где умер Ленин. Саксенберг, председатель колхоза, проработавший тут тридцать лет, был маленького роста, с симпатичным прищуром глаз. Он изучал

зоотехнику в университете, бывал за границей и восхищался западными сельскохозяйственными методами. Он забросал нас статистикой: колхоз имеет 1600 гектаров земли, 700 работников, 900 голов скота, большое количество кур. Гаммер спросил, почему заодно он не выращивает и свиней. Тот рассмеялся: «Я, еврей!». Саксенбергу было совершенно ясно, что он не отдаст свою землю никакому новому племени «фермеров». Никто из членов колхоза, добавил он, уходить не хочет, а ему для выгодного ведения дел нужна вся земля, которой он располагает. В настоящей рыночной экономике большинство колхозов не сможет существовать на конкурентных началах. Он, во всяком случае, не рекомендовал бы иностранцу делать какие-либо коммерческие вложения в колхоз имени Владимира Ильича.

Саксенберг не был каким-то исключением и, конечно, был не дураком. Через полтора года другой председатель колхоза неподалеку от Костромы сказал мне нечто очень похожее. Он был вдребезги пьян — только что вернулся с похорон тещи, но это не мешало ему вполне отчетливо выражать свои мысли. Его колхоз — прибыльный, и все его работники получают от этого выгоду, и в немалой степени это стало возможным потому, что он создал в колхозе малые предприятия (он повернулся к священнику, который подтвердил, что он говорит истинную правду). Для частного фермерства нет нужной инфраструктуры. Российский закон, разрешающий частное фермерство, может быть в любой момент отменен, как и все остальные российские законы. Он не отдаст землю своего колхоза, да и сам дополнительной земли не возьмет.

Руководители колхозов вроде него и Саксенберга — по-своему практичные и умные люди — годами саботировали сельскохозяйственную реформу. Колхозники боялись перейти на личное хозяйство по вполне разумным практическим причинам. Именно это, а не расплывчатые планы Кулика, было реальным состоянием российского сельского хозяйства, с которым настоящим реформаторам еще предстояло как-то разбираться.

Промышленность также приходила в упадок. В феврале 1991 года мы с Джилл отправились в Волгоград по случаю 48-й годовщины Сталинградской битвы. Мы приземлились в аэропорту Гумрак, последнем еще находившемся в руках немцев к концу 1942 года, после крушения их оборонительного рубежа. Как и тогда, погода была невыносимо холодной. Нас встречал Альберт Орлов, заведующий отделом экономических связей с иностранными государствами Волгоградского облисполкома. Альберт был коренастый веселый малый, родом из казаков, начинавший жизнь крестьянином. Но довольно скоро нам стало известно, что он был когда-то председателем Волгоградского исполкома — «губернатором», как он выразился. Однако лишился своего поста, когда год спустя партийное руководство было изгнано из-за скандала с помидорами. Он уклонился от описания этих волнующих событий, но сказал, что, во всяком случае, вполне доволен, так как теперь может больше проводить времени со своими внуками.

Альберт повел нас знакомиться с местными политическими деятелями и журналистами, с музеем Сталинградской битвы и грандиозным мемориальным комплексом — памятником защитникам Мамаева кургана, холма в центре города, где велись особенно ожесточенные бои. Однако главной нашей целью было посещение тракторного завода. Он был построен в годы первой пятилетки на самом берегу Волги с помощью американских инженеров. Уже в начале войны он переключился на производство танков Т-34, которые продолжали сходить с конвейеров, когда немцы ворвались в город в конце лета 1942 года. Завод был свидетелем ожесточенных боев и был символом советских успехов в годы войны и мира. Завод был в весьма бедственном состоянии. Директор Будко показал нам два конвейера — один для внутреннего рынка, другой для экспорта. Оба были крайне запущены, кругом лежали части машин, сваленные в кучу. Повсюду была грязь. Поскольку государственная плановая система рухнула, поставщики не выполняли

своих контрактов. «Красный Октябрь», соседний завод, не поставлял листовую сталь, потому что сырье — металлолом — продавали за границу спекулянты. Его бывшие клиенты в Восточной Европе отказались покупать устаревшие тракторы. Он приветствовал бы свободу управлять заводом по своему усмотрению, если в этом заключался смысл реформы, но при условии, чтобы правительство призвало к порядку его поставщиков. Стремясь разнообразить свою продукцию, он производил теперь, помимо тракторов, холодильники для мороженого, кухонную утварь. Но все это — крохи. У него едва хватало денег, чтобы платить рабочим, а их, вместе с членами семей, было четверть миллиона. Он построил рабочие столовые, свинарник, фабрику по производству сосисок. Он производил с местными колхозами бартерный обмен и полученными от них молочными продуктами и птицей торговал в магазинах предприятия, где продавалась также импортная одежда, стиральные машины, видеотехника. Он не мог уклоняться от своей ответственности перед этими людьми.

Будко и его коллег, «красных директоров» советской промышленности, резко критиковали за их отрицательное отношение к рыночной реформе. В конце 1990 года тысячи таких директоров присутствовали на специальной конференции в Москве. Они требовали восстановления старой системы. Она, по крайней мере, хоть как-то работала. Эти люди были не глупее лучших колхозных председателей. Они попали в «силки» старой системы на последней стадии ее распада, на них лежал груз ответственности за людей, и у них не было решительно никакого доступа к фондам, которые требовались для основательной перестройки их предприятий, чтобы они могли выжить. Западные экономисты заявляли, что было бы лучше, если бы эти заводы просто прекратили свое существование. Острый кратковременный кризис, по их словам, был бы менее болезненным. С теоретической точки зрения, возможно, они были и правы. Однако неразумно было бы ожидать, чтобы так же смотрели на вещи руководители на местах или их служа-

щие. Они стремились, ожидая подъема производства, сохранить кадровый состав, а вместе с тем просто морально и материально поддержать людей.

На третьей неделе сентября 1990 года Горбачев представил советскому парламенту подновленный вариант плана Рыжкова (или разбавленный вариант плана Шаталина—Явлинского). И опять одобрения не получил. Вне парламента оппозиция все более распалялась. В спор вмешались как экономические консерваторы, так и экономические радикалы. Управляющие крупными металлургическими заводами заявили Горбачеву, что они будут нуждаться в государственных субсидиях даже при рыночной системе. Щербаков, в то время председатель Государственного комитета по труду и социальным вопросам, утверждал, что предложения Шаталина оставят без работы 40 миллионов человек. Газета «Правда» вопрошала: «Что мы будем есть этой зимой?» и «Уцелеет ли Коммунистическая партия?». Все большее число людей выходило из партии. Ответ Горбачева был уступкой реакционерам: он призывал к усилению бдительности, более активной борьбе КГБ с экономическими преступлениями и к введению вновь патрулей из дружинников на улицах. Спустя несколько дней Ельцин в Российском парламенте обвинил Горбачева в вероломстве, он резко обрушился на его попытки занять промежуточную позицию между различными планами экономической реформы. «России придется теперь идти вперед одной», — сказал он. Я подумал, что он блефует. Каким образом может Россия осуществить подобную одностороннюю декларацию о независимости на практике? Быть может, россияне захватят советские таможенные посты в московском аэропорту? Как они могут реально осуществлять контроль над советскими предприятиями на российской территории, находящимися в ведении советских министерств? Эти резонные вопросы били мимо цели. Ельцина совершенно не интересовали подробности реформы: главное для него было — победить.

Таким образом, под натиском русских патриотов, радикальных экономистов и консервативных сторонников Союза, горбачевские усилия реформировать экономику свелись к разговорам и сошли на нет. Его план был опубликован в печати: достойные уважения, но расплывчатые предложения о создании федеральной банковской системы, введении рыночных цен, предоставлении большей свободы предприятиям, поддержке мелких фермеров, четко очерченной роли иностранного бизнеса. Он обещал серию президентских указов. Однако его идеи не понравились никому. Петраков и Шаталин раскритиковали их публично, несмотря на то, что они еще были его советниками. Он потерял терпение и передал свой план в один из парламентских комитетов. С этого момента его главной задачей было отражать нападки консерваторов. Время для реформ прошло, на протяжении следующих девяти месяцев экономика находилась в руках его министра финансов Павлова, который в скором времени стал премьер-министром. Практические последствия постоянных трений между склеротической и нежизнеспособной командной системой и настоящей рыночной экономикой начали давать о себе знать в повседневной жизни. Товары из магазинов исчезли. Местные власти в Москве и провинциях ввели rationирование продовольствия. Поскольку нормальное распределение прекратилось, заводы и государственные учреждения перешли на снабжение своих сотрудников наборами продуктов. В Министерстве финансов чиновникам выдавали продукты, в том числе и молочные, около уборной — одной из самых противных уборных, какие я видел в Москве.

Чувство отчаяния среди простого народа росло. И именно в этот момент Павлов провел в жизнь экономически безграмотный план стабилизации валюты путем изъятия банкнот крупного достоинства. Истеричные пенсионеры осадили сберкассы, пытаясь обменять свои сбережения на другие купюры до истечения невозможно короткого крайнего срока. Горничная Ольги Трифионовой была в сле-

зах: пропало все, что она копила всю жизнь. Центральный почтамт был забит людьми, посылавшими денежные переводы самим себе и платившими за них 50-ти и 100-рублевыми купюрами. Когда бланки для переводов кончились, они отправились на вокзалы и купили дорогостоящих железнодорожных билетов куда только можно. Результат этой меры был однозначным. Население решило, что правительство опять грабительски отбирает у народа его сбережения. Вера в Горбачева была еще больше подорвана.

Летом 1991 года Явлинский и Грэм Аллисон, ученый из Гарварда, разработали идею Большой сделки — еще одну версию плана Маршалла — и попытались добиться одобрения. Запад должен был, согласно этой идее, предоставлять крупные кредиты — гарвардский экономист Джеффри Сакс называл цифру 300 миллиардов долларов — в период осуществления советской программы радикальных экономических перемен. Сам я при этом соглашался с теми, кто считал, что нет смысла вкладывать большие кредиты в систему, которая не способна их использовать. Вместо этого, полагал я, нужно вовлечь Советы в крупные международные организации. Мы должны обучить их менеджменту и дать практическое экономическое образование. То есть познакомить с тем, что такое на деле банковская система, финансы, налогообложение, коммерческое законодательство, механизмы малого и среднего бизнеса, о которых русские, по понятным причинам, почти ничего не знали. В течение последующих нескольких лет британское правительство проводило именно такую политику.

Горбачеву трудно было понять, почему его друзья на Западе, для которых он столько сделал — ушел из Восточной Европы, согласился на воссоединение Германии, поддержал действия в районе Персидского залива, — не хотят предоставить хотя бы часть той помощи, которая после Второй мировой войны поставила Западную Европу на ноги, или часть тех громадных средств, которые они по-

тратили на войну в Персидском заливе. Но он не мог поколебать мнения тех, кто доказывал, что западная финансовая помощь будет растрочена впустую, пока советская политическая и экономическая системы остаются, по сути, не реформированными. В результате стала созреть новая идея, менее конкретная, но с определенным политическим символизмом. Горбачев, на худой конец, должен присутствовать, по крайней мере, на некоторых заседаниях экономического саммита Большой семерки, который состоится в Лондоне в июле 1991 года. Мы — англичане, а также французы, немцы и итальянцы — были «за». Американцы сомневались, а японцы были «против» по причине своего спора с Советским Союзом из-за Курильских островов, которые Советский Союз аннексировал у Японии в конце войны. После довольно долгих бессмысленных препирательств приглашение в самый последний момент было послано.

Советское правительство продолжало изображать оптимизм, который теперь не подкреплялся никакими фактами. За месяц до саммита Лаптев признался мне, что экономика все еще находится в пикé. Но теперь, утверждал он, правительство, по крайней мере, ухватило за рычаг управления и «самолет» скоро выправится. Примаков, бывший в то время членом горбачевского Президентского совета, говорил, что Горбачев понимает, что на саммите он больших кредитов не получит. Но, несомненно, говоря от имени Горбачева, Примаков все-таки стремился к сделке: Запад в своих же собственных интересах должен предоставить Советскому Союзу большие субсидии в срочном порядке и без всяких условий. Я сказал Примакову, что мы намерены контролировать расходование денег и ни в коем случае не дадим их министерским княжествам, которые используют их лишь для укрепления старых структур. Председатель Европейской комиссии Делор посетил Горбачева через несколько дней после этого разговора. На встрече присутствовал и премьер-министр Павлов. Своим обычным циничным тоном он растолковал старомодную «анти-

кризисную программу», ставшую теперь правительственной политикой, с которой Горбачев должен был отправиться в Лондон, в качестве свидетельства его решимости осуществить серьезные экономические перемены. Горбачев весьма высокопарно говорил о своих планах. Он приедет в Лондон, имея за поясом Союзный договор. Он предложит партнерство, которое вовлечет Советский Союз в мировую экономику. Когда Делор сказал ему, что нынешняя советская экономическая политика не внушает доверия за границей, он просто опешил.

Все это поставило лидеров Большой семерки перед неприятной дилеммой. Они могли провести с Горбачевым широкую политическую дискуссию. Это могло бы пойти на пользу его ближайшим целям, но в конечном итоге едва ли помогло бы ему или кому бы то ни было. Или же они могли бесцеремонно поставить его перед экономическими фактами реальной жизни. Это могло бы иметь своим результатом разумную программу экономической дискуссии, рекомендации, и со временем — оказание помощи. Но Горбачеву было бы трудно по возвращении на родину представить это как успех. Чтобы избежать фиаско, Джон Мэйджор послал сотрудника Казначейства Найджела Уикса, занимавшегося подготовкой Лондонского саммита, разъяснить Горбачеву суть дела и обсудить с ним кое-какие вопросы тактики. Мы посетили его 2 июля. С ним были Черняев и Примаков. Горбачев выглядел хорошо, слушал с большим вниманием и говорил необычайно взвешенно. Уикс объяснил, как проходит работа экономических встреч на высшем уровне: на них царят откровенность, доверительность, никаких длинных речей, никаких попыток навязать людям обязательства, о которых они могут впоследствии пожалеть. Отсюда продолжительные приготовления, осуществляемые «шерпами», высокопоставленными чиновниками стран-участниц. Горбачев прервал его с саркастической улыбкой: останется ли что-нибудь на долю руководителей государств, после того как «шерпы» закончат свои приготовления? Уикс его успокоил, а затем добавил, что

никаких денег на столе в Лондоне не будет. Для этого Горбачеву придется убедить своих западных коллег, что его Союзный договор надежен и что у него имеется программа экономической реформы, которую он способен действительно претворить в жизнь. Горбачев объяснил, что ему необходим успех в Лондоне. И задал вопрос о том, что он может конкретно привезти с собой домой.

«Первые шаги по вовлечению Советского Союза в мировую экономику, продвижение по пути к партнерству (еще не членству!) с международными финансовыми учреждениями в Вашингтоне и начало серьезного диалога по экономическим вопросам», — ответил Уикс.

Щербаков был теперь заместителем премьер-министра, отвечающим за экономическую политику. Мы встретились с ним в старом здании Госплана напротив гостиницы «Москва» — плохая примета (правда, после 1993 года это здание стало местом работы Российского парламента — символ уже более благоприятный). Уикс без предисловий сказал ему, что антикризисная программа Павлова не внушает доверия. Это пробудило в Щербакове все чувства старомодного административно-командного экономиста. Откуда, возразил он, Уикс может знать, что план плох, если он его не видел. Масса второсортных личностей, потерявших посты в окружении президента (вероятно, имелся в виду Явлинский), разъезжают по всему миру и дискредитируют план по соображениям личных амбиций и уязвленного самолюбия. Это было чудовищным атавизмом, но Уиксу он на многое открыл глаза. Уикс немного успокоился, когда Абалкин, трезвый, реалистичный, как всегда мрачный, твердо заявил ему, что русским придется самим себе помочь, прежде чем остальной мир сможет помочь им.

Горбачев и его коллеги не обращали внимания на эти осторожные, но недвусмысленные предостережения. Примаков приехал в Лондон заранее, чтобы лоббировать интересы своего шефа. Выступая по британскому телевидению, он всячески педалировал ту мысль, что Советский Союз ввергнется в хаос, если Запад не предоставит ему немед-

ленно материальную помощь, — жалкая и крайне неуместная попытка шантажировать лидеров Большой семерки в расчете возбудить против них общественное мнение. Уикс встретился с Примаковым и повторил, что Горбачев не может рассчитывать на получение денег и даже на официальное членство в Международном валютном фонде, а может претендовать лишь на новоиспеченный статус «ассоциированного члена» — положение, определяющее будущие отношения между Советским Союзом и странами Большой семерки. Примаков все более мрачнел и предупредил, что Горбачев будет крайне разочарован, коли ему предлагают так мало. Поразительно, что даже такая старая лиса, как Примаков, не понимал, что ни Горбачев, ни страны Большой семерки не могли себе позволить провала — им пришлось бы тогда выдать абсолютную пустышку за успех. Если вмешательство Примакова и дало какой-то результат, то оно лишь привлекло излишнее, а в советских условиях — вредное, внимание к громадному несоответствию между тем, что Горбачев ожидал, и чего на самом деле достиг.

Когда Горбачев прибыл в Лондон 16 июля 1991 года, он, как всегда, был жизнерадостен. У Раисы, напротив, было серое лицо и крайне утомленный вид. Наверное, думал я, оттого, что она вбирала в себя все негативные эмоции, избавляя от них своего мужа. Среди тех, кто вместе с Горбачевым сошел с самолета, были Примаков, Щербаков, Медведев и Черняев. Явлинский в последнюю минуту отказался ехать, видимо потому, что Горбачев окончательно отверг Большую сделку в пользу программы Павлова. Горбачев встретился с лидерами стран Большой семерки на следующий день. Он не получил ни денег, которых просил, ни четкого «механизма» — лишь добрый совет и перспективу установления более тесных отношений с Международным валютным фондом и Мировым банком. На состоявшейся затем пресс-конференции у него хватило ума заявить, что сама встреча была залогом продолжения отношений со странами Большой семерки. В заключение он сказал обезоруживающим тоном: «Мне сказали, что я

должен вести себя дисциплинированно (вероятно, совет, который до этого дал ему Уикс, говорить коротко. — Авт.), и я пытался вести себя дисциплинированно, но все равно, как всегда, я говорил слишком долго».

Встречу Горбачева с лидерами Большой семерки широко и вполне заслуженно критиковали за ее бессодержательность. Тем не менее, я считал, что она хотя бы положила начало процессу модернизации и преобразования командной экономики. Ни Горбачев, ни его западные наставники не знали, какие последствия это за собой повлечет. Ни у кого убедительных ответов не было. Учиться надо было всем. Но при условии, если (большое «если»!) не произошло бы никаких серьезных беспорядков в прибалтийских республиках или еще где-либо, то процесс, вероятно, неизбежно привел бы к созданию постоянных отношений экономического сотрудничества с полным и равноправным участием Советского Союза. Он мог даже привести, и совсем скоро, к предоставлению Западом реальной финансовой помощи. В этом случае Горбачев достиг бы своих главных целей.

Уезжая на следующий день, Горбачев шепнул мне: «Держите Черняева в курсе того, что будет дальше». Примаков и Щербаков уже улетели, каждый по отдельности, и еще более секретно предложили мне поддерживать связь с ними. Это как-то плохо вязалось с понятием иерархии — еще одно свидетельство организационного вакуума вокруг Горбачева, подумал я. Теперь, когда жесткие структуры партии — пост Генерального секретаря, политбюро, секретариат ЦК — рухнули, советское правительство превратилось в племенную или, в лучшем случае, средневековую систему, в рамках которой каждый состязался почти на равных с другими за доступ к уху начальника. Я подумал, что этот организационный и политический хаос имеет для Горбачева хотя бы полезный побочный эффект. Он затруднял для кого бы то ни было создание организационной базы для противодействия его власти. Путч, происшедший через пять недель после этого, подо-

рвал обоснованность моего суждения. Позднее я утешал себя мыслью, что путч провалился еще и потому, что советская машина и в самом деле не могла более исполнять волю своих прежних хозяев.

Поражение жесткого курса реформ усилило давление на Запад. Некоторые лица, особенно те, что не входили в правительства, не видели причин для того, чтобы вызволять из беды потерпевшего крах коммунистического врага. Правительства по-прежнему не видели смысла в том, чтобы вкладывать деньги в разваливающуюся систему централизованного планирования. Очутившись перед лицом экономического спада и безработицы у себя дома, они не хотели создавать впечатления, что субсидируют занятость в стране Советов в ущерб собственному народу. Норман Ламонт, глава Британского казначейства, посетил Москву в июле. Это был первый шаг на пути к укреплению отношений между правительствами стран Большой семерки и Советского Союза, обещанному Горбачеву в Лондоне. Ламонт был очарован тем, что увидел. Теперь, с началом осени, за ним следовал целый рой западных советников — от международных финансовых учреждений, от национальных правительств, от «мозговых центров», от консультантов по финансам и менеджменту. Даже те, кто руководствовался самыми добрыми намерениями, вызывали, однако, у русских недовольство. Они прилетали, поселялись в отелях западного типа, число которых постоянно росло, в то время как страна за стенами этих отелей явно приближалась почти к настоящему голоду и хаосу. Советники высказывали свои мнения, не считаясь с реальным положением на местах и чувствами местного населения. Им думалось, что они знают, как отвечать на вопросы, стоящие перед русской экономикой. Не успев понять всю сложность ситуации, они получали свои гонорары, оставляли кое-какие неуместные советы и улетали домой. Русские же прекрасно понимали весь масштаб политических проблем, связанных с экономическими. Но они также без заметного успеха бились в поиске эффективных ответов на них.

В сентябре в гостинице «Метрополь» состоялся Всемирный экономический форум. Главным оратором был молодой гарвардский профессор Джеффри Сакс, весьма успешно осуществивший свой план стабилизации в Польше и ставший советником правительства Гайдара. Он ратовал за достижение конвертируемости рубля в шестимесячный срок. Только таким образом, говорил он, Россия привлечет иностранные инвестиции. Иностранцы устроили ему овацию. Я сказал, что дело обстоит сложнее. Россия не привлечет иностранных инвестиций, если не обеспечит политической стабильности, не разработает ясную экономическую политику и не создаст надежные структуры коммерческой законности и этики, — задача гораздо более сложная, нежели то, что можно было бы решить с помощью какой-то единственной панацеи. И напомнил Саксу, что навязанная Америкой Англии конвертируемость фунта стерлингов в качестве условия предоставления ей послевоенного займа имела катастрофические последствия. Однако у Англии оставались в целости основные институты капиталистической экономики. В Советском Союзе может произойти более серьезная катастрофа, если конвертируемость будет введена при отсутствии фундаментальных рыночных структур. Сакс грустно на меня посмотрел: еще один экономически безграмотный дипломат, совсем отужившийся и не разбирающийся в ситуации.

Фундаментальные институциональные перемены и макроэкономический шок были в равной мере необходимы. Хотя невозможно было даже вообразить себе выбор подходящего момента и последовательность этих мер. Поэтому правительство России попыталось осуществить и то и другое одновременно. Результаты оказались путанными. Правительство Ельцина сделало рубль частично конвертируемым. Начало важнейшему процессу было положено. Однако в течение нескольких лет новая Россия имела весьма ограниченный успех в привлечении прямых иностранных инвестиций, так что, возможно, были правы и Сакс и я.

К этому времени инициатива окончательно перешла из рук Горбачева к Ельцину, и было уже совершенно неважно, что Горбачев думает о проблемах экономики. В середине октября 1991 года я посетил Егора Гайдара, в то время еще директора Института экономической политики. После Горбачева, Шеварднадзе и Ельцина Гайдар был самым влиятельным поборником перемен и наиболее заметной фигурой в революционные 1988–1992 годы. Это было блестящее достижение для человека — ему было в то время 35 лет, — который сделал свою карьеру в академическом мире и в журналистике. Как и трое более старших политиков, впоследствии Гайдар неоднократно подвергался резкой критике со стороны собственных сторонников. Он был выходцем из советского истеблишмента. Дед его был героем Гражданской войны и популярным писателем, убитым во время партизанских боев немцами в 1941 году. Его отец был старшим офицером Военно-морского флота, а затем тоже журналистом и писателем. Сам Гайдар родился через три недели после разоблачения Хрущевым Сталина в 1956 году и, таким образом, он имел возможность изучать экономику в условиях уже несколько большей интеллектуальной свободы. Это человек исключительного мужества, самокритичный, с ясным умом и чувством юмора. Он прекрасно сознавал свою слабость как публичного политика, но, как он заявлял в печати, его странный вид и сбивчивость речи не мешают ему быть серьезным. Своих экономических идей он придерживался твердо, они были практичны и ясны. Из-за своей молодости он не накопил большого марксистского багажа, а также не был обременен политическим и психологическим грузом, скопившимся в иных людях за годы страха и застоя. В нем сочетались несколько лихорадочная манера поведения и поразительное хладнокровие. Свой английский язык, на котором говорил необыкновенно быстро, он почерпнул в основном из книг; его произношение было довольно своеобразным, хотя грамматика обычно была безупречной. Во время этой первой встречи он сообщил мне, что Ельцин твердо намерен

реформировать банковское дело, сельское хозяйство и военно-промышленный комплекс. Субсидии будут отменены, не приносящие прибыли предприятия закрыты. В конце месяца Ельцин сформирует новый состав российского правительства, состоящий из профессионалов. Но при этом, добавил он, экономическая реформа может удалась лишь в том случае, если Россия поставит свои интересы на первое место. Слишком много жертв принесено ради попыток сохранить Союз. Если другие республики захотят сотрудничать, прекрасно. Если нет, Россия пойдет своим собственным путем. Это было прямой противоположностью тому, что в то время рекомендовал МВФ.

Существует фотография Гайдара с другими реформаторами-экономистами из его команды, сделанная в 80-е годы, до того, как они были обременены грузом ответственности. У каждого из них грива волос, как у музыкантов группы «Биттлз». Десятью годами позже многие из них начали лысеть.

Ельцин обнародовал свои реформы в Российском парламенте в понедельник 28 октября 1991 года — дата историческая. Эти реформы, заявил он, будут решительными и непопулярными. Налоговая система будет обязательно реформирована. Цены — либерализованы еще до конца года. Жизненный уровень понизится — неизбежная предпосылка любого улучшения, — но уже через год повысится снова. Россия объединится с другими республиками в экономический и валютный союз, но при условии единой валюты и единого Центрального банка. Российский парламент одобрил реформы в принципе и предоставил Ельцину особые полномочия для преодоления противодействия местной и центральной бюрократии. Парламент все еще относился к нему с подозрением. Обладает ли Ельцин интеллектуальными и политическими способностями для проведения в жизнь своих радикальных реформ? Сохранит ли поддержку народа? Не почувствует ли соблазна вернуться к более авторитарным методам? Однако впер-

вые он шел, кажется, дальше слов — к делу. А это была существенная перемена.

В конце октября я посетил товарную биржу, помещавшуюся в старом здании московского Почтамта. Это была самая крупная из бесчисленных бирж, появившихся по всей стране, и торговавшая оптом разными товарами, машинами, сырьем — всем тем, что скрипучий механизм плана уже не мог доставлять потребителям. Еще не входя в здание, на улице, люди ощущали царившее внутри возбуждение. В зале было не протолкнуться. Его центральную часть занимали брокеры, а по краям находились небольшие будочки, где девушки пытались управиться с компьютерами. Продавалось невообразимое разнообразие товаров — от 100 тысяч тонн нефти до семи подписок во Владивостоке на американский деловой еженедельник. Председатель биржи, Константин Боровой, сопровождавший меня, хвастался вкладом, который внесла биржа в победу Ельцина двумя месяцами раньше. Он и его коллеги были в числе первых, кто публично поддерживал Белый дом, и именно они доставили туда триколор, который позже несли участники похоронной процессии. Боровой познакомил меня с несколькими брокерами — все они были моложе тридцати: суетливая молодая женщина-комсомолка, полный энтузиазма нищий инженер, которому нужны были деньги для приличной квартиры и машины, агрессивный мужчина, чуть постарше, в кожаной куртке. Все с большим жаром превозносили достоинства свободного предпринимательства. За фасадом рушившейся официальной экономики, видимо, возникал настоящий рынок.

Новое правительство Ельцина приступило к исполнению своих обязанностей 8 ноября. Первым заместителем премьер-министра был назначен Бурбулис, бывший лектор по марксистской философии в родном городе Ельцина, в то время один из его ближайших соратников. Это был человек с каким-то странным физическим и интеллектуальным надломом, всегда разговаривающий так, слов-

но бы каждое слово, сказанное им или мною, обладало сложным смыслом, большим, чем могло показаться на первый взгляд. Гайдар и Шохин, который был экономическим советником Шеварднадзе в Министерстве иностранных дел, были двумя вице-премьерами, первый отвечал за экономическую реформу, второй за социальную политику, включая проблемы занятости.

Неуклюжий, как медведь, Константин Кагаловский — экономист лет тридцати, страдавший нервным тиком, работал над ельцинским планом. Он посетил меня, чтобы разъяснить идеи, лежащие в основе этого плана. Первейшей задачей было освободить цены, реформировать налоговую и банковскую системы и установить контроль над денежной массой. Следующим этапом, сказал Кагаловский, должно стать проведение как можно более быстрой приватизации. Около половины уже освободившихся от государственного подчинения предприятий «приватизированы» лишь номинально: их управляющие просто сменили таблички на дверях своих кабинетов. Управляющие были или коммунистами или мошенниками. Но и те и другие были компетентными, а где, кроме этой среды, можно было найти компетентных людей в переходный период? Конечно, публично об этом говорить нельзя. В военном секторе нет возможности для быстрой экономии. Солдатам надо платить, их надо где-то расселять, и, поскольку Советский Союз распался, значительная часть расходов придется на долю России. Я сказал, что это надо будет тщательно разъяснить. Западные политики ожидают быстрых и значительных сокращений военных расходов как частичной платы за помощь.

Кагаловский оказался неправ. Правительство Гайдара в начале 1992 года урезало расходы на армию и другие военные цели процентов на 70, и эта статья расходов так и не была восстановлена в прежних масштабах. Оклады военных были уменьшены простым способом — задержкой выплат. Тем не менее, военные не взбунтовались. Запад никогда так и не воздал должное Гайдару за его решительные действия, которые были в такой же мере в ин-

тересах Запада, как и самой России. Русские военные, конечно, не оценили логику этих действий, и объяснялось это не в последнюю очередь тем, что ни одно из ельцинских правительств никогда не принимало решительных и последовательных мер для сокращения, реформирования и переоснащения Российских вооруженных сил, чтобы они отвечали требованиям обеспечения безопасности страны после окончания «холодной войны».

«Шестидесятники» чувствовали, что их вытесняют, и были настроены критически. Петраков сказал мне, что Гайдар не настоящий экономист, а экономист от журналистики. Для разъяснения смысла реформы не было проделано никакой серьезной работы. Ельцин поступил неправильно, объявив о повышении цен, не имея на этот счет никакого плана и не определив, когда эта мера будет введена. Горожане уже опустошают магазины, скупая все подряд, а сельское население придержит свою продукцию до тех пор, пока цены не поднимутся. Геращенко, глава Центрального банка, был уверен, что страна находится на грани гиперинфляции. Не хватит печатных станков всей Западной и Восточной Европы, чтобы отпечатать то количество бумажных банкнот, которое понадобится. Он был особенно против идеи разрушения валютного союза: русское правительство еще убедится, что его позиция на переговорах слабее, чем оно думает.

Несмотря на свою репутацию молодого реформатора, Явлинский тоже высказывался критически. Он считал, что российские реформы плохо подготовлены и не увенчаются успехом. Как и Международный валютный фонд, он отдавал предпочтение экономическому и валютному союзу всех бывших советских республик.

Даже в тех случаях, когда критика была справедливой, она исходила от людей, которым не приходилось выбирать между действием и бездеятельностью.

По мере приближения срока реформ Ельцин, выступая по телевидению, предупреждал, что предстоящей зимой положение будет трудным. Экономика продолжала

разваливаться, и западная пресса чувствовала надвигающуюся катастрофу. Накануне европейского саммита в Мaaстрихте в декабре 1991 года Брюссель запросил у европейских послов в Москве их коллективное мнение по данному вопросу. Мои коллеги и я сходились в том, что, несмотря на устрашающие статьи в советской и иностранной печати, в стране не было не только голода, но даже серьезной нехватки продовольствия. Были трудности с продуктами в отдельных очагах, но голода, который охватывал бы всю страну, не наблюдалось. Неуверенность привела к тому, что потребители делали запасы, крестьяне не везли свою продукцию на рынок, а мафия наживалась. Это был кризис перераспределения, а не производства. С таким положением вещей могут справиться лишь сами русские. Мы с тревогой сознавали, что этот сравнительно утешительный анализ мог быть неверен. И вспоминали 30-е годы, когда западных наблюдателей обманом уверили в том, что на Украине голода нет. Пожалуй, нам не следовало тогда торопиться с выводами.

Как писал позднее Гайдар, декабрь 1991 года — «одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов... Всеобщее ожидание катастрофы»⁷. Был ли анализ послов правилен или нет, политическая и эмоциональная атмосфера не оставляла возможности для западных правительств быть пассивными. Эмоциональное состояние объяснялось в значительной мере великодушным желанием помочь. При этом некоторые из западных деятелей требовали, чтобы московские корреспонденты (разделявшие наш скептицизм) представили фотографии маленьких детей, умирающих на улицах от голода. В Германии, где у населения имелись особые причины испытывать благодарность за недавнее изменение советской политики, эта проблема стала одной из тем, обсуждавшихся в ходе выборов. Хорст Тельчик, советник Коля, приехал в Москву с огромной командой для обсуждения вопроса об

оказании гуманитарной помощи. Немецкое Министерство обороны предложило, чтобы авиация доставляла экстренные продовольственные пайки. Западные послы шутили, что последним таким воздушным мостом, который закончился неудачей, был зимний воздушный мост в Сталинград в 1942 году. В январе и мае 1992 года американцы организовали две грандиозные и абсолютно бесполезные конференции об оказании гуманитарной помощи России, первую — в Вашингтоне, вторую — в Лиссабоне. Как ни странно, сами русские приглашены на них не были.

Для русских политическая сторона была болезненной и трудной. Советский заместитель премьер-министра Воронин, ведавший в то время организацией продовольственной помощи, говорил мне, что он и его соотечественники искренне ценят всплеск сочувствия на Западе. Но они чувствуют себя бесконечно униженными перспективой получения продовольствия от своих бывших врагов, и их беспокоит, что западные политики воспользуются удобным случаем для политических игр. Они бы хотели, чтобы Запад имел дело с центральными властями, а не с республиками, городами и местным населением. Я сказал, что разговоры о чрезвычайной ситуации преувеличены. Мы хотим проявить солидарность. Никакого желания вмешиваться в местную политику у нас нет. Однако мы действительно хотим быть уверены в том, что помощь попадет именно к тем людям, которые в ней нуждаются.

Западные доноры создали строгую сеть контроля, с проверкой в портах и строгим наблюдением за системой распределения, дабы исключить растаскивание продовольственной помощи мошенниками. Одним забавным следствием этих событий было то, что Найджел Шекспир, британский помощник военного атташе, изгнанный из Советского Союза в 1989 году, был вызван обратно, но уже в роли наблюдателя. Русские с поразительным тактом отнеслись к западной опеке, которая была и унижительной, и даже несколько оскорбительной. Надо ли говорить о том, что значительная часть помощи все равно попала не в те руки.

Гайдар освободил цены 2 января 1992 года и положил начало революции в российской экономике. И тут же оказался в центре водоворота. «Я чувствовал себя так, словно на меня направлена мощная струя воды из пожарного шланга. Надо было не только устоять на ногах, но и сохранить ясную голову, и пойти не в том направлении, куда тебя толкают обстоятельства. И все время, днем и ночью, наиболее тревожным был вопрос о хлебе».

Буквально в тот же день я оказался вовлеченным в нелегкую ссору по поводу британской говядины. Годом раньше русские установили запрет на британскую говядину в связи с тревогой, которую вызвали случаи «коровьего бешенства». Они сохраняли свой запрет несмотря на то, что Европейская комиссия разрешила ее свободно продавать во всех странах сообщества. Мы решили поэтому послать говядину русским в качестве гуманитарной помощи, но хотели получить заранее письменную гарантию, что груз будет допущен к ввозу, когда он прибудет. Заместитель премьер-министра Шохин сказал мне, что русские вряд ли находятся в таком положении, чтобы применять более строгие стандарты, чем комиссия. Однако ему еще надо было убедить ветеринарных экспертов. К сожалению, они в тот день не работали. Некоторые не пришли в себя после празднования Нового года. А некоторые, очевидно, еще не оправились от шока, вызванного тем, что им пришлось работать 7 ноября, в годовщину революции.

Тем не менее, Шохин подписал необходимый документ. И разразилась буря. Громадный самолет «Ан» прилетел в Шереметьево из Стэнстеда с грузом британской говядины стоимостью 250 000 фунтов стерлингов. Русские ветеринары потребовали доказательств, что в этом грузе нет мяса, зараженного «коровьим бешенством». Мороженое мясо оставалось в аэропорту и постепенно оттаивало. Министры в Лондоне впадали во все большую истерику: они боялись, что на них набросятся британские фермеры, британская печать и британский премьер-министр. Один советский министр пригрозил, что прикажет

армии доставить мясо в Москву. Ветеринары угрожали, что, если их не послушают, они уйдут в отставку. Форин Оффис сообщил мне, что британские министры хотят, чтобы я позвонил Ельцину. Я ответил, что политически ему будет почти невозможно отменить решение своих ветеринаров, и отказался что-либо делать без специального указания министра иностранных дел или премьер-министра. Тогда один умник в Форин Оффис посоветовал, чтобы премьер-министр отозвал свое предложение пригласить Ельцина участвовать в предстоящем специальном заседании Совета безопасности ООН, если русские не решатся действовать. Больше об этом его блестящем совете навредить самим себе я не слышал. Обстановка накалялась. Лондон ругал русских, русские ругали Лондон, и те и другие ругали посольство. Я заявил Форин Оффис, что многие русские (да и я сам, хотя об этом умолчал) считают, что вся эта затея — циничная британская операция, имеющая целью заставить русских действовать вопреки существующему запрету на продажу говядины, сбыть все ее излишки и нажить себе на этом еще и политический капитал за оказание помощи в тяжелую минуту.

В конце концов, не кто иной, как Гайдар, выкроил время, отложив куда более серьезные дела, и все уладил с обычным для него здравомыслием. Русские ветеринары согласились с тем, что самолет должен направиться в Мурманск, потому что, по их словам, так далеко на Севере нет скота, который мог бы заразиться. Груз туда прибыл и был, как положено, превращен в колбасу, к ужасу местных домашних хозяек, которые предпочли бы сделать из него бифштексы. Лишь позднее я вспомнил, как секретарь Мурманского горсовета Климентюк хвастался нам три года спустя, что надои молока в Мурманске — самые большие в Советском Союзе.

Впрочем, «гуманитарная помощь» была делом второстепенным. Настоящая задача заключалась в преобразовании всей экономики. 5 декабря Гайдар пригласил послов стран-членов Большой семерки выслушать послание

Ельцина. Некоторые из моих коллег спрашивали себя, а не следует ли им запросить инструкции, прежде чем являться по вызову заместителя премьер-министра государства, еще не получившего международного признания.

Я твердо заявил, что мне никаких инструкций не требуется. Я непременно увижусь с Гайдаром. Вполне возможно, что он сообщит что-нибудь интересное. Другие подумали и последовали моему примеру. Итак, мы встретились с Гайдаром на следующий день в прежнем здании ЦК на Старой площади. Ельцин просил предоставить ему стабилизационный фонд в размере 4–5 миллиардов долларов для подкрепления его экономических реформ. Это стабилизирует русский бюджет при повышении цен на 200 процентов и увеличении зарплат на 100 процентов. Рубль будет котироваться по курсу 20 рублей за доллар. Без стабилизационного фонда инфляция выйдет из-под контроля и цены на продовольствие могут увеличиться в двадцать–тридцать раз. Если фонд не будет предоставлен к апрелю, правительство дольше июня не продержится. Предсказание оказалось довольно точным. Фонд не был предоставлен, к середине 1992 года инфляция сорвалась с цепи, и в конце года Гайдар был вынужден уйти в отставку.

Советником команды Гайдара был шведский экономист Андерс Ослунд, очень опытный в русских делах. Он посетил меня вместе с Джоном Одлинг-Сми из МВФ. Они подчеркивали резкое отличие между этой новой просьбой о деньгах и теми инициативами, которые исходили ранее от Горбачева. По их мнению, Гайдар знал, что делает. Его план был не вполне последовательным. Но при нынешней неразберихе невозможно разработать и претворить в жизнь план так последовательно, как это могло быть сделано на Западе. Упрощенный эффективный подход и, возможно, единственный, способный помочь прорваться сквозь хаос.

Мой американский коллега Боб Страусс и я согласились. Довод о том, что нет смысла швырять деньги в «черную дыру» уже не был оправданным. Теперь существ-

вовала настоящая программа реформ — такая, на которой Запад настаивал как на условии предоставления помощи. Требуемые деньги просто крохи в сравнении с тем, что мы потратили на войну в Персидском заливе. И ставки на этот раз гораздо выше. Никто из нас не питал оптимистических иллюзий, что западные министерства финансов вдруг раскошелятся, а Боб в свою очередь сомневался, чтобы и американский Конгресс согласился ассигновать крупные суммы в год выборов. И все-таки мы договорились попытаться воздействовать на свои правительства.

В Москву вновь должен был приехать Дуглас Херд. 11 января я послал в Лондон телеграмму, в которой говорилось, что на этот раз российская драма является более сложной и развивается медленно. Гайдаровская либерализация цен — полнокровный шаг в направлении экономической реформы. Но это также рискованный шаг. Ни Ельцин, ни Гайдар, ни кто-либо другой не могут предсказать, какой будет реакция русских производителей и потребителей; надолго ли им хватит терпения. Возможно, это последний и наилучший шанс осуществления экономической реформы, а следовательно, и достижения политической стабильности в России. Если Гайдара сметут, мы в скором времени можем снова оказаться лицом к лицу с экономистами-знахарями и авторитарным руководством, пытающимся направить недовольство народа против внешнего (украинского? западного?) врага. Поэтому Большая семерка должна взять на себя обязательство профинансировать стабилизационный фонд и оказать давление на Международный валютный фонд с тем, чтобы он как можно скорее принял в свои члены Россию. Быстрейшее оповещение об этом явилось бы спасительной политической «инъекцией в вену» реформаторов. Но за объявлением должны очень скоро последовать реальные деньги. Несмотря на трудности, британское правительство, которое все еще председательствовало в Большой семерке, должно показать пример. Такого политического курса, который не заключал бы в себе элемента риска, вообще не существует. Мы стараемся выбрать наименьшее из зол.

Я показал свою телеграмму Гайдару, с тем, чтобы он точно знал, какими аргументами я оперирую. Я убеждал его и Ельцина спокойно и подробно разъяснить своим западным собеседникам три вещи. Они должны сказать, что ситуация серьезная; русские начали реформы, на которых настаивал Запад; сейчас пришло время Западу выполнить свою долю обязательств по сделке. Гайдар отнесся довольно заносчиво к предложению форсировать членство России в МВФ. Пока что советы, которые давал Фонд, были не слишком блестящими. Я сказал ему, что членством пренебрегать не следует. Русским пойдет на пользу, если они будут добиваться быстрее приема в члены МВФ.

Один мой друг в Казначействе, увидев мою телеграмму, позвонил, чтобы предостеречь меня о том, что по внутренним политическим причинам западные правительства не смогут или не захотят выложить деньги. Нам придется довольствоваться тем, чтобы русских как можно скорее приняли в Международный валютный фонд. Ельцин мог бы этому поспособствовать, если бы пропагандировал эту идею среди западных руководителей более энергично. Соответствующая программа МВФ обеспечила бы деньги. Окончательный ответ на мою телеграмму пришел позднее. В нем говорилось, что русские должны уплатить свои долги, прежде чем они смогут ожидать поступления новых денег.

Чувствуя себя виноватым, что был слишком пассивным в вопросе о переговорах Большой семерки прошлой осенью, я послал саркастический ответ Роду Лайну, который теперь вновь работал в Форин Оффис. Ортодоксальные банкиры, писал я, сочли для себя невозможным игнорировать должников в Латинской Америке. Неужели они думают, что игнорировать обанкротившуюся Россию будет легче? Род сказал, что мои идеи производят впечатление на министров. Политика продвигается помаленьку вперед. Предстоящий визит Ельцина в Лондон привлекает к себе внимание. Накануне его визита состоялась встреча министров финансов стран Большой семерки. Но

хотя Норман Ламонт высказался в пользу стабилизационного фонда, его коллеги соблюдали осторожность.

Ельцин прибыл в Лондон в последний день января по пути в Нью-Йорк на специальную сессию ООН. Это была его первая поездка на Запад в качестве Президента независимой России. Во время подготовительного брифинга у премьер-министра все высказывались в пользу России. Херд сказал, что британская политика достигла поворотного пункта; отстают наши партнеры. Ламонт заявил, что мы должны окончательно решиться и поддержать системные изменения, происходящие сейчас в России. Это была волнующая риторика. Конкретные же предложения, выдвинутые чиновниками Уайтхолла, определенно ничего волнующего в себе не содержали. Опять старые разговоры про Международный валютный фонд, слабый намек на то, что членов Большой семерки могут вынудить внести свою долю, скромные обещания экспортного кредитования, оговоренные множеством условий.

На следующий день Ельцин прибыл на Даунинг-стрит. Он выглядел здоровее, чем в Москве, веки не такие набухшие, цвет лица менее желтый. Он слушал серьезно и бесстрашно. Время от времени на лице его медленно расплзалась улыбка, особенно если ему задавали какой-нибудь трудный вопрос. Важным тоном он долго излагал суть своих реформ. Горбачев, сказал он, так и не решился принимать непопулярные меры, а он начал действовать. Он либерализовал цены. Следующая задача — приватизация. Правительство продержалось первый месяц своего пребывания у власти. Но работа по изменению цен займет целый год. Люди, живущие на фиксированный доход, уже испытывают трудности. Терпение простого народа не безгранично. Мэйджору в какой-то момент удалось остановить поток его красноречия, чтобы подчеркнуть наше желание оказать помощь. Ельцин поблагодарил его с некоторой иронией. Он понимает, что у Запада есть свои экономические проблемы и ему будет нелегко изыскать деньги. Но если ре-

форма в России провалится, возвратится диктатура, и Западу опять придется тратить сотни миллионов долларов на оборону. Вот почему помощь нужна сейчас.

За этим последовало краткое обсуждение военных проблем. Ожидалось, что в Вашингтоне Ельцин будет говорить о новых мерах по контролю над вооружениями, и англичане боялись, что он воспользуется случаем, чтобы публично призвать англичан и французов сократить свои ядерные арсеналы. Премьер-министр объяснил ему, что наши вооруженные силы насчитывают сейчас менее четверти миллиона человек, а средства ядерного сдерживания очень невелики. Действительно ли Ельцин считает, что надо поднимать этот вопрос публично? Ельцин, очевидно, как громом пораженный тем, что такая влиятельная держава может иметь такую маленькую армию, великодушно заверил премьер-министра, что он постарается не преувеличивать значение независимых сил ядерного сдерживания у англичан.

На протяжении последующих недель британское правительство продолжало показывать всем пример, настаивая на скорейшем приеме России в Международный валютный фонд, поддерживая идею стабилизационного фонда и рассматривая различные способы получения финансов для России от Большой семерки. Наши партнеры по-прежнему плелись в хвосте: японцы из-за Курил, американцы из-за тревог, связанных с правом голоса в МВФ, а также из-за непопулярности практики предоставления денег иностранным государствам в год выборов. Ключом ко всему была, конечно, позиция Америки. К концу февраля настроения в Конгрессе как будто бы начали склоняться к оказанию поддержки России, даже американское Казначейство изъявляло свое согласие. Влиятельные американцы — бывший председатель Федерального резервного банка Поль Волкер и председатель Нью-йоркского федерального резервного банка Джерри Корриган действовали в качестве личных советников Ельцина. Боб Струсс отправился в Вашингтон, чтобы выбить поддержку

России в Конгрессе и других местах. Его усилиям сильно помогла публикация меморандума Ричарда Никсона, в котором он нападал на администрацию США за ее инертность и предупреждал, что если ничего так и не будет сделано, главным вопросом в 1990-х годах станет вопрос: «Кто потерял Россию?», точно так же как в 50-х годах таким вопросом был: «Кто потерял Китай?».

Однако пока что главным вопросом было членство России в Международном валютном фонде. К этому времени мы завоевали доверие русских, и они попросили нас поддержать их заявление о приеме. Дэвид Перец, наш представитель в МВФ, приехал в Москву, чтобы увидеться с Гайдаром и выработать общую линию поведения. Кабинет Гайдара, находившийся в здании на Старой площади, в свое время занимали Суслов и другие идеологические вожди коммунистической партии. Его стены были увешаны картинами на индустриальные темы 1930-х годов в мрачных тонах в стиле Лоуренса Лаури, тоже любившего изображать индустриальные пейзажи. Один из помощников Гайдара заметил, что эти картины напоминают о том, где экономика брала свое начало и как низко она пала сейчас. Впредь дела могут пойти лучше. Мы обсудили тактику: как лучше всего вести себя в вопросе о фонде и в отношениях с американцами. Было жутко думать, что мы вступаем в заговор с русскими в помещении, где когда-то находился центр мирового коммунистического движения.

В конце марта приехал Найджел Уикс, чтобы рассказать, как продвигается дело. Гайдар был спокоен, решителен, голова у него была совершенно ясная. Он был благодарен нам за наши усилия. Я спросил, каковы, по его мнению, шансы на успех его программы. Гайдар ответил, что все будет зависеть от соотношения сил в парламенте, который начнет работу в апреле. Если правительство удержится, и если Ельцин не будет лишен своих чрезвычайных полномочий, компромисс возможен. А пока делу очень помогло бы, если бы Запад мог публично пообещать поддержку программы реальными деньгами и подчеркнуть,

что ни одна из альтернатив, предлагаемых националистами, ничего не даст. Что бы он ни делал, сказал Гайдар, националисты все равно обвинят его в том, что он продает свою страну Западу и пляшет под музыку МВФ.

В конце концов мы успешно договорились о приеме русских в Фонд. 1 Мая Гайдар и его коллеги пришли на ланч, чтобы отпраздновать нашу общую победу над силами тьмы, угнездившимися в Казначействе США, японском Министерстве финансов и в международных финансовых учреждениях. Мы все были в хорошем настроении. Гайдар как всегда был полон уверенности и спокоен. Его соратники говорили по-английски и походили внешне на американских юристов — это было явно новое поколение, хотя я полагал, что где-то за внешним фасадом проглядывает нечто стихийно-русское.

Гайдар произнес щедрую на похвалы речь, в которой восхвалял англичан за то, что они первыми безоговорочно поддерживали новые русские реформы. И он и его коллеги воздавали должное старшему поколению экономистов, подготовившему для них почву — Богомолу, Абалкину, Аганбегяну.

Я записал тогда в свой дневник: «Таковы превратности политики. Я не исключаю, что оппозиция сможет представить успех в негативном свете». Так и случилось. Российский парламент собрался в середине апреля. Хасбулатов, ставший противником Ельцина после их совместной защиты Белого дома, протолкнул резолюцию, вынуждавшую Ельцина отказаться от чрезвычайных полномочий и образовать новое правительство. Ельцин колебался. Хасбулатов напечатал в одной итальянской газете статью, в которой выражал «глубочайшее презрение» к Гайдару и его соратникам, назвав их «маленькими червяками». Гайдар и его команда подали в отставку. Совершенно сбитый с толку парламент принял путаную компромиссную резолюцию, в общем плане поддерживавшую экономическую реформу. Гайдар остался на своем посту. Но процесс реформы утратил часть своей первоначальной энергии. Гай-

дар просто растянул время, требующееся для реформ, и дал Фонду и Большой семерке новый предлог для соблюдения осторожности.

Вскоре Джеффри Сакс посетил меня, чтобы обсудить, каким образом в этой ситуации Запад все же может оказать помощь. Мы снова разошлись с ним во взглядах, на этот раз по вопросу о трудностях свертывания оборонной промышленности. В закрытых сибирских городах кроме военных предприятий сотням тысяч людей негде было работать. Сакс считал, что населению этих городов можно было бы в течение пяти лет выплачивать субсидию, чтобы они ничего не делали. Они скоро найдут себе новую работу, говорил он. Я сомневался, так ли уж просто это будет. Рабочие могут оказаться слишком инертными, чтобы взяться за что-то новое. Политические и социальные последствия могут быть ужасными. То, что было возможно в старых сталелитейных городах Англии, окруженных самыми различными возможностями, которые предоставляет высоко развитая и гибкая экономическая система, будет невозможно в городах с одним единственным предприятием, находящимся за сотнями километров от других населенных пунктов, в стране, где экономика разваливается на части. Сакс с недоверием относился к числу 40 миллионов безработных, часто упоминавшемуся как в России, так и на Западе. Он считал, что их максимум 14 миллионов, и оказался прав. Впрочем, мы с ним пришли к единому мнению, что Гайдар должен сосредоточить свое внимание на структурной политике, сделать главный упор на модернизации энергетического сектора, на конверсии оборонной промышленности, преобразовании предприятий по производству продовольствия и создании надежной сети социального обеспечения.

Сакс полагал, что Запад может помочь России, связав ее более официально с механизмами саммита Большой семерки. И к этому же, собственно говоря, сводилась главная мысль моей последней телеграммы, посланной из Москвы в начале 1992 года. К тому времени подготовка к встрече на высшем уровне стран-членов Большой семерки, которая

должна была состояться в июле в Мюнхене, шла уже полным ходом. В предыдущем году Большая семерка решила, после пререканий с американцами и японцами, лишь в последнюю минуту пригласить Горбачева в Лондон. На этот раз они снова разыграли ту же шараду, и Ельцин также был приглашен в последнюю минуту. Это был унижительный способ обращения с человеком, которого мы называли своим партнером. Я доказывал, что поощрение русской экономической реформы будет главным вопросом, который должны решить в Мюнхене. Ельцин и Гайдар прекрасно понимали, что экономический успех зависит от макроэкономической реформы, а также от быстрых структурных перемен в сельском хозяйстве, энергетике, обороне и социальном обеспечении. Однако они сталкивались с громадными политическими и практическими трудностями. Ни они, ни мы не могли уйти от реального положения вещей. Всем предстояло принять продуманные решения, учитывая, что русские консерваторы и русский народ пытались заставить правительство отказаться от благ, которые сулила программа Фонда. Поэтому надо было разработать такое соглашение между странами Большой семерки и Россией, которое полностью учитывало бы особенности положения сверхдержавы, попавшей в тяжелую ситуацию. Я не пытался доказывать, что Россия могла бы вступить в группу этих стран в качестве полноправного члена. Но диалог с Россией был начат. И не думал, что японцы, не говоря уже об итальянцах, — их очередь председательствовать на саммите была в следующем году, — нарушат установившийся порядок, поскольку русский лидер уже два года подряд встречался со своими западными коллегами. Напряженная экономическая дискуссия, на самых различных уровнях развернувшаяся на саммите в Лондоне между русскими чиновниками и их коллегами из Большой семерки, была существенной частью образовательного процесса, через который русские должны были пройти, для того чтобы их экономические реформы увенчались успехом. Членство России в «семерке» должно было быть официально оформлено.

Однако произошло это лишь через пять лет. В 1992 году Ельцина пригласили присутствовать на последнем заседании Мюнхенского саммита только для того, чтобы рассуждать о важнейших политических проблемах. Никаких разговоров о стабилизационном фонде уже не велось: министры финансов одержали верх над своими коллегами в министерствах иностранных дел государств-членов Большой семерки. В заключительное коммюнике Мюнхенского саммита была вставлена цифра 24 миллиарда долларов — «по политическим причинам». Это была смесь двойной бухгалтерии, экспортных кредитов и «помощи», которая оседала в основном на банковских счетах западных консультантов. Так что, какой бы краткосрочной цели эта цифра ни служила, русские вскоре стали, естественно, рассматривать ее как мошеннический трюк, как мифическое золото, не имеющее реальной цены. А враги Ельцина использовали это для доказательства, что он и его молодые реформаторы не только готовы продаться Западу, но что они к тому же и доверчивые простофили.

Хотя подвести итог споров нелегко, реакция Запада на экономический кризис России в первой половине 1991 года представляется тем не менее неадекватной. Горбачев был прав, указывая на то, что коалиция, истратившая 100 миллиардов долларов на войну в Персидском заливе, могла бы себе позволить предоставить ему сравнительно незначительную сумму, которую он просил. Но при этом прав был и о. Элефтерий из Киево-Печерской лавры, говоря, что не было особого смысла вкладывать большие суммы денег в рушащуюся экономику, пока те, кто непосредственно отвечали за это, не могли решить, что они собираются делать. В то время многие проводили аналогию с планом Маршалла. Но эта аналогия была мнимой. План Маршалла был рассчитан на то, чтобы спасти Европу от угрозы коммунизма. Он был распространен на страны, которые уже располагали профессиональным человеческим потенциалом и институтами, которые требовались, чтобы заставить рыночную экономику работать. Как только их заводы, железные

дороги и доки были восстановлены, экономическое возрождение пошло быстро. Между тем, экономическая реформа в России требовала не столько исторически беспрецедентных перемен в материальной инфраструктуре, которой располагали русские, хотя она и крайне обветшала, — сколько изменения в сознании людей и реформирования общественных институтов.

Состоявшиеся осенью 1991 года переговоры «семерки» о долге продемонстрировали особенно явственно отсутствие воображения. Решимость вернуть свои деньги, как и весьма дорогостоящие экономические консультации были, конечно, не лучшим способом помочь Советскому Союзу совершить трудный переход. Опыт стран Латинской Америки в 80-х годах, а также России после кризиса 1998 года подрывает утверждения участников названных переговоров о том, что страна, не возвращающая вовремя свои долги или просящая их реконструировать, навсегда вычеркивается из списка участников мировой экономики. Исходя от самих кредиторов, это мнение выглядит довольно эгоистичным. Однако в то время никто не выступил с более многообещающей альтернативой, которая помогла бы преодолеть барьер возражений в странах Большой семерки.

Тем временем все могло измениться, когда Ельцин и Гайдар показали свою решимость провести действительно радикальную реформу на основе как раз тех принципов, которые отстаивал Запад. Ссылки на то, что западные избиратели не позволили бы своим правительствам субсидировать Россию, пока безработица на их родине растет, никем никогда не были проверены. Политики всегда в гораздо меньшей степени способны правильно истолковывать настроения людей, чем они утверждают. Решительно настроенные западные лидеры могли бы воспользоваться общим сочувствием к России и разработать сообща настоящий план стабилизации, который смягчил бы простым русским людям болезненность перехода и избавил бы их от многих лишений. Могут сказать, что деньги, предоставленные в начале 1992 года, обязательно попали бы в карманы

коррупцированных элементов. Но механизма коррупции следующих лет тогда еще не было, и западная помощь, если бы она была предоставлена в нужный момент, возымела бы решающий эффект. Еще одно историческое «если».

Собственные рассуждения Гайдара на этот счет взвешенны, хотя горечь в них чувствуется. Ни один западный лидер, включая даже Джона Мэйджора, пишет Гайдар, не пожелал взять на себя ответственность за принятие адекватных мер поддержки: «В критические месяцы с января по апрель 1992 года даже несколько сотен миллионов долларов из резервов свободно конвертируемой валюты позволили бы нам значительно увеличить свободу экономического маневра, но даже этих сумм мы не получили. К тому времени, когда бюрократические процедуры были, наконец, завершены, программа стабилизации уже разваливалась у нас на глазах».

Это суровые слова в адрес Джона Мэйджора. Он очень успешно действовал, имея дело с иностранцами. Он умел вести жесткие переговоры не нанося обид, — искусство, сослужившее ему хорошую службу в Европе и Германии. Он полностью использовал эфемерные «особые отношения» Англии с Россией после августовского путча, чтобы привлечь внимание западных коллег к ее проблемам. Но, к сожалению, и он был не в состоянии преодолеть их инертность, скептицизм и отсутствие воображения. Хотя на этот раз английское правительство не было виновато, я постоянно вспоминаю то, что писал Литтон Стрейчи о подготовке к спасению генерала Гордона в Хартуме. «Тяжеловесная машина столько времени приводилась в движение, громадные колеса, когда они сдвинулись с места, поворачивались с таким трудом, с такой натугой, что в конце концов ее задача была выполнена — уверенно, решительно, полностью, в лучших английских традициях. И слишком поздно»⁸.

К светлому будущему?

19 марта 1917 года «Петроградский бюллетень» выпустил экстренный выпуск, чтобы сообщить об отречении царя Николая II от престола. Громадный заголовок на первой странице гласил:

НОВАЯ ВЕЛИКАЯ
ЖИЗНЬ ИДЕТЬ,
РУССКІЕ ЛЮДИ!

Спустя 80 лет я купил потрепанный экземпляр «Бюллетеня» на берегу Волги, в Угличе, где, якобы по приказу Бориса Годунова, был умерщвлен царевич Дмитрий. Я показал заголовок пожилому человеку, который продал мне газету; он походил на бывшего интеллигента, ныне впавшего в нужду. Он грустно рассмеялся, засмеялась и крестьянка, продававшая рядом русские матрешки: очередное разочарование от очередного обещания светлого будущего.

В течение десяти лет после прихода Ельцина к власти в стране состоялись дважды президентские выборы, трижды — парламентские, общенациональный референдум, многочисленные местные выборы, короткая гражданская война, два кровавых конфликта в Чечне и неожиданная смена руководства страны. Английский еженедельник «Экономист» назвал это «фальшивой демократией», хотя

все названные события отличались не большей грубостью и скоропалительностью, чем в современной Индии.

Однако важнейшую роль во всей этой проблеме играл экономический фактор. Радикальная реформа Гайдара сознательно была направлена на то, чтобы сломать до основания старую систему и заменить ее механизмами современного либерального рынка. Его либерализация цен произвела эффект, который описан во всех учебниках. Магазины наполнились товарами, нашлось поразительно много людей, готовых их покупать, очереди исчезли. Расплатились за это простые люди.

Экономические перемены открыли перед предпринимчивыми и беспринципными людьми огромные возможности для обогащения за счет своей страны. Еще до того, как Гайдар изменил правила игры, деятели прошлого — комсомольские вожаки в Москве и Ленинграде, бывшие министры правительства Горбачева, генералы и бывшие партийные секретари в провинциях произвели самих себя в «бизнесмены» и вошли в организации, эвфемистически именовавшиеся «коммерческими структурами». Многие из них пустили в ход свои личные связи, оставшиеся от былых времен, и использовали неопределенность судьбы бывших партийных фондов. Кое-кто из новых бизнесменов создал «банки», которые на льготных условиях ссужали друзей и однокашников. Другие торговали сырьевыми материалами и металлоломом — всем тем, что осталось от распавшейся старой системы хозяйства, или создавали «пирамиды», грабительски лишавшие миллионы людей их сбережений. Наиболее энергичные обхаживали приближенных Ельцина. Правильно рассчитанная сумма, «снутая» кому следует, могла обеспечить необыкновенно выгодное уклонение от налогов на импорт спортивного инвентаря, сигарет и других потребительских товаров, приносящих большую прибыль. Всему этому способствовала несовершенная макроэкономическая политика правительства, позволявшая спекулянтам наживаться на финансовых рынках. Обогащались не только местные обитатели.

Россия стала популярным «развивающимся рынком» для многих иностранцев, чьи цели, методы и нравственный облик оказывались столь же подозрительными.

Благодаря таким методам богатые, может быть 5 процентов населения, стали неприлично богаче, а бедные и престарелые — еще беднее. Непосредственными побочными результатами перемен стали неукротимая инфляция, гибель накоплений, застой в промышленности и сельском хозяйстве, поскольку субсидии были прекращены, социальное отчаяние и все усиливающаяся и широко распространяющаяся нищета. Выплаты зарплат и пенсий в сохранившихся секторах государственной экономики и бюрократического аппарата задерживались, нередко месяцами. Алкоголизм и уличная преступность выросли, средняя продолжительность жизни мужского населения резко снизилась. В прошлом нищих прогоняла с улиц милиция, а если требовалось, их отправляли в лагеря, чтобы навсегда от них избавиться. Теперь они стали неотъемлемой частью городского пейзажа.

Каждую зиму коммунисты с надеждой ждали призыва снова прогнать продажное и некомпетентное буржуазное правительство, как они это сделали в октябре 1917-го. Наблюдатели удивлялись, что не происходит взрыва. Почему не взбунтуются оставшиеся в каких-то жалких ломотях военные? Почему простой народ не поступит так, как много раз поступал в прошлом — не выйдет на улицы, чтобы поджигать, грабить и убивать? Но бунта не происходило, и коммунисты были разочарованы.

Статистика, результаты опросов, свидетельства очевидцев, — все это имелося в изобилии. Многие использовали эти сведения, чтобы изображать такую картину упадка России, что иной раз она была невероятно преувеличенной. Судить же о степени реальных страданий, испытываемых людьми, недавно потерявшими работу, стариками, одинокими родителями, инвалидами, было нелегко. Если верить официальным цифрам, экономическое производство сократилось за период с 1990 по 1995 год на

40 процентов, хотя на чем основывались эти данные, было неясно, и к тому же статистика недостаточно учитывала быстрый рост теневой экономики.

При всех своих многочисленных недостатках, советская система социального обеспечения создавала у людей веру в то, что о них будут надлежащим образом заботиться от колыбели до могилы. Это чувство защищенности было в значительной мере иллюзией. Ко времени крушения Советского Союза более трети населения, согласно официальной статистике, жило ниже официально-го прожиточного минимума.

Но людей поддерживало чувство ностальгии. Вопреки фактам, если это действительно были факты, они упорно продолжали верить на всем протяжении 1990-х годов, что их жизненный уровень подрывали Горбачев, Ельцин и Гайдар. Сталин, твердили они, регулярно снижал цены на продукты. Брежнев поддерживал цены на стабильном и низком уровне. Люди забыли о том, что дешевые товары редко продавались простому народу: их выносили через задний ход магазина тем, у кого были связи и деньги, чтобы доплачивать за дефицитные товары. По сравнению с тем, что люди чувствовали, истина была в прошлые годы совсем иной, более горькой, более циничной, требовавшей большей покорности судьбе. Об этом можно судить по политическим анекдотам того времени¹. Однако народное представление о советском прошлом было понятным — это был способ компенсации за унижение от краха. Коммунисты не могли его не использовать, и правительство не могло не принимать этого обстоятельства к сведению.

Огромная территория России продолжала порождать почти неразрешимые проблемы. По мере того как страна беднела, система мер, рассчитанных на то, чтобы поощрять людей селиться в отдаленных районах Сибири и Севера, начала рушиться. Транспортные расходы резко подскочили. Изношенные системы отопления пришли в негодность. В районах, где температура зимой понижается до сорока градусов мороза, целые города стали замерзать.

Громадные предприятия остановились, так как на их продукцию не стало спроса. Разница в зарплате уже не привлекала. Те, кто мог, уезжали на более выгодную работу в новых отраслях экономики в Западной и Центральной России, присоединяясь к тем четырём пятым населения, которые уже жили в этих регионах.

Однако многие не могли уехать. Они оставались в городах с населением до миллиона человек, часто находясь в зависимости от уже нежизнеспособного промышленного предприятия, или же в крошечных поселках, далеких от всех достижений современной цивилизации. Сколь бы ни был безнадежным с чисто экономической точки зрения существовавший порядок, ни одно российское правительство не могло позволить себе его игнорировать. Пенсии и зарплату надо было выплачивать, даже если ничего стоящего не производилось. Каждую осень надо было собрать за счет правительства определенное количество продовольствия и найти топливо, чтобы дать возможность людям пережить суровую зиму. Беззаботные западные советники уверяли русское правительство, что эти проблемы утрясутся сами собой, когда начнет давать себя знать рыночная дисциплина. Люди поедут искать работу в другом месте. Местные предприятия под нажимом «суровых бюджетных ограничений» перейдут на производство высококачественных товаров, которые действительно нужны потребителю. Все это, конечно, было совершенно нереалистично. Чтобы разобраться с тем бременем, которое легло на российскую экономику в силу природных особенностей и сталинско-брежневского неумелого хозяйствования, потребуются не одно десятилетие. А некоторые проблемы, видимо, так и останутся неразрешимыми.

Простой народ изобрел много различных способов выживания. Люди обрабатывали свои крошечные земельные участки, устраивались на вторую работу, создавали небольшие деловые предприятия и, как это всегда делали русские, помогали друг другу, используя семейные и дружеские связи. К весне 1992 года крестьяне в маленьких де-

ревнях вокруг Москвы (очаровательные, но покосившиеся деревянные избы, водяные колонки или колодцы на улицах из-за отсутствия водопровода, кое-где ветхие церквушки) обрабатывали свои наделы тяпками и лопатами. Это было похоже на фотографии старой крестьянской жизни в XIX веке, разве что крестьяне теперь были не в народных костюмах, а в тренировочных брюках и майках. Некоторые применяли самодельные культиваторы — маленькие бензиновые моторчики, кое-как прикрепленные к хлипким рамам. Некоторые даже пахали на лошадях. Это были первые рабочие лошади, которых мы увидели в России. Куры, овцы и козы слонялись по деревенским улицам. В некоторых местах крестьяне взялись за возделывание земли, брошенной колхозом. Авторитарное государство было более не в состоянии удовлетворять их насущные потребности, так что им не оставалось ничего иного, как проявить инициативу, которая так жестоко подавлялась Сталиным.

Весьма знаменательным новым явлением было возникновение в большом количестве негосударственных организаций, которые начинали заботиться о благоденствии граждан. В советские времена считалось, что независимые организации угрожают политической монополии партии, и они были запрещены. В новой России стихийно возникали организации по оказанию помощи бедным, бездомным, матерям-одиночкам, сиротам, алкоголикам и инвалидам, о которых государство заботилось совершенно недостаточно, и которые теперь в основном были брошены на произвол судьбы. В маленьких и больших городах по всей стране люди объединялись, чтобы как-то облегчить тяготы общих лишений. Многие из них были коммунисты, некоторые даже еще состояли в партии. Они выполняли аналогичные функции в прошлом и были порядочными людьми, знавшими, как вести дело в местных условиях. Западные советники давали им покровительственные, часто невежественные и неуместные рекомендации. В начале русские реагировали на эти рекомендации с восторгом, потом стали выражать недовольство, а потом научились при-

нимать дельные советы и вежливо игнорировать те, что не имели смысла. Некоторые из самых крупных благотворительных начинаний были дискредитированы теми, кто хотел использовать новые возможности для обогащения. Однако были и другие инициативы, удовлетворявшие реальные нужды и функционировавшие все более эффективно. Это были первые жизненно важные ростки того, чего не было в Советском Союзе, — настоящего гражданского общества.

Поразительно, но, несмотря на лишения, через несколько лет в жизни многих людей появились скромные признаки перемен к лучшему. Экономика начала быстро развиваться. В Советском Союзе малый бизнес был незаконным. Нелегко пришлось ему и в новой России: препятствовали экономической нестабильность и грабеж со стороны коррумпированных чиновников. Но по мере того как прежние источники более или менее гарантированного дохода начинали иссякать («они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем»), значительное и все возрастающее число людей обратилось к мелкому производству и сфере обслуживания.

В середине 90-х годов мы с Джилл присутствовали на торжественном вечере по случаю учреждения «Поддержки малого бизнеса» в Нижнем Новгороде — организации, ставившей своей целью содействовать самым маленьким, только что становящимся на ноги компаниям, юридической консультацией, технической помощью и мелкими займами. Почти все начинающие предприниматели были женщинами. Я спросил одну из них, в чем причина этого. Она посмотрела на меня с каменным лицом и спросила: «А что вы знаете о русских мужчинах?». Когда советская промышленность рухнула, мужчины занялись рыбалкой или начали пить. На долю женщин, как это часто случалось в прошлом, выпала задача изыскивать новые способы добывания денег, чтобы содержать семью.

Говорили, что вклад теневой экономики составляет 10 процентов в год, и на ее долю приходится почти поло-

вина всей экономической активности в стране. В официальной статистике это не отражалось, потому что новые предприниматели предпочитали не сообщать о своих доходах сборщикам налогов и местным рэкетирам.

В августе 1998 года русская фондовая биржа обанкротилась, и рубль утратил свою стоимость. Краху способствовали азиатский грипп, резкое падение цен на нефть, а также коррупция, неумелое управление и кумовство, еще худшее, чем в Азии. Импорт прекратился. Правительство заморозило свой иностранный долг. Большинство «банков» предстало в своей неприглядной и мошеннической наготе. Западные правительства и западные банки были возмущены русским дефолтом и предсказывали, что Россия на многие годы станет изгоем на мировых рынках. Я, со своей стороны, весьма мало сочувствовал иностранным спекулянтам, которые еще несколько месяцев назад зарабатывали на русских казначейских обязательствах до 180 процентов прибыли.

В наиболее трудном положении после дефолта оказалась Москва. Шикарные рестораны, состязавшиеся друг с другом оригинальностью убранства, внезапно опустели, так как их клиенты — бизнесмены, бандиты и их элегантные шлюхи — обнаружили, что уже не могут платить за обслуживание дикие цены. Особенно сильно пострадали люди более респектабельные, новый средний класс профессиональных финансистов, журналистов и мелких предпринимателей. Они не имели возможности обворовывать те жизнеспособные компании, которые еще существовали в России, или пользоваться монопольными правами, которые предоставлял своим друзьям становившийся все более коррумпированным Кремль. Их сбережения пропали.

Однако, вопреки мрачным ожиданиям, крах не вызвал полного развала. Во всяком случае, то, что происходило в Москве, не оказало серьезного неблагоприятного влияния на миллионы людей, боровшихся за жизнь, в провинции. К восторгу теоретиков либеральной реформы, экономика начала довольно быстро откликаться на сти-

мул низкого курса рубля. Промышленность смогла снова экспортировать свою продукцию по конкурентным ценам. Местные предприятия, особенно в сфере производства продовольствия, стали предлагать товары, отвечающие русскому вкусу, взамен потребительских товаров, которые больше не импортировались.

Согласно официальным цифрам, на протяжении большей части 2000 года экономический прирост составил 7 процентов — впервые за многие годы. В следующем году рост продолжался, хотя и более скромный. Расходы потребителей значительно увеличились. Выросли также, и весьма значительно, отечественные инвестиции. Правительство начало, наконец, собирать налоги, и федеральный бюджет впервые показал профицит. Высокие цены на нефть обеспечили текущим счетам здоровое сальдо.

Это новое процветание явно изобличало во лжи тех, кто говорил, что экономическая реформа в России обречена. Однако процветание было ненадежным. Оно слишком зависело от высоких цен на нефть. Никакой серьезной перестройкой промышленности оно не сопровождалось. Суды и бюрократия оставались некомпетентными и коррумпированными. В стране все еще было множество банков, неспособных оказывать услуги, которые нормальные банки обязаны оказывать, и Центральный банк ничего по этому поводу не предпринимал. Капиталистическая практика в России (говорить о настоящих капиталистических институтах было еще слишком рано) все еще страдала от неразберихи, коррупции и преступности.

Между тем изменения находили отражение не только в вульгарном поведении нуворишей, но и в самом облике столицы. Москва становилась процветающим городом. Благодаря энергичному мэру Юрию Лужкову, который обладал необычайной способностью находить финансы, город преобразился. Памятники, которые раньше приходили в упадок, восстанавливались правительством Москвы во всей их былой красе. Многие из них в свое время были сознательно разрушены Сталиным и Хрущевым. Теперь они

были отстроены заново: массивный храм Христа Спасителя, воздвигнутый в честь победы над Наполеоном, взорванный в 1931 году большевиками; маленький Казанский собор на Красной площади, построенный в 1625 году в честь освобождения России от поляков, и многие другие. Над Москвой вновь высились главы куполов и сияющие кресты на них, о которых писал в свое время Пушкин. Колдобины на московских дорогах были заделаны, кольцевая дорога расширена, и начато строительство новой. По всей Москве строились все новые гостиницы и учреждения, так что столица стала походить на вечную стройку. В городе, где некогда было трудно найти приличную еду, возникали японские, французские, итальянские, индийские рестораны, многие из которых финансировались бандитами, искавшими, куда бы вложить свои деньги. В магазинах было полно потребительских товаров, которые москвичи до сих пор видели лишь в западных кинофильмах. За городом стали во множестве появляться похожие на грибы-поганки кирпичные виллы. Хозяева называли их дачами или коттеджами (в американском, а не в английском смысле слова), однако они ничем не напоминали изящные строения прошлого. Недвижимость тоже стала удобным объектом вложения денег для ловких на руку бизнесменов и продажных чиновников. Москва наконец-то начала соперничать с самыми современными столицами Европы.

Люди рассказывали, что вне Москвы наблюдается совсем другая картина. Однако и в провинции положение менялось. Летом 2000 года мы с Джилл вернулись в партийную гостиницу в Вологде, где останавливались накануне путча. Теперь гостиница называлась уже не «Октябрьская» а «Спасская». В помещениях был сделан евроремонт. Обслуживание и кухня в ресторане намного улучшились. И сам город процветал. Впрочем, лозунг, типичный для советских времен — «Будь осторожен с газом!», — выведенный трехметровыми металлическими буквами, все еще украшал вход на центральный рынок. Но власти настойчиво старались восстановить церкви и местный Кремль. Мона-

стырь, использовавшийся поочередно то как тюрьма, то как сиротский дом, а впоследствии как военная база, был возвращен монахам. Изящные деревянные городские дома в центре города были тщательно восстановлены бизнесменами. Шарикоподшипниковый завод экспортировал свою продукцию и получал прибыль. Такое же положение наблюдалось в возрожденной молочной промышленности, которая до Первой мировой войны экспортировала масло в Париж. На центральной улице Вологды, унылой в 1991 году, было полно симпатичных ресторанчиков и маленьких частных магазинов, продававших электронику, одежду и великое разнообразие продовольственных товаров. Значительная часть продуктов была российского производства — хлеб, масло, колбаса, мясо, овощи. Цены были умеренные, люди покупали, продавцы были опрятны, хорошо одеты и вежливы.

Эти признаки относительного процветания наблюдались не только в областном центре. На расстоянии нескольких часов езды от Вологды расположена жемчужина архитектуры — Ферапонтов монастырь. После Октябрьской революции большевики расстреляли мать-игуменью. Но здания монастыря уцелели: с их строгими прекрасными фресками, написанными в XV веке Дионисием и его двумя сыновьями (местные люди с гордостью говорят, что они сделали это за 35 дней — есть чему позавидовать Микеланджело!). В соседней деревне с пятьюстами жителями имелись теперь три маленьких магазина, один из них частный, один, управлявшийся компанией из Вологды, и один, видимо, местными властями. Во всех трех продавались бананы и другие экзотические фрукты, почти неизвестные советским людям. Для западного человека все это могло казаться несущественной мелочью, но для всякого, кто жил в Советском Союзе прежде, они знаменовали собой новую экономическую революцию.

По мере продвижения дальше — к северу, к городам, расположенным на реках, — Каргополю, Тотьме, Великому Устюгу, — на торговом пути из Московского цар-

ства в Западную Европу, дела обстояли не столь хорошо. Когда-то торговля здесь приносила благосостояние и способствовала расцвету религиозного искусства и архитектуры. Но после того как Петр I изменил направление торговых путей, которые стали проходить через его новую столицу, Санкт-Петербург, процветание мало-помалу исчезло. В XX веке положение стало значительно хуже. Сталинские ищейки загнали независимых крестьян в колхозы, навязав им фактически крепостное право, которого раньше они не знали. Большевики разрушили древние церкви и стали использовать монастыри как пересыльные лагеря для узников, направлявшихся в ГУЛАГ. Заключение, голодные и плохо одетые, умирали десятками тысяч на лесоповалах от непосильного труда и истощения. Когда в 50-х годах лагеря были ликвидированы, Хрущев вновь приступил к разрушению церквей и перегнал крестьян из колхозов в совхозы, получавшие огромные дотации от государства. Многие бывшие заключенные и их охранники так и остались в северных лесах, к которым они с горечью притерпелись. Каргополь, центр одного из островов архипелага ГУЛАГ, до сих пор имеет население, в четыре раза превосходящее прежнее.

В последние десятилетия существования социализма торговля лесом, совхозы и щедрые субсидии обеспечили этим маленьким городкам скромный уровень жизни. К началу нового, XXI века их немногочисленные отрасли промышленности истощились. Лесное хозяйство осталось почти единственным, где можно найти выгодную работу. Мужчины вернулись к традиционным занятиям — охоте, рыбной ловле и строительству деревянных домов, теперь, часто, для богатых клиентов из Москвы. Женщины жаловались, что пьянства стало больше, чем раньше, что растет потребление наркотиков и что многие молодые люди уезжают в большие города и назад не возвращаются. Местные бюрократы умеренно коррумпированы, какими были всегда в России чиновники. Однако серьезных преступлений

в Каргополе совершается немного, а для того, чтобы иметь собственную мафию, город слишком беден.

И в самом деле, теперь в Каргополе мало что происходит. Аэропорт закрыли, единственная гостиница — не более чем ночлежка для странствующих чиновников, а для молодежи есть только два захудалых заведения, так что долгие летние вечера молодые люди бродят по улицам, разглядывая друг друга, — такая мрачная северная пародия на средиземноморское *корсо*. Изголодавшиеся по впечатлениям, многие до сих пор вспоминают, как в 1991 году в соседнем военном лагере появился снежный человек, а потом вдруг исчез неизвестно куда, после того как его показали по Центральному телевидению. Можно было понять, почему молодежь уезжает.

Однако даже Каргополь не был в тот период окончательно безнадежным. Там и сям торговали какие-то жалкие лавчонки. Внутри самой «гостиницы» приютились аптека, маленький продовольственный магазин и магазин радиотоваров. Ассортимент в них был, пожалуй, лучше, чем в советское время, хотя, конечно, они не могли конкурировать с Вологдой. В городке имелось маленькое, довольно успешное туристическое агентство; было здесь и небольшое сообщество местных художников и ремесленников. Звонарь главной здешней церкви занял первое место во Всероссийском соревновании звонарей. В 1999 году только два человека в городе пользовались Интернетом, а уже через год — 25. Местные жители придавали большое значение новой дороге, которая строилась в Северной Швеции и Финляндии и через Каргополь должна была протянуться до самого Урала. Люди надеялись, что эта дорога, наконец-то, свяжет их родные места с внешним миром.

За пределами небольших городов даже такой надежды не было. Когда Советский Союз распался, местные совхозы были «приватизированы» и теперь назывались акционерными обществами. На практике это мало что значило. Управлялись они в основном той же администрацией, что и раньше, и то преимущество, которым не-

которые из них пользовались, зависело от энергии и деловых связей председателя, как это было в советские времена. Между тем крупное сельское хозяйство, как отрасль, умирало. Огромные поля еще не успели так зарастить, чтобы превратиться в лес, но численность скота сократилась за десятилетие на две трети. Огромные амбары и коровники, построенные в 60–70-х годах, покосились, а кое-где и обрушились. Частное фермерство также не получило распространения. Независимо мыслящие крестьяне пытались воспользоваться новыми законами, которые ввел Горбачев с целью поощрить частное земледелие. Никого из этих «фермеров» не осталось. Все они вынуждены были отказаться от своей затеи из-за отсутствия инфраструктуры и аграрного кредита, а также из-за враждебности властей бывших совхозов и собственных соседей.

С достойным восхищения, хотя и горьким оптимизмом люди выкраивали свои маленькие участки на окраинах каждого города или деревни, а иногда прямо в самом центре. За этими крохотными участками они любовно ухаживали. Землю вскапывали, просеивали, полностью очищали от сорняков. Каждое растение в отдельности прикрывали полиэтиленом. В Англии вы бы подумали, что это садовники готовятся к деревенской выставке цветов. Здесь, на Севере, вырастить и сохранить овощи до наступления зимы — было вопросом жизни или смерти. Люди выживали, как всегда. Но сельскохозяйственная экономика Севера возвращалась к своему доиндустриальному состоянию.

Люди, жившие вне деревень, имели больший простор для проявления традиционного русского искусства выживать с помощью «блата», осторожно обходя закон. Проводница спального вагона поезда, на котором мы возвращались из Каргополя, зарабатывала 1500 рублей в месяц, а ее муж — 3000. (Сравнения, основанные на расчете обменного курса, конечно, бессмысленны, но портативный магнитофон «Самсунг» стоил тогда в Вологде 1300 рублей, что дает некоторое представление об истинном значении этих сумм.) В отличие от многих других, у нашей проводницы

не было земельного участка, с которого она могла бы кормиться. Но жить все-таки было можно. Она даже имела возможность помогать своей овдовевшей дочери, пенсия которой составляла всего 400 рублей в месяц. Через несколько дней я рассказал эту историю одному из своих друзей. Он громко расхохотался. Проводница спального вагона получает 1500 рублей в месяц? Да она берет деньги за доставку посылок на протяжении всей трассы, что гораздо важнее заработка, который дает ей основная работа, а также за другие мелкие услуги. Фактически, она и представляла собой ту невинную коррупцию, которая пронизывала всю систему железнодорожного транспорта. Верхушка этой системы, судя по той регулярности, с какой убивали в то время региональных железнодорожных управляющих, часто буквально балансировала между жизнью и смертью.

В последующие годы иностранцы и русские с жаром спорили по поводу гайдаровской «шоковой терапии». Был ли он прав, навязав такой темп экономической реформы? Мог ли более основательный подход, за который ратовали Горбачев, Богомолов и многие другие, смягчить страдания, которые экономические перемены принесли русскому народу? Радикалы среди гайдаровских коллег и их иностранные советники доказывали, что реформы застопорились из-за того, что они не были достаточно далеко идущими. Большая политическая воля и более последовательная поддержка президента, считали эти «рыночные большевики», могли бы протолкнуть реформы такого масштаба, что силы реакции не оправились бы и многих страданий можно было бы избежать.

Утверждения эти не слишком убедительны: Ельцин действительно не оказывал последовательной поддержки своим молодым реформаторам и не защищал их от критиков. Но и сами реформаторы были политически неопытными и не понимали, насколько важно разъяснять свою политику, чтобы простой народ понял, чего они хотят, и оказал бы им поддержку. У них не было действенной стра-

тегии для преодоления препятствий, возникших в связи с отсутствием рыночных институтов и власти закона. Ни сами реформаторы, ни их западные советники не могут поэтому уйти от ответственности за провал их политики обеспечения тех быстрых результатов, которые они предсказывали.

Но дело не только в этом. Реформа была неизбежной, и лишения, которые она принесла, были неминуемым следствием крушения еле державшегося на глиняных ногах советского колосса. Никакая группа простых смертных, сколь бы умными, компетентными или дальновидными они ни были, сколь бы добрыми побуждениями ни руководствовались, не могла справиться одновременно со всеми экономическими, институциональными и социальными задачами, которые стояли перед Россией. Гайдар решил пойти по пути самой быстрой реформы, которую можно было протолкнуть через существующую политическую систему. Более медленный темп, как он утверждал, мог лишь продолжить страдания. А более быстрый — политически был наверняка невозможен.

Экономика, возможно, была ключом к будущему России. Но, как и в других странах, решение экономических проблем всегда является заложником политики. Политическая жизнь в ельцинской России была суровой, коррумпированной, а подчас и связанной с насилием. В отличие от Горбачева, Ельцина сравнительно мало смущало кровопролитие.

Первая кровавая конфронтация произошла в 1993 году. Она была вызвана жестокой борьбой за власть между Думой и президентом. Думу возглавляли вице-президент Руцкой и спикер Руслан Хасбулатов, оба — союзники Ельцина во время путча 1991 года. Они произносили демагогические речи, вели себя безответственно и намеренно оскорбляли президента, которому весной 1993 года безуспешно пытались объявить импичмент. Осенью они использовали вооруженных хулиганов, чтобы штур-

мовать здание московской мэрии рядом с Белым домом. Вооруженная толпа дошла тогда до телевизионной студии Останкино и открыла огонь. Внутри Белого дома раздавались призывы повесить Ельцина и его сподвижников. После неудачной попытки посредничества патриарха Алексия Ельцин уговорил крайне не желавшую этого армию послать 4 октября свои танки против Белого дома. В результате было убито несколько сотен человек.

Западные правительства поддержали Ельцина по принципу: править эффективно — это всегда первая задача любого правительства. Однако многие русские считали, что кризис мог быть разрешен раньше, если бы Ельцин проявил большее политическое искусство. Некоторые полагали, что он спровоцировал все сам, чтобы избавиться от своих парламентских противников и подготовить почву для новых выборов. И лишь немногие простили ему пролитую кровь на улицах столицы России.

На выборах, состоявшихся в декабре того же года, демократы добились весьма слабых результатов, а коммунисты — весьма значительных. Но самым сенсационным результатом были показатели партии Жириновского, носящей весьма не оправданное название «либерально-демократической». Грубая националистическая риторика Жириновского и его живые выступления по телевидению импонировали избирателям, возмущенным событиями в Москве и уставшим от той жвачки, которую им предлагали как реформаторы, так и коммунисты. Русские либералы и доброжелатели России за границей были в панике. Те, кто не желал России добра, были убеждены, что ничего в стране не изменилось, и предсказывали, что Россия находится на грани фашистской диктатуры. Прошло много месяцев, прежде чем и те и другие заметили, что в парламенте Жириновский и его последователи ведут себя сравнительно робко, регулярно голосуя за предложения правительства, так как их убеждения, по слухам, подкреплялись щедрыми субсидиями из специальных кремлевских фондов.

Ельцин воспользовался парламентскими выборами, чтобы провести новую конституцию, созданную по французской модели и заметно менявшую баланс сил в пользу президента. Многие были убеждены, что конституция не набрала нужного количества голосов, требующихся для признания ее законности. Без сомнения, подтасовки с голосами имелись, но один опытный специалист по избирательным технологиям из Северной Ирландии сказал мне, что он не заметил ничего такого, чего не наблюдал бы регулярно во время выборов в своей собственной провинции.

В декабре 1994 года произошла новая вспышка насилия, на этот раз в Чечне. Причины этой войны, отошедшей на задний план в связи с важными выборами в самой России, довольно туманны. Люди недоверчивые считали, что объяснение надо искать не в самом этом регионе, а в коррумпированности деловых связей и во внутренней политике России. Первая война закончилась поражением России: одним из немногих русских успехов было убийство с помощью искусно проведенной технической операции чеченского лидера Дудаева. Генерал Лебедь договорился о мире. Он предоставлял чеченцам приемлемые условия, которые привели бы их к независимости, если они разыграли бы свои карты разумно. Некоторые бывшие либералы, которые должны были бы поддержать Лебеда, сомневались в его патриотизме. Но русский народ приветствовал окончание кровопролития, и на какое-то время Лебедь стал вполне заслуживающим доверия русским национальным политиком.

Война возобновилась летом 1999 года. К тому времени политическая власть в Чечне почти перестала существовать и ряд террористических актов дал российскому правительству предлог для нового вмешательства. Правительство доказывало, что юридически Чечня — часть Российской Федерации и власти имеют право и даже обязаны предотвратить ее отделение от России. Это был тот же аргумент, что использовали французы для оправдания своей кровавой войны в Алжире. Но, в отличие от фран-

цузов, русские считали, что в их непокорной провинции им грозит серьезная опасность со стороны исламского фундаментализма. Иностранные правительства не могли оспаривать эти принципиальные соображения. Однако им крайне не нравились методы, которые применялись на практике для решения чеченской проблемы. Эти методы были грубыми, жестокими и неумелыми. Беспорядочная бомбежка с воздуха и артобстрелы приводили к большому числу жертв среди мирного населения. Многие русские находили критику иностранцев несправедливой. Они напоминали своим критикам, что война Франции в Алжире стоила, быть может, миллиона человек убитыми. Они ворчали относительно бомбардировок Ирака и Сербии. И указывали на то, что американцы в начале 70-х годов сбросили на Камбоджу в четыре раза больше бомб, чем на Японию за все время Второй мировой войны.

Ельцину предстояло переизбираться в президенты летом 1996 года. К этому времени избиратели уже видели собственными глазами, что он становится все более сумасбродным, все чаще болеет и что его окружают откровенно продажные и не ладящие друг с другом члены свиты. Для многих людей это было неприятным напоминанием о последних годах эпохи Брежнева и «правления» геронтократии после его смерти. Тем временем страна, казалось, совсем разваливается. Региональные руководители вели себя все более вызывающе по отношению к центральному правительству. Новых капиталистов мало заботили тонкости коммерческой этики. Они уклонялись от уплаты налогов, нарушали права акционеров, завладевали активами своих компаний и прятали их в Швейцарии, а если требовалось, пускали в ход автоматы Калашникова, чтобы собрать долги. И все это происходило на глазах людей. К началу 1996 года рейтинг популярности Ельцина снизился до неполных 5 процентов.

Боясь, что он может проиграть выборы, Ельцин и его сторонники стали пугать народ, выставляя в качестве жупела коммунизм. Кое-кто из окружения Ельцина вы-

сказывался в том смысле, что было бы безопаснее во имя «антикоммунизма» вовсе отменить выборы. Главным политическим «оператором» стал Анатолий Чубайс, в высшей степени умелый помощник Гайдара в прежние времена. Он обеспечил Ельцину избрание с помощью беспощадного манипулирования прессой, экономикой и политической системой. Его идея была проста: правление Ельцина, возможно, было путаным, коррумпированным и некомпетентным, но все же оно гораздо лучше, нежели возвращение коммунистов.

Угроза была преувеличенной. После исчезновения никчемного Полозкова Российскую компартию возглавил Геннадий Зюганов, бывший учитель из Орла. Зюганов был достаточно искусен, чтобы удерживать от развала разобщенную и глядящую не в будущее, а в прошлое партию и оставаться ее главой. Он был достаточно умен, чтобы представляться своим сторонникам ортодоксальным патриотом, а либералам и западным бизнесменам — современным здравомыслящим человеком. Однако он не обладал ни харизмой, ни твердыми убеждениями, чтобы вести свою партию вперед. Его предвыборная программа призвала к ограниченному восстановлению государственного вмешательства в экономику и политику. Программа эта не принесла бы положительных результатов, а лишь тормозила появление более здоровой политической и экономической системы в России. Коммунистическая угроза уже перестала существовать во всех известных смыслах этого слова.

Конечно, во главе ельцинского режима было еще много коммунистов и экс-коммунистов, включая самого Ельцина. Эти люди были неглупы и многие из них искренне восприняли новые принципы. Но они достигли вершин власти через систему «номенклатуры», специально рассчитанную на то, чтобы честолюбцы могли сделать карьеру лишь раболепствуя перед государством. К концу 80-х годов эта система начала разваливаться. Теперь новое поколение могло продвинуться в жизни благодаря собственным усилиям и талантам. Там, где когда-то царил все-

общий застой, высшие руководители — как в провинции, так и в Москве — менялись с поразительной быстротой: честолюбивые мужчины прокладывали себе дорогу в жесткой и некрасивой борьбе за власть и богатство.

На этом бурном фоне коммунистическая партия теряла свои позиции. Зюганов, однако, был настолько искусен, что удерживал свои фракции в единых рамках. Партия не раскололась на экстремистов и социал-демократов, как ожидали многие. Но сам он все чаще впадал в какую-то невнятную и путаную смесь ортодоксии и ветхозаветного русского национализма, не способного склонить на свою сторону новых избирателей; в рядах партии оставались в основном пожилые и правоверные коммунисты, которые с тоской вспоминали былые времена. И тем не менее, на президентских выборах 1996 года он достиг неожиданно хороших результатов, заставив Ельцина вступить с ним во второй тур. Хотя из разговоров с коммунистами было ясно, что и сам Зюганов, и его последователи утратили волю к победе. Они не рассчитывали победить, и, похоже, их даже это не слишком интересовало. Коммунисты продолжали получать голоса, но с коммунизмом как угрожающей силой в России было покончено.

В 1998 году Ельцин уволил премьер-министра Черномырдина. Черномырдин прослужил целых пять лет, но начинал проявлять неуместные президентские амбиции. Свыше года Ельцин экспериментировал то с одним премьер-министром, то с другим. Дольше всех продержался Евгений Примаков, навязанный Ельцину Думой под обещание обеспечить стабильность, выплату зарплат и пенсий и восстановить доброе имя России в мире. Кое-какого успеха Примаков все же достиг. Но он совершил три ошибки: начал бороться с коррупционерами, находившимися в опасной близости к ельцинскому окружению; не проявил достаточной энергии, чтобы противодействовать растущему намерению парламента объявить импичмент его шефу; к тому же о нем начали поговаривать как о потенциальном президенте.

Но к этому времени Ельцина интересовала уже не политика, а необходимость найти преемника, который гарантировал бы ему и его семье иммунитет, после того как он покинет свой пост. В мае 1999 года Ельцин уволил Примакова и после очередного неудачного эксперимента назначил в августе своим последним премьер-министром Путина. Накануне нового 1999 года он совершил один из самых эффектных политических трюков своей карьеры. Он объявил по телевидению, что уходит в отставку за полгода до официального истечения срока своих полномочий. Он принес русскому народу извинения за свои неудачи и назвал Путина исполняющим обязанности президента и выбранным им преемником. Выборы, состоявшиеся в конце марта 2000 года, утвердили Путина в должности — он получил немногим более 50 процентов голосов. Противником его был, как обычно, коммунист Зюганов.

Если Горбачев был Моисеем, который вывел советский народ из Египта, то Ельцин был Аароном, хотя новая Россия, которой он правил, совсем не походила на страну с молочными реками в кисельных берегах. Эти два человека были ровесниками, оба прошли с помощью партийной машины путь от рядовых аппаратчиков до наивысшего поста в государстве. Но трудно было представить себе более несхожие личности. Ельцин был человеком крупным, солидным, в каком-то смысле тяжело думал, но с необыкновенно развитым политическим чутьем. Ему были чужды непосредственность Горбачева, его открытость, интеллектуальная любознательность и сообразительность. По своему политическому стилю он был «быком», тогда как Горбачев напоминал «угря». В Ельцине была склонность к рискованной игре, совершенно чуждая Горбачеву. Горбачев был блестящим учеником, который прошел путь от деревенской школы до Московского университета: выгодное начало партийной карьеры. Ельцин же получил образование в провинции, там прошла и значительная часть его политической карьеры. Он был прирожденным

«аутсайдером». Горбачев всегда хотел быть «своим». Ельцин же выступал против системы и завоевал сердца всех тех, кто ее ненавидел.

Тем не менее, Ельцин был во многих отношениях гораздо более традиционным русским руководителем, чем его предшественник. Вначале это никак не вредило ему в глазах избирателей, многие из которых все еще тосковали по неудобным, но таким простым и понятным временам не оспариваемой центральной власти. Его политические манипуляции интригами в Кремле возвращали назад, к замкнутому дворцовому политиканству политбюро и царей. Горбачев был окружен коллегами, которые сами по себе были видными политическими деятелями. Ельцин заботился о том, чтобы даже самые компетентные из его соратников зависели от его милостей. Он преспокойно жертвовал ими, если считал, что они позволяют себе больше, чем им положено по чину. Прозвище Ельцина «Царь Борис» было ироническим лишь наполовину.

Сначала русские либералы и западные интеллектуалы считали, без сколько-нибудь явных оснований, что Ельцин предан демократии больше, чем Горбачев, что ему удастся провести либеральные экономические реформы, которые не осуществил его предшественник. Когда Ельцин встал после 1991 года к кормилу власти, казалось, он действительно решил, что путь реформ возобладает и что эта политика обеспечит ему место в истории. Поддержать всей своей властью программу радикальной реформы Гайдара его побудило не столько интеллектуальное убеждение, сколько инстинкт игрока и склонность повелевать. Если не считать Чечни, он продолжал уход от империи, поддерживая при этом довольно сносный порядок.

Мое собственное предубеждение против Ельцина питалось слухами, распространявшимися о нем шепотом. Мне не нравились отсутствие, на мой взгляд, у него обаяния, его грубые манеры и скудость идей, его неустанная деструктивная оппозиция Горбачеву. Его воспоминания, которые я прочитал в июне 1990 года, дали мне первое

представление о его мужестве и силе воли. К тому времени, когда я нанес ему последний визит в мае 1992 года, он почти совсем завоевал меня. Он был деловит, раскован, весел и разбирался в сложных вопросах сам, без всяких записок. Я подумал: он значительно вырос с тех пор, как стал общепризнанным президентом реальной страны, новой России. Однако многие продолжали относиться к нему с подозрением. Пылкий бородатый журналист из «Московского комсомольца» предостерег меня, что Ельцин — пьяница, автократ, которым манипулирует его окружение, сам же он способен на любое злоупотребление властью. Когда я воздержался от комментариев, журналист обвинил меня в том, что меня соблазняет обаяние, исходящее от самой власти. Возможно, он был прав. Профессиональная болезнь чиновников — представлять в самом лучшем свете действия человека, находящегося на вершине властной пирамиды.

Однако Ельцин тоже был переходной фигурой, не способной осуществить все возлагавшиеся на него надежды. Его преданность демократии и власти закона не была, как у Горбачева, следствием интеллектуального убеждения. Он проявлял мало понимания и интереса в отношении деталей экономической реформы. Его манипуляция Конституцией и терпимость к коррупции даже в самом близком окружении не способствовали становлению правового государства, которого в России никогда не было. Леон Арон приводит непревзойденный образ, характеризующий Ельцина в последние годы его правления: «На русском политическом небосводе Ельцин все больше походил на «черную дыру»: гигантскую звезду, оказывавшую громадную силу притяжения на все окружающее, но близящуюся к концу своего существования за недостатком горючего и ввиду неспособности давать свет»².

И все-таки, вырвав факел реформы из слабеющих рук Горбачева, Ельцин пронес его через следующий жизненно важный отрезок пути. Несмотря на коррупцию и сумятицу последних лет его правления, ему удалось не дать

искре реформы погаснуть. В конечном итоге он сыграл важную роль — роль неуверенного гаранта еще не установившейся демократии.

С приходом Путина, второго выборного Президента России, в русской и иностранной печати началась нескончаемая вереница лихорадочных догадок: кто такой Путин? Имеет ли значение то, что первые 25 лет своей профессиональной жизни он прослужил в КГБ? Возьмут ли снова верх сторонники жесткого курса?

Путин был выходцем из довольно скромных слоев старой номенклатуры. Пройдя курс юридических наук, он пошел служить в КГБ, но после многих лет службы дослужился только до звания полковника — и это в том возрасте, когда два его предшественника, Горбачев и Ельцин, уже начали играть важную роль в политике страны. После недолгого пребывания на посту заместителя мэра Санкт-Петербурга он был вызван в Москву для работы в кремлевской администрации; с этого момента началась его настоящая карьера.

Путин быстро стал главным русским политическим деятелем своего времени, столь же популярным, как Ельцин в расцвете сил. После многих лет коррупции и неразберихи русские явно ждали нового человека, который навел бы в стране порядок, кого-то честного и трезвомыслящего, кто понимал бы особенности жизненного уклада России. Они не ждали и не искали нового диктатора, как того опасались иностранцы. Им нужен был настоящий лидер на время кризиса и национального упадка, подобно тому, как англичане ждали прихода в 1940 году такого человека, как Черчилль, а в 1979-м — как Тэтчер. Это было вполне законное чаяние, и Путин, видимо, отвечал этим ожиданиям.

Путин без промедления информировал народ, в сколь скверном положении тот находится. Если рост благосостояния России будет в течение 15 лет составлять 8 процентов в год, то она достигнет лишь нынешнего уровня Португалии. России, сказал он, нужны свободные поли-

тические партии, свободная печать и свободная, хотя и надлежащим образом регулируемая рыночная экономика. Россия должна отстаивать себя, но ее роль в мире неизбежно уменьшилась. Будущее России зависит от тесного сотрудничества со всеми ее соседями, но особенно с европейцами и, конечно, с Америкой.

Простые люди, как, например, мои новгородские тезки Брейтвейты, сначала находили Путина загадочным. Суровые истины не сразу, видимо, доходили до сознания людей. Но они все больше смирялись с тем, что их страна бедная и что ее природные ресурсы, добыча и транспортировка которых обходились очень дорого, вовсе не преимущество. Подобный реализм мог лишь способствовать рождению политической воли, необходимой, если Россия хотела выбраться из своей экономической и политической трясины.

Все это было именно тем, чего требовали критики Ельцина. Они с трудом верили своим ушам. Да понимает ли Путин, что он говорит? Насколько это серьезно? Сможет ли он все это осуществить?

Результаты, достигнутые Путиным в первые два года правления, были довольно впечатляющими. Он быстро взялся за восстановление авторитета власти. Он привел к повиновению губернаторов и обуздал «олигархов». Он напугал либералов, подчинив контролю также печать, хотя и не разделался с нею окончательно. Он начал проводить через услужливую Думу некоторые важные экономические и юридические реформы. Экономика под его управлением оживилась. Осенью 2001 года состоялся Гражданский форум, на котором он выступил с целью поощрить активность неправительственных организаций. Подозрительно построенные либералы опрометчиво заключили, что он пытается таким образом задушить новое гражданское общество. Он проявил искусство в руководстве внешней политикой России. Укрепил связи с соседями России на Дальнем Востоке. Сблизился с европейцами. К всеобщему удивлению, примерно в середине 2001 года он начал восстанавливать

сносные отношения также с новой американской администрацией. Этот процесс усилился, когда после нападения на Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 года правительства обеих стран обнаружили, что их связывает общая заинтересованность в борьбе с терроризмом.

Несмотря на очевидную ясность и энергичность его публичных заявлений, власть Путина, разумеется, была не абсолютной. Ему пришлось учитывать существование трех различных группировок, составлявших его окружение. Все еще влиятельные остатки ельцинской «семьи» стремились сохранить то, что уцелело от их бывлой власти. Достаточно влиятельная группа либеральных экономистов настаивала на том, что Россия должна стать нормально функционирующей частью мировой экономики. А российский Совет безопасности под влиянием бывших коллег Путина из КГБ ратовал за внутреннюю дисциплину, за величие России и за сильную армию. Иногда возникало впечатление, что эти группировки больше заинтересованы в подрыве позиции своих соперников, нежели в конструктивном проведении настоящей политики. Как это часто бывает в России, между словами и делами имелось большое расхождение. Простой народ приветствовал стабильность, которая при Путине сменила десятилетие крутых и жестких перемен. Даже критики Путина из среды либеральной московской интеллигенции начали его поддерживать, утешая себя мыслью, что независимо от президента страна будет продолжать двигаться в правильном направлении, к большому процветанию, не отказываясь от демократических завоеваний, достигнутых при двух его предшественниках.

Горбачев ставил своей целью высвободить скованную энергию и инициативу советского народа. Это было амбициозной, но не такой уж недостижимой целью. Иван и Павел Харитоненко и многие их соотечественники, сыновья и внуки крепостных, в конце XIX века доказали, что русские тоже могут избавиться от рабства, проявляя поразительную предприимчивость.

Приобретая яхты и виллы на юге Франции, они создавали одновременно эффективные предприятия в сфере реальной экономики. Они часто тратили экстравагантно большие суммы на свои развлечения и образ жизни. Но наряду с этим вкладывали крупные суммы в благотворительные мероприятия и искусство. Они возвращали обществу изрядную долю того, что брали у него. В большинстве своем они были законопослушны, уважали существующие институты и соблюдали правила. Они были близки к тому, чтобы считаться настоящими капиталистами в западном понимании этого слова.

Об их преемниках сто лет спустя такого сказать было нельзя. Постсоветские бизнесмены действовали в стране, где общественная жизнь и общественная мораль уже были извращены. В последние годы существования Советского Союза и в первые годы новой России жадность этих бизнесменов перешла все границы. Люди впервые в жизни увидели выгодные пути к обогащению. Оптимисты проводили в этой связи утешающую параллель между «дикими» русскими капиталистами конца XX века и их американскими предшественниками конца XIX-го. Реалисты указывали на то, что в Америке «диких» капиталистов приструнили, потому что там эффективно действовал закон. Рокфеллеров приручили с помощью антитрестовского закона. В новой России власть закона едва ли вообще существовала, и никаких действенных юридических способов обуздания русских капиталистов не было.

Принятие новых законов в обществе, в котором коррумпированное и слабое правительство не обладает достаточным авторитетом для проведения их в жизнь, не производит существенных перемен. Лекции иностранцев о необходимости профессионального менеджмента помогали в этом смысле мало. Настоящая перемена могла произойти только в рамках более широкой культурной революции, на путь которой Россия вступит, когда значительное число «новых русских» придет к выводу, что жизнь без правил становится слишком мало доходной или слишком опасной,

и что для них же и для их семей лучше пользоваться своим богатством законно и мирно. К началу нового века кое-кто из бывших бандитов попытался купить себе более привлекательный общественный имидж этаких добропорядочных граждан, которым, как выразился один из них, просто делать деньги в конце концов наскучило. Он и его собратья хотели наслаждаться своим богатством мирно, в современной и цивилизованной стране. И они хотели также иметь возможность с чистой совестью отвечать своим внукам на вопросы, что они делали во время Великой капиталистической революции. Даже если это не более чем лицемерие, которое Ларошфуко называл «данью порока в пользу добродетели», все равно — это первый шаг в правильном направлении.

Наряду с бандитами, иногда в союзе с ними, образованные русские тоже осваивали новые капиталистические профессии — банкиров, аудиторов, консультантов. Этот растущий средний класс обнаружил, что наконец-то он может позволить себе то, что средний класс на Западе принимает как нечто само собой разумеющееся, — приличные ванны в своих квартирах, хорошее образование для своих детей, машину, иногда отдых за границей. Путешествовать за рубежом уезжало все большее число русских — от полумиллиона в 1991 году до почти 20 миллионов пятью годами позже. Среди них были отнюдь не только богатые «новые русские» и члены их семей. Матери, принадлежавшие к среднему классу, водили своих детей по музеям Европы. Рабочие из Сибири посещали своих английских зятьев и невесток. Старая политика закрытых дверей, целью которой было оградить русских от заразы внешнего мира, вела к застою. Теперь она волей-неволей была упразднена. Несмотря на финансовый крах 1998 года, новый средний класс оказался более выносливым и стойким, чем ожидали многие. Официальная статистика утверждала, что к 2001 году к этому классу принадлежало более трети населения России.

И все-таки у одного слоя русского общества была своя особая причина для печали. Интеллигенция жалова-

лась, что старая русская культура умирает: ее захлестывает поток дешевого американского импорта. В конце 1997 года Даниил Гранин с грустью писал, что двухсотлетней истории русской интеллигенции приходит конец. При любых трудностях русская интеллигенция хранила нравственные принципы чести, доброты, добросовестности в труде, порядочности. Но «демократические» политики, которых она поддержала в 1989 году, больше в ней не нуждались: им нужны были банкиры. Интеллигенция больше не была ориентиром и утратила свою функцию. Гранин опасался, что Россию ожидает судьба других государств, где нет интеллигенции, а есть лишь сборище интеллектуалов³.

В условиях нового плюрализма роль интеллигенции как морального рупора нации и источника альтернативных идей неизбежно должна была уменьшиться. Щедро субсидируемые прежде научные и культурные учреждения перестали при Ельцине получать государственные дотации. Однако после унылого спада музыка, театр и кино начали неожиданно процветать. Русские певцы завоевали оперные залы всего мира. Зрители вновь устремились в театры, чтобы посмотреть авангардные спектакли, которые в советское время были бы запрещены. Старые государственные издательства лопнули, и официально одобряемые авторы уже не могли рассчитывать на издание своих сочинений тиражом в десятки и сотни тысяч экземпляров. Однако по всей стране стали возникать маленькие коммерческие издательства. Пособия для изучения иностранных языков, ведения деловых операций непрерывным потоком сходили с печатных станков. К последнему году существования Советского Союза появилось около 1500 владельцев подобных издательств. К концу 90-х годов это число увеличилось до 12 000. В огромном количестве издавались не только порнография и детективные романы, но и классическая и современная литература. В забитых книгами магазинах всегда толпились покупатели. Умелые и находчивые авторы, не являвшиеся больше совестью нации, начали выпускать литературу хорошего качества, умеренно серьезную.

Новый средний класс с восторгом на нее набросился. Русская культура обретала новую жизнь, не теряя своего прежнего острого своеобразия.

Русские, естественно, не видели большой пользы в бесконечном и беспощадном самобичевании. Однако наиболее вдумчивые из них явно страдали от того, что в русской истории было много такого, чем трудно было гордиться, что в большинстве областей западное общество добилось большего успеха, чем Россия. «Слово «Россия», — писал в свое время американский дипломат и историк Джордж Кеннан, — на самом деле не означает существование национального общества, которому суждено знать могущество и величие, — оно означает всего лишь непреодолимое пространство всяческих напастей, нищеты, неумелости и грязи»⁴.

«Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног, — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (Из письма Пушкина князю Вяземскому)⁵.

Сменявшие друг друга в России режимы пытались создать государственную идеологию, которая противостояла бы вышеназванным настроениям. Граф Бенкендорф, глава царской тайной полиции, осуждая Чаадаева за его мрачную оценку прошлого России, выражался так: «Прошлое России достойно уважения, ее настоящее нельзя назвать иначе как великолепным, что же касается ее будущего, то оно неподвластно даже самому смелому воображению. Вот, дорогой мой, как следует понимать русскую историю и писать о ней»⁶. При Сталине распространялся миф о том, что Россия — родина наиболее значительных технических изобретений современности.

Неудивительно, что несчастья и унижения, выпавшие на долю русского народа после крушения Советского Союза, снова вызвали в качестве своего рода противоядия вспышку нездорового национализма. Тогда вновь ожили старые мифы об особом характере русской истории и русской души. Мессианство русских коммунистов было зеркальным отражением мессианских идей Достоевского и

его единомышленников. Бледные версии этих старых споров возникли и в новой России. Ельцин создал комиссию, которой предстояло сочинить новый вариант «Русской национальной идеи». Но он оказался не более убедительным, чем вариант Бенкендорфа. Между тем новая Россия не испытывала того агрессивного национализма, который охватил Германию после ее поражения в Первой мировой войне. Несмотря на широко распространенные за границей опасения, ни общество «Память», ни Жириновский и его сподвижники не задавали политического тона в новой России.

И тем не менее, это русское своеобразие, сознание своей «особости», безусловно, мешало переменам, освобождая людей от чувства ответственности за то, что произошло в их стране: за огромные несправедливости, за не созданные институты и законы, которые ограничивали бы произвол власти. Вину за это трудно было переложить на других. Миф об уникальности России, вера в то, что России суждено нести свет менее счастливым народам, были хотя и утешительным, но плохим ориентиром на пути к будущему России.

Большинство русских считало, что их страна должна оставаться «единой и неделимой». Несмотря на многое из всего того, что говорилось на эту тему, то, что она сама распадется после развала Советов, казалось невероятным. Но огромные размеры России и ее география, которыми русские продолжали гордиться, создавали почти неразрешимые проблемы. Советский Союз имел самые протяженные границы в мире и больше соседей, чем какая-либо другая страна. По форме он напоминал головастика. Мозг, сердце и желудок находились в Европе. Сибирский хвост, толстый и длинный, потенциально зависел от милости противника, которому могло прийти в голову его откусить. С Запада угрозы вторжения уже не ожидали, хотя советские генералы, размышляя о расширении НАТО, не были в этом уверены. Что же касается восточных границ, то ни один генерал не мог игнорировать того, что когда-нибудь, быть мо-

жет, в отдаленном будущем, китайцы решат изменить сложившийся порядок на их конце континента. При этом даже некоторые из более мелких соседей России создавали опасность политической нестабильности, включая распространение наркотиков, преступности и терроризма.

Имперские державы обычно решали такие проблемы, совершая рейды, а затем оккупируя беспокойные территории по ту сторону своих границ. У русских больше не было для этого ни сил, ни воли. В данный момент никто не угрожает России извне. Тем не менее, Россия нуждается в мобильных войсках, способных защищать ее границы, особенно на юге. Как нуждается, видимо, в эффективном ядерном компоненте, чтобы сдерживать возможную угрозу в будущем со стороны восточных соседей. Такие современные вооруженные силы Россия со временем обязательно создаст.

Когда Советский Союз распался, люди на Западе ударились в неоправданный оптимизм, точно так же, как это было после свержения царя в 1917 году. Они надеялись, что Россия скоро станет процветающим либеральным демократическим обществом. Эти доброжелательные чувства были на Западе широко распространенными и искренними. Но когда Запад обманулся в своих надеждах и эйфория улетучилась, вернулась русофобия. Она подпитывалась новым русским национализмом, а русский национализм в свою очередь подпитывался западным триумфализмом, связанным с исходом «холодной войны». Обе стороны чувствовали себя неуютно из-за отсутствия явного врага и исчезновения простых и понятных условий старой конфронтации.

Новая русофобия не была паранойей, порожденной «холодной войной». Она больше походила на устойчивую паранойю XIX века, когда европейские правительства боролись за сохранение равновесия сил. Новую русофобию выражали не правительства, а заявления отставных политиков, статьи ученых экспертов, сенсационные сочинения

журналистов и творения индустрии развлечений. Проблему раздували те, кто считал, что русская православная цивилизация обречена оставаться в стороне от цивилизации Запада. Поток фильмов и романов, в которых офицера КГБ сменил русский мафиози, несомненно, задевал простых россиян. Современные средства коммуникации доносили до них то, что думают и как относятся к их стране иностранцы, что лишь усиливало их ксенофобию.

Почему русофобия продолжает оставаться столь живучей и в начале нового века? Россия была очень большой страной, близким соседом Европы, а ее история была историей авторитарного имперского режима. И, кроме того, теоретически Россия все еще была способна взорвать всех нас. Все это казалось довольно угрожающим. Однако вряд ли этого достаточно для оправдания той бури критики и даже оскорблений, которым она постоянно подвергается.

Многое из того, что русские делали в конце века в Чечне и в других регионах, могло с полным основанием подвергаться критике. Но критика иностранцами России иногда не знала меры и превращалась в разжигание собственных эмоций. Многие русские пришли к заключению, что Запад судит их по двойным стандартам, что его критика диктуется или чувствами, собственной внутренней политикой, или каким-то зловещим заговором, цель которого — эксплуатация и подрыв их страны. Поэтому они просто затыкали уши, убежденные в том, что ничего полезного Запад предложить им не может.

На протяжении десятилетия после развала Советского Союза на Западе не прекращался спор, почти детский по своей наивности: кто «потерял Россию»? Виновата ли в этом администрация Клинтона? Может быть, причина в заносчивой и непрактичной узколобости Мирового банка и Международного валютного фонда? Может быть, все дело во врожденном непрофессионализме и порочности самих русских? Аналогичный спор происходил и в России. Была ли деградация когда-то великой страны резуль-

татом предательства Горбачева? Или пьянства Ельцина? Или энтузиазма молодых реформаторов, сбитых с правильного пути, а возможно, и коррумпированных? Или же это — махинации ЦРУ?

Некомпетентностью страдали, конечно, обе стороны. Иностранцы, а также русские мошенники, обманщики, фальшивые консультанты жирели на останках Советского Союза и богатели. Бывали моменты, когда казалось, что Россия может свалиться в латиноамериканское болото социальной несправедливости, прогнившего правительства и криминализованного бизнеса. Некоторые лица на Западе, особенно в Вашингтоне, начали доказывать, что не так уж и важно, кто именно «потерял Россию», потому что России — так и так «крышка». Падение рождаемости, сокращение продолжительности жизни, возвращение старых болезней, таких как туберкулез, и распространение новых, таких как СПИД; рост преступлений с применением насилия, коррупция, не говоря уже об отсутствии жизнеспособных институтов гражданского общества, современной развитой промышленности и сельского хозяйства; разложение вооруженных сил, — все это означало, что Россия обречена играть роль страны, с которой не считаются.

Демократия и свободный рынок — порождения культуры, имеющей глубокие корни. Трудности и провалы, испытанные русской реформой, имели множество прецедентов в истории других стран. Борьба за власть и богатство, разразившаяся в России 90-х, напоминала грубый раздел собственности в Англии после норманнского завоевания — процесса, который тоже сопровождался коррупцией и открытым насилием. Американцам, видевшим надежную основу в английской традиции свободы, подчиненной закону, понадобились три поколения и кровавая гражданская война, чтобы внести ясность в вопрос о правах штатов, являвшихся одним из центральных пунктов их Конституции. И еще три или четыре поколения, чтобы установить гарантированное избирательное право для всех своих граждан, независимо от расы, пола и цвета кожи.

При Горбачеве и Ельцине русские начинали новую жизнь, располагая гораздо менее благоприятной основой. Но за одно десятилетие, несмотря на неразбериху и лишения, обман и неудачи, Россия стала плюралистическим обществом. Ее границы были открыты. По меркам прошлого, ее пресса, радио и телевидение стали свободными, хотя все еще зависели от финансовых или политических сил. Тайная полиция была сокращена, хотя и недостаточно. Политический процесс был коррумпирован и сильно персонифицирован. Система многопартийности была недостаточно развита, процесс выборов — сопряжен со скандалами. И все же это не походило ни на что из того, что существовало в России в прошлом. Принимая эти факты во внимание, это было не такое уж плохое начало для русской демократии.

Другой вопрос, как скоро Россия будет пользоваться благами настоящей демократии и станет ли она подлинно гражданским обществом. Этот вопрос продолжал дискутироваться как среди русских, так и иностранцев. Люди интеллектуально ленивые выбирали легкий путь. Поскольку страна всегда была империей, рассуждали они, русские всегда будут движимы имперскими инстинктами. Поскольку Россия всегда была автократией, демократия не сможет там процветать, русские всегда будут требовать сильного лидера, опирающегося на репрессивную политику. Поскольку над русской экономикой всегда властвовало государство, русские никогда не будут способны к упорядоченной свободной предпринимательской деятельности. А поскольку русские всегда были эмоциональны, мягкотелы, терпеливы, не подчинялись порядку, пьянствовали и лгали, такими они и останутся. Ведь как никак в этом выражается их «национальный характер».

На самом деле, в современной истории множество примеров того, как страны резко меняли свой курс. За последние два столетия Франция, Германия и Испания отказались от авторитарных форм правления и обратились к демократии. В XX веке сухопутные и морские империи

Центральной и Западной Европы были ликвидированы. Граждане Западной Европы разработали институты для прекращения гражданских войн, которые веками раздирали их на части. Страны Дальнего Востока, которые до второй половины XX века были презираемы за их врожденную неспособность к дисциплине рыночной экономики, оказались поразительно сильными конкурентами своих западных менторов. История и география, быть может, в какой-то мере отдалили Россию от либеральной европейской традиции, но нет каких-либо серьезных оснований думать, что Россия — одна среди всех стран — не способна преодолеть свое прошлое.

Мои русские друзья, как видно, считали, что посол наделен даром астролога предсказывать будущее, и часто спрашивали меня, что будет с их страной. Я отвечал им: «Не знаю». Но я думал, что за три поколения ухабистого пути и семьдесят лет культурной революции Россия может надеяться создать жизнеспособную либеральную политическую и экономическую систему. Это будет русская модель демократии, существенно отличающаяся от американской или даже от европейской модели. И если Россия хочет стать процветающей, удобной для жизни страной, уважаемой своими соседями, то ее будущие политические и экономические институты должны строиться в основном на тех же принципах, что показали свою действенность везде. «Русский путь» — это миф.

Мои друзья были воспитаны на коммунистических обещаниях, согласно которым Светлое Будущее находится чуть ли не за предпоследним углом. Им было не особенно приятно вновь осмысливать тот факт, что сами они не увидят конца пути. Но большинство из них знало, что единственный практический ответ на беды России — это осторожные прогнозы и признание того факта, что именно русскому народу надо, наконец, брать на себя ответственность за свою судьбу. Ежегодные опросы общественного мнения показывают, что русские, несмотря на свое глубокое недо-

вольство тем, как дела идут сегодня, не видят смысла в возвращении к прошлому и считают, что в будущем положение изменится к лучшему, хотя бы для их внуков.

Что же касается иностранцев, то нам на долгие годы понадобятся терпение, самообладание и ясное понимание мудрого совета, который Джордж Кеннан сформулировал полвека назад, когда Сталин был еще жив:

«Когда советская власть выдохнется и когда начнут меняться ее правители и ее дух (ибо конечный итог может быть только тем или иным), давайте не будем нервно ожидать, что за люди придут им на смену, ежедневно используя лакмусовую бумажку для определения их политического лица, чтобы узнать, насколько они отвечают нашему представлению о “демократах”.

Дайте им время; пусть они остаются русскими; пусть они разберутся по-своему со своими внутренними проблемами. Народы обретают чувство собственного достоинства, учатся жить просвещенной политической жизнью путем глубочайших и таинственных процессов национальной жизни. Нет ничего менее понятного для иностранца, и нет ничего, в чем иностранное влияние могло бы принести иную пользу»⁷.

Выражение признательности

Русские часто спрашивают меня, как случилось, что я заинтересовался их страной. Ответ восходит к самому раннему моему детству. Анна Коллингвуд, жена коллеги моего отца, дирижера оперного театра Sadler's Wells Opera, была русской. Сила ее личности наложила отпечаток на ее семью, ее образ жизни и на всех ее многочисленных друзей. В какой-то мере это повлияло и на меня.

Первым русским словам меня начал учить в 1950 году профессор Боянус. Мое образование продолжалось под руководством моих учителей в Кембридже: Питера и Наташи Скуайр, Лусиана Левиттера и позднее Николая Андреева. Затем Форин Оффис послал меня сначала позаниматься с Артуром Бирсом, переводчиком Черчилля, человеком с мягкими манерами, участвовавшим во многих важных совещаниях военного времени со Сталиным; затем я был направлен в Польшу, Москву и колледж Олл Соулс [All Souls] в Оксфорде, где провел еще год, усердно штудировав русскую историю. «Deutsche Bank» дал мне возможность регулярно приезжать в Россию в течение десяти лет, после того как я оставил должность посла. Я искренне благодарен всем, позволившим мне узнать эту замечательную страну и ее народ.

Я благодарен также всем тем, кто непосредственно помогал мне в подготовке этой книги своими замечаниями, советами, исправлением ошибок в рукописи: Майклу

Александеру, Дункану Аллану, Арчи Брауну, Джулии Черчер, Анатолию Черняеву, Джулиану Куперу, Джеффри Хоскингу, Строубу Талботту и Дмитрию Тренину. Кэти Бертон Мюррелл оказала мне неоценимую помощь, изучив историю дома Харитоненко и щедро поделившись со мной своими энциклопедическими знаниями Москвы и ее окрестностей.

Я не мог бы выполнять свою работу в Москве без моих коллег в посольстве. Некоторые из них фигурируют в этой книге, но их так много, что поблагодарить каждого лично, увы, невозможно.

В числе наших многочисленных друзей в Москве мы с Джилл особенно признательны за безотказное гостеприимство и советы Юре и Лене Сенокосовым, а также Марине Чудаковой и покойному Саше Чудакову.

Ответственность за фактические ошибки и неверные суждения лежит исключительно на мне.

Примечания

Пролог

- ¹ Это была фактически четвертая революция, пережитая Россией в XX веке. Первой была революция 1905 года, положившая начало периоду конституционной монархии. Второй — февральская революция 1917 года, свергнувшая царя. Третьей — большевистский государственный переворот в Октябре 1917 года.

1. Вид через реку

- ¹ «The Devil, having nothing else to do // Went off to tempt my Lady Pettigrue // My lady, tempted by a private whim, // To his extreme annoyance, tempted him». Hillaire Belloc.
(Дьявол, не зная, чем заняться, // решил соблазнить леди Петтигрю. // Но леди, поддавшись собственному капризу, // к его крайней досаде, соблазнила его. Хиллар Беллок)
- ² *Столица и усадьба*, № 32, 1915. С. 4-9. В журнале имеются также фотографии усадьбы.
- ³ Инцидент с самоубийством морского офицера описан *Брюсом Локкартом* в его «Memoirs of a British Agent» (repr. London, 1937). Рассказ неубедителен, но он оставляет открытой возможность самоубийства, совершенного в ту ночь, но только не в доме Харитоненко.

-
- ⁴ Прототип «Ильи Муромца» совершил свой первый полет в 1913 году, всего четыре года спустя после того, как Блерио проделал свой опасный перелет через Ла-Манш. Он был сконструирован 23-летним инженером Иваном Сикорским, который впоследствии прославился как конструктор вертолетов. «Илья Муромец» был немного меньше по размеру бомбардировщика английских ВВС «Ланкастер» и имел экипаж, состоявший, по меньшей мере, из четырех человек. Он успешно действовал на Восточном фронте на протяжении всей первой мировой войны; в результате действий противника было потеряно только два самолета этого типа. В замечательном Музее истории русской авиации в Монино, под Москвой, имеется копия «Ильи Муромца» в натуральную величину. См.: *Harry Woodman. Ilya Muromets*. — Berkhamsted, 2000.

2. Русские идут

- ¹ *Sigmund von Herberstein. Description of Moscow and Muscovy (1557)*, ed. B. Picard. — London, 1989.
- ² Ностальгические стишки Тербервила и его наставление «Muscovy Compaу» своему представителю в Москве почерпнуты из книги: *Richard Hakluyt. Voyages*. — London, 1967, vol. 1.
- ³ О теории самодержавия Екатерины II см.: *Tibor Szamuely. The Russian Tradition*. — London, 1988.
- ⁴ Фраза Пушкина о характере русского бунта содержится в «Капитанской дочке» (А. С. Пушкин. Сочинения. — Ленинград, 1978. — Т. 6, с. 349).
- ⁵ См.: *Ричард Пайнс. Россия при старом режиме*. / Пер. с англ. В. Козловского. — Кембридж, Массачусетс, 1981. — С. 388.
- ⁶ См.: *T. Szamuely. The Russian Tradition*. — P. 83.
- ⁷ *R. Pipes. Russia under the Bolshevik Regime*. — London, 1994.
- ⁸ *Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей*. — М.: Мысль, 1993. — С. 332.
- ⁹ *R. Hakluyt. Voyages*, vol. I. — P. 390.
- ¹⁰ Раздраженные слова Т. Рузвельта о лживости русских цити-

-
- руются *Джорджем Кеннаном* в его книге «Russia and the West under Lenin and Stalin» (London, 1961).
- ¹¹ Речь идет о Владимире Гусеве, см.: *С. Nepomnyashchy. Abram Tertz and the Poetics of Crime.* — New Haven and London, 1995.
- ¹² Чека — Чрезвычайная комиссия — мягкое обозначение организации убийц. Чека ставила своей целью истребить буржуазию, об этом говорилось в ноябрьском номере их ведомственного журнала «Красный террор» за 1918 год. См.: *Frederic Zuckermann. The Tsarist Secret Police.* — London, 1996.
- ¹³ *В. Потемкин. История дипломатии.* — М., 1941. — С. 270.
- ¹⁴ Книга *Джона Митчелла* «Thoughts on Tactics and Military Organization together with an Enquiry into the Power and Position of Russia» (Мысли о тактике и военной организации, а также размышления о мощи и положении России) была издана в Лондоне в 1838 году. Митчелла цитирует Пол Дибб в своей книге «The Soviet Union: The Incomplete Superpower» (London, 1988).
- ¹⁵ Все цитаты взяты из кн.: *J.H. Gleason. The Genesis of Russophobia in Great Britain.* — Cambridge, Mass, 1950.
- ¹⁶ Впервые аббревиатуру MAD употребил Роберт Макнамара, бывший в то время министром обороны США. Реальная действительность была ужасающей.
- ¹⁷ *Lawrence Freedman. Kennedy's Wars.* — London, 2000. — Р. 180. Президенты Эйзенхауэр и Кеннеди относились в равной мере скептически к доводам военных.
- ¹⁸ *Geoffrey Hosking. Russia and the Russians.* — London, 2001. — Р. 515.
- ¹⁹ В Америке в то время можно было писать историю, основанную на официальных документах, по таким вопросам как анализ советской угрозы, эволюция теории сдерживания, военный ответ Запада. В противоположность этому, одержимость англичан официальной секретностью — «секретностью полезной и секретностью бесполезной», как назвал бы ее де Кюстин, оставляла в распоряжении историков скудные материалы, пока правительство Мэйджора не рассекретило в 1992 году документы, относящиеся к ядерным военным проблемам и оценкам советской угрозы Объединенным комите-

том разведки (Joint Intelligence Committee). Хотя британские историки все еще имеют доступ к документам по меньшей мере 30-летней давности, они также начинают в полной мере использовать открывшиеся перед ними возможности. В книге «The Hidden Hand» (London, 2001) *Ричард Олдрич* отмечает трудности, с которыми сталкиваются обычно историки, имеющие дело с данными разведки, даже в тех случаях, когда правительства проявляют готовность предоставить в их распоряжение отобранное количество документов, имеющих отношение к делу. *Путер Хеннесси* в своей книге «The Secret State» (London, 2002) проливает яркий свет на то, как на протяжении десятилетий после окончания второй мировой войны сменявшие друг друга премьер-министры Великобритании, следуя рекомендациям преданных своему делу советников и военных руководителей, принимали решения, от которых потенциально зависела судьба страны, не ставя об этом в известность даже своих коллег по кабинету. Это печальный комментарий к тому, как «холодная война» извращала демократию.

²⁰ *Leon Aron. Boris Yeltsin: A Revolutionary Life.* — London, 2000. — P. 147.

²¹ Доклад Объединенного комитета разведки от 15 декабря 1969 года. — Documents on British Policy Overseas, series III, vol. 1. — London, 1997. — P. 200.

²² См.: *Anne Hessing Cahn. Killing Détente.* — University park, Pa., 1998. — P. 124.

²³ *Ibid.*, p. 169.

²⁴ *Frances Fitzgerald. Way Out There in the Blue.* — New York, 2000. — P. 150. В этой книге автор цитирует как *Джоуиза*, так и статью *Грэя* и *Пэйна* в «Foreign affairs».

²⁵ *John Newhouse. The Nuclear Age.* — London, 1989. — P. 289.

²⁶ См.: *M.R. Beschloss и S. Talbott. At the Highest Levels.* — London, 1993. — P. 113. По словам авторов, «американцы, голосовавшие за Рейгана в 1980 году, плохо себе представляли, что в данном случае они выбирают радикала, еретика, идеалиста, романтика, ядерного аболициониста».

²⁷ Демонстрируя похвальную открытость, ЦРУ опубликовало

в конце 1999 года подборку разведывательных оценок ситуации за период с 1988 по 1991 год и организовало научную конференцию для обсуждения этого материала. Неудивительно, что аналитические заключения ЦРУ не всегда оправдывались. От этого скромного проявления гласности не пострадали ни ЦРУ, ни американские национальные интересы. Однако трудно себе представить, чтобы их британские коллеги последовали этому примеру. Оценка, упомянутая выше, NIE-11-89, содержится в книге: *B.J. Fischer* (ed). *At Cold War's End*. — Washington DC, 1999. — P. 227. Предисловие Фишера представляет собой лаконичный и взвешенный обзор периода 1989–1991 годов и менявшейся позиции американских разведывательных аналитиков.

²⁸ *B.J. Fischer*. *At Cold War's End*. — P. XII.

²⁹ *A.H. Cahn*. *Killing Détente*. — PP. 1-2.

³⁰ Эти и другие замечания г-жи Тэтчер взяты из ее мемуаров *The Downing Street Years* (London, 1995).

³¹ *Ibid.*, p. 480.

³² «Демократизация» — это, конечно, не то же самое, что демократия: это процесс ухода от авторитаризма. «Гласность» не то же самое, что свобода слова, учитывая, что к 1989 году в советской печати практически исчезло понимание разницы между свободой и анархией. Слово «перестройка» справедливо указывало на то, что целью Горбачева была реформа советской системы, а не ее свержение. Многие западные скептики ехидничали по поводу этих трех лозунгов, считая их дымовой завесой, под прикрытием которой Горбачев намеревался возродить старую мессианскую коммунистическую мечту.

3. Полет шмеля

¹ *M.R. Beschloss* and *S. Talbott*. «At the Highest Levels». — P. 48.

² Виндзорское меню приводится в книге: *I. Korchilov*. *Translating History*. — London, 1997. — P. 224.

³ *А.С. Черняев*. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. — М., 1993. — С. 287, 289.

-
- ⁴ Мемуары Крючкова («Личное дело», М., 1996), возможно, ненадежный источник, но они дают яркое представление о менталитете тайной полиции. В них есть неосознанно юмористические пассажи, — например, где автор жалуется, что те, кто посадил его в тюрьму после августовского путча 1991 года, не разрешили ему увидеться со своим адвокатом.
- ⁵ *M.R. Beschloss and S. Talbott. At the Highest Levels.* — P. 356.

4. В Советский Союз приходит демократия

- ¹ См.: *Leon Aron. Boris Yeltsin.* — P. 264n.
- ² *М.С. Горбачев. Жизнь и реформы.* — М., 1995. — С. 279.
- ³ Оценка Рыжковым его правительственной команды 1989 года содержится в его разочаровывающих и самодовольных мемуарах — «Перестройка: История предательства» (М., 1992).
- ⁴ *M.R. Beschloss and S. Talbott. At the Highest Levels.* — P. 84.
- ⁵ *Ibid.*, p. 92.

5. Пепел победы

- ¹ Эта церемония показана в замечательном киносериале Озерова о войне на Восточном фронте, снимавшемся в течение двадцати с лишним лет, с конца 1960-х годов. В фильме воспроизводятся события с использованием большого числа людей и техники и длятся по времени примерно столько же, сколько опера Вагнера «Кольцо Нибелунгов». Хотя сериал был сделан с точки зрения советских военных, он достаточно правдив и проливает яркий историографический свет на отношение к роли Сталина в годы войны.
- ² Цифры советских военных потерь, взятые из авторитетных источников, варьируются между 20 и 27 миллионами. См.: *Martin Gilbert. Second World War.* — London, 1989. *Джон Куган [John Keegan]* в своей книге «The Second World War» (London, 1989) пишет, что у немцев погибло более 4 миллио-

нов солдат и офицеров. Около 600 тысяч гражданских жителей Германии погибло во время бомбежек. Свыше миллиона простых немцев умерло во время насильственного изгнания в конце войны.

³ История советского эсминца, пытавшегося уплыть за границу, рассказана в книге Эндрю Кокберна «Угроза». См.: *Andrew Cockburn. The Threat.* — New York, 1983. — PP. 268–270.) Кокберн приводит много примеров плохого качества советского снаряжения. Надо ли говорить о том, что эта его оценка не была признана в то время оборонными ведомствами Запада.

⁴ Сетования Жукова на свое невежество содержатся в его мемуарах и цитируются в книге: *H. Shukman (ed). Stalin's Generals.* — London, 1997. — P. 397.

⁵ Де Кюстин нанес короткий визит в Россию в 1839 году. Его «*La Russie en 1839*» оставалась с тех пор карманным справочником иностранцев. Русские признают справедливость многих острых замечаний де Кюстина, хотя и говорят, что нарисованная им слишком негативная картина страдает односторонностью.

⁶ *E. Shevardnadze. The Future Belongs to Freedom.* — London, 1991. — P. 132.

⁷ *Ibid.*, p. 134.

⁸ Сказанное Джоном Мэйджором было впоследствии опубликовано дословно российским Министерством иностранных дел.

⁹ *А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым.* — С. 299.

¹⁰ *M. Thatcher. The Downing Street Years.* — London, 1995. — P. 794.

¹¹ *B.B. Fischer (ed.). At Cold War's End.* — Washington, 1999. — P. XII.

¹² Шеварднадзе особенно рассердило то, как советские генералы ввели его в заблуждение относительно подлинного назначения сложной системы радара в Красноярске, которая, по мнению американцев, была частью новой системы обороны от баллистических ракет, запрещенной согласно их договору с СССР в 1973 году.

-
- ¹³ Одно из описаний попыток Запада разузнать до конца советскую программу биологической войны можно найти в книге: *Mark Urban. UK Eyes Alpha.* — London, 1996.
- ¹⁴ См.: *G.D.G. Murrell. Russia's Transition to Democracy.* — Brighton, 1997. — P. 61.
- ¹⁵ Эти высказывания Шеварднадзе относительно сути национального величия были напечатаны в «Литературной газете» от 18 апреля 1990 года.
- ¹⁶ См.: *Pavel Palazhchenko. My Years with Gorbachev and Shevardnadze.* — University Park, Pa., 1997. — P. 182.
- ¹⁷ Данные об этом были опубликованы начальником Генерального штаба генералом Квашниным в газете «Аргументы и факты» от 23 июня 1998 года.

6. Потрепанные края

- ¹ См.: *Ф.М. Достоевский.* Пушкин. Очерк (Произнесено 8 июня 1880 г. в заседании Общества любителей российской словесности). Собр. Соч. в 10 т. — М.: ГИХЛ, 1958. — Т. 10, с. 458. Вера Достоевского в то, что русские наделены особым даром содействовать братскому единению человечества, сквозит во всех его произведениях.
- ² Замечания Горбачева об открытости русской нации передавались по радио в феврале 1991 года и воспроизведены Болдиным, его помощником, который впоследствии примкнул к нутчистам, в его злопыхательских мемуарах «Десять лет, которые потрясли Кремль» («Ten Years that Shook the Kremlin». — New York, 1994).
- ³ См.: *Hélène Carrère d'Encausse. L'empire éclaté.* — Paris, 1978.
- ⁴ См.: *John Baddeley. The Russian Conquest of the Caucasus.* — London, 1906. Эта книга и сегодня читается с большим интересом.
- ⁵ *Анатолий Собчак.* Хожение во власть. — М., 1991. Т 1. — С. 93.
- ⁶ См.: *M.R. Beschloss and S. Talbott. At the Highest Levels.* — P. 95.
- ⁷ Повесть Толстого «Хаджи Мурат» была одним из последних его произведений. Действие ее происходит в 1851 году. Неко-

торые сподвижники Ельцина сожалели о том, что не посоветовали ему перечитать эту повесть, прежде чем предпринимать собственную попытку покорить чеченцев. Цитируемый отрывок взят из главы 17.

- ⁸ *S. Huntington. The Clash of Civilisations. — New York, 1996. — P. 51.* Другой тезис Хантингтона, согласно которому православное христианство навсегда обречено пребывать в конфликте с «западным христианством» — имеет столько же оснований быть признанным, как и аналогичное убеждение наших дедов о взаимоотношениях между протестантами и католиками.

7. Крен вправо

- ¹ См.: *A. Brown. The Gorbachev Factor. — Oxford, 1996. — PP. 105-106.*
- ² *А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. — С. 336.*
- ³ Опросы ВЦИОМ показали, что Горбачев оставался самым популярным политиком в Советском Союзе до мая 1990 года, когда его опередил Ельцин (см.: *A. Brown. The Gorbachev Factor.*).
- ⁴ *А.С. Черняев. Шесть лет с Горбачевым. — С. 337.*

8. Дневник путча

- ¹ Изобилующая неточностями версия истории послания Мэйджора Ельцину приводится в кн.: *M. Urban. UK Eyes Alpha*, p. 190. Об этом инциденте упоминалось также в британских телевизионных программах 1993 года, посвященных советской разведке.
- ² Линда Колли приводит в своей книге «Britons» (см. p. 137) данные о том, как разделялись голоса североамериканцев в поддержку революции и против нее.
- ³ Перси Крэдок, бывший в то время начальником Объединенного комитета британских разведывательных служб, пишет о реакции Лондона на путч в книге «In Pursuit of British Inter-

ests» (London, 1997). Политический фон, на котором прозвучало предостережение Буша, можно найти в книге *Джека Мэтлока* «Autopsy of an Empire» (New York, 1995). И он, и Черняев рассказывают о том, как Мэтлок передал слова Буша Горбачеву, который не принял их во внимание. Оба рассказа совпадают, если не считать незначительных деталей. Анализ перспектив путча, данный ЦРУ, приводится тогдашним директором Управления Робертом Гейтсом в книге «From the Shadows» (New York, 1996).

ⁱ Взгляды членов Конгресса США по поводу слабости разведки изложены в приложении к протоколу Комитета по вооруженным силам палаты Представителей «Оборона в новую эпоху: уроки войны в Персидском заливе», опубликованном в августе 1993 года; цитируется Марком Урбаном в книге «UK Eyes Alpha».

9. Обломки диктатуры

- ¹ О подходе Руцкого к умиротворению чеченцев и отказе Ельцина от применения силы см. в книге: *C. Gall; T. de Waal*. Chechnya: A Small Victorious War. — London, 1997. — P. 97.

10. Споры по поводу экономики

- ¹ *A. Brown*. The Gorbachev Factor. — P. 135.
- ² Более высокая оценка размеров советских расходов на оборону заимствована из кн.: *Vladimir Mau*. The Political History of Economic Reform in Russia, 1985–1994. — London, 1996. — P. 5.
- ³ См. *Geoffrey Hosking*. The Awakening of the Soviet Union.
- ⁴ *М.С. Горбачев*. Жизнь и реформы. — С. 327 ff.
- ⁵ См. *L. Aron*. Boris Yeltsin. — PP. 90, 281–284, 295.
- ⁶ «Известия» от 11 июля 1989 года.
- ⁷ *Егор Гайдар*. Государство и эволюция. Дни поражений и побед. — М. «Евразия», 1997. — С. 330.

-
- ⁸ Рассказ Литтона Стрейчи о приготовлениях англичан к спасению генерала Гордона заимствован из книги «Eminent Victorians» («Выдающиеся викторианцы»), (London, 1984, p. 247).

11. К светлому будущему?

- ¹ См.: История СССР в анекдотах 1917–1990». — М., 1991.
- ² L. Aron. Boris Yeltsin. — P. 572.
- ³ См. Д. Гранин. Русская интеллигенция уходит. — «Известия» от 5 ноября 1997 года.
- ⁴ Замечания Дж. Кеннана по поводу русской грязи содержатся в его обзоре «Россия — семь лет спустя», написанном в 1994 году; обзор был опубликован в виде приложения к его «Memoirs 1925–1950» (Boston, 1967, p. 505).
- ⁵ Нелестные высказывания Пушкина о его собственной стране содержатся в письме к князю Вяземскому от 27 мая 1826 года.
- ⁶ Мнение Бенкендорфа о победоносном развитии русской истории приведено в кн.: *Peter Squire. The Third Department.*— Cambridge, 1968. — P. 232.
- ⁷ Поразительные предсказания Кеннана о том, что произойдет в России после падения коммунистического режима, было сделано им в статье «Америка и русское будущее» («America and the Russian future»), которая была опубликована в журнале «Foreign Affairs» в апреле 1951 года. Мое внимание на эту статью обратил Владимир Собелл. Я очень благодарен ему, а также Джорджу Кеннану за разрешение привести отрывок из этой статьи.

Библиография

- Istoriya SSSR v Anekdotakh, 1917–1990* (A history of the USSR in jokes, 1917–1990), Moscow, 1991.
- Kto yest kto v Rossii* [Who's Who in Russia], Moscow, 1993.
- Stolitsa i Usadba* [Town & Country], 1915, no 32.
- Albats, Y., *KGB: State within a State*, London, 1995.
- Aldrich, R. J., *The Hidden Hand*, London, 2001.
- Aron, L., *Boris Yeltsin: A Revolutionary Life*, London, 2000.
- Aslund, A., *How Russia Became a Market Economy*, Washington DC, 1995.
- Baddeley, J. B., *The Russian Conquest of the Caucasus*, London, 1906.
- Baedeker, K., *Baedeker's Russia 1914*, repr. London, 1971.
- Bakatin, V. V., *Izbaivlenie ot KGB [Getting Rid of the KGB]*, Moscow, 1992.
- Baring, M., *The Mainsprings of Russia*, London, 1914.
- Baron, S. H. (ed), *The Travels of Olearius in Seventeenth-Century Russia*, Stanford, 1967.
- Belloc, H., *Complete Verse*, London, 1991.
- Bennett, G. and Hamilton, K. (eds), *Documents on British Policy Overseas*, series III, vol. 1: *Britain and the Soviet Union, 1968–1972*, London, 1997.
- Berdyaev, N. A., *Istoria i Smysl Russkogo Kommunizma* [The Roots and Meaning of Russian Communism], Moscow, 1990.
- Berton, K. and Freeman, J., *The British Embassy Moscow: The Kharitonenko Mansion*, London, 1991.
- Beschloss, M. R. and Talbott, S., *At the Highest Levels*, London, 1993.

-
- Billington, J., *The Icon and the Axe*, New York, 1970.
- Blasi, J., Kroumova, M. and Kruse, D., *Kremlin Capitalism*, Ithaca, N.Y., 1997.
- Boldin, V., *Ten Years that Shook the Kremlin*, New York, 1994.
- Brown, A., *The Gorbachev Factor*, Oxford, 1996.
- Brown, A. (ed.), *The Soviet Union: A Biographical Dictionary*, New York, 1990.
- Brown, A., Kaser, M. and Smith, G. S. (eds), *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union*, Cambridge, 1994.
- Brumfield, W. C., *Gold in Azure*, Boston, 1983.
- Buchanan, G., *My Mission to Russia*, London, 1923.
- Cahn, A. H., *Killing Detente*, University Park, Pa., 1998.
- Carrère d'Encausse, H., *L'Empire eclate*, Paris, 1978.
- Cockburn, A., *The Threat*, New York, 1983.
- Colley, L., *Britons*, London, 1992.
- Conquest, R., *The Great Terror*, London, 1968.
- Conquest, R., *The Harvest of Sorrow*, London, 1988.
- Cradock, P., *In Pursuit of British Interests*, London, 1997.
- Custine, Marquis de, *Journey for our Time tr. from La Russie en 1839*, London, 1980.
- Davies, R.W. (ed.), *From Tsarism to the New Economic Policy*, London, 1990.
- Dibb, P., *The Soviet Union: The Incomplete Superpower*, London, 1988.
- Dunlop, J. B., *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire*, Princeton, 1993.
- Edmonds, R., *Pushkin: The Man and his Age*, London, 1994.
- English, R., *Russia and the Idea of the West*, New York, 2000.
- Figes, O., *A People's Tragedy*, London, 1996.
- Fischer, B. B. (ed.), *At Cold War's End*, Washington DC, 1999.
- Fitzgerald, F., *Way Out There in the Blue*, New York, 2000.
- Freedman, L., *Kennedy's Wars*, London, 2000.
- Freeland, C., *Sale of the Century*, New York, 2000.
- Gaddis, J. L., *We Now Know*, Oxford, 1997.
- Gall, C. and de Waal, T., *Chechnya: A Small Victorious War*, London, 1997.
- Garton Ash, T., *The File*, London, 1998.
- Gates, R., *From the Shadows*, New York, 1966.

-
- Gerschenkron, A., *Europe in the Russian Mirror*, Cambridge, 1970.
- Gilbert, M., *Second World War*, London, 1989.
- Gleason, J. H., *The Genesis of Russophobia in Great Britain*, Cambridge, Mass., 1950.
- Goldmann, M., *Lost Opportunity*, New York, 1994.
- Gorbachev, M. S., *The August Coup*, London, 1991.
- Gorbachev, M. S., *Zhizn' i Reformy* [Life and Reforms], Moscow, 1995.
- Gregory, P. R., *Before Command*, Princeton, 1994.
- Grey, I., *Ivan and the Unification of Russia*, London, 1973.
- Grossman, V. S., *Zhizn' i Sudba* [Life and Fate], 1988.
- Grossman, V. S., *Vse techet* [Forever Flowing], Evanston, 111., 1997.
- Hakluyt, R., *Voyages*, vol. 1, London, 1967.
- Hennessy, P., *The Secret State*, London, 2002.
- Herberstein, S. von, *Description of Moscow and Muscovy 1557*, London, 1989.
- Hertz, N., *Russian Business Relationships*, London, 1997.
- Hosking, G., *The Awakening of the Soviet Union* (Reith Lectures), London, 1988.
- Hosking, G., *Russia and the Russians*, London, 2001.
- Howe, G., *Conflict of Loyalty*, London, 1995.
- Huntington, S., *The Clash of Civilizations*, New York, 1996.
- Johnson, J., *A Fistful of Rubles*, Ithaca, N.Y., 2000.
- Kagarlitsky, B., *The Thinking Reed*, London, 1988.
- Kennan, G. F., *Russia and the West under Lenin and Stalin*, London, 1961.
- Kennan, G. Fm., *Memoirs, 1925–1950*, Boston, 1967.
- Kennedy, P., *The Rise and Fall of the Great Powers*, London, 1988.
- Kiessler, R. and Elbe, F., *Ein runder Tisch mit scharfen Ecken* [A Round Table with Sharp Edges], Bonn, 1993.
- Korchilov, I., *Translating History*, London, 1997.
- Korzhakov, A., *Yeltsin: Rasvet i Zakat* [Yeltsin: Dawn and Dusk], Moscow, 1997.
- Kostomarov, N. I., *Russkaya Istoriya v Zhizneopisaniyakh ee Glavnykh Deyatelei* [Russian History through the Lives of its Main Actors], repr. of 1874 edn, 3 vols, Moscow, 1990-2.
- Kozyrev, A., *Preobrazhenie* [Transformation], Moscow, 1995.

-
- Kryuchkov, V., *Lichnoe Delo* [Personal File], Moscow, 1996.
- Layard, R. and Parker, J., *The Coming Russian Boom*, London, 1996.
- Lebed, A. I., *Za Derzhavu Obidno* [Farewell to Greatness], Moscow, 1995.
- Ledeneva, A., *Russia's Economy of Favours*, Cambridge, 1998.
- Lewin, M., *Stalinism and the Seeds of Soviet Reform*, repr. of 1974 edn, London, 1991.
- Lieven, A., *Chechnya: Tombstone of Russian Power*, London, 1999.
- Lieven, D., *Empire*, London, 2000.
- Lloyd, J., *Rebirth of a Nation*, London, 1998.
- Lockhart, B., *Memoirs of a British Agent*, London, 1937.
- Lukyanov, A., *Perevorot Mnimy I Perevorot Nastoyashchy* [The Pretended Coup and the Real One], Moscow, 1993.
- Malia, M., *Russia under Western Eyes*, London, 1999.
- Matlock, J., *Autopsy on an Empire*, New York, 1995.
- Mau, V., *The Political History of Economic Reform in Russia, 1985–1994*, London, 1996.
- Medvedev, Z., *Soviet Agriculture*, London, 1987.
- Merrifield, C., *Night of Stone*, London, 2000.
- Milosz, C., *The Captive Mind*, London, 1953.
- Morrison, J., *Boris Yeltsin*, London, 1991.
- Murrell, G. D. G., *Russia's Transition to Democracy*, Brighton, 1997.
- Nepomnyashchny, C., *Abram Tertz and the Poetics of Crime*, New Haven, 1995.
- Nesterov, M. V., *Vospominaniya* [Memoirs], Moscow, 1985.
- Neumann, I. B., *Russia and the Idea of Europe*, London, 1996.
- Newhouse, J., *The Nuclear Age*, London, 1989.
- Nove, A., *The Soviet Economy*, London, 1961.
- Nove, A., *Stalinism and After*, London, 1975.
- Nove, A., *Glasnost in Action*, London, 1989.
- Owen, T. C., *The Corporation under Russian Law, 1800–1917*, Cambridge, 1991.
- Owen, T. C., *Russian Corporate Capitalism from Peter the Great to Perestroika*, Oxford, 1995.
- Palazhchenko, P., *My Years with Gorbachev and Shevardnadze*, University Park, Pa., 1997.

-
- Pipes, R., *Russia under the Old Regime*, London, 1974.
- Pipes, R., *Russia under the Bolshevik Regime*, London, 1994.
- Potemkin, V. P., *Istoriya Diplomatii* [History of Diplomacy], Moscow, 1941.
- Pryce-Jones, D., *The War that Never Was*, London, 1995.
- Pushkin, A., *Works*, Leningrad, 1978.
- Putin, V., *S Pervogo Litsa* [First Person Singular], Moscow, 2000.
- Razgon, L., *Nepridumannoe* [Nothing but the Truth], Moscow, 1989.
- Riasanovsky, N. V., *A History of Russia*, 2nd edn, Oxford, 1969.
- Richards, D. J. and Cockrell, C. R. S., *Russian Views of Pushkin*, Oxford, 1976.
- Rieber, A. J., *Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia*, Chapel Hill, N.C., 1982.
- Roxburgh, A., *The Second Russian Revolution*, London, 1991.
- Ryzhkov, N. I., *Perestroika: Istoriya Predatel'stva* [Perestroika: A Story of Betrayal], Moscow, 1992.
- Sakwa, R., *Gorbachev and his Reforms, 1985–1990*, London, 1990.
- Semler, H. B., *Discovering Moscow*, Wellingborough, 1989.
- Shapiro, L., *Russian Studies*, London, 1986.
- Shevarnadze, E., *The Future Belongs to Freedom*, London, 1991.
- Shevtsova, L., *Yeltsin's Russia: Myths and Reality*, Washington DC, 1999.
- Shukman, H. (ed.), *Stalin's Generals*, London, 1993.
- Sinyavskiy, A. (Tertz, A.), *Progulki s Pushkinym* [Strolls with Pushkin], Paris, 1989.
- Sobchak, A., *Khozhdienie vo Vlast* [The Road to Power], Moscow, 1991.
- Solzhenitsyn, A., *Arkhipelag Gulag* [Gulag Archipelago], Paris, 1973.
- Squire, P. S., *The Third Department: The Political Police in the Russia of Nicholas I*, Cambridge, 1968.
- Steele, J., *Eternal Russia*, London, 1994.
- Strachey, L., *Eminent Victorians*, London, 1984.
- Szamuely, T., *The Russian Tradition*, London, 1974.
- Szporluk, R., *Ukraine: A Brief History*, Detroit, 1982.
- Thatcher, M., *The Downing Street Years*, London, 1995.
- Trenin, D., *The End of Eurasia*, Washington DC, 2001.
- Urban, M., *UK Eyes Alpha*, London, 1996.
- Utechin, S. V., *Everyman's Concise Encyclopaedia of Russia*, London, 1961.

-
- Vaksberg, A., *The Soviet Mafia*, London, 1991.
- Volkogonov, D. A., *Triumf i Tragediya [Triumph and Tragedy]*, Moscow, 1990.
- Woodman, H., *Ilya Muromets, Type Veh*, Berkhamsted, 2000.
- Yakovlev, A. N., *Predislovie, Obval, Posleslovie* [Foreword. Collapse. Afterword.], Moscow, 1992.
- Yeltsin, B. N., *Against the Grain*, London, 1990.
- Yeltsin, B. N., *The View from the Kremlin*, London, 1994.
- Yergin, D. and Gustafson, T., *Russia 2010*, New York, 1991.
- Zhirinovskiy, V., *Posledni Brosok na Yug* [Last Lunge to the South], Moscow, 1993.
- Zuckerman, F. S., *The Tsarist Secret Police*, London, 1996.

Именной указатель

- Абалкин, Л. И. 93, 439, 442–446, 448, 449, 459, 475
Аввакум 48
Аганбегян, А.Г. 435, 439, 442, 449, 479
Адамишин, А.Л. 208, 210
Азеф, Евно 45
Айтматов, Чингиз 118, 171, 180
Александр, Майкл 87, 213, 235, 524
Александр I 122, 426
Александр II 50, 54, 263
Алексеев, адмирал 195
Алексий II, патриарх 49, 109, 110, 356, 387, 400
Алиев, Г.А. 290
Алкисис, Виктор 233, 308, 388, 389
Аллисон, Грэхем 456
Амальрик, А.А. 69
Андреева, Н.А. 110, 111, 331
Андропов, Ю.В. 89, 126, 130, 139
Арбатов, Г.А. 15, 387
Арон, Леон 69, 508
Асл, Ричард 345
Афанасьев, Ю.Н. 148, 149, 151, 152, 154, 156, 175, 240, 280, 288, 297, 299, 324, 329, 338, 380, 449
Ачалов, В.А. 194
Аш, Тимоти Гартон 76
Бабурин, С.Н. 409
Байбаков, Н.К. 437
Бакатин, В.В. 127, 128, 132, 174, 300, 302, 306, 309, 311, 317, 324, 339, 350, 353, 358, 394–397
Бакеева, В.А. 27
Барроу, Тим 415
Бегишвили, Бачи 253
Бегишвили, Нино 253
Бескман, Владимир 240
Бейкер, Джеймс 213, 217, 424
Беллок, Хиллар 426, 525
Бенкендорф, А.Х. 43, 45, 131, 515, 516, 535
Бересфорд, Чарльз 29, 30
Бернер, Орьян 355
Бессмертных, А.А. 225, 311, 319, 365, 393
Бетховен, Людвиг ван 401

- Бикнелл, Джулиан 15
Бисенгалиев, Марат 274, 275
Богомолов, О.Т. 93, 439, 442, 447, 479, 499
Болдин, И.В. 362, 532
Болдуин, Стивен 18, 195
Бондарев, Ю.В. 170
Бонет, Пилар 178
Боннэр, Елена 288, 367
Браун, Кэролин 256
Браун, Энн 18, 341, 347
Брежнев, Л.И. 40, 43, 65, 66, 70, 80, 84, 89, 97, 101, 118, 139, 171, 175, 185, 186, 264, 347, 437, 438, 488, 503
Брейтвейт, Билл 138
Брейтвейт, Валерий 138
Брейтвейт, Джилл 5, 9, 11, 13, 15, 17, 18, 20, 77, 78, 81, 95, 96, 105, 130, 134, 145, 159, 163, 167, 195, 198, 211, 235, 248, 274, 287, 298, 299, 312, 336, 337, 341, 342, 347, 351-353, 359, 364, 365-367, 369, 382, 385, 396, 410, 421, 452, 491, 494, 524
Брейтвейт, Константин 137
Брейтвейт, Уильям 137
Брейтвейт, Феликс 137
Булгаков, М.С. 266
Бухарин, Н.И. 150, 380
Буш, Джордж Герберт Уокер (старший) 96, 120, 121, 123, 124, 185, 205, 207, 215, 217, 322, 336, 375- 377, 379, 534
Бьюкенен, Джордж 7, 8
Вагнориус, Гедиминас 403
Варенников, В.И. 232, 321, 331, 362, 427
Витте, С.Ю. 31, 187, 283
Власов, Ю.П. 174
Волкогонов, Д.А. 199, 200, 303
Вольский, А.И. 384
Воротников, В.И. 171
Вяземский, П.А. 7, 515, 535
Гавел, Вацлав 213
Гайдар, Е.Т. 378, 385, 391, 398, 439, 463-465, 467-469, 471-475, 478-481, 483, 484, 486, 488, 499, 500, 504, 507, 534
Галвин, Кристофер 194, 228, 234, 308
Гаммер, Джон 450, 451
Гамсахурдиа, З.А. 255-257, 418
Ганди, Раджив 276, 279
Гаретовский, Н.В. 135
Гасанов, Гасан 260, 414, 415
Гейтс, Роберт 120, 534
Гейченко, Л.Д. 56
Гейченко, С.С. 55, 56
Геншер, Ханс Дитрих 207, 212, 216, 405
Георг VI 122
Геращенко, В.В. 387, 390, 441, 468
Геращенко, И.О. 367, 369
Герберштейн, Зигмунд фон 41
Герцен, А.И. 51, 52
Гёте, Иоганн Вольфганг 54
Гитлер, Адольф 150, 189, 235, 295, 327
Глостерский, герцог 14
Гоголь, Н.В. 46
Годманис, Иверс 403
Гомулка, Владислав 77
Горбачев, М.С. 7, 10, 16, 19, 20, 22, 33, 38, 43, 54, 57, 58, 70, 74, 75, 77, 78, 88-92, 94-98, 101-108, 110-134,

- 137–141, 143, 145–149, 151, 154, 155, 157–160, 163, 170–175, 178–182, 184, 185, 187, 192, 193, 196, 200, 201, 203, 204–209, 211, 213, 215–220, 222, 224–227, 230, 232, 233, 237, 238, 240–242, 244, 247–250, 251, 253, 256, 258, 260, 265, 277–283, 285, 286, 289, 290–296, 300–314, 316–325, 328–340, 342, 344, 345, 349, 350, 353, 355, 356, 359–371, 373–386, 388–392, 394, 397, 402–405, 407–409, 411, 412, 417, 424, 425–430, 432, 437–440, 442–450, 454, 456–462, 464, 472, 473, 476, 481, 482, 486, 488, 498–500, 506–508, 511, 519, 520, 529–534
Горбачева, Р.М. 90, 116, 117, 155, 173, 301, 335, 391, 425–429, 460
Гордиевская, Л.А. 130
Гордиевский, О.А. 61, 100, 130
Гранин, Д.А. 514, 535
Грибоедов, А.С. 243
Громыко, А.А. 113, 114, 116, 285, 286, 290
Гроссман, В.С. 150, 184
Губенко, Н.Н. 287, 389, 411, 412
Гэвин, Майкл 367, 369
- Данте, Алигьери 54
Дежевски, Мэри 330
Делор, Жак 457, 458
Демахин, Константин 18, 108, 129, 181, 183, 269, 270, 298, 325, 409
Джоунз, Т.К. 73, 528
Дзержинский, Ф.Э. 341, 396
Дионисий 495
Достоевский, Ф.М. 43, 47, 48, 54, 176, 238, 515, 532
Драч, Иван 267, 268
- Евтушенко, Е.А. 288, 298, 353
Ежов, Н.И. 58, 380
Екатерина II (Великая) 42, 45, 50, 262, 304, 526
Ельцин, Б.Н. 7, 110–112, 123, 143, 145–148, 153, 154, 158, 167–170, 175, 198, 200, 223, 226, 243, 278–283, 289, 291, 294–296, 298, 299, 301–303, 305–307, 318, 319, 321, 323–325, 328–333, 336, 337, 339–346, 349–356, 359–362, 364, 365, 367, 369, 371–375, 378, 379, 381, 383–386, 389, 391–394, 401–408, 411, 412, 424, 425, 427, 430, 432, 437–439, 449, 450, 454, 463–466, 468, 472–479, 481–483, 485, 486, 488, 499, 500–510, 514, 516, 519, 520, 533, 534
- Жириновский В.Ф. 94, 306, 432, 501, 516
- Залесский, Василий 13
Замятин, Л.М. 15, 248
Зиновьев, Г.Е. 380
Зюганов, Г.А. 504–506
- Иван III 142
Иван Грозный 43, 44, 48, 52, 56, 142, 164, 190, 234
Ингам, Бернард 215
Исакадзе, Лиана 177
Иссерлис, Стивен 12
- Кабаков, А.А. 231, 340
Кагаловский, Константин 467
Калинин, А.И. 80, 350, 366
Калугин, О.Д. 375
Каменев, Л.Б. 380

- Караганов, С.А. 303
Каррингтон, лорд 87
Картледж, Брайан 21
Карякин, Ю.Ф. 176
Касл, Барбара 159
Кашпировский, А.М. 20
Квицинский, Юлий 291
Кедури, Эли 88
Кейн, Майкл 407
Кеннан, Джордж 515, 522, 527 535
Кеннеди, Роберт 62, 527
Киров, С.М. 380
Китовани, Тенгиз 417, 418
Клаузевиц, Карл 67
Коббет, Уильям 13
Кобец, К.И. 355
Козырев, А.В. 132, 367, 392, 393, 408, 424
Коль, Хельмут 207, 211
Комарь, Дмитрий 366
Корнуэлл, Руперт 104
Коротич, В.А. 162, 171, 178, 181, 298
Костомаров, Н.И. 52, 53, 526
Косыгин, А.Н. 83, 437
Кравченко, Юрий 413
Кравчук, Леонид 243, 273, 351, 407, 411, 412
Крамской, И.Н. 29
Крижанич, богослов 44
Кричевский, Илья 366, 367
Крэдок, Перси 209, 229, 533
Крючков, В.А. 126, 130, 131, 134, 174, 233, 251, 281, 299, 300, 312, 317, 324, 325, 329, 330, 332, 338, 351, 353, 356, 357, 362, 372, 375, 394, 530
Кунадзе, Г.Ф. 356, 357
Кюстин, Астольф де, маркиз 192, 527, 531
Лайн, Родерик 105, 205, 475
Ламонт, Норман 462, 476
Лаптев, И.Д. 132, 133, 183, 184, 292, 294, 317, 329, 339, 361–363, 369, 370, 388, 390, 391, 394, 457
Ларошфуко, Франсуа де 513
Лебедь, А.И. 345, 355, 502
Леви, Примо 58, 67
Лелюшенко, Д.Д. 188
Ленин, В. И. 32, 56, 89, 106, 114, 119, 148, 149, 150, 151, 153, 176, 180–182, 253, 255, 260, 277, 354, 380, 450
Леонов, А.А. 12, 421
Лигачев, Е.К. 110–113, 126, 163, 171, 251, 252, 292, 293, 296
Лихачев, Д.С. 153, 165, 288, 302, 310
Логан, Дэвид 314, 316, 409
Локкарт, Брюс 29, 30, 525
Лонгригг, Тони 278
Лудлоу, Дэвид 245
Лужков, Ю.М. 131, 304, 384, 424, 493
Луи, Виктор 83, 86
Лукин, В.П. 57
Лукьянов, А.И. 128, 129, 131, 173, 181, 301, 309, 325, 330, 335, 355, 360, 362, 375, 388, 411
Людовик XIV 11
Мазепа, И.С. 178
Макашов, А.М. 295, 306
Макиавелли, Никколо 57
МакЛеод, Сьен 314
Маллаби, Кристофер 87, 216
Малфорд, Дэвид 398
Мамардашвили, Мераб 132 177
Мамонтов, С.И. 25, 33

-
- Манукян, Вазген 250
Маршалл, Ноэль 17, 314, 447, 456, 482
Матисс, Анри 28
Медведев, В.А. 217, 258, 293, 302, 339, 380, 381, 460
Меншикова, Марфа 164
Мень, Александр 49, 109
Мери, Леннарт 403
Митлянский, Даниэль 288
Миттеран, Франсуа 124, 216, 356
Михник, Адам 181
Моисеев, М.А. 193, 194, 196–198, 220–224, 227, 232, 233, 319, 351
Моисеева, Галина 197
Молотов, В.М. 150
Морозов, С.Т. 28
Мотов, Александр 18, 20, 129, 169, 188, 234, 247, 296, 320, 372, 409, 435
Мусоргский, М.П. 47, 54, 167
Муталибов, Аяз 260, 414, 415
Мэйджор, Джон 17, 97, 213, 312, 322, 323, 335, 336, 341, 347, 351, 352, 361, 382–385, 394, 401, 403, 410, 412, 458, 476, 484, 527, 531, 533
Мэйджор, Норма 382
Мэннинг, Дэвид 314, 347, 402
Мэтлок, Джек 182, 219, 225, 269, 534
Маррелл, Джеффри 347, 348, 357, 363

Назарбаев, Нурсултан 276, 351, 385, 388, 408, 413, 414, 427
Наполеон, Бонапарт 60, 173, 187, 188, 235, 327, 494
Нарусова, Л.Б. 401

Неделин, М.И. 422
Нельсон, Горацио 195
Неру, Джавахарлал 432
Нестеров, М.В. 28, 29
Никитенко, А.В. 69
Николай I 44, 45, 122, 137, 184
Николай II 11, 31, 54, 143, 366, 485
Нкрума, Кваме 432
Нобл, Адам 245, 250
Нове, Алек 445
Ньюхауз, Джон 74

Одлинг-Сми, Джон 473
Олдрич, Ричард 528
Орджоникидзе, Серго 380
Ослунд, Андерс 473
Островский, А.Н. 23

Павличко, Д.В. 412
Павлов, В.С. 311, 312, 329, 330, 332, 338, 350, 362, 375, 389, 455, 459, 460
Палажченко, П.Р. 405, 406, 411
Панкин, Б.Д. 386, 393
Пасечник, В.С. 224
Патиашвили, Джумбер 251
Пауэлл, Чарльз 121, 215
Петр I 44–46, 48, 52, 59, 140, 164, 178, 189, 190, 243, 262, 263, 399, 400, 434, 496
Петраков, Н.Я. 318, 440, 444–447, 449, 455, 468
Петрушенко, Н.С. 233, 308, 389
Пикассо, Пабло 28
Полозков, И.К. 295, 504
Попов, Г.Х. 156, 296, 298, 300, 301, 304, 323, 361, 375, 376, 378, 402, 424
Примаков, Е.М. 131, 132, 222, 290,

- 291, 317, 318, 339, 350, 353, 385,
393–396, 457–461, 505, 506
Приставкин, А.И. 236, 261
Прокофьев, С.С. 29, 54
Пуго, П.К. 299, 311, 316, 317, 325,
329, 338, 356, 362, 370
Путин, В.В. 156, 399, 506, 509–511
Пушкин, А.С. 7, 10, 42, 45, 55, 56,
142, 165, 184, 212, 243, 271, 279,
318, 353, 378, 395, 434, 515, 526,
532, 535
Разгон, Л.Э. 57, 58
Раковский, Мичеслав 78
Расин, Жан 54
Рейган, Рональд 74, 76, 88, 100,
417, 528
Ремингтон, Стелла 395
Риббентроп, Иоахим 150
Рид, Джон 172
Римский-Корсаков, Н.А. 46
Родионов, И.Н. 198, 251, 330
Романов, Г.В. 171
Россини, Джоаккино 335
Рузвельт Теодор 53, 526
Рузвельт, Франклин Делано 139
Румянцев, О.Г. 357
Руцкой, А.В. 353, 355, 356, 362,
385, 402, 404, 500, 534
Рыжков, Н.И. 20, 114, 116, 126,
173, 179, 247, 251, 299, 300, 302,
306, 311, 444, 445, 447, 449, 454, 530
Рэнсом, Артур 33
Рюйтель, Арнольд 402
Рябушинский, П.П. 32
Сависаар, Эдгар 403
Сайкин, В.Т. 170, 291
Самюэль, Ричард 283, 418
Сахаров, А.Д. 9, 68, 69, 113, 146,
153, 158, 159, 163, 171, 177, 181, 270,
286–289, 292, 297, 368, 396, 437
Сен-Жюст, Луи 307
Сенокосов, Ю.П. 136, 177, 351, 352,
380, 525
Сенокосова, Е.М. 136, 177, 351,
352, 380, 525
Серов, В.А. 28
Сигуа, Тенгиз 417, 418
Силаев, И.С. 355, 356, 360,
384–386, 398
Скауक्रофт, Брент 120
Собчак, А.А. 116, 154–156, 174,
252, 288, 296, 302, 316, 324, 325,
339, 351, 378, 399, 400, 402, 407,
419, 432, 532
Солженицын, А.И. 9, 69, 81, 83,
159, 165, 184, 266, 305, 396
Соломенцев, М.С. 171
Спиндлер, Гай 345, 348
Сталин, И.В. 9, 14, 38, 44, 52, 56, 57,
63–65, 68, 79, 81, 89, 97, 106, 115,
136, 139, 144, 145, 149–151, 164,
176, 189, 190, 199, 200, 236, 238,
254, 255, 261, 264, 285, 287, 288,
290, 301, 303, 304, 325, 327, 340,
380, 423, 432, 434, 437, 464, 488,
490, 493, 496, 515, 522, 523, 530
Станкевич, С.Б. 302–304, 306, 346
Старков, В.А. 303
Старовойтова, Г.В. 156–158, 329,
419
Стилл, Джонатан 358
Столыпин, П.А. 31
Стравинский, И.Ф. 54
Страусс, Роберт 367, 473, 477
Стрейчи, Литтон 484, 535
Сухой, П.О. 192

- Тер-Петросян, Левон** 247–250, 415, 416
Толкиен, Д.Р.Р. 43
Толстой, А.К. 44
Толстой, Л.Н. 43, 54, 188, 262, 286, 288, 353, 532
Тольятти, Пальмиро 81
Томас, Хью 88
Торадзе, Александр 254
Троцкий, Л.Д. 84, 150, 354, 380
Тэтчер, Маргарет 15, 17, 76, 77, 86–88, 96, 102, 105, 106, 116–118, 121–123, 156, 192, 197, 204, 206, 207, 209, 214–216, 218, 220, 225, 227, 230, 248, 258, 265, 269, 302, 304, 308, 312, 318, 333, 351, 356, 412, 414, 448, 509, 529
Тютчев, Ф.И. 7
Уайнбергер, Каспар 76
Уолдгрэйв, Уильям 208, 258, 266, 268, 412
Уолл, Стивен 347, 361
Усов, Владимир 366
Уэллс, Герберт 33
Фалиц, В.М. 156, 208, 210, 211, 259, 291
Фальконе, Джованни 401
Федор Иоаннович, царь 48
Филипп, митрополит 48
Фокин, Ю.Е. 393, 398
Фонда, Джейн 118
Хаммер, Арманд 33
Хардинг, Питер 194
Харитоненко, И. Г. 25–27, 34, 511
Харитоненко, П.И. 10, 12, 16, 22, 28, 30, 33, 121, 511
Хасбулатов, Р.И. 325, 355, 360, 479, 500
Хау, Джеффри 106, 117, 393
Хел, Иван 272
Хенри, Патрик 367
Хеннесси, Питер 528
Херд, Дуглас 106, 226, 242, 273, 280–282, 313, 323, 333, 357, 394, 395, 405, 413, 414, 446, 447, 449, 450, 474, 476
Ховард, Майкл 88
Хогг, Дуглас 414–416
Хонеккер, Эрик 206, 208
Хоскинг, Джеффри 62, 524
Хрущев, Н.С. 38, 40, 65, 68–70, 77, 80–83, 89–91, 113, 114, 117, 139, 140, 164, 182, 190, 264, 326, 329, 338, 344, 390, 429, 433, 436, 437, 464, 493, 496
Хусейн, Саддам 197, 222, 404
Чаадаев, П.Я. 38, 378, 515
Чазов, Е.И. 437
Чайковский, П.И. 54, 386
Чаушеску, Николае 206, 298, 301, 333, 334
Чернавин, В.Н. 193, 195, 232
Черненко, К.У. 89
Черномырдин, В.С. 505
Черчилль, Уинстон 139, 241, 425, 426, 509, 523
Чехов, А.П. 28, 36, 54, 279, 280
Чокер, Линда 431, 432
Чубайс, А.Б. 504
Чудаков, А. Е. 260, 524
Чудакова, М.Н. 260, 524
Чурбанов, Ю.М. 171

-
- Шаляпин, Ф.И.** 29
Шапошников, Е.И. 370
Шарман, Элен 420, 423
Шаталин, И.И. 318, 360, 449, 454, 455
Шахназаров, Г.Х. 369, 370
Шеварднадзе, Э.А. 16, 111–114, 116, 122, 124–126, 174, 200–202, 204, 207, 208, 212, 222, 223, 233, 234, 241, 254, 296, 309–311, 321, 351, 361, 379, 388, 392, 416–418, 464, 467, 531, 532
Шевченко, Тарас 263
Шекспир, Найджел 104, 245, 470
Шелест, П.Е. 264
Шелов-Коведяев Ф.В. 419
Шехтель, Франц 11, 13, 25
Шостакович, Д.С. 54
Шуман, Роберт 275
Шумилин, А.А. 421, 422
Шушкевич, С.С. 407, 413

Щаранский, А.Б. 69
Щербицкий, В.В. 177, 264, 265, 268, 269
Щусев, А.В. 28

Эберли, Джеймс 195

Эдуард VII 11, 28
Элефтерий, настоятель 49, 448, 482
Элиот, Т.С. 194
Эпилярд, Лен 410–412

Юрканс, Янис 418, 419
Юхновский, И.Р. 272

Явлинский, Г.М. 340, 351, 352, 356, 384, 385, 398, 399, 449, 454, 456, 459, 460, 468
Язов, Д.Т. 129, 174, 193–196, 213, 224, 225, 227, 228, 230–232, 251, 252, 259, 299, 317, 319, 329, 330, 338, 351, 362, 375
Язова, Э.Е. 130
Яковлев, А.М. 252
Яковлев, А.Н. 104, 111, 112, 116, 122, 125, 126, 139, 163, 258, 292, 296, 311, 361, 363, 369, 370, 375, 376, 394, 411, 412
Яковлев, Е.В. 133, 134, 146, 293, 309
Якунин, Глеб, отец 49, 303
Япаев, Г.И. 311, 338, 342, 362
Ярузельский, Войцех 372
Янаев, Г.И. 311, 338, 342, 362
Ярузельский, Войцех 372

Содержание

7Пролог
10 1. Вид через реку
36 2. Русские идут
96 3. Полет шмеля
142 4. В Советский Союз приходит демократия
187 5. Пепел победы
237 6. Потрепанные края
285 7. Крен вправо
335 8. Дневник путча
378 9. Обломки диктатуры
431 10. Споры по поводу экономики
485 11. К светлому будущему?
523 Выражение признательности
525 Примечания
536 Библиография
542 Именной указатель

Родрик Брейтвейт

**ЗА МОСКВОЙ-РЕКОЙ
Перевернувшийся мир**

Серия «Культура политика философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Фото *Олега Начинкина*

Редакторы *О. Скрипалёва, Л. Бусуек*
Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.

Подписано в печать 19.04.2004 г. Формат 84х108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 17,25. Тираж 1 500 экз. Заказ № 186.

Московская школа политических исследований.
121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.
e-mail: msps@co.ru
<http://www.msps.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Московская типография № 6»
115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-054-6

9 785938 950542 >